

СЕМЬИЕВИЕ

Нил Стивенсон

«ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ РОМАНОВ
ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ В ЖАНРЕ «ТВЕРДОЙ» НФ».

LIBRARY JOURNAL

fanzon

Annotation

Неожиданная катастрофа обрекла Землю на медленную, но неотвратимую гибель. Нации всего мира объединились для осуществления грандиозного проекта – спасти человечество, отправив его представителей в космос. Но непредсказуемость человеческой натуры вкупе с непредвиденными проблемами губят эту затею, и в живых остается лишь горстка людей... Пять тысяч лет спустя их потомки готовятся к очередному путешествию в неведомый и странный мир, полностью преобразенный катаклизмом и ходом времени. Они возвращаются на Землю.

- [Нил Стивенсон](#)
    -
    - [Часть первая](#)
    - [Часть вторая](#)
    - [Часть третья](#)
    - [Эпилог](#)
    - [От автора](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
-

Нил Стивенсон

Семиевие

Джейми, Мари, Марко и Джеффу

Часть первая

Эпоха одной Луны

Луна взорвалась без предупреждения и без какой-либо видимой причины. Она была во второй четверти, сутки до полнолуния. Все произошло на временной отметке 05:03:12 UTC. Впоследствии этот момент получил обозначение A+0.0.0, или попросту Ноль.

Первым нечто необычное заметил астроном-любитель из Юты. Секунду назад его внимание привлекло туманное пятнышко, расцветшее в окрестности структуры Рейнер Гамма рядом с лунным экватором. Он решил, что это пылевое облако от метеоритного удара. Астроном вытащил телефон и негнуцимися пальцами (поскольку находился на вершине горы, где воздух столь же холоден, сколь и чист) вбил в блог запись о событии, торопясь застолбить приоритет. Другие астрономы вот-вот начнут наводить телескопы на то же самое облако, если уже не навели. Однако у него есть шанс оттрапортовать раньше всех – вот если бы только пальцы двигались чуть быстрее! Тогда ему достанется и слава первооткрывателя. Если метеорит оставит после себя заметный кратер, может статься, этот кратер назовут его именем.

Увы, имя астронома так и осталось безвестным. К тому моменту, как он извлек из кармана телефон, кратера уже не существовало. Равно как и Луны.

Астроном сунул телефон в карман, снова припал к окуляру и чертыхнулся, поскольку увидел лишь коричневатое пятно. Похоже, в спешке сбил фокус. Он принялся вращать колесико настройки. Не помогло.

В конце концов он оторвался от телескопа и попытался найти Луну невооруженным взглядом. И тут же перестал быть ученым, только что сделавшим уникальное открытие, поскольку ничем уже не отличался от миллионов других людей в обеих Америках, ошалело уставившихся на небесное зрелище, подобного которому человечество еще не знало.

Когда планета взрывается в кино, она превращается в огненный шар – и исчезает. С Луной все было по-другому. Агент (такое имя впоследствии получила разрушившая Луну неведомая сила), безусловно, высвободил огромную энергию – но вот для того, чтобы превратить лунную твердь в море пламени, ее даже близко не хватило.

Согласно наиболее популярной теории, облако пыли, которое увидел астроном из Юты, было вызвано ударом. Иными словами, Агент пришел извне, пробил лунную поверхность и дошел до центра, где и взорвался. Не исключено, впрочем, что он прошел Луну насквозь, а разрушительной энергией поделился по дороге. Другая гипотеза утверждала, что взрывное устройство внутри Луны в доисторические времена разместили инопланетяне, а некие заранее заданные условия лишь привели его в действие.

Как бы то ни было, во-первых, Луна раскололась на семь крупных кусков, не считая бесчисленного множества кусочков поменьше. И, во-вторых, все эти куски разошлись в стороны достаточно далеко, так что их – огромные, неровные глыбы – можно было разглядеть по отдельности, хотя и не сказать чтобы совсем разлетелись. Лунные осколки оставались сцеплены гравитацией и теперь, подобно грозди гигантских камней, беспорядочно обращались вокруг общего центра тяжести.

Упомянутый центр, бывший некогда центром Луны, теперь же – лишь абстрактная точка в пространстве, в свою очередь продолжал обращаться вокруг Земли, как и в предшествующие миллиарды лет. Так что сейчас люди на Земле, направляя взгляд туда, где должна находиться Луна, видели на ее месте медленно поворачивающееся созвездие белых глыб.

Точнее говоря, начали видеть, когда осела пыль. Первые несколько часов наблюдалось лишь облако размером чуть побольше прежней Луны. Ближе к рассвету оно побагровело и ушло за горизонт, провожаемое обалделым взглядом астронома из Юты. Над Азией всю ночь висело неясное пятно лунного цвета. Внутри него, по мере того как пыль притягивалась к обломкам, медленно проступали пятна поярче. Европа, как и Америка на следующий день, могла уже наблюдать новое положение вещей во всей его красе – на месте Луны было семь огромных камней.

Прежде чем ученые, военные и политики стали применять термин «Агент» для обозначения того неведомого, что взорвало Луну, обычная публика знала это слово в основном по детективам и боевикам, напичканным всевозможными секретными агентами. Людям более технического склада ума могло быть известно и другое его значение – скажем, «химический агент». Однако ближе всего к тому смыслу, которое это слово будет иметь отныне и навсегда, его употребляли те, кто серьезно занимался фехтованием или боевыми искусствами. Во время тренировки, когда один из бойцов атакует, а его соперник тем или иным способом должен отразить атаку, нападающего кратко называют «агентом», а

защищающегося – «пациентом». Агент действует, пациент пассивен. В данном случае неизвестный Агент атаковал Луну. Луна, а также обитающее в подлунном мире человечество оказались в роли объекта атаки. Быть может, когда-нибудь значительно позже люди снова достигнут такого уровня, чтобы считать себя действующей стороной, агентами. Однако сейчас и в обозримом будущем им уготована роль пациентов.

Семь сестер

Руфус Макуори, управляющий шахтой на Северной Аляске, наблюдал все это поверх черного контура хребта Брукс. В безоблачные ночи Руфус обычно заезжал на своем пикапе на гору, которую днем вместе с подчиненными раскапывал изнутри. Там он доставал из кузова телескоп, двенадцатидюймовый рефлектор Кассегрена, устанавливал его на самой вершине и смотрел на звезды. Промерзнув насквозь, Руфус возвращался в кабину пикапа (двигатель он не глушил) и первым делом пристраивал руки над решеткой вентилятора, чтобы к пальцам возвратилась чувствительность. Это давало ему возможность, пока греются остальные части тела, выходить на связь с друзьями, родными и прочими людьми по всему земному шару.

А также за его пределами.

Когда взорвалась Луна и он сумел себя убедить, что увиденное не плод галлюцинации, Руфус запустил на телефоне приложение, отслеживающее местоположение различных небесных тел, как естественных, так и созданных человеком. Там он отыскал Международную космическую станцию. Выяснилось, что как раз в эти минуты она пролетает над ним на высоте двухсот шестидесяти миль, хотя и на две тысячи миль южнее.

Руфус натянул на колено устройство, которое сам собрал в небольшой мастерской при шахте. Оно представляло собой телеграфный ключ, которому на вид можно было дать лет полтора, закрепленный на выгнутом куске пластика. Все вместе пристегивалось к ноге липучкой. Он принялся отбивать точки и тире. Антенна на бампере пикапа торчала вверх, к звездам.

В двух тысячах миль к югу и на высоте двухсот шестидесяти миль его точки и тире зазвучали из пары дешевых колонок, прицепленных кабельной стяжкой к трубе, проходящей сквозь тесный, похожий на консервную банку модуль Международной космической станции.

С одного конца к МКС был прикручен астероид по имени Амальтея, формой напоминавший продолговатый клубень ямса. Если бы каким-то маловероятным образом его удалось мягко опустить на Землю и уложить на футбольном поле, астероид протянулся бы от одной штрафной площадки до другой, полностью закрыв центральный круг. Предыдущие четыре с половиной миллиарда лет он, невидимый даже в телескоп, обращался вокруг Солнца примерно по той же орбите, что и Земля. Последнее, согласно принятой у астрономов классификации, означало его принадлежность к астероидам класса «Арджуна». Поскольку орбиты их близки к земной, вероятность того, что «арджуна» рано или поздно войдет в атмосферу и упадет в густонаселенном регионе, довольно высока. Впрочем, по той же самой причине подобные астероиды несложно обнаружить, да и добраться до них не так уж тяжело. Оба обстоятельства, приятное и не слишком, обусловили повышенное внимание к ним астрономов.

Рой вооруженных телескопами мини-спутников обнаружил Амальтею пять лет назад. Спутники принадлежали компании «Арджуна Экспедишнз» из Сиэтла, созданной группой техномиллиардеров с целью добычи на астероидах полезных ископаемых. Выяснилось, что Амальтея представляет определенную опасность, поскольку вероятность ее столкновения с Землей в ближайшие столетия составляла около 0,01. Запустили еще один рой спутников, они набросили на астероид сеть и перетащили его на геоцентрическую орбиту (иными словами, Амальтея теперь обращалась вокруг Земли, а не вокруг Солнца), параметры которой постепенно привели в соответствие с орбитой МКС.

Тем временем запланированное расширение МКС продвигалось своим чередом. Новые модули – надувные конструкции и заполненные воздухом жестянки – доставлялись ракетами в космос и крепились по обе стороны станции. Впереди (если воспринимать станцию как летящий вокруг света объект, формой напоминающий птицу, то на ее носу) расположилась структура, ставшая домом для Амальтеи и для исследовательского проекта по разработке астероидов, который должен был вырасти вокруг нее. Сзади, тем временем, соорудили тор – обитаемую структуру в форме бублика около сорока метров в диаметре; этот бублик вращался, словно карусель, чтобы создать хоть немного искусственного тяготения.

В процессе строительства все как-то постепенно перестали пользоваться термином «Международная космическая станция» и начали называть старушку именем «Иззи», произведенным от английской аббревиатуры названия *International Space Station*, ISS. Случайно или нет,

но всплеск популярности нового прозвища совпал с моментом, когда оба конца станции очутились под женским руководством. Дина Макуори, пятый ребенок – и единственная дочь – Руфуса, отвечала практически за все, происходящее в передней части «Иzzi». Айви Сяо осуществляла общее командование над МКС. Ее штаб-квартира находилась на корме, в торе.

Большую часть времени, если не считать сна, Дина проводила на носу «Иzzi», в небольшой лаборатории («в моей мастерской»), откуда через окошко из кварцевого стекла могла видеть Амальтею («мою подружку»). Амальтея была железоникелевой: эти тяжелые элементы, вероятно, составляли горячее ядро древней планеты, давным-давно уничтоженной в некоей доисторической катастрофе. Астероиды других типов состоят из более легкого вещества. С составом Амальтеи вышло точно так же, как и с ее орбитой – он представлял собой недостаток и достоинство одновременно. На то, чтобы двигать по Солнечной системе увесистый кусок металла, ушла уйма усилий, однако для дальнейшего использования он годился как нельзя лучше. Что касается прочих астероидов, некоторые состоят преимущественно из льда и могут служить источником воды для потребления на орбите или, если расщепить ее на водород и кислород – для ракетного топлива. На других много драгоценных металлов, которые можно спустить на Землю и выгодно продать.

А вот железоникелевый объект вроде Амальтеи возможно переплавить и пустить на конструкции для орбитального строительства. Однако подобная задача, если не ограничиваться небольшими лабораторными экспериментами, требовала совершенно новой технологии. О живой рабочей силе следовало забыть – доставка людей на орбиту и обеспечение их жизнедеятельности влетит в копеечку. Сами собой напрашивались роботы. Дина и отправилась на орбиту, чтобы подготовить размещение на «Иzzi» лаборатории робототехники, рассчитанной на шесть исследователей. После очередного раунда бюджетной войны в Вашингтоне выяснилось, что исследователь будет только один.

Собственно, Дину такое положение дел вполне устроило. Ее детство прошло в далеких от цивилизации местностях вроде хребта Брукс на Аляске, пустыни Кару в Южной Африке и региона Пилбара на западе Австралии, где она вместе с отцом, Руфусом, матерью, Кэтрин, и четырьмя братьями переезжала с шахты на шахту. По оттенкам ее акцента можно было изучать географию. Образование Дина получила дома, от родителей, а также от домашних учителей, которых приходилось постоянно завозить – ни один не продержался больше года. Кэтрин учила ее тонкостям игры на пианино и сервировки стола, а Руфус – математике, военной истории,

азбуке Морзе, навигации в безлюдных местностях и тому, как взрывать все и вся. Когда ей исполнилось двенадцать, семья посредством голосования за ужином решила, что для дальнейшей жизни на шахте Дина слишком уж сообразительна и активна, так что ее отправили в дорогую частную школу на восточном побережье Соединенных Штатов. Оказалось – причем до тех пор Дина и не догадывалась ни о чем подобном, – что семья не слишком-то стеснена в средствах.

В школе у нее обнаружился талант футболистки, так что она сумела получить спортивную стипендию в Пенсильванском университете. На втором курсе порванные связки правого колена поставили крест на ее спортивной карьере, и Дина всерьез взялась за геологию. Это обстоятельство плюс три года отношений с молодым человеком, который в свободное время строил роботов, а также многочисленные семейные связи в горнодобывающей индустрии в конечном итоге сделали ее лучшим кандидатом для работы, которой Дина сейчас и занималась. Еще внизу, на твердой земле, она трудилась бок о бок с энтузиастами робототехники – в том числе университетскими учеными, хакерами-железячниками на контракте и официальными сотрудниками «Арджуны», – программируя, тестируя и оценивая на дальнейшую пригодность целый зоопарк роботов размером от таракана до коккер-спаниеля. Все они были оптимизированы для того, чтобы ползать по поверхности Амальтеи, анализировать минеральный состав породы, срезать куски и доставлять их в плавильную печь, также оптимизированную для работы в безвоздушном пространстве. Слитки, вышедшие из этой печи, по весу годились максимум на пресс-папье – но то были первые пресс-папье, изготовленные вне Земли, и сейчас они большей частью придавливали важные документы на столах миллиардеров Кремниевой долины, а их ценность как статусного символа и отправной точки для беседы значительно превосходила цену железа.

Заядлый радиолюбитель Руфус, который все еще переговаривался морзянкой с постепенно редющей командой старинных приятелей, рассеянных по всему свету, обратил внимание дочери на то обстоятельство, что установить радиокontakt между «Иззи» и Землей, если сеанс проходит в условиях прямой видимости (то есть когда «Иззи» пролетает более или менее над головой), совсем несложно, а расстояние по меркам любительской связи и вовсе пустяк. Поскольку Дина дневала и ночевала в лаборатории робототехники в окружении тестеров и паяльников, собрать приемопередатчик по схемам, которые прислал отец, не составило ей большого труда. Сейчас он, закрепленный пластиковой стяжкой прямо на внутренней обшивке, болтался у нее над столом, издавая негромкое

статическое шипение, совершенно неслышное за обычным ревом вентиляционной системы станции. Однако иногда приемник начинал пищать.

Если бы со стороны «Иzzi», где находилась Дина через несколько минут после того, как Агент раздробил Луну, в открытом космосе работал кто-нибудь из обитателей станции, в первую очередь он видел бы Амальтею: огромный, кривой и гнутый кусок металла, местами все еще покрытый космической пылью, которую даже его исчезающе слабое поле тяготения собрало за миллиарды лет, местами – вытертый до блеска. На его поверхности суетились десятка два роботов, принадлежащих к четырем различным биологическим видам: одни были похожи на змей, другие передвигались бочком, словно крабы, третьи напоминали перекачивающийся проволочный глобус, а четвертые походили на рой мелких насекомых. От роботов периодически исходил свет – мигание голубых и белых светодиодов, с помощью которых Дина отслеживала их местонахождение, вспышки лазеров, сканирующих поверхность Амальтеи, и слепящее фиолетовое сияние, когда роботы время от времени вгрызались в породу. «Иzzi» находилась в тени Земли, справа от планеты, и поэтому была погружена в темноту, если не считать света, просачивающегося из кварцевого окошка рядом со столом Дины. Окошко было настолько маленьким, что голова Дины закрывала его почти целиком. Ее соломенные волосы были коротко подстрижены. Она никогда особенно не следила за внешностью: если на шахте ей приходило в голову поэкспериментировать с одеждой или косметикой, братья поднимали ее на смех. Кончилось тем, что в школьной газете о ней однажды отозвались как о «парне в юбке». Дина восприняла это как предупредительный выстрел и переключилась на более девчочковую модель поведения, что и продолжалось, пока лет в двадцать пять она не забеспокоилась, что инженеры на совещаниях не принимают ее всерьез. Работа на «Иzzi» означала, помимо всего, что ты на всеобщем обозрении в Интернете, от профессионально срежиссированных интервью для НАСА и до фоток в Фейсбуке, сделанных коллегами-астронавтами. Дину быстро утомила плавающая в невесомости пышная копна волос. Месяц-другой она носила бейсболку, потом обнаружила, что проблема решается стрижкой покороче. Новая прическа породила в Сети терабайты комментариев от мужчин, а заодно и от пары-тройки женщин, которым, очевидно, было совсем уж нечем заняться.

Как обычно, Дина внимательно следила за экраном компьютера, покрытым строчками кода, отвечающего за поведение ее роботов. Большинство программистов пишут код, компилируют его и запускают

программу, чтобы убедиться, что все функционирует как задумано. Дина писала код, отправляла его роботам, ползающим по поверхности Амальтеи в нескольких метрах от нее, а потом выглядывала в окно, чтобы проверить, как он работает. Ближайшие к окну роботы получали больше внимания, так что происходило нечто вроде естественного отбора: те, кто предпочитал держаться поближе к пристальному взгляду голубых материнских глаз, умнели быстрее, те же, кто норовил забрести подальше на неосвещенную сторону, не особо прибавляли в интеллекте.

Как бы то ни было, Дина уже не первый час переводила глаза то на экран, то на роботов. Пока наконец сквозь шипение динамика, прикрепленного к обшивке, не пробилась цепочка сигналов и взгляд Дины не расфокусировался – ее мозг принялся перекодировать точки и тире в буквы и цифры, которые оказались отцовскими позывными. «Не сейчас, папа», – пробормотала она, бросив виноватый взгляд на телеграфный ключ, который он ей подарил – латунь и мореный дуб, реликт викторианской эпохи, купленный на *eBay* за сумасшедшие деньги, поскольку Руфусу пришлось перебивать многочисленные заявки от университетских музеев и дизайнеров интерьера.

ВЗГЛЯНИ НА ЛУНУ

«Ну не сейчас, папа, я знаю, она красивая, но я тут процедуру никак не отлажу...»

ВЕРНЕЕ НА ТО ЧТО ОТ НЕЕ ОСТАЛОСЬ

«Хм?»

Она подалась к окну, извернувшись, чтобы получше разглядеть Луну. Увидела то, что от нее осталось. И мир изменился.

Его звали доктор Дюбуа Джером Ксавье Харрис. Французское имя досталось ему от родни по материнской линии из Луизианы. Сами Харрисы были афроканадцами, предки которых бежали в Торонто от рабства. Имена Джером и Ксавье принадлежали святым – для верности их было двое. Семейство расселилось по обе стороны американо-канадской границы в районе Детройта. Разумеется, он получил от одноклассников прозвище Дюб, так как в том возрасте никто из них не догадывался, что слово «дюбель» и его производные на сленге означают сигарету с марихуаной. Теперь же подавляющее большинство знало его под именем Док Дюбуа,

поскольку он часто появлялся на телевидении, где его объявляли именно так. Там он объяснял публике научные концепции и, как следствие, служил чем-то вроде громоотвода для тех, кому наука была поперек горла и кто проявлял чудеса туповатой изворотливости в попытках эти концепции опровергнуть.

В научной среде, – скажем, если речь шла о серьезных статьях или астрономических конференциях, – он, разумеется, был доктором Харрисом.

Луна взорвалась, когда Дюб присутствовал на благотворительном приеме в ограде клуба «Атенеум» Калифорнийского технологического института. Вечер только начинался, но обжигающий холодом бело-синий диск уже висел над хребтом Чино-Хиллс. Астроном-любитель мог бы решить, что сегодня прекрасная ночь для наблюдения за Луной, во всяком случае по южнокалифорнийским меркам, однако профессиональный глаз доктора Харриса сразу отметил тонкий дымчатый ободок вдоль лунного диска, и он знал, что наводить туда телескоп бессмысленно. Во всяком случае, в научных целях. К общественной деятельности это, конечно, не относилось – выступая уже скорее в роли Дока Дюбуа, он время от времени устраивал «звездные вечеринки», когда астрономы-любители устанавливали свои телескопы в парке каньона Итон и направляли их на различные занятные объекты, как то – Луну, кольца Сатурна или спутники Юпитера. Вот для этого вечер был бы самый подходящий.

Однако сейчас Дюб занимался совсем другим. Он пил хорошее красное вино в компании состоятельных людей, большей частью принадлежащих к технологическому бизнесу, и был в чистом виде Доком Дюбуа – дружелюбным популяризатором науки из телевизора, у которого четыре миллиона подписчиков в Твиттере. Док Дюбуа прекрасно разбирался в своих слушателях. Он знал, что поднявшиеся с нуля техномагнаты любят поспорить, а аристократы из Пасадены этого, напротив, терпеть не могут, и что дамы из высшего общества не прочь выслушать лекцию – при условии, что она окажется забавной и недлинной. Он также знал, что единственная его задача – поднять гостям настроение, чтобы профессиональным фандрайзерам было потом легче иметь с ними дело.

Он как раз направлялся к бару, чтобы взять еще бокал пино-нуар, целиком в роли Дока Дюбуа, – хлопая одних знакомых по плечу, стучаясь кулаками с другими, одаривая улыбкой третьих, – когда мужчина рядом с ним вдруг громко охнул. Все разом повернулись в его сторону. Дюб испугался было, что в бедолагу угодила шальная пуля или что-нибудь типа того. Мужчина застыл в нелепой позе на одной ноге, его взгляд был

устремлен вверх. Женщина рядом с ним тоже подняла голову – и пронзительно завизжала.

В этот момент Дюб и присоединился к миллионам людей, которые сейчас уставились в небо на темной стороне планеты в столь глубоком шоке, что отделы мозга, отвечающие за высшие функции наподобие речи, у них попросту отключились. Первое, что пришло ему в голову, учитывая, что дело происходило в пределах Большого Лос-Анджелеса – над соседним кварталом незаметно подняли в воздух огромный черный экран, и замаскированный проектор демонстрирует на нем голливудские спецэффекты. Его никто не предупреждал о подобном трюке, однако кто знает – это вполне могло оказаться причудливым гамбитом, рассчитанным на потенциальных жертвователей, или просто рядом снимали кино.

Придя наконец в себя, он понял, что множество мобильных телефонов вокруг одновременно исполняют различные электронные мелодии. Включая его собственный. Первый крик новорожденной эпохи.

Айви Сяо, командир «Иzzi», проводила большую часть времени в торе – во-первых, там располагался ее кабинет, а во-вторых, она переносила невесомость хуже, чем была готова признаться. Расстояние между Айви и Диной – одна на корме, другая на носу, рядом с Амальтеей, – многие воспринимали как символ глубоких различий между ними. Различий, в действительности не существовавших. Контрастов, впрочем, хватало и без того, начиная с внешности: Айви была на десять сантиметров выше, волейбольного телосложения, а длинные черные волосы обычно заплетала в косу, которую прятала под воротник комбинезона. Уроженка Лос-Анджелеса и единственная дочь гиперответственных родителей, Айви благодаря высоким баллам в школе, активной работе в физическом кружке и хорошо поставленной подаче сумела пробиться в Военно-морскую академию в Аннаполисе, а по окончании – защитить диссертацию по прикладной физике в Принстоне. Тут ВМФ потребовал от нее отслужить наконец срок, причитающийся в качестве оплаты за обучение. Научившись управлять вертолетом, Айви провела остальное время в космической программе, где быстро продвинулась по службе. Если большинство астронавтов – инженеры и ученые – приступали к основной работе только на орбите, Айви со своей подготовкой могла одновременно быть специалистом также и летным, то есть вести космический аппарат. Дни шаттлов давно миновали, и необходимости сажать крылатую машину на полосу уже не было. Однако задачи стыковки и маневрирования на орбите также идеально подходили для того, кто имел моторику летчика и

математический ум профессионального физика.

Список достоинств Айви был настолько внушителен, что человека, на которого подобное производило впечатление, мог и отпугнуть. Дина к таким не относилась, и ей было совершенно все равно. В результате недостаток субординации в ее отношениях с Айви кое-кто воспринимал как откровенное неуважение. Конфликт между двумя столь непохожими девушками подразумевал драматическую напряженность – которой в действительности и близко не было. Попытки как экипажа «Иzzi», так и наземного персонала исцелить несуществующую язву неизменно забавляли обеих. Впрочем, когда на основе предполагаемых противоречий пытались плести интриги мадридского двора, становилось уже не так забавно.

Через четыре часа после того, как Луна взорвалась, Дина, Айви и остальные десять членов экипажа Международной космической станции собрались в «банане», как называли не разделенный перегородками длинный участок тора. Большой частью тор был нарублен на сегменты, внутри которых мозг был в состоянии убедить зрение, что пол плоский, а направление силы тяжести постоянно. Длина «банана», однако, позволяла понять, что пол здесь изогнут в виде дуги градусов в пятьдесят. «Сила тяжести» на одном его конце тоже явно была направлена не так, как на противоположном. Соответственно, и стол для совещаний, тянувшийся через весь «банан», тоже изгибался. Тем, кто входил в отсек с одного конца, казалось, что противоположный конец находится «вверху», хотя движение в ту сторону не требовало никаких дополнительных усилий. Новички обычно боялись, что предметы по всей длине стола вот-вот покатятся в их сторону.

Стены здесь были бледно-желтыми. Стандартный набор аудио-видеоаппаратуры, чаще всего не слишком исправной, по замыслу должен был передавать изображения с Земли в режиме прямого включения, теоретически предоставляя возможность телеконференций с коллегами в Хьюстоне, на Байконуре или в Вашингтоне. Когда в А+0.0.4 (то есть спустя ноль лет, ноль дней и четыре часа после того, как Агент разрушил Луну) началось собрание, не работало вообще ничего, так что у обитателей «Иzzi» нашлось несколько минут, чтобы пообщаться между собой, пока Фрэнк Каспер и Джибран Харун перетыкали разъемы, вбивали в компьютеры команды и попросту перезагружали все, что только можно. Фрэнк и Джибран сравнительно недавно прибыли на станцию и неосторожно дали понять, что разбираются в подобной технике – теперь на них все и ездили. Впрочем, обоим это занятие было явно интересней болтовни.

Первое, что услышала Дина, вплывая в комнату, – «реликтовая сингулярность». Сила тяжести в торе была около одной десятой от земной, так что «войти» было бы не совсем правильным термином – главным способом передвижения здесь служили длинные прыжки, нечто среднее между ходьбой и полетом. Словосочетание это произнес Конрад Барт, немецкий астроном. Судя по тому, как все посмотрели на Айви, сидевшую прямо напротив него, она единственная в «банане» хотя бы приблизительно понимала, о чем вообще речь.

– То есть? – сразу же уточнила Дина, что уже стало частью ее обязанностей. Остальные настолько благоговели перед Айви или настолько боялись показаться невеждами, что никогда не решились бы на вопрос.

– Небольшая черная дыра.

– А почему «реликтовая»?

– Большинство черных дыр образуется в результате коллапса звезд, – пояснила Айви, – однако существует теория, что некоторые возникли вскоре после Большого взрыва. Вселенная была неоднородной. И среди неоднородностей могли быть настолько плотные области, что с ними тоже произошел гравитационный коллапс. Такие черные дыры не обязаны весить столько же, сколько звезды, и могут быть значительно меньше.

– Насколько меньше?

– Не думаю, что существует нижний предел. Для нас важно, что такой объект может двигаться в пространстве, никак себя не проявляя, а при встрече с планетой пробить ее насквозь и выйти с другой стороны. Существовала даже теория, что реликтовой черной дырой был Тунгусский метеорит, но ее опровергли.

Дина знала, что это такое, поскольку Тунгусский метеорит был одной из любимых тем отца: чудовищный взрыв на совершенно пустом месте посреди Сибири сотню лет назад, поваливший миллионы деревьев.

– Взрыв там был неслабый, – заметила она, – но на Луну его вряд ли хватило бы.

– Для Луны понадобилась бы дыра побольше, и движущаяся побыстрее, – согласилась Айви. – Послушай, это же пока просто гипотеза!

– И она уже улетела?

– Давным-давно. Как пуля, прошедшая сквозь яблоко.

Дину поразило, как спокойно они обсуждают явление подобного масштаба. С другой стороны, у них не было особого выбора. Эмоциями такое было попросту не объять. Кроме того, пока что все скорее напоминало спецэффект, словно в фильме с выключенным звуком.

– А что теперь будет с приливами? – спросила Лина Феррейра; ей как

специалисту по морской биологии естественно было заинтересоваться этим вопросом. – Их ведь вызывало лунное тяготение?

– Как и солнечное, – кивнула Айви с легкой улыбкой. Вот потому-то станцией и командовала она, а не Дина. Айви могла поправить другого ученого в присутствии десятка коллег, но сделать это так, чтобы исключить даже намек на обиду. – Отвечая на твой вопрос: как ни удивительно, с приливами мало что произойдет. Вся лунная масса осталась практически там же, где и была. Просто в слегка расширившемся виде. Однако совокупный центр масс осколков находится на той же орбите, что прежде Луна. Таблицы приливов пересматривать не придется.

Дина слушала с серьезной миной, но в душе получала огромное удовольствие от того, что Айви, несмотря на всю тревожность ситуации, в разговоре на научные темы сохраняет восхищенный тон юной отличницы. Потому-то Айви так и любили интервьюеры из СМИ. Дину в подобных случаях приходилось буквально вытягивать за уши из логова, которое она делила со своими роботами, да еще раз за разом напоминать, чтобы не забывала улыбаться. По голосу Айви всегда можно было понять, о чем речь. Когда она отдавала распоряжения или выступала с презентациями, в нем звучали отрывистые армейские нотки; если же разговор заходил о науке, ее лицо словно раскрывалось, а речь приобретала почти китайскую напевность.

– Когда ты вообще успела всего этого нахвататься? – наконец поинтересовалась Дина, собрав сразу несколько испуганных или осуждающих взглядов, в которых ясно читалось, что с начальством так не разговаривают. – За каких-то четыре часа или сколько там прошло?

– Сама понимаешь, в соцсетях сейчас все забито комментариями, и в сухом остатке уже есть несколько вполне вменяемых дискуссий, – улыбнулась Айви.

Экран монитора, подвешенный над одним концом длинного стола, вспыхнул синим, потом на нем появилась эмблема НАСА. «То-то же», – пробормотал Джибран, проплывая бочком к своему стулу. Следом перед ними возникла хорошо знакомая обстановка зала управления полетом МКС в Космическом центре имени Джонсона в Хьюстоне. Начальник экспедиции, сидя перед ними, водил пальцами по экрану айпада и, похоже, не подозревал, что камера включена. Через несколько секунд послышался звук открываемой двери. Начальник экспедиции – бывший военный – стремительно вскочил, развернулся направо и обменялся рукопожатиями с появившейся в кадре женщиной. Это была замглавы НАСА, второе лицо во всей организации и редкая гостья на подобных сеансах связи. Звали ее

Аурелия Макки, в прошлом она принадлежала к отряду астронавтов, однако ее нынешний костюм больше подходил для Вашингтона, где Аурелия и проводила большую часть времени.

– Связь есть? – спросила она у кого-то за кадром.

– Да! – откликнулось сразу несколько голосов из «банана».

Аурелия вздрогнула от неожиданности. Сказать по правде, и она, и начальник экспедиции выглядели слегка не в себе. Что не слишком удивляло.

– Как там у вас дела? – механически спросила Аурелия обычным деловым тоном, как если бы ничего не произошло. Это сработал автопилот, в то время как ее мозг пытался разобраться с обилием информации.

Два или три голоса из «банана» ответили: «В порядке!», хотя послышалось и несколько нервных смешков.

– Надеюсь, вы в курсе происшедшего?

– Нам отсюда все отлично видно, – заявила Дина.

Айви бросила на нее предупреждающий взгляд.

– Тоже верно, – согласилась Аурелия. – Я бы с огромным удовольствием побеседовала с вами о том, что вы наблюдали и что обо всем этом думаете. Однако разговору, к сожалению, придется быть кратким. Роберт?

Начальник экспедиции с трудом оторвал взгляд от айпада и выпрямился в кресле:

– Мы ожидаем, что количество камней на орбите в ближайшее время возрастет.

Он имел в виду осколки Луны.

– Не слишком значительно, поскольку гравитация по-прежнему держит их вместе, однако некоторые могут оторваться. Поэтому все полеты откладываются, а вам следует задраить переборки. Приготовьтесь к возможным попаданиям.

Собравшиеся в «банане» молча слушали, перебирая в уме последствия услышанного. Им придется повысить меры предосторожности, разделив «Иззи» на изолированные отсеки, так что разгерметизация одного не будет означать потерю воздуха всей станцией. И пересмотреть многие правила внутреннего распорядка. Биологическими экспериментами Лины, вероятно, придется пожертвовать. У роботов Дины тоже появился шанс отдохнуть.

Аурелия повторила, глядя прямо в камеру:

– Все полеты откладываются на неопределенный срок. К вам никто не летит. И от вас – тоже.

Все в «банане» усталились на Айви.

Оказавшись в крохотном кабинетике Айви, где хозяйка могла позволить себе не скрывать слез, они сразу же перешли на Q-код.

Q-код – это радиолобительский жаргон, которому Дину научил Руфус. Он состоит из трехбуквенных комбинаций, каждая из которых начинается с буквы Q. Чтобы сэкономить время при работе морзянкой, такие комбинации применяются вместо часто встречающихся при радиообмене фраз, вроде «перейдем на другую частоту?».

Правда, Q-коды, которыми пользовались Дина и Айви, не начинались с Q. Но трехбуквенные комбинации среди них были. Так, прозвище «фигова наглая выскочка» прицепилось к Дине в частной школе, когда она чуть ли не на первой футбольной тренировке перехватила пас, отданный девице из Нью-Йорка. Айви же заслужила звание «правильной как гвоздь» в Аннаполисе, отказавшись во время вечеринки на природе состязаться, кто кого перепьет. Возможности, заключенные в сценарии «ФНВ против ПКГ», Дина и Айви всю использовали во время совещаний. Иногда они даже устраивали предсовещания, решая, как лучше разыграть свою карту на этот раз.

Фраза «испортить такую мордашку» явилась результатом предпринятой Диной стрижки и докатилась до нее в результате совершенно невероятной комбинации мейлов, по ошибке отправленных всем адресатам сразу. Дина показала ее Айви, буквально задыхаясь от восторга, и они единогласно удостоили ИТМ места в своей таблице кодов.

«Я забыла», произнесенное на выдохе испуганным детским голоском, служило заменой «Ой, я совсем забыла подправить макияж» – дословная цитата из одной насовской пиарщицы.

КИН стало следствием язвительной переписки между Айви и насовским менеджером, который, получив от Айви очередной отчет, подверг ее критике за «почти патологическое пристрастие к ненужным аббревиатурам». Айви слегка удивилась, поскольку в документации НАСА аббревиатурой или сокращением было едва ли не каждое второе слово. Когда она попросила разъяснений, ответ состоял в том, что ее аббревиатуры «контринтуитивны и неудобочитаемы».

Название «Звездный лагерь» (Айви и Дина ездили туда подростками, хотя и не в одной смене) относилось у них как к «Иззи», так и целиком к насовской субкультуре пилотируемых полетов.

– И как ты теперь все объяснишь Материнскому организму? – поинтересовалась Дина, пока Айви рылась в своем контейнере в поисках

текилы.

Айви застыла на мгновение, потом выудила бутылку и взмахнула ей в сторону Дины, словно намереваясь огреть ту по голове. Дина даже не дернулась, и бутылка плавно остановилась в нескольких сантиметрах от цели.

– Что-то не так?

– Неужели моя свадьба до такой степени принадлежит Моргу, что первая твоя мысль – а что *она* теперь скажет?

Дину бросило в жар.

– Ладно, проехали, – пожала плечами Айви. – Ты забыла.

Про макияж.

– Прости, малыш. Я только хотела сказать... Все равно ведь вы с Кэлом поженитесь, и все у вас будет замечательно!

– Но Морг, конечно, придется несладко, – кивнула Айви, разливая текилу в маленькие пластиковые мензурки. – Ей теперь все заново планировать.

– По-моему, тут она будет в своей стихии, – заметила Дина. – Я в хорошем смысле, если что.

– Целиком и полностью.

– За Морг!

– За Морг! – Дина и Айви чокнулись мензурками и глотнули текилы.

Одним из бесплатных преимуществ тора было то обстоятельство, что жидкость здесь можно было просто пить, а не всасывать через трубочку. Питье при пониженной гравитации тоже представляло определенную сложность, но тут они давно успели натренироваться.

– А твоя-то семья как? От Руфуса что-нибудь было? – спросила Айви.

– Папа жаждет получить свежие, даже еще не обработанные файлы Конрада. Он читал в Интернете про его широкоугольный инфракрасный телескоп и рассчитывает удовлетворить свое любопытство насчет той штуки, которая врезалась в Луну.

– Будешь их ему передавать морзянкой?

– У него Интернет есть. Он уже создал пустую папку в дроббоксе. А когда я вышлю файлы, он опять станет ворчать насчет налогов. Дескать, федеральное правительство слишком разрослось. Дай папе волю, он его урежет как раз до такого размера, чтобы остатки можно было затоптать насмерть шахтерскими ботинками.

Известное астрономам – по сути, величина бесконечно малая по отношению к тому, что им пока неизвестно. Люди, однако, привыкли к

более упорядоченному знанию, когда все можно найти в Википедии. Всякий раз, когда в небе происходит что-нибудь необычное, у них возникает ощущение, что астрономы не вполне компетентны или как минимум не справляются со своими обязанностями.

А происходит такое буквально каждый день, но обычно видят его лишь сами астрономы, так что это остается своего рода внутрицеховой тайной. Однако в совсем уж очевидных случаях, наподобие падения метеорита, телефон Дока Дюбуа начинал петь. Пение это, как правило, предвещало выступления на различных ток-шоу, где в числе прочего у него станут спрашивать, почему астрономы не предсказали метеорит. Они что же, не знали, что он на подлете? И не следует ли отсюда, что на деле все эти умники ни на что не годятся?

В таких случаях на удивление хорошо работает покаянный вид, и, если его не обрывали слишком рано, Дюб обычно даже успевал вернуть, что здесь от правительства требуется дополнительное финансирование. Обывателю могут быть безразличны звезды Вольфа-Райе в скоплении Пяти Близнецов, но ему вполне очевидно, что от падающих на голову раскаленных камней лучше бы побережся.

Дюб говорил о «разрушении Луны», избегая слова «взрыв». Термин уже начал набирать популярность в Твиттере, даже обзавелся хештегом. Впрочем, независимо от названия, это было вовсе не какое-нибудь там падение метеорита. Казалось бы, и объяснений требовалось побольше. Однако объяснений-то пока и не было. С метеоритами все было просто – в космосе полно камней, неразличимых в телескоп, иногда они входят в атмосферу и падают на Землю. Но ни одно известное астрономическое явление не могло разрушить Луну! Док Дюбуа, который провел большую часть недели перед камерами, подчеркивал это при всякой возможности и в начале каждого выступления честно заявлял, что причину не знает ни он сам, ни любой другой астроном. Этим он сразу бил в самую точку. А потом смещал угол зрения, заявляя – и это поразительно! По существу это самое поразительное научное событие за всю историю человечества! Событие грозное и пугающее, однако следует отметить, что в результате никто не погиб, если не считать нескольких водителей, вертевших головой так, что слетели с дороги или врезались в машину впереди.

В A+0.4.16 (через четыре дня и шестнадцать часов после разрушения Луны) от утверждения «никто не погиб» пришлось отказаться. Метеорит, почти наверняка – осколок Луны, вошел в атмосферу над Перу. Двадцатимильная траектория, вдоль которой в домах повылетали стекла, завершилась прямым попаданием в ферму, где проживало небольшое

семейство.

Основной текст выступлений от этого не изменился – давайте рассматривать все как научное явление, и начнем с того, что нам уже известно. Здесь ему на помощь приходил сайт прямой трансляции *astronomicalbodiesformerlyknownasthemoon.com*

(*небесное тело ранее известное как луна точка ком*), который в режиме реального времени передавал картинку в высоком разрешении. При первой же возможности в ходе интервью Док Дюбуа вызывал сайт на экран и начинал описывать свои наблюдения за облаком осколков. Процесс наблюдения действовал на зрителей успокаивающе. Итак, Луна раскололась на семь крупных обломков, естественно, получивших в совокупности название Семи Сестер, и на бесчисленное множество осколков поменьше. Крупные обломки со временем обрели собственные имена. Большинство – при участии Дока Дюбуа. Он старался выбирать имена описательные и нестрашные, поскольку такие названия, как Немезида, Мордор или Молот Тора, ничего хорошего не сулили. Вместо этого в небе появились Картошка, Волчок, Желудь, Персиковая Косточка, Ковш, Толстяк и Фасолина. Док Дюбуа показывал каждую из Сестер, обращая внимание аудитории на то, как они движутся. Движение обломков можно было полностью описать в рамках ньютоновской механики. Каждый притягивался к остальным с силой, зависящей от массы и расстояния. Все легко моделировалось на компьютере. Объекты в облаке были надежно связаны между собой гравитационными силами, а те слишком быстрые и мелкие осколки, которых это не касалось, давно уже разлетелись. Остальное плыло по орбите бесформенной кучей щебня. Время от времени камни сталкивались. Со временем куча станет плотней, и Луна начнет формироваться заново.

Во всяком случае такова была общепринятая теория до звездной вечеринки, состоявшейся посреди кампуса Калифорнийского технологического в A+0.7.0, ровно неделю спустя.

Обычно звездные вечеринки устраивают на вершинах, где видимость получше, однако гигантские камни неподалеку от Земли были видны так хорошо, что тащить всех в горы не имело смысла. Это сработало бы против самой идеи вечеринки, которая как раз и заключалась в том, чтобы как можно больше далеких от науки людей в непринужденной обстановке понаблюдали в телескоп за небесными телами. Лужайку Бекман-молл окружили желтые школьные автобусы, между ними тут и там припарковались фургоны местных и федеральных телеканалов, выставившие мачты антенн, чтобы вести прямой репортаж. На фоне

зеленой лужайки, уставленной телескопами всех видов и размеров, в кругах света расположились телеведущие. Гостям предлагали тоненькие колоды из семи карт, на которых были в разных ракурсах изображены крупные обломки с указанием имени. Детям в школах раздали листки с заданиями, от них требовалось рассмотреть каждый обломок в телескоп, сделать в листке отметку и записать рядом свои наблюдения. Само собой, большая часть телескопов была направлена на Семь Сестер, однако группа зрителей следила в бинокли или просто невооруженным глазом за темной частью неба в надежде увидеть метеорит. По состоянию на День 7 в атмосферу уже вошло несколько сотен. Во всяком случае, достаточно заметных. Большая часть сгорела в верхних слоях. Раз двадцать метеориты прочертили через небо яркую дугу, освещая землю под собой странным голубоватым светом, и вызвали громкую ударную волну. Штук пять врезалось в землю с более или менее тяжкими последствиями, однако жертв все еще оставалось существенно меньше, чем погибших от нападения акул или удара молнии – числа сами по себе на уровне статистического шума.

Вечер проходил по плану. Дюб, сам вырастивший троих детей, давно уже понял, что любому событию, в организации которого активно участвуют учителя начальных школ, в плане логистики и управления людскими потоками успех гарантирован. Поэтому он вполне мог позволить себе расслабиться и быть просто Доком – подписывать для детей карточки с изображениями Семи сестер и время от времени переключаться в режим доктора Харриса, если навстречу попадался коллега-астроном.

За вечер он трижды столкнулся с одной и той же учительницей начальных классов по имени мисс Инохоса – и влюбился. Что было крайне необычно. Он ни в кого не влюблялся уже двенадцать лет, девять из которых был в разводе. Шок оказался в некотором роде сравним с шоком от распада Луны. Дюб попытался справиться с ним тем же способом, а именно – посредством научных наблюдений. Рабочая гипотеза состояла в том, что в результате разрушения Луны он снова помолодел, ороговевшие слои эмоциональных мозолей отпали с его души, а обнажившееся сердце, розовое и чувствительное, было готово покориться первой же встречной привлекательной женщине.

Он как раз беседовал с Амелией – выяснилось, что ее зовут Амелия, – когда по лужайке порывом ветерка пронесся негромкий ропот, заставивший всех поднять голову.

Два крупных обломка – Ковш и Фасолина – двигались навстречу друг другу. Подобные столкновения уже случались. Точнее говоря, они

случались постоянно. Но вид двух огромных глыб, сближающихся столь стремительно, был необычным и обещал яркое зрелище. Дюб попытался унять внезапное беспокойство – быть может, обусловленное его встречей с Амелией, или же просто естественный трепет, который человек в здравом рассудке невольно испытывает, когда прямо у него над головой вот-вот столкнутся две гигантские скалы. Кстати, радовало уже то, что люди стали воспринимать поведение роя обломков у себя над головой как разновидность спортивного зрелища, смотреть на него с восхищением, а не с ужасом.

Острый край Ковша врезался в выемку, давшую Фасолине имя, и расколол ее пополам. Разумеется, все произошло беззвучно и словно в замедленном воспроизведении.

– И их осталось восемь! – провозгласила Амелия. Повинуясь педагогическому инстинкту, она отвернулась от Дюба к своему выводку из двадцати двух школьников. – Что же случилось с Фасолиной? – громко спросила Амелия по-учительски, высматривая поднятые руки, выбирая, кого же вызвать. – Кто нам скажет?

Дети уныло молчали и вообще имели довольно тоскливый вид.

Амелия подняла над головой карту с Фасолиной и разорвала ее надвое.

Доктор Харрис уже шагал к машине. В кармане зазвонил мобильный, и он от неожиданности чуть не врезался в школьный автобус. Что с ним такое? Кожу на голове колело, и он вдруг осознал, что это волосы пытаются встать дыбом. Экран телефона сообщил, что звонит коллега из Манчестера. Дюб отменил вызов и обнаружил перед собой форму ввода нового контакта, который только что создал для Амелии: ее снимок, не более чем силуэт на фоне телевизионных прожекторов, и номер телефона. Он нажал на кнопку «Подтвердить».

Такое покалывание кожи на голове он однажды уже чувствовал, когда во время сафари в Танзании случайно обернулся и вдруг обнаружил, что за ним с интересом наблюдает стая гиен. Однако испугала его не сама стая – и гиен, и более опасных хищников там было полно. Дело было скорее во внезапном осознании собственной незащитности, того, что он смотрит совсем не туда, пока настоящая опасность ходит кругами у него за спиной.

Он потратил целую неделю, пытаясь решить увлекательную научную загадку «Отчего взорвалась Луна?».

Это было ошибкой.

– Надо перестать задаваться вопросом, что случилось, и начать говорить о том, что должно случиться, – объявил доктор Харрис, адресуясь к президенту Соединенных Штатов, советнику президента по науке, председателю Комитета начальников штабов и примерно половине кабинета министров.

Было заметно, что президент от этого не в восторге. Джулия Блисс Флаэрти. На данный момент около года в должности.

Председатель КНШ кивнул, однако президент Флаэрти смотрела исподлобья, и вовсе не потому, что в глаза ей светило сквозь окно яркое солнце Кемп-Дэвида. Она подозревала, что он что-то задумал. Будет сваливать на кого-то вину. Продвигать какой-то потайной замысел.

– Продолжайте! – потребовала она. Потом, вспомнив о манерах, добавила: – Доктор Харрис.

– Четыре дня назад на моих глазах раскололась надвое Фасолина, – сказал Дюб. – Семь сестер превратились в восемь. За это время еще одно столкновение чуть не раздробило Волчок.

– Если бы в результате столкновений мы избавились от этих дурацких имен, – заметила президент, – я была бы скорее рада.

– Мы еще избавимся, – сообщил Дюб. – Пока что зададимся вопросом – сколько осталось жить Волчку? И какие из этого следуют выводы.

Он щелкнул кнопкой на пульте и вывел на экран слайд. Все повернулись к экрану, и Дюб испытал некоторое облегчение оттого, что президент больше не сверлит его взглядом. На слайде были изображения катящегося под гору снежного кома, бактериальной культуры в чашке Петри, грибовидного облака и еще нескольких вроде бы не связанных между собой явлений.

– Какова связь между этими процессами? – спросил Дюб и сам ответил: – Их рост экспоненциален. Это слово сплошь и рядом употребляют, чтобы сказать – что-то растет очень быстро. Однако у него есть и строгое математическое значение. Речь о процессе, который происходит, так сказать, чем быстрее, тем быстрее. Взрывной рост населения. Ядерная цепная реакция. Снежный ком, который растет тем стремительней, чем больше уже вырос. – Он переключился на следующий слайд, на котором были графики экспонент, затем – на изображение восьми осколков Луны. – Пока Луна была одним объектом, вероятность столкновения равнялась нулю.

– Потому что сталкиваться было не с чем, – пояснил Пит Старлинг, советник по науке.

Президент кивнула.

– Благодарю вас, доктор Старлинг. Если кусков два, то да, появляется и возможность столкновения. И чем больше кусков, тем больше вероятность, что один из них врежется в другой. Но что произойдет при столкновении? – Дюб нажал кнопку и воспроизвел ролик, запечатлевший разрушение Фасолины. – То, что иногда, хотя и не всегда, они распадаются надвое. Это означает, что кусков становится больше. Восемь вместо семи. А раз объектов больше, то больше и вероятность столкновения.

– Экспоненциальный процесс, – кивнул председатель КНШ.

– Четыре дня назад я осознал, что перед нами – все признаки экспоненциального процесса, – согласился Дюб. – А к чему они ведут, нам известно.

Президент Флаэрти все это время не сводила с него глаз, однако сейчас отвлеклась на Пита Старлинга, который драматически повел рукой снизу вверх, словно очерчивая хоккейную клюшку.

– Когда график экспоненты проходит через изгиб, – продолжил Дюб, – это действительно похоже на хоккейную клюшку, а результат ничем не отличается от взрыва. Хотя для нас то же самое может выглядеть как постепенный, медленный рост. Все зависит от временного параметра, то есть от «скорости» экспоненциального процесса. И от нашего, человеческого восприятия этой скорости.

– Так что, возможно, ничего не произойдет? – уточнил председатель КНШ.

– Возможно, для того, чтобы восемь кусков превратились в девять, потребуется сотня лет, – кивнул Дюб, – однако четыре дня назад у меня возникло беспокойство, что речь все-таки о взрывообразном процессе. Так что мы – я и мои аспиранты – уселись за компьютерные расчеты. И построили математическую модель, чтобы оценить временные масштабы.

– И к каким выводам вы пришли, доктор Харрис? Поскольку вы, надо полагать, пришли к выводам, иначе бы вас здесь не было.

– Хорошая новость заключается в том, что Земля обзаведется великолепной системой колец, не хуже, чем у Сатурна. Плохая новость – этот процесс породит много мусора.

– Иными словами, – продолжил за него Пит Старлинг, – осколки Луны будут сталкиваться до бесконечности, в процессе разрушаясь и становясь все меньше и меньше, пока не превратятся в систему колец. Однако часть камней упадет при этом на Землю и может натворить бед.

– И вы готовы сообщить мне, доктор Харрис, когда все это произойдет? И сколько времени займет весь процесс? – спросила президент.

– Мы продолжаем собирать данные и уточнять параметры модели, – сказал Дюб, – так что теперешние оценки могут ошибаться вдвое, если не втрое. С экспонентами в этом смысле непросто. Но пока что для меня все выглядит вот так.

Он вывел на экран очередной график: синяя кривая, медленно, но верно ползущая вверх.

– Временной интервал составляет примерно от года до трех лет. В течение этого периода количество столкновений, как и количество осколков, будут постепенно расти.

– Что такое СФБ? – сразу же спросил Пит Старлинг.

Эти буквы значились рядом с вертикальной осью графика.

– Скорость фрагментации болидов, – ответил Дюб. – То, как быстро образуются новые осколки.

– Это что, общепринятый термин? – требовательно уточнил Пит. Тон его, впрочем, был скорее нервным, чем открыто враждебным.

– Нет, – сообщил Дюб. – Это я его придумал. Вчера. Пока летел на самолете.

Он чуть было не добавил что-то в духе «я имею право вводить новую терминологию», но решил, что совещание еще только началось и есть смысл быть повежливей.

Его ответ заставил Пита умолкнуть, хотя и неизвестно, надолго ли, и Дюб попытался восстановить утраченный было ритм презентации.

– Метеориты будут падать все чаще и чаще. Некоторые приведут к значительным разрушениям. Но в целом жизнь не слишком изменится. Однако затем, – он нажал на кнопку, и кривая на графике, сделавшись белой, резко устремилась вверх, – мы станем свидетелями явления, которое я назвал Белые Небеса. Все произойдет за несколько часов, максимум – несколько суток. Система отдельных планетоидов, которую мы наблюдаем сейчас, перемелет себя в огромное количество значительно более мелких объектов. Это будет похоже на белое облако, которое быстро распространится и заполнит собой все небо.

Еще нажатие кнопки. Кривая на графике устремилась к новым высотам. Теперь она стала красной.

– Через сутки или двое после Белых Небес начнется то, что я назвал Каменным Ливнем. Поскольку на орбите останутся не все осколки. Некоторые упадут на Землю.

Дюб выключил проектор. Вообще-то так не принято, но в результате зрители словно очнулись от слайдового гипноза и посмотрели на докладчика. Правда, секретари и порученцы у дальней стены так и не

оторвались от экранов своих телефонов, но это как раз было неважно.

– Говоря «некоторые», – уточнил Дюб, – я имею в виду триллионы.

Никто не проронил ни слова.

– Земля подвергнется метеоритной бомбардировке такой силы, которой она не испытывала с глубокой древности, когда Солнечная система только формировалась, – продолжал Дюб. – Вы видели яркие следы, которые последнее время оставляют в небе метеоры? Их будет столько, что они сольются в сплошной огненный купол, и все, что окажется под ним, тоже воспламенится. Вся земная поверхность будет стерилизована. Ледники вскипят и испарятся. Уцелеть сможет только тот, кто окажется вне атмосферы. Поднявшись в космос либо зарывшись под землю.

– Что ж, если так, то это действительно плохие новости, – произнесла президент.

Некоторое время – может, минуту, может, и все пять – присутствующие сидели молча, переваривая услышанное.

– Мы применим оба способа, – прервала наконец молчание президент. – Космический и подземный. Второй, очевидно, будет проще.

– Да.

– Мы немедленно займемся строительством бункеров для... – президент прикусила язык, почувствовав, что фраза выйдет неполиткорректной. – Для того чтобы люди могли в них укрыться.

Дюб ничего не сказал.

– У меня немалый интендантский опыт, – заговорил председатель КНШ. – Доктор Харрис, я привык мыслить снабженческими категориями. Я хочу знать, сколько припасов нам потребуется под землей. Мешков картошки и рулонов туалетной бумаги в пересчете на одного обитателя бункера. Иными словами, мой вопрос означает следующее – сколько продлится Каменный Ливень?

– По моим оценкам – от пяти до десяти тысяч лет, – ответил Дюб.

– Никто из вас никогда не ступит на твердую землю, не обнимет любимых, не вдохнет полной грудью воздух родной планеты, – объявила президент. – Судьба, которой не позавидуешь. Однако она намного лучше той, что ждет семь миллиардов человек, которым некуда деться с Земли. Ваш поезд ушел. С этого момента корабли будут запускаться на орбиту, но в ближайшие десять тысяч лет ни один не приземлится обратно.

Двенадцать мужчин и женщин в «банане» слушали молча. Как и в случае с разрушением Луны, новость была слишком огромной, чтобы ее воспринять, слишком всеобъемлющей, чтобы оставить место для

человеческих чувств. Так что Дина сосредоточилась на мелочах. Например: как, однако, Джей-Би-Эф – то есть госпожа президент – чертовски хорошо годится именно для подобного рода заявлений.

– Доктор Харрис... – начал астроном Конрад Барт. – Госпожа президент, прошу прощения, нельзя ли сделать так, чтобы доктор Харрис вернулся в кадр.

– О, разумеется, – ответила Джулия Блисс Флаэрти и нехотя сместилась в сторону, уступая место более массивной фигуре доктора Харриса.

Дина подумала, что по сравнению с известной всей планете телеперсоной тот как-то увял и ссохся. Потом вспомнила, что он рассказал им несколько минут назад, и сама устыдилась таких мыслей. Каково это – единственному на Земле понимать, что планета обречена?

– Да, Конрад?

– Дюб, я не стану спорить с твоими вычислениями. Однако подвергались ли они независимой проверке? Не может быть такого, что в них вкралась элементарная ошибка – десятичная запятая не на месте или что-нибудь вроде того?

– Наши разведслужбы сообщают, что, судя по данным перехвата, китайцы обнаружили то же самое примерно сутки назад, – вмешалась президент. – Англичане, индийцы, французы, немцы, русские, японцы – везде ученые приходят более или менее к тем же выводам.

– Два года? – вырвалось вдруг у Дины. Голос ее прозвучал надломанно и хрипло. – А потом – Белые Небеса?

– Похоже, все ученые сходятся на этой цифре, – ответил доктор Харрис. – Двадцать пять месяцев плюс-минус два.

– Понимаю, как вы потрясены, – снова перебила его президент. – Но я хотела, чтобы члены экипажа МКС узнали обо всем в числе первых. Поскольку вы мне нужны. Мы, народ Соединенных Штатов и люди Земли, нуждаемся в вас.

– Для чего? – спросила Дина. Вообще-то она не имела никакого права говорить от имени двенадцати человек экипажа. Для этого существовала Айви. Но Дине хватило одного взгляда, чтобы понять – Айви сейчас не до того.

– Мы начинаем переговоры с нашими партнерами из других космических держав о создании ковчега, – ответила президент. – Хранилища всего генетического материала Земли. На то, чтобы его построить, у нас есть два года. За эти два года мы отправим на орбиту столько людей и оборудования, сколько сможем. «Иzzi» станет ядром

будущего ковчега.

Как ни абсурдно, услышав, что президент назвала МКС неофициальным прозвищем, Дина почувствовала легкий укол раздражения. Впрочем, она прекрасно понимала, в чем тут дело – все-таки достаточно долго общалась с насовскими пиарщиками. Технологии срочно требовалось очеловечить, дать всему милые, уютные имена. Перепуганным, знающим, что они скоро умрут детям внизу будут показывать бодрые видео о том, как «Иzzi» пронесет наследие мертвой планеты сквозь Каменный Ливень. Дети возьмут фломастеры и станут рисовать «Иzzi» – тор в виде нимба и огромный камень на заднице, а стыковочный узел на боку русского служебного модуля «Звезда» сойдет за улыбающуюся рожицу.

Айви наконец открыла рот и заговорила. Две недели назад она заметно расстроилась, узнав, что свадьбу придется отложить. Теперь ей сообщили, что ее жених – капитан первого ранга ВМФ США Кэл Бланкеншип – живой труп, что она никогда за него не выйдет, никогда не обнимет его и даже не увидит кроме как по видеосвязи. И что то же самое относится ко всем остальным ее близким. Сейчас Айви выглядела слегка пришибленной.

– Госпожа президент, – произнесла она напевно, – вам, без сомнения, известно, что станция способна принять очень ограниченное количество дополнительного персонала. Думается, здесь есть что обсудить.

– Простите, госпожа президент, могу я ответить? – вмешался доктор Харрис.

Дина успела заметить, как глаза президента сверкнули, а на ее лице мелькнуло шокированное выражение. Президента Соединенных Штатов перебили. Оттерли в сторону. У женщины, пробившейся на самую вершину, надо полагать, именно в этой области нервные окончания имели особую чувствительность.

Только все было не совсем так. Вопрос, который задала себе Джей-Би-Эф, был не: «Как он посмел меня перебить только потому, потому что я женщина?» Время таких вопросов уже прошло. Вероятно, она спрашивала себя: «Неужели пост президента США уже ничего не значит?»

– Лина, вы здесь? – спросил доктор Харрис. – Будьте добры, разверните камеру так, чтобы... ага, вот вы где! Лина, я читал ваши работы о групповом поведении карибских рыб. Классные статьи!

– Не знала, что подводный мир вас тоже интересует, – откликнулась Лина Феррейра. – Благодарю вас.

Странное существо человек, подумала Дина. В такой момент – и подобные разговоры.

– А видео просто поразительные! Рыбы движутся плотной стаей, пока не встретят хищника. В этот момент в середине стаи образуется отверстие, и хищник проходит насквозь, так и не поймав ни одной рыбы. Мгновение спустя стая – вновь единое целое. На самом деле пока еще ничего не решено, но...

– Но вы хотите использовать роевое поведение для ковчега?

– Проект, который мы рассматриваем, называется «Облачный Ковчег», – снова вступила в разговор президент. – И да, вы все поняли правильно. Вместо того чтобы сложить все яйца в одну корзину...

– Яйца и сперматозоиды, – пробормотал со своим ланкаширским акцентом Джигран так тихо, что никто, кроме Дины, его не услышал.

– ...мы воспользуемся распределенной архитектурой, – Джей-Би-Эф подчеркнула последние слова чуть больше, чем следовало; можно было заподозрить, что она сама впервые их услышала минут десять назад. – Каждый из кораблей Облачного Ковчега будет в определенной степени независим. Как мне объяснили, производство поставят на конвейер и станут запускать их в космос с максимально возможной частотой. Они образуют вокруг «Иzzi» подобие роя. В безопасной ситуации они будут соединяться друг с другом, словно детали конструктора, и люди смогут свободно переходить с корабля на корабль. Но как только приблизится метеорит – вжух! – Она растопырила пальцы, ногти, покрытые багровым лаком, устремились врассыпную друг от друга.

«А сама «Иzzi»?» – подумала Дина. Ей хватило рассудка пока не озвучивать этот вопрос.

– Чтобы к этому подготовиться, для всех вас найдется работа, – сказала президент. – Поэтому я попросила директора присутствовать на телеконференции. – Она имела в виду Скотта Спалдинга, директора НАСА. – Я передаю слово Спарки, который введет каждого в курс дела. Как вы понимаете, у меня есть и другие неотложные заботы, так что на сегодня я вынуждена с вами распрощаться.

Двенадцать человек в «банане» пробормотали положенные в данном случае слова благодарности, что позволило президенту покинуть конференц-зал, из которого была организована передача. Кто-то принялся вертеть камеру, пока в ее поле зрения не оказался Скотт Спалдинг. Тот успел где-то раздобыть приличный пиджак, однако галстука на нем не было и, вероятно, уже никогда в жизни не будет. В молодости Спарки должен был участвовать в полете «Аполлона», отмененном в ходе бюджетных сокращений в начале семидесятых. Отряд астронавтов он не покинул, а за время последовавшего перерыва в полетах сумел защитить диссертацию.

Невезение продолжилось – полет Спарки на «Скайлэб» тоже отменился, поскольку станция преждевременно вошла в плотные слои атмосферы. Его упорство наконец принесло плоды в восьмидесятых, когда после ряда миссий на шаттлах он сделался кем-то вроде гроссмейстера корпуса астронавтов, одинаково способного чинить солнечные батареи и цитировать наизусть Райнера Марию Рильке. Следующие лет двадцать он работал в различных техностартапах, успешных и не очень, а директором НАСА стал не так давно в процессе малопонятной реорганизации агентства. Большинство находившихся в «банане» считали его неплохим парнем, пусть и немного себе на уме, и в целом рассчитывали, случись серьезная нужда, на его поддержку.

Трудно сказать, какие именно строки Рильке, по мнению Спарки, отвечали нынешнему моменту, но когда камера развернулась и автоматически сфокусировалась на его одутловатом морщинистом лице, на мгновение возникло впечатление, что он сейчас и впрямь изречет цитату. Потом Спарки встряхнулся и уставился светло-голубыми глазами прямо в объектив:

– Слов у меня не хватает, поэтому сразу к делу. Айви, командование остается на тебе. Никого лучше у меня нет. Твоя задача – руководить происходящим наверху, держать связь с Землей, сообщать нам о ваших потребностях и проблемах. Если помимо этого тебе вдруг окажется нечем заняться, дай мне знать, и я подберу тебе хобби, – и он подмигнул.

Затем Спарки прошелся по всему списку.

Фрэнк Каспер, инженер-электронщик из Канады, и Спенсер Грайндстафф, американский специалист в области телекоммуникаций, чье присутствие на станции было, по всей видимости, связано с разведкой, должны были развернуть сетевую инфраструктуру, необходимую для деятельности Облачного Ковчега. Джибран, техник по обслуживанию научной аппаратуры, на которого в любом случае постоянно сыпались такого рода задания, придавался им в помощь.

Федор Пантелеймонов, седовласый специалист по работам в открытом космосе, и Зик Питерсен, пилот американских ВВС, больше похожий на юношу, но тоже прошедший не одну смену в скафандре, начинали готовиться к прибытию новых модулей – которые, как их заверили, будут разработаны и изготовлены с нехарактерной для НАСА скоростью и начнут прибывать меньше чем через месяц. Дине такой оптимизм показался смехотворным, пока она не вспомнила, что на это будут брошены практически все земные ресурсы.

Конрада Барта попросили задержаться после совещания для беседы с

Дюбом. Было очевидно, что его задача – перенацелить все до одного астрономические приборы на борту на обнаружение представляющих угрозу камней. Эту тему явно никто не желал обсуждать в подробностях. Какого бы размера осколок ни попал в «Иззи», все будет кончено. В этом смысле особого предмета для обсуждения действительно не было.

Представители биологических наук включали в себя Лину Феррейру, австралийку Маргарет Колан, изучавшую влияние космических полетов на человеческий организм, и Дзюна Уэду, японского биофизика, который проводил эксперименты по влиянию космического излучения на живую ткань. В общем смысле к ним можно было отнести и Марко Альдебранди, итальянского инженера, чья работа имела более практический характер и заключалась в поддержке систем жизнеобеспечения, без которых все они бы долго не протянули. Из этой четверки Лина имела особый статус, поскольку за ее плечами были исследования роевого поведения. На станции она занималась совсем другим, однако сейчас должна была стряхнуть пыль со своих прежних умений и сделать их своей основной профессией. Спарки выдал ей карт-бланш на то, чтобы забиться куда-нибудь в укромный уголок и какое-то время загружать в мозг статьи по теме, пока она полностью не войдет в курс последних достижений. Маргарет и Дзюну приказали забыть про абстрактные научные задачи и под руководством Марко готовить «Иззи» к значительному приросту населения.

Одиннадцать человек из двенадцати. К Дине Спарки за все время не обратился ни разу.

Она никогда не чувствовала себя на совещаниях особенно уютно и каждый раз, занимая место в конференц-зале, испытывала желание сделать вид, будто ее здесь нет. Поскольку Дина полностью отдавала себе в этом отчет, желание это превратилось в своего рода самоисполняющееся пророчество. Так было всегда. Наступающий конец света ничего не менял. Пока Спарки шел по списку, объявляя каждому по очереди, чем они будут заниматься в предстоящие недели, Дине казалось, что всеобщее внимание все больше и больше сосредотачивается на ней – именно потому, что ей-то до сих пор никакого внимания не уделили. Когда прозвучали имена Маргарет, Дзюна и Марко, стало ясно, что в списке Спарки Дина последняя, и у нее осталось время подумать о том, что это означает, пока они получали свои инструкции. Поскольку Дина была Диной, она в первый миг предположила: ее задание настолько важное, что его приберегли напоследок, однако к тому времени, когда Спарки наконец произнес ее имя, она успела прийти к прямо противоположному выводу. Сердце ее

отчаянно колотилось, кончики пальцев кололо, во рту пересохло.

– Дина, – начал Спарки, – ты у нас самая незаменимая.

Она прекрасно поняла, что это означает на бюрократическом языке: будь у нас такое право, мы бы просто выкинули тебя за борт.

– У тебя уникальный набор квалификаций, и мы все ценим твое отношение к работе.

До сих пор он ничье отношение к работе даже словом не упомянул.

– Как мы понимаем, добыча ископаемых на астероидах, которой ты посвятила свою карьеру, – долговременный проект. Однако сейчас все мы решаем краткосрочные задачи.

– Это мне ясно.

– Твое задание: помогать Айви и приглядываться, где твои великолепные умения будут полезны остальным. У Федора и Зика всего по две руки для работы в открытом космосе. Могут твои роботы им пособить?

– Если вдруг потребуется резать железо, они справятся просто замечательно, – хмыкнула Дина.

– Вот и хорошо, – кивнул Спарки, пропустив весь заряд сарказма мимо ушей. В уме он уже закончил беседу с ней и переждал несколько мгновений, полагающихся на ничего не значащие шутки, чтобы потом перейти к отдельному совещанию с Дюбом и Конрадом.

Дину это задело. Только разве может она позволить себе эмоции в такой момент?

Возможно, дело в том, что для эмоций имеется веская причина.

Она уже открыла рот, чтобы попрощаться со Спарки – и передумала.

– Минутку. Я не спорю с тем, что вы сказали насчет краткосрочных задач. Я все прекрасно понимаю. Но если, а вернее, когда этот Облачный Ковчег заработает, вы ведь сами знаете, какая следующая цель?

Спарки такой ответ не обрадовал. Но он скорее удивился, чем осерчал.

– И какая же?

– Людям надо где-то жить. Поскольку поверхность Земли будет выжжена, жилища придется строить на орбите из того материала, до которого удастся дотянуться. То есть из астероидов. В которых, благодаря Агенту, недостатка не будет.

Спарки закрыл лицо ладонями, шумно выдохнул и около минуты сидел неподвижно. Когда он убрал руки, Дина увидела слезы у него на глазах.

– Перед совещанием я написал полдюжины прощальных писем семье и друзьям. И собираюсь продолжить после совещания – список у меня длинный. Хорошо, если я успею дойти до половины еще до того, как

получателей убьет Каменный Ливень. Я это все к тому, что мысли у меня сейчас, как у ходячего мертвеца. Кем я, в сущности, и являюсь. Но это как раз и неправильно. Я должен был сам подумать о том, о чем подумала ты. О будущем, на которое ты и немногие другие можете уповать, если все остальное работает.

– По-вашему, я уповаю именно на такое будущее?

Спарки поморщился.

– Я не в том, что ваше будущее прекрасно – но по крайней мере о нем есть смысл думать. И я с тобой сейчас не спорю. Только что я могу для тебя сделать?

– Просто прикройте меня, – ответила Дина. – Не дайте им закрыть проект. Разобрать моих роботов на запчасти. Вы хотите, чтобы сейчас я занялась чем-то другим – я не против. Но к тому времени, как с Белых Небес хлынет Каменный Ливень, у Облачного Ковчега должна быть вменяемая программа по переработке астероидов, иначе у человечества нет никаких шансов пережить на орбите несколько тысячелетий.

– Я прикрою тебя, Дина, чего бы это ни стоило, – кивнул Спарки, машинально бросив взгляд в сторону двери, через которую ранее вышла президент.

На момент А+0 среди двенадцати человек экипажа Международной космической станции был лишь один русский: подполковник Федор Антонович Пантелеймонов. За плечами пятидесятипятилетнего ветерана было шесть орбитальных полетов и восемнадцать выходов в открытый космос, и он слыл серым кардиналом отряда космонавтов. Такая ситуация была довольно необычной. В ранние годы, когда экипаж МКС в среднем состоял из шести человек, в норме среди них было как минимум два космонавта. Проект «Амальтея» и тор расширили максимальную вместимость станции до четырнадцати человек, русских среди них обычно было от двух до пяти.

Луна разрушилась за две недели до того, как Айви, Конрад и Лина должны были вернуться на Землю, на смену им ожидалось двое русских и британский инженер. Поскольку корабль и экипаж были готовы к запуску, Российское космическое агентство – Роскосмос – не стало его откладывать, и «Союз» стартовал с Байконура в А+0.17.

Корабль пристыковался к «Иzzi» без происшествий. В отличие от американцев, предпочитающих ручную стыковку, русские давным-давно автоматизировали весь процесс.

«Союзы» – рабочие лошадки, доставлявшие людей в космос уже не

один десяток лет, – состояли из трех отсеков. В приборно-агрегатном отсеке на корме находились двигательные установки, баки с горючим, солнечные панели и прочее оборудование, способное работать в вакууме. Передняя секция, более или менее шарообразная, была герметичной и заполнялась пригодным для дыхания воздухом; в ней имелось достаточно места для работы и жизни космонавтов. Небольшой колоколообразный отсек посередине был рассчитан на три кресла: космонавты в скафандрах находились там во время полета на орбиту и в нем же, окутанном пламенем подобно комете, спускались обратно на Землю. Отсек был очень тесным, но это не имело особого значения, поскольку использовался он лишь при взлете и посадке; большую часть времени космонавты проводили в орбитальном модуле, то есть в сферическом переднем отсеке. На самом носу его располагался шлюз, который позволял кораблю состыковаться со станцией, равно как и с любым другим объектом, имеющим аналогичный шлюз.

Еще года два назад «Союзы», как правило, стыковались с кормовым шлюзом модуля «Звезда» на самом конце МКС. С тех пор к «Звезде» добавился новый модуль – хаб, то есть «ступица», еще более продливший «назад» главную ось станции. Вокруг хаба вращался тор. Чтобы сохранить совместимость с проверенными временем «Союзами», хаб оборудовали соответствующим стыковочным узлом и люком.

Поскольку остальные одиннадцать членов экипажа были заняты тем, что поручил им Спарки, Дина проплыла по направлению к «корме» через всю станцию – ее мастерская находилась на «носу» – и открыла люк, чтобы встретить новоприбывших. Она ожидала увидеть несколько человек, плавающих в невесомости внутри орбитального модуля, а увидела голову и руку одного-единственного космонавта, которого, насколько она помнила, звали Максим Кошелев. Он был целиком погружен в плотную массу витаминов.

Слово «витамин» на жаргоне космоплавателей обозначало любой маленький и легкий, но крайне полезный предмет. Под это определение подходило все что угодно, включая микросхемы, лекарства, гавайские гитары, биологические образцы, мыло и пищу. Самыми ценными витаминами, разумеется, были люди, во всяком случае на взгляд тех, кто не хотел оставлять космос на откуп роботам. Коллеги Дины в области разработки астероидов страстно доказывали, что дорогущими ракетами вообще следует возить только витамины. Металл и воду надо не отправлять с Земли, а добывать из миллиардов камней, которые уже и так в космосе.

От кучи витаминов отделилась запечатанная коробка со шприцами и

стукнула Дину по лбу, за ней последовал порошок гидроксида лития в вакуумной упаковке, флакон с морфием, рулон конденсаторов для поверхностного монтажа и, наконец, перехваченная резинкой связка заточенных простых карандашей. Кое-как отмахнувшись от всего этого, Дина смогла получше рассмотреть открывшуюся сцену: Максим был зажат в узеньком тоннеле посреди груды витаминов, которыми «Союз» набили до отказа.

Кто-то на Тюратаме догадался сунуть сверху несколько сложенных мусорных мешков. Правильно поняв намек, Дина развернула один и попыталась собрать в него все предметы, успевшие отделиться от кучи, пока они не отправились в свободное плавание по «Иzzi». Покончив с этим, она принялась за саму кучу. Кое-чему удалось ускользнуть, но большая часть все же оказалась в мешке. Максим тем временем выбрался в хаб, чтобы немного размяться – он провел в одной позе шесть часов. Дина, не такая крупная, заняла его место и стала выбрасывать витамины наружу, где Максим ловил их в мешок.

Через минуту Дина раскопала ногу в голубом комбинезоне, за ней последовало плечо, потом рука. Рука тут же зашевелилась, в Дину снова полетели витамины, а под ними обнаружилось лицо, которое Дина узнала – полчаса назад она заглянула на страничку его обладательницы в Википедии. Это была Болор-Эрден, девушка, которую в свое время отчислили из отряда космонавтов из-за маленького роста – для нее не годился ни один из существующих скафандров. Она была пристегнута к креслу, которое явно наспех соорудили из подручных материалов. Кресло закрепили в углу отсека, известном как «диван», используя для этого упругую сеть, снятую с большегрузного грузовика – на ней еще осталась пыль казахстанских дорог. Дина подумала, что, возможно, последний раз в жизни видит дорожную пыль, но тут же постаралась отогнать эту мысль.

Итак, Болор-Эрден и Максима отправили в полет в орбитальном модуле. Случай беспрецедентный: предполагалось, что люди могут путешествовать только в спускаемом аппарате. Говорить это вслух было вряд ли вежливо, но фактически оба получили билет в один конец и любая нештатная ситуация означала для них гибель. При входе в атмосферу орбитальный модуль отбрасывался и сгорал, теоретическая возможность выжить при аварии была только у пассажиров спускаемого аппарата.

Когда Дина с Максимом добрались до спускаемого модуля, в процесс разгребания витаминов включились новые добровольцы. В трех креслах, где, собственно, и было положено лететь, обнаружили еще два космонавта, Юрий и Вячеслав, а также англичанин по имени Рис.

Болор-Эрден, Юрий и Вячеслав при первой же возможности отстегнулись от кресел и выбрались через орбитальный модуль в хаб. Рис попросил небольшой передышки.

Дина тоже вернулась в хаб, чтобы поприветствовать четверку. Обычно новоприбывших встречали небольшой церемонией: обнимали или как минимум приветственно стучались с ними ладонями, а также делали фото на память. Предстоящая смерть всех людей на Земле несколько омрачала праздник, но Дина все же решила хотя бы переброситься с каждым парой слов.

Болор-Эрден тут же попросила называть ее Бо. Она была явная азиатка, однако глаза и скулы выглядели не совсем по-китайски. Впрочем, Дина уже знала из «Гугла», что Бо – монголка.

Юрий и Максим прибыли на МКС соответственно в третий и четвертый раз. С ними должен был отправиться молодой космонавт, для которого это был бы первый полет, но его в последний момент заменили на Вячеслава, летавшего уже дважды. Так что все «русские», кроме Бо, были здесь не новичками. Они быстро поздоровались с Диной, проплыли через хаб, с интересом оглядываясь по сторонам – некоторые оказались в нем впервые – и вошли через люк в «Звезду», которая уже была для них как родная. По пути они обменивались короткими замечаниями по-русски, из которых Дина понимала процентов пятьдесят. Обязательным условием работы на «Иzzi» было хоть какое-то знание русского.

Инженер Рис Эйткен сделал карьеру на создании различных странных конструкций, как правило – по заказам состоятельных клиентов. Семнадцать дней назад его планируемая миссия на «Иzzi» заключалась в том, чтобы подготовить строительство еще одного тора, большего диаметра. Позади старого хаба предполагалось пристыковать новый, а на нем установить тор для туристов. Операция входила в государственно-частную сделку между НАСА и британским миллиардером, который в числе первых начал инвестировать в космический туризм – на него и работал Рис. Сейчас задание у Риса поменялось, но и для нового он подходил как нельзя лучше.

Дина вернулась в орбитальный модуль и стала через люк разглядывать Риса, который терпеливо лежал в кресле, стараясь не двигаться.

– Первый раз в космосе? – поинтересовалась она, хотя знала ответ.

– Вас тут всех в «Гугле» забанили? – откликнулся Рис.

В устах американца такой ответ был бы откровенным хамством, однако Дина не в первый раз имела дело с англичанами и не обиделась.

– Не торопиться обживать новый дом?

– Решил растянуть удовольствие от процесса. И потом, мне сказали не двигать головой.

– Чтобы не стошнило? Совет разумный, ага, – подтвердила Дина, – рано или поздно пошевелиться все же придется.

Мимо проплыл пакет, в котором, согласно надписи кириллицей, лежали семена огурцов. Дина подхватила его и, пользуясь тем, что оказалась достаточно близко к Рису, протянула руку:

– Дина.

– Рис, – он пожал ей руку, согласно инструкции не поворачивая головы. Однако, повинувшись глубоко заложенной в большинстве мужчин программе, все же скосил в ее сторону глаза, чтобы оценить. А потом повернул и голову, чтобы оценить получше.

– А вот это ты зря, – заметила Дина.

– О господи, – вырвалось у Риса.

– У тебя есть несколько минут, пока не началось. Пойдем со мной, я попробую найти пакет.

В одну из бессонных «ночей», каких в последнее время было немало, Дина поймала себя на том, что беспокоится о транзисторах. Современная полупроводниковая технология позволяла делать очень маленькие транзисторы. Настолько маленькие, что каждый можно уничтожить единственным попаданием частицы «космических лучей». На Земле это не важно – ущерб не слишком велик, а большая часть космических лучей поглощается атмосферой. С электроникой, предназначенной для работы в космосе, все наоборот. Военно-промышленные комплексы всего мира вкладывали массу денег и усилий в производство «радиационно-устойчивой» электроники, которая бы не так страдала от космического излучения. Соответствующие микросхемы и печатные платы были в большинстве своем значительно крупнее и угловатее по дизайну, чем требовала потребительская электроника, к которой успел привыкнуть наземный покупатель. И стоили они гораздо дороже. Настолько, что Дина старалась в своих роботах вообще их не использовать. Она предпочитала стандартные микросхемы, крошечные и дешевые, хотя в итоге ее роботы выходили из строя по несколько штук в неделю. В таких случаях она отправляла исправных роботов, и те доставляли неисправного к маленькой шлюзовой камере, оборудованной на стыке мастерской с изрытой поверхностью Амальтеи. Затем Дина меняла сгоревшую плату на новую. Случалось, что и новая оказывалась неисправной – космические лучи бомбардировали в том числе и платы, хранящиеся в мастерской. Но в

поставках витаминов с грузовыми кораблями всегда приходили очередные комплекты.

От космических лучей может защитить только материя, например, толстая оболочка земной атмосферы или значительно более тонкая броня из плотного тяжелого материала. Разумеется, у Дины уже имелась защита в виде Амальтеи. Любой объект, обосновавшийся на ее поверхности, был неуязвим для космических лучей, происходящих примерно из половины Вселенной – той, вид на которую закрывал астероид. Аналогичным образом от части космических лучей МКС всегда была прикрыта Землей. Соответственно, с одной стороны мастерской Дины, обращенной к Земле, но при этом в основном находящейся «под» Амальтеей, имелось укромное местечко, куда космические лучи могли просочиться только сквозь относительно узкий участок пространства. Там Дина и хранила свои микросхемы и печатные платы, чтобы дать им дополнительный шанс. Она старалась также максимально ограничить время, в течение которого ее роботы бродили со стороны Амальтеи, обращенной в космос.

Из ее окна была хорошо видна вмятина на боку Амальтеи, вероятней всего – древний кратер от метеоритного удара, размером с хороший арбуз.

В День 9, то есть за пять дней до совещания в «банане», на котором Док Дюбуа сообщил им про Каменный Ливень, а президент – что они никогда не вернутся домой, Дина запрограммировала нескольких роботов, чьи режущие устройства показали наибольшую эффективность, на то, чтобы углубить впадину. Возможно, ее посетило предчувствие. Возможно, она просто делала свою работу: роботов нужно уметь программировать под определенные задачи, например – проходку тоннелей, и время для таких экспериментов как раз пришло.

Вернувшись в мастерскую после конференции в «банане», Дина, чтобы не удариться в слезы или вообще не высунуть голову в шлюз, села и написала для роботов новую программу: велела им плавно изгибать тоннель по мере погружения в глубь астероида. До сих пор роботы удалялись от нее по прямой, и Дина, выглянув в свое кварцевое окошко, видела не только саму впадину размером с арбуз, но и весь пробитый роботами тоннель. Для этого ей приходилось закрывать окошко стеклом от сварочного аппарата – роботы резали камень плазменной дугой, ярко-фиолетовое сияние обожгло бы ей глаза. Однако, когда в А+0.17 на «Иззи» прибыло пополнение из пяти человек, роботы уже скрылись за изгибом тоннеля. Исчезли из поля зрения Вселенной. Космические лучи, как и свет, движутся по прямой, так что они тоже не могли попасть в тоннель.

Дина отдала роботам команду вырезать в стене тоннеля небольшое

углубление – складскую нишу. Весь свой запас микросхем и печатных плат она упаковала в один пакет. Он получился довольно маленьким – кубический сверток, помещавшийся в одной руке, что, учитывая размеры и мощность современных микросхем, не удивляло. В обычной ситуации так поступать, конечно, не следовало – одна-единственная частица, пройдя сквозь сверток, уничтожила бы весь комплект целиком. Вручив сверток восьминогую роботу, Дина выпустила его через шлюз и отправила в тоннель. Наблюдая за продвижением робота через встроенную в него камеру и управляя его конечностями посредством сенсорной перчатки, Дина загнала робота в нишу и дала ему команду растопыриться там и зафиксироваться, чтобы случайно не уплыть. Теперь ее транзисторы были в безопасности.

За всем этим наблюдал Рис. Он прибыл на «Иzzi» пять часов назад и так мучился тошнотой, что мог лишь лежать неподвижно. В мастерской у Дины была куча пластиковых стяжек, трубочин и других полезных в данном случае вещей; она помогла Рису зафиксировать голову между двух труб, подложив для мягкости немного поролона, потом выдала ему несколько пакетов про запас и вернулась к работе.

– Как называется такой робот? – спросил Рис.

– «Хват», – ответила она. – Просто «краб» было бы слишком скучно.

– По-моему, хорошее название.

– Его работа – ползать по камням, так что форма корпуса напрашивалась сама собой. В каждой ноге – электромагнит, он притягивается к Амальтее, которая в основном железная. Когда нужно поднять ногу, он просто выключает магнит.

– Наверняка ты об этом уже думала, – вежливо начал Рис, – но так можно вырыть пещеру размером с весь астероид. Укрытие от излучения. Возможно, даже наполнить воздухом.

Дина кивнула. Она сосредоточенно располагала каждую из восьми конечностей «хвата» так, чтобы они прочно соединились со стенами ниши. Не хотелось упустить свой запас витаминов в космос.

– Мы обсуждали такой вариант. Я и восемь тысяч или сколько их там инженеров на Земле, участвующих в проекте.

– Ну, я это не в том смысле, что ты одна всем занимаешься.

– Ограничителем здесь является газ. Плазменные резак очень эффективны, но им требуется рабочее тело. В общем-то даже и неважно, какой именно газ использовать. Проблема в том, что сжатых газов у нас мало, они нужны для других целей, плюс к тому у них есть вредная привычка утекать в пространство.

– Но если ты не работаешь на самой поверхности, а роешь полость?..

– Совершенно верно, – подтвердила Дина. – В этом случае можно запечатать выходы, а отработанный газ собирать для повторного использования.

– Иными словами, я говорю очевидные для тебя вещи.

Верхняя часть лица Дины была закрыта очками дополненной реальности, однако губы было видно хорошо.

– В космосе всегда так, – широко улыбнулась она. – К нему проявляет неподдельный интерес столько блестящих умов, что набрести на новую идею удастся нечасто.

В беседе возникла пауза, пока Дина переключалась на другого робота, который теперь направился в глубь тоннеля.

– Когда я двигаю глазами – очень, очень медленно – то вижу, что в твоём бестиарии имеется ещё три разновидности.

– «Ужик» сделан на основе робота, разработанного, чтобы обследовать рухнувшие здания. Идея которого, в свою очередь, основана на движении змеи.

– Судя по имени – ужа?

– Ну да. Электромагниты расположены на теле «ужика» в виде двойной спирали. Включая их и выключая, он вроде как катится по диагонали, расходуя при этом минимум энергии.

– Вон та штука, похожая на бакибол, надо полагать, движется похожим образом?

– Угадал. Мы зовём их «буками». С технической же точки зрения корректный термин будет...

– Тенсегрити.

Дина почувствовала, что краснеет.

– Ну конечно, тебе ли не знать! В любом случае – «бука» большой и более или менее сферический, поэтому может катиться в любом направлении, управляя электромагнитами, а также сокращая и удлиняя стержни, из которых состоит. А мозги у него вон в той штуке вроде клеточного ядра, закреплённой на растяжках посередине.

– «Хваты», «ужики», «буки». А как звать вон тех, мелких?

– «Вьи». Мы пытаемся создать рой. Лина работает со мной в свободное время – по ночам, как лунатик.

Снова небольшая пауза в разговоре – обоим одновременно пришло в голову, что слово можно было бы подобрать и поудачней.

– Всё пока ещё на стадии экспериментов, – продолжила наконец Дина, – но идея такая, что при необходимости каждый «вей» может

сцепляться с остальными, как муравьи, когда они собираются в клубок, чтобы переплыть реку. Понимаю, что все это странно звучит. Нормальные инженеры так не работают.

– Я вовсе не нормальный инженер. И какое-то время сам занимался биомиметикой, то есть примерно тем же, что и ты. С той разницей, что мои объекты стоят на месте.

– Отлично. Значит, ты меня понимаешь.

Дина сняла 3D-очки, через которые смотрела на тоннель глазами «хвата». Второй робот, «ужик», сейчас разместился в тоннеле позади «хвата», поднял голову, словно кобра, включил подсветку и начал передавать видео. Глядя на экран, Дина двигала его камеру взад и вперед, обследуя «хвата», чтобы убедиться, что ее печатные платы никуда не денутся.

– Да, понимаю, – согласился Рис и добавил: – Конечно, не мне тебя учить, но ты же знаешь, что делают раки-отшельники?

Несколько мгновений Дина рылась в памяти. Пляжный отдых никогда ее особо не привлекал.

– Забираются в сброшенные панцири других раков.

– Не раков, а моллюсков. А так – да, все правильно.

Дина задумалась на минуту, потом обернулась и посмотрела на Риса. Он был вроде не таким зеленым, как раньше.

– Кажется, я знаю, куда ты клонишь.

– Пример еще лучше – фораминиферы.

– Это еще кто?

– Самые крупные в мире одноклеточные организмы. Живут под толщей антарктического льда. По мере развития они собирают из окружающей среды крупинки песка и строят из них твердый панцирь.

– Типа как Бен Гримм?^[1] – спросила Дина.

Она упомянула персонажа «Фантастической четверки» без какой-либо задней мысли и не ожидала, что Рис поддержит тему. Однако он тут же откликнулся:

– Раз уж речь о жертвах космического излучения, то да, пример годится. Если не считать его постоянного недовольства и хныканья.

– Я всегда мечтала иметь кожу, как у Существа.

– Тебе гораздо больше идет та, что у тебя от природы. Возвращаясь к задаче защиты твоих роботов от космических лучей, не лишая их при этом свободы передвижения...

– Кажется, я влюбилась, – перебила его Дина.

Рис судорожно схватился за пакет, и его стошнило.

Как объявить всему свету, что его ждет конец? Дюб радовался, что это предстоит не ему и он просто стоит позади президента Соединенных Штатов. От него требовалось лишь хранить серьезность – что было совсем несложно, – застыв в неровной цепочке знаменитых ученых позади стоящих полукругом мировых лидеров. Дюб смотрел в затылок Джей-Би-Эф, читавшей свою речь с телесуфлера. По бокам от нее президенты Индии и Китая зачитывали такой же текст на китайском и хинди. Чуть дальше по сторонам стояли премьер-министры Японии, Великобритании, Франции и Испании (который помимо собственной страны представлял здесь большую часть Латинской Америки), канцлер Германии, президенты Нигерии, России и Египта, папа, имамы основных течений ислама, раввин и лама. Объявления делались одновременно, чтобы как можно больше людей узнали обо всем, не дожидаясь перевода.

Если бы эту обязанность все же возложили на доктора философии Дюбуа Джерома Ксавье Харриса, он сказал бы что-нибудь вроде: послушайте, все мы умрем. Из семи миллиардов ныне живущих на Земле через сто лет не останется практически никого, большинство же умрет гораздо раньше. Никто не хочет умирать, но мало кто всерьез беспокоится о смерти, понимая, что ее не избежать.

Тот, кто умрет через два года от Каменного Ливня, будет так же мертв, как и тот, кто погиб бы через семнадцать лет в автокатастрофе. Вся разница в том, что теперь каждый примерно знает, когда и при каких обстоятельствах встретит смерть.

И это дает возможность подготовиться. Для кого-то это внутренние приготовления: примириться с Богом. Для кого-то – внешние: передать наследство грядущему поколению.

И вот тут возникает кое-что интересное, поскольку традиционные способы передачи наследства бессильны перед Каменным Ливнем. Писать завещание не имеет смысла – все твоё имущество погибнет вместе с тобой, да и вступить в права будет некому.

Наследие будет тем, что люди Облачного Ковчега пронесут через века и тысячелетия. Ничто, кроме Облачного Ковчега, больше не имеет значения.

Местом пресс-конференции выбрали Кратерное озеро в Орегоне. Госдепартамент временно реквизировал двухэтажную кирпичную гостиницу, примостившуюся высоко над озером, на краю древнего вулканического кратера, перебросил по воздуху официальных лиц, а близлежащие кемпинги и парковки под завязку набил журналистами,

секьюрити и прочими службами. В этот самый момент морские пехотинцы на шоссе неподалеку разворачивали туристов, объявляя всем, что парк закрыт, и советуя включить новости. Возможно, после этого проблема несостоявшегося пикника отступит на второй план.

Погода стояла ясная и, как следствие, холодная. Озеро в кратере под ними было чистой голубизны, а небо над ними – лишь чуть более бледного оттенка. Во время речи Дюб и все остальные стояли спиной к воде. Некий гений из президентской администрации сообразил, как встроить происходящее в пейзаж. Камеры установили на высоких конструкциях и снимали сверху вниз, так что и панорама кратера, и покрытый редкими перелесками Колдовской остров, и заснеженная горная гряда – все поместилось на заднем плане снятого с высоким разрешением видео. Для тех, кто умел видеть, все было ясно и без слов. От шести до восьми тысяч лет назад здесь случилась чудовищная катастрофа. Пережившие ее люди сохранили память о ней в виде апокалиптической легенды о битве между богами небес и подземного царства. Но сейчас красота здесь просто неопишущая. Эта история была аккуратно вплетена в речи президента и других лидеров, но Дюб и стоящие рядом ученые – профессора самых знаменитых университетов – не могли их слышать. Лидеры произносили речи, обращаясь к миру, их голоса тонули в шуме ветра, шуршавшего между скал и ветвей. Дюб, в четырех метрах позади президента, смотрел, как ветер треплет ее волосы. Прическа президента до Ноля, когда комментаторы из мира моды и политики еще считали подобные вещи важными, часто служила поводом для обсуждения. У президента были светлые с проседью волосы, которые она стригла до плеч и носила прямыми. Ей недавно исполнилось сорок два, и она была самым молодым президентом США в истории, на год моложе Кеннеди. В студенческие годы в Беркли она понемногу стала заигрывать с политикой, однако затем закончила магистратуру по бизнес-администрированию и, поработав какое-то время в солидной консалтинговой фирме, возглавила перспективную, но с трудом сводящую концы с концами технокомпанию из Лос-Анджелеса. Под ее руководством компания поправила дела настолько, что была куплена «Гуглом». Бывшая руководитель компании, а ныне состоятельная женщина, вышла замуж за продюсера, на десять лет ее старше, с которым познакомилась на вечеринке в Малибу. Тот уже был крепко завязан в различных политических баталиях, поскольку нередко делал либо документальное кино на соответствующие темы, либо триллеры с выраженным политическим подтекстом. Латиноамериканец из семьи, пострадавшей от Кастро, в партийном смысле Роберто был кем-то вроде

хамелеона и умудрялся сочетать либертарианские взгляды и популизм в пропорции, которая скорее интриговала, чем отпугивала сторонников обеих систем, за исключением совсем уж твердолобых экстремистов. Ему все сходило с рук, потому что он был хорош собой, обаятелен и, чего он совершенно не скрывал – не настолько образован, чтобы во всем разбираться.

Вступив на стезю семейной жизни и приняв при этом смелое решение сохранить девичью фамилию, Джулия Блисс Флаэрти сделала резкий разворот и окунулась в политику. Ей чуть-чуть не хватило голосов, чтобы попасть в сенат от Калифорнии. В день выборов она была заметно беременна, а вскоре родила дочь с синдромом Дауна и мгновенно стала тестом Роршаха для сторонников и противников внутриутробной генетической диагностики и избирательных абортов. Выступив в серии ток-шоу, где обсуждались эти и аналогичные темы, она привлекла внимание политиков национального уровня, причем по обе стороны спектра. В результате в ходе ближайшей президентской кампании ее имя вдруг обнаружилось в списках потенциальных вице-президентов от обеих партий. Она твердо придерживалась средней линии, избегая при этом конкретики, и в результате могла бы привлечь голоса как правого крыла демократов, так и левого – республиканцев. Никто всерьез не ожидал, что она окажется в Овальном кабинете – в наши дни с вице-президентами такого не случается. Однако скандал, приведший к отставке действующего хозяина Белого дома на десятом месяце срока, сделал Джей-Би-Эф президентом, а ее прическу – мишенью для бесконечных газетных расследований. Больше всего обсуждался проблеск седины в волосах. Натуральное это или искусственное? Если первое – почему она от него не избавляется, благо технология давно существует? Если второе, получается, это всего лишь уловка, чтобы выглядеть старше и солиднее. И в любом случае возникал вопрос – неужели в современном обществе женщина, чтобы ее воспринимали всерьез, должна выглядеть почтенной матерью семейства?

Дюб был уверен, что после сегодняшнего выступления Джей-Би-Эф ни одной подобной статьи уже не появится. Ему самому было стыдно, что он сейчас думает о такой ерунде.

Однако так уж устроен человеческий мозг. Он не может все время думать о конце света, ему надо иногда отвлекаться на что-нибудь пустяковое, ведь он связан с реальностью именно через пустяки, подобно тому, как мощные корни дуба цепляются за почву системой крошечных корешков не толще серебристых волосков в прическе президента.

Все выступления начались одновременно, но некоторые продолжались дольше других – имамы и папа без перерыва перешли к молитвам. Президент и другие светские лидеры, закончив, минуту-другую топтались на месте, потом побрели к своим помощникам, которые сразу принялись укутывать их в теплые пальто. Дюбу и другим ученым, игравшим, как и Кратерное озеро, роль декорации, следовало оставаться на местах, пока не окончатся молитвы.

Дюб подумал, что хорошо бы приехать сюда с Амелией, когда все будет происходить. Лучшего места, чтобы встретить Белые Небеса и начало Каменного Ливня, просто не придумать. Во время выступления он видел, как небо на юге пересек болид, полоска белого пламени, яркая настолько, что ее бледно-голубой отпечаток на сетчатке глаза угас не сразу. Прежде чем исчезнуть за горизонтом, болид распался сначала на два, а потом на пять осколков. Разумеется, на таком расстоянии нельзя было ничего почувствовать, однако те, кому в последнее время случалось в подобной ситуации оказаться поближе, утверждали, что жар вполне ощутим. Хотя длится недолго – болиды падают со сверхзвуковой скоростью. Когда начнется настоящий Каменный Ливень, они будут появляться один за другим, расчертят небо сияющими полосами, которые затем сольются в кипящую огненную сферу. Даже тем, кому повезет – если это слово здесь уместно – не попасть под падающие камни, придется искать укрытие. Под чем-то, способным отражать тепло и при этом не воспламениться, наподобие листового металла. Там удастся продержаться какое-то время, но скоро сам воздух раскалится настолько, что им нельзя будет дышать. Дюб уже задавался вопросом, когда наступит пора просто покончить с собой.

С разрушения Луны прошло три недели и один день, а с того момента, когда он убедил себя, что Каменного Ливня не избежать – всего двенадцать дней. Дюба поразило, как быстро отреагировали мировые лидеры. Правда, выбора у них не оставалось, поскольку слухи было уже не остановить. Астрономы всего мира пришли к одним и тем же выводам. Они привыкли открыто сообщать о своих наблюдениях в электронных рассылках. Любой, кто интересовался вопросом и был подключен к Интернету, мог узнать о Каменном Ливне еще неделю назад. Президент и все остальные, видимо, были попросту вынуждены объявить обо всем поскорее, чтобы в открытую заняться постройкой Облачного Ковчега.

Кроме того, это давало им возможность сделать население своими агентами. Этот термин не следовало путать с Агентом, разрушившим Луну. На жаргоне тех, кто организовывал выступление лидеров, «быть агентом» означало иметь возможность выбора, шанс влиять на события – пусть даже

воображаемый. Естественно, против Каменного Ливня ничего сделать нельзя. Немногие способны и на технический вклад в Облачный Ковчег – тех, у кого имеется требуемая квалификация для работы в открытом космосе или постройки ракетных двигателей, немного, и всех их сразу же мобилизовали.

Однако были другие способы помочь Облачному Ковчегу и стать частицей наследия, отправляемого в космос.

Когда речи и молитвы закончились, к помосту, с которого несколькими минутами ранее выступала президент, подошли трое. Говорить они были должны по-английски, но с синхронным переводом на столько языков, сколько организаторы сумели найти переводчиков. Первой на возвышение поднялась Мэри Булински, министр внутренних дел США, а также опытная путешественница и альпинистка, для своих шестидесяти – в прекрасной физической форме. По образованию она была полевым биологом. Следующей была Селани Мбангва, массивная южноафриканка, художник с мировым именем. Последним шел Кларенс Крауч, нобелевский лауреат-генетик из Кембриджа. Он двигался медленно, опираясь на трость – собственные гены сыграли с ним злую шутку, он умирал от рака кишечника. Его вела под руку, не давая оступиться на каменистой почве, младшая коллега, Мойра Крю, которую все привыкли постоянно видеть с ним рядом. Жена Кларенса покончила с собой десять лет назад, и жизнь в нем поддерживала лишь научная работа в Королевском колледже.

Всем троем сообщили новость несколько дней назад, так что у них было время оправиться от шока и привести себя в пригодный для телевизора вид. При первой же возможности их перебросили в Орегон и укрыли в гостинице на краю кратера. Дюб и другие ученые, которых отбирали по всему миру, устроили в конференц-центре на первом этаже гостиницы подобие штаба и решили, что именно следует сказать Мэри, Селани и Кларенсу. Их речи составляли неотъемлемую часть всего мероприятия. Никто всерьез не ожидал массовой паники и хаоса, пусть даже было понятно, что чего-то такого не избежать. Однако сейчас миллиарды человек задаются вопросом, что делать. Им нужно дать ответ.

Поэтому не имело значения, что Мэри, Селани и Кларенс стояли к Дюбу спиной, а их слова относилось в сторону холодным ветром. Дюб знал все, что они собираются сказать, поскольку прошелся по тексту добрую сотню раз.

Мэри будет говорить о том, как Облачный Ковчег сохранит генетическое богатство земных экосистем, в основном – в цифровом формате. Жирафов не отправить в космос, а если и отправить – они там не

выживут, однако есть возможность сохранить образцы их тканей. Космос в данном случае послужит прекрасным холодильником. Более того, генетические последовательности можно записать, пропустив образцы через устройства, которые проанализируют спирали ДНК, одну пару нуклеотидов за другой, и запишут информацию в виде строк, которые можно хранить и копировать. Облачный Ковчег будет нести и другие устройства, способные на основе цифровых копий воссоздать функциональную молекулу ДНК и внести ее в живую клетку. Таким образом жирафов, секвойи и китов можно будет в какой-то момент – быть может, тысячелетия спустя – воссоздать из химических элементов. Чем же здесь может помочь обычный человек? Людям следует собирать образцы живых организмов, особенно редких и необычных, делать фото и записывать GPS-координаты с помощью смартфона, а потом отправлять собранное по адресам, которые будут обнародованы – такие посылки будут приниматься бесплатно.

В некотором смысле Мэри досталась самая сложная задача, поскольку данная часть плана была чушью собачьей, и она не могла этого не понимать. Биологи давным-давно собрали все образцы, которые могли их интересовать. Цветочки, черепа енотов, птичьи перья, палочки и улитки, старательно собранные детишками, в конце концов окажутся на свалке. Генетические секвенсоры и так уже работают на полную мощность двадцать четыре часа в сутки, как и фабрики, выпускающие новые секвенсоры. Тем не менее Мэри справилась – во всяком случае насколько Дюб мог судить по движениям ее головы и плеч, пока она говорила в телесуфлер.

Селани должна была убедить людей, что они могут сделать вклад в литературное, художественное и духовное наследие, которое переживет их самих. Работа по архивированию книг и сайтов уже началась. От людей требовалось писать стихи и рассказы, рисовать картины или просто фотографировать и снимать на видео самих себя – когда-нибудь все эти записи смогут увидеть отдаленные потомки пионеров Облачного Ковчега. Объяснить все это убедительным образом было проще, поскольку сама задача была реалистичной и тоже достаточно несложной. Заархивировать кучу цифровых файлов и отправить их в космос – дело вполне подъемное.

Кларенсу, который выступал последним, предстояло кое-что объяснить зрителям и слушателям.

Дюб знал его текст наизусть. Они долго обсуждали, как именно это преподнести, но в конечном итоге Кларенс предпочел естественную для себя высокоцерковную фразеологию.

– Настало время Великого жребия, – объявил он. – Господь населил Землю народами разной наружности и цвета кожи. Нам, как некогда Ноем, предстоит великое дело. Как и он, мы должны населить Ковчег с уважением ко всему многообразию жизни. Мэри Булински уже рассказала, как мы сбережем наследие земных животных, растений и прочих форм жизни. Мы поступим не как Ной, который взял на борт своего ковчега каждой твари по паре. В космосе их не разместить и не прокормить. Но мы сохраним наши растения и наших животных, пусть даже иным способом. Совсем по-другому обстоит дело с людьми. Ковчегу нужны люди. Это не автоматический механизм. Для его функционирования нужны человеческие смекалка и сообразительность. Мы дадим ему людей. Первыми будут астронавты и космонавты, а также ученые и военные, чьи особые умения нам очень нужны. Но их не так много, и все они происходят лишь из малого числа народов Земли.

Вопрос, сколько всего людей будут на Ковчеге, мучил тех, кто этим занимался, с самого начала. Сколько людей можно отправить в космос за два года, если ракетные заводы будут работать на полную мощность, а обычные меры предосторожности – разумным образом снижены? Оценки отличались на два порядка, от нескольких сотен до десятков тысяч человек. Точного ответа не знал никто. Кроме того, запустить людей на орбиту и обеспечить их жизнь на орбите – далеко не одно и то же. Самые обоснованные оценки, которые видел Дюб, сходились на интервале от пятисот до тысячи. Но из речи Кларенса какие бы то ни было цифры и даже намеки на них были тщательно вычищены.

– Мы обращаемся к каждой деревне, городу и территориальной единице с просьбой бросить Жребий и избрать двух молодых людей, юношу и девушку, которые станут кандидатами, чтобы пройти тренировки и попасть на Облачный Ковчег. Мы не будем накладывать никаких ограничений на процедуру отбора. Наша цель – сохранить, насколько возможно, генетическое и культурное разнообразие народов Земли. Мы верим, что избранные кандидаты вберут в себя наилучшие черты тех общин, которые их выдвинут.

Отчасти это утверждение уже противоречило само себе. Кларенс сказал, что ограничений на процедуру не будет. И тут же ввел ограничение, требующее, чтобы избраны были юноша и девушка. Они прекрасно осознавали, что во многих культурах это требование не найдет понимания.

– Избранные юноши и девушки, – продолжал Кларенс, – соберутся в созданных для этой цели лагерях и тренировочных городках, где пройдут подготовку для предстоящей миссии, и будут отправлены на орбиту, как

только для них там подготовят место.

Дюб, который осознавал, что может случайно оказаться в поле зрения камеры, хранил непроницаемое выражение лица. Нельзя сказать, что Кларенс лгал, однако многое он недоговаривал. Сколько юношей и девушек окажется в лагерях? Заведомо больше, чем можно запустить на орбиту и расселить там даже по самым оптимистическим меркам. А скольких из них в принципе удастся научить чему-то мало-мальски полезному?

В действительности отбор должен быть куда более строгим, чем описал Кларенс. Не всем избранным найдется место в лагерях. Представителям малых народов или специфических общин, вероятно, предоставят определенное преимущество. Собравшиеся в тренировочных центрах постепенно сообразят, что попасть на орбиту до Каменного Ливня удастся не каждому. Будет конкуренция. Возможно, довольно жестокая. Дюб гнал от себя эти мысли.

В тысячный раз за последние три недели ему пришло в голову, насколько забавно ведет себя человеческий мозг. Неважно, какой будет жизнь в тренировочных лагерях. И тем не менее мысль о молодых людях, проявляющих жестокость к товарищам, грызла Дюба сильнее, чем осознание, что большинство из них все равно умрут.

В окне гостиницы дернулась занавеска, Дюб поднял голову и встретился взглядом с Амелией. Скрестив на груди руки, она опиралась на подоконник комнаты, которую они делили последние три дня. Амелия осталась в гостинице, чтобы увидеть все по телевизору и потом рассказать ему, как выглядел он сам и что сделали из события телекомментаторы.

Была неделя Благодарения. Школы закрылись. Амелия прилетела в Юджин в среду, взяла напрокат машину и приехала сюда, чтобы быть рядом.

Персонал гостиницы, который толком не знал, что происходит, накрыл в четверг традиционный ужин с индейкой. Ученые, политики и военные со всего мира, собравшиеся здесь, чтобы обсудить подробности конца света, старались, насколько возможно, радоваться празднику. В некотором смысле Дюб действительно испытывал благодарность. За то, что Амелия приехала сюда, чтобы быть с ним. За то, что она возникла в его жизни именно тогда, когда ему был особенно нужен кто-то рядом.

В День 7, когда он встретил Амелию и мгновенно в нее влюбился, он чувствовал себя немного идиотом. И даже спрашивал себя, что для этого должно было произойти с его мозгами. Однако Амелия в корректной, но непреклонной манере учительницы начальных классов дала ему понять, что интерес взаимен. От ее школы до Калтеха было не больше мили, так

что они наскоро ужинали вместе, после чего она отправлялась домой проверять тетрадки, а он возвращался в кабинет, чтобы вновь и вновь пересчитывать данные по экспоненциальному процессу – Белым Небесам. Пропасть между радостями новой любви и растущим осознанием того, что их ждет, оказалась настолько широкой, что его сознание едва справлялось. По утрам он наслаждался первыми беззаботными секундами после пробуждения, потом рассудок утягивало либо в одну, либо в другую сторону, и этим невозможно было управлять.

Когда Дюб вернулся домой после Кемп-Дэвида и телеконференции, на которой объяснил ситуацию экипажу МКС, Амелия спросила, что его так тревожит, и он ей все рассказал. Той ночью они впервые спали в одной постели. Однако получилось у него только на четвертую ночь. Дело было даже не в ужасе надвигающейся катастрофы, это как раз зачастую действует возбуждающе. Секс, который случался у Дюба, когда он собирался на похороны близких, был едва ли не лучшим в жизни. Сейчас на него давили, лишая потенции, стресс и переживания в связи с тем, что приходилось раз за разом делиться своим знанием все с новыми людьми.

Но теперь эта проблема решилась. Все всё знали.

Кларенс завершил свою речь духоподъемным описанием того, как юноши и девушки, вознесшиеся в убежище Облачного Ковчега, создадут в космосе новую цивилизацию, населенную генетическими наследниками всего человечества. В космос также отправят замороженную сперму, яйцеклетки и эмбрионы, так что даже те, кто останется, чтобы умереть на поверхности Земли, смогут надеяться, что их выросшие в орбитальных колониях потомки будут иметь возможность пообщаться с ушедшими предками посредством оцифрованных писем, фото и видео. С точки зрения Дюба эта часть беседы была своего рода довеском, чтобы оставить людям лучик надежды. Однако он понимал и то, что в некотором смысле это было самое важное из всего, сказанного за сегодня ораторами. Остальные ошеломляюще мрачные новости были слишком ужасны. Тележурналистам, освещающим событие, взяв с них подписку о неразглашении, рассказали обо всем еще вчера, чтобы дать им время совладать с чувствами и не расклеиться в прямом эфире. Объявление *должно было* закончиться соломинкой, за которую люди смогут ухватиться. Речь смертельно больного доброго старичка-профессора из Кембриджа, напевом напоминающая стихи из Библии короля Иакова – о новом мире в небесах, населенном потомками, которые будут чтить оставшиеся от мертвых предков гифки и джепеги – была единственным подобием светлого пятна из всего, что они могли сегодня предложить слушателям. Профессор не имел права подвести

– и он справился. Дюбу и другим ученым, которые наряду с военными, политическими и деловыми лидерами всего мира отвечали теперь за Облачный Ковчег, оставалось лишь последовать его примеру.

Ученица Кларенса Мойра Крю и Мэри Булински взяли его под руки и свели по ступенькам туда, где собралась для вопросов кучка ошеломленных журналистов. Однако в основном на площадке царила сейчас мертвая тишина. Ничто не напоминало обычную пресс-конференционную суматоху. Почти все телеканалы прекратили прямой репортаж и переключились на студию.

Дюб поднял взгляд на окно. Амелия закинула за ухо непослушную прядь волос и отошла от стекла. На негнущихся от холода ногах Дюб заковылял к гостинице. Из головы у него не выходили замороженные сперматозоиды и яйцеклетки. Как долго они продержатся? Известно, что в обычных условиях из размороженных через двадцать лет клеток получаются нормальные здоровые дети. Однако космические лучи существенно осложняют дело. Одна частица, пройдя через человеческое тело, может повредить несколько клеток – однако и запасных клеток в теле сколько угодно. Пройдя через единственный сперматозоид или яйцеклетку, частица их уничтожит.

В конечном итоге все сводилось к тому, что любой мужчина на Земле может эякулировать в пробирку, каждая женщина может стать донором яйцеклеток, хотя процедура эта существенно сложнее, эмбрионы можно собирать и замораживать миллионами – но все это ничего не будет значить в отсутствие здоровых молодых женщин, готовых принять их в свое чрево и вынашивать там в течение девяти месяцев. Следующее поколение, если называть вещи своими именами, готовых к использованию маток будет готово лет через четырнадцать-пятнадцать. Следующее за ним – через тридцать. К тому моменту срок годности большинства биологических образцов, с которыми население Земли сейчас связывало свои надежды, уже пройдет.

Население Облачного Ковчега в основном должно будет состоять из женщин.

Помимо производства детей для этого имелись и другие причины. Исследования долговременного влияния космических полетов на организм показывали, что женщины переносят их лучше мужчин. В среднем они ниже ростом, им требуется меньше места, пищи и воздуха. Социология также склонялась к мнению, что женщины лучше выдерживают длительное совместное пребывание в тесноте. Оно было небесспорным, поскольку сразу же возникали скользкие вопросы – в природе тут дело или в

воспитании, является гендерная идентичность генетически обусловленной или навязывается социумом. Но если вы согласны, что дарвиновский естественный отбор запрограммировал мальчиков носиться по открытым пространствам и швырять копья в диких зверей, — с чем ни один вырастивший сына родитель спорить не станет, — то вам нелегко представить их запертыми на всю жизнь в тесной жестянке.

Для юношей система лагерей, где отобранная в Жребии молодежь будет проходить тренировки и дальнейший конкурс, окажется ловушкой. Многие попадут туда, но мало кто оттуда выйдет. Если не считать отдельных счастливиц.

Последние несколько минут Дюб продвигался к гостинице все медленней и медленней — его грызло смутное чувство, что он должен делать что-то другое.

Беседовать с журналистами. Да, именно это. В обычное время операторы с камерами сами за ним гонялись. А он, в свою очередь, норовил поскорей улизнуть. Но не сегодня. Сегодня он был готов встать перед камерой и говорить, быть Доком Дюбуа для миллиардов обитателей телевизионной страны. Но он никому не был нужен. Комментаторы из множества стран, вдохновенно глядя в телесуфлеры, зачитывали заготовленный текст. Птицы не столь высокого полета — техноблогеры и внештатные обозреватели — строчили свои репортажи. В углу парковки Дюб заметил знакомого по имени Тависток Прауз. Тот установил планшет на треногу, направил на себя камеру и, нацепив беспроводной микрофон, наговаривал запись в видеоблоге, скорее всего — для сайта журнала «Тюринг», с которым сотрудничал уже много лет. Сам Дюб знал его лет двадцать. Выглядел Тав ужасно. Его положения и заслуг не доставало для заблаговременного допуска к тайне, и он только что обо всем узнал. Вчера вечером Дюб несколько раз стучался к нему в Фейсбуке и Твиттере, пытаясь хоть как-то предупредить старого приятеля, чтобы новости не застали его совсем уж врасплох, но Тав не отвечал.

Для импровизированного интервью Таву время было совсем неподходящее, и Дюб сделал вид, будто не заметил его. У входа в гостиницу он взмахнул удостоверением перед агентами спецслужб, что было скорее жестом вежливости — агенты его знали и уже распахнули перед ним дверь.

Он прошел мимо лифтов и поднялся по лестнице, чтобы хоть как-то разогнать кровь. Амелия оставила дверь открытой. Дюб повесил на ручку табличку «не беспокоить», защелкнул за собой замок и рухнул в кресло. Амелия осталась у окна — сейчас она сидела с ногами, откинувшись назад,

на широком деревенском подоконнике. Солнце было с другой стороны гостиницы, но яркое сияние небес все равно освещало ее лицо, подчеркивая первые морщинки под глазами и у губ. Она была американкой гондурасского происхождения во втором поколении с причудливой смесью афро-индейско-испанской крови, большеглазая, кудрявая, постоянно настороже, словно птичка – но при этом от природы позитивна, как и положено учительнице. В данных обстоятельствах это было к лучшему.

– Вот и все, – сказала она. – У тебя, наверное, гора с плеч свалилась.

– В ближайшие два дня у меня десять интервью, – ответил он, – буду раз за разом отвечать на «как» и «почему». Но ты права. Это куда легче, чем сообщать людям дурные новости.

– Просто математика, – кивнула она.

– Да, просто математика.

– А что потом? – спросила она.

– Потом – в смысле «после этих двух дней»?

– Ага. Что потом?

– Я еще толком не задумывался, – вздохнул он, – но следует и дальше собирать данные. Уточнять прогноз. Чем лучше мы будем представлять, когда именно случатся Белые Небеса, тем верней сможем планировать запуски и все остальное.

– Жребий, – согласилась она.

– И его тоже.

– Ты ведь тоже летишь, Дюбуа? – Амелия ни разу не назвала его прозвищем.

– Ты о чем?

По ее лицу скользнуло раздражение, что было не вполне обычно, потом Амелия вгляделась в Дюба, и оказалось, что она скорее удивлена:

– Так ты даже не знаешь?

– Чего, Амелия?

– Что ты, очевидно, летишь.

– Куда я лечу?

– На Облачный Ковчег. Ты там нужен. Ты один из тех немногих, кто пригодится там по-настоящему. Кто может увеличить его шансы на выживание. Повести всех за собой.

До сих пор Дюбу это как-то не приходило в голову. Теперь он понял, что, скорее всего, так оно и есть.

– Господи, такое чувство, что лучше бы мне здесь доскрипеть. С тобой рядом. Я уже прикидывал – можно приехать сюда и разбить палатку прямо у кромки кратера, оттуда должен быть неплохой вид. Тем более что и

зрелище будет редкое.

– Горячая свиданка, – кивнула Амелия. – Нет, думаю, я хотела бы провести этот день с семьей.

– Мы с тобой к тому времени могли бы стать семьей.

Под глазами у Амелии заблестели слезы, она быстро вытерла нос:

– Кажется, это самое необычное из возможных предложений руки и сердца. Но так или иначе, Дюбуа, мой муж в этот день будет на орбите, а я – в Калифорнии.

– Я мог бы найти способ...

Она покачала головой:

– Никто и никогда не согласится взять в Облачный Ковчег тридцатипятилетнюю училку...

Он понимал, что она права.

– ...а вот замороженный эмбрион – это вполне реально!

– Кажется, это самое необычное из предложений заняться сексом, – хмыкнул Дюб.

– Мы живем в необычное время. Сегодня я могу забеременеть, точно знаю. Так что презервативы отменяются, мой тигр!

Получилось довольно неожиданно. Каких-то полчаса назад Дюб с глубоким скепсисом слушал утешительные речи Кларенса Крауча, мысленно их анализируя и убеждая себя, что они – не более чем сладкая пилюля для обреченных миллиардов, повод, чтобы посвятить сексу оставшиеся два года. Теперь же они с Амелией, сжимая друг друга в объятиях, сами были заняты изготовлением эмбриона, который он возьмет с собой в космос, чтобы там имплантировать в матку другой, неизвестной ему женщины.

Оргазм накрыл Дюба, когда он уже прикидывал, какие видео запишет, чтобы учить свое дитя алгебре.

Дина порадовалась, что в момент объявления в Кратерном озере находится вне Земли. Сидя в одиночестве у себя в мастерской, она смотрела в окошко поверх черного изломанного силуэта Амальтеи на светящуюся голубым кромку земной атмосферы. Она знала, когда объявление начнется и сколько продлится. Видеотрансляцию Дина решила не смотреть. Ее поразило, что на внешнем виде Земли происходящее никак не отразилось. Внизу, под ней, семь миллиардов человек слушали сейчас новости, хуже которых невозможно представить. Они испытывали коллективную эмоциональную травму, доселе неслыханную в земной истории. В населенные пункты ввели армию и полицейские силы для

«поддержания порядка», что бы под этим ни имелось в виду. Однако Земля осталась все такой же.

Запищало радио. Сморгнув слезы, Дина посмотрела вниз и увидела далеко на севере изогнутый, уходящий за горизонт контур Аляски.

МЫ ГОРДИМСЯ ЧТО ТЫ СЕЙЧАС НАВЕРХУ

Руку своего отца – его манеру работать на телеграфном ключе – она узнавала так же легко, как его запах или голос. Она сразу же отстучала ответ:

КАК БЫ Я ХОТЕЛА СНОВА ТЕБЯ УВИДЕТЬ
У НАС ВСЕ БУДЕТ В ПОРЯДКЕ ТЕТУШКА БЕВЕРЛИ ПОСАДИТ
ПОБОЛЬШЕ КАРТОШКИ

Дина начала плакать.

Руфус отстучал QSL – код, в данном случае значивший «Ты еще здесь?».

Она отправила ему ответный QSL, что означало «Да!».

Дина знала, что назначение Q-кодов – упростить радиообмен, но сейчас поняла, что они годятся и для другого. Коды дают возможность обменяться хоть какой-то полезной информацией, когда слов не хватает.

ДАВАЙ ЗА РАБОТУ ДЕВОЧКА
ТЕБЕ ТОЖЕ ХВАТИТ СТУЧАТЬ ИДИ ПОМОГАЙ ТЕТЕ БЕВ
ЛЮБЛЮ ТЕБЯ QRT
QRT

– Не перестаю удивляться, как эти звуки могут что-то означать.

Развернувшись, Дина обнаружила Риса Эйткена, висящего у люка между ее мастерской и МОРЖом – Модулем обеспечения ресурсами жизнедеятельности, крупным объектом в форме пивной банки, соединявшим «Иzzi» и Амальтею. По бокам МОРЖа имелось несколько стыковочных узлов для дополнительных модулей. По причине всевозможных задержек и бюджетных сокращений задействован в данный момент был только один – рядом с ним и плавал Рис. Под мышкой он держал что-то завернутое в одеяло.

Дина шмыгнула носом и поняла, что ей срочно нужно привести себя в порядок.

– Давно ты здесь?

– Только что.

Отвернувшись, Дина схватила полотенце и вытерла глаза и нос. Рис, чтобы сгладить неловкость, тем временем поддерживал беседу:

– Смотреть объявление было совсем невыносимо, я решил заняться чем-нибудь полезным. И кое-что обнаружил. Вода течет вниз. Ладно, это я и раньше знал. Однако внутри тора, под плитами пола, собирается конденсат – мы стараемся контролировать процесс, но это требует регулярного техобслуживания. Так что я принес тебе подарок, – неожиданно закончил он.

Дина повернулась к нему и уставилась на сверток:

– Букет алых роз?

– Это в следующий раз. Пока что...

Он протянул ей сверток. Дина взяла его – как и все здесь, он, разумеется, был невесом, однако инерция давала понять, что сверток довольно массивен. Развернув одеяло, она услышала характерное потрескивающее шуршание, потом увидела, что предмет под ним запакован в кусок металлизированного пластика, который на «Иzzi» широко применяли для теплоизоляции. Сам предмет был неровный и шишковатый. И холодный. Отвернув пластик, Дина увидела кусок льда. Овальный, формой напоминающий линзу. Замерзшая лужа.

– Классно!

От куска отделилось несколько водяных капель; в бьющих сквозь окошко лучах солнца они засверкали бриллиантами. Дина собрала капли тем самым полотенцем, которым только что обтерла лицо, но прежде на мгновение помедлила, чтобы полюбоваться их сиянием. Словно маленькая галактика из сверхновых.

– Ты что-то говорила о загадочном сообщении от Шона Пробста?

– У него все сообщения загадочные, даже если перевести их на обычный язык.

Шон Пробст был ее боссом – основателем и главой «Ар-джуны».

– Но там было что-то насчет льда, – продолжал Рис.

– погоди-ка. Давай засунем этот кусок в шлюз, пока он совсем не растаял.

– Тоже верно. – Оттолкнувшись, Рис переместился в дальний угол мастерской, где в изогнутую стену был встроен круглый люк диаметром около полуметра. – Тут сплошь зеленые огоньки – значит, я открываю?

– Давай.

Рис повернул рычаг, деактивирующее запирающее устройство, и открыл люк, за которым обнаружилась небольшая камера. Через этот

самый шлюз Дина доставляла роботов внутрь для техобслуживания и вновь выпускала их на Амальтею. Шлюзовые камеры, рассчитанные на людей, были значительно больше – внутри должен был помещаться как минимум один человек в громоздком скафандре, – и, соответственно, сложнее и дороже, частично из соображений производственной безопасности, частично потому, что проектировались в рамках государственных программ. Шлюз Дины, напротив, был спроектирован за пару недель небольшой командой из «Арджуны» и предназначался для объектов поменьше. Размером он был с крупный мусорный бак. Для экономии места внутри модуля шлюз смонтировали снаружи: он торчал в пространство, словно пожарный гидрант-переросток. С наружной стороны шлюза также имелся куполообразный люк, который Дина могла открывать и закрывать изнутри с помощью механической системы рычагов, словно позаимствованной прямиком у Жюль Верна. Сейчас, разумеется, этот люк был закрыт, а камера заполнена воздухом – морозным, поскольку мастерская вместе со шлюзом вышла из тени всего несколько минут назад.

Дина слегка подтолкнула кусок льда, и он поплыл к Рису через мастерскую. Воскликнув: «Мой!», Рис поймал его.

– Что?

– Регби, – пояснил Рис и сунул лед в камеру. – Найдется у тебя какой-нибудь «хват» поблизости, чтобы его забрать?

– Подгоню через минуту. С ним там за это время ничего не делается.

– Тоже верно. – Рис закрыл люк и защелкнул задвижку, затем повернулся и посмотрел на Дину, которая в свою очередь подняла на него взгляд. Некоторое время оба смотрели друг на друга.

– Так, значит, вода конденсируется и собирается в лужу в одном месте внутри тора, куда ты можешь добраться, сняв панель? – спросила наконец Дина.

– Да.

– И там замерзает?

– Ну, как правило – нет. Мне пришлось ей помочь, поиграв немного с параметрами климат-контроля.

– Вот даже как?

– Просто стараюсь экономить энергию.

Дина плавала сейчас в противоположном конце мастерской, рядом с люком, соединяющим ее с МОРЖом. Выглянув в люк, она убедилась, что поблизости никого нет. Насколько ей было известно, часть персонала находилась на совещании в торе, а у остальных в планах значился выход в открытый космос.

– Что ж, с *формальной* точки зрения... – начала она.

– Формально так поступать не следовало, – перебил он. (Дина невольно восхитилась его намеренной прямоотой.) – Потому что, когда мы откроем внешний люк и вытащим кусок льда в открытый космос, чтобы твои роботы могли по нему ползать, он начнет сублимировать.

Сублимация по сути дела ничем не отличается от испарения, просто в процессе не участвует жидкая фаза: термин означает, что твердое тело, помещенное в вакуум, постепенно превращается в пар и улетучивается. Со льдом это происходит особенно быстро, если только не поддерживать его температуру чрезвычайно низкой.

– Следовательно, «Иzzi» будет терять воду, – констатировала Дина. – А вода – ценный и дефицитный ресурс.

– Подумаешь, – пожал плечами Рис. – Времена изменились. После сегодняшнего объявления ракеты будут прибывать одна за другой.

– И все-таки работа, которую требует от меня Шон, – это проект «Арджуны». Коммерческий. Частный проект. А вода – общий ресурс...

– Дина.

– Что?

– Хватит уже, радость моя!

Последовала длительная пауза, завершившаяся тем, что Дина глубоко вздохнула:

– Хорошо.

Рис был прав. Времена изменились.

Она наконец почувствовала, что его любопытство больше ее не сердит. В конце концов, может, Рис и правда сумеет ей помочь? Повернув голову к окну, она кивком указала на хорошо знакомую поверхность Амальтеи всего в нескольких метрах:

– Это – вся моя карьера, она же – продолжение семейного дела. Работа с минералами. Камни. Руды металлов. Все роботы оптимизированы для того, чтобы ползать по железной глыбе. Они используют магниты, чтобы держаться. Плазменную дугу и абразивные диски, чтобы резать. Теперь Шон требует, чтобы я отложила все это в сторону. Будущее, говорит он, за льдом. Ни о чем другом слышать не хочет. И ему нужно, чтобы я тоже работала со льдом.

– На Земле льда полно, – заметил Рис, – но никто никогда не считал его за минерал.

– Увы, – кивнула она, – однако этой оплошности придется положить конец.

– А твои коллеги внизу? Тоже переключились на лед?

– Судя по мейлам, распоряжение относится ко всей фирме, – ответила Дина. – Лед заказывают целыми грузовиками и вываливают на пол лаборатории, а в здании молотят охладительные системы – по счастью, в Сиэтле зима, всего-то нужно убавить несколько градусов. Все покупают себе термобелье в альпинистских магазинах, чтобы выжить в этом холодильнике.

– Любопытно, каково это – работать на мистера Фриза^[2].

– Я скорее подумала о Пингвине, только зонтиков в Сиэтле никто не носит.

– Цилиндров тоже, насколько я в курсе. Определенно мистер Фриз.

– Как бы то ни было, – сказала Дина, – вот что пришло вместе со вчерашними витаминами.

Она открыла сундучок рядом с рабочим столом и достала оттуда пакет из серого пластика с металлическим отливом – такие обычно служат для защиты чувствительной аппаратуры от электростатики. К нему была приклеена скотчем визитка с логотипом НАСА.

– Хорошо, когда у тебя друзья на самом верху, – прокомментировал Рис. Он успел прочитать имя на визитке – Скотт «Спарки» Спалдинг, директор НАСА.

– Скорее уж в самом низу, – с улыбкой ответила Дина.

Шутка получилась так себе. Рис даже не улыбнулся в ответ. Дина почувствовала, что краснеет. Вышло не столько даже совсем не смешно, сколько неловко.

– Две недели назад Скотт заверил, что не выбросит меня за борт. Что я могу на него рассчитывать.

– А поточнее?

– Что программа по робототехнике не сворачивается. И что у меня есть собственный фронт работ. Я тогда ему не поверила. Но, похоже, он все же поговорил обо мне с Шоном Пробстом. Поскольку Шон отправил Спарки этот пакет с курьером два дня назад и он уже здесь.

Расстегнув пластиковую застежку, Дина запустила внутрь пакета большой и указательный пальцы и извлекла наружу устройство размером с рисовое зернышко. На расстоянии оно напоминало что-то вроде фотоэлемента, фактически – просто кусочек кремния, однако по краям у него обнаружили совсем уж микроскопические конструкции.

– Что это там болтается? – заинтересовался Рис.

– Опорно-двигательная система.

– Ноги?

– У этого – да, ноги. У других – маленькие гусеницы, как у танков,

ролики или салазки.

– Салазки? Новый технический термин?

– Так на шахтах говорят. На салазках передвигают тяжести. Я тебе потом покажу.

– Стало быть, – заключил Рис, – похоже, что в планах – протестировать различные способы передвижения роботов по льду, которые не позволят им оторваться и улететь.

– Ну да. Я так понимаю, в Сиэтле все они более или менее выдержали испытания. А моя задача – сделать то же самое в космосе.

– Ну, выходит, крупно повезло, что у тебя...

– Что у меня как раз нашелся собственный кусок льда, ага. Спасибо тебе!

– А за то, что он контрабандный, отдельное спасибо разве не полагается? – деланно удивился Рис. Намек в его голосе был более чем отчетлив.

– С букетом роз у тебя было бы больше шансов! – парировала Дина.

– Послушай, – возразил Рис, – что, собственно, мужчина хочет сказать, преподнося букет? Только то, что ты ему небезразлична.

Вскоре после прибытия на «Иzzi» Дина соорудила что-то вроде занавески, прикрывающей люк в мастерскую. Ничего особенного, просто одеяло, однако если Дине хотелось вздремнуть прямо на рабочем месте, она по крайней мере не была у всех на виду. Занавеска поперек люка означала также, что Дину не следует беспокоить, во всяком случае, входить без стука. Сейчас она протянула руку – и задернула занавеску. Потом снова повернулась к Рису, который внимательно следил за ее действиями и, судя по всему, полностью их одобрял.

– Как там твоя тошнота? – спросила его Дина. – Что-то ты сегодня очень бодро выглядишь.

– Бодрей не бывает. Организм под контролем, внезапной потери жидкости не ожидается.

– Вот сейчас и проверим.

Вторжение русских началось через неделю целой серией запусков, которые НАСА охарактеризовала как «не вполне успешные», а Роскосмос сообщил о «приемлемых потерях».

Если смотреть со стороны, «Иzzi» состояла преимущественно из солнечных батарей. Для станции они конструктивно были примерно тем же, что крылья для птицы – в том смысле, что от них требовалась наибольшая площадь при наименьшей массе.

Основная же масса – а также «хребет» и «мозги» – станции находилась в пирамидке из модулей, похожих на консервные банки. Она помещалась внутри, между «крыльями», и сильно уступала им в размере. С многих направлений саму станцию было и не разглядеть за ее недавними крупными приобретениями – Амальтеей на одном конце и тором на другом.

Солнечные батареи, как и другие, отдаленно похожие на них структуры, служившие, чтобы рассеивать в космос излишки тепла, крепились к «интегрированной ферменной конструкции». Слово «ферма» на языке инженеров-строителей означает все, что похоже на радиовышку или стальной мост – то есть систему стержней, соединенных в подобие решетки и обеспечивающих максимум прочности при минимуме веса. По большей части стержни были закрыты кожухами, так что выглядели толще, чем на самом деле. Внутри кожухов размещалась невообразимо сложная паутина проводов и трубок, а также разнообразные датчики и механизмы для раскладывания и поворота солнечных батарей. За редкими исключениями интегрированная ферменная конструкция была негерметичной – то есть не предназначенной для человеческого обитания. Этим она напоминала технические постройки на крышах небоскребов – открытые всем стихиям и редко посещаемые людьми. При выходах в открытый космос астронавты забирались в кожухи ферм, чтобы покопаться в проводке или починить какую-нибудь неисправность, однако большая часть экипажа «Иzzi» проводила весь полет внутри значительно меньшей по размерам пирамидки из консервных банок – «тела» станции.

Теперь положению дел предстояло измениться.

«Иzzi» могла расширяться лишь до известного предела, и не только из-за ограниченного числа дополнительных модулей или торов. Начиная с какого-то момента пределом становилась сложность системы, неспособная к дальнейшему увеличению. По всей станции требовалось провести электричество, и везде, где оно использовалось, в процессе этого генерировалось тепло. Чтобы тепло не накапливалось на станции, пока ее обитатели не поджарятся, требовалась система охлаждения, которая собирает излишки и отправляет по трубам к радиаторам, «светящим» этим теплом в космос в виде инфракрасного излучения. Для того чтобы набить больше людей в обитаемую часть станции, требовалось больше солнечных панелей, батарей, радиаторов, а также проводов и трубок, соединяющих все это между собой. И это еще без учета других вопросов жизнедеятельности – как обеспечить всех пищей, водой и кислородом или как перерабатывать углекислый газ и отходы.

Поскольку мозговой центр Облачного Ковчега, или Облака –

самоорганизовавшаяся рабочая группа, состоящая из ветеранов правительственных космических агентств и предпринимателей в космической сфере – все это прекрасно понимал, его выбор пал на единственную потенциально работоспособную стратегию: распределенную и децентрализованную систему. Размер каждой капсулы, или «капли», как стали называть составляющие «облако» корабли, должен позволить вывести ее на орбиту тяжелой ракетой. Электричество она будет получать от небольшого и несложного атомного реактора, содержащего высокорadioактивные изотопы, способные выделять тепло и, как следствие, производить электричество в течение десятилетий. В Советском Союзе такие реакторы применялись на удаленных маяках, стаж их использования в космических аппаратах также насчитывал не один десяток лет.

В капле должно было обитать несколько человек. Точное количество все время менялось по мере того, как на рассмотрение представлялись различные проекты, и колебалось от пяти до дюжины. Все упиралось в то, насколько быстро удастся наладить массовое производство надувных структур – размещение людей в кабинах, по сути представляющих собой воздушные шары с толстыми стенками, позволило бы значительно увеличить емкость. Однако разработать воздушные шары, способные постоянно удерживать атмосферное давление в условиях солнечной радиации, перепадов температур и попаданий микрометеоритов, было задачей не одного дня.

Все понимали, что в долгосрочной перспективе Облако как единое целое должно полностью обеспечивать себя пищей. Вода будет использоваться в непрерывном цикле. Выдыхаемый людьми углекислый газ станут поглощать растения, производя при этом кислород и пищу для обитателей. Подобные сценарии разрабатывались давным-давно, как в научной фантастике, так и в ходе практических экспериментов. Эксперименты шли с переменным успехом, однако сейчас их результаты внимательнейшим образом изучали специалисты, разбирающиеся в вопросе значительно лучше Дины. Но и ей удалось понять, что имеет смысл потихоньку привыкать к низкокалорийной вегетарианской диете, а также к перепадам в подаче кислорода.

Однако в изоляции никакая капля долго не продержится, сколь хороша бы ни была ее экосистема. Оборудование может испортиться, люди – заболеть, удобрения и другие расходные материалы – истощиться. Наконец, обитатели, запертые в тесном пространстве в неизменном обществе друг друга, попросту с ума посходят.

Текущие проекты капель, равно как и всего Облака, непрерывно менялись. Сегодня система называлась «полностью распределенной», подразумевая, что в конечном итоге центрального склада – то есть «Иzzi» – не останется, а обмен материальными ценностями и «персоналом» между каплями будет происходить в ходе «стыковок по договоренности». Это означало, что две капли должны будут договориться о сближении и на какое-то время соединиться нос в нос для обмена пищей, водой, витаминами или людьми. Механизм такого обмена предполагался сугубо рыночным, а центральное командование и контрольные органы не предусматривались.

На следующий день появлялся новый эдикт, согласно которому общую координацию должен осуществлять командный центр на «Иzzi». Станция также станет складом для всего, что возможно складировать. Тор – вернее, торы, поскольку работа Риса по сооружению второго шла полным ходом, – будут использоваться для отдыха: обитатели капель, чтобы не звереть в замкнутом пространстве и не терять костную массу от постоянной невесомости, смогут по очереди отправляться туда на каникулы.

Планы, разрабатываемые «капельмейстерами» (как стали называть членов рабочей группы Дина и Айви), метались, подобно мячику от пинг-понга, между этими двумя крайностями, что, вероятно, означало наличие в группе как минимум двух фракций. Централизаторская фракция напомнила, что долгая невесомость опасна, а значит, людям нужны каникулы в торе. Через два дня децентрализаторы предложили так называемые «бола» – схему, в которой две капли, соединившись длинным тросом, вращаются вокруг общего центра тяжести. Это позволяло достичь в каждой из капель искусственного тяготения, превосходящего то, что дает тор. Еще через два дня централизаторы опубликовали компьютерную анимацию, демонстрирующую, что случится, если два таких бола зацепятся тросами. Если рассматривать все как черный юмор, по-своему выходило даже забавно.

В краткосрочной перспективе все это, впрочем, не имело значения, поскольку даже по совершенно безумному нынешнему расписанию на проектирование и строительство первой капли требовалась не одна неделя. Чтобы запустить на полную мощность производственные линии для тяжелых ракет, способных вывести их на орбиту, уйдут месяцы. В ближайшее же время на «Иzzi» будет прибывать разношерстный ассортимент уже существующих аппаратов, преимущественно «Союзов»; выводить их на орбиту будут имеющиеся на данный момент ракеты. На них придут «пионеры», чья задача – расширить интегрированную ферменную

конструкцию и подготовить ее для пристыковки многочисленных капель, для хранения всевозможных запасов, а также для того, чтобы это все работало. Пионеры будут проводить большую часть времени в скафандрах, выполняя ВКД, «внекорабельную деятельность», иными словами – работая в открытом космосе. В общей сложности пионеров должно быть около сотни. Сейчас они проходили тренировки, а тем временем для них спешно изготавливали скафандры.

Однако на «Иззи» в ее нынешнем виде места для еще ста человек попросту не было. На станции даже не хватило бы стыковочных узлов, чтобы их всех принять. Поэтому, чтобы подготовить место для прибывающих через месяц-другой пионеров, капельмейстеры отправили перед ними скаутов. От них требовались всего лишь чудовищная физическая выносливость, презрение к смерти и определенное представление о том, как работают системы скафандров. Все скауты были русскими.

Места на станции для скаутов не было. Точнее сказать, места как такового было достаточно, но не хватало систем жизнеобеспечения. Имеющиеся поглотители CO_2 были рассчитаны на значительно меньшее количество легких. Туалетов на целую станцию было всего три, из них один проработал на орбите уже двадцать лет.

Жить скауты будут большей частью в своих скафандрах. Определенный смысл в этом имелся, поскольку перед ними стояла задача работать каждый день до полного изнеможения. Шестнадцать часов в сутки, которые скаут проведет в скафандре, можно вычесть из времени, в течение которого ему потребуется работа систем жизнеобеспечения «Иззи».

На момент Ноль во всей известной Вселенной имелось около десятка исправных скафандров. Производство с тех пор резко выросло, но их все равно не хватало. Самая распространенная модель, русский «Орлан», был рассчитан примерно на два часа автономной работы – больше и не требовалась, поскольку обычный человек за два часа в открытом космосе выматывается до полного изнеможения. На этом внутренние ресурсы скафандра заканчивались. Это означало, что скаутам придется в основном пользоваться «пуповинами». Их скафандры будут подключаться пучком из кабелей и шлангов к внешней системе обеспечения жизнедеятельности, подающей воздух и электричество, одновременно отводя излишнее тепло и отходы.

Однако в часы, отведенные для отдыха, скаутам понадобится место,

где можно снять скафандр.

Кто-то в Роскосмосе откопал старинный проект спасательного устройства и запустил его в производство. По-русски устройство называлось «Луковица», или сокращенно «Лук», но в английском название со временем приобрело транскрипцию *Luck*, то есть «удача» или даже «везуха».

Устройство «Лука» было простым, как и все лучшие образцы российской технологии. Берем космонавта. Сажаем его в пластиковый мешок с воздухом.

Если это обычный пластиковый мешок, космонавт рано или поздно задохнется, или же лопнет мешок – как правило, они не рассчитаны на целую атмосферу. Значит, мешок следует наполнить воздухом под таким давлением, которое он может выдержать – долю атмосферы, – после чего поместить внутрь другой мешок. Давление в этом мешке сделать чуть повыше. Этого по-прежнему недостаточно для жизни космонавта, поэтому вставляем в него третий мешок и добавляем еще давления. Вставляем мешок в мешок, словно в русской матрешке, пока давление в самом последнем не станет достаточным для жизни – теперь туда можно сажать космонавта. Множественные слои прозрачного пластика придают всей системе определенное сходство с луковицей.

У этой схемы имелось много достоинств, поскольку устройство было простым, дешевым и легким. В сдутом виде «Лук» можно сложить и свернуть для хранения, причем размером он будет с небольшой рюкзак.

Разумеется, воздух внутреннего мешка, которым дышит обитатель «Лука», в скором времени насытится углекислым газом, но на этот счет существует стандартное для космических кораблей и подводных лодок решение – воздух следует пропустить через реагент, поглощающий CO_2 , например гидроксид лития. Если внутрь также подавать кислород взамен использованного, все будет в порядке.

Тепло от тела космонавта также будет скапливаться в атмосфере внутреннего мешка и превратит ее в баню. Значит, требуется охлаждающая система.

Определенная сложность связана с тем, как попасть в «Лук» и выйти наружу. Каким-то образом русские определили, что любой человек – во всяком случае такой, чья физподготовка годится для отряда космонавтов – в состоянии протиснуться через отверстие диаметром сорок сантиметров. Соответственно каждый «Лук» оборудовали фланцем – сорокасантиметровым кольцом из стеклопластика с отверстиями для

болтов. Все слои пластика соединялись здесь в единое целое, еще более усиливая сходство с луковицей, как будто в этом месте срезан зеленый стебель. Чтобы воздух не вышел наружу, фланец снабдили прочной диафрагмой из значительно более толстого пластика; когда космонавт попадал внутрь, диафрагма закрывалась.

Таким образом, согласно процедуре, космонавт должен был развернуть «Лук», найти фланец, надеть его на голову, заползти внутрь, пока не пройдут плечи и таз, потом втянуть ноги, нащупать диафрагму и закрыть ее. На этой стадии «Лук» представлял собой грудку мягкого пластика, болтающуюся вокруг космонавта, как спальный мешок. Когда он оказывался в космическом вакууме, можно было открывать клапан, чтобы заполнить многочисленные слои воздухом. «Лук» при этом расширялся до размеров небольшого фургончика и мог дрейфовать в космосе, пока не прибудет спасательный корабль.

Стыковочный узел спасателя должен будет нести адаптер с болтами, соответствующими отверстиям на фланце «Лука». Когда между ним и спасательным кораблем будет установлено герметичное соединение, можно открыть люк и диафрагму и впустить космонавта домой с мороза. Вернее, учитывая трудности с теплоотводом в вакууме – из бани.

Скафандры «Орлан» имеют полужесткую конструкцию – туловище космонавта заключено в твердую оболочку, с которой соединяются штанины, рукава и шлем. В спине скафандра имеется дверца, снабженная герметической прокладкой. Чтобы его надеть, дверцу открывают, продевают ноги в штанины, руки – в заканчивающиеся перчатками рукава, а на голову надевают шлем. После того, как дверцу сзади закроют, скафандр становится автономным.

Роскосмос начал выпускать модули под названием «Вестибюль», совершенно новую конструкцию, разработанную на основе имеющихся частей за какие-то две недели. Целью этого импровизированного устройства было служить переходником между «Луком» и «Орланом».

Размера «Вестибюля» едва хватало, чтобы там поместился лежащий на спине человек. Фланец с одной его стороны соответствовал сорокасантиметровому кольцу на «Луке». Если космонавт выползал из «Лука» в «Вестибюль» ногами вперед, ему как раз доставало места, чтобы, извиваясь, попасть ими в штанины «Орлана», ожидающего с открытой дверцей на противоположной стороне. Хотя прежде он должен был загерметизировать «Лук», задраив вручную диафрагму и затянув болты с помощью ключа-трещотки.

Оказавшись внутри «Орлана», космонавт активировал встроенный в

«Вестибюль» механизм, закрывавший за ним дверцу на спине. Небольшое количество оставшегося в «Вестибюле» воздуха стравливалось в вакуум, и космонавт мог отправляться на работу. В конце рабочего дня процедура повторялась в обратном направлении. Подобно жителю пригорода, который ночью спит на втором этаже своего дома, а на первом в гараже стоит машина, космонавт мог отдохнуть и расслабиться, плавая внутри «Лука», пока его скафандр запаркован в противоположном конце «Вестибюля».

На практике все было не так гладко.

«Лук», «Вестибюль» и скафандр составляли замкнутую систему. Был только один способ ее покинуть – влезть в скафандр, закрыть дверцу и через открытый космос проследовать к шлюзовой камере «Иззи». Любая неисправность, не позволяющая надеть скафандр или закрыть дверцу, означала, что никакая спасательная операция невозможна, в лучшем случае – чудовищно маловероятна. На второй день скаутской программы один из космонавтов погиб из-за пробойны в «Луке», скорее всего, вызванной микрометеоритом. После этого все системы «Лук» – «Вестибюль» перенесли к носу станции, чтобы укрыть их за Амальтеей. От всех камней астероид не защитит – но от некоторых может.

Поскольку как покинуть систему, так и войти в нее в космосе было нереально, скауты стартовали с Байконура уже в скафандрах, соединенных с «Вестибюлями» и «Луками». Этого было не избежать – взлетно-посадочные модули не предназначены для подобного оборудования. В результате их набивали, по шестеро за раз, в грузовые корабли, не предназначенные для людей и лишенные систем жизнеобеспечения. Таким образом, непосредственно перед стартом скауты переходили на воздух и энергию из собственных скафандров и оставались на них до самого прибытия на МКС. Полет занимал не меньше шести часов, поэтому в пути нужно было подавать в скафандры дополнительные воздух и энергию. В результате неисправностей в предназначенных для этого системах в первом экипаже скаутов погибли двое, а во втором – еще один.

Потребности, обусловленные новыми задачами, значительно превышали проектные возможности скафандров, а «Луки», разумеется, не имели сколь-нибудь существенных систем обеспечения жизнедеятельности, поэтому все зависело от пуповин, соединяющих устройства с модулями «Завод». Это было еще одно устройство, наспех подготовленное русскими за пару недель на основе имеющихся технологий. «Завод», подключенный к электричеству, источнику воды и загруженный кое-какими расходниками, мог поддерживать

жизнедеятельность космонавтов, удаляя из воздуха CO_2 , собирая мочу и отводя тепло. Охлаждение достигалось тем, что вода замораживалась на поверхностях, открытых вакууму, откуда потом сублимировала в пространство. Из-за неисправностей «Заводов» в первых трех скаутских экипажах погибли четверо. Двоих убила софтверная ошибка, потом с Земли передали новую версию. Одного – лопнувший шланг. Четвертая смерть так и не получила официального объяснения, но судя по тому, что экипаж «Иззи» видел через иллюминаторы и системы видеонаблюдения, все походило на гибель от перегрева. Отказала система охлаждения, космонавт потерял сознание и умер от инсульта. После этого случая от использования импровизированных систем охлаждения «Луков» отказались и просто стали каждый день передавать космонавтам по герметичному мешку со льдом.

Несчастные случаи происходили и во время работы. В А+0.35 одного из скаутов чуть не убила поврежденная пуповина, так что он был вынужден отсоединиться от «Завода» и предпринять героическое и весьма рискованное путешествие к ближайшему шлюзу, где его буквально в последнюю минуту впустили внутрь.

Еще через два дня один из скаутов пропал без каких-либо объяснений, видимо, став жертвой микрометеорита, если не самоубийства.

Таким образом, из первого экипажа в шесть скаутов двое прибыли уже мертвыми, третий погиб в «Луке» на следующий день. Во втором экипаже был один погибший, третья шестерка добралась до «Иззи» без потерь. Из четырнадцати выживших четверых убили неполадки с «Заводами», один пропал без вести, а еще один был вынужден «демобилизироваться» из скаутов и перебраться на «Иззи» по причине неисправного оборудования.

Айви, как старшая по должности, отвечала за любые необычные или экстраординарные решения, то есть за проблемы, решать которые никто больше не умел или не хотел. Соответственно, ей пришлось решать, что делать с телами.

Разумеется, существовала процедура. В НАСА имелись процедуры на все случаи жизни. Они давно предусмотрели, что астронавт может скончаться во время полета – от сердечного приступа или несчастного случая. Поскольку сотню килограммов разлагающейся плоти невозможно держать внутри станции, где живут и работают люди, идея в целом сводилась к тому, чтобы выморозить тело в вакууме, а потом погрузить на ближайший направляющийся к Земле «Союз». Как известно, посадку осуществляет только средний, взлетно-посадочный модуль «Союза».

Сферический орбитальный модуль, закрепленный над ним, сбрасывается при входе в атмосферу и в конце концов сгорает в плотных слоях. Обычно в него загружают всевозможный мусор, чтобы он тоже сгорел.

Тела, разумеется, не совсем мусор, однако огненное погребение в атмосфере – способ ничуть не хуже всех остальных, современный эквивалент погребального обряда викингов.

Обычный цикл взлетов и посадок в настоящее время, разумеется, прервался. Все отправлялось на орбиту, но вниз уже ничего не спускалось. Орбитальные модули имело смысл сохранить в качестве жилищ или хранилищ для припасов. «Мусор» тоже стоило разобрать и найти ему новое применение. Даже мешки с фекальными массами можно использовать в качестве удобрений для гидропонного хозяйства.

Айви единолично решила, что у новых правил будет одно исключение. Все тела теперь отправлялись в пустой орбитальный модуль, закрепленный на решетке фермы. Он был разгерметизирован, так что тела могли спокойно замерзнуть там, где их никто не видит. Когда модуль наполнится, будет проведена церемония, после чего его сведут с орбиты и молча проводят взглядом огненно-белую полосу в атмосфере.

Впрочем, пока что в модуле еще оставалось место.

До того, как удастся подготовить очередную тяжелую ракету и прислать шесть человек пополнения, у них было восемь трудоспособных скаутов. Они работали пятнадцатичасовыми сменами, которые иногда продлевали до восемнадцати часов. Смены делились на трехчасовые отрезки; каждый отрезок состоял из двух рабочих часов, за которыми следовал час отдыха прямо на месте, то есть – в скафандре.

Дина, работавшая в своей мастерской, не знала, чем они занимались – из ее окна ферменную решетку видно не было, а скауты все время проводили там. В принципе она могла посмотреть трансляцию с видеокамер, но у нее были дела поважней.

После несчастного случая с «Луком» и микрометеоритом Дина одержала небольшую победу в пользу робототехники: отправила своих подчиненных перетаскать оставшиеся «Луки» в укрытие. Амальтея располагалась на носу «Иzzi» и в силу направления орбитального движения станции была наиболее уязвима для космического мусора. Фактически астероид закрепили там в качестве бампера – прикрывать от ударов все, что за ним. Сзади на астероиде оставалось достаточно места для нескольких «Луков», где у них было больше шансов на длительное выживание, а заодно и укрытие от космических лучей.

Команда железяк добывающих роботов Дины сейчас простаивала как

минимум на то время, пока ее босс переключил внимание на замерзшую воду. Так что в минуты, свободные от того, чтобы гонять новоприбывших малышей по кускам контрабандного льда, Дина отправляла роботов постарше сверлить на тыльной стороне Амальтеи дыры и загонять туда простейшие крепления, а потом швартовать к ним «Луки» при помощи тросов. Такую швартовку трудно было назвать стационарной, так что первое время «Луки» плавали туда-сюда, лениво ударяясь друг о друга, словно гроздь воздушных шаров. Однако через день-другой установилась относительно стабильная конфигурация, которая, правда, полностью закрыла Дине вид из окошка. Теперь она не видела ничего, кроме пластика. Ее это не беспокоило. Зная, какому риску подвергают себя скауты, она не чувствовала оснований для капризов.

Каждая из оболочек «Лука» практически прозрачна, но поскольку слоев было много, то, что внутри, виделось смутно. Дина могла разглядеть контуры тела ближайшего космонавта, но не лицо. Однако это несомненно была женщина.

Скауты жили по двадцатичетырехчасовому распорядку. Женщина за окном каждый день возвращалась со смены, когда у Дины трудовое утро было в самом разгаре. Она видела, как та с трудом пробирается по поверхности Амальтеи, держась за швартовочные крепления, рассчитывая каждый шаг, уворачиваясь от тросов и шлангов. Женщина наверняка была вымотана до невозможности. Дина как-то отработала в скафандре два часа и после этого сутки не могла пошевелиться. Иногда Дина посылала «хвата» или «ужика», чтобы женщине было за что ухватиться в сложной ситуации. Тогда она поворачивала голову, глядела на Дину сквозь стекло гермошлема и моргала глазами – Дина считала, что это выражение благодарности. В конце концов она достигала раскрытого портала «Вестибюля» и забиралась внутрь, где (Дина этого уже не видела) за дело брался автоматический механизм, который фиксировал скафандр в креплении, выравнивал давление и открывал дверцу, позволяя ей извлечь голову, руки и ноги. Нащупав ключ-трещотку, плавающий на цепочке из кабельных стяжек, женщина вытягивала руки над головой и откручивала один за другим двадцать четыре винта, удерживающих диафрагму «Лука» на фланце, аккуратно вставляя потом каждый винт обратно в отверстие, чтобы он не уплыл. Только после этого она протискивалась наконец через сорокасантиметровое отверстие в относительный простор «Лука», прихватив по дороге «почту», которую доставляли в каждый «Вестибюль», пока обитатель на работе. «Почта» состояла из пищи, питья, туалетных принадлежностей, мешка льда, который потом растает, обеспечивая

температурный контроль, мешка для отходов жизнедеятельности, и в данном конкретном случае – тампонов.

Поскольку все теперь было организовано на лету и не всегда напрямую, Дина не могла не то что общаться с соседкой, но даже спросить, как ту зовут. Как ни нелепо, ситуация ничем не отличалась от Одиннадцатого сентября, когда пожарные не могли переговариваться с полицией. Скауты пользовались собственными рациями со своим набором частот, а у Дины такой не было.

Тем не менее, изучив биографические справки на сайте НАСА и отсеяв неподходящие варианты, Дина пришла к выводу, что соседку зовут Фекла Алексеевна Ильюшина. Она была летчиком-испытателем, а на последних Олимпийских играх взяла бронзу в легкоатлетическом семиборье. В советские времена это открыло бы перед ней блестящие карьерные возможности в качестве пропагандистского символа. Однако консервативный уклон, свойственный в последнее время русской культуре, почти не оставил для женщин места в традиционно мужских профессиях, включая военную службу и космонавтику. Как следствие, большая часть карьеры Феклы прошла за пределами России, в частных аэрокосмических корпорациях. Вернулась она лишь несколько лет назад, став одной из двух действующих женщин-космонавтов. Дина была достаточно искушена в жизни, чтобы заподозрить за этим политику: Роскосмосу, чтобы не рассориться на почве дискриминации с НАСА и Европейским космическим агентством, в отряде космонавтов требовалась как минимум одна женщина.

Фекле был тридцать один год. Для официальной фотографии отряда космонавтов с ней поработали стилисты, сделав ей давно вышедшую из моды прическу в стиле леди Дианы, которая Фекле к тому же совсем не шла. Во время Олимпиады один желтый сайт включил ее в список пятидесяти самых сексуальных спортсменок, однако она затерялась там в самом конце. Дине она показалась симпатичной: высокие скулы, зеленые глаза, светлые волосы и все остальное, чего можно ожидать от суперменки славянского происхождения. Однако неудивительным было и ее сорок восьмое место из пятидесяти – во взгляде Феклы читался такой строгий холод, что создателям сайта пришлось попотеть, отбирая фотографии, причем, как заподозрила Дина, без фотошопа все равно не обошлось. Мужчины того сорта, что посещают подобные сайты, сочли бы ее скорее отталкивающей – причем сами бы не смогли объяснить, почему именно. А тугие струны ее дельтовидных мышц при толкании ядра их бы и вовсе напугали. Комментарии Дина читать намеренно не стала – она и так прекрасно представляла себе, что там написано.

Феклу послали на смерть, и она, вероятно, это понимала.

После каждой смены, просочившись через фланец и свободно плавая в молочном пластиковом пузыре «Лука», она стягивала одежду с жидкостным охлаждением, которую носила весь день. Между слоями голубого сетчатого эластика в нее были вшиты гибкие трубки. Все это работало, только если подсоединить одежду к насосу, который гнал через трубки холодную воду. После шестнадцати часов Фекла, очевидно, ее ненавидела, поэтому сдирала с себя в первую очередь. Потом, спустив трусы до колен, она сдувала и извлекала гибкий катетер, подсоединенный к мочевому пузырю, пока она на работе. Затем обтиралась влажными салфетками, доставленными с «почтой», и выбрасывала их в мусорный мешок. Похоже, перед отлетом Фекла побрилась наголо или сделала короткую стрижку, так что уход за волосами ей не требовался. Лишь закончив гигиену, Фекла открывала упаковку сухого пайка и принималась за еду. За этим нередко следовали позывы опорожнить кишечник, что приходилось делать самым примитивным способом – с помощью пластикового пакета и еще одной упаковки салфеток. Все это тоже шло в мусорный мешок, который перед следующей сменой Фекла оставит в «Вестибюле», откуда его и заберут. Затем она выключала полоску белых светодиодов – единственный источник света в «Луке», иногда некоторое время глядела в экран планшета, после чего опускала на глаза повязку и засыпала.

«Иззи» обращалась вокруг Земли за девяносто две минуты, проходя каждый раз через смену дня и ночи. Так что половину времени, пока Фекла спала, Дина могла видеть ее прямо за окном, плавающую почти без одежды внутри «Лука», словно плод в амниотической жидкости.

Дина наблюдала за расписанием дня Феклы около недели и обнаружила, что это занятие отвлекает ее больше, чем хотелось бы. Она зазвала в мастерскую Айви, а потом и Риса, чтобы показать им спящую Феклу. Они много о ней говорили и даже пересылали друг другу фото Феклы, найденные в Интернете.

– На ее месте могла бы быть одна из нас, малыш, – сказала как-то Дина Айви.

– Мы и так на ее месте, – возразила Айви, – разница довольно условная.

– Ты думаешь, в конце концов и нам придется жить так же?

Айви задумалась, потом покачала головой:

– Знаешь, так ведь долго не проживешь.

– Ты думаешь, это камикадзе?

– Думаю, это ГУЛАГ, – возразила Айви, – маленький такой ГУЛАГ прямо у тебя под окном.

– Значит, по-твоему, у нее все-таки проблемы?

– У всех у нас проблемы, – напомнила ей Айви.

– А, ну да. Я забыла.

– Ей ведь еще повезло. – Айви хотела сказать, что Фекле по крайней мере удалось покинуть Землю.

– По ее виду не скажешь, – вздохнула Дина. – В жизни не видала такого одиночества. Она хоть разговаривает с кем-нибудь по своему планшету? Или только бродит по сайтам?

– Если хочешь, спрошу у Спенсера, – усмехнулась Айви. – У него наверняка в логах есть все пакеты.

Дина знала, что Айви шутит, и тем не менее откликнулась:

– Ну его. Хоть какую-то частную жизнь она заслужила.

Рис отреагировал по-другому – он возбудился. Хотя и постарался не подать виду. Однако между тем, как он увидел Феклу, и сексом с Диной прошло, по самым щедрым оценкам, не более получаса. Не сказать, чтобы Рису особенно требовался стимул, чтобы завестись. Как, впрочем, и Дине. И она всегда чувствовала, когда дело к тому идет.

Чувство это основывалось на исходящем от Риса запахе – во всяком случае, когда его не тошнило. В другое время и в другом месте одного запаха, конечно, было бы недостаточно. Им пришлось бы сперва ходить на свидания или что-то в этом духе. Решать проблемы с уже существующими партнерами, с разными стилями жизни и кругами знакомств. Здесь же все происходило само собой. И это было великолепно.

Судя по тому, чем сейчас был заполнен Интернет, то же самое творилось сейчас повсеместно. Быть может, человечеству и предстояло исчезнуть, но впереди у него было целых два года секса в свое удовольствие.

А вот спать вместе было не так просто. В принципе Рис вроде бы не возражал, но это оказалось очень трудно организовать. Как правило, астронавты пользовались спальными мешками, чтобы во сне куда-нибудь не уплыть. Мешки были рассчитаны на одного человека. Производство спальников на двоих НАСА как-то не успело наладить, так что если после секса их клонило в сон, они пытались импровизировать, заворачиваясь во что попало, чтобы удержаться рядом. Больше нескольких минут все равно выходило редко. Затем Рис уходил поработать, а Дина, если все еще чувствовала сонливость, залезала в спальник, который держала в мастерской, иногда бросив перед этим виноватый взгляд в окно, на бедную

Феклу.

Как-то раз, когда Фекла отправилась на работу, Дина достала шоколадный батончик из привезенного с Земли запаса, написала на обертке свой мейл и вручила «хвату», которого затем отправила наружу через шлюз. Проведя «хвата» по поверхности Амальтеи до крепления, к которому был пришвартован «Вестибюль» Феклы, Дина заставила его подняться по тросу (без особого труда – для этого имелся алгоритм) и влезть внутрь «Вестибюля», где он занял позицию и застыл, держа батончик в вытянутой клешне.

Когда Фекла вернулась после смены, Дина, к своей радости, увидела, что она развернула и съела батончик. Потом подняла руку и вроде как помахала сквозь пластик. Выражения ее лица, к сожалению, было не разобрать.

«Хват» оставался в «Вестибюле» – ему было не выбраться, пока Фекла снова не уйдет. Увидев, что Фекла плывет в ту сторону, Дина метнулась к компьютеру и переключилась на изображение с видеокамеры «хвата». Вздрогнула от радости, когда в кадр всплыло великолепно различимое лицо Феклы.

Она не так уж и плохо выглядела. Дина ожидала увидеть что-то вроде узника концлагеря. Похоже, недостатка в пище Фекла не испытывала.

Разумеется, Дину она видеть не могла. Аудиосвязи тоже не было. В вакууме звук не распространяется, так что ни микрофонами, ни динамиками космические роботы не оборудованы.

Фекла смотрела на «хвата» без всякого выражения, возможно, прикидывая, может ли тот ее видеть.

Дина сунула руку в сенсорную перчатку, ввела команду, соединяющую ее со свободной клешней «хвата», и помахала ей в воздухе.

Зеленые глаза дернулись вниз – Фекла смотрела на клешню. По-прежнему без эмоций.

Дина немного обиделась. Разве «хват» не был симпатяшкой, пусть даже механическим и слегка страшненьким? И разве она не забавно помахала клешней?

Фекла поднесла к камере обертку от батончика. На ней, под адресом Дины, было написано «БЕЗ МЕЙЛА».

Что это означает? У нее нет своего адреса? Планшет не подключен к почте?

Или же она просит Дину не связываться с ней подобным образом?

У «хвата» был фонарь, яркий белый светодиод, который Дина могла включить, нажав кнопку на клавиатуре. Дина включила фонарь, увидела,

как осветилось лицо Феклы, как у нее в глазах отразились огоньки.

У русских, наверное, и код Морзе не такой, как у американцев.

Но Фекла должна его знать, она же летчик!

Мигая длинными и короткими вспышками фонаря, Дина просигналила «МОРЗЕ».

Фекла кивнула, Дина увидела, как ее губы складываются в слово – русское да.

Дина просигналила:

ТЕБЕ ЧТО ТО НУЖНО

Губы Феклы тронуло легчайшее подобие улыбки. Не радостной. Скорее озадаченной.

Она подняла остаток батончика и показала на него пальцем.

Дина ответила:

ЗАВТРА

Фекла кивнула. Потом отвернулась, сверкнув в ярком свете фонаря коротко остриженными волосами, и уплыла в середину своей луковицы.

«Пять процентов».

Этимися словами Айви открыла очередное совещание в «банане».

Который был набит битком – двенадцать человек изначального экипажа «Иzzi», пятеро прибывших на «Союзе» в А+0.17, а также Игорь – скаут, вынужденный попроситься внутрь, когда его скафандр вышел из строя. Вместе с Марко и Джибраном он готовил «банан» к совещанию – пришлось развесить дополнительные вентиляторы, чтобы прогонять побольше воздуха, иначе весь отсек заполнился бы двуокисью углерода. Дина на этот счет пошутила, что есть прямой смысл собираться в герметичных помещениях, чтобы заканчивать поскорей. На шутку никто не отреагировал, разве что Рис. В общем, вентиляция редела даже громче, чем обычно на станции, так что Айви пришлось повысить голос и перейти на интонации Большого Начальства.

– Сегодня – День тридцать семь, – продолжила она. – Десять процентов от трехсот шестидесяти пяти дней. Если это правда, что от Ноля до Каменного Ливня у нас два года, то позади уже пять процентов времени, в течение которого мы можем рассчитывать на помощь с Земли. Пять процентов времени, за которое мы должны построить на месте нашей нынешней конструкции общество и экосистему, способные просуществовать бесконечно долго.

Айви стояла спиной к большому экрану и не могла видеть реакции капельмейстеров далеко внизу, в конференц-зале на другом конце

видеосоединения. В сегодняшнем совещании из них участвовали трое: Скотт «Спарки» Спалдинг, остававшийся директором НАСА, доктор Пит Старлинг, советник президента по науке, а также шведка Ульрика Эк, руководившая проектом в одном из частных космических стартапов, пока недавние события не вынудили ее сменить карьеру. Сейчас она координировала усилия нескольких государственных космических агентств и коммерческих фирм, работавших над Облаком. Видимо, она и была главным капельмейстером.

«Видимо» было существенной частью утверждения, поскольку каждый раз, выходя на связь с Землей, Дина обнаруживала, что все меньше и меньше понимает, что там происходит. С одной стороны, ей повезло так, как мало кому во всем человечестве. Ведь ей выпало жить. В то же время она, как и все остальные, мало что знала о происходящем на планете внизу и была вынуждена строить догадки, основываясь на случайных намеках.

Свои соображения Дина попыталась сверить с Айви – та призналась, что у нее самой не хватает пищи для выводов, а то, что до нее доходит сейчас, противоречит услышанному пять минут назад.

Фактически им пришлось заняться кремленологией. Во времена СССР у западного человека был единственный способ понять, что там происходит: следить за официальными лицами на трибуне Мавзолея во время первомайской демонстрации и делать выводы на основании того, кто где стоит и кто кому пожал руку. Сейчас Дина точно так же пыталась гадать по трем лицам на экране. Причем от Спарки не было особого толку. Как и подобает опытному астронавту, взгляд его блуждал в нескольких парсеках отсюда, а невнимание Спарки к тонкостям политики давно вошло в поговорку.

С этой точки зрения Пит Старлинг был его прямой противоположностью. Работа Пита заключалась в том, чтобы нашептывать научные версии происходящего на ушко президенту. И за последние тридцать семь дней недостатка в работе у него не наблюдалось. В прошлом он руководил крупными научными проектами в университетах, и за какие-то десять лет дорос от заштатной Миннесоты, через Джорджию и Колумбийский, до Гарварда. Спрашивается, что он делает на этом совещании? Проку от него все равно никакого. Выходит, он здесь – глаза и уши Джей-Би-Эф.

Но Джей-Би-Эф-то какое дело? На таких совещаниях ничего не решается, здесь просто докладывают о происходящем согласно установленной форме.

Когда Айви закончила фразу, Пит в сомнении скривил рот и перевел

взгляд на Ульрику Эк – даму лет под пятьдесят, довольно дородную, но, если верить Рису, очень толковую. Видео высокого разрешения не скрыло от Дины, как глаза Ульрики чуть шевельнулись – она заметила, что Пит повернул голову, но не сочла нужным это показать.

Ульрике Пит явно не нравился. Но и авторитет руководителя проектов она заработала не на пустом месте.

– Айви, – начала она, – хотелось бы избежать непонимания. Когда мы говорим о «конструкции», мы употребляем этот термин не в буквальном смысле. У нас просто нет другого.

Айви обернулась к экрану.

– «Конструкция» – пожалуй что не лучший термин, – кивнула она согласно. – Ничего еще толком не сконструировано.

– По-моему, – вмешался Пит Старлинг, – Ульрика хочет сказать, что Облачный Ковчег пока еще гибкая концепция, которая с прагматической точки зрения за девяносто пять процентов оставшегося в нашем распоряжении времени может измениться до неузнаваемости.

Айви наморщила брови. Внизу что-то происходило, политическая борьба в той или иной форме. Такие, как Пит, чувствовали себя в подобной ситуации как рыба в воде.

– Зря тратим время, – вступил в разговор Федор. – Я расширяю фермы для пионеров. – Федор прекрасно владел английским, но будучи рассержен – как сейчас – переходил на рубленые фразы. – У меня восемь костюмов снаружи, пять внутри. Всего тринадцать. Несчастливое число.

Слово «костюм» в последнее время вошло в оборот в качестве синекдохи и обозначало человека, способного работать в открытом космосе и обладающего исправным и пригодным для этой цели костюмом, то есть скафандром.

– Пионеры прибывают через две недели, так? Тогда мне нужны еще скауты. Как говорится, вчера.

Когда Федор прибыл на «Иззи» шесть месяцев назад, это воспринималось всеми как прощальный полет, после которого он перейдет на административную работу в Роскосмосе. Нельзя сказать, что Федор пренебрегал своими обязанностями, но чувствовалось, что он больше озабочен перспективой и смотрит на «Иззи» глазами чиновника, которому желательно, чтобы она без проблем дослужила до его выхода на пенсию. Разумеется, в момент Ноль все переменялось. И еще больше – с началом русского вторжения. Не то чтобы Федор получил новое звание или должность. В этом не было никакой необходимости. Просто все русские столь же неукоснительно, сколь и неофициально, признавали его за

начальство. Соответственно изменилось и поведение самого Федора. Он подчеркнуто признавал за Айви общее руководство, но при этом давал понять, что за костюмы целиком и полностью отвечает он сам. Благодаря подобной власти он словно вырос в размерах и теперь нависал над собеседником. Морщинистое лицо Федора затвердело, и даже голос стал резче.

Ответил ему Спарки.

– Федор, топливный насос уже починили. Всего лишь неисправный датчик. Пуск состоится, как и планировалось... – он посмотрел на часы, прикинул в уме, – через четырнадцать часов. Еще через шесть ты получишь свои костюмы.

– А «Заводы», «Вестибюли»? Я давал список.

– Федор, инженерные службы занимаются доработками двадцать четыре часа в сутки.

– Механизм закрывания дверцы. С ним не все ладно.

Остаток совещания был посвящен пионерам, чье прибытие ожидалось через две недели и которые пока что должны были жить в модулях, либо жестких, либо надувных, но более комфортабельных по сравнению с «Луками». Модули должны были цепляться к заполненным воздухом трубам со спиральными ребрами жесткости, почти как в вентиляционных системах крупных складов, а сложная комбинация таких труб – крепиться к фермам. Дину все это мало касалось, так что она отвлеклась на ноутбук. Работы у нее хватало, а после слов Айви о пяти процентах совсем не хотелось глазеть в потолок на скучных совещаниях.

В основном она теперь занималась роботами, ползающими по льду. Или, с учетом недавнего груза – роющими во льду туннели. Однако она решила, что работу по железодобывающим роботам прекращать тоже нельзя. Пусть даже по четверть часа в день – все же лучше, чем ничего. В противном случае, как опасалась Дина, проект может закрыться насовсем.

С этой целью в левом нижнем углу экрана у нее было открыто окно, транслирующее видео с Амальтеи, в основном – с камер роботов, которые были заняты чем-то полезным. Дина держала его на краю поля зрения, разбираясь с мейлами, таблицами плановых работ и диаграммами Ганта.

В какой-то момент она краем глаза заметила некий непорядок. Через несколько минут он снова бросился ей в глаза, и Дина отложила в сторону все остальное. Увеличив окно, она приняла контроль над роботом, передававшим видео, повращала его камерой и наконец захватила в поле зрения то, что ее беспокоило.

Это был силуэт Феклы, плавающей в «Луке». Его ярко-голубой цвет означал, что на ней охлаждающее белье. Это как раз было нормально, Фекла надевала его каждый день перед сменой. Дальше она должна была протиснуться ногами вперед в «Вестибюль» сквозь фланец. Чего Фекла не делала. Она перемещалась взад-вперед между «Вестибюлем» и «Луком». Сквозь фланец она проходила вперед головой (что уже было ненормально), что-то делала минуту-другую, потом возвращалась в «Лук» и принималась водить пальцами по планшету.

Она явно задерживалась. В любой другой день к этому моменту Фекла была бы уже в скафандре и на ферме.

На ноутбук отвлеклась не только Дина. Федор – в обычное время не отличавшийся страстью к мейлам и прочим новомодным штучкам – тоже не отрывался от экрана планшета и время от времени обменивался взглядами с Максимом, который делал странные жесты, словно дергая себя за несуществующую бороду.

Что-то было не так.

Что там только что сказал Федор? С механизмом закрывания дверцы не все ладно?

Это не было абстрактным утверждением. Федор имел в виду нечто конкретное. А именно – Феклу.

Фекла могла выбраться из «Лука» через «Вестибюль» и залезть в скафандр, но дверцу сзади закрывал механизм. Если он неисправен, скафандр не загерметизировать. Это означало, что она не может покинуть ОВЛ (как стали называть комбинацию скафандра «Орлан», «Вестибюля» и «Лука»).

Это была еще не катастрофа, но хорошего тоже мало. Чтобы получить «почту», Фекле следовало отделить скафандр от «Вестибюля», оставив вход открытым для доставки, пока ее нет дома. А «почта» означала пищу, воду, лед и картриджи для очистки воздуха от CO₂.

Дина не знала, сколько времени Фекла протянет без «почты», но полагала, что вряд ли больше суток. И что прежде всего прочего ее убьет жара.

Нужно было придумать, как Фекле попасть в «Иззи». Поскольку ОВЛ был спроектирован из подручных средств, шлюза, как у космических кораблей, он не имел. Не было ни люка, ни переходного устройства.

До конца совещания, которое продолжалось еще около получаса, Дина поглядывала на Федора, пока не пришла к выводу, что он готов пожертвовать Феклой. «Готов» в том смысле, что считает это неизбежным и

взял соответствующие эмоции под контроль.

Дина поняла, что означает «БЕЗ МЕЙЛА». Быть скаутом означало, что вероятнее всего тебе предстоит умереть. И раз уж ты готов на жертву, нет смысла спамить скаутскую рассылку мольбами о помощи и прощальными сообщениями. Фекла могла связаться с Федором, и больше ни с кем, в чем был свой резон. Защитники Ленинграда, Сталинграда и Москвы этот резон понимали и принимали всей душой. Однако с современной этикой он как-то не слишком вязался.

Поправка: с современной этикой, как ее было принято понимать в эпоху одной Луны.

К нынешнему положению вещей он подходил безукоризненно.

Часть души Дины разрывалась, требуя броситься перед Федором на колени и умолять его об организации спасательной операции, героической и драматической. Выход должен быть. Они все смотрели «Аполлон-13» и постоянно сыпали цитатами оттуда.

Но она понимала, каким будет ответ. Через две недели начнут прибывать корабли с пионерами. Если к их прилету приготовления не будут закончены, всех можно сразу считать покойниками. Времени нет. На замену Фекле вот-вот придут новые скауты.

В этот момент Дина порадовалась, что совещание затянулось, что Спарки не придерживается согласованного списка вопросов, а Пит Старлинг пользуется любым случаем вернуть очередное словцо из бюрократического лексикона. Поскольку в голове у нее начал оформляться план. Который еще нужно согласовать с Айви и Рисом, а, возможно, и с Марко. Ей также понадобится помощь Марджи Колан – лучшего врача в ее распоряжении все равно не будет. Однако без участия Федора и его костюмов, похоже, удастся обойтись.

Федор тем временем что-то быстро печатал двумя пальцами. Дина уставилась ему в лицо и не отводила глаз, пока он не закончил. Очевидно, Федор тоже обратил на это внимание, поскольку, закончив, поднял взгляд и уставился ей прямо в глаза, сохраняя идеальный покерфейс.

Дина не отвела взгляда.

В глазах Федора промелькнула тень понимания. Понимания того, что Дине тоже все известно. Конструкцию «Иззи» он представлял себе, как никто другой. И был прекрасно в курсе того, где Дина проводит все свое время и что может рассмотреть из окна. Дина прекрасно видела, как он все просчитывает в голове и к каким выводам приходит.

Федор явно ждал от нее всплеска чувств. Следовательно, от Дины требовалось сохранять спокойствие. Стоит ей пустить слезу, уважения

Федора, как и его внимания, уже не вернуть.

– Федор, – произнесла Дина. – Я знаю.

Федор изумленно моргнул, потом, замаявшись, едва заметно кивнул в ответ.

– Что ты знаешь? – заинтересовался Пит Старлинг по видео-связи. – Я упустил что-нибудь важное?

– Да нет, – пожала плечами Дина, – мы просто обсуждаем в конструктивном ключе, как поставить индивидуальные достоинства членов коллектива на службу общим интересам.

Если верить данным сайта «50 самых сексуальных спортсменов», физически Айви не так уж сильно отличалась от Феклы. Та была несколько плотнее сложена, зато Айви – на пару сантиметров выше. Поэтому первым делом они загнали Айви в небольшой шлюз, через который Дина впускала и выпускала роботов. Поджав голову и подтянув колени к груди, Айви как раз туда поместилась, даже с небольшим запасом. Сделав фото, Дина приложила его к мейлу с подробными инструкциями.

Спенсер Грайндстафф, работая еще совсем юнцом на ЦРУ, успел собаку съесть на взломе правительственной электронной почты то одной, то другой страны. Он нашел способ переправить мейл Фекле на планшет, заключив тело письма в оболочку, будто бы исходящую от Федора.

Дина видела, как Фекла читает сообщение. От планшета она подняла взгляд на окно, потом перевела его на шлюз. К тому моменту Дина начала опасаться, что Фекла без сознания – та не двигалась уже несколько часов. Как потом решила Дина, избегая лишних движений, Фекла просто пыталась сэкономить кислород и уменьшить тепловыделение.

Кабельной стяжкой Дина прицепила к внутреннему люку шлюза мощный светодиод, потом закрыла люк. Открыла клапан и сбросила воздух в пространство, «заполнив» шлюз вакуумом, потом потянула рычаг – обычный, механический – и открыла внешний люк. Ей было видно, как белое сияние отражается от пластиковой оболочки «Лука» в нескольких метрах от шлюза и как Фекла повернула голову, когда свет привлек ее внимание.

Для того чтобы подтянуть пузырь «Лука» к открытому шлюзу, требовались скоординированные усилия нескольких роботов. Дело это оказалось безумно утомительным и чем-то напоминало попытку поймать воздушный шарик при помощи пассатижей. Дина собиралась использовать «ужиков» – их у нее был с десяток. «Ужик» мог соединиться – ухватившись «зубами» за «хвост» – с другим «ужиком», удвоившись в длине, и так до

бесконечности, пока не образуется управляемое механическое щупальце. Дина расположила первого «ужика» хвостом к Амальтее и закрепила его, как в шарнире, посредством двух вставших на якорь «хватов». Второй прополз по первому и соединился с его головой, так что его собственная теперь торчала в пространство. По ним взобрался третий и тоже закрепился, и так далее, пока над поверхностью астероида не поднялся хлыст, понемногу огибающий пузырь, в котором была заключена Фекла.

Пока все шло по плану. Но чем длинней становилась цепочка, тем сложнее было ей управлять. Конструкцией «ужики» напоминали гусеницу и состояли из одинаковых сегментов, соединенных подвижными шарнирами. Шарниры управлялись моторчиками, а моторчики – написанным Диной кодом, и по идее все было под контролем. Проблема заключалась в том, что у каждого шарнира имелся определенный допуск по гибкости, что с точки зрения Дины было не чем иным, как систематической ошибкой. С увеличением длины ошибка накапливалась, и когда Дина соединила трех «ужиков», она обнаружила, что плохо представляет себе координаты конца хлыста, не говоря уже о том, чтобы им управлять. Попытка приложить механическое усилие, заставив хлыст изогнуться вокруг скользкой, округлой поверхности «Лука», только усугубила проблему.

За всем этим наблюдал Рис, появившийся через несколько часов после начала операции. В подобных случаях у него была манера подолгу молчать, потом внезапно задать вопрос, вроде бы совершенно неуместный, но при этом означающий, что он тоже думает над проблемой.

– А что будет, если выключить все моторы и дать этой штуке просто болтаться? – спросил он на этот раз.

– А тор свой ты что, уже достроил? – возмутилась Дина, обернувшись, чтобы смерить его как можно более уничтожающим взглядом.

– Сначала надо вот с этим разобраться, – миролюбиво ответил Рис.

Дине было что ему сказать по данному поводу, однако слова вдруг застряли у нее в глотке. Рис опять игрался со своим ошейником. На шее он обычно носил цепочку, не сказать чтобы особо массивную или причудливую, просто тонкую нить из граненых звеньев, не золотую, а из нержавеющей стали – Рис цеплял на нее флешки и тому подобные мелкие предметы, чтобы они не уплыли неизвестно куда. Сейчас, впрочем, на цепочке ничего не висело – она просто вертелась у него вокруг шеи. Цепочка образовывала широкий волнистый овал и, не касаясь ни шеи, ни воротника, вращалась в пространстве вокруг. Дина уже видела раньше, как Рис проделывает подобный трюк, в основном – как средство от скуки на

совещаниях. Он даже научился ускорять ее скорость или менять форму, просто подув на цепочку через соломинку или щелкнув по ней пальцем. Форма была отнюдь не круглой, как следовало ожидать. Движущиеся звенья могли принять чуть ли не любую форму и без внешнего воздействия сохранять ее сколь угодно долго. Когда, обернувшись, Дина обнаружила, что Рис опять занимается этой фигней, она уже было закатила глаза и произнесла что-то вроде: «Блин, тебе совсем мозги нечем занять?», однако выражение лица Риса означало – тут что-то поважнее игрушек.

Сейчас форма цепочки напоминала вытянутую беговую дорожку, которая при очередном обороте чуть было не коснулась шеи – но Рис щелкнул по ближайшим звеньям, расширил ее во что-то, напоминающее круг, и поднырнул, оставив кольцо вращаться в воздухе.

– Если что, я пытаюсь транслировать тебе мудрость предков, – уточнил он.

– Твои предки жили в невесомости?

– Увы, нет. Но мой прапрапрадядюшка Джон Эйткен, эксцентричный викторианский метеоролог, имел еще более эксцентричное хобби: физика движущихся цепочек. К несчастью, заниматься этим ему приходилось в собственной гостиной, в Фолкерке – а там тяготение, как это ни печально, наблюдалось. Вот это вот все, – Рис кивнул на вращающиеся звенья, – ему приходилось имитировать с помощью чрезвычайно сложных машин.

– Надо полагать, он у тебя был весьма умен.

– Член Королевского общества и друг лорда Кельвина, раз уж ты сама об этом заговорила. Впрочем, чувствуешь ли ты, к чему я клоню?

– Ну, ты мне только что тонко намекнул насчет того, чтобы выключить моторы «ужиков». Если бы я тебя послушалась, они бы обмякли и с практической точки зрения ничем не отличались бы от куска цепи.

– Угу, – протянул Рис и выставил указательный палец на пути своей цепочки. Она стукнула по ногтю, дернулась – и внезапно обмотала всю ладонь беспорядочными узлами.

– Воистину вдохновляюще! – заметила Дина.

– Не торопись. Похоже, кое-что дядюшка Джон все же выяснил. Кроме того, еще один деятель по имени Кухарски впоследствии занимался тем же самым в Берлине. – Рис разматывал цепочку в поисках застевки. Обнаружив и расстегнув ее, он превратил кольцо цепочки в отрезок длиной примерно в собственную руку. – К сожалению, в Берлине тоже наблюдается тяготение, так что он делал все на горизонтальной плоскости. Подержи-ка вот тут, будь добра.

По его просьбе Дина сжала пальцами середину цепочки, зафиксировав ее в пространстве. Рис отвел оба конца в свою сторону, так что цепочка приняла форму вытянутой тощей буквы U.

– Теперь можешь осторожно отпустить, – сказал он.

Дина выпустила цепочку и отплыла чуть назад, поскольку Рис сейчас выглядел как готовый к очередному трюку фокусник. Он выпустил один конец цепочки, а другой зажал между большим и указательным пальцами.

– Что произойдет, если я сейчас потяну? – спросил он. – Какие будут предсказания?

– Надо полагать, все двинется в твою сторону.

– Давай попробуем. Подними-ка палец.

Дина ткнула пальцем «вверх», Рис протянул свободную руку, мягко взял ее запястье и развернул так, что палец Дины теперь находился в десяти сантиметрах от вершины U-образно изогнутой цепочки.

– Попытка – не пытка! – и он потянул цепочку на себя, прочь от Дины. Вопреки ее ожиданиям, изгиб стал удаляться от Риса и, соответственно, приближаться к Дине, а свободный конец развернулся подобно кончику бича и несколько раз обмотался ей вокруг пальца.

– Попалась, – констатировал Рис и подтянул Дину поближе.

– Как пастуший хлыст, – согласилась Дина, сматывая с пальца цепочку – впрочем, недостаточно быстро для того, чтобы избежать приятного соприкосновения с Рисом.

– Физика одна и та же, – согласился Рис. – Кухарски называл вот эту штуку – движущуюся U-образную петлю – *кникштель*. Означает это что-то вроде «местоположения пут».

– Цепи, бичи, теперь еще и путы. Сколько интересного я только что узнала о твоих викторианских предках!

– Ну, ты же не думала, что я это все начал безо всякой задней мысли?

– Подожди-ка. Я вижу, к чему ты клонишь. Не нужно изо всех сил, до судорог, контролировать «ужиков», как если бы это было щупальце. Наоборот, пусть они расслабятся и обовьются вокруг «Лука», словно эта цепочка.

Оказалось, что скромный экскурс в физику девятнадцатого столетия проходил по ведомству «шаг назад, пять шагов вперед». На то, чтобы добавить к цепи еще четырех «ужиков» и отключить все моторы, кроме тех, которые потребовались, чтобы придать ей U-образную форму, ушло лишь несколько минут. Сила, приложенная к одному концу, заставила *кникштель* вести себя ровно так, как и продемонстрировал Рис – свободный его конец лениво шлепнул вдоль всей окружности «Лука». Несколько попыток ушло

на то, чтобы челюсти свободного конца сумели за что-то зацепиться на противоположной стороне, но после этого «Лук» оказался в прочном захвате. Вдоль цепи побежали «хваты», тащившие с собой концы тросов, закрепленных на Амальтее или «Иzzi», так что в результате «Лук» оказался внутри железной паутины, с помощью которой Дина стронула его с места и подтянула вплотную к модулю, где была ее мастерская.

Даже после успешного гамбита пастушьего бича на все ушел почти целый день. Рис, как за ним водилось, уплыл прочь. Монгольская космонавтка Бо проскользнула в мастерскую, часа два молча понаблюдала за происходящим, потом попыталась как-то помочь. Она разобралась с компьютерной перчаткой и клавиатурными командами, просто наблюдая за Диной, и к вечеру уже гоняла «хватов» туда-сюда и манипулировала «ужиками», словно всю жизнь этим занималась.

Появилась и стала наблюдать за последними приготовлениями Марджи Колан. Она была физиологом из Австралии и прибыла на «Иzzi» шесть месяцев назад, чтобы изучать влияние космического полета на человеческий организм. Дине ее манеры казались резковатыми, хотя, быть может, австралийцы все такие. Она принесла с собой коробку лекарств и медицинских инструментов. Определенная медицинская подготовка имела у каждого астронавта на «Иzzi». Дина и Айви прошли тренировку в травматологии Хьюстона, где зашивали раны и накладывали шины. Однако лучше Марджи на станции никого не было.

– Не совсем та работа, на которую ты подписывалась, – сказала ей Дина.

– Никто из нас сейчас не занят тем, на что подписался, – резонно заметила Марджи.

– Разве что Фекла, – это был новый голос. Айви. Она была не в мастерской – Дина, Бо и Марджи заняли все наличное место, – но рядом, в МОРЖе.

– Готова к новым рекордам, Айви? – спросила ее Дина.

– Отчего не попробовать? – откликнулась Айви.

Это был Q-код, относящийся к одновременному числу женщин на станции. Предыдущий – четверо – был установлен в 2010 году. Несколько месяцев назад, когда на «Иzzi» прибыли Марджи и Лина, присоединившись к Айви и Дине, его удалось повторить. Когда три недели назад вместе с «Союзом» прибыла Бо, рекорд был побит. Фекла станет шестой – при условии, что ее удастся втащить через шлюз.

Если же дела пойдут не лучшим образом, может получиться и так, что количество снова упадет.

– Бо, спасибо за помощь. Тебе, наверное, лучше сейчас быть снаружи, где Айви.

– Удачи, – откликнулась Бо, оттолкнулась от шлюзовой камеры и проплыла через мастерскую, сквозь люк и в МОРЖ, где ее поджидала Айви.

– Позади вас все задраено? – уточнила Дина, скорее от нервов, чем из практической необходимости. Невозможно представить, чтобы Айви за чем-то не проследила. Так или иначе, меры предосторожности были повышены сразу после разрушения Луны, и все модули «Иzzi» сейчас по мере возможности отделялись друг от друга герметично закрытыми люками, чтобы попадание болида в один модуль не уничтожило весь комплекс целиком.

Айви даже не потрудилась ответить.

– И что делать с этим люком в случае чего, вы тоже знаете? – не могла остановиться Дина.

– Сильно много болтаешь, когда нервничаешь, – заметила Айви.

– Верно замечено, – поддержала ее Марджи. – Мы будем начинать или как? Она там, небось, вот-вот задохнется.

– О'кей, подаю сигнал, – отозвалась Дина.

Когда она девочкой мечтала о космосе, глядя на плакат с изображением Снупи-астронавта на потолке своей комнатухи, затерянной в Южной Африке, или следя за прямым репортажем с космической станции по спутниковому каналу в Западной Австралии, слово «сигнал» означало бы отрывистую команду в микрофон или сообщение, набранное на клавиатуре. В действительности она просто подплыла к окошку и, разглядев Феклу через четырнадцать слоев полупрозрачного дымчатого пластика чуть ли не на расстоянии вытянутой руки от себя, показала ей поднятый вверх большой палец.

Фекла кивнула и подняла к лицу небольшой предмет. Это был складной нож на шнурке, который Фекла предусмотрительно обмотала вокруг запястья. Движением пальца она раскрыла зазубренное лезвие.

Дина кивнула.

Фекла кивнула в ответ и уплыла из поля зрения по направлению к шлюзовой камере.

– Она на подходе, – сообщила Дина.

Она уже успела все прикинуть и решила, что Марджи обладает достаточной физической силой. Та была довольно коротенькой и приземистой, но скорее атлетического типа, чем клушей.

Дина взялась за механический рычаг, закрывающий внешний люк, и

попросила:

– Держи меня покрепче.

Ее сильно беспокоил пластик. Лохмотья наверняка застрянут по периметру люка, а закрывающая механика очень чувствительна.

Идея была достаточно простой. Дина проиграла в уме весь сценарий не меньше сотни раз. Когда Фекла сделает разрез, длиной сантиметров в десять, во внутренней оболочке «Лука», воздух устремится сквозь него в пространство между этим слоем и соседним, поскольку давление там меньше. Просунув в разрез голову и плечо, она станет чем-то вроде пробки в бутылке шампанского, и давление попытается вытолкнуть ее наружу. Если затем она разрежет следующий слой, потом еще один, и еще, позади образуется перепад давления, который выплюнет ее наружу, словно арбузную косточку. Если она будет резать в направлении белого светодиода на внутреннем люке шлюзовой камеры, туда-то ее и вытолкнет.

В этот момент она, голая и беззащитная, окажется внутри струи воздуха, стремительно расширяющейся в окружающий вакуум. Соответственно, в этот самый момент...

Свист. Мягкий, но увесистый удар.

– Господи, кажется, уже, – выдохнула Марджи.

– Она снаружи, – подтвердила Бо, которая в соседнем отсеке смотрела через планшет видеотрансляцию с расположившегося неподалеку «хвата». – В смысле – в шлюзе.

Дина изо всех сил потянула за рычаг, чтобы захлопнуть внешний люк. В соответствии с третьим законом Ньютона ее тело поплыло в противоположном направлении, так что усилие чуть не пропало впустую, но руки Марджи крепко обхватили ее и остановили – очевидно, Марджи нашла, на что опереться.

– Ты ей сейчас ногу отставишь, – выдохнула Бо.

– Вот зараза!

– Нога торчит наружу.

– Дина, – вмешалась Айви, – приоткрой немного люк, у нее застряла нога.

Дина ослабила усилие. Но что, если Фекла без сознания? И не может принять позу эмбриона, как ей показали на фотографии?

Перемена в тоне голосов Бо и Айви подсказала ей, что не все так плохо.

– Она внутри! – воскликнула Айви.

– Закрывай люк, закрывай скорее! – Бо уже кричала.

Дина потянула рычаг до самого конца и защелкнула его в этом

положении. Ощущение было не совсем такое, какое нужно, но во всяком случае люк теперь был закрыт.

Марджи тем временем привела в действие клапан, впускавший воздух в шлюзовую камеру. Это следовало делать постепенно, но она открыла его сразу полностью – воздух в отсеке пришел в движение, в диафрагмах возникло неприятное чувство, у обеих заложило уши.

– Наружу выходит кровь, – сообщила Бо севшим голосом. – Брызжет прямо из-под люка.

– Мать вашу, – выругалась Дина.

Это означало одновременно две плохие новости – люк не закрыт, а Фекла ранена.

– Давайте уже открывать, – перебила их Марджи.

В конечном итоге, чтобы преодолеть перепад давления, потребовались усилия всех четверых – Дина, Марджи, Бо и Айви вместе набились в тесное помещение, засунули пальцы под кромку люка, уперлись в стены и изо всех сил напрягли мускулы ног и поясницы. Воздух со свистом всосался в шлюз, люк с силой распахнулся – как улетает прочь крышка, когда наконец-то удалось открыть вакуумную упаковку.

Фекла была в шлюзе – в позе эмбриона, как от нее и требовалось, и с ног до головы в крови.

На секунду все застыли.

Голова Феклы шевельнулась. Она подняла к ним лицо – там, где должен быть глаз, оказалось лишь кровавое пятно.

Дина не завопила, словно маленькая девочка, лишь потому, что у нее ком подкатил к горлу. Бо глубоко вздохнула и что-то забормотала.

Фекла убрала руки от груди и ухватилась ими за края шлюзовой камеры. Шнурок так и был обмотан вокруг ее запястья. За шнурком последовала рукоятка ножа. Дина решила было, что лезвие обломилось, но тут же поняла, что оно просто целиком вошло Фекле в предплечье.

Фекла потянула себя из камеры, потом остановилась. Голова ее уже торчала внутрь помещения.

Глаз открылся. Налитый кровью глаз на окровавленном лице. Но, если не считать этого – глаз как глаз.

Уши Дины снова заработали, и она осознала, что слышит громкое шипение. Звук воздуха, покидающего Международную космическую станцию не через широкое отверстие, а сквозь небольшие щели вокруг неплотно закрытого внешнего люка. Воздух утекал мимо тела Феклы, образуя позади нее вакуум – и ей нужно было преодолеть разницу давлений, чтобы попасть внутрь.

Дина устыдилась, словно хозяйка, забывшая поздороваться с гостем, и, нагнувшись вперед, ухватила Феклу за руку. Марджи ухватила за другую, и наконец покрытое кровью, словно смазкой, тело Феклы, хлупнув, выскочило из шлюзовой камеры в помещение станции.

Дина успела закрыть внутренний люк лишь наполовину. Дальше за дело взялся Большой пылесос, как среди астронавтов старой школы было принято называть вакуум, и захлопнул крышку с такой яростью, что стало страшно.

Давление в модуле успело значительно упасть. Не настолько, чтобы вызвать кислородное голодание, но вполне достаточно, чтобы тревожные сигналы зазвенели по всей «Иzzi» и до самого Хьюстона.

Марджи занялась предплечьем Феклы, из которого хлестала кровь, а Бо и Айви, уже натянувшие голубые медицинские перчатки, протирали ей лицо салфетками. Обстановка постепенно прояснялась. В общих чертах замысел удался. Ножом Фекла отработала как надо и прицел взяла верный, однако чуть-чуть перестаралась. Ее вышвырнуло через внешний слой «Лука» в шлюзовую камеру с такой силой, что она ударилась головой о металлические петли и сильно рассекла кожу вокруг глаза. Оттуда хлынула кровь. Одновременно лезвие ножа, зацепившись за что-то, развернулось и вонзилось ей в руку. На какое-то мгновение ее оглушило, и одна нога осталась снаружи, не давая Дине закрыть люк, но потом Фекла пришла в себя и приняла нужную позу. В результате она некоторое время оказалась под воздействием вакуума, что отнюдь не пошло на пользу ранам, но потом в шлюз ворвался воздух, и давление выровнялось еще до того, как ущерб оказался непоправимым.

Как и опасалась Дина, ошметки пластика застряли вокруг внешнего люка, с чем и было связано шипение выходящего наружу воздуха. Однако большую часть выбросило наружу, когда захлопнулся внутренний люк, а оставшиеся кусочки, которые приморозила к прокладке кровь Феклы, Дина удалила при помощи запрограммированного соответствующим образом роя «вьев». Завершить этот проект она предоставила Бо, которая осваивала тонкости управления роботами с внушающей уважение скоростью, – пусть тренируется.

Дина проплыла через всю «Иzzi» в хаб, а оттуда – в тор, где Марджи, следуя советам хирургов из Хьюстона, обрабатывала Фекле руку. Даже в слабом тяготении тора это было намного легче – вокруг не плавали кровяные шарики. Лину Феррейру и Дзюна Уэду, как биологов, привлекли в качестве ассистентов.

Айви у себя в кабинете отражала потоки гневного дерьма, хлынувшего

из Хьюстона.

Рану обрабатывали под местной анестезией, так что Фекла была в сознании. Кровь обтерли, а рассечения вокруг глаза заклеили пластырем и суперклеем. Серебристо-белая щетина волос с той стороны все еще темнела от запекшейся крови. Белки глаз были тоже налиты кровью, а лицо – покрыто множеством красных точек. Дина знала, что этого и следовало ожидать. Для таких кровоизлияний – подкожных капилляров, лопнувших из-за вакуума – был даже специальный термин: петехии. Однако по тому, как двигались глаза Феклы, фокусируясь на предметах, Дина заключила, что ее зрение вряд ли пострадало.

– Я не просила меня спасать, – первое, что сказала Дине Фекла.

– Верно, – согласилась Дина.

– У меня будут неприятности.

– У нас сейчас тоже неприятности, – снова согласилась Дина, бросив взгляд в направлении кабинета Айви. – У всех у нас проблемы – с покойниками.

Фекла почти не отреагировала, но Марджи, Лина и Дзюн одновременно глубоко вдохнули и застыли на мгновение.

– Марджи, – прозвучал с Земли голос с сильным техасским акцентом, – если ты не против, покойный хирург советует пережать артериолу, пока кровотечение не возобновилось.

– Те, кто намерен жить, – продолжила Дина, – должны привыкнуть полагаться сами на себя.

Пионеры и визионеры

– Достойный финал пьесы «Разносчик льда грядет»^[3].

– Уф, – выдохнул Рис. – Я все гадал, кто первый из нас это скажет.

Он вышел из нее, отплыл в сторону и так умело завязал сдернутый презерватив, что Дина ощутила неожиданный укол ревности. Ну, по крайней мере по мастерской ничего не разбрызгалось.

– Это был последний раз, – сообщила она ему. – Я имею в виду доставку льда.

– Морозильник прилетел?

– Прилетает завтра с Куру.

– Нельзя ли, чтобы они приложили к нему шейкер для мартини?

– Мы здесь пользуемся пластиковыми пакетами.

– Что ж, буду надеяться, что предыдущие разы – я имею в виду

доставку льда – хоть как-то помогли тому, чем ты там занимаешься.

– А ты лучше сам взгляни, – предложила Дина.

Вообще-то она уже успела завернуться в одеяло, но сейчас ткнула в стену большим пальцем ноги и подплыла к компьютеру. Покликала мышкой, на экране появилось видео. Заставка оказалась не особо живописной: черная комната, в ней – кусок льда в форме параллелепипеда под ярким, но холодным сиянием светодиодов.

– Штаб-квартира «Арджуны», надо полагать. – Рис, все еще голый, подплыл сзади и обнял ее за талию. В знак нежности – во всяком случае, Дине хотелось бы думать именно это. Отчасти так оно и было. Но она прожила в невесомости достаточно, чтобы понимать – Рис также хотел бы не уплыть в сторону, пока идет ролик.

– Да.

В кадре появился рыжеватый блондин с куцей бородкой. Он нес кусок рифленого картона – вернее сказать, крышку от коробки с пиццей.

– Это, если не ошибаюсь, Ларс Хедемекер – один из тех, с кем я сейчас постоянно общаюсь.

Ларс слегка наклонил крышку от пиццы в сторону камеры. Она была почти целиком покрыта переливающимися объектами размером с ноготь, похожими на искусственных жуков. Не меньше сотни.

– Целая куча «вьев», – заметил Рис.

– Ну... идея в том и была, чтобы создать рой.

– Это-то ясно. Похоже, они вышли-таки на производственные мощности.

Ларс согнул картонку по диагонали, так что получился желоб, и наклонил. Куча «вьев» высыпалась на кусок льда. Сколько-то при этом слетело вниз и упало на пол. Ларс ненадолго вышел из кадра, потом вернулся, толкая перед собой офисное кресло на колесиках. Поставив его позади ледяного куска, он снова исчез, чтобы вернуться с часами – явно только что снятыми со стены. Часы он пристроил на сиденье кресла, оперев об подушечку так, чтобы их было хорошо видно в кадре. Затем удалился окончательно.

Через несколько секунд освещение стало значительно ярче.

– Изображают солнечный свет, – объяснила Дина. – «Вьи» питаются от солнечных батарей, чтобы их испытать, нужен источник, яркостью соответствующий Солнцу.

Минутная стрелка часов устремилась вперед.

– Замедленная съемка? – уточнил Рис.

– Угу. Сам видишь, все происходит не сказать чтобы очень

стремительно.

Попадавшие на пол «вьи» принялись бесцельно кружить на месте, потом обнаружили кусок льда и полезли вверх по вертикальным стенкам.

– Заметь – сцепление вполне приличное, – прокомментировала Дина.

Оставшаяся наверху куча «вьев» тем временем расползлась, словно кусок масла на горячей оладье, и покрыла ледяной блок пусть и неидеальным, но все же довольно ровным слоем. Некоторые начали погружаться в лед.

– Проплавливают дыры? – заинтересовался Рис.

– Нет. Энергии требуется слишком много, а при невесомости это все равно не сработает. Просто роют тоннели. Видишь отвалы? – она показала на блок, где рядом с входами в тоннели начали образовываться белые кучки. – Это порода, которую «вьи» выбрасывают из тоннелей.

– Отвалы при невесомости тоже не насыплешь, – возразил Рис.

– Не все сразу! – Дина ткнула его локтем в бок. – Смотри, чем заняты остальные.

Она указала курсором на «вья», ползущего по ледяной поверхности. Ухватив несколько крупинки льда, «вей» развернулся и устремился к грани блока.

– Как это он? – заинтересовался Рис.

– Ну, примерно как если ты залезешь мокрой рукой в морозилку за кубиком льда. Он примерзнет к ладони. Так и здесь. И точно так же они ползают по льду и не падают.

Минутная стрелка часов ускорила еще, глазу стало заметно даже движение часовой. Поверхность ледяного куска покрылась ямами, начала проседать. В то же самое время на одном из боков образовалось вздутие, потом сделалось выступом с подпоркой снизу, словно рог у наковальни.

– Что они такое строят? – спросил Рис.

– Да это неважно. Просто демонстрация принципа.

Строительство прекратилось, стрелки часов замедлились до обычной скорости, вошел еще один инженер и сделал несколько снимков. Видео сменилось черным экраном.

– Очень любопытно, – сообщил Рис.

Дина ухватила его за руку, пока не уплыл.

– Погоди-ка. Есть еще сверхбыстрый вариант.

Который начался почти сразу же. Тот же самый фильм, но в десять раз быстрее. Все закончилось за каких-то несколько секунд. «Вьев» на этой скорости было не различить – от них осталось лишь дергающее серое облако, которое то собиралось в клочья, то снова распадалось. Внимание

тем самым привлекал к себе кусок льда. На этой скорости он вел себя не как твердое тело, а скорее как амеба, что проседает с одного боку и одновременно изящно выбрасывает в пространство ложноножку.

– Напрашивается предположение, что интерес Шона Пробста к кускам льда, выделяющим всякие штуки, – отнюдь неспроста, – заметил Рис.

– Угу. Но со мной он планами не делится.

– А нет ли возможности соединить этих «въев» между собой?

– В цепь?

– Ну да. «Ужики» не то чтобы плохи в этом смысле, но намного сложнее, чем требуется.

– У тебя одни цепи в голове. Да, возможность имеется. А потом еще можно сцепить их боками и образовать что-то вроде ткани.

– Дядюшка Джон взывает ко мне из могилы, умоляя, чтобы его хобби не пропало впустую.

– Постарайся не утратить моего расположения, – улыбнулась Дина, – тогда я и тебе дам немного поиграться.

День 56

В А+0.56 хаб, вокруг которого вращался тор, утратил звание кормового модуля «Иззи», приобретя взамен обозначение Х1. С мыса Канаверал тяжелой ракетой был запущен хаб большего размера, по имени Х2, который пристыковался к нему сзади.

Изначально предполагалось, что Х2 станет базой для полномасштабного космического туризма. Исходной задачей Риса, ради которой он провел два года в тренировках, как раз и было привести эту базу в пригодное для эксплуатации состояние. Само собой, назначение модуля теперь изменилось, но функционально все оставалось по-прежнему: большой центральный хаб Х2, а вокруг него вращается новый, тоже более крупный тор. Его – само собой, получившего название Т2 – следовало собрать прямо в космосе из комплекта жестких и надувных отсеков; часть из них загрузили в Х2, остальные предполагалось запустить в космос следом. Пока что из Х2 торчали четыре оканчивающиеся заглушками толстые «спицы» – к ним позднее добавятся элементы, образующие «обод» колеса.

К тому времени скауты успели выполнить свое основное задание, заключавшееся в том, чтобы с опорой на интегрированную ферменную конструкцию соорудить разветвленную систему пустотелых труб, около

полуметра диаметром и с расширением примерно через каждые десять метров длины. При соблюдении определенных условий, включающих в себя хорошую физподготовку, отсутствие клаустрофобии и не слишком набитые карманы, человек вполне мог передвигаться по такой трубе, как хомяк по прозрачной пластиковой трубке у себя в клетке. Расширения в трубах служили для того, чтобы можно было разойтись на встречных курсах. Устанавливались также сферические модули – точки соединения и ветвления. Трубы заканчивались стыковочными площадками, где разнообразные космические аппараты могли, причалив к станции, установить с ней прочное и герметичное соединение.

Ибо с самого начала было ясно, что места для стыковки станут, если позаимствовать выражения из жаргона Пита Старлинга, «остродефицитным ресурсом», «бутылочным горлышком» и «ключевыми ограничителями». Строить ракеты, космические аппараты и скафандры было нелегко, но по крайней мере это происходило на Земле, где на рост производства бросили колоссальные ресурсы. Однако армаде кораблей некуда будет лететь, если им не найдется куда причалить. А стыковочные узлы приходилось строить прямо на месте, на орбите.

Стыковка – дело довольно серьезное и требующее специфических технологий, однако технологии эти в ходе длительного применения отработали до совершенства. Китайская космическая программа приняла за стандарт ту же систему, что и у русских – соответственно, их аппараты могли стыковаться к МКС так же, как и российские. И это было неплохо. Однако оставался непреложный факт: любой запущенный в космос пилотируемый аппарат должен достичь места назначения в пределах двух суток, пока у его обитателей не кончился воздух, пища и вода. Таким образом, скаутам предстояло увеличить количество стыковочных узлов как можно более быстрым и дешевым способом. Площадки для стыковки не могли располагаться слишком близко друг к другу; чтобы их развести, и потребовались хомячьи трубы. Снаружи на трубах крепились – этим продолжали заниматься свежие партии скаутов – всевозможные шланги и провода, а также структурные элементы, притянутые к ближайшим фермам.

Первоначальная система труб, сооруженная между А+0.29 и А+0.50 Феклой и другими скаутами первого призыва, дала шесть новых узлов для стыковки. Их немедленно заняли корабли, на которых прибыла первая волна так называемых пионеров – три «Союза», два «Шэньчжоу» и аппарат из Соединенных Штатов, разработанный для космического туризма.

Воодушевленные успехом запуска, с которым прибыли Бо и Рис,

русские теперь впихивали по пять-шесть пассажиров в каждый «Союз». «Шэньчжоу» строились на основе того же проекта, хотя были крупней и более технологически совершенны. Как и «Союзы», они были рассчитаны на экипаж из трех человек – если исходить из того, что эти трое собираются живыми вернуться на Землю. В варианте для поездки в один конец каждый «Шэньчжоу» тоже вмещал шестерых. Американский туристический корабль прибыл с полным комплектом из семи астронавтов.

Таким образом, в общей сложности с первой волной пионеров на «Иzzi» прибыли тридцать шесть человек, увеличив население станции более чем вдвое. Жить им предстояло в собственных орбитальных модулях, где имелись туалеты, очистители воздуха и системы теплоотвода. Было тесновато, но по сравнению с «Луками» это все же означало существенный шаг вперед.

Когда в A+0.56 на гигантском «Фэлконе» – в его тяжелой версии – прибыл модуль X2, Фекла и другие оставшиеся в живых скауты потратили целый день, чтобы вытащить груз из модуля и в качестве временной меры закрепить его снаружи. Вслед за этим в X2 перебрались сами скауты, превратив его в свое общежитие и распрощавшись со вконец обветшавшими «Луками» – из них стравили воздух, подлатали и, аккуратно свернув, убрали про запас на случай чрезвычайной ситуации.

Примерно две трети пионеров либо имели опыт работы в открытом космосе, либо прошли срочный подготовительный курс за последние недели две. Скафандров на всех пока не хватало – их сейчас со всей возможной поспешностью изготавливали внизу, – однако ими можно было делиться. Поэтому длительность смены сократили с пятнадцати часов сперва до двенадцати, а потом и до восьми, чтобы пропускать отдохнувших через имеющиеся скафандры дважды или трижды в сутки. Усилия тех, кто работал снаружи, разделились между сборкой тора T2 и дальнейшим расширением системы труб, чтобы подготовить причалы для следующей волны запусков.

Остальные пионеры, не подготовленные для открытого космоса, посвятили себя различным заданиям в герметизированных частях станции. Дина обнаружила, что у нее появилось сразу двое помощников: Бо, которая, похоже, сама себя назначила на эту роль, и Ларс Хедемекер – тот самый, с видео. Рекрутеры «Арджуны» нашли молодого голландца в Делфте, где он заканчивал магистратуру по робототехнике. Дина знала его как автора многочисленных мейлов, всегда готового ответить на ее вопросы или срочно предоставить исправленные версии кода. Как оказалось, ей даже не удосужились сообщить, что Ларса включили в число пассажиров

американского туристического корабля, прибывающего в День 52 (в последнее время многие стали опускать приставку А+ и называть дни сразу по номеру). Просто ни с того ни с сего в мастерской обнаружился крупный рыжеватый блондин, выразивший явное намерение ее обнять. Это было не совсем обычно. Выражаясь очень мягко, до сих пор на Международной космической станции нежданные визиты как-то не практиковались.

В одной руке Ларс держал грудку шоколадных батончиков, в другой – фотоаппарат, а из карманов комбинезона сыпалась наружу всякая всячина: ампулы с морфием, антибиотики, бумажные рулоны с микросхемами, одноразовые контактные линзы, презервативы, пакетики кофе, тубики разных экзотических минеральных смазок, запасные стержни для карандашей и пучки кабельных стяжек. Очевидно, в практику вошло перед посадкой на корабль нагружать пассажиров витаминами до такой степени, что они едва могли двигаться.

Ларс оказался очень милым, и весь его первый день на «Иzzi» для Дины, которая уже целый год не встречалась с коллегами лицом к лицу, был полон ничем не замутненного удовольствия. Она показала ему мастерскую, пусть даже и не прибранную к приходу гостя, дала поуправлять роботами на поверхности Амальтеи и даже вывела наружу нескольких «броневиков», чтобы Ларс ими полюбовался. Дело в том, что недели две назад с подсказки Риса Дина поручила свободным роботам изготавливать доспехи для других роботов. Теоретически ей следовало отрезать от астероида куски, выплавлять в своей плавильной печи аккуратные слитки, а затем уже наваривать их на рамы «хватов». Однако в подобных сложностях не было нужды. Материал, из которого состояла Амальтея, годился и сам по себе. Закаленной сталью он, естественно, не был, но от радиации защищал не хуже. Так что Дина просто срезала кусочки произвольной формы, никак их не обрабатывая, и бронировала «хватов», следя лишь, чтобы между пластинами не было щелей. Ее роботы теперь и сами походили на ходячие астероиды.

– Да ты прямо художник! – воскликнул Ларс.

Дине сперва показалось, что он издевается. В свое время ей доводилось встречать инженеров, с точки зрения которых между искусством и техникой зияла непреодолимая пропасть. Однако Ларс глядел на нее открыто и радостно – было очевидно, что это комплимент.

Слегка попривыкнув к Ларсу, Дина решила наконец затронуть тему, которая грызла ее уже больше месяца: откуда такой интерес ко льду? Учитывая, что прямо под ней находился огромный кусок железа, почему «Арджуна» бросила все силы на материал, который на «Иzzi»

с практической точки зрения попросту отсутствует?

– Мне не все объясняют, – ответил Ларс, – но ты же знаешь, что в свое время мы обсуждали в качестве возможной цели экспедиции ядро кометы.

– Ну да, – кивнула Дина, – обсуждали, не без того. Но кометы ведь огромные! На что нам несколько гигатонн воды?

Вместо ответа Ларс лишь неуверенно моргнул.

– Такую штуку замучаешься сдвинуть с места! – продолжала Дина. – Это проект, я вообще не знаю – на десять, двадцать лет. У нас теперь просто не найдется для него времени!

– В прежних условиях – верно, не нашлось бы.

– Что значит – в прежних условиях?

– Ну, когда – еще до Агента – мы обсуждали, как двигать кометы, речь шла о том, чтобы отправить туда большое зеркало. Фокусируешь на ядре кометы солнечный свет, испаряешь некоторое количество воды, давление пара потихоньку переводит ее на другую траекторию. Все верно, это заняло бы уйму времени. Все равно что толкать перышком пушечное ядро.

– И что же с тех пор изменилось? – удивилась Дина. – Физика есть физика.

– Верно, – согласился Ларс, – например, ядерная физика.

– Мы что же, собираемся использовать ядерную энергию? Я думала... о Господи! Мне бы и в голову...

– Ты не представляешь, насколько внизу все изменилось, – перебил ее Ларс.

– Да уж надо полагать!

– Капельмейстеры сделали заявление: дескать, поймите нас правильно, с одними солнечными батареями ничего не выйдет. Для нескольких тысяч капель мы их попросту не успеем сделать в требуемом количестве. Они слишком велики и неуклюжи.

– Меня это тоже беспокоило.

– Придется использовать атомную энергию, сказали капельмейстеры.

– РИТЭГи?

Радиоизотопные термоэлектрические генераторы служили источниками энергопитания для большинства космических зондов. Внутри у них находилась шайба из радиоактивного изотопа, которая оставалась горячей десятилетиями. Существовали различные способы преобразовать это тепло в электричество.

– Их мощности и близко не хватит, – сказал Ларс.

Сообщения с Земли приходили к Ларсу в зашифрованных мейлах –

россыпями сгруппированных по пять заглавных букв, выглядевшими, будто только что из «Энигмы». В огромной нейлоновой папке – для Ларса она служила чем-то вроде атташе-кейса – среди прочего имелась пачка бумажных листов. На каждом была отпечатана матрица из случайных букв. Дешифровка одного сообщения требовала корпения с карандашом и бумажкой и занимала около получаса. Дина не верила собственным глазам. В частных мейлах криптография использовалась давным-давно, и для переписки «Арджуны» программное шифрование использовалось в рутинном порядке, – но, очевидно, для Шона Пробста этого было уже недостаточно. Ларс, копающийся в своих листках, стал для Дины привычным зрелищем. Для облегчения процесса он написал небольшой скрипт на Питоне, но записывал сообщения по-прежнему вручную.

Спустя две недели после прибытия Ларса на станцию в расшифрованном сообщении наконец обнаружился настоящий сюрприз. Им следовало ожидать визита начальства. В смысле – самого Шона Пробста, основателя и руководителя «Ар- джуны».

– Разве это вообще возможно? – недоумевала Дина. – Просто так взять и заявиться на «Иззи»? Это ведь нужна ракета? Орбитальный модуль? *Разрешение?*

Вопросы были по большей части риторическими. Прежде чем направить свою энергию на разработку астероидов, Шон заработал семь миллиардов на интернет-стартапе. По ходу дела он успел потратить миллиард-другой на вложения в другие частные космические стартапы.

– Он летит один, – уточнил Ларс. – В «открывашке».

Дине понадобилось несколько секунд, за которые она даже успела вбить слово в «Гугл», прежде чем она вспомнила. «Открывашка», именуемая также «кабриолетом», относилась к числу новейших разработок в области космического туризма. Основывалось все на идее, что в действительности туристам в первую очередь хотелось бы посмотреть на Землю, звезды и Луну (пока она еще существовала). Иллюминаторы в обычных кораблях делались совсем крошечными. А туристу лучше всего было бы высунуть голову в прозрачную сферу и наслаждаться ничем не ограниченным видом во все стороны. Иными словами – плавать в скафандре в открытом космосе. «Открывашка» представляла собой простенький аппарат, способный нести четверых пассажиров, одетых в специально разработанные скафандры с полностью прозрачными шлемами. При прохождении сквозь атмосферу во время взлета и посадки их защищала прочная оболочка капсулы. Во время орбитального полета оболочка складывалась, как крыша кабриолета, так что пассажиры

оказывались в открытом космосе и даже могли удалиться на некоторое расстояние от аппарата.

– Я думала, «открывашка» предназначена для более низких орбит, разве нет? – переспросила Дина.

– Шон летит один. Это что-то типа специальной одноместной модели, сэкономленная масса позволяет взять больше топлива.

– А дальше-то что? Подплывет к шлюзу и постучится, чтобы впустили?

– Ну, в общем, да, – подтвердил Ларс. – А что они еще могут сделать? Скажут ему, чтобы проваливал?

День 68

– Все это откровенная лажа, – объявил Шон Пробст, как только избавился от шлема.

Дина улыбнулась. Не то чтобы ее радовала перспектива обнаружить лажу. Поскольку речь все-таки шла о спасении человечества и земного генофонда от полного уничтожения, даже намек на лажу был неприемлем. Однако она все же испытала определенное облегчение, поскольку и сама в каком-то отделе мозга уже не первую неделю потихоньку составляла список всевозможной творящейся вокруг лажи. О которой другие даже не заикались, хотя были вроде бы умнее ее и гораздо более информированны.

А с Шоном она была знакома. Вернее – с его репутацией, с подписью на чеках, которые получала раз в две недели, и с электронными письмами, которые он отправлял ей в три часа ночи по местному времени той точки земного шара, где в данный момент приземлился его личный самолет. По абсолютно любому связанному с освоением космоса вопросу Шону попросту не было равных в познаниях. Раз уж он объявился на станции и прямо с порога заявил о лаже, дела обещают принять интересный оборот.

Одна из немногих симпатичных черт Шона: он сообразил, что общение с ним окружающих напрягает, и в своем классическом стиле «увидел проблему – реши» нанял психолога и поставил тому четкую задачу – сделать себя похожим на человека. По тому, как двигались сейчас его лицевые мускулы, стало ясно, что сеансы не пропали даром.

– Я не про тебя – ты-то как раз классно справляешься.

– Надо полагать. Иначе ты бы сказал мне много раньше, – согласилась Дина.

Шон лишь кивнул. Вопрос закрыт.

На станцию он прибыл необычным и непрямым маршрутом. Подходящего для «открывашки» шлюза на «Иzzi» не было, да и быть не могло, учитывая, что у «открывашки» отсутствовал стыковочный узел. Следовательно, причалить Шон не мог. Он перевел маленький кабриолет на ручное управление и давал ему короткий импульс, включая один из двигателей, чтобы выстрелить в пространство отработанным топливом – а потом делал паузу в одну, пять или даже все десять минут, прикидывая последствия. Будучи фанатом космоса, он прекрасно понимал, что законы орбитальной механики имеют мало общего с привычной земной физикой. Ему хватало скромности – и запаса кислорода, чтобы не торопиться. В конце концов он сумел приблизиться к Амальтее настолько, чтобы цепочка из трех «ужиков» с «хватом» на конце смогла зацепиться за крюк, приделанный к аппарату. После этого Шон покинул кабину и устроил себе небольшую инспекционную прогулку в открытом космосе, время от времени отсылая Дине короткие сообщения о своем местонахождении. Поскольку прямой радиосвязи между ними не было, сообщения шли через сервер в Сиэтле.

Шон был в «пробирке» – туристическом скафандре, в чем-то уступающем официальным костюмам астронавтов и космонавтов, в чем-то их превосходящем. Ног у этого скафандра не было, поскольку от ног в космосе пользы мало. Визуально он действительно напоминал пробирку, к которой сверху приделали два рукава и круглый стеклянный шлем. Рукава можно было сгибать в плече и в локте, но перчатки также отсутствовали. Они давно имели скверную репутацию самой ненадежной части любого скафандра. Вместо них рукава «пробирки» заканчивались закругленными культями. Из каждой торчала скелетоподобная «кисть» – три «обычных» пальца и противостоящий им «большой», – которая приводилась в движение стальными тросиками, идущими в культю сквозь герметичные втулки. Обитатель скафандра просовывал руку в устройство наподобие перчатки внутри культи и, двигая пальцами, активировал металлические сухожилия, чтобы управлять «пальцами» снаружи. Это давало возможность хватать предметы и совершать несложные действия. В устройстве не было ничего такого, чего предприимчивый изобретатель не смог бы построить у себя в мастерской году эдак в 1890-м, или даже в 1690-м, если на то пошло. По отзывам, все работало на удивление здорово, во многом даже лучше, чем традиционные жесткие перчатки скафандров, в которых руки быстро устают.

В культях же хватало места, чтобы Шон, когда ему не требовались клешни, мог вытянуть руки из внутренних перчаток и дать пальцам

расслабиться на встроенных тачпадах и джойстиках, пока их владелец печатает и гоняет курсоры в свое удовольствие. У скафандра имелись также крошечные двигатели, так что в нем можно было «летать». Чем Шон какое-то время и занимался, перемещаясь вокруг «Иззи» и инспектируя деятельность роботов, недавние модификации ферменной конструкции и прочие достопримечательности.

В конце концов он добрался до шлюза в корме Х2, Дина впустила его внутрь, и Шон наконец получил возможность высказать свое мнение.

Выглядел он как ничем не примечательный ботаник тридцати восьми лет, какого легко встретить на семинаре для аспирантов-физиков или на фантастическом конвенте: к потному лбу прилипли сосульки блондинистых волос, на подбородке – трехдневная щетина оттенком чуть потемней. Для официальных фотографий Шон надевал контактные линзы, однако сегодня на нем были очки с толстыми стеклами. Он вытянул из скафандра одну руку, потом другую, ухватился за края отверстия, к которому прежде крепился купол шлема, и вытолкнул себя наружу.

– Мне самой не очень понятно про наше выживание в долговременной перспективе, – решила поддакнуть Дина. Авось да сработает в качестве приманки.

– Да что ты говоришь! – заорал Шон. – Кто-нибудь попытался хотя бы прикинуть баланс масс для вашего Ковчега?

Акцент выдавал в нем уроженца Нью-Джерси.

Дина не совсем поняла, что он имеет в виду, поэтому не стала торопиться:

– У всех полно дел. До меня пока такая информация не доходила.

– Да тебе никто и не сказал бы! – продолжал орать Шон. – Потому что тебе бы сразу стало ясно, что это лажа!

– Какая лажа? – спросила Айви, подплывая к ним с выражением живейшего интереса на лице. – И, собственно, что это еще за хрен с бугра?

Прежде чем Шон успел объяснить, что он за хрен, ему, мягко выражаясь, пришлось слегка отвлечься на бритоголовую амазонку ростом метр восемьдесят с покрытым шрамами лицом, которая пушечным ядром вылетела на него с противоположной стороны Х2. Фекла въехала плечом ему под ребра и отшвырнула к стене модуля. Мгновение спустя она уже была сверху и поймала выставленную навстречу руку Шона в мертвый захват.

Дина успела неплохо познакомиться с Феклой и знала, что та занимается самбо – советской боевой техникой, напоминающей джиу-джитсу. Дина даже из чистого любопытства посмотрела на «Ютубе» записи

нескольких самбистских поединков. Но до сегодняшнего дня она и не догадывалась, что самбо можно применять в невесомости.

Шон вошел на станцию через Х2, поскольку на корме модуля имелся широкий ассортимент шлюзов и стыковочных узлов. Однако он не подозревал, что в данный момент Х2 также служил общежитием для оставшихся в живых скаутов. Его прибытие разбудило Феклу, которая отдыхала в спальном мешке после рабочей смены.

Дина попыталась представить себе ситуацию с точки зрения Феклы. О своем прибытии Шон никого на станции не предупредил. Даже Дина толком не знала, когда он прилетает и прилетает ли вообще, пока «открывашка» не всплыла в поле зрения ее иллюминатора. Для Феклы он сам по себе уже выглядел подозрительно. Услышав же от Айви про «хрена с бугра», она поняла, что этого гостя на «Иzzi» уж точно не приглашали.

– Как-то неудобно вышло, – пробормотала Дина.

– Брек! Брек! – повторял между тем Шон, хлопая Феклу свободной ладонью по бедру.

– Командир, мне его связать? – уточнила Фекла. – Жду распоряжений.

– Да он не опасный, – успела вставить Дина.

– Отпусти его, Фекла, – кивнула Айви.

Фекла не слишком охотно ослабила захват и освободила Шона. Тот поспешно отплыл в сторонку, взирая на нее в некотором ошеломлении.

– Итак, Шон, – обратилась к нему Дина, – с Феклой ты уже познакомился. Теперь позволь представить тебе Айви Сяо, командира всей этой конструкции. Айви, поздоровайся с Шоном Пробстом.

– Здравствуй, Шон Пробст, – послушно произнесла Айви, развернулась и впиалась взглядом в Дину: – Так ты что, знала, что он сюда направляется?

– До меня доходили слухи, – вздохнула Дина. – Но они не производили впечатление особенно надежных, так что я не стала тебя отвлекать. Прости, была не права.

Айви перевела взгляд на Шона и не отводила его достаточно долго, так что тот забеспокоился. Плававшая буквально на расстоянии вытянутой руки Фекла также внесла заметный вклад в создание атмосферы холодного приема – чего, как заподозрила Дина, Айви и добивалась.

– С точки зрения закона моя должность на станции ближе всего к посту капитана корабля, – заговорила наконец Айви. – Надеюсь, Шон, тебе известны требования морского этикета относительно доступа на борт?

Шон что-то прикинул в уме.

– Капитан Сяо, – начал он, – я почтительно прошу у вас разрешения

подняться на борт вверенной вам станции.

– Подняться разрешаю, – кивнула Айви. – И добро пожаловать.

– Благодарю вас.

– С одним ограничением!

– Слушаю.

– Если кто-нибудь вдруг поинтересуется, не сочти за труд произнести маленькую невинную ложь, что ты *сперва* попросил разрешения, а уже *потом* поднялся на борт.

– Буду рад именно так и сделать.

– Думаю, со временем у нас появится на этот счет что-то вроде законодательства. Так сказать, конституция станции.

– Насколько я знаю, над ней уже работают, – заметил Шон.

– Хорошая новость. Однако в данный момент ничего подобного не существует, поэтому всем следует вести себя аккуратно.

– Принято к сведению, – подтвердил Шон.

– А теперь вернемся к тому, что ты говорил, когда я тебя перебила. Что-то там насчет лажи?

– Капитан Сяо, – объявил Шон, – я с огромным уважением отношусь к вашим прежним заслугам и к вашей деятельности на нынешнем посту.

– Сейчас он скажет «с одним ограничением», да? – обратилась Айви к Дине. – Я чувствую по его тону.

Шон поперхнулся.

– Продолжай, – кивнула ему Айви.

В конце концов, Шон действительно хотел бы продолжить, так что уж чем быстрее, тем лучше.

Он расписал все на доске в «банане», отталкиваясь от самых базовых понятий. Начал с формулы Циолковского, простейшего экспоненциального уравнения, потом сделал еще несколько несложных оценок, а уже на их основе пришел к пуленепробиваемому доказательству того, что Облачный Ковчег – полная лажа.

Во всяком случае, был таковой, пока Шон Пробст лично не взялся за решение обнаруженной им проблемы. Поскольку никому другому с ней все равно не справиться.

Тут Дине неожиданно пришел в голову вопрос – действительно ли Шон сейчас так же богат, как и прежде?

Состоятельные люди давно уже не хранят богатства в виде золотых слитков. Состояние Шона заключалось в акциях – большей частью его собственных компаний. После Кратерного озера Дина не особенно

интересовалась состоянием фондового рынка, но, насколько она себе представляла, он не столько даже рухнул, сколько попросту прекратил существование. Сама концепция собственности на акции больше ничего не значила – во всяком случае с точки зрения вложения капитала.

Впрочем, юридическая система, полиция, правительственные структуры и все такое никуда не делись и продолжали следить за исполнением законов. С точки зрения закона Шон как собственник контрольного пакета акций «Арджуны» мог управлять компанией. С учетом взаимопересекающихся отношений с другими предпринимателями в космической области у него было достаточно влияния, чтобы организовать себе полет на «Иzzi». В принципе это можно считать аналогом богатства.

После того как Дина успокоила себя подобным образом, ее внимание вернулось к словам Шона.

– Облачный Ковчег в виде распределенного роя – годится! Я это понимаю. И подписываюсь! Намного безопаснее, чем сложить все яйца в одну корзину. Как достигается эта безопасность? Капли могут уклоняться от камней. Какие еще у этой схемы достоинства? Капли могут соединяться в бола и создавать подобие гравитации через вращение. Так что их обитатели будут более здоровы и в целом счастливы. Как этого достичь? Капли подлетают ближе друг к другу и зацепляются предназначенными для этого тросами. Что, если они после этого решают разъединиться? Тросы расцепляются, капли разлетаются в противоположные стороны. Чтобы затормозить центробежное движение, им придется включить двигатели. Что между всеми этими действиями общего?

К этому моменту все уже настолько привыкли к манере Шона задавать вопросы и самому на них отвечать, что сейчас, когда он, похоже, и в самом деле ждал ответа, никто оказался не готов.

К Дине и Айви присоединились астроном Конрад Барт, Ларс Хедемекер и Зик Питерсен. Он в конце концов и ухватил наживку.

– Использование двигателей.

– И что же происходит при использовании двигателей? – кивнул ему Шон.

Здесь у Дины было преимущество перед остальными, поскольку она уже знала, что Шона беспокоит баланс массы.

– Мы теряем массу. В виде потраченного топлива.

– Теряем массу, – снова кивнул Шон. – Как только у Облачного Ковчеха кончится топливо, он потеряет всякую способность к долговременному выживанию. И превратится в хромую утку.

Он дал им какое-то время переварить это утверждение, потом продолжил:

– К слову, практически вся прочая деятельность на орбите может происходить с минимальным ущербом для баланса массы. Мочу можно превращать обратно в питьевую воду, а дерьмо – в удобрения. Задач, которые подразумевают безвозвратный сброс массы в пространство, перед нами практически не стоит. За одним-единственным исключением. О котором я не перестаю твердить, как одержимый, с того самого момента, как объявили о Ковчеге. До сих пор в ответ от властей я слышу лишь туманные заверения, что все будет в порядке и беспокоиться не о чем.

Взгляды, которыми обменялись Дина и Айви, означали, что после этого собрания им предстоит еще одно, с глазу на глаз – если не считать текилу за третьего участника.

Выходит, подумала Дина, Айви краешком сознания задумывалась о том же самом. Беспокоилась. Пыталась гадать на кофейной гуще во время телеконференций с Землей.

Все как-то связано с Питом Старлингом, поняла она. А, следовательно, и с Джей-Би-Эф.

Зик по складу характера относился к тем исполненным энтузиазма оптимистам, какие нередко встречаются в армейских рядах среди младшего офицерского состава.

– Но это же практически очевидно! – воскликнул он. – Они же просто *не могли* об этом не подумать!

В переводе это означало: «Уверен, что все это давно решено на самом верху!»

– Казалось бы, – снова кивнул Шон.

Конрад резко наклонился вперед и ухватил себя за бороду. В отличие от Зика он не был склонен к подобной беззаботности.

– Если бы мир управлялся учеными и инженерами, – снова заговорил Шон, – тут и думать было бы не о чем. Нужна еще масса. Большой запас, которого хватит надолго.

– В виде воды, – вмешалась Дина. – Ты что-то говорил про кометное ядро.

– В виде воды, – согласился Шон. – Из никеля ракетное топливо не сделать. А из воды можно сделать перекись водорода, которая прекрасно годится для небольших движков, или расщепить ее на водород и кислород для более мощных двигателей.

– Говори уже свое «бэ», раз сказал «а», – негромко пробормотала Айви. Потом заговорила уже нормальным голосом: – Однако мир

управляется отнюдь не учеными и инженерами – ты ведь к этому клонишь?

Шон развел ладони в театральном жесте:

– Я совершенно не разбираюсь в людях. Мне об этом постоянно напоминают. Вероятно, *те*, кто в людях разбирается, более озабочены другим аспектом проблемы.

– Человеческим, – уточнил Конрад для большей ясности.

– Именно. Аспектом, затрагивающим семь миллиардов человек. Семь миллиардов, спокойствие которых нужно поддерживать до самого конца. А как этого добиться? Как успокоить напуганного ребенка, чтобы он наконец уснул? Да сказочку ему рассказать! Какую-нибудь хрень про Иисуса или что-то в этом духе!

Зик поморщился. Конрад закатил глаза, потом поднял их к потолку с таким видом, как будто ничего не слышал.

То, на что намекал Шон, казалось невыносимым в своей чудовищности. Получалось, что все происходящее сейчас на орбите – лишь колыбельная, призванная убаюкать семь миллиардов землян. План был изначально неработоспособен. Лихорадочные приготовления – не более чем элемент шоу. А обитатели Облачного Ковчега переживут тех, кто туда не попал, в лучшем случае на месяц-другой.

А значит, обитатели Ковчега в лице Айви, Дины, Конрада и Зика должны были при таком известии взорваться от негодования.

Однако все отреагировали довольно спокойно. Даже Зик.

– Вы все подозревали, – объявил Шон. – Даже такой сраный аутист, как я, способен это прочесть на ваших лицах.

– Хорошо, пусть даже подозревали, – согласилась Дина. – Трудно было не задумываться. Однако, Шон, ты все это время был на Земле и видел, насколько серьезно все вкладываются в Ковчег. Потемкинские деревни строятся по-другому.

Шон поднял руки ладонями вверх, успокаивая ее:

– Давай примем за основу, что внизу могут быть самые разные точки зрения. И что некоторые персонажи, в том числе и в самых высших эшелонах, рассматривают Ковчег в первую очередь как опиум для народа. Как фильм, который включаешь на портативном плеере в машине, чтобы дети не слишком бесились во время поездки.

– Когда нам потребуются по-настоящему серьезные ресурсы, помощи от этих персонажей мы не дождемся, – заметила Айви.

– У них обнаружится очевидная стратегия – недопонимать запросы, недодавать ответы, – согласился Шон. – Вообще вести себя уклончиво. Им все будет как об стенку горох.

Было совершенно очевидно, что оба говорят о Пите Старлинге.

– Поскольку такие персонажи контролируют космодромы и программу запусков, – продолжил Шон, – у нас имеются проблемы. По счастью, не все в этой области под их контролем.

А вот теперь речь шла о Шоне Пробсте и его приятелях-миллиардерах, которые тоже знали, как делать ракеты.

– Во всей концепции Облачного Ковчега для меня и моих коллег пока еще много непонятного. Однако мы не можем просто сидеть и ждать, когда все окончательно прояснится. Чтобы разрешить долговременные проблемы, о которых мы уже знаем, следует действовать немедленно. А мы уже знаем, что Ковчегу нужна вода. Доставить ее с Земли мешают одновременно законы как физики, так и политики. К счастью, у меня есть собственная компания по разработке астероидов. Мы уже составили предварительный список кометных ядер на орбитах в пределах нашего доступа. Мы продолжаем над ним работать. И начали готовить экспедицию.

Конрад лучше других представлял себе временные параметры подобных экспедиций.

– Сколько она займет, Шон?

– Два года.

– Что ж, – заключила Айви, – в таком случае делай то, за что взялся. И скажи, чем мы можем помочь.

– Отдайте мне всех роботов, – откликнулся Шон. И повернулся к Дине.

– Раз уж сезон охоты на лажу открыт... – начала Дина, как только они с Шоном остались у нее в мастерской с глазу на глаз.

Шон поднял руки, словно беглец, настигнутый агентами ФБР.

– С чего именно ты хотела бы начать?

– Ты сказал, что у вас есть список комет. И что вы над ним работаете. Это все херня. Раз ты прилетел, у тебя уже есть конкретный план.

– Мы летим за Грекой-Скелетом.

– Кем-кем?

– За кометой Григга-Скьеллерупа. Извини. Чей-то отпрыск назвал ее Грека-Скелет, имя прилипло. – Детей Шон называл исключительно отпрысками.

Название было Дине знакомо.

– Насколько она большая?

– Километра два с половиной или три.

– Море топлива.

Шон кивнул. Скрестил на груди руки и принялся изучать мастерскую.

– Такую махину так просто не сдвинешь.

Шон опять ничего не ответил.

– Ты собираешься воткнуть в нее ядерный реактор и превратить в ракету?

Шон лишь слегка приподнял брови. Поскольку это был единственный реалистичный способ сдвинуть с места объект подобного размера, развернутый ответ, с его точки зрения, не требовался.

– Надо сказать, со временем нам повезло, – заметил он.

– То есть ты собираешься зафутболить сюда радиоактивный кусок льда размером со «Звезду смерти», причем в тот самый момент, когда начнется параша? И что дальше?

– Дина, мне нужно кое-что сказать тебе по секрету.

– Ну так что ж – самое время!

День 73

Лет десять назад Дюб уже чуть было не полетел в космос. Один его знакомый финансист, разбогатев на хедж-фондах, решил потратить двадцать пять миллионов долларов на двенадцатидневный тур к МКС на борту «Союза». Обычно туристы в подобных случаях выбирают себе замену – в некотором роде дублера – на случай болезни или иной неувязки. Поскольку дублер должен быть готов вступить в дело в любой момент, в том числе непосредственно перед стартом, от него требуется такая же подготовка, как от самого туриста. Это с точки зрения финансиста и послужило решающим фактором. Сам он был глубоким интровертом, поэтому нуждался в ком-то, способном наладить связи с общественностью и придать всей затее должную привлекательность. Вот он и выбрал в качестве дублера Дока Дюбуа. Они открыли вебсайт и блог и договорились с фотографами, что те будут фиксировать, как Док Дюбуа проходит программу тренировок, изредка показывая на заднем плане и самого финансиста. По сути Дюб требовался, чтобы отвлечь от финансиста излишнее внимание. Никто этого особо не скрывал, а самого Дюба все вполне устраивало. Тренировки были достаточно увлекательны, на вебсайте финансист не экономил, так что Дюб записал и выложил кучу интереснейших познавательных видео о космических полетах.

Был даже шанс, что он все-таки отправится на орбиту. За неделю до запуска Дюб прилетел на Байконур вместе с женой и детьми,

сопровожаемый съемочной группой. Все они не без восхищения наблюдали, как хвостатую ракету-носитель «Союз-СГ» тянет к стартовой площадке через степь – в горизонтальном положении, на специальной платформе – отчаянно дымящий локомотив. Стартовая площадка была в буквальном смысле площадкой – бетонная плита посреди казахстанской степи, пейзаж которой мало отличался от лунного, плюс чуть-чуть оборудования, чтобы поднять ракету с платформы и заправить. Несходство с НАСА оказалось настолько разительным, что непонятно было, смеяться над этим или плакать. Генри, младший сын Дюба, которому тогда было одиннадцать, вообще не видел, как величественную ракету устанавливают вертикально, поскольку отвлекся на бродячих собак, совокупляющихся в сотне метров от площадки. У входа в наблюдательный бункер, расположенный невероятно близко к месту старта, был разбит небольшой огородик, где местные техники выращивали огурцы и помидоры; они объяснили Дюбу, что бетон бункера за день хорошо прогревается солнцем, так что овощи могут пережить ночной холод.

За три дня до запуска, во время тренировки по экстренной эвакуации со стартовой площадки, финансиста укусила бродячая собака, и все вокруг пришло в хаос. За собакой по всей степи гонялась милиция на автомобилях, а также местные жители на лошадях и боевой вертолет. Когда собаку наконец загнали, ее отправили в ветеринарную лабораторию, чтобы проверить на бешенство. Результаты анализа пришли лишь за три часа до старта – собака оказалась здорова. Дюба вычеркнули из полетного листа и вернули обратно фамилию финансиста. Он стоял на земле-матушке неподалеку от стартовой площадки и чувствовал одновременно облегчение и разочарование. Вести репортаж о запуске прибыл Тависток Прауз, вооруженный сразу всеми гаджетами, которые на тот момент считались крутыми. Стоя посреди степи лицом к Дюбу и ракете, он зачитывал свой текст, нацелив на них видеокамеру, когда гигантский носитель запустил двигатели и устремился ввысь.

Собственно, именно эта картинка и превратила доктора Харриса в Дока Дюбуа, положив старт его телевизионной карьере. Кроме того, она положила начало бракоразводному процессу, на который его жена подала несколько дней спустя. К тому, как он исполняет супружеский долг, у нее за долгие годы успело накопиться множество претензий – иной раз она даже не могла объяснить, в чем именно они заключаются. Точкой кристаллизации послужил, как-то так вышло, тот факт, что сперва Дюб в очередной раз проигнорировал супружеские и родительские обязанности, отправившись в Россию на длительные предполетные тренировки, а потом

еще и провел сам момент старта не в безопасном бункере вместе с семьей, а снаружи со своим приятелем Тавом, зарабатывая восторженные комменты у миллионов подписчиков.

Так или иначе, Дюб до сих пор расплачивался за тот свой поступок. Отчасти в негативном смысле, материально искупая грехи свои тяжкие, но была тут и положительная сторона, поскольку закон отводил ему достаточно времени на общение с детьми. Правда, с этим стало сложнее, когда те окончили школу и разъехались. Теперь, когда им всем был объявлен смертный приговор, Дюб старался не упускать ни единой возможности для встречи.

В А+0.73 Дюб прилетел в Сиэтл, взял напрокат внедорожник и направился к кампусу Вашингтонского университета. По дороге он заехал в пару туристических магазинов, где приобрел снаряжение. В последнее время оно подорожало. Покупатели стремились запастись экипировкой в ожидании конца цивилизации. Правда, далеко не все. Большинство отдавало себе отчет, что от Каменного Ливня в лесу не укроешься. Сублимированная пища и походные плитки практически исчезли из продажи, однако пуховые спальники и навороченные палатки еще оставались.

Генри учился на третьем курсе факультета компьютерных исследований, а жил вместе с приятелями неподалеку от кампуса, где они снимали типичное для Сиэтла столетнее облупившееся бунгало, наполовину скрытое плющом и ежевикой.

В том, чтобы говорить о человеке как о студенте определенного курса определенного факультета, в некотором роде больше не было смысла. Однако все продолжали пользоваться такими терминами – подобно тому, как человек, которому поставили смертельный диагноз, продолжает каждое утро вставать с постели и ходить на работу, не столько даже в силу привычки, сколько потому, что от осознания собственной обреченности еще больше хочется оставаться собой.

Возник соблазн припарковаться прямо под запрещающим знаком – по прикидкам Дюба, власти вряд ли успели бы требовать с него оплату штрафа еще до конца света. Однако, судя по всему, большинство жителей Сиэтла по-прежнему соблюдало законы, и Дюб решил не выделяться.

Генри, его соседи в полном составе, все четверо, и еще пять студентов обнаружили на первом этаже бунгало, где полностью забили собой гостиную, спасаясь от январского морозца теплом, исходящим от их собственных тел, а также от мешанины компьютеров, ноутбуков и роутеров. Судя по количеству пустых коробок из-под пиццы, они

проработали всю ночь.

– Я все объясню по дороге, – пообещал Генри отцу во время вчерашнего телефонного разговора, когда Дюб спросил, что именно он собирается делать. Нынешним утром его пока что хватило лишь на то, чтобы вылезти из раскладного кресла, обнять Дюба и сказать: «Привет, папа!»

Через это проходят все родители тинейджеров: в жизни ребенка наступает момент, когда он решает, что некоторые факты папе с мамой объяснить сложно. Родители не могут, да и не должны знать все до мелочей. Им остается лишь смириться, довольствоваться собственными наблюдениями и жить дальше. Само собой, Генри давным-давно миновал эту стадию, а Дюб, как и положено отцу, усмирил свою ревность. В конце концов, все это – часть взросления. Впрочем, в то время информация, которой он лишился: число карт в настолке «Мэджик», которую собирал Генри, какие мышцы велел ему качать футбольный тренер, кто в кого втюрился в школе, – и не представляла для Дюба фундаментального интереса. Поэтому он без труда сделал вид, что ему все равно.

То, что он сумел разглядеть поверх голов собравшихся в комнатухе студентов, выглядело намного интересней. В каком-то смысле он снова почувствовал укол ревности.

Разумеется, все знали, что отец Генри – знаменитый Док Дюбуа, и хотя старательно делали вид, что тут ничего особенного, каждый изыскал возможность пожать Дюбу руку и поздороваться. Дюб поболтал с ними о том о сем, однако его взгляд постоянно отвлекался на бумаги, приклеенные липкой лентой по стенам бунгало: распечатки каких-то чертежей, календарные планы, диаграммы Ганта, карты. Очевидно, перед ним был инженерный проект в самом разгаре, однако Дюб никак не мог сообразить, в чем именно он заключается. Три-дэ принтер на кухонном столе печатал какую-то пластмассовую детальку, за ним внимательно наблюдала девушка, одновременно разговаривая по телефону на смеси английского с китайским.

Беседу прервало «бип-бип-бип» движущегося задним ходом грузовика, звучавшее все громче и громче. Кто-то распахнул входную дверь, впусив волну холодного, свежего тихоокеанского воздуха. За дверью обнаружился квадратный прокатный фургон, сдающий задом по лужайке прямо к крыльцу. Какой-то глубоко укоренившийся инстинкт заставил Дюба нахмуриться при виде оставшейся на лужайке грязной колеи, он даже прицокнул языком в адрес безответственных юнцов, которым совсем наплевать на траву. Которая через два года превратится в

тонкий слой угля поверх мертвого пласта обожженной глины – если, конечно, ее минует прямое попадание и она не станет частью стеклянистой поверхности кратера.

Грузовик не успел затормозить и снес деревянный поручень у крыльца.

Все расхохотались. У смеха был необычный оттенок – смесь ребяческой радости с чем-то мрачноватым, с предвкушением, что дальше-то будет еще хуже.

Похоже, молодежь справлялась даже лучше, чем он сам.

Дюб понятия не имел, в чем состоит затея, но, очевидно, для нее требовалось закинуть в фургон все, что только можно. Он просто стоял в сторонке, засунув руки в карманы, поскольку не знал, что именно следует грузить, а что – оставить. Когда внутрь забросили диван, стало ясно, что дом покидают насовсем. Тогда он тоже стал помогать. В какой-то момент кузов заполнился до отказа. Они стали разгружать вещи и укладывать уже не столь беспорядочным образом. Тут-то Дюб наконец развернулся во всей красе, показав себя в роли старого мастера, знающего толк в плотной упаковке, и раздав множество советов, как и где можно выиграть еще чуть-чуть места.

Кончилось тем, что кто-то съездил и пригнал еще фургон. Насколько Дюб понял, прокатная фирма выдавала их бесплатно. Чуть дальше по улице располагался большой магазин стройматериалов, несколько подсобных рабочих оттуда подошли и помогли грузиться. Спрос на ремонтные работы все равно упал до нуля. Дюб видел в чертах рабочих Амелию и гадал, как они впервые слышали новости.

Шестеро студентов залезли во внедорожник, арендованный Дюбом в аэропорту, туда же засунули компьютеры, одежду и всевозможные инструменты – свои или взятые напрокат. К багажнику на крыше привязали два велосипеда и палатки. Дюб понятия не имел, куда они едут и зачем, но, судя по всему, студенты планировали строить новую цивилизацию из палаточной ткани и кабельных стяжек.

В конце концов они присоединились к колонне из двадцати машин, выехавшей из города на восток около двух дня. На широте Сиэтла в это время года оставалось еще часа два до заката.

Почти все студенты немедленно отрубались. Генри, на переднем пассажирском сиденье, самым трогательным образом пытался не провалиться в сон, но у него ничего не вышло. Дюб знал, что, проснувшись, Генри, который рос очень чувствительным мальчиком, непременно будет извиняться. У Генри не было детей, и он понятия не

имел, что для родителя нет зрелища приятней, чем его собственный спящий ребенок.

Так что Дюб, умиротворенный, насколько это было возможно в нынешних обстоятельствах, вел в сторону постепенно темнеющих гор свой внедорожник, набитый спящими пассажирами. Со временем колонна растворилась в потоке транспорта. Легковушки, впрочем, по большей части съехали с шоссе к пригородам еще до того, как начался серьезный подъем. Дюб в очередной раз удивился, чего ради люди по-прежнему оказываются на дороге в час пик. Продолжают ездить на работу и учебу, лишь бы как-то протянуть время до конца? Впрочем, это не его собачье дело.

Миновали Иссакву. Все машины, остававшиеся на шоссе, по видимому, направлялись к холодному пустынному нагорью на восток от хребта. Кое-кто, как ни странно, собирался покататься на лыжах – на лыжах! – но их было несложно отличить. Большая же часть машин в целом мало отличалась от колонны, вышедшей из университета, – это были тяжело груженные фургоны, внедорожники и пикапы, несущие запас провизии и снаряжения.

Дюб понял, что чувствует себя вынужденным переселенцем времен Великой депрессии.

С той разницей, что те, по крайней мере, знали, куда едут.

Характерная для Сиэтла вечная изморось превратилась в сменяющие друг дружку полосы тумана и холодного дождя, так что Дюб почти не убирал руку с рычага «дворников». Выше в горы капли дождя сначала затуманились от льдинок, потом превратились в снежные хлопья. Дорога пока была чистой, но слякоть уже появилась на обочинах и стала постепенно выползать на проезжую часть. Скорость упала до шестидесяти километров в час, пятидесяти, потом сорока, низкие серо-стальные тучи скрыли остатки солнечного света, и дорога впереди превратилась в мерцающий поток габаритных огней.

Среди машин, взбирающихся к заснеженному перевалу, попадались и тягачи с прицепами. Среди них преобладали фуры, но Дюб отметил необычно высокий процент индустриальной техники – цистерны с криогенными жидкостями, открытые платформы с трубами и стальными профилями.

Тучи вспыхнули так ярко, что спящие на задних сиденьях вздрогнули и зашевелились. Дюб по привычке начал отсчет: *раз-два-три-ноль, раз-два-три-один*. Дойдя до девяти или десяти, он услышал, да и почувствовал, сверхзвуковой хлопок, который в детстве принял бы за раскат грома. Теперь подобные явления следовало по умолчанию считать падающими

осколками Луны. Этот прошел на высоте около трех километров. Через несколько секунд раздался еще один звук удара, означавший, что камень врезался в землю, а не распался в атмосфере, как большая часть метеоритов. Следовательно, это был относительно крупный обломок.

Дюб уже день или два не посещал сайт, где его аспиранты вели учет наблюдаемых болидов и сравнивали их число с предсказанным моделями. Делать это слишком часто не имело смысла, поскольку после неустойчивости первых дней модель отшлифовали настолько, что любые расхождения с наблюдениями укладывались в рамки статистической погрешности. Для модели это означало хорошие новости, для человечества – плохие, так как подтверждался прогноз, что до Белых Небес, и следом за ними Каменного Ливня, остается от двадцати одного до двадцати двух месяцев. Насколько Дюб помнил, падения болидов вроде того, что он видел сейчас, происходят около двадцати раз в сутки по всему земному шару. То, что он оказался рядом, конечно, не совсем обычно, но особо хвалиться тоже нечем.

Через несколько минут впереди замелькали красные вспышки – водители давили на тормоза. Поток продвинулся еще немного и совсем остановился. Несколько студентов проснулись и стали обмениваться сонными замечаниями. Когда за десять минут машины так и не двинулись, Генри выбрался наружу и, стоя на подножке, принялся отвязывать с крыши велосипед.

Дюб, сидевший в тепле на водительском сиденье, следил, как его сын исчезает между рядами вставших машин, с тем же замиранием сердца, с каким провожал взглядом его первую в жизни самостоятельную велосипедную поездку по улицам Пасадены.

Генри вернулся через три минуты:

– Тягач слетел с дороги у самого перевала. Негабаритный груз – наверное, часть обрешетки.

Обрешетка. Слово затронуло глубокий пласт памяти в мозгу Дюба. Он слышал его только применительно к пусковым площадкам, и произносилось оно голосами комментаторов наподобие Уолтера Кронкайта и Фрэнка Рейнольдса, прокуренными голосами эпохи программы «Аполлон».

Ничего по-прежнему не происходило, так что они вытащили из багажника зимние куртки, закутались поплотней и отправились вдоль дороги, чтобы взглянуть самим. И не они одни. Дюбу это показалось необычным. Нормой было сидеть в машине, тыкать в экран айфона или слушать аудиокнигу и ждать, пока явятся дорожные службы и со всем

разберутся.

До тягача оказалось меньше километра. Видимо, его грандиозно занесло. Колоссальный вес обрешетки – сварной конструкции, больше всего напоминавшей секцию железнодорожного моста, – развернул грузовик задом наперед и вбок, захватив всю ширину дороги, пока он наконец не опрокинулся и не снес при этом добрую сотню метров ограждения. Прямо за ним под разными углами застыли несколько машин, водителям которых пришлось отчаянно давить на тормоза. Несколько человек разбирались сейчас с последствиями в виде помятых бамперов, однако, судя по всему, серьезно никто не пострадал.

К тягачу продолжали стекаться пешеходы, однако Дюб не видел почти никого, кто бы походил на обычных зевак. Куда же все идут? Когда он вместе с Генри и другими студентами оказался ближе, машины рядом с тягачом задвигались, освещая фарами место аварии, и он смог рассмотреть, как люди протискиваются на другую сторону мимо кормы и в щель между платформой и тягачом. Добровольцы со светодиодными фонариками встали у самых узких мест, белые лучи подсвечивали то, на чем можно оступить, и то, за что можно ухватиться. Дюб вместе с остальными тоже протолкался через щель, на другой стороне стало посвободней. Его ожидало достойное взгляда зрелище. Вдаль уходило мокрое и совершенно пустое междугородное шоссе. Справа простирался горнолыжный склон, подсвеченный для ночного спуска. А в пятнадцати, максимум двадцати километрах отсюда горный откос сверкал сквозь шлейфы снега и тумана ярко-красным светом. Это был кратер от удара болида. Теперь Дюб понял, что произошло. Над ними прошел метеорит. Для него это была лишь просиявшая в тучах вспышка, однако те, кто в этот момент оказался на перевале, прекрасно видели, как метеорит врежется в землю, скосив перед тем добрый километр леса. Машины завияли, их стало выносить на другие полосы. Водителю тягача пришлось тормозить, и колеса потеряли сцепление с мокрым асфальтом.

С этой стороны уже скопилось больше сотни человек.

Через двадцать минут их набралось достаточно, чтобы снова поставить платформу на колеса. Подобно египетским рабам, передвигающим каменный блок для пирамиды, люди в куртках с капюшонами, перчатках из микроволокна и лыжных штанах подобрались снизу и принялись поднимать вес. С другой стороны на платформу закинули извлеченные из багажников буксировочные тросы – их противоположные концы прицепили к фаркопам и бамперам пробившихся по целине внедорожников. Машины тянули, люди толкали: с неожиданной

легкостью платформа приподнялась, несколько мгновений балансировала на колесах с одной стороны – было слышно лишь, как жгут резину пробуксовывающие внедорожники, – и встала нормально. Дружный рев толпы «Уфф!» означал одновременно радость и облегчение. Дюба приглушенно – поскольку все были в перчатках – хлопнули по рукам два десятка людей, которых он раньше не видел и никогда больше не увидит.

Развернуть тягач и снова отправить его в путь – тоже операция не из легких и, скорее всего, растянулась бы на пару часов. Впрочем, одну полосу удалось освободить достаточно быстро. К тому моменту водители внедорожников уже вовсю начали пересекать высокую разделительную полосу и ехали теперь по другой стороне шоссе, а редкие встречные машины были вынуждены уворачиваться, издавая длинные, протестующие доплеровские гудки.

Еще через час снова пришлось притормозить: через шоссе тянулась длинная полоса густого дыма, видимость упала почти до нуля. Из мрака возникали и снова исчезали галактики мерцающих красно-синих огней, обозначая скопления спецтранспорта, прибывшего тушить пожары или оказывать помощь местным жителям, пострадавшим от метеоритного удара. В одном месте прямо посередине дороги расположилась весело подсвеченная аварийными огнями глыба размером с легковушку, пробившая силой удара дорожное покрытие: толстые куски бетона торчали наружу, оцетинившись ломаной арматурой. Не метеорит, но баллистический выброс из ударного кратера.

Еще одна задержка, на этот раз просто чтобы поглазеть, случилась в Вантадже, где шоссе пересекало реку Колумбия; здесь она была чуть ли не два километра шириной. Под мостом, там, где он дугой поднимался от воды рядом с восточным берегом, чтобы внизу могли проходить баржи, что-то происходило. На мачтах вокруг сияли слепящие прожекторы, и в создаваемом ими лоскутном освещении можно было различить, как с одной из барж выгружают что-то огромное и цилиндрическое.

Со всеми этими задержками они достигли городка Мозес-Лейк лишь к полуночи и там, вслед за большей частью транспортного потока, свернули с шоссе и двинулись по направлению к международному аэропорту округа Грант.

Так это место называлось официально. Когда, проснувшись наутро, Дюб вылез из палатки, которую делил с Генри, выпрямился и слегка огляделся вокруг, он тут же переименовал его в Новый Байконур. Оно было на той же широте, что и Байконур, и степь вокруг была точно такой же.

И, как некогда казахская степь, была населена кочевниками.

Космическими переселенцами. По оценке Дюба, самое малое – тысяча десять.

Кочевье выглядело довольно упорядоченным. Прямо по дну высохшего озера были начерчены ровные белые линии – очевидно, с помощью оборудования для разметки стадионов. Они обозначали улицы и проспекты, и вновь прибывшие по большей части соблюдали эту разметку, когда ставили палатки. На равных промежутках друг от друга кучковались кабинки передвижных туалетов, хотя по запаху вокруг Дюб мог судить, что кое-кто пользовался выгребными ямами или просто орошал ближайший кустик.

Ближе к концу пути Генри немного его просветил. Раньше здесь была база ВВС, входившая в северную линию оборонительных сооружений, посредством которых Соединенные Штаты, возникни такая необходимость, намеревались противостоять коммунистической агрессии. Судя по четырехкилометровой взлетной полосе, одними лишь оборонительными намерениями дело не исчерпывалось. Полоса также входила в список резервных мест для посадки шаттлов, но так ни разу и не послужила в этом качестве. В любом случае аэродром несоизмеримо превосходил потребности городка размером с Мозес-Лейк и в последние десятилетия в основном использовался аэрокосмической индустрией для различных тренировок и испытаний. «Блю Ориджин» испытала здесь в 2005 году многоразовую ракету, запустив ее прямо с тягача, стоявшего на дне высохшего озера к западу от аэродрома, там, где сейчас вырос Новый Байконур и где Дюб брел по степи, надеясь выйти к источнику запаха жареного бекона.

Над головой его прошел огромный самолет без единого окна в фюзеляже, выпустил из брюха целую фалангу колес, величественно зашел на посадку над четырехкилометровой полосой и проехал ее всю до последнего метра. Транспортник.

Дюб вышел на широкий проспект, который вел к самому центру лагеря. Не было никаких сомнений, где этот центр находится и что собой представляет: бетонная площадка, которую все еще продолжали заливать участок за участком, и гроздь разнообразных кранов, торчащих, как заключил Дюб, точно посередине.

Краны были нужны, чтобы собирать ракету.

Огромную ракету.

Все более или менее складывалось одно к одному. Нет такого груза, который нельзя доставить баржами по реке Колумбия, а потом, тягачами – в Мозес-Лейк всего в нескольких километрах от нее. Нет таких самолетов,

которые не могут сесть на четырехкилометровую полосу. Нет такого объекта, который нельзя изготовить на аэрокосмических производствах Сиэтла. А поскольку широта здесь такая же, как у Байконура, запуски к «Иzzi» можно осуществлять по хорошо известным и, так сказать, натоптаным траекториям.

Какие-то четыре дня спустя Дюб стоял в кузове ржавого пикапа вместе с малознакомыми ему космическими кочевниками и вздымал в небеса зажатую в руке бутылку пива, имитируя взлет ракеты со стартовой площадки. Они орали и бесновались, глядя, как ракета, описав плавную дугу, унеслась куда-то в сторону Бойсе. На следующее утро, протрезвев, они принялись строить еще одну ракету.

День 80

«Мы говорим об отправке грузов на орбиту, как будто орбита – конкретное место вроде Филадельфии, однако в действительности существует множество орбит, то есть множество разных космических местонахождений.

Теоретически любые два объекта во Вселенной могут находиться на орбите друг относительно друга. Но в основном, говоря об орбитах, мы имеем в виду нечто крошечное, обращающееся вокруг чего-то огромного – например, спутник вокруг Земли или Земля вокруг Солнца. Поэтому проще всего классифицировать орбиты, основываясь на том, что же это за огромная штука посередине.

Если эта штука – Земля, орбита называется геоцентрической. Если Солнце – гелиоцентрической, и так далее. После разрушения Луны мы в основном интересуемся геоцентрическими орбитами. Пока Луна еще существовала, она находилась именно на такой орбите, поскольку обращалась вокруг Земли. Большая часть ее осколков также находится на геоцентрических орбитах. Некоторым из этих орбит случается пересечься с земной атмосферой. Когда это происходит, мы видим метеор.

На этом вводный курс по орбитам можно считать окончанным. Главное – не забывать о разных уровнях. Система Земля – Луна, если рассматривать ее как единое целое, обращалась вокруг Солнца по гелиоцентрической орбите. А если сильно увеличить угол зрения и рассмотреть целиком всю галактику Млечный Путь, мы увидим, что Солнечная система медленно обращается вокруг черной дыры в ее центре – по галактоцентрической орбите».

Голос принадлежал известному астроному и популяризатору науки Доку Дюбуа и сопровождался анимационной картинкой, демонстрирующей события то в Солнечной системе, то за ее пределами. Дина видела отдельные ее фрагменты через плечо Луизы Сотер, которая недавно прибыла на «Иzzi» и безо всякого труда победила бы в конкурсе на звание «астронавта, наименее похожего на астронавта». Семья Луизы бежала в Нью-Йорк из Чили от политических репрессий. Она выросла в многоязычной и довольно безалаберной квартире в Гарлеме и каждый день ходила оттуда пешком через Центральный парк в престижную этическую школу «Филдстон». За школой последовали дипломы и степени по психологии и социальным наукам университетов Лос-Анджелеса, Чикаго и Барселоны. Проработав несколько лет с экономическими мигрантами, пытающимися достичь Европы на утлых рыбацких суденышках, она получила макартуровский грант за выдающиеся заслуги и в последующие годы вела аналогичные исследования в других частях света.

Две недели назад ее выдернули прямо с фулбрайтовской стипендии в Сент-Эндрюсском университете в Шотландии, отправили на краткие курсы выживания в космосе, потом засунули в ракету и запустили на «Иzzi» в туристическом модуле.

Дина, как и все остальные, пришла к очевидному выводу, что Луизе предстоит стать первым в истории космическим психо-аналитиком и соцработником. Судя по отдельным инцидентам, которые начали возникать на станции по мере роста тесноты и уровня стресса, работы у нее будет непочатый край. Напрашивалась даже безрадостная ассоциация между экипажем станции и кучкой отчаявшихся беженцев в рыбацкой лодке.

Луиза была настолько спокойна и уверена в себе, что охотно признавала – она ничего не смыслит в таких вещах, как, скажем, орбитальная механика. Мало того, она умела обратить свое невежество в способ завязывать беседу. Многие на «Иzzi» по своим личностным качествам находились ближе к тому краю шкалы, который заканчивается синдромом Аспергера, и лучшим способом их разговорить был вовремя заданный технический вопрос.

Впрочем, если спросить вдруг оказывалось некого, Луиза была готова самостоятельно прогуглить тему до самых корней или отыскать на ютубе соответствующее видео, что сейчас и сделала.

Дина, плавая у нее за плечом, увидела, что анимационная картинка сменилась видео, на котором Док Дюбуа и еще один мужчина – лысоватый и коренастый, белый – стояли рядом на серо-коричневой равнине. Дина уже знала, что так выглядит космодром Мозес-Лейк. Далеко за ними на

стартовом столе шла, ступень за ступенью, сборка очередной ракеты, ее окружала мешанина из обрешетки, кранов и тросов.

Лицо второго, не Дока Дюбуа, тоже было ей смутно знакомо – технообозреватель, нередко появлявшийся в телевизоре и на ютубе. Он повернулся к камере и заговорил:

– С вами Тависток Прауз, и я веду репортаж с новейшего в мире космодрома в округе Грант, штат Вашингтон. Рядом со мной Док Дюбуа, представлять которого нет необходимости, и мы собираемся поговорить о конфликтной ситуации вокруг недавних ракетных запусков, проведенных компанией «Арджуна». Многие из них были произведены с импровизированного стартового комплекса, который вы сейчас видите. «Арджуна» подготовила для нас анимацию, призванную объяснить, что происходит. Так что усаживайтесь поудобней и запасайтесь попкорном.

На экране возникло изображение Земли, потом масштаб кадра уменьшился, показывая, как Земля обращается вокруг Солнца. Орбита была аккуратно прорисована тонкой красной линией. Масштаб уменьшился еще, появились орбиты Венеры и Меркурия, потом – Марса и Юпитера.

– Говоря об астероидах, – произнес голос Дока Дюбуа, – мы обычно имеем в виду пояс астероидов между Марсом и Юпитером.

Внутри широкого просвета между орбитами двух планет появилось колечко пыли, в котором там и сям попадались пятнышки покрупней.

– Пояс астероидов богат различными минералами, и Наше Наследие рано или поздно начнет его разрабатывать. Но он слишком далеко, чтобы достичь его на нынешнем уровне развития космической техники.

Итак, Док Дюбуа, известный тем, что всегда идет в ногу со временем, тоже принял на вооружение термин «Наше Наследие», который неожиданно приобрел популярность и собственный хештег. Означал он «то, чего в отдаленном будущем добьются потомки обитателей Облачного Ковчега», или, выражаясь напрямую, «то, ради чего стоит жить оставшиеся двадцать два месяца».

Масштаб кадра снова увеличился, теперь в нем помещалась лишь земная орбита.

– Однако астрономам давно известно, что не все астероиды находятся за орбитой Марса. Некоторое их количество – небольшое, но вполне существенное, – обращается по гелиоцентрическим орбитам, почти не отличающимся от земной.

Новое колечко – из пылинок поменьше, и не такое густое – образовало туманную дымку вдоль красной линии земной орбиты.

– Амальтея была одним из таких астероидов, правильно, Док?

– Совершенно верно. На то, чтобы доставить кусок металла подобных размеров из области между Марсом и Юпитером, потребовалась бы целая вечность. Но поскольку он обнаружился на землеподобной орбите, все оказалось значительно проще.

– Объясните, что вы имеете в виду под землеподобной орбитой?

– Все эти камни обращаются вокруг Солнца практически там же, где и Земля. Орбиты некоторых находятся чуть-чуть внутри земной, других – чуть снаружи, иные пересекают земную орбиту дважды в течение одного оборота вокруг Солнца. Эти последние в свое время считались поводом для беспокойства.

– Теперь у нас есть другие поводы, – перебил его Тав.

После секундного размышления Док, очевидно, решил, что эту шутку лучше пропустить мимо ушей.

– Поскольку они *считались* поводом для беспокойства, мы приняли меры к тому, чтобы их найти и определить траектории – то есть параметры их орбит.

Камера вернулась к Доку и Таву – они теперь шли по утоптанной почве космодрома, а на заднем плане виднелся огромный грузовик с логотипом «Арджуны».

– В последние годы компании вроде «Арджуна Экспедишнз» определили орбиты значительного числа подобных астероидов в надежде начать добычу полезных ископаемых. В течение нескольких недель мы стали свидетелями объединенных усилий «Арджуны» и альянса других частных космических компаний, которые пытаются придать этой деятельности новый импульс.

– Но что именно задумал Шон Пробст, Док? – спросил Тав.

– Он нам не говорит. Однако законы орбитальной механики оставляют совсем мало места воображению. Во второй части нашего видео вы узнаете о принципах, которым подчиняется танец небесных тел, и о той сложной хореографии, которая требуется, чтобы астероид появился в нужном месте в нужное время.

Палец Луизы завис над ссылкой на вторую часть видео, но прежде она обернулась к Дине.

– Пытаюсь понять, чем ты зарабатываешь на жизнь, – объяснила она голосом, в котором было намешано множество акцентов, хотя сильнее всех слышался нью-йоркский. – Ты ведь сотрудница «Арджуны»?

– Тсс! – Дина с улыбкой прижала ко рту палец. – Мне не хотелось бы тоже поссориться с русскими.

– Чего вы не можете поделить? – спросила Луиза.

Речь шла о недавней серии довольно скандальных совещаний и даже нескольких случаях открытой конфронтации между русскими – которые вели себя как отдельная команда под начальством Федора Антоновича Пантелеймонова, да и мыслили в том же духе – и контингентом «Арджуны», привыкшим гордиться своей «анти-субординацией». Последнее было всего лишь модным словечком из бизнес-жаргона. Однако попробуйте-ка объяснить седому ветерану космонавтики, что хорошего в отсутствии субординации. Дина чуть было не ответила что-то в духе «это просто культурные различия», но ей показалось неловким предлагать специалисту уровня Луизы объяснение, больше подходящее для светской болтовни.

– Понимаешь, сюрпризы в космосе обычно не сулят ничего хорошего. Традиционно каждый полет планируется вплоть до энного уровня, и на любую возможную неприятность имеется план по ее устранению. Импровизация не предусмотрена. И даже невозможна – импровизировать попросту нечем.

– Однако мне вспоминается изолента в «Аполлоне-13».

– Верно, это одно из редких исключений, – согласилась Дина, – редких настолько, что о нем помнят десятилетия спустя. Поэтому для русских сама идея того, что кто-то может заявиться на станцию без предупреждения, потребовать для себя ресурсы...

– Какие ресурсы? – перебила ее Луиза.

– Они дышат нашим воздухом, – начала перечислять Дина, – живут в наших помещениях, используют сетевой трафик и так далее. Когда Ларс отправлялся сюда, предполагалось, что он будет работать на «Иззи» – вместо этого Ларс отправляется с Шоном Пробстом. И они забирают с собой почти всех моих роботов.

– Но ведь взамен должны прислать других?

– Совершенно верно. Я просто хочу сказать, что все это – незапланированный сюрприз. И чем быстрее Шон и Ларс отсюда улетят, тем меньше шансов, что Федор рано или поздно передушит их голыми руками.

– Улетят куда?

– На другую орбиту.

– Геоцентрическую или гелиоцентрическую? – спросила Луиза с каменным лицом, но тут же подмигнула Дине.

– Сначала геоцентрическую, потом – гелио, – ответила Дина, не удержавшись от легкой улыбки.

– Я думала, мы уже на геоцентрической.

– Это неправильная орбита, во всяком случае с точки зрения Шона. Орбита «Иzzi» находится под углом к экватору. Так нужно, чтобы выполнять запуски с Байконура, и Сиэтл на той же широте. Но если планировать межпланетный полет, как задумал Шон... попросту говоря, если ты собираешься покинуть околоземную орбиту, нужна орбита, близкая к экваториальной. Потому что в этой плоскости находится практически вся Солнечная система, включая кусок льда, который Шон намеревается сюда притащить.

– *Имир*, – кивнула Луиза, растягивая гласные так же, как это делал Шон в ее присутствии.

Имя, взятое из скандинавской мифологии, древний ледяной гигант. Использовано Шоном в качестве кодового обозначения куска льда, который был целью его проекта и который он намеревался доставить обратно.

– Да. Но это неофициальное название. Шон довольно скрытный.

– И как же он собирается перейти с орбиты на орбиту? – спросила Луиза. – С геоцентрической – мы ведь сейчас на ней, да?

– Да.

– На гелиоцентрическую?

– Ну, сначала ему надо будет поменять плоскость орбиты – с наклонной, где мы находимся вместе с «Иzzi», на экваториальную. Там он подберет остальное оборудование.

– Почему его не отправят прямо сюда?

– Маневры по изменению плоскости требуют немалых затрат. Одно дело, когда плоскость меняют только Шон, Ларс и «открывашка», но отправлять сюда весь комплект экспедиционного оборудования лишь затем, чтобы потом менять плоскость, было бы безумным расточительством. – Дина умолчала о другой причине – основная часть оборудования Шона была столь дико радиоактивна, что никто и не позволил бы ей приблизиться к «Иzzi».

– Понятно. Но речь все еще идет о геоцентрической орбите?

– Верно, всего несколько сот километров над Землей.

– И как он вместе с оборудованием перейдет на гелиоцентрическую?

– Существуют различные способы, – ответила Дина, – но, насколько я знаю Шона, он пойдет через портал L1.

– Понятия не имею, что это такое, – признала Луиза, не удержалась и хихикнула. – Каждый раз, когда я слышу, что люди вокруг разговаривают подобным образом, мне кажется, что меня забросили прямиком в фантастический фильм.

– Док Дюбуа, скорее всего, объясняет это во второй части видео, –

Дина кивнула на планшет Луизы, – но основная идея довольно простая. – Дина повертела головой и высмотрела набитый одеждой сетчатый мешок. Вытащив мешок из ниши, она отправила его к центру каюты. – Это Солнце. – Похлопав себя по карманам, она нашла в одном пластиковую бутылочку с таблетками, средством от тошноты, которое попросил у нее кто-то из вновь прибывших. Открыв бутылочку и вытащив закрывавший горлышко комок ваты, Дина подтолкнула его поближе к Луизе. Жертве морской болезни придется потерпеть еще несколько минут. – Это Земля, на гелиоцентрической орбите. – Дина аккуратно встряхнула из открытого горлышка несколько таблеток, позволив им свободно плавать, и закрыла бутылочку. Потом стала размещать таблетки в пространстве между «Солнцем» и «Землей».

– Астероиды? – высказала догадку Луиза.

– На данный момент скорее абстрактные математические точки, – поправила ее Дина. – Они называются точками Лагранжа, или точками либрации, и в каждой системе из двух тел их пять. Геометрия всегда одна и та же. Две точки, L4 и L5, находятся далеко по сторонам. Я не буду их показывать, здесь попросту не хватит места. Но остальные три расположены непосредственно на прямой, соединяющей Землю и Солнце. – Оттолкнувшись, Дина проплыла за «Солнце» и разместила там таблетку в точке, прямо противоположной «Земле». – Это L3, очень далеко, видеть мы ее не можем, потому что заслоняет Солнце – короче, тоже относительно бесполезная.

Подплыв поближе к ватному шарик, Дина остановилась у стены модуля и поместила еще одну таблетку рядом с обшивкой.

– Это L2, за пределами земной орбиты.

Последнюю таблетку она установила между «Солнцем» и «Землей», но гораздо ближе к последней.

– А это...

– Методом исключения получается L1, – деловито заметила Луиза и снова рассмеялась: – Вы тут в космосе предпочитаете обратный отсчет, я уже заметила.

– В этих точках тяготение Солнца и Земли взаимно уравнивается, – продолжила Дина, – их еще иногда называют порталами, поскольку в них проще всего перейти с геоцентрической на гелиоцентрическую орбиту. Иногда это случается естественным путем: астероид на гелиоцентрической орбите может пройти слишком близко к L1 и будет захвачен Землей. Или, наоборот, был случай, когда обращающаяся вокруг Земли верхняя ступень «Аполлона» прошла через L1 и была на

несколько лет выброшена на гелиоцентрическую орбиту. Затем она вернулась через тот же портал – а потом снова ушла.

Луиза кивнула:

– В нью-йоркских терминах – все равно что в метро пересест с линии А на линию D на «Коламбус-Серкл».

– Верно, очень часто в качестве аналогии используются железнодорожные стрелки или пересадочные станции, – подтвердила Дина.

– Значит, по-твоему, Шон и его экипаж отправляются туда?

– Ну да, как только получат... – Дина замаялась.

– Получат ту хреновину, которой дожидаются, – пришла на выручку Луиза.

– Спасибо, именно ее, – улыбнулась Дина. – Чтобы попасть в L1, им нужно подняться на существенно более высокую орбиту, чем сейчас. Это значит, что они включают двигатели, за несколько минут сожгут уйму топлива и следующие несколько недель проведут на новой траектории. Им придется пройти через пояса Ван Аллена и получить серьезную дозу радиации. К сожалению, этого никак не избежать. L1 вчетверо дальше, чем Луна.

– Бывшая Луна, – негромко уточнила Луиза.

– Верно, и это означает, что уже несколько дней спустя Шон и его экипаж окажутся дальше от Земли, чем когда-либо бывали люди. Попад в L1, что займет пять недель, они снова включают двигатели и перейдут с линии А на линию D, то есть на гелиоцентрическую орбиту. А там уже смогут выбрать подходящий курс, чтобы достичь кометы.

Луиза слегка отвлеклась на первую часть утверждения Дины.

– Дальше от Земли, чем кто бы то ни было за всю историю человечества, – повторила она. – Интересно, не обусловлена ли реакция Федора своего рода ревностью. После всего времени, что он провел в космосе...

– ...появляется какой-то богатынький выскочка и шутя перекрывает все его достижения, – кивнула Дина. – Очень может быть. Только у Федора физиономия высечена из северного гранита, и никогда не знаешь, какие там мысли внутри.

– Ну ладно, значит, они долетают до своего огромного снежного кома, а потом повторяют все в обратной последовательности и возвращаются в точку старта – где к тому времени, надо надеяться, их уже ждет Облачный Ковчег.

– Не совсем так, – возразила Дина. – С этого момента все становится интересней.

- По-моему, все уже и так безумно интересно!
- Теперь Дине следовало очень тщательно подбирать слова.
- Маневрировать по Солнечной системе, находясь на борту космического корабля, разработанного и построенного именно с этой целью – одно дело. Таскать по ней огромный кусок льда – совершенно другое.
- Это займет гораздо больше времени, – кивнула Луиза. – И не факт, что вообще получится.
- Угу. Вообще-то я просто роботами занимаюсь.
- Которые в полном составе отправляются в экспедицию?
- Да, – подтвердила Дина, – они потребуются на поверхности кометы, чтобы крепить тросы и натягивать сети. Это большой кусок льда. Очень хрупкий. Не хотелось бы, чтобы при включении двигателей он рассыпался, как снежок из сухого снега.
- Снежок из сухого снега, – повторила Луиза. – Это из твоего детства?
- С хребта Брукс? Точно. Хуже места для игры в снежки не сыскать.
- Разве что ты младшая сестра, в которую кидают все остальные, – задумчиво произнесла Луиза.
- Я лучше ничего не буду про это говорить!
- А в Центральном парке, – продолжала Луиза, – снежки были из мокрого снега и били очень больно.

День 90

Когда в День 37 Айви открыла совещание словами «пять процентов», Дина и все остальные, оглядевшись, увидели прискорбное отсутствие прогресса. Чего, разумеется, и добивалась Айви. В тот момент в космосе находилось двадцать шесть человек, восемь из которых рисковали жизнью во временных «Луках». Несмотря на определенную тесноту, все участники совещания поместились в «банане».

В День 73, когда Айви открыла очередное совещание в «банане» словами «десять процентов», ситуация была уже кардинально иной. О том, чтобы собрать все население «Иззи» в «банан», и речи не шло – большинство участвовало в совещании по видео-связи. Благодаря Шону Пробсту и запускам «Арджуны» с Мозес-Лейк никто даже толком не мог сказать, сколько всего человек сейчас находится вне Земли. Вроде бы где-то на гуглдоксах лежала таблица с точными данными, но где именно, никто не знал. Было ясно только, что это число перевалило за сотню как минимум

неделю назад.

В первые две недели с самодельного космодрома в Мозес-Лейк запустили три ракеты. Одна рухнула на винодельческое поместье в горах близ Уолла-Уолла, уничтожив несколько акров виноградника, которые могли бы дать отличное вино, будь Земле отмерено достаточно времени, чтобы его как следует выдержать. Две другие долетели до «Иzzi».

Впрочем, основные грузы «Арджуна» запускала не с Мозес-Лейк, а с космодромов, расположенных ближе к экватору, так что они оказывались на орбитах, не столь удаленных от плоскости эклиптики. Как минимум две тяжелых ракеты, одна – с мыса Канаверал, другая – с Куру, произвели сближение и последующую стыковку на низкой орбите над тропиками. Готовились новые запуски, однако в целом о проекте мало что было известно. Пиар к числу козырей Шона Пробста не относился, а карьера в частном бизнесе научила его никогда не раскрывать карты прежде времени. Этим он особо не отличался от тех на борту «Иzzi», кто, как Спенсер Грайндстафф и Зик Питерсен, имел весьма впечатляющие формы правительственного допуска. Сравнивая записи и обмениваясь косвенными свидетельствами, Дина и Айви кое-как составили для себя смутную картину происходящего. Для стороннего наблюдателя Шон Пробст был откровенно темной лошадкой. Однако «Арджуна» неделю за неделей слала Спарки все новых и новых «въев», а он в свою очередь отправлял их на «Иzzi» в приоритетном порядке. Выходило, что результаты, которые она отправляла в «Арджуну»: отчеты о том, какие «вьи» хорошо работают в космосе, а какие не очень, – представляли для НАСА немалую ценность. Важно было и то, что как минимум один из грузов Шона улетел с мыса Канаверал, основного космодрома НАСА. Еще важнее был запуск с базы ВВС «Ванденберг», добавивший к растущему комплексу «Арджуны» небольшой модуль. Что он небольшой, можно было судить по ракетеносителю, а что жутко секретный – по сопутствующим мерам предосторожности. Невольные свидетели – граждане, которых заставили съехать на обочину Шоссе 101 во время прохождения длинного военного конвоя, – направили на стартовую площадку дальнобойные объективы, но не увидели ничего, кроме тентов и маскировочной сетки.

Очередная ракета с Мозес-Лейк добралась до «Иzzi» без происшествий. Поскольку стыковочного узла для нее не нашлось, верхняя ступень летела теперь по орбите примерно в километре «позади» станции. Федор злобно поглядывал на нее в иллюминатор и уже несколько раз предложил конфисковать груз. Список которого был достаточно необычным:

- Топливо и другие расходные материалы для «открывашки» Шона, которые позволят ей выполнить маневр смены орбитальной плоскости и сближение с «Имиром» над экватором (название «Имир» теперь служило как для корабля, который строил Шон, так и для его конечной цели).

- Лед.

- Волокно, способное в смеси со льдом дать значительно более прочный материал, известный под названием «пайкерит».

- Несколько тысяч «ледяных вьев» – крошечных роботов, оптимизированных для работы на льду.

Федору, как, вероятно, и остальным, очень хотелось наложить лапу на топливо и лед. На Земле Пит Старлинг принялся было бряцать юридическим оружием, угрожая конфисковать весь космодром Мозес-Лейк. Однако планы эти в одночасье куда-то исчезли, как только оружием начал бряцать Шон Пробст, пообещавший опубликовать на ютубе видео, доказывающее, что Облачный Ковчег в нынешнем виде в лучшем случае плацебо, да и то бездарное. Было, мягко говоря, удивительно, что между левой и правой рукой правительства возможен столь открытый конфликт, но мир вообще стал удивительным. Обсуждая все это за едой или собравшись после работы, чтобы пропустить по глоточку, Дина, Айви и Луиза могли лишь воображать, как сейчас внизу Овальный кабинет, военные, «Арджуна» и капельмейстеры орут друг на друга.

Дина старалась не вступать в эти споры, сосредоточившись на работе – нужно было запрограммировать роботов, которых Шон собирался взять в экспедицию. Ядро кометы – далеко не слиток льда, скорее куча отдельных ледышек, которые держатся вместе лишь благодаря собственному, весьма незначительному гравитационному притяжению. Оно разлетится на части даже от слабого касания. «Арджуна» знала об этом давным-давно и инвестировала миллионы в разработку технологий захвата столь сложных объектов. Хотя не факт, что слово «технологии» подходит для методов, понятных даже охотникам и собирателям каменного века: окружи объект сетью, потом завяжи сеть веревочкой.

Исполнение подобного трюка в космосе являлось, однако, по словам Шона, «асимметричной задачей»: на программистском жаргоне это означало, что она требует множества тонких настроек и вариантов на случай, если что-то пойдет не так, и потому не сводится к единственному общему решению. Вероятнее всего, на поверхность кометы Григга-Скьеллерупа высадится множество роботов, которые растянут сеть и укрепят слабые места, расплавив лед и смешав воду с волокном, чтобы она застыла в виде пайкерита. Дина вызвалась в этом поучаствовать и уже

предвкушала работу над новой задачей, но Шон вернул ее с небес на землю, указав на кое-какие неудачные обстоятельства. Связь между «Иzzi» и «Имиром» будет ограничена единственным радиокомплексом. Передавать видео они вообще не смогут. Кроме того, велика будет и задержка сигнала: для большей части маршрута она составит несколько минут, поскольку радиоволнам предстоит пройти путь, сравнимый с расстоянием от Земли до Солнца. Программирование в таких условиях роботов на поверхности кометы будет и близко непохоже на то, чем она занимается прямо у себя за окном на Амальтее. Все, что Дина может для них сделать, следует сделать прямо сейчас.

Итак, в $A+0.82$ население «Иzzi» уменьшилось на два человека, одновременно с чем резко упал и уровень напряженности на борту – Шон и Ларс на «открывашке» покинули станцию. Выполнив маневр смены орбитальной плоскости, они сблизилась с «Имиром» над экватором. В течение недели произошло еще несколько стыковочных операций, в ходе которых к кораблю добавились модули, запущенные с мыса Канаверал и частных космодромов в Нью-Мексико и Западном Техасе. Затем, после довольно продолжительного включения маршевого двигателя, «Имир» оказался на траектории перехода к L1. Несколько дней спустя рекорд «Аполлона» по удалению от Земли был побит.

Конрад Барт подплыл к входу в мастерскую Дины и вежливо постучал, поскольку штора была задернута – все знали, что за ней у Дины случаются интимные встречи с Рисом. Оказавшись внутри, он начал беспокоиться, а потом спросил, не знает ли она, что, собственно, намерена делать экспедиция «Имира». Дина открыла было рот, но Конрад покачал головой, вытащил планшет и ввел пароль. Потом развернул его и показал фотографию.

Дина не сразу поняла, что перед ней. Очевидно, это было фото искусственного космического объекта. И довольно качественное, хотя сверкающие по краям пиксели свидетельствовали, что оно подверглось значительной обработке. Конрад сделал снимок через один из оптических телескопов «Иzzi»: отвел его от привычного объекта – каши из обломков, обращающейся вокруг центра бывшей Луны, – и перенацелил на другой, рукотворный. Сооружение выглядело довольно сложным и, вероятно, превосходило размером все построенное людьми в космосе, если не считать самой «Иzzi». Снимок был сделан с большого расстояния, «Иzzi» и объект двигались друг относительно друга, и Конраду пришлось поработать с программой для обработки изображений, чтобы убрать размытость. Подобно «Иzzi», объект состоял из модулей, очевидно,

запущенных по отдельности и состыкованных в космосе. Кормовой модуль заканчивался большим колоколом сопла – это, очевидно, был маршевый двигатель. Некоторые походили на баки с топливом, другие явно были обитаемыми. Однако, без сомнения, самой заметной, и самой странной, частью объекта была вытянутая мачта, напоминавшая щуп: она торчала впереди и была раз в десять длинней всех прочих модулей, вместе взятых. Это была ферменная конструкция, причем совершенно очевидно такая же, как и новые фермы «Иззи».

– Ого, – рассмеялась Дина, – станция со своей собственной радиомачтой!

Конрад кисло усмехнулся.

– Взгляни на верхушку, – предложил он и провел пальцами по экрану, так что на нем оказалось увеличенное изображение пиксельного пятна на самом кончике. Формой оно напоминало наконечник стрелы – черное острие, сидящее на толстой белой подложке, которая в свою очередь покоится на темной плите.

Во взгляде Конрада читалось, что Дина должна сама все понять – или что он считает ее посвященной в секрет. Так оно и было. Но открывать его она не имела права.

– Я, конечно, не ядерный физик, – начала Дина издали, – но бросается в глаза, что экипаж корабля... Ведь это же «Имир»?

– Естественно.

– ...что они стараются быть как можно дальше от этой штуки, так что укрепили ее на самой длинной палке, которой смогли обзавестись.

– Она активно испускает нейтроны, – сообщил Конрад.

– Откуда ты знаешь?

– Вот это вот, – Конрад указал на белый слой в середине сэндвича, напоминающий зажатое между вафлями мороженое, – скорее всего полиэтилен или парафин, эффективные поглотители нейтронов. В процессе образуются гамма-лучи, так что вот это, – он ткнул в шоколадную вафлю снизу, – вероятно, свинец.

Дина все знала и так, поскольку ей рассказал Шон: это был реактор от крупной атомной электростанции, тепловой мощностью в четыре гигаватта, спешно переделанный под новую задачу. Однако она дала клятву хранить секрет и сейчас могла только не мешать Конраду разобраться во всем самому.

– Меры предосторожности впечатляют, учитывая, что миссия и так практически самоубийственная.

– Когда и если они долетят, они хотят быть еще живы и способны хоть

что-то сделать, – сказал Конрад.

– Как ты думаешь, кто-нибудь сфотографировал эту штуку с Земли? – спросила его Дина. – Я что-то ничего не видела в новостях.

– Все было скрыто обтекателем, пока они не включили двигатель, – пояснил Конрад. – Я сделал снимок два часа назад, и это был мой единственный шанс.

Время включения двигателя рассчитали так, чтобы пересечь бывшую лунную орбиту в тот момент, когда большая часть обломков находится по другую сторону Земли, и таким образом уменьшить вероятность столкновения. И тем не менее через несколько дней после того, как экипаж «Имира» пересек орбиту Луны и тем самым начал самое дальнее путешествие в земной истории, связь с ними прервалась. До этого «Имир» посредством мощных передатчиков X-диапазона вел переговоры с сетью дальней космической связи НАСА – комплексом антенн в Испании, Австралии и Калифорнии, которая много лет поддерживала связь с космическими зондами. Теперь он умолк. Сам «Имир» никуда не делся – Конрад видел в оптический телескоп белесое пятнышко. Но поскольку пассивный участок траектории, в течение которого двигатели были выключены, составлял тридцать семь дней, не существовало никакого способа узнать, жив ли экипаж. Стреловидный «Имир» и сплюснутая куча обломков одинаково вели бы себя на орбите и выглядели в телескоп.

Слегка обнадеживало, что с «Имира» не поступало *вообще ничего*. Автоматические системы корабля должны были оставаться на связи и без участия людей. Если бы телеметрия продолжала поступать, а люди молчали, это означало бы, что они мертвы или умирают. Тот факт, что замолчали одновременно люди и роботы, позволял надеяться, что проблема с радиоантенной X-диапазона или самим передатчиком.

По мере приближения к L1 «Имир» стало сложно, а потом и вовсе невозможно разглядеть, поскольку он теперь был в точности между Землей и Солнцем. Предполагалось, что эта точка будет достигнута в День 126, там двигатели снова включатся и «Имир» перейдет на гелиоцентрическую орбиту: эллипс, который через год с небольшим – примерно в A+1.175, то есть через год и сто семьдесят пять дней после Ноля – пересечет орбиту Греки-Скелета. С того момента, как «Имир» скрылся от них в пламени Солнца, все, что оставалось – это ждать, пока он снова не окажется в наблюдаемом положении. Если с «Имиром» случилась авария и он превратился в кусок космического мусора, вероятней всего, он вернется по противоположному участку той же орбиты и снова пройдет рядом с Землей – однако с точки зрения орбитальной динамики L1 было местом крайне

нестабильным, так что «Имир» с тем же успехом мог уйти прочь по гелиоцентрической орбите, особенно если его сбило с точного курса ударом метеорита.

Время текло, наступил День 140, на две недели позже той даты, когда «Имир» должен был пройти через L1, корабль все не появлялся на нисходящем участке траектории, так что сделалось ясно – он все-таки перешел на гелиоцентрическую орбиту, хотя неизвестно, повинуясь вовремя включенному двигателю или по чистой случайности. Если предположить первое, то Шону и всему экипажу из шести человек в ближайший год делать особо нечего – только плавать в невесомости и ждать. Ускорить путешествие невозможно, орбиты соприкоснутся в намеченный срок.

Все эти события, которые всего несколько месяцев назад имели бы всемирно-историческое значение, теперь по сравнению с остальным происходящим в подлунном мире годились бы разве что на вторую полосу.

Суматоха и энтузиазм, окружающие Шона, «Арджуну», космодром Мозес-Лейк и вояж «Имира», несколько оттянули на себя внимание от медленного и упрямого поступательного движения, которое тем временем осуществляли НАСА, Европейское космическое агентство, Роскосмос, Китайское национальное космическое управление и космические агентства Японии и Индии. В штате этих организаций состояли консервативно настроенные инженеры старой школы, с культурной точки зрения очень близкие к очкарикам с логарифмическими линейками времен «Союз-Аполлона». Точнее, некоторые из них были *теми самыми* очкариками, но существенно постаревшими и закосневшими. Их ставила в тупик, хуже того, бесила, та легкость, с которой кучка возникших ниоткуда техномиллиардеров завладела вниманием всего мира, запуская ракету за ракетой для выполнения задач, которые они сами себе поставили, не спросив ни у кого совета и даже без особого планирования. Отлет Ларса и Шона с «Иззи» вызвал у них глубокий вздох облегчения, поскольку означал возврат к методичной, серьезной работе, с которой эти люди прекрасно справлялись.

Тот, кто был готов уделить внимание скучным таблицам и диаграммам, мог по достоинству оценить плоды этих трудов в A+0.144, когда Айви открыла совещание в «банане» словами «двадцать процентов» (поскольку, согласно последним оценкам астрофизической лаборатории доктора Дюбуа Джерома Ксавье Харриса в Калтехе, а равно и других лабораторий, занятых подобными вычислениями в университетах по всему миру, Белые Небеса должны были наступить в A+1.354 или около того, то есть через год и 354

дня после разрушения Луны; миновала ровно одна пятая этого срока).

Задачей скаутов – то есть первой волны фактических самоубийц вроде Феклы, начавших прибывать в День 29, – было построить импровизированную структуру из хомячьих труб и стыковочных узлов, чтобы «Иzzi» могла принять уже значительно большее число так называемых пионеров. Основная разница между скаутами и пионерами заключалась в том, что первые точно знали – причалить им будет некуда, в то время как вторые ожидали, что по крайней мере в теории для их корабля найдется стыковочный узел, по другую сторону которого окажется воздух. Один раз ожидания оказались обмануты, в результате шестеро пионеров, набитых в «Союз», попросту задохнулись. Расследование показало, что причиной послужил дефект в наспех собранном стыковочном узле. Трое китайских тайконавтов погибли, когда в трубу, по которой они перемещались, попал микрометеорит и произошла разгерметизация. Однако начиная со Дня 56 на станцию уже прибывало от пяти до двенадцати пионеров в сутки. Когда стыковочные узлы закончились, пришлось взять паузу, однако затем прибывающие корабли стали стыковаться друг к другу, система хомячьих труб разрасталась, начали разворачиваться надувные структуры и население принялось расти, как снежный ком.

«Иzzi», которая и до того была сложным сооружением, в котором сразу не разобраться, превратилась в головоломный лабиринт из модулей, хомячьих труб, ферм и кораблей, пристыкованных к другим кораблям, в свою очередь пристыкованных к третьим «будто какое-то, блин, трехмерное домино», как однажды выразилась Луиза. Чтобы хоть как-то сориентироваться, глядя на изображение комплекса, надо было отыскать на одном конце грубые асимметричные очертания Амальтеи, а на противоположном – два тора. Они стали соответственно «носом» и «кормой», а проходящая через них ось – основой для того, чтобы в соответствии с морской традицией определить «правый» и «левый борт», а также «зенит» и «надир», что на космическом жаргоне означало в первом приближении «от Земли» и «к Земле». Если встать спиной к торам и лицом к Амальтее, имея «левый борт» по левую руку, а «правый», соответственно, по правую, то твоя голова будет направлена в зенит, а ноги – в надир и к поверхности Земли в четырехстах километрах под тобой.

Подобное, однако, могли позволить себе лишь немногие в скафандрах снаружи станции. Внутри же трехмерного домино было по-прежнему легко заблудиться. Фломастеры, которых на Земле-то никогда в нужный момент не оказывается под рукой, сделались на станции предметом особого спроса

– ими рисовали и подписывали стрелки внутри хомячьих труб и в жилых модулях.

– То, что я сейчас здесь – чисто хронологическая случайность, – задумчиво произнесла Айви во время одной из их с Диной посиделок, которые теперь случались все реже и реже. Первоначальные запасы алкоголя давно исчерпались, но кое-кто из вновь прибывающих брал на себя труд контрабандой провезти для них бутылочку.

– Вот не соглашусь, – тут же откликнулась Дина. Не самый остроумный ответ. Но внезапность, с которой Айви вдруг разоткровенничалась, застала ее врасплох.

– Взорвись Луна на две недели позже, станцией сейчас командовал бы какой-нибудь зануда-русский, а я была бы внизу – замужем и беременная.

– И под смертным приговором, как и все остальные.

– Ну да, тоже верно.

Дина торопливо протянула руку к бутылке и наполнила мензурки, надеясь, что настроение Айви не исчезнет. Разговорить ее было не самой легкой задачей даже в счастливые времена до Ноля.

– Послушай, Айви, то, что ты командуешь «Иzzi» – *отнюдь* не случайность. И назначили тебя на эту должность неспроста. Из всех на Земле – включая и тех, что вне Земли – у тебя меньше всего оснований чувствовать себя самозванкой!

Айви озадаченно помолчала, уставившись на нее, и наконец предложила:

– Продолжай. И, кстати, расскажи мне, в чем именно выражается синдром самозванца.

Тема уже всплывала раньше в их беседах, только обычно на симптомы жаловалась Дина.

– От меня так просто не отвертись! Что с тобой?

Айви подняла взгляд к потолку: жест, позаимствованный у русских и призванный напомнить Дине – никогда не знаешь, кто тебя подслушивает. Потом заглянула Дине в глаза. Всего на секунду. По существу-то Айви была стеснительной и, раскрывая душу, предпочитала изучать носки ботинок.

– Наблюдать, как вы цапаетесь с Шоном Пробстом, было одно удовольствие, – наконец произнесла она.

– Блин, да он наглый как я не знаю кто! Должен же был хоть кто-нибудь... – Дина прикусила язык, поскольку Айви, лицо которой внезапно искривилось в печальной гримасе, вытянула руку, чтобы ее остановить.

– Да я не спорю. Все так. И спасибо тебе за это. Ему и нужен был

рядом кто-то вроде тебя. Иной раз казалось, что вы играете комедию. А то, как реагировали на него русские – сначала, конечно, Фекла, а потом и Федор, когда предложил арестовать всех из «Арджуны», а имущество конфисковать, – вот это была настоящая драма. Там, внизу, публикациям в таблоидах и комментам в дискуссиях просто краю не было. А я здесь чуть не лишилась должности.

– Что значит – «чуть не лишилась»?

– Ты не поверишь, что творилось на иных телеконференциях с Байконуром и Хьюстоном. От меня требовали занять максимально жесткую позицию. И сделать все то, что хочет Федор.

– Но ты отказалась, – уточнила Дина.

Айви снова посмотрела ей в глаза. И, после небольшой паузы, кивнула.

– Значит, ты победила, – продолжила Дина.

– Да, но это была пиррова победа. Я выторговала наименее драконовское из решений. «Имир» отправился в полет, и никто не держит на них откровенного зла.

– Разве это – пиррова победа?

– Не хочу грузить тебя своими проблемами, – вздохнула Айви.

– А с кем еще ты хотела бы поговорить?

– Может быть, ни с кем! – отрезала Айви, во взгляде ее промелькнуло что-то вроде гнева. – Может быть, в этом, Дина, и заключается бремя лидера. Быть тем, кто не может – *не имеет права* – делиться своими проблемами. Идея несколько старомодная. Но вдруг человечеству сейчас нужны именно такие лидеры?

Дина вытаращила глаза. Айви наконец смягчилась и заговорила голосом, почти лишенным эмоций:

– Моя способность быть во главе космической станции в последнее время подверглась серьезной критике. Стало ясно, что на Земле уже какое-то время идут подковерные игры – но я об этом ничего не знала до тех пор, пока конфликт вокруг Шона Пробста не заставил их выйти на поверхность. Полагаю, что с того момента против меня стали работать еще активней – организуя утечки в прессу и проговорки на совещаниях.

– Пит Старлинг.

– Без комментариев. В любом случае, думаю, скоро меня заменят.

Глаза у Айви слегка покраснели. Она снова взглянула на потолок, хотя, судя по выражению лица, ей было наплевать, слушают ее или нет. Потом перевела взгляд на Дину и улыбнулась:

– Сама-то как, сестренка?

- Я в полном порядке.
  - Неужели? Спасибо, порадовала.
  - Бо, Ларс и все остальные, кто последнее время со мной работал, думается, уважают меня за то, что я делаю.
  - Думаю, они уважают тебя за то, что ты сделала для Феклы.
  - Да ладно? Я-то считала, что все дело в моих выдающихся природных талантах.
  - На Земле уйма людей, весьма талантливых в этом смысле, – ответила Айви, – и в ближайшие недели они начнут прибывать сюда в товарных количествах. Можешь мне поверить. Я читала их резюме.
  - Верю, конечно.
  - Но при этом все вокруг чувствуют, что теперь будет спрос и на другие качества, не только на талант. Вот потому люди к тебе и тянутся.
- Еще одна неловкая пауза. Похоже, Айви подразумевала, что к ней самой подобного уважения уже никто не проявляет.
- Ну и еще из-за твоих выдающихся талантов, – наконец добавила она.

Консолидация

У земной атмосферы нет четкой границы. Она просто понемногу теряет плотность, пока наконец не становится для большинства приборов практически неотличимой от идеального вакуума. Ниже ста шестидесяти километров ничто долго летать не может, так как воздух там еще относительно плотный; на эти высоты запускали лишь самые первые короткоживущие спутники. Чем дальше от Земли, тем разреженней воздух и стабильней орбиты.

«Иzzi» находилась на четырехстах километрах. Однако гектары солнечных батарей и радиаторов создавали слишком большую для ее массы парусность. Во всяком случае до тех пор, пока к ней не присоединили Амальтею, из-за чего масса станции резко увеличилась.

Парадоксальным для непосвященных образом прибавка в весе в виде астероида позволила «Иzzi» гораздо лучше держать высоту. До Амальтеи она теряла по два километра в месяц, и орбиту приходилось корректировать ракетным двигателем на корме. Первое время это был встроенный двигатель модуля «Звезда». В основном же просто использовали двигатель корабля, пристыкованного в данный момент ближе всех к корме.

«Иzzi» тогда больше напоминала воздушного змея – сплошная

площадь, никакой массы. Говоря техническим языком, у нее был низкий баллистический коэффициент; проще выражаясь, даже слабая атмосфера сильно действовала на станцию. Когда появилась Амальтея, к змею прицепили тяжелый камень. Баллистический коэффициент заметно увеличился. Инерция камня тащила станцию через разреженную атмосферу, и высота теперь терялась значительно медленней. По той же причине, если все-таки требовалось скорректировать орбиту, для разгона всего этого железа с никелем требовалось дольше работать двигателем и расходовать больше топлива.

Когда скауты и пионеры принялись расширять конструкцию «Иzzi», баллистический коэффициент снова понизился и двигатели пришлось включать чаще. Так бывало и раньше – двигатели то и дело включались, чтобы выполнить коррекцию орбиты. По мере того, как структура росла, задача усложнялась. «Иzzi» была не слишком простым в управлении объектом еще до начала расширения. Реактивный импульс, приложенный в одной точке, распространялся по остальным модулям постепенно – по мере того, как фермы и другие структурные элементы принимали на себя нагрузку и передавали ее дальше. Проще говоря, «Иzzi» становилась тем более шаткой, чем больше всего на нее навешивали, и в силу этого корректировать высоту орбиты и даже просто угол, под которым она «летела» в космосе, делалось все сложнее. В самый разгар работы пионеров «Иzzi» позволили опуститься довольно сильно – на целых шестнадцать километров, однако с тех пор коррекции проводили регулярно. При этом любая попытка запустить двигатели корабля, пристыкованного к X2, выявляла в конструкции очередные слабые места, которые приходилось латать на ходу, иногда в буквальном смысле изолентой и проволокой, и лишь затем продолжать коррекцию.

В промежутке между A+0.144 и 250 основным лозунгом была «консолидация», неизбежно сокращенная в «консоль». По сути дела речь шла о том, чтобы построить новые фермы вокруг хомячьих трубок и прочих элементов разросшейся конструкции, лихорадочно соорудившейся в первые два месяца. Одновременно решались и другие проблемы, в первую очередь – размещение новых радиаторов для отвода избыточного тепла. Если набить их слишком плотно, они переставали работать, попросту излучая тепло друг на друга. В результате комплекс теплоотвода достиг гигантских размеров и в конце концов стал распространяться преимущественно назад, подобно оперению стрелы. Сравнение было вовсе не фигуральным. Точно так же, как тяжелый наконечник вкупе с хвостовыми перьями позволяет стреле не сбиться с курса, комбинация из

массивной Амальтеи на носу и размещенных сзади радиаторов помогала «Иzzi» сохранять ориентацию, отчасти даже уменьшив необходимость в коррекциях орбиты. Кроме того, таким образом радиаторы были лучше защищены от микрометеоритов. Теоретически камни могли прилететь с любой стороны, но выше всего была вероятность получить удар спереди, поэтому поверхности модулей, смотрящие вперед, как правило комплектовались противометеоритными щитами. Разумеется, Амальтея была среди них самым большим и самым надежным.

Число солнечных панелей тоже пришлось бы увеличить, если бы не поменялся подход. С самого начала проекта стало ясно, что фотопанели, конечно, тоже не помешают, но по-настоящему обеспечить функционирование всей системы могут лишь небольшие ядерные устройства, известные как РИТЭГи, то есть радиоизотопные термоэлектрические генераторы. Эти генераторы непрерывно выделяют тепло, даже если электричество сейчас не требуется, а значит, для них тоже требовались радиаторы.

Радиаторы были, по сути, чертовой уймой труб. Тепло следовало забрать оттуда, где оно вырабатывалось (в основном – из обитаемых модулей «Иzzi»), и доставить туда, где от него можно избавиться (к «оперению» на хвосте). Для этого существовал лишь один реалистичный способ: прокачивать жидкость по замкнутому циклу, так что она нагревалась на одном конце и охлаждалась на другом. На горячем конце стояли теплообменники и так называемые «батареи охлаждения», забиравшие лишнее тепло. На холодном конце жидкость прогоняли через систему тонких трубок наподобие капилляров, зажатую между плоскими панелями, у которых было одно-единственное назначение: слегка нагреваться и излучать в космос инфракрасные лучи, охлаждая «Иzzi» за счет обогрева далеких галактик. Посередине находилась система из труб и насосов, которая росла с каждым днем и была подвержена тем же проблемам, что и земные водопроводы. Сложности усугублялись тем, что в одних охлаждающих циклах циркулировал жидкий аммиак, в других – вода. Аммиак эффективней, но и опасней, к тому же в космосе его взять неоткуда. Если Облачному Ковчегу суждено выжить, экономика этого выживания должна быть основана на воде. Через сто лет все в космосе будет охлаждаться водой, но пока приходилось поддерживать и аммиачное оборудование.

Вдобавок положение осложнялось тем, что от систем охлаждения требовалась отказоустойчивость. Если в одну из подсистем угодит осколок Луны и она даст течь, ее требовалось изолировать от основной системы

прежде, чем значительное количество драгоценной воды или аммиака улетучится в космос. Таким образом, система включала столь сложную иерархию отсечных клапанов, переключателей и резервных элементов, что не помещалась даже в голове у Айви, вообще-то способной запоминать все до малейших деталей. Та была вынуждена делегировать все вопросы, связанные с охлаждением, рабочей группе, состоявшей на три четверти из русских и на оставшуюся четверть – из американцев. Большая часть работ в открытом космосе заключалась в расширении и обслуживании систем охлаждения, Айви же довольствовалась ежесуточным докладом о состоянии дел, что вообще-то было для нее нехарактерно.

Трубы и радиаторы, которые, как и все остальное, крепились к структуре «Иzzi», оказались особенно подвержены проблемам, проходившим под общим заголовком «конструкции у нас слишком хлипкие, запуск двигателя не выдержат». Поэтому, не переставая латать возникающие дыры, Айви вместе с инженерами на Земле должна была теперь развернуть всю программу в направлении общей «консоли» структуры станции – в частных беседах Айви называла этот процесс «расшатыванием». О том, чтобы разобрать сооруженные скаутами и пионерами конструкции, речи не шло, и все свелось к строительству внешних силовых элементов вокруг того, что уже имеется. С километровой дистанции картина напоминала реставрацию старого, но очень ценного здания: вокруг объекта вырастает решетка из лесов, уродливая на вид, но вполне пригодная для своей задачи, постепенно обволакивает его и придает дополнительную прочность, не проникая при этом внутрь.

Поначалу секции ферм собирали на Земле и запускали в космос целиком, а на место их устанавливали бригады, работающие в открытом космосе, – это стоило дорого, но позволило быстро получить значительный прирост в прочности всей конструкции. Однако с каждым новым запуском выигрыш становился все меньше и меньше, и в какой-то момент стало ясно, что «облачки», как их теперь понемногу стали называть, не могут вечно зависеть от наземных инженеров, разрабатывающих под заказ секцию за секцией.

По большому счету наземные инженеры уже толком и не знали, что представляет собой «Иzzi». Их трехмерные компьютерные модели больше не поспевали за ситуацией. Дине это стало ясно по внезапному всплеску количества мейлов, в которых отчаявшиеся инженеры просили ее отправить робота туда-то и туда-то, а там направить камеру на такой-то модуль, чтобы они могли понять, что именно сейчас находится на этом месте.

Облачникам требовались инструменты и детали, чтобы собирать собственные структуры прямо на месте. Все требуемое стало поступать в районе Дня 220, тогда-то и стало понятно, насколько на Земле сейчас все по-другому – оборудование приходило самое разное, из разных источников, координация между ними зачастую почти отсутствовала. В прежние времена проекты подобных систем получили бы трехбуквенную аббревиатуру и пятнадцать лет болтались бы между правительственными агентствами и подрядчиками, прежде чем воплотиться в космосе.

Самой полезной оказалась система, грубо, но быстро разработанная на основе старой, однако вполне пригодной идеи. Больше всего она напоминала станок для водосточных желобов – его ставят в кузове грузовика, на вход подается рулон листового металла, наружу выползает уже согнутый желоб, причем длина может быть совершенно любой. Новая машина по сути делала то же самое, только металлическая лента выходила наружу в виде треугольного профиля, стык которого сваривали, чтобы он не разогнулся. Изобрели ее на Западе, и довольно давно, однако Китайское космическое агентство за двести дней, прошедшие с Ноля, довело конструкцию до ума и принялось запускать в космос комплексы вместе с обученными работать на них экипажами. Чтобы до бесконечности штамповать километры профиля, им требовались только алюминиевый лист и электричество. Собрать из этого профиля фермы и силовые элементы было куда сложнее. Сваривать металл в космосе возможно, но очень трудно, и оборудования постоянно не хватало. Заменой сварке стали соединительные блоки, опять же в огромных количествах производимые китайцами – концы треугольных профилей вставлялись в них, затем крепились шурупами. Поначалу блоки отправляли оптом с Земли, но в А +0.247 на орбиту прибыл трехмерный принтер, оптимизированный для их производства и позволявший выбирать угол, под которым сходились профили. Теперь фермы проектировали и строили прямо на ходу, что было невозможно со стандартными блоками. На крайний случай у Федора имелся электронно-лучевой сварочный аппарат, способный работать в вакууме и при нулевой силе тяжести (вероятно, самое дорогое подобное устройство в мире, настоящее чудо русской инженерной мысли), и он обучил Вячеслава с ним управляться. Вячеслав в свою очередь обучил Феклу и еще двоих космонавтов, и они посменно плавали вокруг все более усложняющейся «Иzzi», приваривая что-нибудь то тут, то там. Благодаря этим усилиям, в основном – со стороны китайцев и русских, ферменная конструкция разрослась и приобрела жесткость. Запуск двигателя для коррекции больше не сопровождался всевозможными хлопками, звоном и

скрежетом. Хомячьи трубы постепенно скрылись под оболочкой из алюминиевых профилей и щитов. На выступающих частях «Иzzi», словно почки на ветвях, стали появляться новые стыковочные узлы, ожидая начала следующей фазы – прибытия первых капель.

На Земле сейчас был август, предпоследний из всех августов. В строй вошло еще несколько новых и расконсервированных космодромов. Теперь к «Иzzi» запускали тяжелые ракеты из восьми различных точек земного шара. Вокруг стартовых площадок постепенно накапливались ступени ракет и капли трех различных конструкций – словно снаряды, завезенные на стрельбище.

День 280

– Скоро уже ваше время, доктор Харрис, – объявила Джулия Блисс Флаэрти.

Время от времени на Дюба находило осознание того, как это странно, что он теперь регулярно встречается с президентом. В общей картине происходящего, разумеется, намного странней было то, что Луна взорвалась и теперь все умрут. Однако мыслям Дюба, который родился и вырос в мире, свободном от подобных ужасов, было намного радостней отвлечься на мелочи наподобие того, что президент сейчас с ним беседует. В Овальном кабинете. По одну руку от нее – советник по науке Пит Старлинг, по другую – директор Белого дома по связям с общественностью. И еще дворецкий, разливающий по хрустальным стаканам воду со льдом.

Зачем нужен дворецкий, Дюб понимал. Но вот что здесь делает директор по связям? Маргарет Слоун прекрасно справлялась с работой и не переставала изумлять всех безупречностью своего внешнего вида, однако, как давно уже выяснилось, любые технические дискуссии, выходящие за рамки «огромные камни в космосе – это очень опасно», находятся за пределами ее понимания.

Все трое смотрели на него, словно ожидая ответа.

Что такое сказала президент? «Скоро мое время?»

Она имеет в виду, что ему пора заканчивать? Уступить дорогу кому-нибудь помоложе и более интернет-продвинутому, вроде Тава Прауза?

Маргарет Слоун попыталась заполнить неловкую паузу объяснениями:

– Ваши познания и присутствие духа в трудную минуту оказались как нельзя кстати. Благодаря вам народ Соединенных Штатов, как и всей Земли, обрел надежду в путеводной концепции Нашего Наследия. Мы

высоко оценили вашу готовность по первому сигналу засучить рукава и отправиться в Мозес-Лейк, на Байконур, на ракетные производства. Однако полагаем, что теперь настало время...

– Уступить дорогу кому-нибудь не столь примелькавшемуся, понимаю, – закончил за нее Дюб. – Честно говоря, я не в обиде. И все равно хотел бы проводить больше времени с детьми и молодой женой. Тав прекрасно справится и без меня.

На лице президента проступило озадаченное выражение. Она стрельнула глазами в сторону Маргарет. Та попыталась исправиться:

– Мы имели в виду совсем другое. Мы – то есть люди Земли – считаем, что вам пора сделать следующий шаг, подняться на новый уровень...

– Мы хотели бы предложить вам, – вмешалась президент, в некотором раздражении как от непонятливости Дюба, так и от вдохновенных околичностей Маргарет, – в День триста шестьдесят или близко к этой дате отправиться в космос и присоединиться к населению Облачного Ковчега.

– Но я не хочу! – выпалил Дюб. Обычно ему было не свойственно так забываться, и он тут же умолк, пораженный собственной бестактностью.

– Доктор Харрис, – сказала президент, помолчав, – вам, вероятно, известно из школьных уроков обществоведения, что пост, который я в данный момент занимаю, подразумевает значительную власть. В частности, я имею право откладывать исполнение приговора осужденным преступникам или даже миловать их. Когда заключенного в Техасе отправляют на казнь, это происходит в том числе и потому, что я не сочла нужным смягчить приговор или объявить помилование. По отношению к смертникам я этого не делала еще ни разу. Однако в данный момент я фактически объявляю помилование вам.

Здесь президент сделала паузу, и Дюб понял, что она ожидает его реакции.

Все это время он смотрел на букет цветов на столике перед собой. Думая, сколько времени пройдет, прежде чем на Ковчеге тоже начнут выращивать цветы. Дюб потянулся к стакану и отпил глоток воды.

Джей-Би-Эф нервировала Дюба. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы оторвать взгляд от букета и взглянуть ей в глаза. Широко открытые, немигающие.

– Находиться сейчас на поверхности планеты – смертный приговор, – произнесла президент. – Я только что объявила вам помилование. Вы можете отправиться в космос и тем самым остаться в живых. В отличие от меня. Это-то вы понимаете, доктор Харрис? В данном конкретном случае я

не могу объявить помилование самой себе, не нарушив самым откровенным образом подписанный на Кратерном озере договор, согласно которому национальные лидеры и члены их семей не имеют права на Ковчег. А вас-то, черт возьми, что не устраивает?

Решишь Дюб на честный ответ, он оказался бы чрезвычайно неполиткорректным: «Я пришел к убеждению, что проект Облачного Ковчега нежизнеспособен. В публичных выступлениях я держу этот вывод при себе, чтобы люди не отчаивались. Но предпочел бы быструю смерть на Земле рядом с теми, кого люблю, медленной и одинокой в космосе».

– Другие заслуживают такого больше, чем я, – ответил он вместо этого. И тут же мысленно обругал себя за столь бездарное возражение. Опровергнуть его не составит ни малейшего труда. Если смотреть на вещи непредвзято, он как раз был прекрасным кандидатом в экипаж Ковчега.

– Совершенно с тобой не согласен! – воскликнул Пит Старлинг с нервическим смешком. – Дюб, польза от тебя там будет настолько неоценимой, что тебе просто не дадут ни минуты покоя. У тебя внушительный список достоинств, которые на удивление почти и не перекрываются. Ты глазом не моргнув сможешь переключаться между решением астрофизических задач, обучением молодежи Ковчега и записью подкастов для тех, кто остался внизу.

Слушая Пита, Дюб повернулся, чтобы встретиться с ним глазами – и с шоком столь резким, словно его окунули в ледяную воду, осознал, что Пит Старлинг лжет.

Не в том смысле, что он преувеличил достоинства Дюба. Здесь как раз все было честно. Ложь была более глубокой и фундаментальной.

Он верил в успех Облачного Ковчега ничуть не больше Дюба.

И хотел, чтобы Док Дюбуа, отправившись на Ковчег, поддерживал его ложь.

Дюб, однако, был ученым, специалистом в одной конкретной области: поиск и распространение истины. Даже среди известных своей прямоотой кабинетных ученых он слыл человеком, всегда говорящим то, что думает. Без оглядки на чьи-то расстроенные чувства или разрушенные карьеры. Каким-то образом это проявлялось и при съемках. Он быстро завоевал доверие телезрителей как раз благодаря прямооте, с которой мог произнести нечто обидное для очень серьезных лиц, совершенно не заботясь о возможных последствиях. Некоторые из таких моментов были запечатлены в культовых «ютубовских» видео и реддитовских мемах: Дюб уничтожает сенатора-республиканца, отрицающего эволюцию; вдребезги разбивает аргументы известного противника теории глобального потепления во время

случайной уличной дискуссии; во время ток-шоу доводит до слез кинозвезду, сообщив ей, что борьба против прививок делает ее персонально ответственной за тысячи младенческих смертей.

В некотором роде сейчас его занимали одновременно два вопроса: *будет* ли он лгать для Пита и *сможет* ли.

Первый вопрос – готов ли он на ложь, если она поможет миллиардам людей умереть чуть более счастливыми?

И второй – не почувствуют ли его ложь зрители? Его слегка изменившийся тон, чуть необычное выражение лица, когда он, стоя перед камерой, будет вешать им лапшу на уши.

Второй вопрос был главным. Получится ли у него. Поскольку если у него не получится, если он не сможет врать достаточно убедительно, то нет смысла и начинать.

Дюб был практически уверен, что у него ничего не выйдет.

Кубик льда в его стакане негромко щелкнул, что означало процесс термического разрушения.

Мысли Дюба перенеслись к Шону Пробсту, который отправился за несколько большим куском льда уже полгода назад. Не верилось, что прошло целых полгода.

Можно привыкнуть к чему угодно. Ты привыкаешь, время летит стрелой, и ты сам не замечаешь, что оно уже истекло.

Дюб вспомнил нелегкие вопросы, на которые ему пришлось отвечать, когда Шон отправился к portalу L1. Что за хрень взбрела на ум этому миллиардеру? Очевидно, она не имела ни малейшего отношения к официальным планам. Поскольку в официальных планах ничего не говорилось о потребности в большом куске льда. Тем не менее Шон Пробст полагал задачу настолько важной, что счел нужным лично отправиться для ее выполнения. И с большой вероятностью погибнуть в процессе или безнадежно подорвать здоровье радиацией и длительным нахождением в невесомости. Дюба спрашивали, что он думает относительно мыслей Шона. Дюб, не особенно успевший исследовать эту тему, отвечал уклончиво, в том смысле, что вода в космосе всегда пригодится: ее можно пить, поливать ей растения, использовать в качестве щита от космического излучения, разлагать на водород и кислород, получая ракетное топливо, прокачивать через трубы, чтобы избавиться от излишков тепла. Все это было верно, но немедленно напрашивался еще один вопрос. Эти потребности настолько очевидны, что НАСА просто не могло их не учесть. Какую же еще потребность в воде, которую НАСА или забыло, или предпочло не замечать, обнаружил Шон?

Позднее Дюб извлек ответ из кулуарных бесед с сотрудниками «Арджуны» и кое-каких слухов, дошедших через работающих над планированием Ковчега знакомых. Дело было в реактивном топливе. Облачному Ковчегу требовался огромный расход топлива. Шон пришел к выводу, что топлива не хватит.

И полетел, чтобы решить эту проблему.

Поскольку Шон был не из тех, кто тратит время на разговоры. А из тех, кто решает проблемы. И ему не пришлось мучиться, как сейчас Дюбу, раздумывая, что сказать по этому поводу. Как вести себя на людях. Какую занять общественную позицию и правильно ли его поймут.

– Сто дней, – задумчиво произнес Дюб.

Он молчал уже так долго, что обитатели Овального кабинета вздрогнули от неожиданности. Джей-Би-Эф успела отвлечься на планшет, Пит Старлинг смотрел в окно.

– Что, простите, доктор Харрис? – президент оторвалась от планшета и снова уставилась на него. Но Дюб уже не опасался этого взгляда. Поскольку собирался отправиться туда, где она уже никогда не сможет на него таращиться.

– Сейчас День двести шестьдесят, – ответил он. – Вы ведь сказали, что я должен лететь в районе триста шестидесятого?

– Именно, – подтвердила Маргарет Слоун, очевидно расслабившись. – Это не самая первая волна, которая будет скорее генеральной репетицией, – но первая *настоящая* волна, с которой облачники отправятся в космос, и нам кажется, будет правильным, если вы примете в ней участие. Вы сможете разделить с ними весь опыт и рассказать населению Земли, как устроена жизнь облачника. Чтобы земляне ощутили с ними неразрывную связь.

Вашу ж мать, подумал Дюб. Семь лет работы над диссертацией, исследования в лучших университетах Европы, научное руководство в Калтехе, номинация на Нобелевскую премию – и все это ради того, чтобы теперь, когда судьба человечества повисла на волоске, выступить в роли *наблюдателя* с целью обеспечения *неразрывной связи*.

– Думаю, с этим я справлюсь, – подтвердил он. «Ну и, раз уж я все равно там буду, кое с чем еще».

А что они могут ему сделать? Отправить обратно на Землю?

В худшем случае они просто перестанут выпускать в эфир его передачи, что его вполне устроит. Наверху наверняка найдутся задачи, где он сможет принести больше пользы, чем говорящая голова перед камерой. Шон Пробст определил одну из стоящих перед Облачным Ковчегом

проблем и принял меры, чтобы ее решить; а что полезного может изучить Дюб за оставшиеся ему сто дней? Что он мог бы сделать, оказавшись на орбите, чтобы повысить шансы всего предприятия на успех?

– Сто дней, – повторил он. – Три месяца рядом с женой, детьми и эмбрионом.

– Каким эмбрионом? – не понял его Пит Старлинг.

Зато Маргарет Слоун, у которой было трое детей, все поняла мгновенно.

– Амелия беременна? – спросила она с той теплой улыбкой, с которой до Ноля было принято встречать столь радостные новости. Теперь реакция зачастую была более сложной, но и старые привычки никуда не делись.

– Уже нет, – ответил Дюб. – Мы заморозили эмбрион. Мое единственное условие – он отправится в космос вместе со мной.

– Условие принимается, – объявила президент таким голосом и с таким выражением лица, что всем стало ясно – совещание окончено.

День 287

– Свежие картофельные хохмочки были? – поинтересовалась Айви. – Нужна же мне, однако, хоть какая-то отдушина?

Дина не знала, приятно ли ей, что в глазах Айви ее обреченное семейство представляет мишень для шуток, но поскольку до конца света оставалось четыреста тридцать три дня или около того, обижаться тоже не стоило.

Чувства по отношению к остающимся внизу вообще за последнее время несколько огрубели. Чисто по-человечески было совершенно невозможно испытывать должное сочувствие к каждому из семи миллиардов человек. В шутках, звучащих по радиосвязи, Дина стала замечать все больше черного юмора и ловила себя на том, что и сама хоть чуть-чуть, а улыбается.

Причем, как продемонстрировали родственники Дины, черный юмор был теперь свойствен не только облачникам. Имея вполне развитый интеллект – для их рода деятельности это было совершенно необходимо, – они, однако, не чурались той разновидности шахтерского юмора, в значительной степени основанного на розыгрышах и приколах, которой она не встречала ни в школе, ни в университете. В частности, найдя себе подходящую тему для шуток, они уже никогда с нее не слезали. Так, шутливое сообщение азбукой Морзе насчет посадки картошки, которое

Руфус отстучал вскоре после Кратерного озера, развилось в целый поджанр непрерывных шуточек относительно того, как клан Макуори готовится к Каменному Ливню. В посылках от семьи, которые Дина получала время от времени, она теперь постоянно находила то мелкий клубень, на котором еще оставалась присохшая земля, то пластмассовые части тела игрушек из серии «мистер Картофельная голова». К стене ее мастерской был приклеен липкой лентой ржавый автомобильный номерной знак из Айдахо с лозунгом «Гордимся своим картофелем!» – подарок Руфуса, который раздобыл его через старого приятеля, работавшего там на серебряных рудниках.

– Совсем-совсем ничего? – переспросила Айви.

– Да нет, у меня теперь этой картофельной белиберды как грязи, – пожалала плечами Дина. – Я просто уже не так уверена, что они шутят.

– В каком смысле?

– Ну, сначала я думала, они имеют в виду что-то вроде: «Ну да, мы знаем, что обречены, но не хныкать же по этому поводу, будем веселиться, пока живы». Но теперь я задалась вопросом – а чем они, собственно, заняты? В том смысле, что они так и торчат на хребте Брукс вместе с уймой всякого оборудования. Хотя в любое время могли бы собраться и уехать в Фэрбанкс, а оттуда – в любую точку земного шара. Посмотреть на пирамиды. Увидеть «Мону Лизу». Навестить друзей и родных. Вместо этого они торчат в забытом богом месте. Спрашивается, что они там делают?

– Готовятся? – предположила Айви.

– Ничего другого мне в голову не приходит, – согласилась Дина. – Готовятся задержаться там еще на пять-десять тысяч лет.

– И не они одни.

Дина не сразу сообразила, что имеет в виду подруга. Впрочем, все сразу стало ясно по выражению ее лица.

– Ты что, издеваешься? Кэл?

Айви чуть опустила веки, что можно было понимать как кивок.

– Помимо разной ерунды, которую можно ожидать от жениха – и которая тебя *не касается совершенно*, – он расспрашивает, например, о сравнительных преимуществах литиевых поглотителей углекислоты по сравнению с едким натром. И просит прислать Луизины файлы по социологии людей, запертых на долгое время в ограниченном пространстве.

– Он же не думает, что ты не заметишь?

– Естественно. Предполагается, что я все прочту между строк.

– По-твоему, что он задумал?

– Ну, – протянула Айви, – он командует огромной подлодкой, сконструированной так, чтобы пережить глобальную термоядерную войну. Когда Соединенные Штаты прекратят существование, надо полагать, над ним уже никого не будет – я имею в виду командную иерархию. И как в этой ситуации быть капитану?

– Но какой у него план?

– Думаю, многое зависит от того, полностью ли выкипят океаны. На его месте я направилась бы напрямик к Марианской впадине и надеялась на лучшее.

– По-моему, это даже сложнее, чем выжить в космосе.

Айви бросила на подругу взгляд, в котором читалась суховатая усмешка.

– Что я не так сказала? – спросила Дина.

– Выжить в космосе – пара пустяков, разве нет?

– О да, прошу прощения. Я забыла... про макияж... Нам предстоит решить немало увлекательных задач, – тут же поправилась Дина, старательно изобразив голос насовского пиарщика.

– Думаю, Кэл занят примерно тем же, что и мы, – уточнила Айви. – Разбить большую задачу на множество маленьких и решать их поочередно, иначе недолго и рехнуться.

– А мы заняты именно этим?

– Угу, – закатила глаза Айви.

– И что тебя сейчас заботит? Помимо поиска отдушины в юморе?

– Ты. Твое состояние. И здоровье, – ответила Айви.

– Черт, это что, совещание? Мы тут собрались, чтобы немного поработать?

Айви продолжала, словно не слышала последних слов:

– У тебя почти нет отметок о посещении Тэ-2.

Т2 – второй тор, за постройку которого отвечал Рис – начал вращаться в День 140. Он давал искусственную силу тяжести в $1/8 g$, лишь немногим больше, чем первый тор. Новый тор был больше и вращался медленней – Рис рассчитывал, что это сделает его чуть комфортабельней. Даже просто некоторое время, проведенное внутри, снижало отрицательные последствия длительной жизни в космосе. В невесомости люди постепенно теряли плотность костной ткани и мышечную массу. Менялась и форма глазного яблока, приводя к ухудшению зрения. Экипажи космической станции боролись с этим с помощью тренажеров, дававших нагрузку на кости, но они годились лишь в качестве временной меры для тех, кто летает

в космос на несколько месяцев. Дина, Айви и остальные десять членов первоначального экипажа «Иzzi» уже провели в космосе около года. Первые несколько месяцев после Ноля никто особо не обращал внимания на долговременные меры по укреплению здоровья. Все равно все готовились к смерти. Некоторые скауты прибывали сразу мертвыми. Чрезвычайная ситуация не прекращалась ни на минуту. Однако в последующие месяцы, пока строились хомячьи трубы и шла консолидация, к медикам понемногу начали прислушиваться. За последние недели Дине уже не однажды напоминали с разной степенью вежливости, что ей следует проводить больше времени в искусственном поле тяжести Т2.

– Переходить туда-обратно между невесомостью и весомостью не так просто, – пожаловалась Дина. – Меня от этого блевать тянет. И моего барахла в торе все равно нет.

(Айви должно было быть понятно, что она имеет в виду оборудование мастерской, где Дина занималась своими роботами.)

– Но разве это в основном все равно не делается удаленно? Я про написание кода?

– Ну да, но мне больше нравится, когда я могу смотреть на них в окно.

– Я думала, они оборудованы камерами.

Крыть Дине было нечем.

– Все, чем ты занимаешься в мастерской, – продолжила Айви, – ты можешь точно так же делать из каюты в Тэ-2, пока сила тяжести укрепляет твои кости.

– Дело еще и в Рисе, – призналась Дина. – В последнее время он стал какой-то странный, и я не очень хочу...

– Рис в Тэ-2 вообще никогда не бывает, – возразила Айви. – Он все время с командой, которая занимается надувными структурами.

– Ну ладно, – нехотя согласилась Дина. – Организуй мне рабочее место в Тэ-2, и я...

– Это еще не все, – перебила ее Айви со Вздохом. Айви издавала подобный Вздох, когда начальство требовало от нее чего-то совсем уж абсурдного. В стенограмме совещания Вздох никак не отражался, но на дискуссию заметно влиял.

– Даже спрашивать не хочу, – сообщила Дина.

– Фактически все мы стали персонажами реалити-шоу, – начала Айви. – Быть может, ты еще не в курсе.

– Не-а, смотреть телик у меня как-то времени нет.

– А людям внизу только это и осталось. Экономика постепенно сворачивается, теперь для многих единственное развлечение помимо еды –

телеэкран.

– Ну ладно.

– Меня попросили уделять больше внимания формату месседжей.

– Формат месседжей? Это еще что такое?

Айви издала еще один Вздох.

– Ладно, проехали, – сжалась над ней Дина.

– Люди хотят знать, что такое происходит с их фиговой наглой выскочкой.

– Серьезно?

– Угу, – кивнула Айви. – ФНВ им очень нравилась. Всем запомнилось, что ты устроила с Феклой. К слову, на порно с изображающими Феклу актрисами сейчас тоже огромный спрос.

– Мне как-то наплевать.

– Так или иначе, меня продолжают спрашивать, куда подевались храбрая повелительница роботов и ее механический зверинец.

– Теперь понятно, почему я стала получать странные мейлы.

– От незнакомцев?

– Да нет, от собственной семьи! Делать мне нечего, как читать мейлы от незнакомцев. А ты сама, Айви? У тебя-то в реалити-шоу какая роль?

Айви холодно взглянула на нее:

– У меня роль правильной стервы, у которой все вышло из-под контроля.

– Прости.

– Для американцев я не выгляжу настоящей американкой. А для китайцев я вроде банана – снаружи желтая, внутри белая.

– Прости меня, Айви.

– Таковы на сегодня плохие новости.

– Ладно, а хорошие?

– Хорошие заключаются в том, что все, кто сейчас пишет про меня гадости в Интернете, умрут не позднее чем через четыреста тридцать три дня, – не моргнув глазом сообщила Айви.

Ну и ладно. Просто еще один образчик черного юмора.

– Тогда все это перестанет иметь значение – в отличие от моей способности принести пользу Нашему Наследию.

– Хорошо, детка, но как тебе помочь прямо сейчас? – спросила Дина. – Давай сделаем селфи, мы с тобой вдвоем, и я выложу его в блог фиговой наглой выскочки.

– Мы с тобой прокатимся на первом же бола, – предложила Айви, – чтобы ты вспомнила, какая она, сила тяжести в одно же.

В первые несколько дней после того, как взорвалась Луна, Дюб мог часами наблюдать за Картошкой, Волчком, Желудем, Персиковой Косточкой, Ковшом, Толстяком и Фасолиной. Как и прежде Луну, их можно было видеть даже днем, а в те редкие часы, когда небо над Пасаденой затягивали тучи или же у него не было возможности выйти наружу, он открывал еще одно окно на экране компьютера и смотрел видео в прямой трансляции.

Осознав, что осколки Луны убьют на Земле все живое, Дюб утратил интерес к ним как к зрелищу. Он мог неделями не поднимать глаз к постепенно расползающейся туче обломков. Иногда, проходя в темноте к запаркованной машине или уже за рулем где-нибудь на шоссе, он случайно ловил взглядом куски Луны в небесах – и намеренно отводил глаза. Они вызывали в нем ужас, да пожалуй, и стыд перед тем, что когда-то казалось ему столь замечательным объектом для научных наблюдений. Дюб не хотел об этом вспоминать. Он предпочитал отслеживать постепенное разрушение кусков Луны по таблицам и графикам, которыми его снабжали коллеги и собственные аспиранты. Он старался свести весь свой интерес к двум числам. Одним была скорость фрагментации болидов, или СФБ, служившая мерой того, с какой частотой большие камни превращаются в маленькие. Вторым – просто количество дней, оставшихся до Белых Небес.

В День 7, всего через несколько минут после знакомства, Дюб и Амелия стали свидетелями того, как Фасолина раскололась на две части, названные впоследствии ФА1 и ФА2 (хотя в то время были и попытки дать им собственные имена посимпатичней). Через три недели Ковш столкнулся с Толстяком и развалился на три куска, КО1, КО2 и КО3. Сам Толстяк к тому моменту уже превратился в ТО1, все еще более или менее узнаваемый, плюс целое семейное древо осколков, отколовшихся от его меньшего фрагмента, ТО2. Их кодовые имена выглядели примерно как ТО2-1-3, что означало «третий по величине осколок от самого большого обломка от второго по величине куска Толстяка». Отслеживать судьбу их потомков поколением дальше стало уже затруднительно, да, в общем-то, и бессмысленно. Волчок успел много чего натворить, пока наконец не раскололся пополам; его своенравные отпрыски ВО1 и ВО2, разлетевшись в противоположные стороны, обращались по вытянутым орбитам вокруг общего центра масс кучи обломков и время от времени, вернувшись издалека, с силой врезались в куски помедленней. ВО2 расколотил на три

части Желудь всего за три дня до достопамятной беседы Дюба с президентом в Овальном кабинете. Когда Дюб летел домой в Лос-Анджелес, обломок Желудя размером с танкер рухнул в Индийский океан и вызвал цунами, жертвой которого стали сорок тысяч человек на западном побережье Индии.

После того как Дюб вернулся домой из Вашингтона, они с Амелией сняли номер в величественном отеле «Лэнгхэм» в Пасадене, чтобы провести вместе несколько дней, прежде чем он отправится в кругосветное путешествие. Во время романтического ужина на террасе отеля оба старались не смотреть на остатки Луны. После ужина они вернулись в номер и занялись любовью. Через двадцать минут посткоитальных ласк Амелия повернулась на бок и уснула, словно приглашая Дюба себя обнять, однако Дюб, который никак не мог расслабиться, нашарил планшет, нацепил очки и принялся убивать время в Интернете. Двери на балкон остались открытыми, через какое-то время ночной бриз заставил Амелию уползти поглубже под одеяло. Дюб слез с кровати, подошел к дверям, чтобы их закрыть, и увидел «лунное облако» прямо перед собой – оно висело над огнями Лос-Анджелеса и уже вчетверо превосходило в диаметре первоначальную Луну. Зрелище оказалось завораживающим, отчасти и потому, что Дюб долго его избегал, так что он простоял некоторое время, наблюдая. Персиковая Косточка пока что в основном сохраняла форму, однако больше никого из Семи сестер было уже не распознать.

Из чистого любопытства Дюб проверил приложение, которое сообщало, когда над ним пройдет «Иzzi», – выяснилось, что до этого оставалось всего десять минут. Он стоял и ждал «Иzzi». Ожидая, Дюб снова и снова переводил взгляд на обломки Луны. Какое будущее их ждет? Дюб знал, что они рассыплются на несчетное количество фрагментов и превратятся сначала в Белые Небеса, а потом в Каменный Ливень. Но каким будет *распределение* их размеров, сколько среди них окажется крупных камней, сколько мелких? Модели были основаны на упрощающем предположении, что все камни будут более или менее одинаковыми, но это, очевидно, не соответствовало истине.

Дюб и его аспиранты уже провели определенный анализ первоначальных кусков, пытаясь определить, почему Персиковая Косточка оказалась столь прочной, и пришли к выводу, что она – ядро прежней Луны. Это подтверждалось оценкой ее массы: плотность Косточки была заметно выше, чем у прочих кусков, заставляя предположить, что она состоит большей частью из железа, а не из камня. У Луны тоже было

железное ядро, однако, в пропорции к ее диаметру, значительно меньше земного; большей частью Луна представляла собой мертвый холодный камень.

Ядро тем не менее имелось и, как было принято считать, представляло собой твердый железный шар, окруженный более горячей оболочкой из расплавленного железа в смеси с другими элементами. Агент сорвал с шара внешнюю кору, так что он оказался в космическом вакууме. В первые несколько часов Косточка буквально сияла, излучая тепло. По крайней мере так следовало предполагать, поскольку поднятая катаклизмом пыль поначалу скрывала ее от глаз. Часть расплавленной оболочки тоже сорвало с ядра и разбросало по туче обломков в виде больших и малых капель и капелек, которые впоследствии застыли. Доказательством тому служили врезавшиеся в землю богатые железом болиды, которые удалось выкопать и исследовать. К тому времени, как пыль в буквальном смысле осела, так что Персиковая Косточка и ее сестры стали видны ясно, на ней уже образовалась внешняя корка из быстро застывшего, отдав свое тепло в космос, расплава. С тех пор она продолжала охлаждаться. Даже сейчас, чуть ли не год спустя, Персиковая Косточка, или ПК1, была заметно теплее остальных фрагментов Луны. И значительно устойчивей к разрушению. Камни от нее либо отскакивали, либо вдребезги разбивались о тускло сверкающую поверхность. В первые дни, пока Косточка была относительно мягкой, от нее откололось несколько заметных кусков – ПК2, ПК3 и так далее, – но теперь она была закована в железную броню километровой толщины, способную выдержать любое воздействие, за исключением разве что еще одного Агента.

Дюб настолько увлекся своими мыслями, что чуть не пропустил прохождение «Иzzi». Станция прошла прямо через лунное облако, будто лавируя между огромными глыбами – хотя это, конечно, была иллюзия. «Иzzi» давно уже была самым ярким из рукотворных небесных тел, а после того, как к ней добавили множество пристроек, стала еще ярче. Работа была проведена впечатляющая. И даже в чем-то трогательная. Однако сейчас, видя станцию непосредственно на фоне разразившейся катастрофы, что позволяло сравнить масштабы, Дюб невольно спрашивал себя, чего же они хотят добиться. В чем заключается для Облачного Ковчега долговременный план? Рой – архитектура замечательная и намного более способная к выживанию, чем Большой корабль, но куда этот рой отправится?

Этот вопрос никто и не пытался обсуждать. Дюб прекрасно понимал причину. Императивом сейчас было выживание. Долговременную

стратегию следовало оставить на потом.

С практической точки зрения в ПК1 содержится неограниченное количество железа. Человечеству потребуются тысячелетия, чтобы найти применение такой уйме металла.

Но оно очень далеко. Так просто туда не добраться.

Однако добираться все равно придется.

В любом случае оно значительно ближе, чем астероиды-арджуны, к которым так рвался Шон Пробст.

Дюб почувствовал, что у него в голове, подобно постепенно затвердевающему железному ядру внутри Луны, начинает оформляться идея – и заставил себя отложить ее на потом, сосредоточившись на более актуальных вопросах. Несколько дней назад в Овальном кабинете он принял решение, что позволит запустить себя в космос и там уже займется серьезным делом. С этой точки зрения все было под контролем. Однако ему оставалось еще три месяца на твердой земле, и он не мог пренебречь своими обязанностями здесь. Некоторые – самые важные – относились к детям, Амелии и замороженному эмбриону. Но помимо этого ему были поручены и другие задачи, и если он умудрится их провалить – к примеру, стоя ночами на балконах и размышляя о количестве железа в ПК1, – может кончиться тем, что его никуда и не пошлют. Поначалу Дюб и сам не хотел лететь, однако, приняв полет как необходимость, начал хотеть этого больше, чем всего остального, и теперь боялся утратить такую возможность. А если этот страх заметят, то станут использовать как метод давления. Поэтому надо сейчас справляться с работой как можно лучше и перевыполнять задания, будто ему это легче легкого.

Семьдесят два часа спустя Дюб смотрел в иллюминатор вертолета ВМФ США, который лег на борт в окутанной туманом гималайской долине, заходя на посадку на аэродром в Бутане. Вероятно, правильной было бы уточнить – на единственный в Бутане аэродром.

В стране было около 750 тысяч жителей, и это означало, что они имеют право выбрать двух кандидатов в Облачный Ковчег. Арифметика была не вполне очевидной: если это соотношение распространить на весь мир, всего получалось около двадцати тысяч кандидатов. Если капля вмещает пятерых, потребуется рой из четырех тысяч капель. Каждая капля, в свою очередь, нуждается в тяжелой ракете, которая выведет ее на орбиту, а также в досборке и подготовке к использованию, когда достигнет «Иззи».

Удастся ли выпустить столько, если бросить на изготовление капель, ракет, скафандров и остального производственные мощности всего мира?

Не исключено. Хотя и маловероятно. Судя по последним оценкам, которые дошли до Дюба, реальные возможности были ближе к четверти от этого числа.

Да и правда ли в капле могут выжить пять человек? Да, они в нее поместятся, и даже свободно, а вот смогут ли прокормиться за счет собственных ресурсов? Создать возобновляемую экосистему в цилиндре размером с железнодорожную цистерну – задача не из легких. Проект «Биосфера-2», знаменитый эксперимент в аризонской пустыне, призванный доказать, что восемь человек способны прожить в экосистеме размером в два футбольных поля, долго не протянул. Впрочем, там вмешался человеческий фактор. Не столь амбициозный эксперимент, проведенный в СССР, установил, что для удовлетворения потребности одного человека в кислороде требуется около восьми квадратных метров водорослей – то есть поверхность пруда площадью в пару столов для пинг-понга. Для этого между жесткой внутренней оболочкой капли и надувной внешней места хватало. Однако если капля должна производить также и пищу, площади требовалось уже значительно больше. И все эти вычисления пока что вообще не брали в расчет истинных сложностей, связанных с выживанием в космосе тысяч людей в течение многих лет. Мало не задохнуться и не умереть с голоду. Людям потребуются лекарства, микроэлементы, активный отдых. Экосистемы могут разбалансироваться, для их восстановления понадобятся пестициды, антибиотики и прочая сложная химия. Двигатели, благодаря которым капли уклоняются от неприятностей, нужно заправлять, кроме того, им требуются обслуживание и ремонт. Полностью децентрализованный Облачный Ковчег был явной химерой; он нуждался в корабле-матке, одновременно центральном складе припасов и ремонтной мастерской. Единственным реальным кандидатом на эту должность была «Иззи». Однако ни для чего подобного станция не была предназначена. Предполагалось исправить эту оплошность, под завязку загрузив ее витаминами, что лишь оттягивало неизбежный момент, когда запасы кончатся и люди начнут вымирать.

Поскольку неудобные вопросы, которые Дюб принял по этому поводу задавать, остались без ответа, он сделал вывод, что капельмейстеры о проблеме знают и работают над ее решением, но обсуждать ее не хотят, чтобы не смущать общественность. От самого же Дюба, очевидно, требовалось создавать впечатление, что все идет по плану. Сегодня в рамках этой работы он должен был забрать из гималайского королевства Бутан двух молодых людей.

Означает ли предстоящий спектакль, что двадцать тысяч человек со

всего мира действительно попадут на Облачный Ковчег и будут жить там долго и счастливо? Неважно. Надо просто отключить крошечного Человека дождя у себя в голове и вообще об этом не думать.

Два часа назад они взлетели с борта «Джорджа Буша», суперавианосца, стоящего на якоре в Бенгальском заливе. Дюб смотрел на корабль глазами человека, которому через два месяца предстоит навеки переселиться на его орбитальный эквивалент. Оказалось, это настоящий искусственный остров, густонаселенный сгусток технологии, где обитает несколько тысяч человек. Профессионализм экипажа и эффективность, с которой управляется авианосец, поражали воображение. Можно ли повторить то же самое в космосе, если экипаж будет собран со всего мира по жребию и у него будет всего год для тренировок?

Дюб предполагал, что через полчаса у него будет больше данных для ответа.

Военный вертолет нырнул в туманную расщелину между гор и следующие несколько минут рассекал испарения и дымку, словно нож. Неожиданно, и пугающе близко, в поле зрения возникла единственная взлетная полоса аэродрома. Вертолет взревел двигателем и совершил идеальную посадку неподалеку от здания аэропорта. Дюб обнаружил, что его челюсти крепко стиснуты, и сделал усилие, чтобы их разжать. Перед полетом он по недомыслию загуслил бутанский аэропорт и выяснил, что тот втиснут между несколькими пиками-шеститысячниками, что лишь шесть пилотов во всем мире имеют допуск, чтобы туда садиться, и что даже эти пилоты совершают посадку только при идеальной видимости. Очевидно, парни за штурвалом военных вертолетов руководствуются какими-то другими правилами, но с точки зрения Дюба это было все равно крайне рискованно. Ему даже стало любопытно, как он себя почувствует, когда его запульнут в космос на макушке огромной трубы, собранной в чрезвычайной спешке и до краев заполненной взрывоопасной смесью.

Дюб пошевелился в кресле; толстый конверт соскользнул у него с коленей, громко хлопнулся на пол и чуть не разбудил Тавистока Прауза. Весь полет Тав просидел напротив, но в последние полчаса просто вырубился от резкой смены часовых поясов. Мужчиной он был довольно крупным – не сказать чтобы рослым, но с телосложением профессионального борца. Лысина, слегка просвечивавшая еще в колледже, безжалостно разрослась, оставив на продолговатой голове лишь небольшое монашеское колечко коротко подстриженных волос. Тав носил очки в массивной черной оправе – быть может, чтобы отвлекать внимание от лысины. В свое время он серьезно занимался тяжелой атлетикой, но за

последний десяток лет несколько расплылся, особенно – после Ноля. Видеть его спящим было по-своему странно – в обычное время он, казалось, ни на минуту не прекращает двигаться.

И Дюб догадывался, почему. Тав надеялся, что его тоже выберут. Что, если он будет вкалывать изо всех сил, появится на нужном числе телеканалов и наберет достаточно подписчиков в Твиттере, кто-нибудь влиятельный решит, что Облачному Ковчегу требуется собственный медийный специалист. Первый журналист в космосе, он же и последний. Дюбу казалось, что шансы у него так себе. В очереди впереди Тава было множество людей со степенью доктора, включая и нескольких нобелевских лауреатов. Хотя кто знает? И не винить же Тава за то, что он хотя бы пытается?

Дюб наклонился и поднял конверт с пола. Он был в сантиметр толщиной, сверху аккуратными буквами написано: «Паро, Бутан». Конверт был не распечатан. Предполагалось, что последние часа два Дюб будет изучать его содержимое, знакомясь с тем, что ему предстоит делать. Вместо этого он наблюдал в иллюминатор дымчато-зеленые поля и лениво переплетающиеся реки Бангладеш.

Надеясь хоть что-то успеть за две или три минуты, пока не открылась дверь вертолета, Дюб торопливо разорвал конверт и вытащил пачку листов. Это движение разбудило Тава, но шевельнуться не заставило. Тав просто уставился на Дюба, глядя, как тот читает.

– Если кто-то одет в красное, или в желтое, или в оба сразу – то это лама, – наконец посоветовал Дюбу Тав. – Кланяйся ему.

– Лама – это южноамериканский верблюд.

– Другой лама. Святой человек. Сложи ладони вместе и чуть поклонись.

– Я не верю ни в какого...

– Ты же не переломишься? Если у него на левом плече большой желтый шарф, то это король. Кланяйся еще ниже.

– Благодарю. Какие еще будут советы?

Рядом с Дюбом сидел Марио, их фотограф: лет тридцати с небольшим, обладатель темных усов и нью-йоркского акцента, прекрасно знающий, что его шансы попасть на Ковчег – нулевые. Время полета он делил пополам между чтением собственной копии того же досье и игрой в телефоне. В отличие от Дюба с Тавом для него это был далеко не первый подобный полет. Решив поучаствовать в раздаче советов, Марио сунул телефон в карман и пропищал неожиданно высоким голосом:

– Люди будут давать вам разные штуки. В том числе очень старые,

ржавые и странно пахнущие. Эти скорее всего – очень важные. Очень-очень.

– Зачем же они тогда...

– Потому что надеются, что вы возьмете их с собой в космос и спасете от уничтожения.

– Вот как.

– Поэтому, даже если понятия не имеете, что это за это хрень, сделайте восхищенное лицо, поклонитесь, аккуратно ее примите, поразглядывайте с уважением, потом отдайте мальчику.

– Какому мальчику?

– К вам приставят свиту из местных, чтобы нести врученные вам бесценные национальные сокровища. Помощники доставят их к вертолету, а у вас руки будут свободны, чтобы складывать ладони во время поклонов, пожимать руку королю и все такое. Вернемся на авианосец и выбросим все за борт.

– Что, уже не первый полет?

– Семьдесят третья вылазка за живым товаром. Пойдемте.

Марио осторожно встал, встряхнув многочисленные камеры и кофры, и обхлопал себя, чтобы убедиться, что все на месте. Тав и Дюб отстегивали привязные ремни, наблюдая за Марио, чтобы следовать его примеру. Тот шагнул в сторону люка, только что открытого пилотом. Внутри полился холодный влажный воздух, от которого пахло сосной и угольным дымом.

Дюб чуть не врезался Марио в спину, когда тот неожиданно остановился, чтобы обернуться и посмотреть ему прямо в глаза:

– И вот еще что.

– Да?

– Вы станете свидетелем охренительно печального зрелища. Вы такого, наверно, никогда и не видали. Постарайтесь не устраивать сцен.

Марио не отводил взгляда, пока Дюб не кивнул и не сказал: «Спасибо!» Тогда он снова развернулся и устремился к выходу, чтобы запечатлеть на камеру, как доктор Харрис выбирается из вертолета.

Доктор Харрис застыл у открытого люка. Перед ним стояли два десятка человек в желтом и красном, явно собравшиеся здесь, чтобы его приветствовать.

Он сложил ладони перед грудью и поклонился. Впереди щелкал затвор камеры Марио. Позади телефон Тава издавал негромкие кликающие звуки – тот вел прямую трансляцию в Твиттере.

Король вез его в горы в собственном «Лендровере». Дюб сидел рядом с ним на левом переднем сиденье – оказалось, что в Бутане левостороннее

движение. Марио устроился сзади с таким расчетом, чтобы оба попадали в кадр. Рядом Тав негромко бормотал в телефон свои записи, чтобы потом расшифровать. Король извинился за пасмурную погоду, из-за которой окружающие горы – надо полагать, впечатляющее зрелище – не были видны.

– Однако по нынешнему большому счету это, я надеюсь, лишь мелочь, – резюмировал он.

На перекрестке в городке Паро они остановились, чтобы пропустить трех мальчишек, пинающих футбольный мяч. Позади застыла небольшая кавалькада из набитых ламами «Тойот».

– Такая простая игра – и столько радости, – задумчиво произнес король. – Разумеется, они знают. О грядущей катастрофе известно каждому. Думая о ней, нельзя избежать грусти. Но в остальное время, как вы сами видите, про нее стараются не вспоминать.

Мальчишки наконец освободили дорогу, и король въехал на перекресток. Городок на удивление напоминал аналогичные селения в Альпах – старые деревянные постройки на каменных фундаментах.

– Еще несколько дней назад они могли утешаться, – продолжал король, – воображая, что повезет именно им.

– Во время Жребия.

– Да, – король пристально посмотрел на него. – Однако выбор должен был сделать лично я. – Король обернулся к Таву: – Это, разумеется, не для прессы.

– Я не знал, ваше величество, – признался Дюб.

– Мы получили определенные рекомендации – думаю, это правильное слово. Согласно которым Жребий не следует понимать буквально. Случайный выбор – слишком большой риск, мы должны отправить самых лучших. У Бутана всего два места на Ковчеге. Истратить их на кого-то, недостойного представлять наш народ, было бы огромной глупостью. Так что мы провели отбор.

– Большинство пришло к тем же выводам, – согласился Дюб. – Составляется список из наиболее многообещающих кандидатов, а из них уже выбирают более или менее случайным образом – так, что личной ответственности никто не несет.

– Если ты король, ответственность всегда лежит на тебе, хочешь ты этого или нет. Впрочем, в данном случае я привлек себе в помощь кое-кого из лам. У нас есть прецеденты подобного выбора, когда нужно определить реинкарнацию определенного ламы – тогда действительно тянется жребий из урны.

Тав сзади не удержался от вопроса:

– А что говорит доктрина реинкарнации о положении, в котором сейчас оказался мир?

Король слегка улыбнулся:

– Мистер Прауз, нам ехать всего десять километров. Просто я стараюсь не гнать. Вот если бы перед нами лежало десять тысяч километров – о чем можно только мечтать, – я, вероятно, смог бы сообщить вам нужное количество сведений о том, что для моего народа означает реинкарнация, после чего мы смогли бы должным образом обсудить и ваш вопрос.

– Тоже верно. Прошу прощения. – Тав оторвал взгляд от экрана, поскольку его мозг зафиксировал паузу в речи короля. – Понимаете, моя работа – репортажи для технарей. Для тех, кто смотрит на вещи с точки зрения математики. Я и пытаюсь вообразить...

– Когда умрут семь миллиардов, а останется лишь несколько тысяч, куда денутся семь миллиардов душ?

– Именно.

Они свернули с главной, как полагал Дюб, дороги, на второстепенную, извивающуюся между деревянных домиков небольшого селения над рекой. Дальше дорога шла через мост. Они проехали над быстрой и холодной даже на вид речкой, зеленой и мутноватой от каменной пыли, которую несло с тающих ледников в нескольких километрах у них над головой. Дюб никак не мог свыкнуться с мыслью, что чуть более чем через год ледники исчезнут, их каменное подножие обнажится впервые за миллионы лет – и ни одного ученого не окажется рядом, чтобы это зафиксировать.

– Наши верования не имеют ничего общего с метемпсихозом, то есть переселением отдельной души из тела в тело. Под реинкарнацией мы понимаем совсем другое.

– Во что же вы верите? – спросил Дюб.

Тав уже потерял интерес к разговору и чем-то занялся в телефоне.

– Лучшей аналогией была бы новая свеча, зажигающаяся от огарка. Но я все равно не смогу дать вам удовлетворительного ответа, доктор Харрис. Это эзотерическое учение, и оно намеренно скрыто от непосвященных с вполне конкретной целью – предотвратить ложные толкования. Что думает просветленный лама относительно семи миллиардов душ, находится столь же далеко за пределами моего понимания, как и квантовая теория гравитации, над которой работаете вы.

С этой стороны реки гора росла почти вертикально. Скальную стену прорезало узкое ущелье, изгиб которого вел вверх и скрывался из виду.

Дорога нырнула в ущелье, потом резко развернулась и взобралась на голый каменный утес, на котором тут и там виднелись пучки какого-то особо живучего вечнозеленого кустарника, сумевшего зацепиться за трещины в камне. Вдоль каменной поверхности ползли струи и клочья тумана, сквозь них далеко вверху время от времени показывалась башня из белого камня, непонятно как воздвигнутая над самым обрывом. Очевидно, самой целью ее строительства было, подобно некоторым испанским и греческим монастырям, объявить оставшимся внизу: «Вот на что мы готовы пойти, чтобы удалиться от мира».

Они ехали по дороге между зеленых террас, пока колеса не начали терять сцепление из-за крутизны. Тогда король выключил двигатель и вытянул ручной тормоз.

– С сердцем у вас все в порядке?

– Могло быть лучше, – ответил Дюб, – но никакой особой угрозы здоровью и вообще ничего серьезного.

– Мы сейчас в трех тысячах метров над уровнем моря. Вы можете подождать избранных здесь в машине или...

– Спасибо, я готов пройти, – сказал Дюб и оглянулся.

Марио философски пожал плечами, а Тависток Прауз явно хотел что-то возразить, но передумал.

Пока они шли вверх по тропе, сопровождаемые на почтительной дистанции процессией из лам, детишек, фотографов и бутанских военных, король объяснил Дюбу, что место, куда они направляются, носит название Гнездо Тигрицы и является для их религии одним из самых священных, поскольку именно туда в восьмом веке слетел с Тибета на спине тигрицы Гуру Ринпоче, или Второй Будда. Позднее вокруг пещер, куда Падмасамбхава (очевидно, это было еще одним его именем) удалялся для медитации, был воздвигнут храмовый комплекс.

Дюб похвалил себя за то, что сдержался и не привлек внимание короля к тому обстоятельству, что тигры не летают. И дело было не только в том, что он и без того задыхался. Поразительная красота местности, через которую они сейчас шли, позволяла отвлечься от неправдоподобия легенды. Одно дело, когда тебе скармливают религиозную чушь в какой-нибудь дыре посреди пустыни, куда иначе туристов калачом не заманишь. Ради же того, чтобы прогуляться несколько часов по Шамбале рука об руку с королем, он был готов вытерпеть любое количество сказок и прочей метафизики.

Каждые несколько минут из тумана появлялись небольшие храмы и святилища. На половине пути они остановились, чтобы выпить чаю со

специями в маленьком кафе, откуда открывался великолепный вид на Гнездо Тигрицы. Тав, вымотавшийся до предела, объявил, что дальше не пойдет. Дюб, Марио и король тронулись вперед по все более и более неверной тропе, ведущей к воротам монастыря. Мобильная связь, как уже сообщил Дюбу король, сюда все равно не достает, и в любом случае для прямого репортажа с церемонии это место – темноватое, тесноватое и в целом довольно несовременное – не слишком годится. Живущие на горе монахи-отшельники не позаботились о зале для официального церемониала.

Его заменила широкая площадка на подножии скалы у самого входа в белокаменный храм. Там дожидались двое избранных облачников, юноша и девушка, оба двадцати с небольшим лет, одетые, как умозаключил Дюб, в национальные костюмы. На юноше похожее на халат одеяние по колено, через плечо перекинут широкий белый шарф, концы которого сходятся у бедра. Вокруг талии девушки обвита полоса цветной ткани, спадающей до щиколоток, словно длинная юбка; сверху – желтая шелковая блузка, а поверх нее множество ожерелий из бирюзы и других цветных камней.

Будь рядом Амелия, она с первого взгляда разглядела бы сотню подробностей – материю, вышивку, украшения, цветовую гамму и то, как ниспадает ткань. Амелия очаровала бы короля настолько, что тот согласился бы расстаться со своим оранжевым шарфом. Амелия еще в Паро выпрыгнула бы из «Лендровера», чтобы подружиться с пинавшими мяч мальчишками. Здесь была нужна Амелия, а не Дюб.

Только Амелия, в отличие от Дюба, не летела на Ковчег.

Юношу и девушку, которых звали соответственно Дорджи и Джингме, сопровождала группа морщинистых людей постарше в похожей, но попроще, одежде – по всей видимости, родственники – и несколько лам. Рядом вращались молитвенные колеса, дальше в монастыре позвякивали колокольчики и слышались протяжные голоса монахов.

На глазах у каждого были слезы.

Все, как один, поклонились своему королю.

Дюб был рад, что Тав сюда не добрался.

Последовала какая-то беседа на местном языке. Дюб не знал даже, как этот язык называется. Марио, глухой к человеческим чувствам, носился вокруг и непрерывно щелкал камерой, время от времени припадая на колено или даже бросаясь на землю, чтобы поймать в кадр горные вершины и крыши храмовых построек на заднем плане.

Дюб, не понимавший ни слова, не мог оторвать взгляда от лиц родственников. Они изо всех сил сдерживали себя в присутствии короля,

однако видно было, что им мучительно горько навсегда прощаться с Дорджи и Джингме. Хуже, подумал Дюб, чем когда твой ребенок умирает у тебя на руках. В этом есть некоторая определенность, и потом можно приходить на могилу. А эти двое сейчас просто уйдут в туман. Об их окончательном отбытии возвестит рокот лопастей вертолета, а семьям останутся лишь заверения, что Дорджи и Джингме теперь отправятся в космос, чтобы нести с собой культурное наследие Бутана. Заверения, как был практически уверен Дюб, по сути лживые. Однако пятнадцать месяцев спустя эти люди умрут, согреваемые своей верой.

Теперь он гораздо лучше понимал, в чем именно состоит его работа. Спрашивается, почему обреченное население Земли не впадает в безумие? Нет, беспорядки кое-где вспыхивали, но в целом люди вели себя на удивление спокойно. Да потому, что подобные церемонии сейчас проходят в каждом городе и в каждой провинции, где наберется несколько сотен тысяч человек, и они срежиссированы так, чтобы убедить людей – все идет по плану.

В детстве Дюб читал миф о Тезее и Минотавре, который строился на том, что жителей Афин как-то убедили раз в год выбирать жребием семь юношей и семь девушек, чтобы отправить на Крит на съедение чудовищу. Еще тогда это казалось ему самым слабым местом в отличной истории. Кто вообще на такое пойдет? Кто станет бросать такой жребий среди собственных детей?

Народ Бутана, вот кто. А также жители Сиэтла, и департамента Канелонес в Южном Уругвае, и Великого герцогства Люксембургского, и Южного острова Новой Зеландии. Все эти места Дюб должен был посетить в ближайшие две недели, чтобы собрать юношей и девушек, на которых пал жребий. Люди пойдут на такое, если убедить их, что в этом – спасение.

Как и предсказывал Марио, Дюбу вручили артефакты, на вид чрезвычайно старинные. Вручавшие их монахи – внешне чуть ли не старше самих артефактов – улыбались ему сквозь слезы и, кланяясь, пятились прочь, как только Дюб принимал у них из рук молитвенные колеса, списки сутр и резные камни.

Король взял Дорджи и Джингме за руки и, повернувшись спиной к провожающим их – в добрый путь или, может, в последний? – кивнул Дюбу, как бы командуя «твой ход».

Дюб поклонился в последний раз и, тоже повернувшись, повел процессию вниз.

Маневровые двигатели Капли-1, запущенной в День 285, оказалось не совсем в порядке, что иной раз случается с первенцами, поэтому первое в истории Облачного Ковчега бола образовали Капля-2 и Капля-3, запущенные, соответственно, в День 296 и День 300. Три первые капли принадлежали к конкурирующим проектам и поэтому выглядели слегка по-разному. Это было неважно – капли будут штамповать на разных заводах и выводить разными типами тяжелых ракет с разных космодромов, так что небольшие различия все равно неизбежны. Однако форма у всех была более или менее одинаковая – цилиндр с куполообразными полушариями на концах. Такая конструкция определялась тем, что для выполнения основной функции капель – обеспечить выживание людей – в них закачивали воздух, а под давлением все рано или поздно округляется. Дина считала, что они похожи на огромные баки для сжиженного пропана, которые она привыкла видеть рядом с домиками в шахтерских поселках своего детства. Другие сравнивали капли с железнодорожными цистернами или просто толстыми сардельками.

Но по сути это были всего лишь алюминиевые банки с куполами по краям. Стены банок имели толщину около миллиметра, купола – чуть больше. Самой толстой и прочной частью корпуса служили края, где цилиндр и купола слегка перекрывались. Аналогия – пластиковая бутылка для колы, которая легко сминается одной рукой, если открутить крышку, однако под давлением демонстрирует поразительную прочность и жесткость. Во всяком случае людям, обеспокоенным идеей жизни всего в миллиметре от космического вакуума, НАСА предлагало именно такое объяснение.

Первые три капли запустили «голыми» и гладкими, однако сотни последующих будут облачены в одеяния из прозрачной ткани, на время прохождения через атмосферу свернутые под обтекателями из стекловолокна. В космосе оболочку надуют, и она образует мягкий внешний корпус размером чуть больше внутреннего. В пространстве между корпусами будет выращиваться пища за счет солнечного света, проходящего сквозь ткань. Было еще неясно, сможет ли капля полностью себя прокормить – вероятнее всего, нет, но сколько-то пищи лучше, чем вообще ничего. Фотосинтез на борту давал также возможность уменьшить нагрузку на поглотители углекислоты, а слой воды между людьми и космосом уменьшал радиацию.

На одном из куполов располагался стыковочный узел, который в жаргоне насовских пиарщиков значился как «передний вход». Название было не совсем точным, поскольку вход, как и выход, был *единственным*. Оказавшись внутри заполненного воздухом корпуса, обитатели капли могли его покинуть, только пристыковавшись к чему-нибудь, также заполненному пригодным для дыхания воздухом.

Противоположный конец капли именовался «бойлерной». Снаружи на нем был закреплен ядерный генератор размером с ведро, снабжавший каплю энергией. Вокруг него располагались разнообразные фланцы для присоединения водопроводных труб, электрических кабелей, охлаждающих трубопроводов и тому подобной всячины на случай, если несколько капель решат состыковаться вместе и образовать долговременный кластер.

Толстые прочные кольца по краям, где цилиндр соединялся с куполами, служили также для крепления всего, требующего структурной прочности – то есть откуда на корпус капли могло прийти значительное усилие. Из каждого кольца торчало в стороны восемь коротких спиц, а вокруг подобиями нимбов шли внешние кольца, к которым крепились маневровые двигатели и такелажное оборудование. Все эти детали конструкции выводились на орбиту внутри капель, а уже там их извлекали через стыковочный узел и прикручивали в невесомости работники в скафандрах. Нимбы служили также, чтобы растянуть и стабилизировать надувной внешний корпус там, где он имелся, но на трех первых экспериментальных каплях они просто торчали наружу, словно ободы велосипедных колес, утыканные маневровыми двигателями и перевитые трубопроводами.

От «переднего» до «бойлерного» нимба тянулся длинный штырь, присоединенный спереди шарниром, который можно было по команде вытянуть примерно на десять метров в сторону от капли. На конце штыря имелись камера, мишень и электромеханическое захватное устройство, а все это вместе именовалось «лапой». От «лапы» вдоль штыря бежал трос, уходивший к кабестану рядом со стыковочным узлом – на него, как нитка на катушку, было навито еще двести пятьдесят метров троса. Штырь, «лапа», трос и кабестан были предназначены для особого маневра, до сих пор никем не испробованного. В официальных документах НАСА он значился как стыковочная бола-операция, все остальные называли его просто «дать лапу».

В День 306, после того, как Каплю-2 и Каплю-3 собрали и проверили, была предпринята первая попытка стыковочной бола-операции. Она

прошла в нескольких километрах от «Иzzi». На случай неудачи ее проводили в тайне и без особого шума, на случай же успеха велась подробная видеосъемка. Существовало несколько общих сценариев неудачи – в переводе с инженерного это означало, что все могло не сработать таким огромным количеством способов, что продумывать их в подробностях не имело смысла. Следовательно, для каждой капли требовалось по квалифицированному пилоту – кому-то, кто достаточно хорошо разбирается в орбитальной механике и реактивных двигателях, чтобы вручную привести каплю обратно, если она выйдет из-под контроля. Таких никогда не бывало в избытке, а в данный момент на борту «Иzzi» имелось всего четверо. На Земле сейчас тысячи отобранных в Жребии молодых людей обучались этой науке, пилотируя виртуальные капли в игровых симуляторах, но пока что никто из них не закончил тренировок и не прибыл на орбиту. В результате управление Каплей-2 взяла на себя Айви, Дина была при ней в качестве пассажира и помощника. Каплю-3 пилотировал недавно прибывший Маркус Лойкер, перешедший в астронавты пилот швейцарских ВВС, ветеран двух предыдущих миссий на «Иzzi». Опыт полетов на мощных реактивных истребителях через альпийские ущелья служил достаточным подтверждением его квалификации. Помогал ему Ван Фухуа, один из первых китайских тайконавтов, прибывших на «Иzzi» вместе с пионерами несколько месяцев назад.

Хорошо выспавшись и не слишком плотно позавтракав, все четверо собрались в «банане», чтобы в последний раз обсудить подробности с наземными инженерами, затем спустились по спице и, оказавшись в невесомости X1, заскользили по Стержню – то есть вдоль главной оси станции – сквозь рабочие помещения и временные склады, пока не достигли крупного стыковочного модуля, а затем, через несколько поворотов, оказались в хомячьей трубе. Один за другим они проскальзывали внутрь. Дина, шедшая третьей следом за Маркусом, обнаружила, что угнаться за ним нелегко – подошвы его ботинок продолжали удаляться.

– Все равно что влезаешь на Даубенхорн, – сообщил он в какой-то момент, – только гравитация не мешает.

– Это что, гора? – уточнила Дина. Путь по трубе предстоял неблизкий, и она надеялась, что беседа поможет ей забыть о сосущем чувстве под ложечкой.

– Да, там известная в краях, где я вырос, виа феррата. Будет случай – обязательно съезди и попробуй.

Среди тех, кто недавно прибыл на «Иззи», говорить о Земле как о месте, куда можно вернуться, было распространенной бестактностью. Они воспринимали свой полет в космос как временную миссию, словно в прежние времена. Дина ничего не стала говорить. Маркус сам поймет свою ошибку, если уже не успел.

– А, ну да.

Понял.

– А что такое «виа феррата»? – спросила Дина, чтобы спасти ситуацию.

– Подъем на гору, где натянуты тросы, установлены лестницы, все такое.

– Чтобы лезть было легко? – предположила Дина.

– А, нет. Это совсем не легко. Скажем так – это способ превратить совершенно невозможный подъем всего лишь в чрезвычайно сложный.

– Понятно, – сказала Дина. – Неплохая метафора для того, чем мы тут заняты.

– Ага, точно! – откликнулся Маркус довольно бодро.

Они добрались до перекрестка хомячьих труб и, тщательно сверившись с фломастерными записями на стенах, оставленными предыдущими путешественниками, разошлись в разные стороны. Дина повела Айви направо, а Фухуа и Маркус продолжили движение вперед. Миновав три задействованных стыковочных узла и вскользь обменявшись приветствиями с обитателями модулей по другую сторону, Айви с Диной достигли конца трубы и прошли там через еще один узел.

Они оказались в цилиндрическом пространстве, диаметром в четыре метра и длиной в двенадцать, освещенном бело-голубым ледяным сиянием светодиодов. На стенах гладкой алюминиевой трубы были видны штрих-коды и трафаретные надписи, которые производители алюминия наносят на свою продукцию. Во всю длину трубы тянулся ровный сварной шов. В дальнем конце сквозь круглую плоскую решетку из стекловолокна – тошнотворно-зеленого цвета, вырезанную из стандартного промышленного материала для фабричных подмостков – виднелся купол «бойлерной», пронизанный трубопроводными и кабельными портами. Лестница из того же самого материала вела оттуда «вверх», к «переднему входу», через который сюда попала Дина, а следом за ней – и Айви. Дине сразу вспомнился Маркус и разговор о виа феррата. Лестница нужна, только если предполагается тяготение или хотя бы его приемлемый заменитель. В этом случае решетка с противоположной стороны капли станет полом.

Вернее сказать, *одним из* полов, самым нижним. Размеры капли

позволяли разделить ее на целых пять этажей, установив дополнительные решетчатые диски. Для этой цели в стены на равном расстоянии друг от друга были вделаны упоры, но сами диски пока отсутствовали.

Оттолкнувшись от верхней ступеньки лестницы, Дина полетела «вниз», пока не остановилась, ухватившись за решетку «бойлерной». Потом развернулась так, что ноги уперлись в решетку, а голова оказалась направлена «вверх», в сторону входа. Ее глаза теперь были на одном уровне с вмонтированными в стену плоскими экранами. Они служили индикаторами и контрольными панелями для оборудования, установленного снаружи. В данный момент их обеих интересовало состояние закрепленной на куполе атомной бомбочки. У нее был свой собственный экран, который Дина, прикоснувшись, вывела из спячки. На экране появился графический интерфейс; он показывал температуру плутониевого шарика в сердцевине реактора, текущий выход тепла, число оборотов и прочие параметры двигателя Стирлинга, преобразующего это тепло в электричество, а также уровни заряда батарей и суперконденсатора, служившего буфером, чтобы запастись энергией, пока она не требуется, и высвободить, если возникнет необходимость. На вид все было в норме. В таких системах мало что может испортиться. Тем более пока они совершенно новые.

Дина повернулась к другому дисплею, содержащему информацию о двигателях, закрепленных на нимбе с противоположной стороны корпуса. «Капли» не отличались обилием окон; выглянуть наружу можно было только с переднего конца, где в купол рядом со стыковочным узлом были вмонтированы два небольших иллюминатора. Под одним из них находилось то, что инженеры называли креслом, а сторонний наблюдатель скорее описал бы как дорогой шезлонг, неведомо как попавший в космос. Айви уже пристегнулась к креслу и сейчас была занята тем, что активировала собственный комплект экранов. Дина слышала, как она что-то бормочет в микрофон своего переговорного устройства, которое подключила к одному из пластиковых ящиков, совокупность которых в данных обстоятельствах следовало называть контрольной панелью. Айви проводила последние сверки с командным пунктом и вела переговоры с Маркусом, который, надо полагать, уже пристегнулся к такому же креслу в Капле-3.

Дина огляделась и заметила сверкание линзы видеокамеры, размером не больше птичьего глаза, встроенной в небольшой пластиковый держатель на стене в середине капли.

И безо всякой видимой причины расплакалась.

Что с ней случалось достаточно редко. Гарантированно открывали кран лишь определенные сообщения азбукой Морзе от Руфуса. Дина с Айви иной раз позволяли себе поплакать на плече друг у дружки, когда никого не было рядом, хотя в последнее время клуб несколько расширился за счет новых членов, в частности, Луизы. Но всякий раз нужно было срочно заниматься чем-то еще, разрешать всевозможные чрезвычайные ситуации, ты вечно была на глазах у людей. Уединиться не получалось. Пустая капля была самым большим объемом ничем и никем не занятого пространства, в котором Дина оказалась с тех пор, как ступила на борт «Союза» полтора года назад. Оно показалось ей огромным, Дина почувствовала, что совсем одна, и не выдержала. Она знала, что находится перед камерой, которая ведет цифровую запись происходящего, чтобы отправить в архив. Быть может, психологи в Хьюстоне прямо сейчас обсуждают ее состояние. Дину это не волновало. Мнение Хьюстона перестало ее волновать давным-давно. Стоило ей расплакаться, и слезы теперь текли сами собой, нужно было лишь переждать поток. От семьи и себя самой ее мысли переключились на облачников, которым предстоит жить и умирать в подобных жестянках. Если у них ничего не получится, и если Облачный Ковчег, как полагали некоторые, лишь плацебо, последние мысли и чувства последней живой души на свете придутся на ровно такое же замкнутое пространство, как вот здесь. Может статься, этой живой душой будет сама Дина.

Плакать в невесомости плохо, потому что слезы не стекают по щекам, а образуют вздрагивающие при каждом движении жидкие пузыри вокруг глаз, которые нужно стряхивать или вытирать. Вытереть Дине было нечем – синтетические комбинезоны славилась неспособностью впитывать влагу, – так что она просто плавала у дна «капли», глядя на исходящий от экранов свет сквозь теплую соленую воду.

Айви дала ей несколько минут, чтобы выплакаться, потом крикнула:

- Ну из тебя и помощничек!
- Извини. Необходимый компонент операции.
- Постарайся там ничего не закоротить. Слезы проводят электричество.
- Тут даже мочой ничего не закоротишь. Защита от новичков.
- Кто бы говорил, – фыркнула Айви. – Пользовательский интерфейс настолько прост, что мне толком и делать нечего.

Что-то легонько шлепнуло Дину по голове. Сквозь слезы она смутно увидела белый предмет, который сейчас отлетал, вращаясь, от простого пользовательского интерфейса ядерного реактора. Поймав его, она на

ощупь поняла, что это пакет одноразовых салфеток. На местном черном рынке такие весьма ценились. Разорвав пакет, Дина вытянула несколько салфеток и начала деликатно промакивать шарики слез так, чтобы ненароком их не разбрызгать и не превратить в мельчайшую взвесь, чреватую коротким замыканием.

– Что Маркус-то о тебе подумает? – продолжала Айви.

Дина даже не сразу сообразила, о чем речь.

– У нас с ним что-то? Ты вот так считаешь?

– Это всем очевидно.

После восхитительного первого месяца у них с Рисом все как-то увяло. Ничего страшного. Как началось, так и кончилось. Она никогда всерьез не думала, что это надолго. Время и место, в которых им выдалось жить, не слишком располагали к созданию прочных пар. Луиза, в роли антрополога, наблюдала за спонтанными и, как правило, мимолетными связями между обитателями «Иzzi» со смесью суховатого юмора, живого научного интереса и откровенной, и от этого еще более комичной, зависти.

– Даже не знаю, – задумчиво проговорила Дина. – Вижу, к чему ты клонишь, но он немного похож на капитана Кирка.

– Тебе не мешает немного капитана Кирка в твоей...

– Где-где?

– В твоей *жизни*. Рис слишком сосредоточен на себе.

– Это что, какой-то эвфемизм?

– У него депрессия.

– С чего бы это, спрашивается?

– Вовсе не с того. Не потому, что наступает конец света и все умрут. Я к тому, что Рис полон энергии, пока работает над проектом, но когда проект закончен, он буквально расплывается в кашу.

У Дины чуть не сорвалось с языка, что это утверждение прекрасно описывает и то, как Рис занимается любовью.

– Ты в курсе, что все это записывается?

– Я уже привыкла, – ответила Айви, и Дина буквально почувствовала, как та в двенадцати метрах от нее пожимает плечами. – Постой-ка, мне нужно немного отработать двигателями – выезжаем с парковки задним ходом.

Она не шутила. Двигатели включились со звуком, больше похожим на удар. Дина, которая, к несчастью, в этот момент ни на чем не стояла, на несколько мгновений потеряла ориентацию – капля вокруг нее поехала назад, а она осталась в неподвижности. Зеленая решетка куда-то провалилась, вход стал приближаться – но все происходило медленно, Дине

достаточно было вытянуть руку и скользить ладонью по лестнице, чтобы замедлить относительное движение. Через несколько секунд она оказалась в передней части капли и затормозила, ухватившись за амортизатор кресла Айви. Рядом находился сверток из ремней и мягких прокладок, наподобие снаряжения для скалолазания, и Дина потратила несколько минут, чтобы распутать его и забраться внутрь. Под аккомпанемент из ударов двигателей, шипения и пощелкивания топливопроводов и Айви, бормочущей в микрофон, Дина наконец пристегнулась и надела собственное переговорное устройство. Теперь она слышала по-военному отрывистые переговоры между Айви, Маркусом и диспетчером на «Иzzi». Каждые несколько минут в разговор со своими вопросами и наблюдениями вклинивался инженер из Хьюстона.

Они отплыли от «Иzzi» и в соответствии с программой включили двигатели на несколько секунд, чтобы перейти на орбиту повыше. Какое-то время в иллюминаторы была видна лишь пустота. Судя по всему, из-за края Земли показалось Солнце – на стенах капли появилось два ярких пятна.

– Вижу Третью на радаре, запускаю КАП, – сообщила Айви.

Аббревиатура расшифровывалась как контролируемый автопилот. Операция, которую они собирались выполнить – «подать лапу», – была слишком тонкой, тем более для пилотов-новичков Ковчега. Поэтому все должно было выполняться автоматикой. Однако ни алгоритмы, ни датчики, сообщающие им о том, что происходит, еще ни разу не опробовались в деле, поэтому сейчас у контрольных панелей, наблюдая за происходящим в иллюминаторы, сидели опытные пилоты, готовые перехватить управление, когда (и если) автопилот начнет шалить.

Удары двигателей сменили ритм, теперь они отстукивали последовательность из очень коротких запусков и отключений; ни один человек не смог бы управлять ими подобным образом. Звездная россыпь за окнами качнулась, солнечные пятна на стенах пришли в движение, в поле зрения неожиданно всплыла Капля-3 всего в нескольких сотнях метров от них. Она тоже шла под управлением КАП и сейчас разворачивалась, пока передний вход наконец не оказался направлен в их сторону. Дина подавила импульсивное желание помахать Маркусу и Фухуа рукой. Это было бы непрофессионально, да и в любом случае они бы не разглядели ее через крошечный иллюминатор.

Тонкий белый стержень отделился сбоку от Капли-3, вытянулся в сторону и застыл. Мгновение спустя они услышали и почувствовали, как аналогичным образом отделилась их собственная «лапа», что сопровождалось соответствующей анимацией на экране.

– Даю картинку с камеры, – пробормотала Дина и коснулась кнопки на экране, залив его потоком видео высокого разрешения, идущего через дальнобойную линзу на конце «лапы».

Поначалу не было видно ничего, кроме голубого краешка земной атмосферы в самом углу. Потом через весь экран проплыла сетка, похожая на мишень, остановилась, медленно поплыла назад. Все это сопровождалось еще более суетливой дробью двигателей. Видео было поразительно чистым, казалось, что мишень находится на расстоянии вытянутой руки. Если сравнивать его с картинкой в иллюминаторе, то Дина тоже могла разглядеть там мишень на конце «лапы», вытянутой в сторону от Капли-3, но та казалась совсем крошечной. Однако система распознавания изображений, которая сейчас управляла их корабликом, смогла ее найти и...

– Есть захват, – сообщила Айви. – Третья, мы вас видим.

– Вторая, мы вас видим, – отозвался Маркус. – Продолжаю процесс.

Процесс продолжился сравнительно долгим импульсом кормовых двигателей, которые довольно сильно толкнули их вперед, так что Дина почувствовала давление на мягкие части тела и ощутила, как натягиваются ремни. Мишень покачнулась, но через несколько секунд снова застыла в центре экрана. Капля-3 росла. Числа на экране, сообщавшие расстояние между кораблями – или, вернее, между их вытянутыми «лапами» – стали уменьшаться.

– Все по распорядку, – сообщила Айви.

Конец фразы утонул в оцифрованном голосе, раздавшемся через динамики рудиментарной системы внутреннего оповещения капли: «Заключительная часть стыковочной бола-операции, приготовиться к ускорению!» Затем, в классическом стиле НАСА, начался обратный отсчет: «Пять, четыре, три, два, один, начало стыковки».

На счет «один» сетка на экране расплылась – на таком близком расстоянии камера уже не могла на ней фокусироваться. «Лапы» Капли-2 и Капли-3 хлопнули, словно ладони бегунов, приветствующих друг друга на встречных курсах. От «лапы» внутрь корпуса капли проник странный подвывающий шум. «Стыковка успешная», – сообщил голос.

Уши Дины наконец распознали в воющем шуме звук разматывающегося троса. В желудке у нее что-то перевернулось – совершив полусальто, капля снова развернулась в сторону партнера по бола.

Она знала, поскольку изучала маневр не одну неделю, что сейчас капли соединяются между собой тросами. Они прошли мимо на встречных

курсах, но натянувшийся трос развернул их, так что теперь капли снова были направлены навстречу друг дружке – Дина смогла в этом убедиться, выглянув в иллюминатор и увидев там нос Капли-3, постепенно уменьшающийся в размерах, пока она «сдает назад». Закрепленный рядом со стыковочным узлом кабестан разматывал трос, покуда капли расходятся. Точно посередине тросы Капли-2 и Капли-3 соединялись между собой захватным механизмом, который можно будет дистанционно отключить, когда они решат разойтись восвояси.

– Мои поздравления, Бола-1, – произнес голос инженера из Хьюстона. – Первая автоматическая стыковка двух кораблей с целью создания вращающейся системы для полной симуляции земного тяготения.

Земля медленно проплыла позади второй половинки Бола-1, и Дина ощутила в горле неприятное чувство, означавшее, что ее стошнит самое большее минут через пять. Система из двух капель медленно вращалась, производя тем самым небольшую искусственную силу тяжести – меньше, чем в «банане». Но с точки зрения системы КАП этого было недостаточно. Когда капли разошлись достаточно далеко, чтобы не повредить друг дружку выхлопом, система произвела сравнительно долгий запуск двигателей в сочетании с продолжающимся медленным разматыванием тросов, сильно обеспокоив этим вестибулярный аппарат пассажиров. Звук кабестанов изменился – включились автоматические тормоза, замедляющие разматывание, чтобы избежать резкого и опасного рывка, когда трос закончится. Последовало несколько мгновений тишины, и еще один запуск двигателей – долгий, в боковом направлении, чтобы увеличить скорость вращения бола.

– Вот блин, – единственное, что смогла выдавить из себя Дина в следующую пару минут.

Они испытывали $1g$ – обычное земное тяготение – впервые за год с лишним.

Голос Маркуса, который провел на орбите лишь несколько дней, напротив, звучал очень бодро. Судя по тому, что они слышали в наушниках, он отстегнулся от пилотского кресла и лазал сейчас по Капле-3, словно по Даубенхорну.

Айви и Дина несколько минут вообще не могли пошевелиться, и Дине какое-то время всерьез казалось, что она умирает.

– А вот можно ли упасть в обморок, если уже лежишь? – наконец поинтересовалась она.

– Оставайтесь на местах, – потребовал голос из Хьюстона, глухой и далекий, словно он орал на них снизу в рупор с расстояния в четыреста

километров. – Падать придется далеко, до самого дна капли.

Падать придется далеко. Дина давно даже думать перестала о том, что существует верх и низ. Соответственно и понятие падения лишилось всякого смысла. На орбите ты все время падаешь. Но ни обо что при этом не ударяешься. Дина рискнула слегка повернуть голову и посмотреть «вниз», на решетку. Это сработало – ей пришлось срочно тянуться за рвотным пакетом.

День 333

Дюб всегда знал, что как родственник он отнюдь не подарок. Однако за последние два с половиной месяца на Земле он стал всерьез опасаться, что терпение его родных вот-вот окончательно лопнет, и причиной тому стала его страсть к жизни на природе.

До сих пор в его представлении хорошо провести время на открытом воздухе означало вальяжно выйти на балкон европейского отеля, выкурить там сигару и выпить рюмочку бренди. Обязанности астронома иной раз заносили его в различные отдаленные места наподобие вершины Мауна-Кеа. Там он всякий раз добросовестно выходил наружу, чтобы за пару минут произнести должные похвалы красотам открывшейся панорамы и чистому воздуху, чуть не отморозив при этом задницу, после чего возвращался в помещение и переходил к изучению изображений на экране компьютера. Походы, и вообще жизнь на природе, среди его родных попросту не были приняты – они предпочитали прочную крышу над головой, натопленные помещения, запертые двери и изобилие еды, которая варилась и жарилась в современной кухне, снабженной всем необходимым для этого оборудованием. Дюб не переставал восхищаться коллегами с кафедр биологии и геологии, у которых всегда был наготове плотно набитый рюкзак, так что они в любой момент могли сорваться в путь, к полной приключений жизни в разных экзотических местах. Но восхищаться предпочитал на расстоянии.

Пожив некоторое время с Генри в Мозес-Лейк, он, пусть и с запозданием, сделался сторонником активного образа жизни, а заодно – обладателем кучи первоклассного туристического снаряжения, которое ему вдруг очень захотелось пустить в дело. Повлияло на него и путешествие в Бутан. Перед этим он совершил длинный перелет с несколькими пересадками через Тихий океан, потом некоторое время прожил на авианосце – в тесном, многолюдном искусственном сооружении, не

слишком отличающемся от места, где ему предстоит провести остаток дней. Затем на несколько благословенных часов Дюб шагнул из вертолета в разреженный, холодный, пахнувший соснами воздух Бутана, прокатился на королевском «лендровере» и взобрался на туманную гору, поразительно похожую на картинку с обложки музыкального альбома семидесятых. И даже успел поразмыслить над тем обстоятельством, что неспособен воспринять это место таким, как оно есть, а только в сравнении с подобными символами поп-культуры. Через несколько часов он снова оказался на авианосце вместе с Дорджи, Джингме и сотней других облачников, свезенных подобным манером из Бирмы, Бангладеш, Непала, различных штатов Индии, Шри-Ланки и мелких островов. Дюб был поражен контрастом между тем, как естественно и уместно молодые бутанцы выглядели на краю утеса у себя на родине, и их потерянным видом на крашеной стальной лестнице авианосца, среди представителей других стран Южной Азии – столь же колоритно одетых и столь же отчужденных от родной почвы, лишь пытающихся хоть куда-нибудь приткнуться свои бесценные культурные артефакты.

У него зародилась мысль, что неплохо самому побыть поближе к родной почве, прежде чем его запустят в такое место, где он будет таким же потерянным и отчужденным, как Дорджи и Джингме на борту авианосца «Джордж Буш». Она показалась ему вполне естественной. Но когда за чашкой армейского кофе в одном из кафетериев авианосца он поделился своими планами с Тавом, тот возразил:

– Ты свержропантизируешь грязь.

Таву очень нравилось выступать в роли адвоката дьявола. Дюб уже не раз имел с ним беседы такого рода. Он лишь пожал плечами и сказал:

– Пусть даже ты прав. Что мне грозит, если я немного поковыряюсь в грязи, пока есть возможность?

– Столбняк?

– Перед поездкой мне сделали все необходимые прививки.

– Нет, Дюб, я серьезно. Меня ты этим не купишь.

– Не куплю? Чем же, по-твоему, я тебя пытаюсь купить?

– Идеей, будто люди предназначены жить в естественной окружающей среде. Гипотезой, что грязь только на пользу.

– Ну, наша эволюция очевидным образом происходила на природе. В каком-то смысле такая среда для нас именно что естественна.

– Но ведь мы уже эволюционировали, Дюб! Мы больше не животные. Мы развились в существ, способных создавать вот такое! – Тав обвел вокруг себя рукой, указывая на крашеную сталь авианосца. – И вот такое! –

Он поднял свою чашку кофе и чокнулся с Дюбом.

– И ты утверждаешь, что это хорошо.

– По сравнению с тем, что тебя разорвут гиены? Разумеется, хорошо!

– Меня не разорвут гиены. Я просто собираюсь выбраться на природу.

Улыбка Тава выглядела несколько вымученной. «Не хочешь меня понять, да?» Он сказал:

– Послушай, ты же знаешь, что я думаю по поводу Сингулярности?

Загрузки в компьютер?

– Я для твоей книги написал текст на обложку.

– Кстати, спасибо тебе.

Тав говорил об идее, что человеческий мозг можно, во всяком случае в принципе, оцифровать и загрузить в компьютер. И что рано или поздно это произойдет в больших масштабах. Быть может, уже произошло – и все мы живем внутри гигантской виртуальной реальности.

Дюб кое-что сообразил.

– Ты потому и пытал короля насчет реинкарнации?

– Отчасти, – согласился Тав. – Послушай, я просто хочу сказать, что, разделяй ты ту точку зрения, к которой я пришел уже давно, относительно...

– Иными словами, испей я отравы из чаши Сингулярности? – уточнил Дюб.

– Да, Дюб, тебе прекрасно известно, что именно это я и сделал, и тем самым навсегда распрощался с представлением, будто я – дитя природы. Я им никогда уже не стану. Я уверен, что сознание человека изменчиво почти до бесконечности и что люди за какие-то месяцы, если не дни, начнут чувствовать себя в Облачном Ковчеге как дома. Мы просто превратимся в другую цивилизацию, отличную от той, в которой выросли. Сама идея возвращения к природе будет начисто забыта. Тысячелетия спустя люди будут ходить в другие турпоходы – спать в каплях, пить растворимый сок, мочиться в трубочку, все как у предков.

– Для них, – заметил Дюб – это тоже будет возвращением к природе.

– Наверное, мы будем думать именно так, – кивнул Тав.

Дюб чуть не процитировал: «Кто «мы», бледнолицый?», но вовремя передумал.

Следующие несколько недель Дюб, следуя принятым на себя обязанностям, мотался по всему свету: участвовал в том, что фотограф Марио назвал «вылазками за живым товаром», и препровождал добычу в тренировочные лагеря для облачников, где им предстояло провести остаток земных дней за сложными компьютерными играми на тему орбитальной

механики. Тависток Прауз тоже участвовал в нескольких вылазках. Все остальное время он писал в соцсетях на темы, которые озвучил на авианосце. Каждый раз, открывая его посты, Дюб поражался, сколько у них читателей. Тав уже породил целую волну последователей и приобрел репутацию незаурядного мыслителя в области социологии будущей космической цивилизации.

Когда у Дюба выпадало два-три свободных дня, он обрушивался туда, где жил кто-нибудь из детей, хватал их в охапку и устраивал выезд на природу.

Генри поселился в Мозес-Лейк на постоянной основе – насколько это было вообще возможно в нынешнем мире. Он был младшим. Средняя, Гедли, жила в Беркли; она работала волонтером в благотворительной организации, так что проблем со свободным временем у нее не было. Дюб вытягивал ее на однодневные пешие походы по Маунт-Тэм или на более длительные, в Сьерра-Неваду. Старшая, Геспер, находилась неподалеку от Вашингтона – ее молодой человек, военный, проходил службу при Пентагоне.

Последний Великий Поход случился в начале октября. Дюбу оставалось еще около месяца, но он знал, что проведет его или тренируясь, или рассказывая о тренировках по телевизору. Может быть, ему еще доведется разок-другой сбежать с уроков и выбраться в короткий поход на полдня. Одно было ясно – в следующий раз он заберется в спальный мешок только в невесомости, в уютной жестянке без единого окна.

Возможно, почувствовав то же самое, Амелия неожиданно прилетела к нему в Вашингтон. Обычно в это время года она должна была вести уроки в школе, но их расписание в последнее время стало довольно зыбким. Было трудно поддерживать иллюзию, будто образование так уж необходимо детям, которые все равно не доживут до того, чтобы воспользоваться знаниями. И никогда не сдадут экзамены, к которым их готовят. По словам Амелии, это привело к своего рода Возрождению в педагогике. Ученики, на которых не давила необходимость получить хорошую оценку или поступить в приличный университет, учились просто ради того, чтобы учиться – как оно, собственно, и должно быть. Расписанная по часам учебная программа исчезла сама собой и заменилась мероприятиями, которые придумывали каждый день учителя и родители – походы по горам, художественные проекты на тему Облачного Ковчега, беседы с психологами о смерти, просто чтение. В определенном смысле Амелия и ее коллеги никогда еще не чувствовали себя настолько нужными и не имели такой возможности проявить себя с наилучшей стороны. Тем не менее

расписание стало мягче, так что Амелия смогла взять пару дней отпуска, совершенно неожиданно для Дюба сесть на самолет до Вашингтона и там вместе с ним, Энрике и Геспер отправиться в горы любоваться осенней листвой.

Дюб никогда не испытывал особых чувств к Энрике – афропуэрториканскому полукровке из Бронкса, армейскому сержанту и американцу до мозга костей. Но сейчас, когда он сидел, свесив ноги из кузова прокатного внедорожника, укутанный с Амелией одним одеялом, смотрел на сияющий всеми красками осени горный пейзаж и ждал, когда на угольной печке разогреются сосиски, он ощутил к нему теплоту как к родному. Видимо, Энрике тоже почувствовал, что Дюб оттаивает.

– Так что же вы все-таки собираетесь построить там, наверху? – спросил он.

Насколько Дюб переменился за последний год, можно было судить по тому, что он не фыркнул в ответ на вопрос. И не изменился в лице – во всяком случае, так ему хотелось верить. Он посмотрел на Амелию рядом с собой, ожидая подтверждения. Амелия старалась ему помогать. Это ради детей, объяснила она. Неважно, что ты думаешь, Дюбуа, и что чувствуешь. Речь вообще не о тебе. И даже не о науке. Сейчас речь исключительно о том, чтобы дети у меня в классе знали, на что им надеяться. Поэтому заткнись и делай свое дело.

Это было важно. И дело даже не в том, что требовалось скрывать свои истинные чувства. Потому что, если скрывать их достаточно хорошо, сам ты тоже меняешься. Несколько месяцев назад Дюб не смог бы полностью спрятать скепсис, и Энрике бы это заметил. Несколько месяцев назад Дюб бы, вероятно, начал подробно объяснять, чем вызван этот скепсис, а в итоге все бы поняли, что Облачный Ковчег – наспех сымпровизированный эксперимент по выживанию с призрачными шансами на успех.

Сейчас ничего подобного не произошло. Дюб смотрел на лица Энрике и Геспер, с одной стороны освещенные голубым предзакатным светом, с другой – красным свечением углей, и говорил, словно перед телекамерой, ведущей прямую трансляцию в Интернете:

– Доступные на орбите ресурсы практически неисчерпаемы. Так было еще до взрыва Луны. Теперь она тоже раскрылась, словно пиньята. Надо лишь создать на основе этих ресурсов правильную инфраструктуру, обитаемые помещения, которые можно будет наполнить воздухом и оплодотворить всем генетическим наследием Земли. Это произойдет не сразу, поначалу придется пройти через трудные времена. С эмоциональной точки зрения будет очень тяжело, когда начнется Каменный Ливень и мы

навсегда распрощаемся с тем, что было раньше. После этого тоже будет нелегко: облачникам предстоит научиться жить вместе и принимать не самые легкие решения. Перед человечеством никогда еще не стояло столь сложного вызова. Но мы сумеем выжить. Из орбитальных ресурсов мы создадим инкубаторы для Нашего Наследия, где оно будет жить, развиваться само и развивать то, что мы принесли с собой. Рано или поздно наступит день, когда мы вернемся. Каменный Дождь – не навеки. Хотя он и продлится в течение жизни многих поколений, столь же долго, сколько человеческая цивилизация просуществовала до сегодняшнего дня. Он оставит после себя раскаленную каменную пустыню. Но к тому времени множество поколений уже успеет посвятить свою жизнь и свой творческий гений решению новой задачи – как воссоздать тот мир, что мы видим сейчас, или даже лучше, чем сейчас. Мы вернемся. Вот настоящий ответ на твой вопрос, Энрике. Выживем ли мы? Да. Будет нелегко, но мы справимся. Построим ли мы орбитальные поселения? Безусловно. Начнем с маленьких, потом перейдем к большим. Но не в этом истинная цель. Чтобы достичь нашей истинной цели, потребуются тысячелетия. Эта цель – создать Землю заново, и лучшей, чем была.

Дюб произнес подобную речь в первый раз. Но не в последний. В ближайшие недели – его последние недели на Земле – он будет говорить те же слова телекамерам, президенту, полному стадиону облачников-стажеров. Но в этот момент он видел только, что Энрике кивает, как бы говоря «все будет в порядке, Дюб-то кое-что соображает», и Геспер кладет голову ему на могучее плечо, а глаза у нее горят – она смотрит в будущее, которое только что создал своими словами ее отец.

За спиной у нее метеорит прорезал вечеряющее небо и взорвался над Атлантикой.

Облачный Ковчег

День 365

– Сегодня мы поговорим о том, что на самом деле представляет собой рой из капель на орбите, – произнес знаменитый астроном и популяризатор науки Док Дюбуа.

Он плавал в самом центре Капли-2, в данный момент пристыкованной к «Иzzi». На нем был скафандр, а шлем он снял и держал под мышкой.

Говорил он, обращаясь к одной из встроенных в каплю видеокамер высокого разрешения, надеясь, что где-нибудь какой-нибудь компьютер ведет запись.

– Снято! – скомандовал он.

И почувствовал себя немного глупо. Теперь он самостоятельно редактировал и выпускал свои видео, то есть только что отдал команду «снято» самому себе. В космосе за тобой не следует съемочная группа, фотографы, видеоредакторы и гримеры. Ему так даже больше нравилось. Но надо сказать, что при съемках желательно присутствие хотя бы еще одного человека, чтобы видеть его реакцию. Ему не хватало Амелии, которая могла бы молча покачать головой или кивнуть. Вместо этого он попытался вообразить, что обращается к ее классу – солнечным утром вторника в классной комнате в Южной Пасадене. Он проиграл запись, слушая собственный голос их ушами.

«На самом деле» звучит слишком скептически. Как будто все сказанное прежде по этому поводу было полной чушью. А «на орбите», пожалуй, лишнее. Все и так знают, что капли находятся на орбите.

– Сегодня мы поговорим о том, что представляет собой рой из капель, – начал он заново. – В обычном пространстве, например, на Земле, чтобы сообщить, где находится объект, нам нужны три числа. Влево-вправо, вперед-назад, вверх-вниз. Оси икс, игрек и зет из уроков геометрии в старших классах. Оказывается, на орбите с этим не так просто. Здесь, чтобы описать, на какой орбите находится объект – например, капля, – нужно *шесть* чисел. Три – для местоположения. И еще три – для скорости. Если у вас два объекта и все шесть чисел у них совпадают – они находятся в одном месте. В данный момент мои шесть чисел полностью совпадают с числами капли, в которой я плаваю, то есть мы движемся через пространство вместе. Но если одно или более из моих чисел изменится, вы увидите, что я начал перемещаться.

У Дюба с собой был небольшой баллончик со сжатым воздухом – такими электронщики сдувают пыль с устройств, над которыми работают. Направив его «вниз», к корме капли, Дюб нажал кнопку. Воздух с шипением устремился наружу, а Дюб поплыл «вверх», к главному входу. Вытянув над головой руку, чтобы затормозить у самого верхнего купола, он повернулся к ближайшей камере.

Вроде бы получилось. Это была третья попытка, и сжатый воздух уже кончился.

– Я не могу уплыть слишком далеко, поскольку меня ограничивает корпус. Но не будь у меня возможности остановиться – скажем, если бы я

был в скафандре снаружи, – я бы уплыл очень и очень далеко. И орбитальная механика как наука утверждает, что два различных объекта на орбите не могут иметь одни и те же шесть чисел, если не считать особого случая, который я вам только что продемонстрировал – человек находится внутри полой капли, где их центры масс полностью совпадают. Капля или любой другой объект слева от «Иzzi» или справа, в зените или в надире, спереди или сзади, по определению имеет другие числа. То есть находится на другой орбите. А значит, будет дрейфовать относительно станции.

Дюб мысленно обратился к своим предварительным наброскам. В этом месте он собирался подробней рассказать о том, каким может быть дрейф. Объект на более высокой орбите отстанет. На низкой – убежит вперед. Объекты справа или слева будут то сближаться со станцией, то удаляться с периодом в девяносто три минуты. И только те, что непосредственно впереди и сзади, сохраняют свое относительное положение. Но сейчас он подумал, что в этом месте лучше дать ссылку на другое видео, в котором будет больше графики. А пока нужно сказать главное.

– Какова же мораль? В космосе невозможно летать в строю. По законам физики находящиеся рядом объекты будут сближаться или удаляться. Чтобы сохранить строй или любую групповую формацию, например, рой, есть только два способа. Либо соединить капли между собой, так что они станут единым объектом, либо включать двигатели, чтобы компенсировать дрейф.

Был и третий способ – выстроить их в цепочку, образовав подобие космического поезда, но такая формация не слишком-то похожа на рой, поэтому Дюб не стал пока о ней упоминать. Хотя через несколько минут после того, как видео появится на ютубе, на него обрушатся гневные комментарии, указывающие на ошибку и объясняющие ее нечестностью, некомпетентностью и/или заговором.

Оставалось записать звуковую дорожку, которая пойдет поверх видео, где юные облачники тренируются в исполинских залах игровых автоматов, специально для этого сооруженных в таких местах, как Хьюстон или Байконур.

– Изучить все это не так уж сложно – любой игрок осваивает премудрость за несколько минут. Мне не дадут соврать собранные со всего света облачники, которые сейчас оттачивают мастерство управления каплями на максимально реалистичных симуляторах. Разумеется, большую часть времени капля летит сама по себе, на автопилоте. Но когда и если возникнет необходимость ручного управления, эти молодые люди будут к нему готовы.

Закончив, он подключил свой планшет к беспроводной сети капли и несколько минут копировал видеофайлы, чтобы потом заняться редактированием. Заметив самого себя на стоп-кадре, служившем иконкой для файла, Дюб поразился, какая у него круглая физиономия – типичный симптом невесомости, когда тело заново учится распределять жидкость по тканям. Здесь, наверху, по этому признаку узнавали новичков. Дюб провел в космосе шесть дней; сегодня был А+1.0, ровно год с того дня, когда Дюб, стоя во дворе «Атенеума», смотрел, как распадается Луна.

Капля-2, устаревшего образца, который давно заменили новые модели, была пристыкована на самом конце хомячьей трубы по левую сторону ферменной конструкции. Рано или поздно ее превратят в складской или жилой отсек. Миновав стыковочный узел, Дюб пустился в путь по трубе. Как он уже понял по дороге сюда, быстро двигаться не получится. В трубе еле-еле помещался относительно худой человек в комбинезоне из полиэстера. Мужчина покрупней и в скафандре был обречен постоянно за что-нибудь цепляться. И тем не менее двигаться по трубе в «костюме» было легче, чем тянуть его за собой или толкать спереди, словно труп, от которого необходимо избавиться в невесомости.

Через несколько минут Дюб достиг перекрестка, расположенного прямо на центральной оси «Иzzi», где места было побольше, и начал снимать скафандр. Это не был полный скафандр для работы в открытом космосе – у того на спине торчал огромный горб систем жизнеобеспечения, который никак не пролез бы в хомячью трубу. Просто комбинезон со шлемом как у пилотов высотных истребителей. В нем была дырка, так что годился он только на реквизит. Попытка выбраться из него чем-то напоминала борьбу нанайских мальчиков и состояла преимущественно из ругательств и столкновений со стенами.

В какой-то момент он почувствовал, что его резко тянут сзади за воротник. Комбинезон от этого сполз достаточно низко, так что Дюбу удалось, виляя плечами, высвободить руки.

– Спасибо! – сказал он, обернулся через плечо и увидел, что на него вопросительно смотрит знакомое лицо.

– Для морпеха ты как-то ростом не вышел.

– Мойра?! – воскликнул Дюб и схватился за поручень на стене, чтобы развернуться полностью и взглянуть как следует. Очки во время борцовской схватки сползли куда-то набок, пришлось другой рукой загнать их на место. Да, это была именно она – и со столь же явно луноподобным лицом.

Последний раз он видел доктора Мойру Крю на Кратерном озере, где

она помогала своему учителю Кларенсу Краучу, выдающемуся генетику и нобелевскому лауреату, которому выпала неблагоприятная задача объявить всему миру о Жребии. Кларенс уже умер от рака у себя дома в Кембридже, окруженный своей коллекцией биологических образцов и научных наград, которой не суждено пережить Каменный Ливень. Смерть несомненно была для него избавлением. С тех пор Дюб ничего не слышал о Мойре, однако из всех людей на Земле она была одним из самых очевидных кандидатов на Облачный Ковчег. Предки Мойры были из Вест-Индии, и волосы она заплетала в дреды длиной в палец, которые на удивление хорошо вели себя в невесомости – уж во всяком случае лучше, чем волосы представителей белой расы. Округлившееся лицо сделало ее чуть старше, но Дюб знал, что ей еще нет тридцати. Она выросла не в самом лучшем районе Лондона, но смогла получить стипендию в крутой школе, за которой последовал оксфордский диплом по биологии. Диссертацию она писала в Гарварде, в рамках проекта по возвращению вымерших видов. Харизма Мойры и акцент, который американцы считали просто очаровательным, сделал ее одним из основных лиц всего проекта. Она участвовала в конференциях и делала публичные выступления, рассказывая о том, как в ее лаборатории пытаются вернуть к жизни мамонтов. Затем Мойра проработала некоторое время в Сибири на русского нефтяного магната, планировавшего создать заповедник возрожденной мегафауны, и вернулась в Великобританию, чтобы продолжить исследования под руководством Кларенса.

Дюб уже не первый раз оказывался приятно удивлен, наткнувшись здесь на коллегу, которого тоже отправили на Ковчег, о чем Дюб и понятия не имел. И каждый раз возникали проблемы с этикетом. Человека хотелось радостно обнять, как он, разумеется, и сделал бы, столкнувшись с ним на вечеринке в Кембридже или на улице в Нью-Йорке. Однако встреча здесь подразумевала обстоятельства отнюдь не радостные. К тому же у Мойры в таких случаях всегда был чуть насупленный вид, помогавший ей держать дистанцию.

Да и обнимать людей в невесомости совсем не так просто. Сначала нужно оказаться к ним очень близко.

Дюб развел в стороны руки и сказал:

– Обнимаю.

Мойра сделала то же самое, потом спросила:

– Здесь что, так принято?

– Не то чтобы совсем, но бывает. Мойра, ЕЗНО я рад встретить тебя здесь.

ЕЗНО было аббревиатурой для «если забыть нынешние

обстоятельства», без которой сейчас обходилось редкое сообщение в Фейсбуке, Твиттере и так далее.

– Я вроде бы слышала, что ты наверху, – ответила Мойра, – но как-то пропустила мимо ушей, голова была занята совсем другим.

– Могу представить. Пока я носился туда-сюда, рекламируя Облачный Ковчег, ты-то, надо полагать, занималась настоящей наукой, а?

– Будет вернее сказать – готовилась заниматься, – ответила Мойра. – Кстати, «вперед» – это сюда? – Ее карие глаза за стеклами очков, технарских, но все равно стильных, указали направление.

– Да.

– Мое рабочее место находится так далеко впереди, как только возможно – от меня потребовали, чтобы лаборатория была укрыта за большим камнем.

– За Амальтеей.

– Да. Пошли со мной, я чутка покажу, чем занимаюсь. Я бы охотно и чаем тебя угостила, вот только не слишком хорошо знаю, как его здесь принято заваривать.

Ее манера говорить вызвала у Дюба улыбку. В Оксфорде она была заядлой театралкой и вполне могла бы стать актрисой. Мойра прекрасно чувствовала разницу между манерой разговора своего лондонского квартала и тем, как говорили в ее школе и в Оксфорде, и могла для пущего эффекта свободно переключаться между акцентами.

– С удовольствием бы взглянул. Кажется, я знаю, о каком модуле ты говоришь – я видел на днях, как он стыкуется, и еще тогда заинтересовался.

Пустой скафандр Дюб повесил на стену в лаборатории, предоставив тому безмолвно наблюдать, как Мойра показывает свои богатства. Дюб никогда особо не разбирался в биологии и не понимал половину сказанного, но это было неважно. Радовало уже то, что можно расслабиться и слушать, как науку объясняет кто-то другой.

– Ты слышал про черноногих хорьков? – спросила Мойра.

– Нет, – ответил Дюб, – и ты можешь сразу исходить из того, что таким будет мой ответ на почти любой вопрос из биологии и генетики.

– Девяносто процентов их диеты составляли луговые собачки. Фермеры истребили собачек, и популяция черноногих хорьков уменьшилась настолько, что осталось лишь семь особей. Задача была – возродить популяцию из этого количества.

– Всего семь? Должны были возникнуть сложности с вырождением?

– Мы пользуемся термином «гетерозиготность», – уточнила Мойра, –

который по существу означает генетическое разнообразие в пределах вида. В общем случае это считается достоинством. Если гетерозиготность низкая, то появляются проблемы, которые мы ассоциируем с вырождением.

– Но если у тебя осталось только семь производителей... то больше, получается, не с чем работать?

– Все не так плохо. То есть чисто технически да, ты прав. Но мы можем создать искусственную гетерозиготность, манипулируя отдельными генами. А заодно и устранить генетические дефекты, которые иначе распространились бы на всю популяцию.

– В любом случае, – согласился Дюб, – сейчас эта тема представляет очевидный интерес.

– Если население Ковчега будет таким, какое нам обещают, и мы получим замороженные яйцеклетки, сперму, эмбрионы и так далее, с человеческой популяцией все должно быть в порядке. Моя задача скорее в том, чтобы следить за нечеловеческими популяциями.

– То есть...

– Ну, ты, надо полагать, слышал, что мы будем разводить водоросли, чтобы получать кислород. Это положит начало простой экосистеме, которая будет развиваться и расти, и спустя годы сделается уже далеко не столь простой. Многие растения и микроорганизмы, которые станут частью экосистемы, придется культивировать из относительно небольших популяций. Не хотелось бы, чтобы с растениями, которые нужны нам для дыхания, приключилось что-нибудь вроде ирландской «картофельной чумы»^[4].

– И твоя работа – делать с ними то же, что и с черноногими хорьками?

– Часть моей работы.

– А другая часть?

– Буду кем-то вроде викторианского музейного куратора. Ты бывал дома у Кларенса в Кембридже?

– К сожалению, не довелось. Но я наслышан о его великолепной коллекции.

– Дом забит чучелами птиц, звериными головами и ящиками с жуками, которые викторианские джентльмены-коллекционеры в пробковых шлемах натащили со всех концов империи в научных целях. Они, конечно, не были учеными в нынешнем смысле, но свой вклад, безусловно, внесли. Музеи подобным добром переполнены, так что Кларенс скупал экспонаты грузовиками, особенно когда Эдвина умерла и уже не могла ему запретить. В общем, теперь Кларенс – это я, с той разницей, что все мои экспонаты хранятся в цифровой форме вот здесь. – Она постучала пальцем по флешке,

плавающей на цепочке вокруг ее шеи. – Вернее, на ее *радиостойких* эквивалентах. – Технический термин Мойра произнесла, придав голосу такой одновременно фальшивый и иронический оттенок, что стало ясно – ей и Международной космической станции еще друг к дружке привыкать и привыкать. – Да ты же в курсе всего этого, я видела на «Ютубе». – Она переключилась на вполне правдоподобную имитацию среднезападного акцента Дюба. – «Мы не можем отправить на Ковчег синих китов и секвойю. Даже если бы мы и смогли, они там не выживут. Но мы можем отправить туда их ДНК, закодированную в виде последовательности нулей и единиц».

– Ты меня без работы оставишь.

– Вот и отлично. Я тебя здесь пристрою, – сказала Мойра. – Здесь все трудоемкое как я не знаю что, а лаборанта мне что-то никак не пришлют.

– Я думал, у вас все автоматизировано.

– Если бы Агент подождал лет двадцать, чтобы мы успели отработать технологию генного синтеза, может, так и было бы. Пока что все еще на уровне детского сада. Это верно, мы можем взять файл, – она снова постучала по флешке, – и создать на его основе молекулу ДНК при условии, что у нас есть доступ к некоторым несложным химикатам. Но труда это требует совершенно безумного.

– И, надо полагать, весьма квалифицированного.

– Мой ямайский дедушка работал в машинном отделении военного корабля, – сказала Мойра, – благодаря этому семья в конце концов и оказалась в Англии. Когда я была еще маленькой, он взял меня на экскурсию, мы спустились в машинное отделение, и я увидела саму машину, целиком, без кожуха. Эта штука стояла совершенно голая, всеми деталями наружу, а люди ползали по ней с жестянками, чтобы вручную смазать подшипники и все такое. Вот примерно так мы сейчас синтезируем полные геномы.

– На сегодняшний день, – уточнил Дюб, – это скорее задача для отдаленного будущего, так?

– И слава богу.

– И ты пока просто кое-что подправляешь в уже существующих организмах?

– Да. Только и всего. Тоже не слишком просто, но справиться, я думаю, можно. – Она обвела взглядом помещение. Модуль, внутри которого они плавали, меньше всего напоминал лабораторию. Все внутри было упаковано в пластиковые или алюминиевые короба, заклеенные липкой лентой и снабженные желтыми наклейками. – Прости. Ничего интересного.

Зря сюда шел, получается, да?

– Чем я могу помочь?

– Дай мне хоть немного тяготения! – воскликнула Мойра. Потом рассмеялась: – Можешь себе представить трюки, на которые приходится идти, работая с жидкостью в невесомости? А лабораторная работа вся из этого и состоит.

– Представляю, каково тебе сейчас, – кивнул Дюб. – Все по коробкам, тяжести нет, ничего не работает.

– Ну да, ну да, что-то я расхныкалась. Они ведь организуют для меня бола?

– Я бы скорее рассчитывал на третий тор. Тяжесть, близкая к земной. Много рабочих мест. Штат из трудолюбивых облачников.

– А это твоя задача на сегодняшний день, да? – хмыкнула Мойра. – Ты же у облачников вроде массовика-затейника?

– Это – моя плата за билет сюда, – ответил Дюб. Он чувствовал, что к лицу приливает жар, и предупредил себя: не говори ничего, о чем потом пожалеешь. – Никто не попадает сюда без билета. Теперь, когда он оплачен, нужно сделать так, чтобы это было не напрасно.

Мойра, видимо, почувствовала, что зашла слишком далеко. Она молчала и не поднимала взгляда.

– На сегодня, – сказал Дюб, – у нас остался год.

Часть вторая

День 700

В день 700, известный также как А+1.335 (один год и триста тридцать пять дней с момента разрушения Луны), Облачный Ковчег выглядел с Земли словно яркая бусина на серебряной цепочке. По причинам, которые доктор Дюбуа Джером Ксавье Харрис попытался изложить в своем монологе на борту Капли-2 в А+1.0, истинное облако из капель – или рой – вокруг «Иzzi» оказалось бы дорогим удовольствием в смысле расхода топлива. Значительно дешевле, да и надежней, было расположить капли впереди или позади станции на той же орбите, словно вереницу утят с мамой-уткой посередине. Для капли, уже занявшей свое место в цепочке, необходимость его изменить означала маневр, совершенно изумительный по сложности с точки зрения вновь прибывающих членов так называемого Регулярного населения.

Собственно капли – то есть молодые люди, избранные в ходе Жребия, прошедшие почти два года в тренировках по управлению каплями и тому, как в них жить, и отправленные наверх именно с этой целью, – могли его выполнить с закрытыми глазами. В День 700 на орбите их было тысяча двести семьдесят шесть человек, и еще примерно двадцать пять прибывали ежедневно в рамках активизировавшихся под конец запусков. Их отправляли в пустые капли, дожидавшиеся в голове или хвосте цепочки. Капли, в свою очередь, запускались по отдельности тяжелыми ракетами примерно по четыре штуки за день. Поскольку капля состояла в основном из пустоты и по сравнению с грузоподъемностью ракеты, способной нести ее объем, весила очень мало, их загружали витаминами от бойлерной и до самой передней. Прежде чем заселять каплю, витамины следовало выгрузить и складировать. Опись груза для каждой капли была своя. Некоторые целиком заполнялись сжатым газом – скажем, азотом, который будет впоследствии использован для удобрений. В других ассортимент оказывался настолько разнообразным и произвольным на вид, что годился для небольшого базара: медикаменты, артефакты культуры, микроэлементы, печатные платы, запчасти для двигателей Стирлинга, инструменты, личные вещи капли и в одном примечательном случае – даже «заяц», впрочем, не переживший полета. Если не считать «зайца»,

отправившегося напрямик в морг, где содержались и остальные покойники, все это требовалось разгрузить, поставить на учет и отправить на склады. На каждой капле имелось место для хранения груза, так что складирование в известной степени было распределенным – в соответствии с фундаментальным принципом всей архитектуры роя. Объемный груз, например газы, закачивали во внешние цистерны или в надувные мешки – те, что поменьше, крепились на капли, крупные отправлялись на периферию «Иzzi», где служили дополнительной защитой от радиации и микрометеоритов. Так называемые «сухие» грузы подобным же образом хранились «снаружи» в сетчатых мешках до той поры, когда в них возникнет потребность. «Внутренние» помещения, которых постоянно не хватало, использовались только для живых организмов и таких грузов, которым требовалось тепло или воздух. Так что по сравнению с тем, как «Иzzi» выглядела изнутри год назад, сейчас там было очень чисто и аккуратно.

Те, кто не был избран в Жребии и не прошел подготовку каппи, считались Регулярным населением. Оно состояло из ста семидесяти двух человек. Это количество росло очень медленно, поскольку всех, кто обладал достаточной квалификацией и в силу этого требовался наверху, должны были давно уже туда запустить. Каждая новая кандидатура в члены Регулярного населения вызвала на Земле серьезные политические баталии. Соглашение Кратерного озера в целом зафиксировало схему Облачного Ковчега, население которого в основном выбиралось Жребием. Было очевидно, что потребуются также и опытные специалисты, так что отправка скаутов и пионеров особых споров не вызвала. В конце концов, концепция Регулярного населения, или «регуляров», была вписана в Соглашение Кратерного озера именно с этой целью. Такие люди, как Рис Эйткен, Луиза Сотер, Дюбуа Харрис, Мойра Крю и Маркус Лойкер, полетели наверх согласно «пункту о регулярах», потому что многое знали и умели. Однако на каждого улетевшего внизу приходились сотни человек примерно такой же квалификации, и некоторые из них сочли нужным пожаловаться своему конгрессмену, канцлеру, президенту или диктатору. Возникло столько политических осложнений, что поток новичков превратился в скудную струйку. Распределение оставшихся вакансий для «регуляров» прибрали к рукам национальные правительства. Заполнялись эти вакансии неохотно, и каждая требовала сложной подкованной торговли.

Как каппи, так и регулярам было свойственно недооценивать «дистанцию», разделяющую «Иzzi» и каплю, которая могла быть от нее в нескольких километрах впереди или позади.

Сложности перемещения между каплями можно было в основном преодолеть, если физически присоединить их к общей структуре, задав тем самым жесткий строй. Во всяком случае так могло показаться кому-то, не слишком сведущему в законах орбитальной механики. Реальность заключалась в том, что капля, пристыкованная к ферме на самом конце правого или левого крыла «Иzzi», не находилась на законной с точки зрения физики орбите. Предоставленная самой себе – иными словами, свободная от фермы и от сил, которая та к ней прикладывала, – капля сблизилась бы с «Иzzi», пересекла ее орбиту, снова удалилась бы и опять сблизилась на следующем витке, следуя тому же девяностотрехминутному циклу, который отсчитывало движение на орбите самой «Иzzi». Капля, пристыкованная в зените «над» «Иzzi», пыталась бы замедлиться и отстать, пристыкованная в надире «под» станцией – убежать вперед. Поскольку ферменная конструкция не позволяла этому случиться, выполняя тем самым свою основную функцию удержания всех модулей и капель в фиксированном положении, она испытывала дополнительную нагрузку, передавая каплям усилие, не позволяющее им лететь куда им хочется. Люди в каплях обнаружили бы, что дрейфуют относительно них, пока не врежутся в стену, поскольку назначенные им сэром Исааком Ньютоном траектории вступают в противоречие со структурой «Иzzi». Чем больше разрасталась «Иzzi» и чем больше модулей и капель к ней присоединялось, тем сильнее становились нагрузки, и тем ближе вся структура была к тому, чтобы разрушиться под их воздействием.

Имелась и еще одна, даже более важная причина ограничить разрастание «Иzzi». Заключалась она в том, что станция использовала Амальтею в качестве щита.

Первоначальную орбиту станции выбрали в результате очень тщательных расчетов. Чуть ниже – и более плотный воздух заставит ее слишком быстро терять высоту. Чуть выше – и возрастет опасность микрометеоритов. Дело в том, что летящие в пространстве камни под воздействием атмосферы теряют орбитальную высоту точно так же, как и сама «Иzzi». И это хорошо – атмосфера втягивает их и уничтожает, оставляя «Иzzi» простор для движения. Высота в четыреста километров представляла собой золотую середину между «слишком низко» (под действием атмосферы станция будет терять высоту) и «слишком высоко» (атмосфера чересчур разрежена и не выметает из пространства все камни).

Когда несколько лет назад впереди «Иzzi» появилась Амальтея, ситуация изменилась в лучшую сторону. Потеря высоты уменьшилась из-за возросшего баллистического коэффициента, а большую часть

микрометеоритов теперь принимал на себя массивный железоникелевый бампер.

Однако Белые Небеса означают, что камней на пути станет значительно больше. Крупные можно обнаружить издалека и уклониться, но мелкие способны нанести значительный ущерб, так что всем наиболее важным компонентам «Иzzi» следовало укрыться за Амальтеей и сбиться в кучку непосредственно за ней. Отдельные камни могут явиться с любого направления, но в целом движение лунных обломков относительно «Иzzi» окажется больше похоже на ветер. Под этот ветер и будет подставлена Амальтея.

Но Амальтея не сможет защитить части «Иzzi», выступающие наружу из-за ее силуэта. Дине и другим сотрудникам «Арджуны» удалось несколько «расширить» астероид, вырезая пласты металла и потом поднимая их, словно выпущенные закрылки у самолета, чтобы увеличить защищенный контур, но у этой технологии был предел. В какой-то момент расширение станции пришлось прекратить и «зафиксировать контур»; это означало, что форма и размер «Иzzi» теперь определены окончательно, и произошло это в А+1.233. С тех пор им удалось всунуть некоторое количество дополнительных модулей внутрь контура или же, где это было невозможно, заполнить щели сетками и надувными мешками с запасами. Дополнительные запасы теперь крепились в незащищенном пространстве снаружи контура. Но к самой «Иzzi» больше ничего не пристраивали. Расти назад она тоже не могла, поскольку защитная «тень» Амальтеи была не бесконечной – болиды могли «обогнуть» астероид, их траектории не обязаны быть параллельными. В любом случае сзади были маршевые двигатели, а по сравнению с ракетным выхлопом даже адское пламя покажется прохладным ветерком.

Амальтею теперь тоже окружали фермы, крепившиеся прямо к железоникелевой поверхности посредством кронштейнов, приваренных или прикрученных к ней роботами Дины. Из этой мешанины торчал вперед хоботок, на котором располагался пучок радаров и антенн связи. Ближайшие капли – числом семь, соединенные в шестиугольную структуру – держались примерно в километре впереди: на таком расстоянии струи горячего газа при запусках их двигателей не должны были повредить антенны. Другие гептады, как назывались структуры из семи капель, располагались еще дальше вперед, примерно с тем же интервалом. В какой-то момент пунктир истончался, гептады сменялись триадами – треугольниками из трех капель, а еще дальше следовали одиночки.

Подобное истончение наблюдалось и позади «Иzzi», хотя расстояние

до первой гептады в силу угрозы, которую представляли маршевые двигатели станции, было побольше. Каркасы триад и гептад были устроены по принципу «Лего», позволяя соединять капли между собой без особых хлопот; сквозь фермы шли хомячьи трубы, так что люди и материалы из пристыкованной капли могли легко перемещаться в другие капли на том же каркасе. Рядом также плавали переходники, позволяющие стыковку нос к носу, но оказалось, что они не столь полезны, как каркасы триад и гептад.

Ближе к концу цепочки нередко попадались бола. Каждый из них вращался вокруг своего центра тяжести – точки соединения двух тросов, – двигаясь при этом по той же орбите, что «Иzzi» и остальные капли. Впрочем, сейчас бола-стыковки проводили в основном для тренировок. До Белых Небес оставалось всего около трех недель. Столько времени капли могли прожить и при нулевой тяжести. Бола и искусственное тяготение, близкое к земному, предназначались в долгосрочном масштабе людям, которые будут жить в каплях всю жизнь, так что им потребуется сила тяжести, чтобы укреплять и сохранять кости, зрение и другие функции тела, страдающие от невесомости.

Облачный Ковчег проходил полный цикл смены дня и ночи каждые девяносто три минуты. Время в космосе не было привязано ни к чему конкретному, и МКС давно уже жила по времени Гринвича, известному также как «универсальное», в качестве разумного компромисса между Хьюстоном и Байконуром. Облачный Ковчег унаследовал эту схему, поэтому День 700 начался ровно в полночь согласно Королевской обсерватории в Гринвиче, или в A+1.355.0 по часам Облака. Около трети его обитателей проснулись в этот момент, чтобы приступить к шестнадцатичасовой смене. Остальные проснутся в A+1.335.8, или «точка-8», и в «точка-16». Такая система гарантировала, что в любой момент бодрствует около двух третей населения. Бодрствующий человек потребляет больше кислорода и выделяет больше тепла, чем спящий, поэтому пиковые нагрузки на системы жизнеобеспечения станут меньше, и, соответственно, Облачный Ковчег будет способен принять больше людей, если их циклы бодрствования и сна распределены равномерно. Триады оказались столь популярны именно потому, что каждая капля могла жить по одной из этих трех смен, выключая свет и соблюдая тишину согласно собственному расписанию. В гептадах в принципе использовалась та же схема – в любой момент две капли находились в режиме сна, а одна, в середине каркаса, несла «круглосуточное дежурство».

Дюб попросил себе и получил третью смену, так что он жил в режиме

примерно того же часового пояса, что Амелия, Генри и Гедли на западном побережье США. Вчера он проснулся в точка-16, то есть в Лондоне было четыре часа дня, а в Пасадене – восемь утра. Поэтому, когда пробило А +1.355.0 и началась первая смена нынешних суток, он уже был на ногах восемь часов и чувствовал, что неплохо бы вздремнуть. Однако он знал, что в результате уснуть в точка-8 будет трудней, поэтому решил, как обычно, перетоптаться.

Обнаружив, что мозги соображают недостаточно хорошо, чтобы разобраться в последних пришедших из Калтеха данных по продолжающемуся экспоненциальному разрушению лунных обломков, он отправился в «спортзал», то есть в модуль, где находились несколько тренажеров. Чтобы занимающиеся в невесомости с них не улетали, тренажеры оборудовались поясными ремнями и стропами, которые тянули человека «вниз», прижимая его к ленте тренажера: так он получал шанс дать реальную нагрузку ногам. Предполагалось, что это нужно костям и мышцам. Амелия каждый раз спрашивала в мейлах, упражнялся ли он сегодня, и Дюбу было приятно ее порадовать, отвечая «да».

Через несколько минут, проведенных Дюбом на тренажере, к нему присоединилась Луиза Сотер, которая была в первой смене и только что проснулась. Она предпочитала «побегать» с самого утра, так что они встречались здесь уже не впервые. К стенам цилиндрического модуля крепились шесть тренажеров; ноги занимающихся были направлены «наружу», а головы, соответственно, к центру модуля, словно спицы в колесе, оказываясь довольно близко, так что было совсем несложно поддерживать разговор. Для общительных экстравертов наподобие Дюба и Луизы это было замечательно; те, кто предпочитал уединение, обычно надевали наушники и не отрывали взгляда от книги или планшета.

– Ты *был* в Венесуэле, когда собирал каппи? – спросила Луиза.

То, как она подчеркнула слово «*был*», означало, что Венесуэла является совершенно очевидной темой для беседы – такой, о которой мало-мальски информированный человек просто не может не заговорить с утра пораньше. Дюб понятия не имел, почему. В последнее время он часто слышал в разговорах упоминание Куру – космодрома во Французской Гвиане, откуда европейцы, а иногда и русские, запускали тяжелые ракеты. За два года он сделался одним из самых важных мест запуска капель и грузов. У Дюба имелось смутное чувство, что там что-то происходит и это – повод для беспокойства.

Однако мысли его были направлены совсем в другую сторону – на Персиковую Косточку и ее богатых железом «потомков». Их все еще можно

было разглядеть сквозь густеющую тучу каменных обломков. Когда начнутся Белые Небеса, они полностью исчезнут в облаке пыли и на какое-то время скроются от Дюба. Так что он наблюдал ПК1, ПК2 и ПК3, пока их еще было видно, максимально точно фиксировал орбитальные параметры, делал снимки в высоком разрешении. Любопытней всех была ПК3. Она представляла собой затвердевший железный шар, по составу похожий на Амальтею. Диаметр шар был около пятидесяти километров. С одной его стороны имелась расщелина размером примерно в Большой каньон, очевидно, сформировавшаяся при столкновении, вырвавшем кусок коры, пока шар еще не совсем застыл. Дюб назвал ПК3 Расщелиной.

– Дюб? Ты меня слушаешь? – потребовала Луиза. – Я уже думала переключиться на «Дюб! Дюб! Вызывает Земля!».

– Извини, – встрепнулся Дюб. Он все это время грезил наяву, думая о трещине на боку Расщелины, пытаюсь представить себе, как она выглядит изнутри. – Что ты там спрашивала?

– Венесуэла, – повторила Луиза. – У тебя была туда вылазка за живым товаром?

– Нет, – ответил Дюб. – Самое близкое – Уругвай. Не сказать чтобы совсем рядом. И к тому моменту я уже здорово вымотался.

– Отчего ты вымотался?

Эта Луиза!

– Слишком много вылазок? – продолжала она уточнять. – То есть это было физическое истощение? Или скорее эмоциональное, а то и даже духовное?

– Просто вымотался, – повторил он. – Это нелегкое дело. Забирать молодежь – причем самых лучших – у родителей.

– Но ты же делал это из благих побуждений, так?

– Луиза, к чему ты сейчас клонишь?

– Тебе известно, что сейчас происходит у побережья Куру? – ответила она вопросом на вопрос.

– Нет, – отрезал он.

– Считаешь, что давно съехал?

– Я каждый день на связи с семьей. Помимо этого? Да, Луиза, я уже съехал с Земли. Милое место. Приятные люди. Но я должен заниматься тем, что будет дальше.

– Как и все мы, – кивнула Луиза. – Но нельзя не признать, что происходящее в эти последние три недели на Старой Земле может отразиться и здесь, на Новой.

– Да что там, наконец, такое творится?

– Судя по всему, ни один из семидесяти пяти венесуэльцев, выбранных при Жребии, так до сих пор и не в космосе, – ответила Луиза.

– Ты же знаешь, что конечное соотношение оказалось примерно один к двадцати, – возразил Дюб.

Иными словами, из каждых двадцати кандидатов, отобранных в Жребии и отправленных в тренировочные лагеря, на Ковчеге оказался лишь один. Гордиться тут особо нечем. Однако это максимум того, что пока удалось добиться, и еще оставалась надежда, что соотношение увеличится до одного из пятнадцати, а то и из десяти, когда пойдет волна последних запусков.

– Да. И венесуэльцы тоже знают. И утверждают, что поэтому на орбите сейчас должно быть трое или четверо их соотечественников.

– Статистика так просто не работает.

– Они как-то не производят впечатления знатоков статистики.

– Политика, – вздохнул Дюб.

– Понимаю тебя, дорогой, – усмехнулась Луиза. – И не сказать чтобы совсем несогласна. Но хочу предупредить, что словом «политика» технари часто пользуются, чтобы обозначить свое недовольство самыми обычными человеческими качествами, нарушающими их стройную систему.

– После факультетских собраний в Калтехе не могу не согласиться, – подтвердил Дюб. – Но я все-таки о другом. Сама система отбора кандидатов в Венесуэле была откровенно политической. В большинстве стран идею Жребия не стали воспринимать буквально. В нем присутствовала случайность, это верно, но выбирали они из самых лучших. Венесуэльцы так поступать не стали. И в результате послали деревенских ребят, выбранных действительно совершенно случайным образом. Многие из них с точки зрения личных качеств оказались очень достойными людьми. Если бы это зависело от меня, кто-то из них был бы сейчас здесь. Но выбираю не я. А те, кто выбирает, смотрят совсем на другое – математические способности и все такое. Поэтому, как бы мне ни было грустно, что венесуэльцы оказались последними в очереди, ничего удивительного я в этом не нахожу.

– Три недели назад на остров Дьявола стали прибывать люди на катерах, – сказала Луиза. – Они отказываются его покидать.

– Это же что-то вроде тюрьмы, – удивился Дюб. – Зачем кому-то...

– Там действительно раньше была французская тюрьма, – согласилась Луиза. – Которую давно закрыли. Сейчас на острове почти никто не живет. Однако взлетающие с Куру ракеты проходят прямо над ним. Так что при каждом запуске остров эвакуируют.

– Его должны были эвакуировать раз и навсегда, учитывая, сколько там всего сейчас летает.

– В последние два года так оно и было. Но теперь кучка людей поставила там палатки и отказывается уезжать.

– Подозреваю, что французы и русские просто продолжили запуски. – По сути дела Дюб *знал*, что так и есть, поскольку видел постоянно прибывающие с Куру капли и грузовые корабли.

– Да. На тот момент оккупация была скорее символическим жестом.

– Захватчики, я так понимаю – венесуэльцы.

– Да. От Венесуэлы до Французской Гвианы доплыть на катере достаточно легко – несколько сот километров вдоль побережья.

У Дюба в памяти что-то шевельнулось.

– Все это как-то связано с не пришедшим вчера грузовиком?

– И позавчера тоже. Пусков с Куру не было уже два дня, сейчас третий.

– Это не может быть из-за каких-то сквоттеров на острове Дьявола, – покачал головой Дюб, и в шутку добавил: – Разве что у них с собой ракеты «земля – воздух».

Луиза ничего не ответила.

– Ты что это, серьезно, что ли? – воскликнул Дюб.

– Дело даже не столько в тех, кто на острове Дьявола, а скорей в блокаде, – сказала Луиза, протягивая Дюбу свой планшет. На экран она вывела что-то вроде аэрофотосъемки – вероятней всего, снимали из иллюминатора вертолета. На переднем плане находился знакомый Дюбу стартовый комплекс Европейского космического агентства. От Атлантического океана его отделяли километра два плоской равнины, опоясанной по краю невысоким прибрежным кустарником. Вдали, в нескольких километрах от берега, виднелись три небольших островка; Дюб заключил, что один из них и есть остров Дьявола.

Море между берегом и островками буквально кишело судами – в основном мелкими, но виднелось также несколько старых сухогрузов, большой и сильно потрепанный нефтеналивной танкер, а также несколько кораблей, которые, Дюб мог поклясться, были военными.

– Когда сделан снимок? – спросил он.

– Несколько часов назад.

– Вон те корабли – военные?

– ВМФ Венесуэлы отправляется в поход для *наведения порядка*.

– И насчет ракет «земля – воздух» ты тоже серьезно?

– Пираты, прибывшие на нефтяном танкере, объявили, что у них имеются «стингеры» и что они их применят против следующей ракеты,

которая попытается взлететь с Куру.

– Бред какой-то, – покачал головой Дюб.

– Политика, – повторила Луиза. – Хотя мы ведь предполагали, что нечто подобное обязательно случится?

– Доброе утро, уважаемые доктора, – произнес новый голос. Он принадлежал Айви Сяо, всплывающей в модуль, чтобы приступить к собственной серии «утренних» упражнений.

– Доброе утро, уважаемый доктор, – ответили в унисон Луиза и Дюб, хотя для Дюба это уже был вечер.

– Кажется, кто-то здесь произнес неприличное слово на букву «П»?

– Именно, – подтвердила Луиза. – Мы как раз говорили о тебе, дорогая.

Дюб был шокирован, но Айви лишь радостно рассмеялась.

Примерно восемь месяцев назад Айви на ее посту сменил Маркус Лойкер, пилот швейцарских ВВС, альпинист и астронавт. Или, если точнее, для Маркуса создали новый пост, упразднивший необходимость в прежней должности Айви. «Иzzi» была уже не просто «Иzzi»; теперь она стала комбинацией из флотилии капель и огромного комплекса, в который превратилась сама. Следовательно, требовалась и новая командная иерархия. Человек, ставший в ее главе, скоро станет самым могучим властителем за всю историю человечества – в том смысле, что ему или ей будут подчиняться сто процентов живущих на свете людей. Такая работа существенно отличалась от того, чтобы быть первой среди двенадцати равных на борту Международной космической станции два года назад.

Тем не менее Айви справилась бы и с ней. Никто из знавших ее в этом не сомневался.

Но ее все равно заменили. В определенной степени причиной была глобальная политика. Если бы во главе Облачного Ковчега встал представитель США, России или Китая, это было бы воспринято как провокация теми двумя державами, которые «проиграли». Следовательно, нужен был кто-то из маленькой страны. Желательно – имеющей репутацию политически независимой. Список кандидатов тем самым сокращался практически до одного человека: Маркуса Лойкера. Темной лошадкой была Ульрика Эк, шведский капельмейстер и менеджер, которую отправили на «Иzzi» одновременно с Маркусом, хотя и в другой ракете, на случай, если одна из них потерпит аварию. Однако никто всерьез не ожидал, что выбор падет на Ульрику. Назначение Маркуса объяснили его динамичным лидерским стилем, его харизмой и прочей управленческой белибердой, которая, как все понимали, в сухом остатке означала лишь то, что Маркус –

мужчина.

Репутация Айви в глазах русских, как и многих чинов в иерархии НАСА, была испорчена тем, что она не обошлась с Шоном Пробстом как-нибудь посуровей. Это была не единственная причина для недовольства, но все остальное кристаллизовалось именно вокруг нее. Как только к Айви начали относиться, как к слишком уж оторванному от реальной жизни технократу, пусть благонамеренному, но слабоватому в коленках, все ее действия стали рассматриваться сквозь эту призму. Спасение Диной Феклы было изучено, так сказать, через ретроспектоскоп и было признано очередным проколом Айви, которая не смогла обеспечить должную дисциплину. Прибывающие на «Иzzi» новички были подготовлены дискуссиями в Интернете и телекомментаторами к тому, что в лице Айви обнаружат слабого лидера, в результате это стало самосбывающимся пророчеством. Удачные испытания Бола-1, которые при других обстоятельствах укрепили бы позиции Айви, восприняли чуть ли не как буквальную передачу полномочий Маркусу. Всякий раз, как Ульрике представлялась возможность сказать что-нибудь в поддержку Айви, та предпочитала промолчать, неясно – по рассеянности или чтобы укрепить собственное положение второго номера.

Так или иначе, причина явно лежала в политической плоскости. Дюб избегал затрагивать подобные темы в присутствии Айви, опасаясь, что может выйти неловко; он сперва ужаснулся, когда Луиза брякнула все открытым текстом, а потом пришел в восторг, когда Айви лишь рассмеялась в ответ.

«Люди, люди...»

– Что у тебя сегодня в расписании? – спросила ее Луиза.

– Зароюсь в таблицы, – ответила Айви. – Надо прикинуть, чего нам может стоить потеря Куру.

– Только таких палок в колеса нам и не хватало, – пожаловался Дюб.

– Это точно, – кивнула Айви, – однако в каком-то странном смысле я даже чувствую... – она не закончила фразу.

– Радость? Облегчение? – попыталась угадать Луиза.

– Будто наконец выстрелили из стартового пистолета, – сказала Айви. – Мы к этому готовились почти два года. Ждали катастрофы. Опасались, что все полетит к чертям. И наконец дождались-таки. Хотя и не той катастрофы, которой ждали.

– А какой ждали? – уточнила Луиза.

– Что в нас попадет болид и будут многочисленные жертвы, – ответила Айви. – Вместо этого случилось нечто неожиданное. В известном смысле

это тоже хорошая тренировка.

– Как там твой дружок? – поинтересовалась Луиза.

Дюб выключил тренажер и расстегнул ремень, соединявший его со стропами. Он был единственным мужчиной в помещении, где две женщины собирались обсудить партнера одной из них. Дюб понял намек и собрался исчезнуть.

– Замолчал два дня назад, – ответила Айви. – Скорее всего означает, что он погрузился.

– Наверняка они скоро всплывут за воздухом, – заметила Луиза. – А он может посылать мейлы, когда лодка под водой? Я про такое ничего не знаю.

– Существуют способы... – начала отвечать Айви, но Дюб уже выплыл из модуля.

Он двинулся вдоль Стержня к корме, пока не достиг Х2, откуда по одной из спиц перебрался во вращающийся тор Т2, строить который прилетел наверх Рис Эйткен. Тяжесть здесь была $1/8 g$. Спроектированный в качестве отеля для космических туристов, Т2 никогда полностью не удовлетворял потребностям Облачного Ковчега, поэтому перед Рисом поставили задачу построить еще один тор, концентрический с Т2 и неизбежно получивший обозначение Т3. Поскольку Рис был не из тех, кто поживает на лаврах, для строительства он разработал совершенно новую систему. Которая (что совершенно не удивило Дину) заключалась в том, чтобы собрать длинную кольцевую цепь из высокотехнологичных звеньев и привести ее во вращение вокруг Т2, а потом уже постепенно добавлять к ней прочие компоненты. Новый тор вращался вокруг того же хаба с тем же числом оборотов в минуту, но поскольку он был больше размером, искусственное тяготение тоже было несколько больше и примерно равнялось лунному. На Т3 располагался ближайший аналог капитанского мостика на всем Ковчеге – десятиметровый сегмент, в котором Маркус устроил свой штаб. Были попытки дать ему гордое имя наподобие «командного центра», но по большому счету это была всего лишь более продвинутая версия «банана» – комната для совещаний с экранами на стенах и розетками для планшетов.

На «Иzzi» не было рубки. Не было и систем управления в традиционном смысле. Ни штурвала, чтобы направлять ее через космос, ни педали газа. Просто умопомрачительный набор реактивных двигателей, управляемых через веб-интерфейс, который можно открыть на любом планшете, если знаешь нужный пароль. Таким образом, рубка, мостик и командный центр могли находиться где угодно. Помещение, которое выбрал Маркус, получило в народе название «Бункер». С одной стороны от

Бункера находился маленький кабинет, служивший Маркусу святая святых. Комнату побольше по другую сторону разделили перегородками на отдельные рабочие места для тех, кто трудится вместе с Маркусом, так что она стала на удивление похожа на обычный офис где-нибудь в пригороде. Примерно десять минут она носила имя «Офисный парк», после чего название сократили до просто Парка. По другую сторону от Парка шел лабиринт комнатушек, где можно было перекусить или воспользоваться туалетом.

Дюб обнаружил, что зачастую в Парке меньше людей, чем где бы то ни было на «Иzzi» – просто потому, что никому как-то не приходило в голову туда вот так запросто отправиться. Тяжесть шла на пользу костям, наличие под рукой кофе и туалетов также было плюсом. Поэтому у Дюба вошло в обыкновение заглядывать туда пару раз в день, чтобы налить себе чашечку, узнать новости и, если вокруг тихо – присесть за свободный столик и поработать.

Он добрался туда примерно в точка-2. Стены Парка, как и соседнего с ним Бункера, были утыканы экранами, которые на насовском жаргоне именовались «ситуационными мониторами». Они служили своего рода окнами, выходящими на различные участки Ковчега и окружающей его местности. Один сейчас показывал Землю под ними, другой – тучу обломков, бывшую ранее Луной, еще один – приближение готового причалить грузовика с мыса Канаверал, следующий – упражнения в боластыковке, которыми новоприбывшие каппи занимались в нескольких километрах за кормой. Некоторые не показывали ничего, кроме цифр и графиков. Самый большой экран в дальнем конце Парка был в основном занят зернистым изображением, идущим из какой-то области земного шара, где сейчас была ночь. Согласно наложенной снизу надписи, это была «Куру, Французская Гвиана». Получив информацию, на которую можно опереться, Дюб сумел восстановить и всю сцену: созвездие огней на многотысячной армаде катеров, присоединившихся к «Блокаде народной справедливости», а на заднем плане – значительно более упорядоченные сооружения космопорта, где на одной стартовой площадке сейчас стоял «Ариан», а на другой «Союз», готовые к запуску, но не взлетающие из-за угрозы «стингеров».

Между камерой и огнями космодрома скользнул силуэт военного вертолета.

Шла передача круглосуточного канала новостей. Бегущая строка внизу экрана сообщала меняющуюся каждые несколько минут СФБ, или скорость фрагментации болидов, которая равнялась нулю в А+0 и с тех пор

непрерывно росла; именно это число, проскочив через изгиб своей экспоненциальной кривой, ознаменует начало Белых Небес. Телеканалы неотрывно за ним следили. Появилось соответствующее приложение для телефонов. Бар в Бостоне начал предлагать напитки со скидкой в честь конца света каждый раз, когда это число достигало определенного значения; акцию подхватили многие другие заведения.

Над бегущей строкой небольшая видеоврезка показывала пустую кафедру в зале для брифингов Белого дома. Очевидно, ожидалось официальное сообщение.

Дюб присел за один из столов, проверил почту, затем попытался вернуться к основной на данный момент задаче: докладной записке о распределении богатых металлом фрагментов Луны, каким образом их можно достичь и использовать и почему все это важно для руководства Облачного Ковчега. Не успел он закончить несколько фраз, как краем глаза заметил движение на большом ситуационном мониторе. Он поднял взгляд и встретился глазами с президентом Соединенных Штатов.

Джей-Би-Эф смотрела прямо в камеру, или, вернее, в телесуфлер перед камерой, и делала какое-то короткое заявление. Вид у нее был крайне недовольный.

К лацкану президентского костюма была приколата ленточка. Все важные персоны последний месяц носили такие ленточки, так что они начали приобретать популярность и среди обычных людей как символ солидарности с миссией Ковчега. Ресурсы, затраченные на выбор расцветки, были сопоставимы с валовым национальным продуктом средних размеров государства. Сошлись на тонкой красной линии по центру, символизирующей кровную связь с человечеством, окруженной белыми полосами, символизирующими звезды, окруженными зелеными полосами, символизирующими экосистемы, которые обеспечат выживание каппи, окруженными синими полосами, символизирующими воду, окруженными, наконец, черными полосами, символизирующими космос. Сколь сложным оказался результат, столь же оживленной была и дискуссия, итогом которой он стал. Черный цвет был цветом смерти для европейцев, белый – для китайцев, и так далее. Получившийся дизайн травмировал вообще всех. Он утек в Интернет как «официальный», несмотря на то что комиссия, на которую был возложен выбор, вошла в мертвый клинч и продолжала изучать двенадцать вариантов дизайна, разработанных школьниками со всего земного шара. Фабрики в Бангладеш начали гнать продукцию километрами, ленточки появились в киосках и сувенирных лавках от Таймс-сквер до площади Тяньаньмэнь, мировые лидеры

подчинились вердикту и тоже их надели. Президент приколола свою к лацкану булавкой, на которой был простой диск из бирюзы в платиновой оправе. Синий диск на белом фоне должен был напоминать об озере посреди ноябрьских снегов. Он служил визуальной эмблемой Соглашения Кратерного озера; если у Облачного Ковчега и был флаг, то именно такой.

Звук был выключен, так что Дюб не слышал, что говорит Джей-Би-Эф, однако догадаться было несложно, а несколько секунд спустя основные тезисы начали появляться и в бегущей строке. Так называемая «Блокада народной справедливости» не имеет ничего общего с народом, она целиком спланирована и организована правительством Венесуэлы. Это постыдное политическое шоу ставит под угрозу наиважнейшую задачу строительства Облачного Ковчега. Утверждение, будто Белые Небеса – выдумка, которое ранее нашептывали отдельные личности и которое теперь открыто повторяет правительство Венесуэлы, не соответствует действительности. Блокада не является мирным актом гражданского неповиновения, как пытаются убедить всех ее симпатизанты; несколько часов назад на побережье Французской Гвианы началась высадка вооруженных интервентов, атаки которых отражает французский Иностраннный легион при поддержке многонациональных сил, в том числе американских и российских морских пехотинцев. Дюб, который из всех сил пытался сейчас разобраться, как переключаются каналы, не мог избавиться от иррационального ощущения, будто Джей-Би-Эф смотрит прямо на него; отчасти он затем и отправился наверх, чтобы от этого укрыться.

Кто-то из хьюстонских пиарщиков вызвал его через видеочат, который Дюб не сообразил отключить. Пиарщик сумел уболтать Дюба, чтобы тот потратил ближайший час на запись небольшой проповеди о том, как все жители Земли должны объединиться в своей поддержке наиважнейшей миссии Облачного Ковчега, с обязательной конкретизацией вреда, который этой миссии наносит блокада Куру. Дюб всем своим существом хотел послать его подальше, но не мог отказать человеку, которому осталось жить три недели.

Дюб позвонил Айви – на «Иzzi» теперь была собственная мобильная сеть – и выяснил у нее некоторые точные цифры, на которые можно сослаться, потом округлил их и впечатал в текст речи. Затем потратил некоторое время, чтобы ввести себя в состояние Дока Дюбуа. Разрушитель его предыдущей семьи, основной добытчик благосостояния, его билет на Облачный Ковчег – Док Дюбуа был личностью, которой ему отныне все реже требовалось становиться. Он казался устаревшим, словно персонаж из телесериала семидесятых. И влезть в его личину теперь было так же

сложно, как в скафандр. Потребовалась целая чашка сладкого кофе. Почувствовав наконец, что готов, Дюб включил видеокамеру на планшете, представился как Док Дюбуа, поприветствовал жителей Земли и зачитал небольшой текст.

Закончив, он отправил файл в Хьюстон. Потом попытался вернуться к докладной, но отвлекся, когда на экране ситуационного монитора вспыхнула красная надпись «Срочные новости», после чего пошли кадры неясных вспышек на темном фоне. На земле Французской Гвианы между периметром космодрома и берегом начались столкновения. Французский Иностраннный легион сражался, вероятно, в последней битве на свете. Однако телекамеры не могли подобраться к происходящему, так что в новостях в основном показывали журналистов, дающих друг другу интервью о том, как им мало что известно.

В самый разгар выпуска с ним снова связался пиарщик из Хьюстона и спросил, не может ли он перебраться в какой-нибудь отсек «Иzzi», где преобладает невесомость, и записать еще одно небольшое видео. Сторонники теории заговора утверждают, что никакого Облачного Ковчега не существует и что это всего лишь набор декораций в невадской пустыне. Каждое видео, записанное в помещениях космической станции с искусственной силой тяжести, они используют в качестве доказательства и уже набрали в соцсетях миллионы подписчиков.

Дюб сказал, что попробует, и покинул Парк. Здесь все равно ничего не происходило, Маркус был сейчас где-то еще. Спустившись по спице в X2, Дюб оказался в невесомости.

X2 был самым последним отсеком Стержня – последовательности модулей вдоль центральной оси «Иzzi», – пока несколько недель назад запущенный с Куру Камбуз не пристыковался к нему сзади. Основным содержимым Камбуза был большой кислородно-водородный реактивный двигатель, который должен взять на себя основную часть работы по коррекции орбиты «Иzzi». Дальше расширять станцию назад было нельзя, поскольку на этом расстоянии любые добавления уже оказывались за пределами защитного контура Амальтеи. Велось даже подробное обсуждение запасных вариантов на случай, если метеорит попадет в Камбуз и двигатель пострадает.

Повернувшись к Камбузу спиной, Дюб поплыл вперед вдоль Стержня. Из X2 в X1, а оттуда – в старый русский модуль «Звезда». Когда-то он нес по левому и правому борту небольшие фотоэлектрические панели, но их – как и большую часть солнечных батарей «Иzzi» – свернули и демонтировали, чтобы освободить место для других конструкций. На

промежуточной стадии капельмейстерских трудов электричество поступало не от солнечных батарей, а от небольших изотопных элементов, таких же, как и на каплях. Они все еще торчали по разные стороны от станции, мигая красными светодиодами, чтобы предупреждать работающих в открытом космосе и пилотов. РИТЭГи по-прежнему давали много тока, чем было грех не воспользоваться. Однако основным источником электричества теперь стал настоящий ядерный реактор, построенный по образцу тех, что использовались на подводных лодках, – он торчал в надир на длинной палке, прикрепленной к Камбузу. Было множество причин взять на вооружение столь большой электрогенератор, но основной его задачей было производить ракетное топливо, расщепляя воду на водород и кислород. Этим объяснялось местонахождение реактора. На Камбузе располагался большой разгонный двигатель, который и был на «Иzzi» основным потребителем топлива. Камбуз также служил центром комплекса, известного как Верфь, где из присланных снизу комплектов можно было собирать небольшие космические аппараты. После сборки им тоже требовалось топливо.

Спереди «Звезда» заканчивалась большим стыковочным модулем с портами в зенит и надир, к которым до Ноля были пристыкованы научные модули. В некотором смысле традиция сохранилась – модуль стал своего рода центральной пересадочной станцией для того, ради чего создали Ковчег, то есть для сохранения земного наследия. Отправившись отсюда «вверх», в зенит, Дюб попал бы в длинный модуль, в основном состоявший из стыковочных узлов. Там должны были встать (как оно, собственно, и произошло) другие модули, в основном забитые бесценными культурными артефактами, хотя в нескольких находились серверные банки для хранения оцифрованной информации. Не все было одинаково легко запустить в космос – Великая Хартия Вольностей отправилась на орбиту, а вот «Давиду» Микеланджело пришлось остаться на Земле. Значительные усилия были пущены на то, чтобы упаковать тяжелые артефакты в «защищенные от всего» контейнеры и погрузить их на океанское дно или в глубокие шахты, однако Дюб давно уже перестал за подобным следить.

Отправившись вместо зенита «вниз», в надир, Дюб угодил бы в аналогичный лабиринт из модулей. В основном там хранился генетический материал – семена, образцы спермы, яйцеклетки и эмбрионы. Все это требовалось держать в холоде, чего в космосе было не так уж сложно добиться; главным образом требовалась защита от прямого солнечного света, что легко достигалось при помощи почти невесомой металлизированной пленки, и уже в следующую очередь – защита от тепла,

которое могло просочиться от окружающих объектов. Рядом с этим люком Дюб всегда замирал на секунду-другую. Не будучи от природы особо чувствительным, он все же чисто по-человечески не мог не помнить, что где-то там находится его потенциальный четвертый ребенок, их с Амелией эмбрион. Рядом с десятками тысяч других оплодотворенных эмбрионов, ожидающих, когда их разморозят и имплантируют в матку.

Он проследовал в «Зарю», следующий по оси Стержня русский модуль. Мысли об эмбрионах его немного сбили, но он все еще смутно помнил, что собирался в Суеверный шарик, чтобы перезаписать видео. Шарик представлял собой круглое надувное сооружение метров десяти в диаметре с несколькими большими выпуклыми окнами. Попасть в него было можно по хомячьей трубе, идущей от «Зари» в надир, так что окна шара смотрели на Землю. Ульрика Эк вызвала гнев всех до единой религиозных организаций планеты, отказавшись предоставить каждой из них на Ковчеге индивидуальное помещение. Вместо того чтобы запускать по отдельности модуль-церковь, модуль-синагогу, модуль-мечеть и так далее, она выделила всем сразу этот шар, ставший чем-то наподобие молельной комнаты в аэропорту для представителей разных религий. Встроенные проекторы отображали на стенах кресты, звезды Давида или какая там еще требовалась символика в зависимости от проходящей внутри службы. У помещения было какое-то длинное название, неуклюжее, но политкорректное, однако кто-то тут же обозвал его Суеверным шариком, и это имя прижилось.

Означенный кто-то на секунду задержался у ведущей в Шарик хомячьей трубы и услышал в ней слегка потусторонний протяжный голос, призывающий к намазу. Не повезло. Он думал, что Шарик неплохо подойдет для такого рода записи. Придется искать другое место. Проем на противоположной стороне вел к очередной путанице модулей, служивших больничным изолятором. Они заняли большую часть того пространства, где когда-то были солнечные батареи левого борта станции. На самом конце, отделенный задраенным люком, находился еще один модуль, служивший для «Иzzi» одновременно моргом и кладбищем начиная с первого запуска скаутов в А+0.29, когда двое космонавтов прибыли мертвыми. За первые недели, когда смертность была чудовищной, замороженными телами заполнилась почти половина модуля. С тех пор от различных причин скончалось еще четырнадцать человек — одно кровоизлияние в мозг, которое могло с тем же успехом случиться и на Земле, один сердечный приступ, два самоубийства, два отказа оборудования, четверо погибли буквально на днях, когда капля резко

разгерметизировалась от попадания метеорита. Все они, как и мертвый «заяц», также были в морге. О том, где находятся еще четверо, можно только догадываться. Один вышел в скафандре для работы в открытом космосе и просто не вернулся. Оставшиеся трое спали в пристыкованном на дальнем конце хомячьей трубы «Шэньчжоу», когда в аппарат попал болид размером с журнальный столик, и тот фактически испарился. Видео, снятое среди плавающих замороженных трупов, наверняка заставит «правдоискателей» заткнуться – к сожалению, это было бы его единственным достоинством.

В противоположном «крыле», где некогда были солнечные панели правого борта, более или менее симметричным образом располагались модули, приспособленные Регулярным населением для жизни и работы. Из Стержня в них можно было попасть преимущественно через три старых американских модуля – «Юнити», «Дестини» и «Хармони». Как следствие, там постоянно было много людей, перебирающихся из одного конца станции в другой или собравшихся поболтать, словно в курилке.

За «Хармони» находился Узел Икс. НАСА предпочитала выбирать имена для модулей, проводя конкурсы среди школьников, откуда и взялись эти названия: «Единство», «Предназначение», «Гармония». Однако на конкурс для Узла Икс финансирования не хватило, так что он остался по сути безымянным. Конкретного предназначения у модуля никогда не было, и теперь он сделался вотчиной биологов – вернее, центром их деятельности, по мере вывода на орбиту к нему один за другим стыковались биологические модули. Эта часть Стержня уже находилась довольно близко к Амальтее и была как следствие неплохо защищена, так что имело смысл хранить уникальное оборудование генетиков до тех пор, пока не настанет пора его активно использовать, именно здесь. Дюб сунул голову в несколько люков в надежде застать внутри Мойру, потом вспомнил, что она, как уроженка Лондона, в третьей смене и будет спать еще три часа – сейчас было точка-пять, в Лондоне еще не рассвело.

За Узлом Икс шел МОРЖ, значительно больше размером, и его передняя стенка была самым буквальным образом прикручена болтами к Амальтее. Следовательно, это был передний конец Стержня. До Ноля здесь мало кто появлялся. С тех пор тут тоже все разрослось и превратилось в космическую штаб-квартиру «Арджуны». Ее называли также Шахтерским поселком. К МОРЖу добавляли модули, пока у него не закончились стыковочные узлы, а затем фермы и дополнительные модули – как твердые, так и надувные – стали просто крепить к Амальтее сзади.

Дюб уже начисто забыл о задании, полученном от хьюстонского

пиарщика, и решил ненадолго задержаться здесь и узнать, что нового. Вообще-то с любой точки зрения здесь должно быть его самое любимое место во всем Ковчеге. Только Дюб его избегал – оно слишком напоминало о политике, что сильно напрягало и мешало думать. Однако из сегодняшней беседы с Луизой он наконец сделал вывод, что совсем игнорировать политику – не самая мудрая стратегия в долгосрочном плане. Может, ему на нее и наплевать, но вот политике совсем не наплевать на него. Кроме того, здесь работали совершенно замечательные люди – такие, как Дина. Он прекрасно себя чувствовал в их обществе. Надо бы почаще к ним заглядывать. Сейчас до конца его цикла бодрствования оставалось три часа. Грубо говоря, это означало, что наступил вечер. Время прилечь с пивком у телевизора. Лучшей компании, чем шахтеры, для этого не найдешь.

Шахтерский поселок напоминал о политике по двум причинам. Во-первых, что было наиболее очевидным, происхождением своим он был обязан партнерству между государством и бизнесом – который в данном случае представляла компания Шона Пробста, «Арджуна». С этим все было в порядке ровно до тех пор, пока Шон не объявился в Х2 и не принялся, распушив перья, наводить повсюду суматоху. Вторая, значительно более мутная причина – фундаментальные разногласия по поводу того, чем должен стать Облачный Ковчег и как развиваться после Белых Небес. Должен ли он остаться на месте – то есть двигаться примерно по той же орбите, что и сейчас? Перейти на другую орбиту? Остаться плотным роєм или разойтись в стороны? Или вообще разделиться на два роя, если не больше, с тем чтобы каждый попробовал что-то свое? Имелись соображения в пользу каждого из перечисленных сценариев, как и множества других, и многое зависело от того, что же, собственно, будет представлять собой Каменный Ливень.

Поскольку до сих пор Земля еще не подвергалась массивной бомбардировке обломками Луны, не было и способа предсказать, какой она будет. Дюб тратил уйму времени на статистическое моделирование, чтобы понять, к каким сценариям готовиться. Предельно упрощая: если Луна саморазложится на камушки размером в горошину, то наилучшая стратегия – оставаться на месте и особо не заботиться о маневрировании. Болид-горошину трудно обнаружить, пока он не приблизился вплотную, а тогда уклоняться от него уже поздно. Удар его способен продырявить каплю или модуль «Иzzi», но не разнести вдребезги; пострадают люди и оборудование, однако даже в наихудшем случае потери составят лишь модуль и несколько жизней. Напротив, при более вероятном сценарии,

когда Каменный Ливень будет состоять из обломков размером в автомобиль, дом или целую гору, дальнейшее обнаружение будет намного актуальней. Уходить от таких камней не только возможно, но и жизненно необходимо.

Во всяком случае, для «Иzzi». Капле все равно, поразит ее камень размером с теннисный мячик или с целый теннисный корт. В обоих случаях она будет уничтожена. «Иzzi», напротив, в состоянии перенести попадания первых ценой потери нескольких модулей, однако второй уничтожит всю станцию целиком, что, вероятней всего, будет означать медленную смерть и для остального Ковчега. «Иzzi» должна быть в состоянии уклониться от крупного болида.

В воображении неспециалиста при слове «уклониться» возникает что-то вроде футболиста, ныряющего в сторону, чтобы уйти от защитника. Однако капельмейстеры имели в виду значительно более спокойное поведение. «Иzzi» попросту не хватит подвижности. Если бы даже и хватало, рывки в сторону потребуют огромного расхода топлива. В действительности, если представляющий для станции угрозу обломок будет обнаружен с требуемым запасом по времени, она может уйти у него с дороги, включив двигатели настолько мягко, что большая часть обитателей ничего и не заметит. Так что с оптимистической точки зрения «Иzzi» могла бы оставаться неподалеку от нынешней орбиты, время от времени отрабатывая двигателями, чтобы уклониться от приближающихся болидов за несколько часов, а то и суток, до возможного столкновения. Напрашивалась аналогия с океанским лайнером, скользящим через целое поле айсбергов, изменяя курс столь плавно, что пассажиры в кают-компании даже не замечают колебаний вина в хрустальных фужерах.

Естественно, существовали и более пессимистические аналогии, в которых «Иzzi» скорее напоминала быка, которого занесло в самую середину забитого машинами скоростного шоссе. В зависимости от того, кто именно в данный момент проводил аналогию, бык мог также быть слепым и/или хромым.

Какая из аналогий ближе к истине, решалось сейчас в соревновании статистических моделей, в которых переплетались между собой предположения о распределении размеров болидов и границах этого распределения, насколько их траектории будут различаться между собой, насколько надежны окажутся радары дальнего обнаружения и насколько эффективны – алгоритмы, определяющие, какие именно отметки на их экранах представляют опасность.

Где-то посередине между лайнером и слепым быком находится

футболист, которому дали катить тачку.

Неважно, идет ли речь о европейском футболе или американском, в котором игроков защищают шлемы. В любом случае требуется вообразить спортсмена, пытающегося прорваться через эшелонированную оборону соперника. Хороший игрок вполне способен сделать это налегке, но вряд ли справится, если его заставят толкать перед собой тачку с тяжелым булыжником. Под булыжником, естественно, понималась Амальтея, а под тачкой – сооруженный вокруг нее горнодобывающий комплекс. Если ближе всего к истине именно эта аналогия, тачку придется бросить.

Картинка выглядела достаточно ясно и достаточно тревожно, поэтому дискуссия о том, что Амальтею необходимо сбросить, разгорелась еще в День 30. Более уравновешенные аналитики возражали тогда, что если верна аналогия с лайнером, столь радикальное решение не потребуется, а если «Иzzi» – это слепой хромоногий бык посреди шоссе, оно все равно не поможет.

У Дюба было на этот счет определенное предубеждение – откровенно говоря, связанное с неким замороженным эмбрионом, – и заключалось оно в том, что Шахтерский поселок необходимо сохранить любой ценой. Попытавшись на время оставить предубеждение в стороне и взглянуть на модели и данные предельно объективно, он пришел к выводу, что еще совершенно ничего не ясно. Как следствие, технические дискуссии пока что бесполезны, разве что позволяют выяснить предубеждения дискуссионщиков. И вот здесь лично ему стало довольно трудно в них участвовать – Дюб не мог взять в толк, как его оппоненты могут иметь какие-то другие взгляды. Зачем кто-то вообще захочет отказаться от Шахтерского поселка? Что у него в голове? О каком будущем для Облачного Ковчега, да и для всего человечества, можно говорить без этого оборудования и этих возможностей?

Так или иначе, отголоски спора ощущались во многих совершенно тривиальных на вид аспектах программы Облачного Ковчега. Если «Иzzi» будет маневрировать вместе с Амальтеей, требуется прочная структура, соединяющая астероид со станцией. Формулируя то же самое по-другому, чем прочней структура, тем на более героические маневры способна станция. Способность выполнять подобные маневры повышает шансы выживания «Иzzi», поэтому любые запросы на работы по усилению структуры можно автоматически считать обоснованными. И, наоборот, слабая структура означает пониженную способность к маневрам, и это повышает вероятность того, что для выживания Шахтерский поселок придется сбросить. Спрашивается, зачем тогда тратить и без того

ограниченные ресурсы на усиление секции, которую все равно не предполагается сохранять? Похожая динамика наблюдалась и в вопросе о топливе. Его требовалось больше, чтобы «Иzzi» могла маневрировать вместе с астероидом, – это означало меньше топлива для капель, что ограничивало их автономию и способность удаляться от станции. Таким образом, законы физики требовали от политиков выбора между двумя крайностями – «избавиться от камня как можно скорей» и «сохранить его любой ценой».

Шахтерский поселок состоял сейчас из восьми модулей, а также надувного купола, установленного на самом астероиде. Около месяца роботы приваривали трехметровое кольцо внутри круглого котлована, который перед этим подготовили. Месяца три назад к кольцу присоединили надувной купол и заполнили его пригодным для дыхания воздухом. Впрочем, условия внутри купола оказались отнюдь не тепличные – астероид был холодным, воздух под куполом тоже быстро остыл. Кроме того, в ходе своей обычной деятельности роботы производили ядовитые или как минимум не слишком приятные газы. Впрочем, купол и не предназначался для людей. Идея была в том, чтобы не дать улетучиваться газам, используемым для плазменных резаков, и снова пускать их в оборот. Это давало возможность раскапывать и перестраивать астероид значительно быстрее, чем прежде, когда газы просто уходили в космос. Команда роботов Дины получила с тех пор значительное подкрепление в виде новых, улучшенных версий прежних базовых моделей, поступающих с Земли. Сама Дина теперь возглавляла бригаду из двенадцати человек, работавших в три смены круглые сутки. Они занимались расширением тоннеля, который Дина давным-давно выкопала, чтобы защитить печатные платы от космических лучей, и медленно, но верно создавали полость внутри астероида. Куски металла выносились наружу, где электропечь – большего размера и улучшенной конструкции – превращала их в стальные слитки. Поскольку генеральным планом по развитию «Иzzi» эта сталь не предусматривалась, слитки использовались для укрепления структуры, связывающей «Иzzi» с Амальтеей, становясь тем самым очередным поводом для политических дискуссий.

Дюб проплыл через несколько модулей Шахтерского поселка, спрашивая встречных, где сейчас Дина, и получая довольно уклончивые ответы. По мере его продвижения к мастерской нервозность ответов возрастала, и Дюб не мог понять почему, пока навстречу вдруг не выплыл Маркус Лойкер, лично его поприветствовавший и тут же завязавший какую-то совершенно необязательную, хотя и дружелюбную беседу.

Выигрывая для Дины несколько минут, чтобы та могла привести себя в порядок, наконец сообразил Дюб.

Уже несколько месяцев считалось общеизвестным, что у Дины с Маркусом происходят интимные встречи – на «Иzzi» это называлось «восхождениями на Даубенхорн». Было также известно, что вершина покорялась ранее двум другим женщинам, но это было вскоре после прибытия Маркуса, с тех пор Дина его ни с кем не делила. По стандартам земных организаций, будь то армия или корпоративный сектор, спать с подчиненной для начальника – вопиющее нарушение этических норм. Однако всего через месяц все оставшиеся в живых представители человечества чисто технически станут подчиненными Маркуса, так что ему останется либо нарушать нормы, либо хранить целибат до скончания дней. Для всех мало-мальски с ним знакомых было очевидно, что последний вариант вряд ли реален, разве что он согласится на удаление яичек хирургическим путем (кое-кто на «Иzzi» был бы этому весьма рад). При подобном раскладе в том, что он достаточно рано остановился на Дине, имелась своя логика. Пусть это неэтично, но во всяком случае всем ясно, как именно обстоят дела. Дину трудно заподозрить в безвольности, так что никто в здравом уме не стал бы беспокоиться, не чувствует ли она себя жертвой принуждения или домогательств с использованием служебного положения. Другая сторона медали – всем даже спокойней, что Дина не находится в активном поиске. Если исходить из обычного для «Иzzi» уровня слухов, амуры между ней и Рисом Эйткеном были сенсацией, а последовавший в конце концов разрыв – крупным новостным событием, подробно освещенным лондонскими таблоидами. С тех пор она не могла даже выпить кофе с кем-нибудь из мужчин, не возбудив волны слухов. Недвусмысленно делить с Маркусом спальник было в этом смысле значительно легче. И тем не менее всем следовало делать вид, будто ничего не происходит. Это и объясняло сценку, которую сейчас приходилось разыгрывать Дюбу и Маркусу.

– Не знаю, слышал ли ты, – начал Дюб, – но на полосе между космопортом и океаном начались боевые действия.

Было очевидно, что Маркус ничего не слышал. Удивляться не приходилось, поскольку (а) это было в сущности не его дело, и (б) сам Маркус был в это время занят совсем другим. По понятной причине он сейчас находился в довольно расслабленном состоянии и поэтому не сразу сумел собрать в кулак свою могучую волю, чтобы сосредоточиться на возникшей проблеме.

– Не верится, что они не примут каких-нибудь мер, – начал он.

– Президент сделала заявление. Вид у нее был такой, словно она лягушку проглотила.

– С правительством обреченных шутки шутить не стоит, – согласился Маркус, – хотя, наверное, то же самое относится и к венесуэльцам. – Он шумно вздохнул. – Может, нам стоит принять несколько каппи из Венесуэлы? Не все же они одинаково серые.

– Пару дней назад могло сработать, – возразил Дюб, – но сейчас все уже на стадии «с террористами переговоров не ведем».

Губы Маркуса тронула тень саркастической улыбки. Очевидно, он только что вытер лицо гигиеническими салфетками, которыми все они пользовались – Дюб чувствовал стандартизированный запах отдушки, которыми пропитывались салфетки.

– Конечно, – кивнул он, – не стоит создавать прецедент, которым могут злоупотребить а ближайшие три недели.

Шутка – поскольку это была именно шутка – совершенно не годилась не только для публики, но даже и для закрытого совещания, так что фактически Маркус сообщил сейчас Дюбу: «Я тебе доверяю». Не будучи по природе лидером, Дюб не уставал восхищаться как теми, кто им был, так и тем, как именно они делали свою работу.

– Айви пытается определить последствия того, что мы не получим оттуда капли и припасы.

– Слава богу, что она у нас есть, – откликнулся Маркус.

Получив власть над Облачным Ковчегом, он никогда не упускал случая похвалить Айви – еще одно умение, решил Дюб, которое в лидеров вколачивают в той загадочной Академии Лидерства, где их таких выпекают. Или, даже более вероятно – врожденный инстинкт.

– Что ж, моя смена начинается, – продолжал между тем Маркус, – спасибо, что ввел меня в курс дела.

Как и большинство европейцев, Маркус жил в третью смену – это означало, что сегодня он фактически начал на пару часов раньше.

– Моя, наоборот, заканчивается, – ответил Дюб. – Думал поднабраться в шахтерской компании.

– А лучше компании для этого не найти, – подмигнул ему Маркус. – Думаю, Дина выйдет через пару минут. И будет рада тебя видеть.

С этими словами Маркус вытащил из кармана комбинезона телефон и впился глазами в экран, используя свободную руку, чтобы выбраться из модуля и устремиться назад по Стержню.

Дюб остался плавать посреди МОРЖа. От Дины его отделяла лишь занавеска. Он уже собирался сказать «тук-тук», когда услышал

попискивание, доносящееся из динамика по другую сторону. Передача азбукой Морзе, которой он не владел. До сих пор Дины не было слышно, но сейчас она зашевелилась, до Дюба донесся звук расстегиваемого спальника. Он решил, что сейчас ее не стоит беспокоить и что лучше пока проверить собственную почту.

Дина была в третьей смене, то есть для нее теперь было около полудня – обычно в это время она всегда начинала клевать носом, тем более если ей помогал расслабиться Маркус. Однако она понимала, что заснуть по-настоящему – плохой вариант. Ее ждала работа, к тому же это породило бы дополнительные ненужные слухи. Дина слышала, как по другую сторону занавески Маркус треплется с Дюбуа Харрисом. Она понимала, что он делает это ради нее, чтобы дать ей время прийти в себя. Дина вполне оценила его усилия и в полной мере ими воспользовалась, витая на неуловимой грани между бодрствованием и дремой, пока не запищало радио. Она сразу же поняла, что это не Руфус – «почерку» передающего не доставало отточенности, присущей опытным радиолюбителям.

Она наконец открыла глаза, поскольку ей пришла в голову мысль – что, если это так называемый Космический Тролль? Термин принадлежал Руфусу, который впервые упомянул его несколько дней назад: «Космический Тролль еще с тобой не связывался?» Так он называл передатчик, появившийся в его эфире на днях, и его описание вполне подходило к тому, что сейчас слышала Дина.

Дина выскочила из спальника, прибавила громкости динамиков и стала вслушиваться, одновременно натягивая футболку и штаны на веревочке. Звук был словно бы от самопального передатчика, владелец которого не слишком хорошо представлял себе принятый среди коротковолновиков (то есть тех, кто активно использовал азбуку Морзе) этикет. Его точки и тире имели идеальную длительность и шли с такой скоростью, что можно было считать установленным фактом – текст вводится с клавиатуры, а в морзянку конвертируется программой. Он посылал много QRK и QRN – то есть запросов о силе своего сигнала и уровне помех. Очевидно, ему не доставало уверенности в качестве собственной аппаратуры.

Согласно Руфусу, если посылать Космическому Троллю сообщения, в ответ он начинал сыпать QRS, означающими «пожалуйста, помедленней» – очередное подтверждение тому, что это новичок, вводящий сообщения с клавиатуры, но недостаточно опытный, чтобы уверенно воспринимать ответ на слух. Он передавал на одной-единственной частоте – той самой, на

которой Руфус все время, не считая последнего года, связывался с Диной. На волне общечеловеческого интереса к семейству Макуори частота эта была опубликована в Интернете, и в последующие несколько месяцев общаться на ней стало чертовски тяжело – каждый коротковолновик-любитель на планете пытался связаться с Диной. Потом распространился слух, что Макуори-пер и Макуори-филь ей больше не пользуются, и частота более или менее освободилась, если не считать отдельных личностей, до которых информация, видимо, не дошла – к примеру, Космического Тролля. Так или иначе, Руфус снова начал слушать прежнюю частоту, а следом за ним и Дина. До сих пор ей не доводилось принимать передачи Космического Тролля. Ничего удивительного здесь не было. Ее антенна и в подметки не годилась той, которую Руфус установил над своей шахтой, а приемник мог быть собран пятиклассником. Если не считать тех моментов, когда «Иzzi» проходила через соответствующий меридиан, они с Руфусом ловили разные станции.

Опять же согласно Руфусу, беседы с Космическим Троллем требовали терпения или же развитого чувства юмора. То обстоятельство, что новички забивают эфир своей ерундой, несколько лет назад вызвало бы у него приступ священного гнева, однако сейчас оно воспринималось просто как одна из примет времени. Разумеется, люди снова заинтересовались любительским радио – предполагалось, что Интернет ляжет, как только начнется Каменный Ливень. И, разумеется, многие из них были новичками.

Когда у них наконец дошло до чего-то, мало-мальски напоминающего беседу, в ответ на свое QTH, означающее «где ты?», Руфус неизменно получал QET. Этот был не официальный Q-код, а фактически просто довольно банальная шутка, означающая «вне Земли».

Потому-то Руфус и прозвал неизвестного корреспондента Космическим Троллем. Дело в том, что, помимо прочих странностей, он не имел собственного позывного – или, во всяком случае, им не пользовался. Дина слышала сейчас сигнал QRA QET, повторяющийся каждые несколько секунд и означающий в первом приближении «Привет, здесь ИП, инопланетянин^[5], кто-нибудь меня слышит?».

Как правило, Дина не включала передающую часть своего устройства без прямой на то необходимости. Сейчас она щелкнула тумблером, однако класть руку на латунный телеграфный ключ не спешила. Слушать молча ничем особым не грозило, однако стоит ей коснуться ключа, Космический Тролль услышит ответный писк, и есть опасность, что тогда от него уже не отделаешься. Правда, более вероятно, что ему все же вскоре надоест. Тогда она сможет связаться с Руфусом, который через несколько минут должен

появиться из-за горизонта, и рассказать ему, что тоже слышала загадочного «инопланетянина». Можно будет вместе над этим посмеяться и на несколько минут отвлечься от забот. Похоже, папе не помешало бы ни то, ни другое.

Уже достаточно давно стало очевидно, что Руфус вместе с товарищами по горному делу затеял серьезную операцию, готовясь к длительному пребыванию под землей. Естественно, они были не одни такие: люди рыли сейчас ямы по всей планете. Большинство проживет всего несколько дней, если не часов, с начала Каменного Ливня. Строительство подземного комплекса, рассчитанного на автономное существование в течение тысячелетий, было задачей мало кому, если кому-то вообще, под силу. Причем в основном имелись в виду военные или правительственные структуры. Если кто из частников с таким и справится, так это Руфус с его многочисленными связями. Из вопросов, которые он задавал Дине последние два года, вывод следовал совершенно однозначный. Все, что эксперты на «Иzzi» знали про долговременное выживание искусственных экосистем, теперь знал и он.

Дина, которую отвлекли мысли о Руфусе и его шахте, вдруг обнаружила, что характер передачи Космического Тролля изменился. Вместо уже привычного QRA QET она теперь начиналась с QSO, в данном контексте означавшим «можешь ли ты связаться с...?». За этим следовал необычный позывной, который Дина даже не сразу признала за таковой. Он был слишком длинным – цепочка из букв и цифр, не имеющая никакого смысла в рамках стандартных конвенций о радиопозывных.

Когда эта передача повторилась в третий раз, Дина записала позывной – двенадцать знаков, случайная на вид комбинация букв и цифр. Однако ей бросилось в глаза, что все буквы находятся в диапазоне от А до F. Это заставляло всерьез заподозрить, что перед ней шестнадцатеричное число – такую систему счисления часто используют программисты.

Двенадцать знаков тоже кое на что намекали. Сетевые микросхемы почти во всех компьютерных системах имели свой уникальный адрес, который записывался именно в этом формате – двенадцать шестнадцатеричных цифр.

И тут у Дины по коже побежали мурашки – первые несколько цифр в строке выглядели слишком знакомо. Микросхемы для сетевых интерфейсов производятся большими партиями, каждой из них последовательно присваивается уникальный адрес. У всех «Фордов», сошедших с конвейера в определенную неделю, будут совпадать несколько первых цифр номеров шасси; точно так же у всех сетевых микросхем из определенной партии

будут одни и те же начальные шестнадцатеричные цифры адресов. Иногда Дина брала обычные микросхемы из наземного ширпотреба, однако у нее была и радиационно-устойчивая партия, хранившаяся в защищенной металлической коробке на выдвижной полке под столом.

Дина выдвинула полку, достала коробку и вынула оттуда небольшую зеленую печатную плату размером с пластинку жвачки, на которой были напаяны разнообразные микросхемы. МАС-адрес платы был оттиснут прямо на ней белой краской. Первые шесть символов совпадали с теми, которые передавал Космический Тролль.

Она протянула руку к ключу и отстучала QSO, в данном контексте означающее «да, я могу связаться с...», а следом за этим ввела целиком МАС-адрес платы у себя в другой руке – не тот, который был в оригинале. Все вместе означало «нет, с тем адресом, который ты передаешь, я связаться не могу, зато могу вот с этим».

В ответ пришло QSB. «Тебя плохо слышно». За ним последовало QTX 46, что, как предположила Дина, означало: «Ты будешь на этой частоте через сорок шесть минут?» Любому на «Иzzi» было ясно, что в переводе это «Я снова выйду на связь, когда станция обогнет планету по орбите и появится с другой стороны».

QTX 46, отстучала Дина. «Да».

Сейчас они проходили над терминатором – в данный момент он разделял Тихий океан на ночную и дневную половины.

С КЕМ ТЫ ТАМ ГОВОРИШЬ?

Передача от Руфуса, громкая и отчетливая. Выглянув подальше в окно, Дина увидела, как из-за горизонта навстречу выползает западное побережье Америки, которое можно было распознать по огонькам, отрисовывавшим побережье густонаселенных районов: дельты Фрейзера, залива Пьюджет, реки Колумбия, залива Сан-Франциско. Это означало, что Аляска сейчас в зоне видимости «Иzzi».

Из-за занавески раздался голос Дюбуа Харриса: «Тук-тук». Он прождал уже довольно долго.

– Заходи, – крикнула Дина и быстро отстучала Руфусу сообщение, что-то пошутив насчет Космического Тролля и добавив, что сейчас немного занята. Потом проверила программу, отображающую время в различных частях Земли у нее на экране. Было без малого точка-семь, то есть семь утра в Лондоне, то есть десять вечера у Руфуса на Аляске.

Последующий разговор оказался несколько скомканным – Дина старалась не упускать нить беседы с Дюбом, постоянно отвлекаясь при этом на требовательные сообщения Руфуса.

– По радио только что прозвучало нечто странное, – попыталась она объяснить Дюбу. – Не хочешь выпить глоточек? У тебя ведь уже вечер?

– Я хочу глоточек независимо от времени, – откликнулся Дюб. – Так что и пусть его. Лучше скажи, что у тебя случилось.

Дина пересказала всю историю. Дюб поначалу слушал не слишком внимательно, вероятно, из-за обилия любительского радиожаргона, но вострепнулся, когда Дина показала МАС-адрес.

– Самое простое объяснение, – заметил он, – что это действительно тролль, развлекающийся за твой счет.

– Но откуда троллю знать эти МАС-адреса? Мы их никому не сообщаем – не хватало еще, чтобы хакеры снизу пытались взломать наших роботов.

– Здесь ведь у тебя бывают ответственные за пиар? Снимают тебя и мастерскую? Могло так получиться, что они сделали снимок, когда коробка была открыта и платы попали в кадр?

– Здесь нет тяжести, Дюб. Я не могу просто оставить что-то валяться на столе.

– Потому что, – продолжил Дюб, – очевидно, происходит следующее – кто-то пытается связаться с тобой приватным образом...

– И пытается подтвердить свою личность упоминанием чисел, известных только ограниченному кругу. Я тебя поняла.

– И я просто хочу подчеркнуть, что по-настоящему изобретательный тролль не преминет отыскать какую-нибудь такую подробность на опубликованных НАСА фотографиях, чтобы втереться тебе в доверие.

– Я учту, – кивнула Дина. – Но, думаю, тут другое.

– И кто же это по-твоему?

– Шон Пробст, – ответила Дина. – По-моему, это «Имир».

На лице Дюба нарисовалась озадаченность.

– Ого, а про них-то я уже сто лет не вспоминал...

Удивительно, как вообще можно забыть историю столь эпическую и столь драматичную, как экспедиция «Имира», но вот в такие времена они жили.

Корабль пропал со связи и скрылся из виду на фоне Солнца примерно месяц спустя после того, как в День 126 покинул низкую околоземную орбиту. Отдельные наблюдения в оптические телескопы подтвердили, что он перешел на гелиоцентрическую орбиту – это могло произойти как случайно, так и в результате планового включения двигателей. В предположении, что все идет по плану, «Имир» к настоящему моменту

должен был совершить почти два полных оборота вокруг Солнца. Поскольку орбита его была значительно короче земной – перигелий находился примерно посередине между орбитами Венеры и Меркурия, – на это ушел бы всего год с небольшим, и дней двести назад она должна была соприкоснуться с орбитой Греки-Скелета, то есть кометы Григга-Скьеллерупа. Однако произойти это должно было с противоположной стороны от Солнца, что затрудняло наблюдения. Следующей по счету была совсем скромная задача – воткнуть в ядро кометы или в существенный его кусок ядерный реактор на палочке, а затем активировать его и создать реактивную силу, выдувая струю пара через входное отверстие. Потребовалось бы включить «двигатель» – подняв стержни реактора и разогрев его, что вызовет истечение пара, – на полную мощность. Это изменило бы скорость кометы примерно на километр в секунду – достаточно, чтобы она перешла на орбиту, которая столкнет ее с Землей, вернее – с L1, через двести дней. Время казалось крайне неудачным, и многие возмущались тем, что Шон не выбрал другую комету или хотя бы такой курс, чтобы она прибыла чуть пораньше. Однако те, кто немного разбирался в функционировании Солнечной системы, понимали – им всем несказанно повезло, что за столь краткий промежуток времени оказалось возможным захватить и переместить *хоть какую-то* комету. Весь поспешный характер экспедиции «Имира», из-за которого возникло столько скандалов, был обусловлен неумолимыми законами небесной механики. Время не остановить – как не остановить и комету. Даже если бы существовала возможность как-то ее ускорить, это было бы безответственно и совершенно невозможно с политической точки зрения. Что, если в расчеты вкрадется ошибка и комета врежется в Землю? Нет, план экспедиции «Имира» был как раз тем единственным потенциально работающим.

При условии, что он все еще работал. Основное действие – встреча с кометой и запуск паро-ядерного реактивного «двигателя» – происходило по другую сторону от Солнца, и долгое время никто не знал, удалось ли его осуществить. Лишь пару месяцев назад астрономические лаборатории подтвердили с уверенностью, что комета Григга-Скьеллерупа изменила курс, что могло быть вызвано лишь вмешательством человека. Теперь комета двигалась прямо на них. На Земле это могло бы вызвать массовую панику, если бы она так и так не была обречена. С тех пор астрономы внимательно наблюдали, как орбита кометы сближается с земной, и вычислили время, когда она снова скроется из вида на фоне Солнца, достигнув L1. Тогда потребуется опять запустить реактор, поскольку будет

нужен мощный импульс, чтобы синхронизировать орбиту «Имира» с земной и вывести его через L1 на вытянутый эллипс, который в конце концов приведет комету к станции.

– Я ежедневно о них вспоминаю, – ответила Дина.

– Когда они должны пройти через L1?

– В любой момент... но это, вероятно, будет продолжительное включение двигателя. Они скорее растянут все на несколько дней, чем дадут один резкий импульс.

– Разумно, – согласился Дюб. – Всего один маневр на высоких же, и льдина может рассыпаться. Когда они в последний раз выходили на связь?

– В икс-диапазоне? На *настоящую* связь? Примерно через месяц после отлета. Уже прошло почти два года. Но, очевидно, они еще живы. Так что это неисправность передатчика.

– Хорошо, – согласился Дюб, – давай пока исходить из этой теории. Соорудить на коленке новый передатчик для работы на таких расстояниях – дело безнадежное. Так что им оставалось надеяться, что они придумают что-нибудь годное на тот момент, когда они подлетят поближе... и, соответственно, примириться с пониженной шириной канала.

– Папа любит вспоминать про искровые передатчики, – вспомнила Дина. – Это технология, которую применяли...

– ...еще до транзисторов и радиоламп. Точно! – воскликнул Дюб.

Дина телеграфировала вниз:

ТЕБЕ QET НЕ НАПОМИНАЕТ СТАРИННЫЙ ИСКРОВИК?

Руфус ответил:

ПОХОЖЕ НА ТО

– У них с собой мои роботы, – сказала Дина. – Все, что нужно – списать МАС-адрес с печатной платы одного из них, и у них будет своего рода доказательство, что они – это они. Чтобы не быть голословной...

Она принялась выводить на экран сделанные два года назад записи, относящиеся к роботам и запчастям для них, приписанным к экипажу Шона. Через несколько минут она смогла однозначно подтвердить, что МАС-адрес, переданный азбукой Морзе несколько минут назад, принадлежит роботу, ушедшему с «Имиром».

– У кого еще есть доступ к этому файлу? – требовательно спросил Дюб, все еще в роли адвоката дьявола.

– Ты шутишь? Будто не знаешь, как Шон помешан на криптографии и всем таком. Все эти файлы закрыты от доступа. Ну, АНБ до них, если что, наверняка доберется – но не случайный шутник.

– Уточнил на всякий случай, – пожал плечами Дюб. – Просто, по моему, все это похоже на попытку достать правой ногой левое ухо. Что ему мешает просто передать: «Привет, Дина, это я, Шон Пробст, у меня сломалось радио»? Казалось бы, так будет легче.

– Нужно знать Шона, – возразила Дина. – Послушай. Все, что он передает по этому каналу, может слышать, грубо говоря, кто угодно на Земле. Информация окажется в Интернете... короче, любой будет знать о нем все подробности. При этом сам он понятия не имеет, что происходит. Интернета там нет, их радио давно сломано. Он даже не знает, живы ли мы здесь еще. Может, произошел военный переворот или что-то в этом роде. Если мы успели превратиться в Клингонскую империю, он, пожалуй, предпочтет не возвращаться.

– Кажется, ты права, – согласился Дюб. – Он не станет спешить и сперва прощупает почву.

Сорок пять минут спустя Дина приняла очередное сообщение от QET. Оно начиналось с RTFM5, затем шло число 00001, а за ним следовал совершенно бессмысленный набор букв.

– Все, что я поняла, – призналась Дина, – это что мне следует читать гребаную инструкцию, и еще номер пять.

– Шон привез с собой какие-нибудь инструкции?

– Он действительно привез кучу каких-то бумаг от инженеров из Сиэтла, – подтвердила Дина, – и часть оставил здесь.

– Такое чувство, Дина, что тебе сейчас что-то вспомнилось.

– Я его тогда спросила – зачем ты все это распечатывал, привез бы на флешке, как остальные делают. А он в ответ – когда у тебя собственная космическая компания, у тебя есть перед остальными определенные преимущества.

Порывшись в коробках, Дина обнаружила искомое – полдюжины скоросшивателей, содержащих инструкцию для сотрудников «Арджуна Экспедишнз», тома с первого по шестой. Стопка была чуть ли не в полметра толщиной.

Дюб присвистнул:

– С учетом стоимости доставки на орбиту килограмма груза эта штука выйдет как бы не дороже Библии Гуттенберга, прилетевшей на прошлой неделе.

Они взялись сразу за пятый том, который на вид ничем не отличался от любого другого свода корпоративных инструкций. Однако между рекомендациями по предотвращению сексуальных домогательств и дресс-кодом обнаружилась пачка страниц, около сантиметра толщиной,

заполненная какой-то белибердой. Страницы были покрыты случайным набором из заглавных букв, группами по пять, и они заполняли каждую страницу целиком, строка за строкой, столбец за столбцом. Наверху каждой страницы имелся номер, на самой первой значилось 00001.

– Вот такая же херня из детских книжек про пиратов была у Ларса, – пожаловалась Дина. – Только черт меня заberi, если я хоть что-то...

– К стыду своему, я прекрасно знаю, что это такое, – признался Дюб. – Одноразовые шифрблочки. Самый простой способ шифрования – но если все делать правильно, взломать его практически невозможно. Однако, чтобы им пользоваться, нужно вот это, – он пошуршал зажатой в руке страницей 00001.

Дюб объяснил ей, как все работает, и Дина принялась расшифровывать сообщение на бумажке, однако за несколько минут Дюб успел написать скрипт на Питоне, так что закончить удалось еще быстрее.

– Я-то надеялся, что мне здесь нальют стаканчик и поболтают со мной о разработке астероидов, – проворчал он.

– Хватит уже ныть – по-моему, это куда увлекательней!

Сообщение гласило:

В ЖИВЫХ ДВОЕ. ИДЕМ НА ПОЛНОЙ МОЩНОСТИ. ПРИШЛИ СВОДКУ

– Их ведь было шестеро? – спросил Дюб.

– Значит, что-то случилось, – ответила Дина. – Может быть, они столкнулись с обломком или что-то в этом роде, повредили антенну и потеряли несколько человек. Может быть, защита от радиации оказалась недостаточной.

– Ну, в любом случае похоже, что они вернулись, – сказал Дюб.

– Ну, разве что... – протянула Дина.

– Что – разве что?

– Разве что он решил оставаться в L1. Это будет значительно безопасней. Не думаю, что осколки Луны туда доберутся.

Дюб перечитал сообщение.

– Ты права, – согласился он. – Все, что он говорит – что двигатель работает. О переходе на низкую околоземную орбиту ни слова. И еще просит отчета о происходящем. – Дюб принялся тереть лицо руками. – Я совсем вырубаясь, – объявил он. – И вообще должен сейчас говорить с семьей по скайпу.

– Давай тогда выметайся, – предложила Дина. – Отчет я и сама напишу. И зашифрую тоже, раз уж ты мне объяснил, как все работает.

Оттолкнувшись, Дюб поплыл к выходу, но спохватился и обернулся:

– Я, конечно, и сам могу подсчитать, но голова плохо соображает. Может, ты так помнишь. Если Шон в L1 переместится на переходную орбиту, через какое время он появится здесь?

– Тридцать семь дней, – откликнулась Дина.

– Примерно семнадцать дней от начала Каменного Ливня. Не самое лучшее время.

Дина просто посмотрела на него. Она не произнесла ни слова, но Дюб легко мог прочесть ее мысли. «Если бы только не лучшее время было единственной нашей проблемой!»

– Ладно, – сказал наконец Дюб. – Спасибо тебе, Дина.

– До следующего раза, – откликнулась Дина, сделав такое движение, словно опрокидывает стаканчик.

– До следующего раза, – согласился Дюб и скрылся за занавеской.

Дина взглянула на часы. Поскольку она теперь знала, где примерно находится «Имир», стало ясно и расписание радиосвязи. В определенный период каждого девяностотрехминутного оборота «Иззи» оказывалась по другую сторону Земли и не могла слышать сигнала Шона. За каждым таким уходом за горизонт следовало окно, в течение которого можно было разговаривать. Одно такое окно они только что истратили, записывая и расшифровывая сообщение Шона, и сейчас должны были снова уйти за горизонт. У Дины как раз будет время, чтобы написать небольшое сообщение и зашифровать его, пользуясь следующим листком одноразового блокнота.

Однако было не совсем ясно, что именно писать. Дина могла дать кое-какую самоочевидную информацию – количество капель на орбите, число людей в космосе, сколько у нее сейчас роботов. Только она подозревала, что Шону требуется нечто иное. Он хотел знать, что именно произойдет, когда он появится здесь через тридцать семь дней вместе с ледяной горой. Понятно, что Облачный Ковчег найдет ей применение. Также понятно, что и Шон нуждается в Облачном Ковчеге – двое на корабле, транспортирующем гигантскую глыбу льда, на самодостаточную цивилизацию никак не тянут. Но ясно было, что Шон будет осторожен. И кое-чего захочет. Заключить сделку.

Сделку с партнером Дины по спальнику.

Так, не все сразу. Следующее окно связи целиком уйдет на то, чтобы передать Шону сводку из основных цифр. Вместо того чтобы сходить с ума из-за того, что будет дальше, Дина, пока они за горизонтом, сосредоточилась именно на этом – написала сообщение, стараясь сделать его как можно короче, а потом зашифровала с помощью написанного

Дюбом скрипта.

Точка L1 системы Земля – Солнце находится на прямой между двумя небесными телами. С практической точки зрения «Имир» сейчас находится в L1. Следовательно, когда «Иzzi» обогнет ночную часть Земли и окажется на солнышке, она сможет «видеть» L1 и поддерживать связь с «Имиром». В следующий раз это должно было произойти в 7.30 утра по Гринвичу, когда в Лондоне будет восход. Выглянув в свое окошко, Дина могла видеть, как терминатор – граница дневного и ночного полушарий Земли – медленно ползет над устьем Темзы прямо под ней, подсвечивая высотные здания в финансовом центре Лондона. Затем она взялась за ключ, установила связь с «Имиром» и отбила свое сообщение. На это ушло все окно связи целиком. Передавать приходилось очень медленно, поскольку Шон не слишком хорошо владел азбукой Морзе. Поскольку сообщение было зашифровано, он не мог отгадать непонятное, исходя из контекста, нужно было, чтобы Шон мог разобрать каждую букву. К тому моменту, когда она закончила, «Иzzi» успела обогнуть полмира и была готова снова нырнуть в ночную тьму. Дина закончила сообщение буквами ПРСЛ, которые, она надеялась, будут поняты как «продолжение следует», и снова взялась за работу, сочиняя и шифруя упомянутое продолжение.

Она уже собиралась приступить к следующему сеансу связи, вскоре после 9.00 утра по Лондону, или точка-девять по «Иzzi», когда в мастерскую без стука вплыла Айви.

– Хочу воспользоваться твоим окном, – объявила она.

– Пожалуйста, – ответила Дина. – А что случилось? – Поскольку явно что-то происходило. Айви была сама не своя. И она сказала «*твоим окном*», а не «*твоим окном*».

– Что в *моем* окне такого особенного? – спросила Дина.

– Оно рядом с *тобой*.

– Все в порядке? – забеспокоилась Дина. Было ясно, что нет, не все. Она решила было, что морзянка перехвачена и у нее теперь будут проблемы. Хотя будь дело именно в этом, Айви сейчас не спрашивала бы ее, нельзя ли посмотреть из окна.

Она уставилась на подругу. Айви сразу же направилась к окну и устроилась рядом с ним так, чтобы видеть Землю. Терминатор успел продвинуться настолько, что сейчас освещал выступающую на восток часть Южной Америки. «Иzzi» должна была вот-вот пересечь экватор, и он находился прямо под ней.

– Кэл мне написал, – сообщила Айви. Обычная в подобных случаях радостная нотка в ее голосе отсутствовала.

– Вот и хорошо. Я думала, его лодка идет под водой.
– Шла еще два часа назад.
– Они всплыли?
– Всплыли.
– Где?
– Под нами, – ответила Айви.
– Откуда ты знаешь? – удивилась Дина. – Он же тебе координаты не передает?

– Я и сама знаю, – ответила Айви. – Просто, как дважды два.
– Что он написал?
– Чтобы мы готовились принимать ракеты с Куру.
– Космодром снова открывают?
Айви громко вздохнула.

Дина быстро скользнула к ней и, оказавшись у Айви за спиной, обняла ее и положила подбородок ей на плечо, чтобы видеть то же, что и она.

Они знали, где находится Куру, поскольку часто смотрели на него сверху и иногда даже видели яркие струи пламени от взлетающих ракет.

Реакцию Айви сейчас вызвала несколько иная картина. Вдоль побережья вспыхивали яркие искры, разбухали и постепенно гасли. Словно кто-то сыпанул целую горсть этих искорок между побережьем и островом Дьявола.

– Блин, да что это? – изумилась Дина. – Атомные бомбы?
– Не знаю, – выдохнула Айви.

Ответом Дине послужил значительно более яркий свет, вспыхнувший у побережья дальше к северо-западу и превратившийся в сияющий шар, который устремился в космос.

– *Вот это*, кажется, атомная бомба, – сказала Айви.
– Мы что, сбросили атомную бомбу... на Венесуэлу?

Их глаза не сразу привыкли к режущему свету. Оно и хорошо, поскольку мозгам тоже требовалось время, чтобы привыкнуть. Когда свет погас, стало видно, что грибовидное облако поднимается немного в стороне от Венесуэлы, в нескольких километрах от берега.

– Демонстрационный взрыв? Чтобы было видно из Каракаса? – спросила Дина.

– И это тоже, – согласилась Айви. – Однако вчера сообщили, что ВМФ Венесуэлы в полном составе отправляется к Куру для наведения порядка. Готова поручиться, что у Венесуэлы больше нет ВМФ.

– А те, поменьше? Рядом с космодромом?
– Я бы предположила, что это боеприпасы объемного взрыва. Ущерб

от них почти такой же, как от тактических ядерных зарядов, только без заражения стартовых площадок.

Айви высвободилась из объятий Дины и развернулась спиной к окну. Теперь они с Диной плавали лицом к лицу.

До Дины наконец дошло.

– Ты сказала, что лодка Кэла всплыла. Что она была на поверхности. И что он что-то знал. И ты теперь думаешь...

– Я знаю, – прошептала Айви одними губами.

Кэл получил приказ, непосредственно от Джей-Би-Эф, и запустил ядерную ракету. А скорее всего – и крылатые ракеты с боеприпасами объемного взрыва.

Окружающие считали, что за последний год Айви и Дина отдалились друг от дружки – вот только следует начать с того, что окружающие и подругами их никогда не считали. Не было смысла обращать внимание на то, что именно считают окружающие. Когда место Айви занял бойфренд Дины, проще тоже не стало. Однако их отношения никогда не были плохими. Всего лишь не самыми простыми.

Айви всегда была довольно разговорчивой, только сказать в данный момент было особенно нечего. Через несколько минут она все же смогла найти слова.

– Хуже всего то, что мне останется только память о нем, и я так старалась, чтобы это была добрая память. – Глаза у Айви были сухие, но голос – как если бы она плакала.

– Ты же знаешь, что у него не было выбора, – сказала Дина. – Командную иерархию пока никто не отменял.

– Конечно, я все понимаю, – ответила Айви. – И все-таки. Вот такого я не хотела.

– Мы же знали, что рано или поздно что-то такое произойдет... – начала Дина.

Ее радио запищало.

– Вот, кстати, к слову сказать...

– Это еще кто? – спросила ее Айви.

– Шон Пробст, – ответила Дина. – Он вернулся.

Айви на какое-то время задержалась в мастерской, пока Дина старательно отстукивала вторую часть своего отчета. К тому моменту, как Южная Америка скрылась из глаз, от горящих остатков Блокады народной справедливости на северо-восток протянулись длинные хвосты черного дыма, отбрасывая тень на морщинистую поверхность Атлантики. Над Куру снова зажглись яркие вспышки, однако теперь это были огненные струи

твердотельных разгонных блоков, забрасывающих в небеса тяжелые ракеты.

– Пора за дело, – сказала наконец Айви. – Думаю, мне придется опять пересматривать таблицы.

– Думаешь, Кэл все еще наверху? И на связи?

– Сомневаюсь, – ответила Айви, и что-то в ее голосе подсказывало, что, будь Кэл на связи, она бы не знала, что ему сказать. – Вряд ли устав рекомендует после запуска ракет болтаться рядом и ждать, не случится ли чего.

Определенные аспекты культуры Облачного Ковчега вызывали у доктора Мойры Крю нарекания. Что это за жизнь, когда нельзя позавтракать в кафе, а после работы посидеть в пабе? Причина заключалась отчасти в перенаселенности, отчасти в трехсменном графике, из-за которого не было единого мнения, утро сейчас или вечер, отчасти в том, что Ковчег разрабатывали в спешке американские и русские инженеры, глухие к такого рода потребностям. Мойра несколько раз приятно беседовала на эту тему с Луизой и встретила полное понимание. Сошлись на том, что надо бы заняться этим вопросом, когда начнется Каменный Ливень и жизнь Ковчега более или менее войдет в колею. В мечтах Мойра видела себя хозяйкой подобного заведения – возможно, придется занять под него целую каплю, – только с расписанием работы пока не определилась.

Разумеется, она отдавала себе отчет, что у нее есть обязанности поважней: ответственность за то, как человечество и другие земные виды переживут катастрофу, лежала в основном на ее плечах. Она не может часами варить эспрессо и протирать столики. Кроме того, они пока не были готовы выращивать в космосе кофе и ячмень, а запасы растают – не успеешь оглянуться, так что основным напитком ее паба обещал быть растворимый лимонад. Однако мечта есть мечта. Пока же экспериментальным полигоном ей служила кофейная комната рядом с Парком. Просыпаясь каждый день в точка-восемь, Мойра добиралась до Х2, спускалась по спице в ТЗ, делала себе чашку ужасного кофе из вакуумной упаковки, плошку столь же ужасной овсянки и садилась за небольшим столом для собраний посередине Парка. Достаточно часто к ней присоединялись, протирая заспанные глаза, и другие представители третьей смены. К ним относился, в частности, Маркус Лойкер – как правило, ему некогда было распивать кофе в шумной компании, но для Мойры он иногда делал исключение. Иногда рядом присаживался Конрад

Барт, иногда – Рис Эйткен, несколько раз заглядывала Фекла. Она была наиболее занятным экземпляром, причем сразу в нескольких смыслах. Выражаясь без обиняков, Фекла принадлежала к другой касте. Мойра, Дюб, Конрад, Рис и многие другие регуляры относились к числу людей, которые почти наверняка встречались раньше на конференциях, возможно, даже заседали в одном комитете. Фекла в их число не входила. Особенности ее карьеры – одна из немногих женщин на столь высоком счету в российской армии, олимпийская спортсменка, летчик-испытатель и космонавт – были достаточно *любопытны*, так что ее могли пригласить на научно-популярную конференцию, однако выступить там Фекла вряд ли смогла бы – из-за своего плохого английского и несколько грубоватых манер. Раны, которые она получила, когда выбиралась из неисправного «Лука», зашивали непрофессионалы. На Земле она сразу же попала бы в руки пластических хирургов, но на «Иззи» ей пришлось довольствоваться тем, что было. Мойра иногда жалела, что плохо владеет русским – ей хотелось выяснить у Феклы, что та думает о своей внешности. Шрамы на лице абсолютно не соответствовали идеалу женской красоты, к тому же Фекла по-прежнему стриглась коротко, что еще больше усиливало эффект. Несмотря на это – или, возможно, благодаря этому – Фекла выглядела, если называть вещи своими именами, довольно-таки сексуально. Как бы Мойре ни хотелось закрыть на это глаза. Впрочем, сексуальность – лишь одно из человеческих качеств, и глупо делать вид, будто ее не существует. Сама Мойра была более или менее гетеросексуальна. В молодые годы ей дважды доводилось спать с женщинами – один раз в английском Кембридже, другой – в массачусетском. Оба раза прошли прекрасно, она ничуть не пожалела, однако в итоге она и до, и после слишком много думала о гендере и ЛГБТ-теории, а сами события как-то стерлись из памяти.

Теперь, как Мойра ни старалась избегать подобных мыслей, ей казалось, что с Феклой все могло бы сложиться иначе. Вокруг сексуальных предпочтений Феклы была накручена целая история, сценарию которой позавидовала бы иная мыльная опера. Началось все примерно через месяц после ее спасения, в любовном треугольнике, если не четырехугольнике, участвовали как мужчины, так и женщины – отдельные передававшиеся из уст в уста подробности уже стали своеобразной частью истории «Иззи», однако Мойра в них не вникала. Через несколько месяцев Фекла стала в открытую спать с женщинами, вызвав волну аналитических рассуждений, комментариев и целую драму. Рассуждения в основном исходили от гендерных теоретиков; они подчеркивали тот не совсем удобный факт, что Фекла выглядела несколько мужиковато даже перед Олимпиадой, когда с

ней поработали стилисты, а теперь и подавно. Тем самым каминг-аут Феклы (которого она, собственно, формально и не делала) лишь подтверждал сложившиеся стереотипы относительно женщин-спортсменок. Комментарии строчили в Интернете миллионы идиотов. А драма разыгралась в отношениях Феклы с другими русскими, которые к тому моменту составляли на станции довольно мощный блок. Со временем страсти поутихли – на Ковчег продолжали прибывать люди самых разных национальностей и сексуальных предпочтений, и у всех вокруг были более серьезные заботы. В итоге Фекла отдалилась от тех, с кем могла говорить на родном языке. Политкорректные леваки-интеллектуалы ожидали, что теперь она преобразится и также станет левачкой, однако Фекла сохраняла все то же отношение к порядку и дисциплине, которое сперва определило ее путь в скауты, а затем побудило взять Шона Пробста в захват. Мойра сидела напротив нее за столом, потягивала кофе, ковырялась в овсянке и гадала: знает ли Фекла, что в Интернете сейчас процветает целый жанр любительской порнографии, посвященный воображаемым садомазохистским актам между ней и Шоном?

Так или иначе то, что Фекла время от времени присаживалась рядом за завтраком, означало если не прямое приглашение, то как минимум некий предварительный гамбит.

За этими мыслями Мойра не сразу обратила внимание, что Парк вдруг заполнился народом – все взоры были устремлены на большой ситуационный монитор прямо над столом, где завтракали они с Феклой. Снизу на мониторе было мало что видно, поэтому ей пришлось отодвинуться подальше. В новостях непрерывно передавали нарезку из снятых на телефон видео, смонтированных так, чтобы получилось что-то похожее на цельную историю. В начале истории суда Блокады народной справедливости покачивались на рейде между побережьем и островом Дьявола под розовеющим утренним небом. В конце солнце, уже высоко над головой, освещало горелую мешанину из полузатонувших судов и плавающих между ними трупов, полускрытую завесой дыма. В середине со стороны моря подлетали какие-то черные точки и оборачивались фантастическими огненными шарами, которые охватывали огромные пространства, а потом лопались и исчезали, оставляя за собой лишь обломки, – впечатление было такое, будто по судам кто-то прошелся огромным молотом, предварительно спрыснув их напалмом.

Здесь видео переключалось на стерильные трехмерные изображения подводных лодок и крылатых ракет, потом – на съемку из помещения для брифингов в Белом доме, где президент делала короткое заявление, после

чего передавала слово председателю Комитета начальников штабов. Аналогичные заявления поступали от прочих мировых лидеров – с Даунинг-стрит, из Кремля, из Берлина.

Мойра так засмотрелась, что почти забыла про овсянку, а когда собралась было вернуться к еде, на экране что-то ярко вспыхнуло. Она вновь подняла глаза на экран. Над океаном поднималось грибовидное облако.

– Кажется, я что-то пропустила? – спросила она. – На метеорит вроде не похоже?

– Атомная бомба, – откликнулась Фекла.

Мойра повернулась к ней. Та смотрела прямо на нее – как сказали бы некоторые, «своим ледяным взглядом». Мойра не обнаружила в этом взгляде ничего ледяного, а Фекла тут же отвела глаза.

– Венесуэла, – добавила она. – Флот уже не проблема. Ракеты опять запускают. – И пожала плечами.

На Фекле была майка, и Мойра не могла оторвать взгляд от ее дельтовидных мышц. Надо перестать пялиться.

– На берегу – боеприпасы объемного взрыва, – продолжала Фекла. – Очень разрушительная сила. – Она откинулась назад и непринужденно закинула руку на спинку соседнего, пустого стула. – Что вы думаете, доктор Крю?

– Пожалуйста, зови меня Мойра.

– Прошу прощения. Русская формальность.

Вероятно, Фекла была умней, чем могло показаться с виду. Она подозревала: доктор Крю может ужаснуться тому, что мы дошли до ядерных бомбардировок. И хотела сразу обсудить все начистоту.

Мойра, чьи мысли были заняты анатомией Феклиного плеча, вздрогнула, когда на соседний стул плюхнулся крупный, крепкий мужчина. Она повернулась и увидела, что это Маркус Лойкер. Он поставил перед собой чашку с кофе и уставился в нее, как если бы намеренно избегал глядеть на экран, где теперь бесконечно чередовались снятые с разных углов грибовидные облака и комнаты для брифингов. Затем он повернулся к Мойре, поприветствовал ее легким кивком и движением бровей, перевел взгляд на Феклу и сделал аналогичное приветствие.

Так что Мойра была избавлена от необходимости отвечать на вопрос Феклы.

Ответил Маркус, хотя его-то никто и не спрашивал:

– Понимаю, что мне нужно быть особенно аккуратным. Мой родной язык – немецкий, и это означает определенную историческую

ответственность. Да. Ответственность я осознаю. И понимаю необходимость в аккуратности. Слишком деликатная тема. Однако...

– Ты знал, что произойдет? – перебила его Мойра.

– Нет. Меня никто ни о чем не предупреждал.

Мойра кивнула.

– Однако если бы моего мнения спросили, я сказал бы «да», – заключил Маркус.

– Им все равно умирать, – Фекла тоже кивнула.

Мойра вдруг поразились, насколько эти двое естественно себя чувствуют в обществе друг друга. Собственно, а что здесь удивительного? Сексуальные предпочтения Феклы Маркуса совершенно не волнуют, более того, для таких, как он, даже легче, если наверняка известно, что девушка недоступна. Маркус раньше был военным летчиком, Фекла – тоже. Вполне естественно, что многое они воспринимают одинаково. В первый год существования Облачного Ковчега Фекла была здесь кем-то вроде разнорабочего. Казалось парадоксальным, что на космической станции живет некто без закрепленных обязанностей. Однако скауты фактически считались смертниками, и долговременных задач для них не предусмотрели. Отчуждение между Феклой и остальными русскими, которые взвалили на себя работы в открытом космосе, привело к тому, что она стала пробовать себя в самых разных областях. Она знала внутреннее устройство «Иззи» лучше кого бы то ни было, умела управлять каплей, а при необходимости была готова влезть в скафандр и заняться космической сваркой. Однако судя по всему, период неопределенности для нее закончился только тогда, когда бразды правления взял в руки Маркус. Мойра слабо представляла, чем конкретно теперь занимается Фекла. Зато у нее было четкое ощущение, что подчиняется она непосредственно Маркусу, который доверил ей какое-то важное дело.

– Им все равно умирать, это правда, – произнес новый голос. – Но нам-то досталось жить.

Это была Луиза. Появившись у Феклы за спиной, она безмолвно попросила у нее разрешения присесть на стул, на спинке которого покоилась рука русской. Та не просто убрала руку, но вскочила и вежливо отодвинула для Луизы стул.

– Нам еще рано умирать, во всяком случае я на это надеюсь, – продолжила та, – и мы все только что видели, что произошло. И нам теперь с этим жить. И не только с этим. Однако через несколько часов мы начнем принимать ракеты с Куру, пожиная плоды применения атомной бомбы и боеприпасов объемного взрыва против фактически беззащитных людей.

Память об этом теперь в нашей ДНК. – Она бросила быстрый взгляд на Мойру. – Если доктор Крю простит мне подобную метафору.

Мойра чуть улыбнулась и кивнула.

– Значит, ты против? – уточнил Маркус.

– Нет, – сказала Луиза. – Однако, Маркус, не стану скрывать, что на мне тоже лежит историческая ответственность. Я – цветная испаноговорящая латиноамериканка. Я провела несколько лет, работая с беженцами на таких же судах. Наконец, я еврейка. Вот такая ответственность, это понятно?

– Принято, – подтвердил Маркус.

– Я не внизу, мне неизвестно, о чем говорят Джей-Би-Эф ее советники...

– И к чему ты клонишь? – перебил ее Маркус, хотя и безукоризненно вежливым тоном.

– У нас нет никаких законов. Никаких прав. Конституции. Судебной системы или полиции.

Маркус и Фекла переглянулись. Выражение их лиц не было ни хитрым, ни виноватым, ни заговорщическим. Просто обменялись значительным взглядом.

– Этим есть кому заняться, – ответил Маркус. Он не шутил – с того момента, как было подписано Соглашение Кратерного озера, в Гааге над вопросом трудилась целая ассамблея специалистов по конституционному праву, и один из них уже находился наверху.

– Знаю, – ответила Луиза, – и лично мне представляется очень важным, чтобы ужасы, подобные тому, свидетелем чего мы сейчас стали, не отравили весь законотворческий процесс. Нельзя делать вид, будто ничего не произошло.

Маркус и Фекла, снова обменявшись многозначительными взглядами, очевидно, пришли к решению ничего сейчас не говорить.

Телефон Мойры завибрировал. Она бросила взгляд на экран и обнаружила, что через пятнадцать минут у нее запланирована встреча. Извинившись, она покинула междусобойчик, приобретший довольно странный оборот. Впрочем, возможно, он успел излечить ее от кое-каких сентиментальных идей. Она пришла сюда в надежде воссоздать завтрак в европейской кафешке, а получила полчаса ядерных взрывов, массового сожжения протестующих и серьезных рассуждений на этические темы, к которым примешалось неожиданное сексуальное напряжение между ней и Феклой. Как у многих на Ковчеге, с самого прибытия у нее не было секса. Многие из тех, кому не давили на совесть приговоренные к смерти супруги

или нареченные, оставшиеся на Земле, как-то устроились на этот счет, но у других так ничего и не случилось. Хотя и ясно, что это ненадолго. Два запирающихся модуля были отведены специально для любовных свиданий, и каждый на станции был осведомлен о других подходящих для этой цели укромных уголках. У Мойры на Земле никого не осталось. Воздержание ее было вызвано в основном тем, что здесь пока никого не нашлось, да и само место совершенно не располагало к романтическим отношениям. Однако воздерживаться становилось все тяжелей.

Если честно, в ее долговременном списке задач отдельным пунктом значилась разработка процедуры для беременностей на Ковчеге. Поскольку потребности беременных принципиально не отличаются от потребностей небеременных, фактически речь шла о том, как быть с детьми. Капельмейстеры исходили из того, что весь процесс будет упорядочен и беременеть станут исключительно с намерением заморозить эмбрион, который можно будет имплантировать позже, когда условия для малышей станут лучше. Проведя на станции почти год, Мойра усомнилась, что все так и будет. Капельмейстеры явно недооценили культурные различия между регулярами и каппи.

Еще несколько месяцев назад они назывались облачками – термин до сих пор использовался в официальной документации. Однако затем кто-то образовал от «капсулы», или «капли», термин «каппи». Как это бывает только в Интернете, слово мгновенно превратилось в мем, за сутки облетело весь мир и сделалось общепринятым. Отдельные чувствительные греки стали было возражать, но им быстро заткнули рот.

Каппи были по сути еще детьми и почти не имели контакта с регулярами. Они жили в каплях, более или менее прикованных к своему месту в рое. Перемещаться между каплями было практически невозможно – это означало бы эпическое путешествие в скафандре с использованием различных трюков орбитальной механики. Для перемещения людей из удела в удел имелись небольшие космические аппараты, известные как «эмки», но их было немного, а квалифицированных пилотов еще меньше. Маркус, следуя советам Луизы, попытался организовать «перемешивание» – это означало, что в любой момент времени на «Иззи» должно было проживать и работать около десяти процентов всех каппи. Однако большую часть времени подавляющая часть каппи была заперта в индивидуальных каплях, триадах или гептадах и поддерживала контакты с Регулярным населением посредством видеосвязи («спайк»), социальной сети («спейсбук») и других позаимствованных с Земли технологий. Мойра поразила бы, узнав, что никто из девушек до сих пор не забеременел –

однако запросов на замораживание эмбрионов она пока не получала.

И любому нормальному человеку, последуй он сейчас за Мойрой через «Звезду» и «вниз», в низкотемпературное хранилище, стало бы ясно почему. Это место было абсолютно неспособно вызвать приятную дрожь в нервных окончаниях человека, собирающегося создать семью. Оно до смехотворного напоминало помесь клиники с промышленным предприятием.

Зато, как надеялась Мойра, оно должно было произвести должное впечатление на вновь прибывших, которые и явились сюда на встречу с ней точно по расписанию. Несколько часов назад они прилетели на пассажирском корабле, запущенном с мыса Канаверал: время, достаточное для того, чтобы пилюли от тошноты начали действовать, а сами они успели прийти в себя. Это была небольшая группа с Филиппин: биолог, работавший с генно-модифицированными породами риса, социолог, изучавшая моряков-филиппинцев, проводящих всю жизнь на борту сухогрузов – очевидно, она должна была прийти на помощь Луизе, – и двое каппи, судя по внешности принадлежавших к столь же различным этническим группам, как, например, исландцы и сицилийцы. Как обычно, при одном из них был переносной холодильник для пива. Как было прекрасно известно Мойре – подобные церемонии случались не реже раза в день, – в холодильнике находилась сперма, яйцеклетки и замороженные эмбрионы от доноров со всех уголков страны происхождения – в данном случае, Филиппин. Она приняла холодильник со всеми подобающими почестями, словно японский бизнесмен, которому вручают визитку, и открыла крышку, чтобы проверить содержимое. На дне еще виднелись несколько кусков сухого льда: это хорошо. Пробирки, с палец толщиной, заполняли шестиугольную пластиковую решетку. Мойра проверила несколько инфракрасным термометром в виде пистолета и убедилась, что ни одна не оттаяла. Затем, натянув хлопчатобумажные перчатки, чтобы защитить кожу от холода, она извлекла наружу еще несколько пробирок и тщательно осмотрела, чтобы убедиться, что они запечатаны, а также снабжены этикетками и штрих-кодом в соответствии с процедурой, описанной в Третьем техническом приложении к Соглашению Кратерного озера, том III, раздел 4, параграф 11. Проверка нарушений не выявила. От доктора Мигеля Андрады, генетика, она ничего другого и не ожидала.

Она также могла предположить, что доктор Андрада догадывается, пусть даже и без уверенности – шансов у этих биоматериалов развиться в разумную форму жизни не больше, чем у снежинки в жаркий летний день, однако сейчас было не время это обсуждать. Мойра произнесла хорошо

заученную речь, следя за тем, чтобы слова по возможности звучали как в первый раз. Она поблагодарила новоприбывших, а вместе с ними и весь филиппинский народ, за доверенные ей, и в ее лице Облачному Ковчегу, драгоценные материалы и намекнула, ничего при этом не обещая, на будущее, в котором из каждой пластиковой пробирки, словно из рога изобилия, хлынут новые обитатели Ковчега. Предполагалось, что теперь прибывшие отправятся в свои капли, откуда сообщат радостную новость друзьям и родственникам внизу посредством эсэмэсок или Фейсбука. Радужные обещания должны удержать оставшихся на Земле от всяких глупостей в преддверии близкого конца; если же, как в случае с Венесуэлой, это не сработает – что ж, у Джей-Би-Эф есть еще бомбы.

– Можно посмотреть, как тут все устроено? – спросил доктор Андрада, когда остальные члены делегации наконец отбыли.

Теперь они остались вдвоем и плавали в длинном узком стыковочном модуле, торчавшем в надир. «Внизу» модуль заканчивался задраенным люком с кнопочным пультом. Большая часть помещений «Иzzi» была открыта для любого, кому придет в голову заглянуть внутрь – в массе своей местный контингент не отличался деструктивными наклонностями. Однако ГАЧ – Генетический архив человечества – был по статусу чем-то вроде святилища и потому закрыт на все засовы, во всяком случае в цифровом варианте.

Доктор Андрада был маленький, жилистый и скуластый. Он сильно напоминал других знакомых Мойре агрогенетиков: мозоли, загар, дубленая кожа, – все свидетельствовало о том, что он проводит много времени на экспериментальных делянках, копаясь в земле собственными руками. Если бы не очки в дорогой оправе, его можно было бы принять за обычного крестьянина из Юго-Восточной Азии. Однако он защитил диссертацию в Калифорнийском университете в Дэвисе и уверенно двигался к Нобелевской премии, если бы не вмешался Агент.

– Разумеется, – ответила Мойра. – И я в любом случае хотела бы поговорить о том, как мы собираемся здесь что-то выращивать – я имею в виду, помимо людей.

– Нам нужно поговорить, – согласился доктор Андрада.

Мойра поплыла вниз, сделав медленное сальто, чтобы дотянуться до пульта, и нажала на кнопку, активирующую сканер сетчатки. Через несколько секунд устройство признало, что она действительно доктор Мойра Крю, и замок открылся. Ухватившись за поручень, Мойра распахнула люк и всплыла в открывшийся за ним стыковочный узел. Вдвоем с доктором Андрадой они там едва поместились. Автоматически зажглись

белые светодиоды. К стене был пристегнут простенький пояс из нейлоновой сетки, в карманах которого помещались несколько небольших гаджетов. Мойра взяла пояс и застегнула у себя на талии.

Они попали сюда через люк, расположенный в зените. По правому и левому борту от них находились проходы, забранные круглыми пластиковыми щитами. Из середины щитов торчали рукояти. Ближе к Мойре был правый щит; она вытянула руку, сжала рукоять, чтобы открыть защелку, и отодвинула щит в сторону.

Доктор Андрада поежился – из-за щита в помещение хлынул ледяной воздух. Перед ними открылась труба длиной метров десять, достаточно широкая, чтобы внутри мог свободно работать один человек или чтобы двое движущихся навстречу могли разойтись, хотя, конечно, им пришлось бы протискиваться. По стенам трубы аккуратными рядами шли лючки поменьше, шириной в растопыренную ладонь, тоже снабженные рукоятками. Лючков были сотни. На ближних к входу имелись распечатанные на принтере аккуратные этикетки и штрих-коды, на дальних не было ничего. Рядом с каждым горел синий светодиод, другого освещения здесь не было.

– Хотите сами провести церемониал? – спросила Мойра.

– Если только не замерзну при этом до смерти, – ответил доктор Андрада.

– В космосе холодно, – согласилась Мойра. – Но нам здесь это и требуется.

Она дала ему время натянуть перчатки, потом открыла холодильник. Он извлек оттуда решетку с пробирками. Мойра провела по штрих-коду на решетке сканером с пояса. Доктор Андрада влез в трубу и поплыл вглубь, осторожно отталкиваясь от стен – что сразу выдавало новичка в невесомости.

– Выбирайте первый же без этикетки, – сказала ему Мойра. – И, будьте добры, пока не закрывайте.

Доктор Андрада закашлялся – морозный воздух вызвал у него горловой спазм. Открыв один из лючков, он вставил решетку внутрь. Мойра тем временем отпечатала на ручном принтере наклейку, идентифицирующую весь комплект по-английски, на филиппинском и понятным компьютеру штрих-кодом. Когда доктор Андрада вернулся в стыковочный узел, она заняла его место в трубе, убедилась, что решетка должным образом установлена в узкой полости за лючком, после чего закрыла лючок и наклеила этикетку. Снаружи на лючке значился идентификационный номер и повторяющий его штрих-код – Мойра

сосканировала его и сверила результат с номером.

Светодиод рядом с лючком загорелся красным – это означало, что температура внутри слишком высокая. Пока Мойра все перепроверяла, он пожелтел – холод начал «просачиваться» внутрь. Потом ей надо будет вызвать эту камеру на планшете и убедиться, что лампочка опять синяя.

Вернувшись в стыковочный узел, она взялась за пластиковый щит, закрывавший холодную зону.

– Теперь вы знаете, зачем он нужен. Теплоизоляция. – Мойра защелкнула щит на прежнем месте. – Могу открыть и второй, только там будет то же самое.

– Спасибо за предложение, – откликнулся доктор Андрада, – только я и так уже промерз как никогда в жизни.

Они вернулись «вверх», в «Звезду», и проследовали оттуда вперед, в комплекс, где хранилась большая часть генетического оборудования. Кроме ящиков там сейчас ничего не было. С тем же успехом они могли бы направиться назад, в один из торов, однако Мойра по опыту знала, что для вновь прибывших переходы от невесомости к искусственной тяжести и обратно не сулили ничего хорошего.

Глаза доктора Андрады за дорогими очками смотрели на нее вежливо, но несколько скептически. И ничего удивительного. Мойра решила прощупать, что же на самом деле у него на уме.

– Надеюсь, вы простите мне церемонию, которую нам пришлось проделать. Я этим занимаюсь уже год, каждый день, если не дважды. Я не только ученый, но и жрица. Предполагается, что вы все это распишете в блоге. Расскажите людям внизу, как лично, своими руками доставили образцы из Манилы в морозильную камеру на «Иззи».

– Да, понимаю. И все опишу как надо. – Он сделал небольшую паузу, обозначая, что собирается сменить тему. – Я бы не назвал это децентрализованным хранилищем.

Мойра кивнула.

– Если десять минут спустя туда попадет метеорит, мы потеряем все образцы.

– Да. И меня это беспокоит.

– Как и меня. Но тут все сводится к статистике и математике. Пока что камней не так много, мы их видим и можем при необходимости уклониться. Хранить все яйца в одной корзине...

– И сперматозоиды, – уточнил доктор Андрада. Для Мойры сейчас не существовало более бородатой шутки.

– ...в ближайшую пару недель действительно безопасней, чем

распределять их по каплям. Однако, доктор Андрада, далее в плане именно это, и план будет приведен в действие, как только СФБ достигнет определенной пороговой величины.

Доктор Андрада кивнул.

– Можно звать меня Мигель.

– Мигель. А я – Мойра.

– Да. Мойра, ты знаешь, почему меня сюда отправили.

– Ты нашел способ увеличить эффективность фотосинтеза в рисе, пересадив ему гены кукурузы. Твои посадки на Филиппинах уничтожил «Гринпис», но ты сумел продолжить работы в Сингапуре. Вскоре после Ноля ты взялся за выведение породы риса, пригодной для выращивания на гидропонике при пониженном тяготении.

– Корис, – подтвердил Мигель, чуть заметно закатив при этом глаза. (Этот термин, сокращение от «космического риса», изобрел репортер-энтузиаст из сингапурской газеты, и теперь из заголовков в таблоидах и интернет-дискуссий его было уже не выкорчевать.) – Ты ведь понимаешь, что расти без хоть какого-то искусственного тяготения он не сможет? Если нет верха и низа, корневая система не разовьется. С водорослями проще – им-то все равно.

– Нам в любом случае еще долго питаться водорослями, – ответила Мойра. – Время кориса настанет позднее, когда мы построим побольше вращающихся помещений с искусственной силой тяжести. И вот тогда-то, Мигель, вот тогда-то!

– Что – тогда-то? – удивился Мигель.

– Коэль!

– Коэль?

– Космический эль! – объяснила Мойра. – Рис, конечно, не ячмень, но пиво из него тоже прекрасно варится.

– Хлоп! – сказал Маркус. Сказать пришлось, поскольку хлопнуть у него возможности не было. Традиционно борец сообщает своему партнеру по тренировке, что не может разорвать захват и сдается, похлопав его или ее по руке, ноге или другой части тела, до которой удалось дотянуться. Однако дотянуться Маркус не мог никуда. Фекла держала в захвате обе его руки.

Она выпустила его за мгновение до того, как они доплыли до мягкой обивки стены Цирка – большого и преимущественно пустого модуля, зарезервированного для упражнений, – и оба вытянули руки, чтобы смягчить удар.

С противоположной стороны Цирка за всем этим с интересом наблюдали Дзюн Уэда, инженер по имени Том Ван Митер, Болор-Эрден и Вячеслав Дубский. Мужчины угрюмо молчали. Болор-Эрден, которую никак нельзя было упрекнуть в отсутствии энтузиазма, позволила себе трижды хлопнуть в ладоши, но остановилась, поняв, что никто к ней не присоединится.

– Ладно, – произнес наконец Вячеслав, – лично я теперь убедился. Самбо можно применять в невесомости. – Он быстро взглянул на остальных. – А также, надо полагать, джиу-джитсу, вольную и монгольскую борьбу.

– Очевидно, придется обходиться без бросков. И вообще без приемов, связанных с переносом веса, пусть даже на Земле они самые важные, – заметил Маркус.

– Ограниченное число приемов, – кивнул Дзюн. – Нечто вроде борьбы в партере на ковре. Только без ковра.

Том Ван Митер, который, обучаясь инженерной специальности в университете Айовы, параллельно занимался вольной борьбой, развернулся к стене и попытался нанести удар в мягкую обивку. Несмотря на то что Том был мужчина крупный и очень сильный, удар получился совсем вялый, а сам он поплыл к противоположной стене модуля.

– Мы и с этим экспериментировали, – сказал Маркус. – Бить тоже не особо получается.

Перед самым столкновением со стеной Том выбросил вперед обе руки и шлепнул ладонями по мату, чтобы погасить импульс.

– В торе или в бола все должно работать как обычно, – заметил он. – Но насчет невесомости ты прав, это новый рубеж, который боевые искусства пока не взяли.

– Главное – ухватиться, – пожала плечами Фекла, – дальше без особой разницы.

– На Ковчеге имеется с десяток тазеров, – сказал Маркус. – Я их не заказывал. Когда я прилетел, они уже были здесь. Про них никто не знает. И меня не особо радует перспектива того, что кто-то станет расхаживать с оружием – пусть даже всего лишь с тазерами, – а все вокруг будут безоружны. И тем не менее. Нас здесь около двух тысяч. В любом городке с подобным населением на Земле имеется полиция. Неизбежны преступления. И конфликты.

– А что в конституции сказано про полицию? – спросила Болор-Эрден. – Я до конца не дочитала.

Присутствующие дружно расхохотались, давая понять, что оценили

шутку.

– Никто из нас не дочитал, Бо, – успокоил ее Маркус. – Если эту ерунду распечатать, она будет вот такой толщины, – он развел большой и указательный пальцы сантиметров на пять. – Там потрудились, ясное дело, целая комиссия.

– Маркус, я все правильно понимаю? – озабоченно спросил Дзюн. – Ты ведь не хочешь сказать...

– Нет, Дзюн, я вовсе не призываю на нее наплевать. Можешь мне поверить, я только и делаю, что ору на них и требую ее упростить, дать нам... как это называется...

– Шпаргалку? – предположил Том.

– Именно. Пока мы окончательно не завалили экзамен. Дать нам элементарное руководство по эксплуатации. Но где-то в этом томе упоминается и полиция. Я делал поиск по ключевому слову. И поначалу это будет скорее народная милиция – ввиду отсутствия профессионалов. Я изучил ваши личные дела. Все вы занимались той или иной разновидностью борьбы. А борьба есть единственная форма организованного насилия, от которой на космической станции будет какой-то прок – если оставить в стороне совершенно безумные варианты.

– Как насчет драться на палках? – поинтересовался Том.

– Я знал, что ты спросишь, у тебя в резюме упоминается знакомство с кендо, – согласился Маркус. – Идея сама по себе неплохая. Однако у меня есть один встречный вопрос.

– Какой?

– Где ты здесь видишь палки?

– Мы же собираемся растить деревья? – усмехнулась Бо.

– Так быстро их не вырастить, – усмехнулся Маркус в ответ. – Поэтому я всего лишь прошу вас вот о чем – ненадолго собирайтесь каждый день в этом модуле и тренируйте борцовские приемы. Впоследствии может пригодиться.

Длюб спал так плохо, что заподозрил было, что заснуть ему вообще не удалось. Однако часы показывали примерно точка-пятнадцать. Когда он залезал в спальник, на них было точка-девять или около того. В какой-то момент он все-таки отключился. Он слабо представлял себе, когда именно.

Вечерний видеосеанс связи с Амелией прошел не лучшим образом. Не сказать, чтобы все было ужасно – не было ни криков, ни слез, – однако сначала они говорили только о бомбардировке Куру, а потом доброй беседы так и не получилось. С Генри вышло примерно то же самое.

Им уже почти нечего сказать друг другу. Звучит чудовищно, но так оно и есть. Члены его семьи готовились к встрече с создателем – до нее осталось две, три, самое большее четыре недели. Правительство раздавало всем желающим бесплатные таблетки для эвтаназии; тысячи людей ими уже воспользовались, морги были переполнены. Экскаваторы рыли братские могилы. Дюб же в это самое время готовился, говоря честно и откровенно, к величайшему в жизни приключению.

В глубине души он предпочел бы, чтобы его родные уже умерли.

Несколько дней назад он произнес эти совершенно невозможные слова Луизе, и она лишь кивнула:

– Такое сплошь и рядом происходит с теми, кто ухаживает за родственниками на последней стадии Альцгеймера или чего-то подобного. К их мукам добавляются еще и чудовищные стыд и чувство вины.

– Но ведь у Амелии нет Альцгеймера, просто она...

– Это неважно. Когда ты ее видишь, когда разговариваешь с ней, тебе тяжело. На каком-то уровне сознания твой мозг хочет, чтобы то, от чего тебе тяжело, прекратило существование. Простейшая реакция. Она не означает, что ты плохой человек. И равно не означает, что ей следует поддаваться.

Сначала его заставили ворочаться с боку на бок – если эти слова применимы к тому, кто никак не может заснуть внутри просторного мешка в невесомости – мысли обо всем этом, а следом за ними – вопрос «Когда?». День 720 плюс-минус несколько суток было годным прогнозом в День 360. Сейчас заканчивался День 700, и вот эти «плюс-минус» стали серьезно его беспокоить. В последнее время прогноз сузился до «плюс-минус три дня», однако лишь как уступка политическому давлению. С научной точки зрения для такой точности не было особых оснований. К тому же для ученых сам смысл утверждения несколько отличался от общепринятого. Простые люди понимали его как «однозначно между 717 и 723». Ученые же сказали бы, что если повторить эксперимент по разрушению Луны достаточное количество раз, фиксируя время наступления Белых Небес при каждой попытке, то эти времена образуют так называемое нормальное распределение, лягут на колоколообразную кривую, и примерно две трети случаев окажется в указанном интервале.

Это в свою очередь означало, что оставшаяся треть будет за *пределами* интервала, причем отдельные случаи – *далеко* за пределами. Нельзя было исключать, что все произойдет завтра – и даже что оно происходит *прямо сейчас*, пока Дюб плавает здесь в своем чертовом мешке.

Поэтому, когда в точка-пятнадцать его разбудила Дина, он вовсе не

рассердился. Скорее даже был ей благодарен.

Обычная вежливость не позволила Дюбу произнести это вслух, однако выглядела Дина ужасно. Даже не в смысле эмоционального истощения. Просто физически выжата, как лимон.

– Слышал про Гвиану? – спросила она через плечо, пока они вместе пробирались в Шахтерский поселок.

– Да.

– Ладно.

Больше она не произнесла ни слова, пока они не добрались до мастерской. По всему помещению виднелись следы сеансов связи в старомодном значении этого слова – приклеенные липкой лентой на все свободные поверхности листы бумаги, плавающие повсюду затупившиеся карандаши, страницы из «инструкции для сотрудников» с вычеркнутыми строчками использованных символов.

– Пришлось сказать Шону, что пора завязывать, – подтвердила Дина. – У меня силы на исходе. Не могу больше. Надо хоть чуть-чуть поспать. Эта хрень все-таки очень сложная, ошибаться-то нельзя. А передавать с такой скоростью, чтобы Шон ничего не пропустил – все равно что медленно ходить.

– Медленно ходить?

– Понимаешь, с обычной скоростью можно ходить сколько хочешь. Ничего сложного. А если идти в два раза медленней – ну, вроде как вместе с кем-то, кому идти трудно? Замучаешься я не знаю как!

– Все понял.

– Когда я запросила пощады, он переменял тему. До тех пор все было в духе «привет, как дела, ну и сколько вас там на Ковчеге?», но стоило мне его немного поторопить, он заговорил про сенситивный анализ.

Дюб расхохотался.

– Ого, – заметила Дина, уставившись на него. – Я ожидала немного другой реакции.

– Я не спал последние несколько часов, потому что именно об этом и думал.

– А, так тебе понятно, что Шон имеет в виду. Я вот необразованная деревенщина, мне пришлось его переспрашивать.

– Думаю, он имеет в виду вопрос, насколько мы на самом деле уверены, что все случится именно в День 720. И степень нестабильности всей системы.

– Угу, именно это.

– Чем ближе мы к этой дате, тем больше все похоже на неуправляемый

ядерный реактор – то есть это, я хотел сказать...

– Можешь выбрать любую метафору – я все поняла, – успокоила его Дина.

– Любую систему, достигшую подобной нестабильности, может вывести из равновесия что угодно на уровне шума. И мы по определению не можем этого предсказать. Скоро все зависнет на грани и может сорваться от любого косого взгляда. Лавина неизбежна, но мы понятия не имеем, какой именно камешек ее вызовет.

Дина какое-то время взвешивала в уме его слова, потом отвела глаза и бросила взгляд на радио.

– Шон имеет.

– Кажется, я не расслышал, – сказал Дюб после долгой, страшно неуютной паузы.

– Шар номер восемь, – ответила Дина. – Шон его так называет. Ты не знаешь про этот камень. И не можешь его увидеть. Он слишком далеко и слишком темный.

– Подожди, Дина, я запутался – речь о каком-то гипотетическом астероиде...

– Нет. О конкретном. И совершенно реальном. Дюб, послушай, ты же знаешь, что «Арджуна» не один год запускала микроспутники. У нас в небесах плавают сотни глаз, которые фотографируют околоземные астероиды, ведут их учет и определяют орбитальные параметры с максимальной доступной нам точностью. Короче, очевидно, Шон, как и ты, не спал ночами, думая о том же самом. О чрезвычайной нестабильности тучи лунных обломков. О том, насколько она чувствительна к любому возмущению. И тут его посетила блестящая мысль: почему бы не сделать поиск по секретной базе данных «Арджуны» и не выяснить, не пройдет ли какой-нибудь плохиш через эту тучу в ближайшую пару недель, когда все повиснет на волоске?

– У него с собой база данных?

– Ну да, подумаешь, это просто электронная таблица.

– Значит, он открыл таблицу и провел анализ?

– Угу. Дюб, послушай, я все это собрала по кусочкам из косвенных свидетельств. Ты сам видел, какая была связь!

– Я тебя понял.

– Я думаю, что он провел анализ и нашел такой астероид, который он называет «шар номер восемь». Я так поняла, у него низкое альbedo.

– Черный шар. Все «восьмерки» черные.

– Я ничего не знаю про его размер или орбитальные параметры,

вообще ничего. Но Шон полагает, что он пройдет прямо сквозь тучу через шесть часов.

– *Через шесть часов?!*

– И что кинетической энергии у него хватит для, ну, чего-то интересного.

Дюб думал об Амелии. И о чувствах, совсем недавно не дававших ему заснуть. Разумеется, сейчас все развернулось на сто восемьдесят градусов, и он пришел в ужас при мысли, что она, Генри, Геспер и Гедли вот-вот умрут.

Дина поняла это так, что Дюб пытается производить в уме астрономические вычисления.

– У меня есть шесть часов, чтобы поспать, – сказала она. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Дина, – ответил ей Дюб.

Было около точки-шестнадцать, время пересменки, для тех, кто в третьей смене – самое начало вечера. С точки зрения обычного жителя Земли рабочий день Маркуса вот-вот должен был закончиться. Но, разумеется, как и почти каждый на Ковчеге, он не прекращал работать, пока бодрствовал. Даже то, что казалось отдыхом – к примеру, рукопашные упражнения в Цирке, – имело и более серьезную цель. Таким образом, пересменка, которой заканчивался «рабочий день» и начинался «вечер», в его случае была чистой формальностью. Однако он сделал обычаем в это время суток заниматься тем, что сам называл «бумажной работой». С этой целью он и пригласил сейчас в свой маленький кабинет рядом с Бункером Сальваторе Гуодяна, Единственного Юриста в Космосе. Сын китайца из Сингапура и итальянской графини, чьи родители перебрались в островной город-государство, спасаясь от налогов, он окончил школу, где в основном учились потомки экспатов-англичан, поступил в Беркли, через полтора года бросил учебу и присоединился к стартапу, остался буквально без штанов, продолжал болтаться от одного стартапа к другому, пока наконец не сколотил кое-какой капитал, попутно заинтересовавшись юриспруденцией. Деньги проложили ему дорогу на юридический факультет, даже несмотря на отсутствие первичного диплома, пятнадцать лет он проработал в различных офисах солидной адвокатской фирмы – Лос-Анджелес, Сингапур, Сидней, Пекин, Лондон и даже Дубай, – уволился, когда ему так и не предложили партнерства, пересек Китай на мотоцикле, переехал в Сан-Франциско и стал там главным консультантом фирмы-трейдера цифровых валют, а в свободное время оказывал помощь общественным

организациям, отстаивающим свободу Интернета, или выбирался в пустыню, чтобы запустить поближе к космосу очередную огромную самодельную ракету. Сала (как все его называли) в числе первых привлекли к работе над конституцией Облачного Ковчега. Он провел в Гааге полтора года, пока его не «выдернули» – теперь это называлось так – и не отправили на орбиту. Ему было сорок семь, но при неярком освещении он мог сойти за тридцатилетнего.

Чтобы облегчить себе жизнь в невесомости, а равно и устав бороться с намечающейся лысиной, Сал перешел на короткую «вакуумную стрижку». В космосе это был самый простой способ ухода за волосами. «Вакуумные ножницы» представляли собой комбинацию электрической парикмахерской машинки и мощного пылесоса. Стриглись ими самостоятельно, и даже у самых придиричивых весь процесс занимал не более полминуты. Рекомендовалось использовать затычки для ушей. В лучшие времена Сал носил роскошную гриву волнистых черных волос, а мысок на лбу намекал на его итальянское происхождение, однако с вакуумной стрижкой он выглядел китаец китайцем. Он знал семь языков, и если у кого-то из ныне живущих конституция Облачного Ковчега – сам он называл ее КОК – и помещалась в мозгах целиком, так это именно у Сала. Насколько это будет зависеть от Маркуса (а зависело это только от него), Салу вскоре предстояло взять на себя функции генерального прокурора, главы следственного комитета, а также верховного и мирового судьи.

В ответ на эти слова Сал расхохотался. У него были отличные зубы.

– Ты же понимаешь, что все эти роли в принципе несовместимы! Они так и задуманы, чтобы противостоять друг другу где только возможно.

– Тогда назначь на соответствующие должности кого-то еще. Послушай, Сал, речь идет о том, чтобы привести систему в действие. Должны же мы с чего-то начать?

– Хорошо, давай рассматривать сценарии, – согласился Сал. – Некий каппи из Южного Абсурдистана изнасиловал каппи из Андорры. Случилось это в месте, где нет видеокамер.

– Такие места еще поискать, – возразил Маркус.

– Хорошо. Пусть это случилось в капле. Во всяком случае, так утверждает жертва. Оттуда она отправилась в медпункт для медицинского освидетельствования.

– А у нас что, есть комплекты для подобных анализов? – удивился Маркус.

– Откуда я знаю? – в свою очередь удивился Сал. – Если нет, надо будет заказать. Так или иначе, есть страны, где в подобной ситуации судья

должен будет выписать ордер, чтобы полиция могла просмотреть видеозаписи из капли. Потому что, видишь ли, Маркус, есть такие страны, где люди имеют право на личную жизнь и на то, что за ними не ведется непрерывное наблюдение.

– А как с этим обстоит у нас?

– Забавно, что ты не знаешь даже этого, но я готов подтвердить, что определенные права за людьми признает и КОК. Однако эти права могут быть ограничены или полностью отменены в период действия упрощенных административных процедур.

– ПДУАП, – кивнул Маркус. – Эту часть я помню. Эвфемизм для законов военного времени.

Похоже, Сал был готов не то обидеться, не то рассмеяться.

– Могу я попросить тебя, чтобы ты не думал об этом подобным образом – или, если это невозможно, хотя бы вслух не произносил?

– Но ведь...

– Намного лучшая аналогия – власть капитана на корабле в открытом море. Там он вправе делать различные вещи – скажем, заключать и расторгать браки или сажать кого-то в карцер, – совершенно невозможные, если тот же корабль стоит у манхэттенского пирса.

– Слушай, мне совершенно некогда обсуждать гипотетические изнасилования, – Маркус бросил взгляд на свои часы – разумеется, швейцарские, сделанные по спецзаказу женевской фирмой как способ оставить о себе память: «когда-то мы существовали, и посмотрите, на какое великолепие мы были способны». – Я хотел обсудить с тобой очень простой и фундаментальный вопрос, а именно: на чем держится мой авторитет? Или, если меня заменит Айви или Ульрика, на чем будет держаться ее авторитет?

Сал, очевидно, не совсем его понял.

– Авторитет – в смысле?

Не получив никакого ответа, если не считать неразборчивого, но явно нетерпеливого бормотания, Сал попробовал еще раз:

– Маркус, авторитет может означать совершенно разные вещи.

– Я сейчас не о моральном авторитете, лидерских качествах и всем таком. И не о той теоретической лояльности, которую каппи должны испытывать к своему капитану. Я о том, что случится, если нам понадобится арестовать насильника из Южного Абсурдистана, а он станет сопротивляться, и дружки решат выступить на его стороне!

До сих пор Сал воспринимал беседу как увлекательные упражнения в теории права. Теперь он посерьезнел.

– Ты сейчас говоришь о власти. Что она означает. И что представляет собой.

– Да.

– Это старинный вопрос. Его много кто себе задавал – фараоны, средневековые короли, мэры Нью-Йорка.

– Да, – повторил Маркус.

– Когда ты отдаешь приказ, откуда у тебя уверенность, что он будет выполнен? В этом ведь и заключается власть.

– Яволь, ваша честь!

– В обычной ситуации я бы начал говорить о моральном авторитете, лидерских качествах и всем таком. Но ты все это уже исключил.

– Когда прижмет по-настоящему, или как там это правильно будет по-английски...

– Традиционно ответ сводится к тому, что у короля есть стража, у мэра – начальник полиции и так далее. И что абсолютным фундаментом власти является способность физически принудить людей к повиновению.

– Вот теперь ты говоришь о деле. И что все это означает для меня в рамках КОК?

– Понимаешь, – ответил Сал, – в известном смысле, чем больше ты надеешься на то, что тебе будут подчиняться, тем у тебя в некотором роде меньше власти. Это все равно что признать поражение.

– Сал, – спросил вдруг Маркус, – ты здесь давно?

– Двести с чем-то дней.

– И сколько времени мы с тобой провели, обсуждая КОК?

– Понятия не имею, но в общей сложности часов сто.

– И сколько из этой сотни часов мы обсуждали вот этот конкретный вопрос?

Сал тоже взглянул на часы.

– Минут пятнадцать.

– Значит, исходя из такого распределения нашего с тобой времени, ты мог бы заключить, что на общем фоне этот вопрос для меня совсем не важен. Однако, Сал, он очень даже важен. Когда мне потребуется арестовать преступника, а товарищи встанут на его защиту, я должен иметь ответ. Должен знать, что мне делать. Должен быть готов. В этом – смысл моей работы. И причина, по которой она мне досталась.

В дверь кабинета постучали, что было не совсем обычно. В данный момент Маркус решил не обращать внимания.

– В условиях ПДУАП ты можешь поручить конкретным людям обеспечить выполнение твоих приказов с использованием физического

насилия в приемлемых пределах. Как только ПДУАП закончится...

– И как скоро, по-твоему, это произойдет? – В тоне Маркуса ясно читалось, что сам он с ответом уже определился.

– Если нам вообще удастся выжить? На это потребуются годы, – ответил Сал.

– Значит, сейчас имеет смысл обсуждать только ПДУАП, – констатировал Маркус. Затем он крикнул в сторону двери: – Минутку! – и опять обратился к Салу: – А что есть приемлемые пределы физического насилия? Кто решает, что приемлемо, а что нет?

– Ну, – протянул Сал, – если ты собираешься назначить меня прокурором, следователем, мировым и уголовным судьей в одном лице, получается, что я.

– Если в кого-то выстрелили из тазера, это привело к остановке сердца, и он умер – это приемлемо?

– Бог с тобой, Маркус, что это на тебя нашло?

– Я рассматриваю сценарии, – ответил Маркус. – Чтобы быть готовым. И ты тоже должен быть готов. Не к гипотетическим изнасилованиям, а к тому, что, вероятно, начнется на самом деле, и очень скоро. – Маркус смотрел Салу прямо в глаза, пока тот не кивнул в знак того, что понял. Тогда он опять повернулся к двери: – Заходите!

«Дверь» в данном случае была сухопутным термином для того, что на кораблях, в том числе и космических, называлось люком. На «Иззи» выработалась своего рода конвенция, в рамках которой в тех ее частях, где была искусственная тяжесть, использовалось слово «дверь». Там, где ты плавал в невесомости, люк оставался люком.

Дверь открылась, и за ней обнаружился Дюбуа Джером Ксавье Харрис. Выражение его лица, а равно и то обстоятельство, что он вломился к Маркусу, когда у того совещание, означали – случилось что-то серьезное. Мозг Маркуса немедленно ухватился за наиболее правдоподобное объяснение:

– Президент сбросила еще бомбу?

На лице доктора Харриса отобразилось изумление, он покачал головой. Что-то еще.

– Это что-то частное, нам лучше остаться наедине? – спросил его Маркус, многозначительно глянув на Сала.

Тот встал, показывая, что готов их покинуть. Однако доктора Харриса это предложение скорее позабавило.

– Речь о наименее частном событии из всего, что уже было или еще будет, – ответил он. – То есть – спасибо, нет. У меня есть причины полагать,

что наше расписание только что существенно изменилось. Существует вероятность, что Белые Небеса начнутся через шесть часов. – Доктор Харрис бросил взгляд на собственные часы. – Вернее, уже пять.

Взгляд Маркуса метнулся к дисплею:

– Незаметно, чтобы СФБ резко выросла.

– Причиной будет прохождение астероида сквозь тучу обломков.

– Кому-то на Земле это известно?

– В зависимости от того, насколько тщательно прослушивается этот кабинет.

– То есть твоя информация не с Земли?

– Нет. Она идет из глубин космоса.

– Случайно не зашифрованной морзянкой? – небрежно поинтересовался Маркус, обменявшись взглядами с Салом.

Их совещание, начавшееся около часу назад, было вызвано письмом от Джей-Би-Эф, в котором она жаловалась именно на эти передачи и требовала принять меры. Начав обсуждать, *как именно* в данном случае принимать меры и нужно ли вообще подчиняться в этом вопросе Белому дому, Маркус и Сал как раз и забрели в дебри дискуссии о власти. Что Маркуса в данном случае вполне устраивало. Поскольку если кто-то и впрямь посылал с «Иzzi» загадочные шифровки азбукой Морзе, этот кто-то была его подруга. И уж ее-то он точно арестовывать не собирался. Конечно, поднимется вой насчет конфликта интересов, однако воюющим осталось жить совсем недолго, а их власть сюда не распространяется.

Если не допускать, что они внедрили в ряды каппи или регуляров пятую колонну, готовую в нужный момент совершить переворот.

– Маркус, – встревожился доктор Харрис. – Ты меня слышишь? Ты вообще понял, что я сказал?

– Прошу прощения, доктор Харрис. Я отвлекся – задумался о вещах, о которых вообще-то положено думать Салу.

– Можешь просто поручить что-нибудь из них мне, – откликнулся Сал. – Знаю, ты предпочитаешь все делать сам, однако...

– Пожалуйста, закрой дверь, – перебил его Маркус.

Доктор Харрис подчинился.

– Я более или менее уверен, что за кабинетом наблюдение не ведется.

– Принято к сведению.

– Это ведь Дина, Дюб?

– Она общается с Шоном Пробстом по зашифрованному каналу, – подтвердил Дюб.

Маркус одобрительно кивнул:

– Вот это девчонка, я понимаю! Однако, черт побери, у нее будут неприятности.

Дюб и Сал замолчали. Маркус тем временем отстучал Фекле сообщение из одного-единственного слова.

– Сал, – сказал он, отправив эсэмэску, – я объявляю ПДУАП.

– Я не уверен, что мы уже имеем право...

– И кто нас остановит?

Дюб и Сал снова замолкли, не найдя, что возразить.

– Что, Джулия – я больше не называю ее президентом – и по нам шарахнет боеголовкой? – Маркус, не переставая говорить, отправлял эсэмэску за эсэмэской.

– У нее – или, скажем, у русских с китайцами, – могут быть и другие способы тебя отстранить...

– Я об этом уже думал, – сообщил Маркус. – О том, что среди нас могут быть агенты. Военные с тазерами или типа того. Ожидающие приказа. Я заговаривал на эту тему с Федором, Чэном и Зиком, пытался выяснить их мысли по этому поводу, прощупать обстановку.

– Маркус, – сказал Дюб, – при всем уважении, мне кажется, что тебе сейчас следует думать совсем о другом.

– Именно поэтому конституционную часть этого вопроса я сейчас возлагаю на Сала, а исполнительную – вот на нее, – Маркус кивнул на дверь, которая без стука распахнулась, внутрь скользнула Фекла и закрыла ее за собой. – Объявлять всему миру, что мы переходим к ПДУАП, необходимости нет. У нас пять часов, чтобы подготовиться ко всему без лишнего шума. Сейчас я свяжусь с Мойрой и предупрежу ее, чтобы она готовилась распределять генетические образцы по каплям. И скажу Ульрике, что нужно готовить Салют. – Маркус имел в виду давно запланированный всплеск запусков, которые должны были произойти за имевшиеся у них несколько дней между Белыми Небесами и началом Каменного Ливня. – Все это следует делать, не привлекая лишнего внимания. Через пять часов либо начнется, либо нет. В последнем случае мы просто вернемся к обычной работе и будем считать случившееся генеральной репетицией.

Дверь снова открылась, на сей раз после предупредительного стука, внутрь вплыл ноутбук, за ним – его владелец, молодой человек по имени Стив Лейк, а следом – дреды Стива. За полтора года на борту «Иzzi» Стив, подобно Одиссею, так и не поддался на призывную песнь вакуумных ножниц, однако устал ухаживать за своей гривой и позволил ей свалиться в рыжие косички. Его выдернули из консалтинговой фирмы на севере

Виргинии, специализировавшейся на найме хакеров для работы на разведку, и отправили в помощь Спенсеру Грайндстаффу, который ведал компьютерными сетями и связью в первоначальном экипаже «Иzzi». Спенсер был человеком АНБ до мозга костей, он попал туда сразу после Массачусетского технологического и занимался всякой стремной криптографией. Стив, похоже, был слеплен из совсем другого теста. Сейчас он выглядел слегка озадаченным.

– Стив, – начал Маркус, – нам нужно побеседовать с тобой о системе управления.

Стив нахмурил брови.

– В смысле – о системе управления компьютерами «Иzzi», или...

– Об этой, второй.

– Э, ладно, это будет типа абстрактная философская дискуссия, или...

– Нет, в конце беседы я данной мне ПДУАП властью прикажу тебе поменять на «Иzzi» все административные пароли и перепрограммировать ключи.

– Ого! – воскликнул Стив. – Так, может быть, тебе с этим к Спенсеру? В штатном расписании он выше меня.

– Штатное расписание мне известно, – возразил Маркус. – Согласно ПДУАП я имею право его менять.

– О каком ПДУАП ты все время говоришь?

– Сал потом тебе объяснит. Пока что лучше не будем тратить время на подробности. Существенно здесь то, что речь идет о твоей лояльности, о том, кому и чему ты верен. Я полагаю, что Спенсер чрезвычайно лоялен правительству, оставшемуся на Земле, и не хочу ставить его сейчас перед тяжким выбором. Либо он присоединится к нам позднее, либо нет. Ты, как мне кажется, от него отличаешься. Фактически я предлагаю тебе сейчас присягнуть на верность Облачному Ковчегу и больше никому, будь то Вашингтон или Хьюстон. И, как следствие, признать над собой власть того, кто руководит Облачным Ковчегом. В данном случае – мою.

– Годится.

– Ты должен над этим хорошенько поразмыслить, Стив, а не просто ответить «годится».

– Я над этим не первый день размышляю. И хочу предупредить, что в системах могут быть закладки. Я могу поменять пароли к тем программам, о которых знаю. Те, о которых мне неизвестно – совершенно отдельная проблема.

– Значит, будем держать ухо востро.

Дюб даже близко не представлял себе, сколько раз в жизни ему случалось заметить на небе ватный клочок облачка, а несколько часов спустя обнаружить, что солнце полностью скрылось за пеленой туч. Подобные явления происходят медленно, и сознание неспособно зарегистрировать их как единое целое. Нечто похожее произошло с тучей лунных осколков, провисевшей в небе семьсот дней, на исходе A+1.335. Позже, когда видеозапись станут смотреть в ускоренном режиме, в котором произошедшие за день изменения спрессуются в одну минуту, все будет похоже на взрыв. Или, скорей, на эпидемию взрывов. На внимательном, покадровом просмотре видео будет заметно, как она распространяется вслед за Шаром номер восемь с одного конца тучи на другой. Подобно частице в пузырьковой камере сам астероид был бы невидим, если бы не его след. Еще несколько месяцев назад он мог бы пройти сквозь тучу, ничего не задев, но сейчас плотность осколков возросла настолько, что столкновений было не избежать. По очень грубым статистическим прикидкам Дюба выходило, что их было десять плюс-минус пять. Не так много, учитывая, что туча состояла из миллионов камней, однако достаточно, чтобы система, застывшая в неустойчивом равновесии на грани экспоненциального взрыва, свалилась за эту грань. Там, где проходил астероид, вспыхивали Белые Небеса. Туча расплывалась причудливыми узорами, словно сливки в чашке кофе, распространяясь во все стороны и бледнея, хотя внутри нее тут и там возникали новые вспышки – камни, выброшенные в стороны первыми столкновениями, тоже соударялись и запускали цепные реакции меньших масштабов. Кое-где туча приобрела ячеистую структуру – круги взрывных волн, распространяясь, сталкивались с другими, образуя белую кружевную пену. Во всем была строгая монохромная красота. Огня не было, только холодный свет Солнца, отраженный от обломков. Огонь появится позднее, когда осколки начнут входить в атмосферу, и тогда его будет более чем достаточно. Но пока что конец света представлял собой фрактальный цветок из пыли и гравия, апокалипсис в песчаном карьере.

Кто-то заметил Дюбу:

– Ты прямо в точку попал, назвав это Белыми Небесами.

– Приятно оказаться правым, но не в данном случае, – горько откликнулся он.

Скорость фрагментации болидов уже через несколько часов после

появления Шара номер восемь вышла за рамки всех мыслимых пределов, так что Дюб перестал за ней следить. В любом случае число сейчас вряд ли было верным. Оно было лишь оценкой, которую консорциум обсерваторий делал на основе наблюдений за количеством исходящего от обломков света и его распределением. А все предположения, на основе которых велись вычисления, больше не соответствовали действительности.

Дюб пытался наводить оптический телескоп туда, где должны были находиться ПК1, ПК2 и Расщелина – крупные, богатые железом потомки Персиковой Косточки, – но не мог рассмотреть ничего, кроме отдельных неоднородностей в плотности тучи, предположительно порождаемых камнями, которые разбивались на мелкие кусочки о темную металлическую поверхность. Дюб не знал, увидит ли снова эти гигантские скалы.

Визуальная картинка Луны в небесах, позволяющая прикинуть ее прежний размер, уже почти стерлась у него из памяти, так что он не мог оценить, насколько по сравнению с ней выросла туча. Разумеется, данные для вычислений можно было найти в справочниках. Только числа его не особенно волновали. Иногда Луна выглядела огромной, иногда – совсем крошечной, в зависимости от того, насколько близко она была к горизонту, а также от чисто психологических и эстетических факторов. За редким исключением для всех, кто находился сейчас на ночной стороне Земли, только эти факторы и имели значение. Дюб хотел знать, насколько большой туча кажется людям внизу, что *они* чувствуют. Хотел бы увидеть ее над Чино-Хиллз из дворика «Атенеума» Калтеха, где сам в последний раз видел Луну за несколько минут до Ноля, и представить себе, каково оно – стоять на твердой земле, смотреть на тучу и знать – это Смерть.

Как и большинство, он составил список всех, с кем хотел бы попрощаться, потом безжалостно вычеркнул девяносто процентов имен, поскольку понимал, что на каждого времени не хватит. В последние месяцы на Земле он лично встретился и распрощался с кем необходимо. С орбиты он попрощался со всеми остальными, по видеосвязи или отправив тщательно обдуманное электронное письмо. С теми, кому он сказал «прощай», Дюб на связь уже не выходил. В последний раз встретиться с коллегой в баре, вспомнить о былом, расплакаться, обняться и произнести слова прощания, а пару месяцев спустя отправить ему же мейл с запросом о последних наблюдениях было решительно невозможно. Как следствие с каждой новой отметкой в списке круг его знакомств неуклонно сокращался и теперь состоял лишь из жены и троих детей. Когда Шар номер восемь сделал свое дело, связаться с ними стало значительно трудней. Связь

между «Иzzi» и Землей была ограничена совокупной пропускной способностью антенн и передатчиков станции. Личные сообщения по сравнению с рабочими имели низкий приоритет, а количество рабочих во время подготовки к последнему всплеску запусков (или Выплеску, выражаясь словами Дины) резко выросло. Дюб постоянно слал Амелии и детям эсэмэски, которые застревали в очереди на отправку то на несколько минут, то на несколько часов, половина так и не ушла. Каждый раз, стоило ему уже совсем отчаяться, он вдруг получал ответ от Генри, Гедли или Геспер. Посылать сообщения и получать ответы стало для него важнее сна, так что Дюб, что называется, «поломал смену» и спал урывками, на полу в Парке или просто уронив голову на стол, как школьник на парту – телефон был у самого носа, и он чувствовал вибрацию, если что-нибудь приходило.

Примерно через сутки после того, как Дюб сообщил Маркусу про Шар номер восемь, ему наконец стало ясно, что он уже никогда не сможет поговорить со своими близкими, если, конечно, не считать разговором спорадические и непредсказуемые эсэмэски. Все, что он должен был им сказать, следовало сказать раньше. Неожиданностью это не оказалось, он уже давно без устали повторял себе, что при каждой беседе нужно вести себя так, словно она – последняя. И тем не менее вечером Дня 700 он только и делал, что прокручивал записи видеочатов с каждым из родных и укорял себя за то, что позабыл сказать.

От Генри пришло сообщение: «Как все выглядит сверху?»

Дюб посмотрел на часы. В Мозес-Лейк сейчас была ночь. Он представил себе Генри – как тот сидит между сменами на старом разбитом диване, который они вместе вывезли из Сиэтла, прихлебывает пиво и смотрит, как Белые Небеса протягивают к нему призрачную руку.

Дюб не знал, что ему ответить.

«Кажется, я вижу, как оно вытягивается вдоль орбиты – начинают формироваться кольца», – написал он наконец.

«Я про Землю», – уточнил Генри.

Дюб отправился искать место, откуда можно взглянуть на Землю через настоящее окно, а не посредством проклятых ситуационных мониторов. В конце концов он оказался в Суеверном шарике. Внутри было довольно много народу. «Иzzi» должна была вот-вот пересечь терминатор и уйти с дневной на ночную сторону. Но и над ярко освещенным Тихим океаном на прозрачной оболочке атмосферы можно было рассмотреть тоненькие царапины: белые следы болидов. Над темной стороной они выглядели как дуги голубого пламени – некоторые раздваивались, другие заканчивались ярко-красными вспышками, когда метеорит достигал Земли. Иными

словами, все выглядело как вчера и позавчера. Случись метеоритная активность подобного уровня внезапно, еще два года назад она была бы самым поразительным астрономическим явлением в истории человечества. Однако начиная с самого первого болида, пропахавшего землю Перу через несколько дней после Ноля, количество метеоритов в поле зрения неуклонно росло. Люди успели привыкнуть. Многие даже постили селфи с красными от «метеоритного ожога» физиономиями – они подверглись воздействию ультрафиолетового излучения от пролетающих мимо метеоритов, как если бы сильно обгорели на солнце.

«Смотрю сейчас на тебя», – напечатал Дюб. Он думал добавить: «Хотел бы я быть рядом», но сообразил, что получится глупо. «Похоже, над Британской Колумбией проходит крупный болид».

«Я его вижу, – ответил Генри. – И жар чувствую».

«Сильно занят?»

«Сам знаешь. Собираем весь крупняк, готовимся к Салюту».

Дюб удивился, что вообще что-то происходит. Что отчаявшиеся люди не бросаются к стартовым площадкам, пытаясь найти себе хоть какое-то местечко в «крупняке». Вроде последнего вертолета из Сайгона – люди свисают с шасси, а солдаты колотят их прикладами. Или он недооценивает человеческую природу? И внизу сейчас – идеальный порядок?

«Ты мне нужен».

Эта эсэмэска была от Маркуса.

Дюб неохотно оторвался от окна и повернулся к трубе, которая приведет его к Стержню. Оттуда он отправится в ТЗ, где Маркус, надо полагать, расположился сейчас в Бункере...

Маркус Лойкер плавал прямо у него перед носом, на лицо ему падал голубоватый отсвет от телефона. Маркус выключил экран и убрал телефон в карман.

– Я это не в том смысле, что тебе следует находиться со мной в одной комнате, – сказал он. – Мне нужны твои мозги – здесь, на Облачном Ковчеге, а не внизу. Твои близкие мертвы, доктор Харрис.

– Мертвы. Но все еще разговаривают, – ответил Дюб, чувствуя, как внутри что-то разгорается. Будь здесь сила тяжести, он бы, вероятно, съездил Маркусу по морде.

– И как ты думаешь, что они сейчас больше всего хотят от тебя услышать? – спросил Маркус. – Сюси-пуси? Они и так знают, что ты их любишь. Знаешь, что хотел бы услышать я, окажись на их месте? «Извините, мои дорогие, но я сейчас очень занят – спасаю род человеческий». Если ты не против, отправь им что-нибудь в этом духе, а

потом давай ко мне в Бункер – нам есть что обсудить.

Маркус Лойкер оттолкнулся от одной из веревок, протянутых через Суеверный шарик для этой цели, и полетел к выходу. На мгновение силуэт его застыл в круге света из трубы, напомнив Дюбу витрувианского человека Да Винчи. Затем в трубу вплыли еще двое, испортив весь эффект. От внимания Дюба это не ускользнуло. У Маркуса теперь была свита. Или – телохранители?

Каменный Ливень

Как и любая приличная гроза, Каменный Ливень начался с внезапного удара грома – километровый камень озарил Восточную Европу беззвучным призрачным пламенем, скользя сквозь верхние слои атмосферы, и зарылся в более плотный воздух где-то над Одессой. Проходя через небеса, он зажег в Крыму сухие листья и мусор, затем прочертил длинную полосу из горящих зданий и лесов вдоль северо-восточного побережья Черного моря и оставил вытянутый эллиптический кратер в степи между Краснодаром и Ставрополем. Первый город сначала загорелся от исходящего сверху жара, потом по нему прошла взрывная волна. Второму досталась лишь волна, а следом за ней – дождь осколков. Оба в результате были стерты с лица Земли.

После затишья, которое длилось несколько часов, пошли болиды помельче. Они падали по всей Земле, но чаще всего – в низких широтах, рядом с экватором. Людям давно уже было известно, что так и произойдет, и многие в последние месяцы двинулись поближе к полюсам, так что Руфусу Макуори вместе с семьей, друзьями и сподвижниками пришлось соорудить вокруг шахты в районе хребта Брукс охранный периметр. В ноябре там уже очень холодно. До тех краев добирались лишь самые экипированные и подготовленные беженцы – именно такого рода непрошенных гостей Руфусу меньше всего хотелось видеть на своей территории. Поскольку ограниченная пропускная способность радиостанций Облачного Ковчега их не касалась, Руфус и Дина во время трехдневной «паузы» между Белыми Небесами и Каменным Ливнем постоянно поддерживали связь морзянкой. Руфус продолжал вести передачи из своего пикапа, припаркованного у входа в шахту. Он подумывал о том, чтобы возвести на вершине горы стационарную антенну, соединив ее с подземным передатчиком бронированным кабелем, но Дина, изучив предполагаемые последствия Каменного Ливня, посоветовала ему

не тратить понапрасну время.

Айви попрощалась с Материнским организмом несколько дней назад, сразу же вслед за этим Морг приняла предоставленную правительством таблетку для эвтаназии. Единственным человеком на Земле, с кем она еще поддерживала контакт, был Кэл, который со своей подводной лодкой находился сейчас неподалеку от базы ВМФ на острове Норфолк – глубина там была достаточной, чтобы в нужный момент как следует занырнуть. Основной же связью с семьей для Айви оказалась музыка. Морг предложила пятилетней Айви выбирать, хочет она стать лучшей скрипачкой Южной Калифорнии или же лучшей пианисткой там же. Та выбрала скрипку. Лучшей в Южной Калифорнии она даже близко не стала, но много выступала с детскими оркестрами и более-менее изучила классический репертуар. На «Иззи» у нее была скрипка, время от времени Айви ее настраивала и играла.

Когда в День 701 скорость фрагментации болидов достигла определенного предела, означавшего формальное начало Белых Небес, ряд культурных организаций запустили программы, подготовка к которым велась почти с самого Кратерного озера. Многие передавались в эфир на коротких волнах, так что Айви могла выбирать между Собором Парижской Богоматери, Вестминстерским аббатством, Собором Святого Патрика, императорским дворцом в Токио, площадью Тяньаньмэнь, дворцом Потала в Тибете, египетскими пирамидами и Стеной Плача. Попробовав все по очереди, она настроила радио на Собор Парижской Богоматери, где сейчас проходило Бдение Конца Света, которое должно было продолжаться, пока здание собора не обрушится на головы исполнителей и внутри не останется никого живого. Наблюдать исполнение она не могла, поскольку видеотрафик был ограничен, но вполне способна была представить: филармонический оркестр Радио Франции, в ряды которого влились все наиболее престижные исполнители, чей родной язык – французский. Все – в белых смокингах или в бальных платьях с тиарами, и, сменяя друг друга, непрерывно исполняют программу, в которой есть несколько светских произведений, но основной упор сделан на церковную классику: реквиемы и мессы. Время от времени на музыку накладывался глухой хлопок – Айви пришла к выводу, что это ударная волна от болидов. Музыканты, как правило, не прекращали играть. Певцы иной раз сбивались с такта. После самых громких взрывов можно было слышать крики ужаса из аудитории вперемежку со звоном осыпающихся на каменный пол витражей. В основном же звучала прекрасная музыка – пока вдруг не прекратилась. Больше уже ничего не было.

«Парижу конец», – напечатала Айви. Посредством военных систем, которые сейчас подключили к насовским, она продолжала поддерживать связь с Кэлом.

«Ныряю ско бу», – ответил он. Выглядело достаточно странно, но Айви знала, что это означает: лодка срочно погружается, чтобы избежать некоей опасности, хотя Кэл полагает, что скоро опять будет на связи.

Но не исключено, что Кэл ошибся. Может статься, она больше никогда его не услышит. Айви решила, что прошло уже слишком много времени. Тогда она отправила Кэлу сообщение, которое он получит, когда и если лодка снова всплывет на поверхность: «Я тебя освобождаю».

И почувствовала, как через ее тело прошла странная волна – словно она сейчас на подводной лодке в Атлантике, до которой дошел перепад давления от упавшего вдали метеорита. Айви решила было, что это – эмоциональная реакция на то, что она сейчас сделала. Но тут же обнаружила, что все незакрепленные предметы в каюте движутся в одном и том же направлении – к стене, на которую она опиралась. По всей «Иzzi» слышались скрипы, хлопки и подвывания. Станция слегка, на какую-то долю g, ускорилась. Очевидно, включились маршевые двигатели.

Зажглись красные огни. С легким щелчком в модуле включилась громкая связь. «Тревога! – произнес механический голос. – Всему экипажу бодрствовать, находиться на местах и быть готовым к срочному роевому маневру. Это НЕ учебная тревога».

Это наконец произошло. Тренировались они не первый месяц, но настоящая метеоритная тревога случилась лишь сейчас. Она означала, что ДС – Департамент Сенсоров – обнаружил болид, который движется по необычной траектории и может представлять для «Иzzi» угрозу, если она слегка не изменит курс.

Первым импульсивным движением Айви было выглянуть в окно и проверить, на месте ли Амальтея. Астероид никуда не делся. Не отвалился из-за внезапного маневра.

Это, впрочем, было мышлением Корабля: «Иzzi» важнее всего остального. Ей, как и остальным, следовало отныне мыслить в категориях Облака. Большая часть населения находится на каплях. «Иzzi» нужна, чтобы капли могли выжить.

С трудом оторвав взгляд от окна – тоже, кстати, устаревшая привычка, – Айви перевела его на экран планшета, показывающий положение каждого из объектов Ковчега. Приложение именовалось «Параматрицей». Оно отнюдь не отображало в буквальном смысле виртуальную модель того, как выглядит Облако со стороны – хотя такой

режим тоже можно было вызвать в одном из меню. «Параматрица» представляла собой шедевр визуализации данных, понятный, однако, лишь таким, как Айви, Дюб и большинство каппи, длительное время изучавшим орбитальную механику. Отталкиваясь от эмпирических наблюдений Лины Феррейры и других математически образованных биологов, математики – такие, как Чжон Ху – экстраполировали роевые алгоритмы с трех на шесть измерений, а физики – такие, как Айви – нашли способ реализовать эти алгоритмы в рамках накладываемых орбитальной механикой ограничений. Если не вдаваться в подробности, каждый корабль в Облаке был представлен на трехмерной схеме точкой, соответствующей информации о его орбите. Для того чтобы полностью описать орбиту, требовалось шесть чисел – шесть орбитальных параметров, которые все теперь называли «парамами». Любая схема могла показать лишь три парама из шести. Здесь вступало в действие волшебство пользовательского интерфейса, но он требовал постоянного внимания и напряжения всех клеток мозга даже от таких, как Айви. Суть, однако, сводилась к тому, что любая капля рассматривается как снаряд, который может поразить «Иззи» или другую каплю, если с парами что-то не так. В гипотетическом, предельно простом случае Облачного Ковчега, состоящего лишь из двух капель, требуется одно-единственное вычисление, а именно ответ на вопрос: «Врежется ли Капля-1 в Каплю-2, если их курс останется неизменным?» В Облаке из трех капель необходимо также ответить на вопрос, врежется ли Капля-1 в Каплю-3, а также – не столкнутся ли 2 и 3. Итого – три вычисления. Если расширить Облако до четырех капель, нужно уже шесть вычислений и так далее. С математической точки зрения такие числа называются треугольными и представляют собой разновидность биномиальных коэффициентов, но существенно здесь то, что количество вычислений быстро растет с увеличением числа капель. Для облака из ста капель требуется 4950 вычислений, из тысячи капель – более полумиллиона. Для несложных компьютеров времен «Аполлонов» это стало бы непосильной задачей, но по современным стандартам она считалась бы полной ерундой – при условии, что по орбите каждой капли имеется точная информация. Традиционный централизованный подход требовал бы, чтобы каждая капля передавала свои пары компьютеру на «Иззи», а он бы проводил вычисления и сообщал результаты. Процесс можно было сделать еще более надежным, если бы радары «Иззи» постоянно наблюдали за каплями, вычерчивая их орбиты и заполняя возможные пропуски в данных. Нечто подобное происходило в действительности, причем сразу на нескольких компьютерах «Иззи». Но и

это было мышлением Корабля. Мышление Облака требовало, чтобы каждая капля самостоятельно вела наблюдение и выполняла все вычисления. Компьютер на отдельно взятой капле – назовем ее Капля-Икс – возможно, не располагал достаточной информацией, чтобы отслеживать все остальные капли Облака, но мог определить те, что представляют непосредственную опасность, и сосредоточиться на них. Компьютеры других капель, как и центральные серверы на «Иzzi», могли ему в этом помочь, отправляя сообщения, означающие более или менее: «Может, ты и не в курсе, но угрозу для тебя может представлять Капля-Игрек, не хочешь ли внести ее в список первоочередного наблюдения?» На что Капля-Икс могла бы ответить: «Спасибо, конечно, но у меня нет точных параметров для Капли-Игрек – «Иzzi» перекрывает вид моему радару». Здесь Облако в некотором роде должно понять: Иксу и Игреку требуется более подробная информация о параметрах друг друга, и оно изменит соответствующие приоритеты, чтобы так и произошло.

Иными словами, Облако теперь было не только облаком в физическом смысле, состоящим из летящих в пространстве объектов, но также и облаком в смысле вычислительном, то есть свободно парящим самоорганизующимся интернетом. «Параматрица» предоставляла пользователям, словно богам-олимпийцам, вид сверху на всю эту сеть. На определенном уровне пользователю требовалось знать одно: опасные ситуации «Параматрица» подсвечивает красным. Сейчас Айви смотрела на программу скорее с любопытством, чем с тревогой – они практиковались в маневрировании больше месяца, так что она представляла, чего следует ожидать. Когда «Иzzi» включала двигатели и ее параметры изменялись, среди точек на схеме распространялась красная волна, словно в стакане, в который уронили капельку крови. Все капли, свободно летящие, а равно соединенные в бола, триады и гептады, должны были проверить собственные параметры и рассчитать, не грозит ли им столкновение с «Иzzi». А также – не рискуют ли они оказаться так далеко от роя, что вернуться уже не сумеют; это было почти столь же плохо и обозначалось желтыми точками. Любой отдельно взятой капле было сравнительно несложно скорректировать курс, чтобы избежать обеих опасностей. Все существенно осложнялось, если курс должны были поменять, не сталкиваясь друг с дружкой, одновременно триста капель. Сначала им следовало «договориться», причем не на основе поступающих с «Иzzi» команд, а исходя из наблюдения за каплями «поблизости», и скоординировать включение двигателей таким образом, чтобы уменьшить количество красных точек на графике.

Слово «поблизости» приходится взять в кавычки, поскольку для данного роя оно означает не совсем то же самое, что для птиц в стае. Для птицы «поблизости» значит именно поблизости. Для объектов, маневрирующих в шестимерном пространстве орбитальной механики, «поблизости» означает «любой набор параметров, который будет представлять для меня интерес через несколько минут», и может относиться к объектам в данный момент настолько далеким, что их даже не видно. Впрочем, если принять это обстоятельство во внимание, в остальном поведение капель мало отличается от поведения стайных птиц. В компьютерных моделях, созданных вскоре после того, как была сформулирована сама концепция, Облако вело себя удивительно похоже на рыбью стаю. А фактическое Облако, которое появилось совсем недавно благодаря непрерывным запускам с Куру, Байконура, мыса Канаверал и так далее, вполне соответствовало моделям. Разве что в реальном времени все было медленней.

Именно это сейчас и происходило в ответ на изменение курса «Иzzi». Красное распространилось на некоторое расстояние от нее, но вскоре стало убывать, сначала по краям, затем начали гаснуть целые области. Несколько точек зажглись желтым, затем скорректировали орбиты и опять погасли. Основываясь на практических упражнениях последних месяцев, Айви ожидала, что и последние красные точки вот-вот побелеют и о них можно будет забыть. Этого не произошло. Точки упорно оставались красными. Вращая графики туда-сюда и переключаясь между различными режимами, Айви вышла на каждую из точек и сделала запросы. Большинство оказались грузовыми или пассажирскими кораблями, запущенными при Выплеске, когда космические нации отправили в космос все способные достичь орбиты наличные ракеты.

Телефон зажужжал. От Кэла пришло сообщение – очевидно, его лодка опять всплыла.

«О чем это ты?»

Он только что получил ее последнюю эсэмэску.

«О том, что мы больше не обручены».

Прозвучало резковато, и Айви добавила:

«Желаю тебе найти русалку посимпатичней».

Примерно через минуту пришла эсэмэска, начинающаяся плачущим смайликом:

«Я тебе того же хотел пожелать. Только у тебя шансов больше».

«Фигня собачья», – ответила она, воспользовавшись понятной лишь им двоим шуткой. Когда они познакомились в Аннаполисе, Кэл был

настолько правильным, что не мог произнести при даме слов наподобие «херня» или «дерьмо».

«ПКГ = правильная как гвоздь» было ей ответом.

«Твоей ПКГ грустно:(Зачем погружались?»

«Прошла большая волна. Восточному побережью не поздоровится».

«Откуда ты узнал? Лестница еще существует?» Она имела в виду служебную лестницу.

«Ступенька надо мной – пока да». Потом, после небольшой паузы: «Президент отключилась».

«Ну и слава Богу», – напечатала Айви и немного помедлила, прежде чем послать сообщение. Однако это ж конец света, о последствиях можно не думать. Она подтвердила отправку.

Она никогда не спрашивала Кэла о том, что случилось в День 700: о боеприпасах объемного взрыва и ядерной боеголовке. Но была вполне уверена, что это он нажал на кнопку.

«Да будет Господь к ней милостив», – откликнулся Кэл, и она без труда прочитала подтекст: – «И ко мне тоже».

Переписка была прервана сообщением от Маркуса: «Ты мне нужна».

Айви сунула телефон в карман, высвободив тем самым обе руки, чтобы передвигаться по «Иззи», из лабиринта обитаемых модулей перебралась в Стержень и двинулась к корме в сторону Бункера. Вдоль Стержня она проскочила почти мгновенно. Неделю назад ей пришлось бы постоянно обходить кучки из двух-трех человек, остановившихся для беседы. С тех пор, как Маркус объявил ПДУАП, все изменилось: согласно одному из указов, никому не следовало задерживаться в Стержне, чтобы не мешать исполняющим спецзадания. Сейчас на всем его протяжении вообще не было ни души. Лишь ближе к корме, в «Звезде», имела место некая активность, на какую-то секунду там мелькнула характерная прическа Мойры. Надо полагать, она готовится к переносу Генетического архива человечества на капли – процедуре ничуть не менее сложной, чем все, связанное с роем и парами. И верно, спецзадание.

Со стороны Х1 появилась Луиза и целеустремленно ринулась по Стержню к носу. Едва уклонившись от столкновения с одним из помощников Мойры, она по инерции долетела до «Зари», где резко остановилась у входа в трубу, ведущую к Суеверному шарiku. Некоторое время она смотрела внутрь, оценивая ситуацию, потом решила и двинулась вниз по трубе.

Айви, достигшая того же самого места через несколько секунд, тоже приостановилась, чтобы заглянуть в трубу. Она была прямой, так что

сквозь трубу и Шарик на ее конце за окнами можно было видеть Землю. Обычно это означало синие просторы океанов и белые – облаков и ледяных полей. Иногда – зелень, когда станция проходила над богатыми влагой регионами, или желтые пески Сахары.

Сейчас цвет был огненно-красным. Земля пылала.

Из Шарика доносились крики ужаса. Вероятно, Луизу послали, чтобы успокоить людей. Айви чуть было не последовала за ней, влекомая магнетическим любопытством. Было похоже, что на Землю с яростью обрушился некий бог, размахивая направо и налево паяльной лампой и оставляя за собой тонкие пылающие следы. Одни – красные и неподвижные, это что-то горело на Земле. Другие – голубовато-белые, ослепительные, но быстро тающие: трассы проходящих через атмосферу метеоритов.

Айви почудилось, что она кожей ощущает исходящий от планеты жар.

Но она была нужна Маркусу. И ничем не могла помочь вскрикивающим от ужаса людям в Шарике. Айви повернулась и двинулась дальше на корму.

Плавая у входа в модули генетических хранилищ, Мойра делала пометки в списке на своем планшете. Лицо ее было неподвижно, а уши скрывали огромные наушники. Заметив Айви, она оттянула один наушник. Айви услышала хоровое пение в средневековой полифонии.

– Королевский колледж пока неплохо держится, – сказала Мойра. – Знакомая музыка?

– Я ее точно раньше слышала, но пока не узнаю.

– «*Miserere mei, Deus*» Аллегри, – сказала Мойра. Поскольку Морг настояла, чтобы Айви учила латынь, она знала, что это значит «Помилуй мя, Господи».

– Прекрасная музыка!

– Ее поют на Страстной Неделе во время утрени, когда гасят свечи одну за другой.

– Спасибо тебе, Мойра.

– И тебе спасибо, Айви.

Еще через минуту она достигла ТЗ. Как всегда, мгновение постояла на ногах, просто чтобы почувствовать тяжесть, а потом направилась к Парку и Бункеру. Проходя через кафетерий, Айви задумалась, не сделать ли себе чашечку кофе. И тут же почувствовала ужас и стыд – как она может думать о кофе, когда ее планета горит в огне?

Кофе она себе все-таки сделала и вошла в Парк. Там было полно народу. На большей части ситуационных мониторов сменяли друг друга

сообщения, относящиеся к функционированию Облачного Ковчега. Большой монитор над входом показывал Землю через направленную на нее камеру. Однако видео даже близко не производило того эффекта, как непосредственный вид Земли через окна Суеверного шарика. Электросварочный блеск болидных траекторий превратился в какое-то размытое пикселизированное свечение. Айви по инерции удивилась – почему они не включают Си-Эн-Эн, «Аль-Джазиру» или другой круглосуточный новостной канал. Потом вспомнила, что происходит.

Она дошла до двери в Бункер.

По обе стороны от входа стояли двое и ничего не делали – просто стояли. Странно.

Она заметила, что на поясе у каждого висит какое-то незнакомое устройство.

Поняла, что это тазеры.

Она еще не сообразила, что это значит, когда один из двоих – Айви узнала Тома Ван Митера, инженера и вроде как спортсмена – вежливо кивнул и открыл ей дверь.

Бункер был вчетверо меньше Парка – просто средних размеров комната для совещаний. За столом сейчас, уткнувшись в ноутбуки и планшеты, сидели шестеро. Дверь в дальнем конце вела в кабинет Маркуса. Сейчас она была нараспашку. Айви вошла и впервые за три года на «Иззи» почувствовала при этом беспокойство, как если бы навстречу мог выпрыгнуть кто-нибудь и шарахнуть в нее из тазера. Однако внутри был лишь Маркус, который о чем-то беседовал с Дюбом.

– Ты заглядывала в «Параматрицу»? – спросил ее Маркус.

– Да. Несколько минут назад, когда мы изменили курс.

– Облако ведет себя не совсем так, как хотелось бы надеяться.

– Верно, кое-кто не слишком вписывался.

– Кое-кто так и не вписался, – Дюб указал на висящий на стене проекционный экран.

– Мне показалось, что это все новенькие, – объяснила Айви. – Грузовики и пассажирские корабли из Выплеска. Думаю, они не успели зарегистрироваться в системе и поэтому не следуют указаниям программы.

– Все так, но от этого они не менее опасны, – возразил Маркус.

– Совершенно верно.

– И они отвлекают меня от других дел.

– Я ими займусь.

– Что касается болидов, система вроде бы справляется, а Дюб следит за ней на случай возможных отклонений. Но проблемой тех, кто не

вписался, нужно заняться тебе.

– Не беспокойся.

– Если станет совсем плохо, придется их сбивать.

– Каким образом, Маркус? У нас нет фотонных торпед.

– У нас есть полный мороженных трупов модуль, – напомнил ей Маркус, – который мы все равно думали сбрасывать. Я охотно сброшу его в направлении корабля, представляющего угрозу Ковчегу.

– Я это учту, – кивнула Айви, – на случай, если кто-то начнет препираться.

В кабинет вошла Луиза, щеки ее были мокры от слез, а на лице застыло изумление.

– Луиза, – вежливо поинтересовался Маркус, – ты выяснила, что происходит в Суеверном шарике?

– Кое-кто дал волю эмоциям, – сообщила Луиза, – но это вряд ли удивительно. Ничего угрожающего не происходит. Тот, кто доложил о возможных беспорядках, несколько перебдел.

– Спасибо, что во всем разобралась.

– Однако к вопросу об излишней бдительности – ты выставил у входа в Бункер вооруженную охрану!

– Я занят, поэтому отвечу коротко, – сказал Маркус. – Мои чувства по этому поводу мало отличаются от твоих. Но я здесь не для того, чтобы выражать свои чувства, а чтобы решать определенные задачи наилучшим способом, на который способен. Я вовсе не хотел становиться царем вселенной. И тем не менее я им сейчас стал. Все, что я знаю об истории земной цивилизации, нравится мне оно или не нравится, говорит о том, что в моем положении не обойтись без сил безопасности.

На лице Луизы было написано, что у нее есть на этот счет множество разнообразных возражений. Однако она совладала с собой и лишь вздохнула:

– Поговорим об этом после.

– Хорошо.

– Тебе известно, что происходит внизу?

– Я догадываюсь. Но меня это никак не касается.

– Ясно. Однако мне кажется, что царю вселенной следует сделать по этому поводу заявление.

– Оно уже подготовлено, – ответил Маркус.

– Само собой! Однако когда ты, собственно, собираешься его сделать? Множество людей нуждаются в том, чтобы их успокоили!

– Включая тебя, Луиза? – Вопрос Маркуса был сугубо практическим,

без тени издевки.

Луиза резко выпрямилась. Айви ожидала бурной реакции, но выражение лица Луизы сразу же изменилось – она поняла, что Маркус просто задал вопрос и ждет ответа. А вовсе не пытается хамить.

– Да, – ответила она наконец. – Несколько минут назад Манхэттен накрыло тридцатиметровой стеной воды. Как, вероятно, и все восточное побережье. Я слушала трансляцию из собора Святого Патрика, когда она прервалась.

Кивнув, Маркус изменил изображение на проекционном экране – теперь на нем было видео Земли. Айви поразились, как далеко распространилось пламя всего за несколько минут. Она вытащила из кармана телефон и обнаружила на нем целую серию сообщений от Кэла, пришедших за эти минуты.

«Эй».

«Ты что, занята?»

«Похоже, тебя куда-то вызвали».

«На случай, если связи больше не будет – я тебя люблю».

«Поищу себе русалку, как ты велела, но тебя она не заменит».

«Норфолк замолчал, я сам себе командир».

«Чертова фигня, как же жарко-то!»

«Ныряем».

«Пока».

К последней эсэмэске была прикреплена фотография, снятая на камеру телефона. Айви с минуту двигала и растягивала изображение, пока не поняла, что именно перед ней. Кэл сделал фото из рубки, стоя внизу у трапа, люк над ним был распахнут. Кружок неба над люком виднелся словно через тоннель.

Небо пылало.

В руке Кэл держал кольцо, подарок Айви – простое, титановое, без украшений. Зажав кольцо между большим и указательным пальцем, он сделал снимок прямо сквозь него, концентрически совместив кольцо с пылающим небесным диском.

Кто-то назвал ее по имени. Айви подняла голову.

– Мои просто умолкли, – сказал ей Дюб.

– Прошу прощения, доктор Харрис? – переспросила Айви. Несмотря на обстоятельства, манеры, вложенные в нее Морг, взяли верх.

– Я готовил себя к последнему прощанию с Амелией и детьми, – объяснил ей Дюб. Он говорил негромко, почти без эмоций, словно пересказывая в меру забавную историю. – Но, понимаешь, в последние дня

два связь становилась все хуже и хуже, и до прощания так и не дошло.
– Договорились, – объявил Маркус. – Сейчас я сделаю заявление.

ЖАРИЩА НА КАПОТЕ МОЖНО ПЕЧЬ КАРТОШКУ
ПАПА ИДИ ВНУТРЬ
Я НЕ ШУЧУ НАСЧЕТ ТЕМПЕРАТУРЫ КРАСКА ПУЗЫРИТСЯ
Я ТОЖЕ НЕ ШУЧУ ТЕБЕ ПОРА ВНУТРЬ
У МЕНЯ ТУТ ПОКРЫВАЛО ИЗ КОСМОПЛЕНКИ КОГДА ПОБЕГУ
ОНО МЕНЯ ПРИКРОЕТ
БОГА РАДИ ПАПА СКОРЕЙ ХВАТАЙ СВОЕ ПОКРЫВАЛО
И КАК Я ТОГДА БУДУ БОЛТАТЬ С ТОБОЙ ДИНА
У ТЕБЯ СЕЙЧАС БЕНЗОБАК ВЗОРВЕТСЯ
ХА ХА МЫ ВСЕ СЛИЛИ ДЛЯ ГЕНЕРАТОРОВ И БЕЗ ТВОИХ
СОВЕТОВ ДЕТКА
БОЖЕ ПАПА ТЕБЕ ПАЛЕЦ В РОТ НЕ КЛАДИ

Дина отстукивала сообщения, радуясь, что морзянка не подводит, даже когда в глазах темно от слез, а горло сдавливают рыдания, и тут из динамика раздался голос. Он принадлежал Маркусу.

– Говорит Маркус Лойкер.

– Будто я не знаю, – всхлипнула Дина. И тут же поняла, что Маркус говорит по общековчеговой громкой связи, которая по замыслу должна быть слышна в любом уголке «Иzzi», а также во всех каплях. Систему несколько раз тестировали, прокручивая записи, но ни разу не использовали вживую. Маркус считал ее пережитком двадцатого века и активно против нее возражал: сообщения должны достигать только тех, кому предназначены, а остальным не следует отвлекаться на бестелесные голоса, орущие из динамиков.

– С настоящего момента действует конституция Облачного Ковчега.

Дина глубоко вдохнула – она понимала, что это означает. Впрочем, далее Маркус все равно все объяснил.

– Это означает, что все нации и государства Земли, а также их правительства и конституции более не существуют. Прекратили свое существование все военные и гражданские иерархии. Все данные им присяги, обязательства либо верность по отношению к ним и гражданства этих государств отныне и навсегда утрачивают силу. Вашими правами теперь являются права, предоставляемые конституцией Облачного Ковчега, и только эти права. Отныне вы обязаны подчиняться законам и обязанностям, налагаемым конституцией Облачного Ковчега. Все вы

теперь граждане новой нации, единственной из существующих. И да будет ее судьба долгой.

Дина отстучала:

МАРКУС ДЕЛАЕТ ЗАЯВЛЕНИЕ
ОН ТАМ ЧТО НАЧАЛЬНИК?

Морзянка Руфуса становилась все менее разборчивой. Дина вытерла слезы, выглянула в окно и увидела, что Земля окружена огненной короной. Следы метеоритов, ранее покрывавшие ее сеткой из ярких царапин, слились воедино в сплошную оболочку перегретого воздуха, которая воспламенила на поверхности Земли все, что могло гореть. Поскольку большая часть обломков падала в районе экватора, огненный пояс в этой области был ярче всего, но и к северу, и к югу от него пылали огромные пространства, пламя расширялось, уже охватывая отдаленные области Канады и Южной Америки.

Она передала:

СВЯЗЬ СЕЙЧАС ПРЕРВЕТСЯ СКАЖИ БОБУ И ЭДУ И ДЖИ ТИ И
РЕКСУ ЧТО Я ИХ ВСЕХ ЛЮБЛЮ. И БЕВ
УЖЕ ГОВОРИЛ И ЕЩЕ СКАЖУ. ЧЕРТ НУ И ЖАРА
ПАПА ИДИ ВНУТРЬ
НЕ ПЕРЕЖИВАЙ Я У САМОЙ ДВЕРИ СЛЫШНО КАК ОНИ ТАМ
ПОЮТ ГИМН ПРО ХЛЕБ НЕБЕСНЫЙ
ДАВАЙ ПАПА ПРИСОЕДИНЯЙСЯ К ХОРУ
ЛАДНО БОБ И ЭД ВЫШЛИ НАРУЖУ ЧТОБЫ МЕНЯ ЗАТАЩИТЬ
ПОКА МОЯ РАДОСТЬ НЕ ПОДВЕДИ НАС QRT
QRT QRT QRT QRT

Она не знала точно, сколько раз это отстучала.

Позже Дина наконец сумела справиться с рыданиями, представив в подробностях, что именно произошло внизу. Ее братья, Боб и Эд, в серебристых пожарных костюмах выскочили из входа в шахту, извлекли папу из его старого пикапа, завернули в космическую пленку, чтобы он не сварился в исходящем от небес жаре, и затащили внутрь. Вход в шахту закрыла стальная плита в несколько сантиметров толщиной, и сварщики тут же принялись за работу, наваривая на нее изнутри толстые брусья, способные продержаться пять тысяч лет. Следом вступила в действие тяжелая техника, навалившая позади плиты тонны камней и гравия,

укрепляя ее на тот случай, если особо мощная ударная волна попытается сорвать плиту с петель.

Дальше – тишина, прерываемая, быть может, отдаленными ударами падающих метеоритов. Все садятся за стол, возносят молитву и приступают к первой из примерно пятнадцати тысяч трапез, которые Макуори и их потомкам предстоит съесть, прежде чем они смогут восстать из могилы. Их там пятьсот человек, и у них достаточно оборудования для выращивания пищи, чтобы всех прокормить – во всяком случае, в теории. На чем конкретно основано подобное предположение, Дина толком не представляла – ей не хотелось постоянно теревить Руфуса насчет мелких подробностей его плана.

Маркус продолжал речь. Он сообщал всем то, что они и так знали – с Землей все кончено, массовая гибель человечества, в ожидании которой они провели два года, уже в прошлом. Все знали, но кто-то должен был сказать это вслух.

Маркус объявил семьсот четыре секунды молчания – по секунде на каждый день, прошедший с Ноля. Около двенадцати минут. На это время следовало остановить любую деятельность, за исключением жизненно важной. Все выжившие должны были лишь думать о погибших, вспоминать их и оплакивать. По окончании Землю, которая была и которой больше не существует, следовало оставить в прошлом и начать думать о настоящем.

Свернувшись в позу эмбриона, Дина плавала в одиночестве посреди своей мастерской и слушала непонятный скрежет и писк из динамика своего приемопередатчика. Из всех обитателей Облачного Ковчега она одна знала, что ее семья жива и, вероятно, будет жить еще довольно долго. Единственное, чего она не знала – лучше это или хуже, чем знать, что все они мертвы. Все, что она могла для них сделать, заключалось в последней радиограмме Руфуса – НЕ ПОДВЕДИ НАС. От морзянки не оставалось ни распечаток, ни цепочки мейлов на экране планшета. Она не сможет вернуться на несколько экранов назад и перечитать свой недавний радиообмен с Руфусом. Остается лишь надеяться, что она нашла правильные слова и что Руфус их не забыл и все перескажет остальным сегодня за ужином.

Потом она попыталась скорбеть обо всех, кто умер, но обнаружила, что их слишком много. С эмоциональной точки зрения это было все равно что читать о великой войне, закончившейся сотню лет назад. Возможно, Маркус этого и добивался. Пусть даже внизу еще продолжали умирать люди, следовало заставить себя думать о них, как о жертвах картофельного

голода в Ирландии или о жителях Нового света, которых экспедиция Колумба заразила множеством неизвестных им болезней. Жалость, и даже ужас, были уместны. Однако требовалось эмоционально отстраниться от катастрофы. На это у них было семьсот четыре секунды.

Вместо этого Дина стала думать о том, что именно ей следует делать, чтобы не подвести Руфуса Макуори. Ответ был прост и сводился к тому, что делать следует правильные вещи, вести себя с честью и не отступать от кое-каких несложных моральных стандартов. Что-то вроде кодекса поведения для пионеров Дикого Запада. Понять подобный кодекс достаточно легко, хотя придерживаться его будет посложней. Загвоздка заключалась в том, что Руфус Макуори не был ковбоем, и уж тем более – проповедником. Он был шахтером – тем, кто роет, взрывает, строит, заключает сделки. Если он и придерживался при этом простого кодекса чести, то не ради самого кодекса, а чтобы чего-то достичь и в процессе не продать свою душу и не лишиться репутации. Кодекс был лишь инструментом, таким же, как лопата или динамит. Инструменты служили, чтобы строить, а гордость от того, что не подвел, приходила потом – когда можно было разогнуть спину, осмотреть дело рук своих и передать созданное детям. Дина могла провести всю жизнь, ни разу не нарушив данного слова, оценивая каждого по делам его и все такое. Безусловно, Руфус бы это одобрил. Однако хотел он от нее все-таки другого. Всего в нескольких словах он поручил ей взяться за дело во имя будущего.

– Ты закончила?

Дина повернула голову и увидела, что в МОРЖе плавает Айви, глядя на нее через люк.

– Слушай, прошло всего каких-то двести...

– Маркус сказал, ко мне это не относится. Он дал мне задание. И мне потребуется твоя помощь, – сказала Айви.

– Вот ведь стерва!

– Сама ты потаскуха.

– Ну что, вперед?

– Помнишь те времена, когда Интернет только появился и не у всех твоих знакомых он был? – спросила Айви. Она вела Дину через бесконечный на вид лабиринт пристыкованных модулей и хомячьих труб, направляясь куда-то на периферию «Иzzi».

– В моем кругу все им довольно быстро обзавелись. Ты, похоже, шахтеров совсем не знаешь.

– А в моем – нет. У нас там попадались ретрограды из тех, кто

распечатывает мейлы на бумаге, чтобы их прочитать, или спрашивает у тебя номер факса через двадцать лет после того, как ты выбросила чертов аппарат на помойку.

Они стремительно двигались сквозь абсолютное безмолвие станции, где прошло лишь примерно пять из двенадцати минут молчания. За открытыми люками на них возмущенно оборачивались – но потом, узнав в лицо, снова возвращались к оплакиванию, молитвам, медитации или чем они там все занимались.

Дина понимала, что это очень важно – и все равно втайне была рада, что Айви организовала для нее исключение, позволившее вместо скорби заняться делом.

– И какое это имеет отношение...

– Вся наша система – «Параматрица» и прочее – работает только в том случае, когда каждый корабль в Ковчеге соблюдает правила игры. Регистрируется в системе, поддерживает связь согласно оговоренным протоколам, подчиняется командам от роя. Любой корабль, который решит летать сам по себе, с точки зрения разрушительного потенциала все равно что метеорит.

– У нас такой завелся?

– Несколько штук. Но основные неприятности – от одного.

– Уже были столкновения, или...

– Пока нет, но каждый раз, когда он проходит рядом, «Параматрица» взрывается красным и доброй сотне капель приходится жечь топливо, чтобы изменить курс. По существу весь Ковчег сейчас кувыркается вокруг одного корабля.

– И что это за корабль?

– В оптике – Икс тридцать семь.

– Тогда неудивительно, – согласилась Дина.

– Угу, – вздохнула Айви.

В переводе: кто-то посмотрел на корабль в телескоп и пришел к выводу, что он напоминает «Боинг Икс-37», он же – экспериментальный орбитальный самолет, миниатюрная копия шаттла. *Настолько* миниатюрная, что кабина для экипажа в него не поместилась, большую часть фюзеляжа занимал грузовой отсек. Он был разработан DARPA в конце девяностых – начале двухтысячных, когда стало ясно, что программа шаттлов постепенно сворачивается, но при этом есть необходимость в небольшом, несложном в использовании корабле, который мог бы под дистанционным управлением проводить техобслуживание американских военных спутников. Фактически Икс-37 с тех пор почти не летал, но если

уж его использовали, то для таких задач, которые финансировались из секретных статей бюджета и о которых ни Айви, ни тем более Дина ничего не знали. В истории космоплавания он значился в лучшем случае сноской и слишком устарел, чтобы соответствовать требованиям Облачного Ковчега. Скорее всего, его отправил на орбиту вошедший в раж стартовый расчет, запускавший вообще все, что только можно. Если как следует покопаться в мейлах, быть может, удастся выяснить, кто выполнил запуск и какой на борту находится груз, если он там вообще есть – однако прямо сейчас проще было отправиться туда и взглянуть на все своими глазами. Практически все усилия работавших над Икс-37 инженеров были направлены на то, чтобы решить проблему возвращения с орбиты на Землю. Соответственно, сейчас от их достижений не было ни малейшей пользы.

Приблизившись к окончанию бокового «стержня», они уже могли рассмотреть через отверстие стыковочного узла внутренность корабля на его противоположном конце: малого каботажного аппарата, или «эмки». Эмки начали прибывать несколько месяцев назад; для Ковчега они служили чем-то вроде джипов или небольших катеров, предназначенных, чтобы перемещать людей и ценности между каплями или с капель на «Иzzi» и обратно. Поскольку эмки были не предназначены для атмосферы, своим сугубо практичным видом они больше всего напоминали именно капли. Однако герметичный корпус эмки был меньше диаметром, а вместо надувного внешнего корпуса снаружи имелось более полезное оборудование – стыковочные узлы двух видов, шлюз достаточного размера, чтобы в нем поместился космонавт в «Орлане», лапа манипулятора, прожекторы и двигатели. По совету Дины корпус усеяли выступами, за которые могли зацепиться «хваты»; в результате каждая эмка имела собственный комплект «хватов», а также «ужиков», «бук» и «въев», кишащих на поверхности, подобно крабам, прилипалам или пиявкам. Соответственно способности эмки были ограничены не тем, что инженеры предусмотрели для манипулятора, а лишь мастерством и фантазией программиста на борту, отдающего команды роботам.

Навстречу им вынырнула коротко стриженная голова – очевидно, Феклу отрядили, чтобы та задраила за ними люк и помогла эмке отчалить. Она поджидала их в СУ, то есть в стыковочном узле – небольшом модуле сбоку эмки, при необходимости служившем шлюзовой камерой, а также позволявшем именно в такой ситуации не толкаться у входа. Голова снова исчезла, уступая дорогу Айви с Диной. Как только они забрались в эмку, Фекла появилась в люке и кивнула Айви:

– «Минога» в шлюзе и проверена.

С этими словами Фекла закрыла за ними люк станции. Чувства, которые испытывала Дина к Фекле, трудно было назвать однозначными, однако в данной конкретной ситуации лучшего помощника было не сыскать. Фекла ни на что не отвлекалась и не тратила время на пустые разговоры и ненужные эмоции. Дина задрала люк эмки со своей стороны и принялась пошагово выполнять программу отстыковки, в то время как Айви, пристегнувшись в пилотском кресле, проверяла готовность систем к полету. Учитывая, что аппарат был малый, каботажный и разрабатывался в большой спешке, много времени проверка не заняла. Эмка-3 – всего их было восемь – отправилась в полет еще до того, как истекли объявленные Маркусом семьсот четыре секунды молчания. Дина разложила пассажирское кресло позади Айви и тоже пристегнулась. Передний купол эмки большей частью состоял из иллюминаторов, закрепленных в прочном каркасе из гнутых алюминиевых полос, так что со спины Айви сейчас напоминала пилота Второй мировой, занявшего место в остекленном носу тяжелого бомбардировщика. Айви тронула рычаги – эмка стала поворачиваться, в иллюминаторах проплыла Земля, и сходство усилилось еще больше. Когда-то Руфус показал Дине картину, на которой был изображен залитый снизу красным бомбардировщик над пылающим городом. Сейчас она наблюдала ровно то же самое, с поправкой на то, что пламенем была охвачена почти вся Земля.

– Я этот жар кожей лица чувствую, – сообщила Айви.

Дина не нашлась что ответить. По пути из мастерской к эмке она успела забыть, что Земля под ними пылает, и напоминание ее не обрадовало. Вместо огня она предпочла сейчас сосредоточиться на другом – холодном – красном свете, исходящем от экрана планшета, на котором была запущена «Параматрица». Коллективные органы чувств роя уже заметили Эмку-3 и определили в ней потенциальную угрозу чуть ли не для сотни капель при условии, что она немедленно не изменит курс. Вместо того чтобы немедленно включить маневровые двигатели, что в лучшем случае лишь усилило бы суматоху, а в худшем – породило бы цепную реакцию столкновений, Айви сейчас вступила с роем в переговоры, сообщив ему, куда намерена попасть, и пытаясь совместными усилиями выработать такой маршрут, который потребовал бы от остальных минимального количества маневров.

Такой способ передвижения внутри роя был не слишком скор и полностью противоречил инстинктам многих пилотов, перешедших в отряды астронавтов или космонавтов из истребительной авиации. Впрочем,

по мере того, как эмка удалялась от «Иzzi», ее орбиты вызывали у роя все меньшее замешательство, и с какого-то момента Айви и Дина смогли наконец озаботиться непосредственно сближением с назойливым Икс-37.

Запустившие его, кто бы это там ни был, вывели корабль на орбиту, плоскостью и периодом обращения совпадавшую с «Иzzi», но имеющую несколько больший эксцентриситет. Орбита «Иzzi», а следовательно, и всего Ковчег, была более или менее круговой. Орбита Икс-37 имела более овальную форму, и это означало, что половину времени он находился «под» Ковчегом, другую половину – «над», однако дважды в течение каждого девятидесятиминутного оборота орбиты пересекались. Каждый раз это приводило к хаосу, который сопровождался бессмысленным расходом топлива и серьезно отвлекал Маркуса. Сейчас Икс-37 был «над» роем, до очередного пересечения орбит оставалось примерно двадцать минут.

– Болиды, о которых мне нужно знать, пока я не начала сближение? – запросила Айви.

– Вроде не видно, – откликнулась Дина. Имелось в виду, что в данный момент не ожидалось обломков настолько крупных, чтобы они потребовали общего маневра всем Ковчегом.

– Тогда лучше поторопиться, – сказала Айви, переходя на ручное управление. Они были уже достаточно далеко от Облака и могли маневрировать самостоятельно, не опасаясь, что экран «Параматрицы» целиком покраснеет. – В скоп его видно?

Дина с минуту вспоминала подробности интерфейса оптического телескопа на носу эмки – электронного устройства с апельсин размером. Сам по себе интерфейс был достаточно интуитивным, но навести телескоп на конкретную цель было не так-то просто. Вскоре, однако, на экране появилась яркая белая точка. Дина выполнила захват цели и стала увеличивать изображение.

Постепенно стало ясно, что на экране – крылатый аппарат с черным носом, напоминающий прежние шаттлы, однако в нем присутствует и кое-что дополнительное. При дальнейшем увеличении стало понятно, что двери грузового отсека, занимавшего большую часть корпуса Икс-37, в какой-то момент после выхода на орбиту раскрылись. Встроенный манипулятор извлек из него содержащийся внутри груз и застыл в этом положении. Груз был размером чуть ли не с сам Икс-37 и представлял собой очередной цилиндр с куполами на обоих концах. Впрочем, в отличие от капли или эмки, на цилиндре не было видно ни двигателей, ни источников энергии. Просто капсула из полированного алюминия, с одной стороны отражающая белое сияние Солнца, с другой – красные отблески

пылающей планеты.

Айви тоже его видела – перед ней сейчас наряду с дисплеями, отражающими состояние эмки, был один, на который шло видео с телескопа.

– Наведи-ка на передний конец, – попросила она. – Там какая-то штука, и она похожа...

– Угу, – подтвердила Дина, еще более увеличив изображение и наведя телескоп в нужную точку. – Точно, стыковочный порт.

– Я так понимаю, нас приглашают пристыковаться, – заключила Айви.

– Странно все это. И не очень мне нравится.

– Согласна с тобой, – подтвердила Айви. – Но оставить эту штуку до лучших времен тоже не получится. Она слишком маленькая, меньше полутора метров в диаметре. Если внутри люди, скоро им будет нечем дышать.

– Зачем вообще было запускать людей таким образом?

– Что-то где-то пошло не так. Мейл потерялся или радиограмма прервалась. Теперь они без связи и ждут смерти. – Айви говорила довольно резко, похоже, вопросы Дины задела ее за живое.

Хлопнув, включились двигатели, и Дина почувствовала, как совершаемый Айви маневр вжимает ее в кресло. Она прекрасно знала, что отвлекать подругу, когда ее мозг работает в режиме орбитальной механики, не стоит. Дина отстегнулась от складного кресла и переместилась к стыковочному порту на «крыше» эмки, придерживаясь за расположенные рядом поручни, чтобы не уплыть, когда Айви корректирует курс.

За несколько минут Айви совместила орбиты, должным образом развернула эмку и подошла к стыковочному порту капсулы.

– Соединение достигнуто, – отрапортовала Дина. Она задействовала клапан и заполнила воздухом небольшое пространство между двумя люками. – Ну что ж, попробуем.

Дина открыла люк эмки. Перед ней была внешняя поверхность люка капсулы, еще несколько секунд назад открытая вакууму.

Неожиданная подробность – к алюминию был приклеен липкой лентой стандартный листок бумаги для принтера. На нем имелось цветное изображение: желтый круг, обрамляющий голубой, усеянный звездами диск. В центре диска растопырился орел, а на нем – щит в красно-белую полоску. Очевидно, в принтере почти кончилась синяя краска, так что картинка была покрыта странными полосами и казалась выцветшей. Хотя тут мог поучаствовать и вакуум.

Соединенные Штаты Америки прекратили существование лишь

несколько минут назад – Маркус объявил об этом властью, данной ему конституцией Облачного Ковчег, – однако картинка показалась Дине столь же старинной и незнакомой, как если бы на ней был средневековый монах или мушкетер.

Она услышала, как с противоположной стороны заработал какой-то механизм.

– Ой, оно живое! – шутливо взвизгнула Дина. И тут же осеклась.

Люк распахнулся, за ним обнаружилось лицо – измученное, округлившееся от невесомости, тошнотно-зеленоватого оттенка лицо с беспорядочно плавающими вокруг волосами. Однако уставившиеся прямо на Дину глаза были холодными и твердыми, как и прежде.

– Дина, – сказала женщина. Дина сначала узнала голос, и уже потом – лицо. – Даже учитывая весь трагизм обстоятельств, мне так приятно видеть кого-то знакомого.

– Госпожа пре... – начала было Дина и тут же одернула себя: – Джулия.

Судя по виду Джулии Блисс Флаэрти, подобное обращение ее вовсе не обрадовало.

Айви продолжала работать двигателями. Теперь, когда эмка, капсула и Икс-37 с точки зрения механики представляли собой единый объект, стало возможно – хотя и не сказать что совсем просто – привести его орбиту в соответствие с движением Ковчег и тем самым очистить «Параматрицу» от красных точек. Эмку дергало. Джулию пару раз отшвырнуло в сторону, пока она не сообразила, что нужно держаться за поручни. Позади нее в крохотной капсуле плавала всякая всячина – включая пакеты с блевотиной и россыпи чего-то, напоминавшего красные шарики. Когда Джулию очередной раз отнесло вбок, Дина заметила, что в дальнем конце капсулы дрейфует мужчина. Он был в крови, а конечности его болтались довольно свободно. Мужчина был одет в темно-синий костюм, вернее, в то, что от него осталось. И это не был бывший Первый джентльмен.

– Сочувствую вашей утрате, – сказала Дина.

– Да что там у тебя, блин, такое? – орала между тем Айви у нее за спиной. – Маркус требует отчета о выживших.

– Моей утрате? – переспросила Джулия.

– Ваш муж.

– Он принял таблетку, – объяснила Джулия. – В лимузине.

– Боже!

– Мне нужна твоя помощь, чтобы вытащить отсюда мистера Старлинга. Для меня одной он слишком тяжелый.

- Ничего подобного, – возразила Дина.
- Прошу прощения? – резко переспросила Джулия.
- Вы в невесомости, – объяснила Дина. – Так что он для вас не слишком тяжелый. Но если вы хотите, чтобы я помогла, то я не против.
- Будь так любезна, – ответила Джулия. Положив руку на край люка, она протянула другую, чтобы подхватить сумочку, и вопросительно глянула на Дину, которая по-прежнему закрывала ей дорогу.
- Дина обернулась и посмотрела Айви в затылок.
- Джулия Блисс Флаэрти просит разрешения подняться на борт.
- Джулия лишь что-то недовольно прошипела.
- Даю разрешение, – откликнулась Айви.
- С ней один раненый, – сообщила Дина и освободила дорогу.

Слишком сильно оттолкнувшись от люка, Джулия пролетела через всю эмку, врезалась локтем и плечом в противоположную стену и громко ойкнула. Впрочем, Дина решила, что та навряд ли сильно ушиблась, и сама двинулась в капсулу. Красный шарик поплыл ей прямо в лицо, она отмахнулась рукой и только тогда поняла, что это кровь.

Пит Старлинг был изранен, словно побывал в автомобильной аварии или его избили палкой. Он был в нокдауне, захлебывался кровью – вероятно, из сломанного носа – и звучно перхал ею во все стороны. Дина попыталась его ухватить, под руку попал лацкан пиджака. Когда она потянула, пола на мгновение отошла в сторону и Дина увидела у него на плече пустую кобуру.

Сейчас, впрочем, было не до того. Дина нашла опору для ног и с усилием развернула Пита – теперь он вытянулся во весь рост посреди капсулы, головой в сторону люка, куда и поплыл. Дина ожидала, что Джулия протянет руку ему навстречу и вытянет спутника в эмку. Однако та, отскочив от стенки, все еще плавала посередине, размахивая руками – законы движения в невесомости ей пришлось постигать сразу на практике.

Дина находилась в задней части капсулы, прямо у нее перед лицом слабо подергивались ноги Пита. На одной все еще оставался дорогой на вид полуботинок из натуральной кожи. Взявшись руками за щиколотки, Дина попробовала протолкнуть его к стыковочному порту, но Пит стал сопротивляться. Он не понимал, что с ним происходит, не знал, что находится в космосе, но ему явно не нравилось, что его тянут куда-то за ноги. Тогда Дина продвинулась вперед, пока не оказалась у него между колен. Обняв Пита за бедра и крепче прижав его ноги вокруг собственной талии, она снова попыталась направить его в сторону люка.

Раздался резкий хлопок, на руки Дине брызнуло что-то горячее. Оно

залило ей грудь до самого подбородка. Запахло дерьмом, послышалось громкое шипение. Пит Старлинг дернулся один раз – и обмяк.

Поискав взглядом источник шипения, Дина обнаружила, что видит звезды сквозь зазубренную дыру в оболочке капсулы. Дыра была примерно в большой палец размером. Внутри от нее торчали треугольные куски металла.

Вообще-то, если подумать, шипение шло сразу с двух сторон. С противоположной стороны капсулы тоже была дыра. Тело Пита Старлинга находилось точно между ними. Посередине его груди была похожая на кратер впадина, из которой торчали сломанные ребра. Оттуда фонтаном била кровь и устремлялась, все более ускоряясь по пути, к обоим дырам.

В ушах уже несколько раз болезненно щелкнуло.

Дина подняла взгляд и увидела на противоположном конце Джулию – та наконец смогла сориентироваться и теперь диким взглядом смотрела через люк, не понимая, что происходит.

– Джулия, – обратилась к ней Дина, – в нас попал небольшой метеорит. Из капсулы выходит воздух, хотя и не слишком быстро. Пит мертв, но я не могу его обойти. Если вы протянете руку, чтобы взять его за шиворот и вытащить...

Речь Дины, как и ее способность видеть Джулию, прервал глухой удар, с которым захлопнулся люк эмки.

Любому коническому сечению, то есть кривой, которая получается, если разрезать плоскостью конус – будь то окружность, эллипс, парабола или гипербола, – соответствует возможная форма орбиты. Впрочем, все, что на практике называют орбитами, представляет собой эллипсы. При этом по большей части естественные орбиты в Солнечной системе – планет вокруг Солнца или спутников вокруг планет – настолько близки к окружности, что невооруженным взглядом разницы и не заметить. И дело тут не в том, что природа предпочитает круги. Просто тела на сильно вытянутых эллиптических орбитах, как правило, долго не живут. Когда объект на эллиптической орбите с высоким эксцентриситетом устремляется к центральному телу, чтобы резко развернуться в перицентре – точке наибольшего приближения, он рискует быть разрушен приливными силами. Кроме того, он может задеть атмосферу центрального тела, или, если речь идет о гелиоцентрической орбите, расплавиться от жара Солнца. Даже если он переживет смертельное пике, далее объект выходит на вытянутую часть орбиты, которая пересекает орбиты других небесных тел. Развернувшись в апоцентре – точке наибольшего удаления, он снова будет

вынужден пересечь те же самые орбиты на обратном пути. Объекты в Солнечной системе находятся на значительном расстоянии друг от друга, поэтому шансы столкнуться с астероидом или планетой или просто пройти от них слишком близко на каждом отдельном обороте сравнительно невелики. Но в астрономических масштабах времени вероятность становится значительной. Столкновение, естественно, означает метеоритный удар по поверхности планеты и полное разрушение бывшего небесного тела. Даже простое сближение способно изменить орбиту объекта, которая или останется эллиптической, но другой, или превратится в гиперболу – это означает, что объект будет выброшен из Солнечной системы. Вокруг Солнца на орбитах с высоким эксцентриситетом все еще остается целый выводок комет и астероидов, однако число их со временем убывает, и среди астрономов они уже считались редкостью. В свою раннюю эпоху Солнечная система была значительно более хаотичной, и в ней имелись орбиты на любой вкус, однако вышеописанный процесс постепенно ее очистил. В результате такого естественного отбора получилась система, в которой почти все движется по кругу.

Все это было справедливо не только для Солнечной системы в целом, но и для подсистемы Земля – Луна. Луна обращалась вокруг Земли практически по идеальной окружности. Время от времени в систему через точки либрации забредали камни из открытого космоса, оказываясь на геоцентрической орбите, но рано или поздно они врезались в Землю, либо в Луну, либо их опять выкидывало наружу, когда они проходили к этим массивным телам слишком близко. Таким образом Луна за миллиарды лет очистила пространство вокруг Земли и защитила ее от наиболее крупных метеоритов, позволив развиваться сначала сложным экосистемам, а потом и цивилизации.

Камни, из которых состоят Белые Небеса, некогда все вместе находились на лунной орбите. Большая их часть пока что так и оставалась на безопасной высоте в четыре тысячи километров. Их орбиты, опять же пока что, имели низкий эксцентриситет – то есть мало отличались от круговых. Однако огромное число хаотических взаимодействий между обломками уже породило множество самых разнообразных орбит. Некоторые из них имели высокий эксцентриситет – это означает, что апогей их находится где-то далеко, а перигей, напротив, близко к Земле: близко настолько, чтобы затормозить об атмосферу или сразу врезаться в Землю. Любой камень, эксцентриситета орбиты которого хватало, чтобы сблизиться с Землей, мог тем самым сблизиться и с «Иzzi». В общем случае, проходя рядом с Землей, такие камни имели скорость около

одиннадцати тысяч километров в секунду. Кинетическая энергия камешка размером с зернышко перца на этой скорости мало отличалась от энергии пули, выпущенной из дальнобойной винтовки.

Пули, естественно, были спроектированы с целью поражать мишень и наносить ей предсказуемые по своим последствиям повреждения. Осколки Луны никто не проектировал, так что и результаты попадания были непредсказуемы.

В данном случае, вероятно, произошло следующее. Камешек размером с горошину и, соответственно с энергией в несколько винтовочных пуль, пробил стенку капсулы, разрушившись при этом на осколки поменьше. Осколки узким конусом разошлись внутри капсулы, поразив Пита Старлинга как заряд крупной дроби, однако с кинетической энергией побольше той, что дает дробовик. Большая часть энергии ушла в тело, так что оно практически взорвалось. Самый большой осколок прошел Пита насквозь либо пролетел рядом, оставив выходное отверстие в противоположной стенке.

Пройди камешек на пару метров вбок, они бы его даже не заметили. В атмосфере Земли, разумеется, дела обстояли бы по-другому. Камешек исчез бы в яркой вспышке, а большая часть его кинетической энергии перешла бы в тепло. Воздух в непосредственной близости от этого места стал бы чуть горячее. Случись это ночью, наблюдатель заметил бы яркий след. Когда то же самое в гигантских масштабах происходит над всей Землей, воздух нагревается до жаркого сияния – что они, собственно, сейчас и наблюдали.

Как бы то ни было, Дина оказалась заперта в капсуле, из которой выходит воздух, почти в темноте: свет шел от нескольких светодиодных полосок, заляпанных разбрызгавшейся кровью. Разумеется, она провела не один день, тренируясь, как вести себя в подобных ситуациях. В числе прочего их учили: воздух вытекает не так быстро, как можно подумать. Сквозь небольшое отверстие его может пройти не так уж много. И тем не менее герметизация отверстий – вопрос жизни и смерти. Как только Дина оправилась от изумления, она первым делом толкнула труп Пита Старлинга в сторону дырки побольше – входного отверстия метеорита. Окровавленное тело с громким хлопанием заткнуло дыру. Теперь Дина смогла найти на слух и второе отверстие, размером примерно в мизинец. Она закрыла его ладонью. Шипение прекратилось, Дина тут же почувствовала поцелуй вакуума – Большой пылесос пытался вытянуть ее кожу в пустоту. Было больно, но терпимо. Дина еще несколько мгновений прислушивалась, пока не убедилась, что шипения – и, следовательно, утечек – больше нет.

Мимо проплывал окровавленный кусок бинта. Поймав его, Дина оторвала ладонь от дыры и прилепила бинт на ее место. Часть бинта вытянуло наружу, но остаток скомкался и дальше уже не двигался. Шипение, однако, не прекратилось. Дина выловила пустой пластиковый пакет и аккуратно облепила снаружи комок окровавленной марли. Вакуум присосал его, образовав почти герметичную заплату.

От «кормы» капсулы тоже донеслось шипение – не столь резкое, звук был скорее пыхтящий. Дина ощутила барабанными перепонками перепад давления, но в ушах не щелкнуло – похоже, давление *повышалось*. Она ничего не знала конкретно об этой капсуле, но хорошо представляла себе, как работают простые системы жизнеобеспечения. Обычно они содержат запас сжатого кислорода, который подается в помещение, чтобы компенсировать CO_2 , выработанный обитателями и ушедший в поглотители. По-видимому, сейчас этот же механизм пытался скомпенсировать потерю ушедшего в пространство воздуха и снова поднять давление до нормальной отметки.

Если дела обстояли именно так, теперь можно будет открыть люк эмки. Дина подплыла к нему, протянула руку через открытый люк капсулы и постучала по металлу, оставляя костяшками пальцев кровавые отпечатки.

Сперва ничего не произошло, так что она отстучала СОС: три точки, три тире, три точки.

Люк открылся, за ним обнаружилось лицо Айви.

– Бог. Ты. Мой, – потрясенно вымолвила она.

– Спасибо, сестренка, – сказала ей Дина и прыгнула внутрь.

Айви поспешно уступила дорогу – отчасти чтобы не быть помехой, но в основном, как решила Дина, чтобы избежать контакта с жидкостями, ранее принадлежавшими покойному советнику Джулии по науке. Сама Джулия, пристегнутая к откидному креслу, содрогалась сейчас от сухих рвотных позывов, скрючившись в позу эмбриона, – и все же краем глаза наблюдала за Диной.

На языке у Дины вертелось «Добро пожаловать в космос!», но она сдержалась.

– Пока ты там, эээ... занималась своими делами, мы снова прошли сквозь Ковчег, – сообщила Айви. – У нас теперь примерно сорок пять минут в надире.

– Должно хватить, – кивнула Дина.

Она пристегнулась к откидному креслу, обтерла руки о штаны и подтянула ноутбук поближе. Придерживая его ладонями, чтобы не улетел,

она открыла свою программу для связи с роботами. За какие-то несколько секунд ноутбук установил связь со всеми роботами в пределах досягаемости – иными словами, с теми, что отправились с ними в полет верхом на эмке.

Сама Дина тем временем вытянула из стенки складную механическую руку с чем-то вроде перчатки на конце. Она служила интерфейсом, чтобы управлять манипулятором эмки.

– Открой-ка мне шлюз, радость моя, – попросила она Айви.

– Уже открыла, дорогуша, – откликнулась та.

Краем глаза Дина видела, как Джулия переводит взгляд с нее на Айви, прислушиваясь к разговору. Дина попыталась выкинуть ее из головы, даже несмотря на загадочный талант Джулии привлекать к себе внимание – а скорее именно поэтому, – и сосредоточилась на видео, которое передавала камера на конце манипулятора.

Камера приблизилась к круглому отверстию шлюза, изображение выросло в размерах, внутри стало видно оставленное там Феклой устройство.

«Минога» представляла собой ящик с мигающей лампочкой на боку. Со стороны шлюза на ящике имелся кронштейн в форме рукоятки. Дина без труда ухватила кронштейн манипулятором и вытащила устройство на свет.

– Цепляю его на манипулятор Икс-37 или есть другие идеи? – спросила она.

– Никаких.

– Что вы собрались делать? – спросила Джулия.

– Свести с орбиты этот мусорный бак, пока он ни в кого не врезался.

– В этом мусорном баке находятся останки мужественного человека, отдавшего жизнь во имя...

– Айви, – перебила ее Дина, – ты сама с этим разберешься или лучше мне?

– Разберусь. У тебя сейчас дела поважней.

Дина услышала, как Айви разворачивается в пилотском кресле, чтобы видеть Джулию. Потом она произнесла следующее:

– Джулия. Заткни хлебало. Еще, твою мать, одно слово, и я тебе башку расшибу, а тело вышвырну в люк. То, что ты творишь, не лезет ни в какие ворота. Начиная с того, что ты раскрыла сейчас пасть и мешаешь Дине, которая выполняет сложную и крайне важную операцию по защите Облачного Ковчега. Ты только что попыталась перечить прямому распоряжению Маркуса, которому в соответствии с положением о ПДУАП

конституции Облачного Ковчега принадлежит сейчас вся полнота власти. Ты находишься здесь незаконно. Соглашение Кратерного озера открытым текстом запретило отправлять на Ковчег национальных лидеров. Ты нарушила это соглашение и нашла способ попасть на орбиту, причем, насколько я могу судить, в процессе также не обошлось без всевозможной грязи. Способ, которым твой аппарат приблизился к Ковчегу, грубейшим образом нарушает наши процедуры. Он подверг опасности жизнь всех обитателей Ковчега, заставил «Иzzi» и капли тратить на маневрирование бесценные невозполнимые ресурсы. Нас отправили сюда в режиме чрезвычайного реагирования, мы рискуем жизнью и тратим дополнительные драгоценные ресурсы, чтобы разрешить проблему, созданную единственно твоими трусливыми и недостойными действиями. На основании всего перечисленного я, властью капитана этого аппарата, приказываю тебе хранить полное молчание, пока мы не причалим обратно к «Иzzi».

– Вот даже как, – проговорила Джулия.

Дина на секунду подняла голову, чтобы взглянуть, как она и Айви сверлят друг друга взглядами.

– Прошу прощения, – произнесла наконец Джулия.

– Ты сама на это напросилась, – сообщила ей Дина. И снова вернулась к работе.

За время монолога Айви она уже многое успела. Надо было прикрепить «Миногу» к Икс-37. При этом совершенно неважно, как выглядит соединение, главное, чтоб держало. В дни, когда любой маневр требовал от НАСА нескольких лет планирования, подобная операция заняла бы не один час, а оборудование разработали бы специально под нее. Однако теперь населению Облачного Ковчега предстояло выучиться ловле произвольных по размеру и форме объектов космического мусора, и Дина воспользовалась несколько более продвинутой вариацией того приема, с помощью которого Рис заарканил «Лук» Феклы. Тогда Дина соорудила хлыст из нескольких «ужиков». Все получилось, но хлыст был тяжелей и сложнее, чем нужно. Когда Рис закончил ТЗ, у него появилось немного свободного времени, и он начал экспериментировать с оказавшимися у Дины лишними «вьями». Они были из старых запасов – больше, неуклюжей, медленней и глупей, чем современные версии, – но Риса это вполне устроило. Он соорудил из «вьев» совершенно новую разновидность роботов, назвав их «цеплеты», то есть цепи, которые летают, и научил этих роботов выполнять в пространстве такие маневры, о которых его прапрапрапрадядюшка Джон и герр профессор Кухарски из Берлина могли

лишь мечтать. Это открывало множество творческих возможностей, однако Рис сосредоточил усилия на задачах, которые пока что приходилось решать постоянно.

Сейчас Дине как раз и предстояла такая задача. Неуклюже торчащий наружу манипулятор Икс-37 представлял собой очевидную мишень для захвата. Цепь, один конец которой свободен, может обмотаться вокруг него с той же легкостью, с какой Рис некогда поймал Дину за указательный палец своей цепочкой. Дине была нужна лишь цепь. По счастью, таковая у нее была – вокруг корпуса эмки обвивалось спиралью полностью готовое к использованию ожерелье из «цеплетов» третьего поколения. Один его конец она уже успела закрепить на «Миноге». Запустив программу у себя на компьютере, Дина привела в движение всю остальную цепь, которая начала разматываться с эмки и поползла в открытый космос, формируя U-образный изгиб, или *кникштель*, направленный в сторону манипулятора Икс-37.

– Готова к отстыковке, – сообщила она наконец.

Айви вернулась к люку, через который их гостя проникла внутрь эмки.

– Приступаю к отстыковке, – объявила она и стала последовательно выполнять действия, которые должны были отделить эмку от Икс-37.

Тем временем Дина переместилась в пилотское кресло и ввела с терминала последовательность запусков двигателей. Когда Айви подтвердила расстыковку, Дина отправила программу на исполнение, организовав небольшую *дельту-вэ*, так что эмка попятилась прочь от Икс-37. Кникштель пришел в движение, словно цепь протягивалась через невидимый блок, и потянулся от эмки к Икс-37. Наконец он захлестнул манипулятор и несколько раз обвился вокруг него, пока захваты цеплетов не нашли друг друга, намертво закрепив цепь.

Дина освободила «Миногу» от хватки манипулятора эмки. Цепь, продолжая следовать программе, подтянула ее к Икс-37 и закрепила там. Теперь цепь, Икс-37 и «Минога» составляли единое целое, и так и останутся вместе, пока не сгорят.

Дина вывела на экран интерфейс «Миноги». Она была одноразовым устройством, после запуска о ней можно было забыть, однако запуск кому-то требовалось выполнить. Повращав контрольный элемент, отвечающий за ориентацию ящика, Дина направила его в безопасную сторону.

Сводить объекты с орбиты почти так же нелегко, как и запускать их туда. Если уж он попал на законную, стабильную орбиту, так просто обратно на Землю его не уронишь. Он останется на орбите до тех пор, пока

не замедлится. Замедление в общем случае означало включение двигателей, иными словами, расход топлива. Альтернативой служила «Минога».

– Расстыковано, – еще раз подтвердила Айви, возвращаясь в кресло пилота. – Сейчас чуть-чуть оттолкнусь.

Несколько ударов двигателями обозначили, что они отделились от Икс-37. Айви развернула эмку, и они увидели в окне Икс-37 примерно в сотне метров от себя. Он плавал вверх тормашками над пылающей Землей, манипулятор торчал в надир, на нем мигала лампочкой «Минога».

– Итак, у «Миноги» все огоньки зелененькие, красненьких я не вижу. Активация на счет три... два... один... пошел! – Дина нажала на кнопку «Сход с орбиты».

Большая часть «Миноги» – практически весь ящик – сорвалась с места и полетела к Земле, за ней тянулась струя белого дыма от твердотопливных ракетных двигателей. Через несколько секунд двигатели догорели, но ящик продолжал удаляться, разматывая за собой провод. Через минуту провод натянулся и теперь повис на полкилометра вниз, удерживаемый в натянутом положении приливными силами.

– В тросе зафиксирован ток, – сообщила Дина. – Все работает!

Проходя через магнитное поле Земли, провод генерировал слабый электрический ток, а его магнитное поле в свою очередь должно было затормозить Икс-37. Эффект был не очень заметный, однако через несколько часов орбита Икс-37 уже снизится достаточно, чтобы не представлять угрозы для Ковчега. Спустя несколько дней или недель он войдет в атмосферу и там сгорит.

До очередного пересечения орбит эмки и «Иззи» оставалось двадцать минут. Однако чисто физически они были на отдалении в несколько десятков километров, и эмка оставалась «внутри роя» – в том смысле, что ее компьютер был на связи с сетью Облачного Ковчега и продолжал анализировать фазовое пространство в поисках наиболее безопасной и требующей меньше всего топлива траектории, по которой можно вернуться обратно и причалить. Данное обстоятельство вкупе с тем, что «Минога» сейчас успешно уводила Икс-37 с орбиты, должно было устранить большую часть красных точек, пятнавших дисплеи «Параматрицы», когда они улетали. Однако, когда Айви и Дина смогли снова взглянуть на соответствующие экраны, все выглядело еще хуже, чем раньше. И совершенно непонятно почему. С точки зрения математики и визуализации данных «Параматрица» была произведением искусства, но иной раз хочется просто понять, что, блин, сейчас происходит. Чтобы тебе кто-

нибудь объяснил словами.

На телефон Айви пришла эсэмэска. Она была от Маркуса. Айви зачитала ее вслух. «Сближаться на ручном управлении, используя визуальный контроль, – гласил текст. – Остерегаться обломков от столкновения».

– Уже?!! – воскликнула Дина.

Если всего через два часа после начала Каменного Ливня у них было попадание болида, это означало дурные перспективы.

– Братоубийство, – пояснила Айви, продолжавшая читать сообщения. – Одну из капель загнали в угол.

Такая проблема уже возникала при моделировании. В целом рой старался находить решения, при которых капли не сталкиваются друг с дружкой и при этом требуется минимальный расход топлива. В сложной ситуации, разумеется, для предотвращения столкновений топлива можно было сжечь и побольше. Однако бывало и так, что столкновение неизбежно, что ни предпринимай, и оставалось лишь минимизировать ущерб. По замыслу никакая капля не должна быть зажата в угол, «Параматрица» для этого и разрабатывалась. Однако число возможных вариантов было бесконечным, так что полной гарантии никто не давал.

– Столкновение было управляемое, – продолжала пересказывать Айви, – погибших нет. Однако не обошлось без последствий, они уточняются. Не исключено, что вокруг сейчас плавают обломки. Поэтому он и хочет, чтобы я шла на ручном.

– Какого рода обломки? – уточнила Дина. – Твердые или...

– Похоже, теплозащита, – ответила Айви. – Повезло.

Судя по всему, модуль или капля потеряли часть светоотражающей фольги или теплоизоляции, защищавшей их от Солнца. Все это было легким, как перышко, и вряд ли представляло угрозу для эмки. Однако фольга должна дать яркую отметку на радаре, неудивительно, что «Параматрица» обезумела.

Айви в пилотском кресле монополизировала весь вид из окна. Дине не очень-то хотелось лететь вслепую, и она вывела на экран интерфейс «глаза» эмки.

Со стороны Джулии послышался странный повторяющийся звук, что-то наподобие влажного жужжания.

Она храпела.

– Тяжелый у нее выдался денек, – заметила Айви.

– Угу.

Дина не нашла в своем прошлом подходящего прецедента, чтобы

решить, какие чувства следует сейчас испытывать к бывшей госпоже президенту. С одной стороны, та вела себя крайне недостойно. С другой – несколько часов назад она одновременно лишилась мужа, дочери, родины и должности.

Потратив некоторое время на прицеливание, Дина захватила «Иzzi» в поле зрения камеры и стала увеличивать изображение. «Иzzi» была сейчас с ночной стороны Земли. В обычное время – в то время, которое еще недавно считалось обычным – она была бы погружена в темноту, но сейчас ее подсвечивало снизу багровое сияние атмосферы, которое время от времени молниями пронзали голубоватые вспышки, когда в воздух в трехстах километрах под ними врезался крупный болид. Разумеется, Дина никогда еще не видела станцию при таком освещении, и ей потребовалось время, чтобы привыкнуть.

Издали казалось, что с «Иzzi» все в порядке, однако, постепенно увеличивая картинку, Дина стала замечать визуальный шум, который на максимальном разрешении оказался плавающими тут и там кусками станции – как и сказала Айви, это были ключья теплоизоляции.

За последние два года конструкция «Иzzi» неизмеримо усложнилась. Дина нечасто видела ее на расстоянии и не очень хорошо представляла, как именно ей следует выглядеть. Однако по мере роста разрешения крепла уверенность: что-то не в порядке со стороны надира между «Звездой» и «Зарей».

«Иzzi» была сложной конструкцией, но сложной в смысле, подразумевающим упорядоченность, прочность и стабильность. Единственным исключением была Амальтея, но и та становилась все более упорядоченной по мере того, как роботы Шахтерского поселка трудились над ее обустройством. Однако то, что оказалось сейчас в поле зрения камеры Дины, было беспорядочно и нестабильно: сорванные с места огромные простыни термоизоляционного материала чуть трепыхались на практически неощутимом ветру. На первый взгляд ничего серьезного. Под «серьезным» в данном случае следовало понимать пробитый корпус, из которого вырываются наружу потоки воздуха, возможно, вынося с собой обломки или даже тела.

– По-моему, самое большее – удар по касательной, – отрапортовала Дина. – Капля или что-то в этом роде чуть не врезалась в «Звезду» в надире. Теплозащита повреждена, но структуры почти или даже совсем не пострадали.

– Докладывают, что жертв нет, – подтвердила Айви. – Несколько синяков и растяжений на борту капли. Так что, надеюсь, ты права.

– Я тоже надеюсь, – пробормотала Дина.

Они приближались, так что на экране можно было различить все больше подробностей. То, что обнажилось под сорванной теплоизоляцией, она поначалу не распознала: большая Т-образная конструкция торчала от Стержня в надир, словно руль самоката. Перекладины руля были усеяны аккуратными рядами небольших идентичных объектов, посверкивавших, когда на них падал случайный отблеск снизу.

В конце концов детали мозаики встали на место: перед ней было царство Мойры. ГАЧ, Генетический Архив Человечества. Как-то Мойра устроила для нее туда экскурсию, но это было изнутри, в закрытом, заполненном воздухом пространстве. Сейчас Дина видела то же самое снаружи. До сих пор архив был скрыт от глаз теплоизоляцией. Когда ее сорвало, стало видно внутреннее устройство: ряды шестиугольных держателей для пробирок, в каждой из которых – образцы замороженной спермы, яйцеклеток и эмбрионов, ожидающие своего часа в холоде и мраке космического вакуума, почти при абсолютном нуле...

– Как там у Мойры дела с распределением архива? – как бы между делом поинтересовалась Дина, надеясь, что голос ее не выдаст.

– Ну... очевидно, ей пришлось поторапливаться, когда стало известно про Шар номер восемь. Как и всем остальным. Короче, я толком ничего не знаю, – ответила Айви.

«Имир»

– ...и тут, к моему ужасу, люк захлопнулся у меня перед носом! Я пыталась его открыть, но перепад давлений оказался слишком велик. Маркус, ты не представляешь всю глубину моего отчаяния, когда я поняла, что Дина заперта на той стороне.

Маркус перевел взгляд на Айви. Джулия говорила долго, он уже от нее устал.

Айви вскинула ладони:

– Я в это время пыталась управлять получившимся после стыковки уродцем! И толком не понимала, что происходит за спиной, даже когда Джулия попыталась что-то объяснить.

– Тоже верно, – кивнул Маркус, – я вообще удивлен, что ты справилась с управлением. Через сто лет об этом станут легенды слагать.

«Если найдется кому», – подумала Дина.

Айви тем временем лишь моргала, вглядываясь в Маркуса, чтобы

понять, не издевается ли он. Маркус не издевался. Он всегда отличался прямоотой, в некотором роде обоюдоострой: от него можно было услышать как невероятно щедрую похвалу, так и совершенно убийственную критику.

– Во всяком случае ничего больше я уже не соображала, – заключила Айви.

Они сидели в Бункере вокруг стола для совещаний. Маркус воздержался от слова «дознание», однако было ясно, что именно оно и происходит. Как минимум – добросовестная попытка тщательно установить все обстоятельства вчерашних событий. Маркус открыл собрание кратко и по делу, однако затем все пошло наперекосяк, поскольку Джулия настаивала, что все нужно рассказать «с начала» – как она проснулась в Белом доме рядом с ныне покойным мужем и спустилась к завтраку с ныне покойной дочерью, как внезапно разразился конец света, и все остальное до того самого момента, когда тридцать шесть часов спустя она оказалась на борту корабля, в дикой спешке запущенного на орбиту. Вся история представляла собой цепочку совпадений и недоразумений, нелепых настолько, что в целом казалась почти правдоподобной. Выдумать такое не смог бы и самый отъявленный лжец. Повествование заняло чуть ли не час, несмотря на то что Маркус все чаще и все откровенней поглядывал на свой швейцарский хронометр, а слушатели испытывали сложную смесь чувств, от почти гипнотической скуки до ужаса пополам с сарказмом.

Похоже, Джулия всерьез полагала, что их интересует происшедшее с мертвыми людьми на мертвой планете. Для новичков это было типичным заблуждением. В ее случае все усугублялось тем, что она привыкла к роли президента. К тому, что все вокруг только рады послушать, о чем рассказывает самый влиятельный человек на свете.

– Слава богу, – снова открыла она рот, – нам все-таки удалось...

– Да, – оборвал ее Маркус. Было совершенно очевидно, что слушать Джулию он больше не желает. Было столь же очевидно, что переходить к следующему пункту повестки ему тоже не слишком хочется.

От Мойры все старательно отводили взгляд.

– Спасибо, Джулия, – сказал Маркус тоном, откровенно подразумевающим, что она может идти.

Джулия слегка удивилась:

– Мы ведь еще не выслушали доктора Крю?

– Да, но *тебя* мы *выслушали*, – отметил Маркус.

Джулия наконец поняла. И ей это не слишком понравилось.

– Прекрасно, – произнесла она, медленно поднимаясь со своего

места. – Маркус, как я уже успела сказать, я буду рада принести наибольшую пользу где только смогу.

– Принято к сведению, – ответил Маркус. Смотрел он все это время на Айви, сидящую прямо напротив него. Дина знала, о чем они оба думают: «От тебя здесь никакой пользы и как бы даже не хуже того, потому-то тебя сюда никто и не звал». – Спасибо, Джулия.

Экс-президент вышла из-за стола. У двери, ведущей в Парк, она в последний раз обернулась и посмотрела на Маркуса со щенячьим выражением, словно ожидая, что сейчас он расхохочется над удачной шуткой и, хлопнув себя по ляжке, сердечно предложит ей вернуться за стол. Не дождавшись этого, она переменилась в лице – Дина даже слегка испугалась.

Каково это, подумала она – неделю назад ты швырялась атомными бомбами, а сейчас тебе предлагают выйти за дверь. Джулию такое явно не обрадовало. Она резко развернулась в поисках выхода – или же чтобы спрятать лицо – и открыла дверь. Сразу за дверью Дина заметила поджидавшую кого-то девушку в хиджабе. Он закрывал нижнюю часть лица, однако глаза девушки при виде Джулии радостно вспыхнули, такие же чувства читались и в жестах. Выходя, Джулия приветственно протянула руку и положила ей на талию. Они неторопливо удалились плечом к плечу, дверь за ними закрылась.

В бункере остались Маркус, Дина, Айви, Мойра, Сальваторе Гуодян и Чжон Ху, специалист по прикладной математике и основной теоретик Ковчега по динамике роя. В орбитальной механике и ракетных двигателях – то есть в традиционных технологиях, отвечающих за поведение отдельных космических аппаратов, – у них имелись эксперты и посильней, однако Ху, специалист по сложным системам, был основным разработчиком «Параматрицы» и единственный мог понять и объяснить, что в рое происходит не так. Большую часть жизни он провел в Пекине, но и в западных университетах проработал достаточно, чтобы уверенно овладеть английским. Маркус кивнул ему, и Ху заговорил:

– Я проанализировал то, что случилось. Как нам уже известно, одна из капель была загнана в угол, что привело к касанию. – Это был вежливый способ сказать, что две капли столкнулись, но не слишком сильно. – Несмотря на это, Капля-214 сохраняла управление и имела возможность избежать второго касания.

– Почему же она этого не сделала? – требовательно спросил Маркус.

– Алгоритм предсказал, что капля пройдет рядом, ничего не задев, и, соответственно, выполнил лишь стандартный маневр. Пилот отвлекся в

результате удара и потерял ориентацию, поэтому не рискнул переходить на ручное управление, чтобы уклониться.

– Пилота я не виню, – отметил Маркус, – мы им множество раз говорили летать на ручном лишь в крайних случаях. Но вот почему ошибся алгоритм?

– Он не ошибся, – возразил Ху, – у него просто были неверные данные. Я сейчас покажу. – Прикоснувшись несколько раз к планшету, он вывел на большой экран над столом трехмерную модель «Иzzi». В первом приближении схема выглядела вполне разумно – на ней в числе прочего были представлены модули и космические аппараты, пристыковавшиеся всего несколько дней назад. – Эту модель система вчера использовала, чтобы уйти от столкновения.

Проведя пальцем по планшету, он развернул модель так, что они могли видеть станцию со стороны надира. Ху увеличил изображение, и перед ними оказался легко узнаваемый «самокатный руль» – Генетический архив человечества с двумя холодильными камерами, торчащими влево и вправо под «Звездой». Примерно то же самое Дина наблюдала вчера из эмки.

– Подожди-ка, – воскликнула Айви, – это и есть точная модель? Целиком?

– Да, – вздохнул Ху.

– Здесь же нет теплозащиты, – продолжала Айви, – это еще примерно метр!

– Совершенно верно, – кивнул Ху, – с этой точки зрения модель устарела. Мы уже загрузили новую версию.

Все понимали, что виноватых нет. Капельмейстеры два года бились над тем, чтобы поддерживать в компьютерах точную трехмерную модель «Иzzi», но с учетом каждодневных изменений задача была почти невозможной. Мягкие элементы конструкции, включая теплоизоляцию, имели в этом смысле относительно низкий приоритет. Человек мог и сам мысленно добавить их, глядя на модель. А вот компьютер не мог.

– И тем не менее мы никогда полностью не полагались на точность модели, – возразил Маркус. – Капля не должна была пройти так близко.

– Сейчас я покажу, что случилось. – Ху вывел на экран видео, снятое камерой наблюдения – по-видимому, с одной из ферм.

Генетический Архив Человечества и окружающий его слой теплоизоляции не попали в центр кадра – их было видно лишь в правом нижнем углу. Иными словами, съемка была не самой идеальной. Однако они могли видеть, что происходит. Справа медленно выползла капля – она сближалась со станцией примерно со скоростью пешехода.

– Запись в реальном времени? – уточнил Сал.
– Да. Поскольку скорость сближения была чрезвычайно низкой, ситуация не рассматривалась как особо опасная.
– Похоже, капля все-таки должна была пройти мимо, – заметил Сал.
– Она и проходила – до вот этого момента, – и Ху поставил видео на паузу. На переднем нимбе Капли-214 можно было сейчас рассмотреть небольшой огонек, хотя и не без труда. – Включается двигатель – небольшая коррекция курса автопилотом. – Ху продвинулся вперед на несколько кадров. Вспышка угасла, но на ее месте образовалось неясное серое облачко. – Выхлопные газы. Распространяются с большой скоростью. – Еще несколько кадров вперед. Они увидели, как теплоизоляция под давлением газа подается назад. Шов между двумя кусками пластика разошелся, один устремился в сторону, как подхваченное порывом ветра белье на веревке.

Ху снова запустил видео, и они увидели, как капля цепляется задним нимбом за отошедший пластик и отрывает его напрочь, открывая взгляду Генетический Архив Человечества, освещенный исходящим от земной атмосферы алым сиянием.

– Если бы двигатель не включился так некстати... – начала Айви.
– Капля-214 прошла бы в двух метрах под станцией, – кивнул Ху. – Почти впритирку, особо гордиться тут нечем. Но тем не менее их хватило бы.

Он немного помолчал, и после паузы добавил:
– Надо заметить, теплозащита ГАЧ могла бы быть и понадежней.
Новая пауза – похоже, все ждали, кто первый рассмеется. Другого юмора, кроме черного, им все равно не оставалось.

Кажется, Ху что-то почувствовал.
– Я хочу сказать, что она была рассчитана на нормальные нагрузки.
– На солнечный свет, – уточнила Дина.
– Да. Но не на жар, исходящий от атмосферы внизу.
– Это, разумеется, относится к значительной части «Иззи», – сказал Маркус. – Сейчас отовсюду идут сигналы о перегрузке систем охлаждения. Мойра, и как сильно пострадал архив?

Дина не могла не отметить, как ловко и непринужденно Маркус сумел вставить свой вопрос. Мойре, которая за все совещание не произнесла ни слова, понадобилось какое-то мгновение, чтобы выйти из транса.

– Ну, – наконец выдавила она, – как объяснил Ху, система теплозащиты...

– Была неудачной, – констатировал Маркус. – Это мы уже знаем.

– Запасной у нас не было.

– Разумеется, – согласился Маркус. – Для охлаждения ГАЧ использовался холод всей Вселенной. Запасную Вселенную мы не предусмотрели. Как правило, существующая и так обеспечивает достаточно холода.

– Но из-за того, что появился Шар номер восемь и нам пришлось перейти на ускоренную...

– Хватит! – перебила Мойру Дина.

Все уставились на нее.

– С этим пора кончать, – объявила она. – Вот послушайте. Когда мне было четырнадцать, у папы на шахте случился обвал, погибли одиннадцать человек. Он так никогда полностью от этого и не оправился. И, естественно, попытался разобраться, что произошло. Оказалось, что это долгая история. Сначала случилось одно, потом другое... короче говоря, по отдельности каждое из принятых решений было совершенно правильным, но никому и в голову не могло прийти, к чему они приведут в совокупности. Папа все равно чувствовал себя виноватым – хотя в обычном понимании этого слова его вины там не было вообще никакой.

Теперь о том, что случилось у нас, – продолжала Дина. – Шон Пробст основал компанию по разработке астероидов, запустил кучу микроспутников и собрал базу данных околоземных объектов, которую компания держала в секрете. Базу данных он взял с собой, улетаая навстречу Греке-Скелету. В радиостанцию попал метеорит, и он остался без связи. В самый последний момент, когда, по большому счету, было уже поздно, он решил проверить базу данных и выяснил про Шар номер восемь. Он сказал мне, я – Дюбу, Дюб – всем остальным, и мы перешли на ускоренную подготовку к Белым Небесам. Мойра запустила планировавшийся около года проект по распределению образцов из ГАЧ по каплям. Как и любой другой проект в человеческой истории, он раскошегарился не сразу из-за разнообразных накладок. Мало того, из-за Выплеска на срочных работах оказались задействованы все эмки и все скафандры. Отправлять архив на капли удавалось лишь понемногу. Казалось естественным хранить оставшиеся образцы в холоде ГАЧ, пока не удастся разрешить проблемы с логистикой. Начался Выплеск, к нам сюда запустили кучу самой разнообразной херни, «Параматрица» принялась мигать огоньками как сумасшедшая. Капли раз за разом загонялись в угол, две мы чуть не потеряли. Мы с Айви отправились на эмке за Джулией, чем, надо полагать, только добавили в систему шума и хаоса. Ну и в результате случилось то, что мы сейчас видели. Капля-214 сорвала с ГАЧ неудачно

спроектированную термозащиту, так что образцы оказались непосредственно открыты излучению, исходящему от земной атмосферы. Прежде чем удалось сляпать новую защиту, все образцы успели нагреться. И, как следствие, погибли. Ведь так, Мойра?

Мойра, очевидно, не доверявшая собственному голосу, лишь кивнула в ответ.

– Хорошо, – сказала Дина. – Таким образом, вопрос Маркуса, я думаю, надо понимать следующим образом – сколько образцов из ГАЧ удалось переместить в другие холодильники до того, как все произошло. Иными словами, какая часть архива уцелела?

Прокашлявшись, Мойра наконец произнесла тоненьким голоском:

– Примерно три процента.

– Ладно. У меня остался только один вопрос, – сказал Маркус. – Дюбу ты уже сказала?

– Думаю, он подозревает, – ответила Мойра, – но официально я ему пока ничего не объявляла. Сначала хотела сама во всем убедиться.

– Теперь убедились?

– Да.

Маркус кивнул и принялся печатать на телефоне.

– Я приглашаю его на встречу со мной и с Мойрой. Прямо сейчас.

Все, кто понимал, что они не Маркус и не Мойра, поднялись, чтобы идти. Маркус вытянул руку, чтобы их остановить:

– Подождите. Сначала я хотел бы сказать несколько слов об утраченном нами Генетическом Архиве Человечества.

Маркус сделал паузу, дожидаясь, пока все взгляды не обратились на него.

– Все это была херня собачья, – сообщил он.

На какую-то секунду каждый задумался над его словами.

– Ты так Дюбу и скажешь? – уточнила Айви.

– Разумеется, нет, – ответил Маркус, – и тем не менее ГАЧ служил в первую очередь политическим целям Старой Земли.

– Теперь она так называется? Старая Земля? – спросил Сал с неподдельным интересом.

– Я ее теперь называю так, – ответил Маркус, – в те все более редкие моменты, когда вообще про нее думаю.

– Спасибо, Маркус, – сказала ему Мойра.

Разумеется, он все знал. Глядя на сложную структуру «Иzzi», легко позабыть, что размер у нее совсем крошечный – несколько сотен человек

набиты в совокупный объем трех-четырех реактивных лайнеров. Слухи здесь распространяются мгновенно. Всего через несколько часов каждому стало известно, что Генетический Архив Человечества почти целиком погиб.

Дюб находился в Бункере с Маркусом и Мойрой. Они глядели на него поперек стола, терпеливо ожидая какой-нибудь реакции.

– Послушайте, – сказал он им наконец. – Дока Дюбуа больше не существует. Он был всего лишь маской, понимаете? Ролью для публики. А сам я человек довольно скрытный. И мне не свойственно фонтанировать эмоциями. Особенно на глазах у людей, которые от меня этого ожидают. Когда-нибудь, спустя год-другой и не на людях, я расплачусь из-за всего этого – неожиданно для самого себя. Но не сейчас. И дело не в том, что я ничего не чувствую, просто эти чувства принадлежат мне одному.

– Мне очень жаль, что так вышло, – сказала Мойра.

– Спасибо за эти слова, – ответил Дюб, – но давайте я все-таки скажу вслух, что мы все сейчас думаем. Вчера умерло семь миллиардов человек. По сравнению с этим потеря каких-то генетических образцов вообще ничего не значит. Зачатый мной и Амелией эмбрион, который я привез с собой на станцию... начнем с того, что это было одолжением, сделанным мне Джей-Би-Эф, чтобы я сюда полетел. Кроме меня такой возможности никто не получил. Это было нечестно. Я это знал. Все равно согласился. И вот чем кончилось.

– Да, – кивнул Маркус, – вот чем все и кончилось. Возвращаясь к нашим...

– Вот только боюсь, – перебил его Дюб, – я не совсем согласен, что ГАЧ не имел никакого значения.

Маркус обуздал нетерпение и лишь вопросительно задрал брови. Дюб перевел взгляд на Мойру:

– Какой ты там упоминала термин? Гетерозиготность?

– Да, – ответила Мойра. – Официальным назначением ГАЧ было обеспечить для будущего человечества достаточно разнообразную генетическую базу.

– По-моему, задача более чем важная, – подтвердил Дюб. – Или я чего-то не знаю?

– У нас есть десятки тысяч оцифрованных человеческих геномов. Со всех концов земного шара.

– Вот тебе, Дюб, и гетерозиготность. Ты ведь к этому ведешь? – подсказал ей Дюб. – И поэтому, – теперь он бросил взгляд на Маркуса, – ГАЧ был не нужен.

– Да, с одним «но», – ответила Мойра.

– И в чем же заключается «но»?

– Ты, без сомнения, понимаешь, что прок от цифровых последовательностей есть только в том случае, когда у нас имеется оборудование, чтобы преобразовать их в настоящие хромосомы внутри жизнеспособных человеческих клеток. Для искусственного осеменения образцом спермы нужны длинная пипетка и немного смазки. А чтобы использовать последовательность ДНК с флешки, требуется...

– Полный комплект оборудования твоей лаборатории.

На лице у Мойры выразилось нетерпение:

– Разница между тем, что ты сейчас назвал «моей лабораторией», и настоящей лабораторией примерно такая же, как между нулями и единицами на флешке и живым человеком. Это оборудование в ящиках, которые вообще нет смысла распаковывать в невесомости. И даже если мы его установим и подключим, оно совершенно бесполезно, если нет персонала, причем каждому требуется как минимум степень по молекулярной биологии.

– Что, в самом деле? *Совершенно бесполезно?* – уточнил Маркус.

Мойра вздохнула:

– Если объем работ невелик, по одному образцу за раз, все не так грустно. Но чтобы воссоздать генетическое многообразие целого человечества...

– Подожди, Мойра, – сказал Маркус, – это все равно невозможно сделать, пока мы не выполним целый ряд других условий. Целое человечество не может жить в каплях, питаясь водорослями. Сначала нужно основать жизнеспособную и надежную колонию. Затем мы развернем для тебя лабораторию. После этого построим улучшенную экосистему – это будет означать больше пищи и большую стабильность. И лишь тогда можно будет начинать заботиться о гетерозиготности. До тех пор нам вполне хватит народу, чтобы они безо всякого кровосмешения производили на свет здоровых детей, просто трахаясь друг с другом.

– Это верно, – согласилась Мойра.

– И на этом было основано мое утверждение, что ГАЧ – херня, – заключил Маркус.

– То есть ты хочешь сказать, – уточнил Дюб, – что будь у нас все необходимое для практического использования ГАЧ – колония, экосистема, специалисты...

– ...то он и на хрен бы нам не сдался! Именно так, – подтвердил Маркус. – Может, уже хватит тратить на него время?

– А на что же нам *следует* тратить время, Маркус? – Мойра, словно совенок, смотрела на него из-за стекол очков, но во взгляде ее появился некий интерес.

– На обсуждение вопроса, как нам этого добиться. Как достичь того положения дел, о котором мы только что говорили.

– И чем я могу здесь помочь – учитывая, что ГАЧ на девяносто семь процентов уничтожен, а мое оборудование еще долгое время не потребуется?

– Я хочу обсудить, как нам его сохранить, – ответил Маркус. – Защитить от всех возможных нападений и сохранить в безопасности до того дня, когда мы наконец сможем развернуть твою лабораторию.

– Но мы не можем сделать его *еще* безопасней, ведь правда? – удивилась Мойра. – Оно и так в наилучшем возможном положении – в Узле Икс, под самой Амальтеей. И ничем не рискует – в отличие от нас, сорвиголов.

Мойра имела в виду понятие «защитного конуса», который предположительно существует за Амальтеей – оно часто всплывало в дискуссиях капельмейстеров. Насколько траектории болидов вообще предсказуемы, Амальтею можно направить в их сторону и использовать в качестве бампера. Поверхности астероида придется принять удар на себя – однако древний железоникелевый слиток многое в силах выдержать. Разумеется, защищенная таким образом область не простирается за астероидом до бесконечности. Чем дальше ты отстал от Амальтеи, тем выше вероятность попасть под болид, пришедший под углом. В наибольшей безопасности был Шахтерский поселок, поскольку находился непосредственно за астероидом. Почти столь же безопасной была гроздь модулей, пристыкованных к Узлу Икс сразу за МОРЖом – там и хранилось оборудование Мойры. За ним защитная зона начинала сужаться, подобно длинному конусу, который кончался где-то за Камбузом. Шутка Мойры про сорвиголов относилась к тому обстоятельству, что ТЗ – третий тор, где они сейчас сидели за столом – был довольно широким и находился достаточно близко к корме, а следовательно – неподалеку от границы конуса. Тор попытались снабдить усиленной противометеоритной броней, и все равно он считался более опасным, чем значительная часть помещений «Иzzi».

Маркус кивнул.

– Твои ящики в относительной безопасности. Но будет еще безопасней, если мы укроем их внутри Амальтеи. Я уже разговаривал об этом с Диной. Она говорит, что можно пробить в астероиде полости и хранить там самое важное.

Наступила тишина – Дюб и Мойра обдумывали услышанное.

На определенном управленческом уровне предложенное Маркусом было самоочевидным. Естественно, внутри огромного металлического астероида безопасней всего.

На других уровнях все было не так просто.

Еще несколько дней назад – до Белых Небес, пока большинство еще было способно рассуждать здраво – судьба Амальтеи и Шахтерского поселка оставалась предметом горячих дискуссий. Что такое астероид – камень в тачке, от которого при первой возможности следует избавиться, или эгида, способная защитить все человечество целиком? Спор давно уже свелся к статистическим выкладкам. Для окончательного вывода попросту не доставало данных.

Предлагая Мойре переместить оборудование внутрь Амальтеи, Маркус, очевидно, выражал готовность следовать одному из вариантов.

Тому, к которому инстинктивно склонялся и сам Дюб. Только странно, что такой человек, как Маркус, принял решение до того, как закончены расчеты.

Может, он знает что-то, неизвестное Дюбу?

Мойра, впрочем, отреагировала раньше:

– А если придется «все бросить и бежать»?

Она имела в виду гамбит, который неоднократно обсуждался и даже разыгрывался на бумаге. Согласно ему, Амальтею отсоединяли от станции, а «Иззи», облегченная, но лишенная защиты, разгонялась, чтобы выйти на более высокую орбиту, где болидов меньше.

– Тогда мы просто перед этим перенесем все обратно в Узел Икс, – ответил Маркус. – Или в то место на «Иззи», где, как мы решим, будет безопасней всего.

Мойра испытующе уставилась на него. Маркус поднял руки в знак капитуляции:

– Я понимаю твоё возражение. Но должен признать – я все больше и больше склоняюсь к тому, что «все бросать и бежать» мы не будем.

– Мои чувства насчет «чистороек» тебе тоже известны, – пожала плечами Мойра.

Речь шла о другом гамбите под названием «чистый рой», в котором всё – включая, надо полагать, и лабораторию Мойры – следовало распределить между каплями, которые затем вместе поднимутся на орбиту повыше. Люди и припасы будут далее перемещаться между каплями в рамках децентрализованной экономики, основанной на рыночных принципах.

– Послушай, – возразил Маркус, – теперь, когда внизу все мертвы и

нам больше не нужно мириться со всяческой хренью, ты вскоре обнаружишь, что Ху и его команда не столь радикальны в своих взглядах, как вынужденно притворялись.

Речь шла о том, что Чжон Ху, основной теоретик роя и создатель «Параматрицы», по общему мнению относится к «чисторойкам».

Дюб кивнул. Ему все еще приходилось делать усилие, напоминая себе, что миллионы интернетовских комментаторов, яростно отстаивающих ту или иную стратегию, уже переместились в загробный мир.

– Тебе что-то известно, – вырвалось у него. Он тут же продолжил, поскольку ему пришла в голову новая мысль: – От Дины. Радио.

– Верно, – сказал Маркус. – «Имир» на подходе – и идет «горячо, высоко и тяжело»^[6].

Произнося эти три слова, он пальцами изобразил в воздухе кавычки.

– То есть как? – удивилась Мойра. – Он же изо льда, как он может быть горячим?

– Он приближается на высокой скорости. Не то чтобы с этим нельзя было справиться. Однако... будет горячо, и поэтому весело.

– А «высоко»? – подсказал Дюб.

– Шон передал парамы, – ответил Маркус. – И похоже, что он сделал нам большую услугу. Пока это было сравнительно несложно, в L1 он сменил орбитальную плоскость.

– Значит, – предположил Дюб, – под «высоко» Шон имел в виду, что у «Имира» высокое орбитальное наклонение. Близко к нашему?

– Очень близко, – подтвердил Маркус. – Фактически кусок льда падает прямоком нам в руки.

– То есть, – хмыкнула Мойра, – Шон Пробст сбрасывает нам на голову комету – словно у нас сейчас других забот мало.

– Кусок кометы.

– И немаленький, раз уж он назвал его «тяжким», – предположил Дюб.

– Число он передал очень внушительное. – Маркус нагнулся поближе к Дюбу и посмотрел ему прямо в глаза.

– Ого, – изумился Дюб. – Его что, хватит на «долгую поездку»?

– Если мы сможем подвести «Имир» к «Иззи» – да, хватит, – кивнул Маркус. – Этого будет более чем достаточно.

«Долгая поездка» была третьим возможным вариантом. Речь шла о том, чтобы вывести на более высокую орбиту всю «Иззи» целиком, включая Амальтею. Это считалось трудноисполнимым, учитывая расход топлива. И даже не просто трудноисполнимым, а физически невозможным – если только не вернется «Имир». Потеряв уже всякую надежду на Шона,

сторонники этого варианта в последнее время перешли к обсуждению урезанных версий, как то: пустить часть Амальтеи на постройку противометеоритных щитов, а основную массу все-таки сбросить.

– И на смену плоскости тоже? – не унимался Дюб.

Губы Маркуса тронула легкая улыбка. Он прекрасно знал, что у Дюба в голове. Тот никак не мог забыть про Расщелину и уже успел показать фото своего любимого куска Луны самому Маркусу, Конраду, Ульрике, Айви и еще кое-кому из тех, кто, насколько можно судить, осуществлял сейчас неформальное руководство Ковчегом.

– Во избежание недоразумений, – сказал Маркус. – Говоря о «долгой поездке», я имею в виду полную программу. Мы забираем с собой всю Амальтею целиком. Поднимаемся до лунной орбиты. Меняем плоскость. Переходим на круговую орбиту. И в конце концов высаживаемся в Расщелине.

– И воды «Имира» для этого хватит?

– Да, – ответил Маркус, – при условии, что нам удастся установить над ним контроль и привести к «Иззи».

– Этим разве не Шон занимается?

– Уже нет, – ответил Маркус. – Информация, которой я сейчас с вами поделился, содержалась в последней радиোগрамме Шона, и больше уже не будет.

Дюб и Мойра уставились на него.

– Здоровье экипажа «Имира» было подорвано, и довольно давно, – объяснил Маркус. – Шон умер последним из членов экспедиции.

– Ты хочешь сказать, «Имир» – корабль-призрак? – переспросил Дюб.

– Да.

– А дистанционный контроль невозможен? – поинтересовалась Мойра.

– К сожалению, морзянка Дины здесь не годится, – ответил Маркус.

– Значит, кому-то придется...

– Кому-то придется лететь к долбаной ледышке, – перебил ее Маркус, – высадиться на нее, войти в «Имир», запустить ядерный реактор и выполнить серию маневров, чтобы сблизиться с «Иззи».

– И кто... – начал было Дюб, но заткнулся, когда Маркус неловко указал пальцем на себя. Случайно или нет, это походило на пантомиму самоубийства из револьвера.

Маркус продолжил:

– С завтрашнего дня я объявляю Айви командиром «Иззи» и Облачного Ковчег. Сам я соберу экипаж, который отправится к «Имиру» на борту ЦМА. Мы высадимся на борт «Имира», установим контроль над

его системами и доставим груз к «Иzzi» на ручном управлении. Затем мы используем оставшийся лед, чтобы поднять орбиту «Иzzi», и вместе с Амальтеей отправимся в «долгую поездку».

– Это... весьма существенные новости, – произнесла Мойра. – Кто еще об этом знает? И когда ты собираешься объявить остальным?

– Я сам только что решил, – вздохнул Маркус. – Послушайте, выбора нет. Мне всегда казалось, что и «бросить все и бежать», и «чистый рой» – варианты слишком рискованные. Случившееся с ГАЧ это только подчеркнуло. Остается лишь «долгая поездка». Она действительно будет долгой – что-то около двух лет. Зато все это время самые важные ресурсы будут надежно укрыты Амальтеей. Я сейчас имею в виду тебя, Мойра, и твое оборудование. Ресурсы Шахтерского поселка, которые потребуются, чтобы обезопасить генетическую лабораторию, в твоём полном распоряжении.

– Хорошо, – сказала Мойра, – я поговорю с Диной.

– Поговори с тем, кого она оставит вместо себя, – поправил ее Маркус. – Дина отправляется со мной в экспедицию. Она мне нужна, чтобы управлять распроклятыми роботами.

– А я чем могу помочь? – спросил Дюб. Он заподозрил, что Маркус сейчас и его рекрутирует, и испытывал сейчас одновременно испуг и крайнее возбуждение.

– Разберись, как нам достичь цели, – сказал Маркус после непродолжительного раздумья. – Проложи курс до Расщелины.

– Хорошо, – ответил Дюб, – будет сделано.

Маленький мальчик у него внутри испытал жесточайшее разочарование, узнав, что приключение пройдет без него. Дюбу пришлось напомнить себе, что он уже участник величайшего приключения в истории и что до сих пор в этом приключении было мало радостного.

В любых мало-мальски серьезных разговорах о космических путешествиях неизбежно фигурирует термин *дельта-вэ*, означающий увеличение или уменьшение скорости космического аппарата на определенном этапе полета. В общепринятой математической нотации записываемая треугольничком греческая буква дельта означает «изменение определенной величины», а латинское «вэ», как всем известно со школьной скамьи, обозначает скорость. Когда инженеры зачитывают вслух свои формулы, звучит именно *дельта-вэ*.

Скорость измеряется в метрах в секунду, соответственно, и *дельта-вэ* – тоже. По стандартам того, что Маркус теперь называл Старой Землей, в

космических дискуссиях швыряются довольно серьезными значениями *дельты-вэ*. К примеру, скорость звука составляет триста с чем-то метров в секунду, что для большинства жителей бывшей Земли означало «охрещенно быстро». Однако те, кто планировал космические полеты, на подобные цифры и внимания-то почти не обращали.

Достаточно характерной *дельтой-вэ* была скорость, которую требовалось придать аппарату с пусковой площадки на Старой Земле, чтобы он вышел примерно на ту же орбиту, что и «Иззи». Она составляла около 7660 метров в секунду, то есть в двадцать два раза больше скорости звука. Для объекта, движущегося сквозь атмосферу, величина абсолютно недостижимая. Однако стоило выйти за ее пределы в космический вакуум, все становилось проще. Реактивные двигатели там работали более эффективно, исчезало сопротивление воздуха и сопутствующие ему вибрации, и даже отказы оборудования уже не вели с неизбежностью к катастрофическим последствиям. В космосе для того, чтобы доставить объект из пункта А в пункт Б, требовалось лишь в нужный момент придать ему требуемую *дельту-вэ*.

Если пересказывать в терминах *дельты-вэ* историю Шона Пробста от момента расставания с Землей и до момента расставания с жизнью, получится примерно следующее. Чтобы переместиться с твердой почвы на «Иззи» в День 68, по сравнительно наивным оценкам потребовалась бы *дельта-вэ* 7660 м/с. Любой опытный космический волк сказал бы на это, что из-за потерь, вызванных сопротивлением воздуха, и связанной с этим формой первоначальной траектории, реальное значение будет ближе к 8500, если даже не к 9500 м/с.

Забрав Ларса и большинство роботов Дины, Шон должен был выполнить маневр по изменению плоскости, перейдя с орбиты «Иззи» под углом примерно шестьдесят пять градусов к экватору на собственно экваториальную орбиту, где шла сборка «Имира». Как раз в подобных случаях человеческая интуиция обычно давала сбой, поскольку особой разницы между орбитами «Иззи» и «Имира» было незаметно. Обе находились на высоте в несколько сот километров над границей атмосферы. Обе были более или менее круговые (в отличие от других, эллиптических). И даже обращались вокруг Земли в одну сторону. Единственное, чем они всерьез отличались, так это углом. И тем не менее для перехода с одной на другую требовалась столь значительная *дельта-вэ*, что пришлось запускать отдельную ракету, которая не несла ничего кроме запаса топлива, чтобы дозаправить аппарат Шона и позволить ему сменить плоскость.

Когда «Имир» был окончательно собран, потребовалась *дельта-вэ* 3200 м/с, чтобы перевести его на очень вытянутую эллиптическую орбиту, по которой он достиг L1. По пути снова пришлось столкнуться с задачей перемены плоскости. Практически вся Солнечная система, включая и комету Григга-Скьеллерупа, находится внутри плоского диска, в центре которого – Солнце. Плоскость этого воображаемого диска называется эклиптической. К радости тех, кто любил смену времен года, экваториальная плоскость Земли наклонена к плоскости эклиптики под углом двадцать три с половиной градуса. Для межпланетных путешествий это было не столь удобно, поскольку означало, что орбиту «Имира» нужно теперь изменять именно на этот угол. По счастью, маневры по перемене плоскости обходятся значительно «дешевле» (в смысле требуемой для них *дельты-вэ*), если их выполнять на удаленных орбитах, а «Имир», разумеется, отправлялся очень и очень далеко. Так что они выполнили перемену плоскости в районе L1 одновременно с маневром, который перевел корабль на гелиоцентрическую орбиту; на все вместе потребовалось около 2000 м/с.

Спустя год с небольшим эта орбита сблизилась с орбитой кометы Григга-Скьеллерупа. Приблизившись к ядру кометы, «Имир» затратил еще около 2000 м/с на синхронизацию орбит.

Вплоть до прибытия на Григг-Скьеллеруп все маневры выполнялись реактивными двигателями «Имира», принцип действия которых был вполне традиционным: компоненты ракетного топлива (горючее и окислитель) воспламенялись в камере сгорания, образуя горячий газ, который выходил наружу через сопло, создавая реактивный импульс. Последний запуск двигателя полностью опустошил топливные баки – если бы систему на основе ядерного реактора запустить не удалось, это означало бы билет в один конец.

Реактивного двигателя, способного перемещать по Солнечной системе кометное ядро с мало-мальски приемлемой скоростью, попросту не существовало. С этой целью им теперь нужно было запихнуть привезенную с собой «бомбочку на палочке» в самую середину ледяного куска, оборудовать за ней ледяное сопло, а затем поднять стержни поглотителей, так что тысяча шестьсот рабочих стержней реактора сильно разогреются. Лед начнет превращаться в воду, затем в пар, который выйдет наружу через сопло – и вот это уже будет вполне существенный реактивный импульс. Таким образом, первые несколько месяцев ушли на то, чтобы разобрать «Имир» и по частям встроить его в кусок льда, отколотый от трехкилометрового ядра кометы.

Возникает законный вопрос: почему только кусок? Почему не

пригнать назад всю комету, раз уж вода представляет собой столь ценный ресурс? Зачем посылать в космос тяжелый ядерный реактор и при этом не использовать его на полную мощность? Ответ заключается в том, что для столь огромного куска льда не хватит мощности никакого ядерного реактора. На такую задачу потребовалось бы лет сто, даже если предположить, что некий чудесный реактор каким-то образом проработает весь этот срок на полной мощности. Все, что можно было сделать за разумное время – доставить обратно кусок льда, которого только-только хватит на сближение с «Иzzi» и последующую «долгую поездку».

Так или иначе, но Шон Пробст и остатки его экипажа использовали ядерный реактор, чтобы придать *дельту-вэ* примерно 1000 м/с куску льда, отколотому от Греки-Скелета, и тем самым перевести его на слегка отличающуюся от прежней орбиту, которая через несколько месяцев привела осколок в L1. Шон продержался достаточно, чтобы в последний раз поднять стержни и выдать *дельту-вэ*, фактически противоположную той, что они использовали в портале L1 почти два года назад. В результате «Имир» перешел на геоцентрическую орбиту и одновременно задешево выполнил перемену плоскости, необходимую для встречи с «Иzzi». Два дня спустя Шон отстучал свое «горячо, высоко и тяжело» и умер. От чего, можно было лишь гадать.

Группа доставки «Имира», которую сейчас набирал Маркус, должна была лететь на ЦМА, то есть целевом модульном аппарате, собранном специально для этой задачи из комплекта запчастей: своего рода космического набора «Лего», аккуратно складированного снаружи модулей, расположенных за Камбузом, – все вместе они назывались Верфью.

В целом Верфь имела Т-образную форму. Та сторона перекладки буквы Т, что торчала влево от Камбуза, была заставлена компонентами ЦМА. Гроздь сферических баков облепила комплекс расщепителей с противоположной стороны. Эти устройства разлагали воду на водород и кислород посредством электролиза, после чего газы закачивались в охладители. Там они доводились до жидкого состояния, так что их можно было хранить в баках.

С перекладной, таким образом, все было ясно. Вертикальный же штрих буквы представлял собой ферму, заканчивающуюся ядерным реактором – настоящим, не таким, как РИТЭГи на каплях. Изначально он предназначался для подводной лодки, для новой задачи ему существенно добавили мощности.

Маркус окрестил первый построенный на Верфи аппарат «Новый Кэйрд» в честь шлюпки, в которой Шеклтон отправился за подмогой в ходе

антарктической экспедиции. На то, чтобы собрать его и подготовить к полету, ушло десять дней: около трети того времени, которое, по их оценкам, требовалось «Имиру», чтобы дойти от L1 по длинной дуге к точке наибольшего сближения с Землей.

Еще два года назад было невозможно представить, что на разработку, постройку и проверку подобного аппарата уйдет так мало времени. Однако в промежуток между Нолем и Белыми Небесами инженеры из нескольких космических агентств и частных фирм на Земле осознали, что в будущем потребуется наскоро собирать аппараты из стандартных комплектующих – к примеру, корпусов капель или ракетных двигателей, – и разработали дополнительные компоненты, подробные инструкции и даже примерные схемы кораблей, которые в дальнейшем можно дорабатывать под конкретные задачи. Фактически весь проект для «Нового Кэйрда» создала целая команда инженеров еще год назад – все они сейчас были мертвы, за исключением трех человек. Эти трое отправились наверх и присоединились к Регулярному населению. На основе сделанного предшественниками они подготовили конкретный проект – во всяком случае в той степени, чтобы можно было приступить к сборке, – всего за несколько часов с того момента, как Маркус принял решение. Следующие полторы недели их компьютеры по мере необходимости выдавали более подробные чертежи, а соответствующие детали и модули перемещались вдоль «Верфи», пока корабль наконец не был готов.

«Новому Кэйрду» предстояло один раз отработать двигателями, чтобы выйти на пересечение с орбитой «Имира», и еще один раз, чтобы сравнять скорости и дать возможность команде, высадившись, принять управление над кораблем-призраком. Совокупная *дельта-вэ* для всего путешествия, от стыковочного узла на «Иzzi» до аналогичного узла на «Имире», составляла около 8000 метров в секунду.

С этого момента можно было говорить о соотношении масс – при планировании космических полетов это число по важности уступает лишь *дельте-вэ*. Попросту говоря, оно представляет собой количество топлива, которое должен нести аппарат в начале путешествия для всех требуемых *дельт-вэ*.

Люди несведущие обычно полагают, что под «топливом» имеется в виду «горючее» или «керосин» – по очевидной аналогии с содержимым баков, которое жгут автомобили или самолеты. Аналогия не то чтобы плохая, но неполная. Помимо самого горючего, большинству ракетных двигателей для сжигания горючего требуется богатое кислородом химическое соединение (в идеале – попросту чистый кислород).

Автомобили и самолеты для этой цели довольствуются окружающим воздухом. Окислитель хранится в ракетах в отдельных от горючего баках до самого момента использования. Вместе горючее и окислитель именуются топливом, а их совокупные масса и объем имеют решающее значение при проектировании космических аппаратов – в отличие от тех же автомобилей, где объем бензобака по сравнению с общим размером незначителен.

В таких случаях как раз и удобно пользоваться соотношением масс, то есть отношением веса аппарата (включая топливо) в начале путешествия и в его конце, когда баки пусты. Если известны параметры двигателя и *дельта-вэ*, соотношение масс можно определить из сравнительно несложной формулы, названной в честь русского ученого Циолковского, который ее вывел. Формула эта экспоненциальная – данный факт лежит в основе всей экономики и технологии космических полетов. Оказаться не с той стороны экспоненциального уравнения означает катастрофические последствия.

Когда в формулу Циолковского подставили данные, соответствующие миссии на «Имир», оказалось, что соотношение масс равняется семи. Это означало, что на каждый килограмм груза – включая Маркуса, Дину, остальной экипаж, разнообразных роботов и тому подобное, – которому предстояло достичь стыковочного узла «Имира», в момент отправки с «Иззи» требовалось шесть килограммов топлива. Достичь этого было не так уж сложно, учитывая, что аппарату не требовалось особой прочности, так как он не был предназначен для входа в атмосферу.

Весь полезный груз аппарата находился внутри корпуса единственной капли, снабженной помимо переднего также и «боковым входом» – шлюзом, где мог поместиться человек в скафандре. Поскольку вес капли нужно было прибавить к весу четырех человек, пищи и прочих необходимых вещей, из нее убрали все оборудование, оставив лишь то, что требовалось четверым членам экипажа, чтобы прожить несколько дней. Легкость самого корпуса поражала воображение: масса новых капель, выполненных из многослойного композитного материала, составляла около восьмидесяти килограммов. Когда убрали все нужное для длительного комфортного обитания, но добавили «боковой вход», маневровые двигатели и разумный запас топлива для них, масса «Нового Кэйрда» увеличилась примерно в десять раз. Люди весили около трехсот килограммов, а ракетный двигатель для основного путешествия – около двух тонн. Итого грубая оценка полезной нагрузки – того, что следовало доставить к стыковочному узлу «Имира» – составляла около трех с

половиной тонн. Соотношение масс, равное семи, означало, что начальный вес топлива должен равняться примерно двадцати одной тонне жидкого водорода и кислорода.

В комплект хранящихся на Верфи модулей входили криогенные баки различных размеров, часть из них была рассчитана на ЖВ (жидкий водород), другая, слегка отличающаяся по конструкции, на ЖК (жидкий кислород). Требуемые баки составили пирамидкой и обернули слоями теплозащиты, а «снизу» присоединили реактивный двигатель. Собственно «Новый Кэйрд» – капля и люди в ней – торчал впереди на ферме, длиной как раз достаточной для того, чтобы маневровые двигатели при включении не повредили все остальное.

Пока строился ЦМА, нужно было также разложить двадцать одну тонну воды на водород и кислород, охладить их до криогенных температур и залить в баки. Некоторое количество готовых ЖВ и ЖК уже хранилось по левую сторону Верфи. Однако этого было недостаточно – иметь дело с такими веществами нелегко, и слишком много про запас старались не делать. Необходимое количество произвел закрепленный на вертикали Верфи морской реактор, запущенный на полную мощность впервые с того момента, как его по частям доставили с мыса Канаверал тяжелыми ракетами. Качая электричество к расщепителям через толстые кабели, он справился с задачей электролиза двадцати одной тонны воды и последующего охлаждения газов как раз за то время, пока шли остальные приготовления.

Количество воды было огромным – около четырнадцати литров в пересчете на каждого из ныне живущих людей. Разумеется, Ковчег использовал воду по замкнутому циклу и пока особого недостатка в ней не испытывал. И тем не менее очень многие содрогнулись от самой идеи забрать столько воды и безвозвратно распылить ее в космосе – в первую очередь речь шла об адептах стратегии «все бросить и бежать».

На это было что возразить, поскольку «Новый Кэйрд» отправлялся за слитком замерзшей воды весом в саму «Иззи», включая и огромный кусок железа, который сейчас соединен со станцией (и останется, если сторонники «дальней поездки» настоят на своем).

Предполагалось, что «Имир» удастся затормозить и привести к «Иззи», запустив его собственный двигатель. Который, конечно, был примитивным, но располагал практически неограниченным запасом энергии от ядерного реактора и огромными запасами топлива в виде льда. Однако эффективность этого стимпанковского мотора по сравнению с настоящим реактивным двигателем была очень низкой. Как следствие,

соотношение масс, которое требовалось, чтобы затормозить «Имир», падающий по быстрой эллиптической орбите в гравитационный колодец земного притяжения, и привести его скорость в соответствие со значительно более медленной круговой орбитой «Иzzi», равнялось примерно тридцати четырем. Иными словами, девяносто семь процентов льда, который несет «Имир», придется расплавить, превратить в пар и выбросить через импровизированное сопло лишь для того, чтобы снизить скорость. И тем не менее масса оставшихся трех процентов будет такой же, как у «Иzzi» и Амальтеи, вместе взятых. Если разложить этот лед на водород и кислород, реактивного топлива хватит для «долгой поездки» до самой Расщелины.

– Не ожидала, что он будет черный, – сказала Дина. Собственный голос звучал в ее ушах, словно произнесенный на другом конце канализационной трубы в милю длиной. Она была почти уверена, что минуту назад теряла сознание. Возможно, еще не успела оклематься.

Маркус откликнулся не сразу. Возможно, тоже вырубился. Возможно, был занят чем-то еще.

– Ядра комет покрыты...

– Чем-то черным и вонючим. Маркус, я вроде как в курсе. Забыл, кто я по профессии?

– Извини. Кровь отлила от мозга.

– Я к тому, что это – лишь кусок, который Шон отколол от Григга-Скьеллерупа. Почему он весь-то покрыт?

– Понятия не имею.

Они рассматривали «Имир» с расстояния в десять километров, постепенно приближаясь. И делали это на экране планшетов, изучая увеличенное изображение с видеокамеры. Вячеслав Дубский, плавающий ближе других к передней части «Нового Кэйрда», приблизился к крохотному иллюминатору и попытался рассмотреть черный осколок на фоне черного неба. То, как он при этом щурился, означало – «Имир» пока слишком далеко для невооруженного глаза.

– Может быть, Шон решил нам посодействовать, – предположила Дина. – В черном покрытии много разных полезностей. Углерод, разумеется. Но также и азот, натрий...

– Микроэлементы, которые понадобятся Облачному Ковчегу, – согласился с ней Маркус.

– Возможно, он отправил роботов соскрести все это с Греки-Скелета и намазать сюда, – продолжала рассуждать Дина.

– Скоро узнаем, – заметил Вячеслав, – он наверняка оставил документ.
– Если мы сейчас промахнемся и погибнем, читать его будет некому, – возразил Маркус, – так что, пожалуйста, прекращаем трепаться. Слава... – и он выпалил фразу на ломаном русском, означающую примерно «давай меняться местами».

Вячеслав ответил на столь же ломаном немецком. Оба прекрасно владели английским, однако взяли манеру для забавы коверкать язык друг друга, делая при этом вид, будто вносят посильный вклад в проект сохранения языкового наследия Старой Земли.

– Остальным пристегнуться, – добавил Маркус.

Двигаясь ловко, как и подобает тому, кто два года провел в космосе, Вячеслав проплыл к корме. Он был из числа ветеранов работы в открытом космосе, прибывших на «Иzzi» в А+0.17 с русским рейсом, первым после того, как взорвалась Луна. Во времена скаутов и пионеров он был одним из столпов всего проекта и провел в костюме больше, чем кто бы то ни было, износив в процессе три «Орлана». Сам он тоже при этом несколько поизносился и по сравнению с могучим здоровяком, появившимся два года назад из «Союза» вместе с Болор-Эрден и Рисом, вид имел довольно худой и бледный. Маркус занял его прежнее место у переднего иллюминатора и пристегнулся в пилотском кресле.

За ним располагались в ряд еще три противоперегрузочных кресла, закрепленных на каркасе, пересекавшем поперек всю каплю. Дина болталась сейчас на ремнях в левом из них. Еще несколько минут назад ремни были туго затянуты. С тех пор она к ним не прикасалась. Деформировалось само кресло вместе с каркасом – от того же резкого ускорения, от которого у нее до сих пор кружилась голова. В правом кресле находился Дзиро Судзуки, инженер-ядерщик, принимавший участие в разработке реактора для «Имира». Было непонятно, в сознании ли он – впрочем, это никогда не было понятно. Вячеслав, четвертый член экипажа «Нового Кэйрда», занял сейчас среднее кресло и затянул ремни на груди.

Из плавающего у самого носа Дзиро гамма-спектрометра – современного аналога счетчика Гейгера – ударило резкое стаккато. После этого «инспектр» – так его называли на ломаном русском – вернулся в свой обычный режим случайных потрескиваний.

Радияция постоянно пронизывала «инспектра», как и их тела, случайным образом и в случайные моменты времени. Иногда звуки складывались в небольшой аккорд, и та часть сознания, которой во всем нужно было видеть смысл, подавала сигнал – что-то происходит. Потом звук умолкал и вскоре забывался. Так уж устроены Вселенная и

человеческая психика. В космосе радиации намного больше, чем было на Земле, но выжившие к этому привыкли, и Дзиро давно выкрутил ручку чувствительности «инспектра» вниз, чтобы тот постоянно не орал.

Если он снова заорет в ближайшие несколько минут, причиной тому будет не отдаленное событие где-то в космосе. А утечка радиации на «Имире».

– Уже вижу след выхлопа, – сообщил Маркус. – Вам на экране видно? Очень слабый. Солнце его как раз подсвечивает в сотне метров за соплом.

Маркус говорил о струйке пара, вытекавшей из «Имира», даже когда его двигатель не работал. Благодаря ей Конрад, Дюб и другие астрономы с «Иzzi» смогли отследить его движение в оптические телескопы и убедиться, что переданные Шоном в последнем сеансе связи параметры верны. Струйка пара была совсем тоненькой и тем не менее отражала больше света, чем весь корабль.

Создавало ее медленное, но неуклонное кипение воды, вызванное остаточной радиоактивностью топливных стержней реактора. При извлеченных до конца стержнях поглотителя, когда реактор работал в полную силу – иными словами, почти никогда, – он выдавал свои четыре гигаватта тепловой мощности, расщепляя уран и плутоний на ядра помельче, многие из которых сами по себе принадлежали к нестабильным изотопам. По мере того, как эти осколки деления распадались далее на «детей» и «внуков», тепло продолжало выделяться даже при полностью заглушенном реакторе. Остановить этот процесс было невозможно, иными словами, определенной потери льда в виде тоненькой струйки пара было не избежать. Ничего страшного здесь не было. Льда на «Имире» хватало с избытком, а Шон наверняка учел потери в своих расчетах.

Что именно убило его и весь экипаж, Шон, и так-то не слишком склонный делиться впечатлениями, да еще и вынужденный общаться по самодельному радио, так и не сообщил. Будь это некая катастрофическая проблема с сердечником реактора, он бы, надо полагать, не стал о ней умалчивать. Раз уж на то пошло, если система не работала вообще, «Имир» бы попросту сюда не добрался. Так что Дзиро не ожидал, что все окажется совсем уж из рук вон плохо. Хотя заранее ничего известно не было.

Несколько минут все молчали, пока Маркус контролировал сближение, изредка касаясь управления, чтобы подтолкнуть «Новый Кэйрд» к небольшой смене курса.

Чтобы добраться сюда, им потребовалось дважды отработать маршевым двигателем. Первый, не столь продолжительный запуск вывел их на эллиптическую орбиту, дальняя точка которой была за орбитой

прежней Луны. Несколько дней они плыли в невесомости, удаляясь от Земли, затем земное притяжение победило, корабль словно бы нехотя развернулся и начал падать обратно к пылающей планете. Время было рассчитано так, чтобы примерно сутки спустя их, словно двигаясь по соседней полосе, обогнал «Имир». Однако «Имир» шел намного быстрее – «горячо», как назвал это Шон, – поскольку по существу падал на Землю с очень большой высоты, неумолимо набирая скорость неделю за неделей. Если его не трогать, «Имир» бы приблизился к Земле с ветерком – на относительной скорости около двенадцати тысяч метров в секунду, развернулся всего в нескольких километрах от сияющей атмосферы, соприкосновение с которой было бы для него фатальным, и улетел бы обратно, чтобы снова вернуться лишь через пару месяцев. Рано или поздно высота его орбиты снизилась бы настолько, что он все-таки вошел бы в атмосферу и там сгорел.

В любом случае мимо «Нового Кэйрда» он пронесся бы так быстро, что и не рассмотреть, поскольку с точки зрения относительной скорости летел быстрее пули. «Новому Кэйрду» пришлось сравнять скорость, выполнив длинный, тщательно рассчитанный запуск двигателя. Четверо членов экипажа все еще пытались прийти в себя от последствий этого запуска. Маршевый двигатель оказался для корабля слишком велик – к сожалению, выбор комплектующих, из которых строились ЦМА, был несколько ограничен. Поэтому перегрузки поначалу были весьма существенными, а в конце, когда благодаря щедрому расходу топлива корабль становился все легче и легче, а реактивный импульс оставался столь же мощным, и просто садистскими. Если Дина отключалась на несколько секунд, возможно, оно и к лучшему – ведь они взяли курс почти что прямо на Землю и принялись разгоняться, словно камикадзе. Это было необходимо, чтобы догнать «Имир», однако можно подумать, ей теперь вот именно такой забавы не доставало.

Разумеется, Землю сейчас было не узнать. На этом расстоянии она была размером с мандарин, если держать его в вытянутой руке – и того же цвета. То, что раньше казалось холодным бело-голубым озерком на просторах космоса, теперь скорее напоминало одну из брызг расплавленной стали из-под сварочного аппарата. Экваториальный пояс от тропика до тропика, где шел особенно сильный Каменный Ливень, светился ярко-красным. Ближе к полюсам сияние тускнело и становилось коричневатым, и повсюду непрерывно сверкали голубоватые вспышки испаряющихся или взрывающихся болидов. Через несколько дней – в те минуты, когда они будут стремительно пролетать совсем рядом – планета

вырастет и закроет собой полнеба. К тому моменту двигатель «Имира» уже должен работать, чтобы они могли выполнить экстренное торможение и сравнять его скорость с «Иzzi».

Сумасшествие. Весь план был сумасшедшим от начала и до конца. Чудовищные перегрузки, которые они только что испытали, служили одновременно и напоминанием: топлива у «Нового Кэйрда» ровно столько, чтобы поравняться с «Имиром». Если основная фаза операции – стыковка с «Имиром» и запуск его двигателя – закончится неудачей, вернуться на «Иzzi» они не смогут, разве что прибегнут к совсем уже безумному варианту: на следующем витке орбиты нырнуть в атмосферу Земли и таким образом затормозить.

Дина не сразу поняла весь смысл, заложенный в название корабля. Имя «Джеймс Кэйрд» носила шлюпка, на которой Шеклтон^[7] вышел в море в отчаянной попытке вызвать помощь для своей неудачной экспедиции к Южному полюсу. Они направлялись к острову Южная Георгия, крошечной точке на карте, прекрасно отдавая себе отчет, что, если промахнутся, их унесет ветром в открытый океан и шансов на вторую попытку уже не будет.

После этого Дина задумалась, не преднамеренно ли Маркус подчеркивает сумасшедший характер их миссии. Разумеется, человечество как таковое сейчас находилось в безумно отчаянном положении. Первым об этом во всеуслышание заявил еще Дюб два года назад. Оставшееся время было целиком занято планированием и подготовкой. Все делалось в спешке, царила импровизация, постоянно вмешивались политические соображения – однако в своей основе это все-таки был инженерный проект, упорядоченный и методичный. Но монотонная бюрократическая деятельность также и убаюкивала. Сколько раз за последние два года Дина насильно отрывалась от экрана, заполненного строчками кода, и заставляла себя вспомнить, что именно происходит и насколько все плохо? Полторы тысячи, или сколько их там, выживших не могли постоянно держать в голове ужасающую общую картину, и потому жили одним днем, бездумно повторяя сегодня то же, что делали вчера. Из всех людей на Земле Шон Пробст был наименее склонен действовать подобным образом; он почти сразу понял, что необходимо делать, и принялся за работу, оказавшуюся почти непосильной и в конечном итоге смертельной. Последней радиопередачей он возложил всю полноту ответственности на Маркуса. Дина подозревала, что Маркус оставил свой пост во главе Ковчега и отправился в экспедицию в том числе и для того, чтобы показать пример остальным.

Если дела обстояли именно так, то и Дину он тоже взял с собой неспроста. Подчеркивая, что любимчиков у него нет и он готов пожертвовать каждым.

За все время сближения с «Имиром» Маркус прервал молчание лишь однажды:

– Это определенно осколок. Ты была права. Не шарик и не свечка.

– Согласна, – откликнулась Дина. Ей теперь тоже все было видно на экране планшета.

В отличие от обычных кораблей, несущих топливо в баках, «Имир» представлял собой сплошной кусок твердого топлива – льда, – в котором, подобно паразитической инфекции, поселилось оборудование, способное превратить это топливо в реактивный импульс. Поскольку Шон не знал, что именно представляет собой комета Григга-Скьеллерупа, он был готов выбирать из нескольких альтернатив. Если бы оказалось, что ядро кометы – шар из снежной пыли, пришлось бы захватить требуемое количество этой пыли и слепить из нее подобие снежка, тогда бы форма «Имира» оказалась сферической, а в середине находился реактор. Другим вариантом было придать ему цилиндрическую форму, установить реактор на одном конце и двигать его «вперед» – лед бы при этом постепенно таял, словно свеча. Сейчас перед ними, похоже, был третий вариант архитектуры, то есть осколок. Это означало, что, прибыв к комете Григга-Скьеллерупа, Шон обнаружил в ядре по крайней мере один кристалл, достаточно твердый и прочный, чтобы не рассыпаться при последующих маневрах. Шон отделил осколок от кометы и поместил реактор где-то у него в середине, а оставшаяся часть корабля – та, где жили люди – стала носом. Если оборудование работало так, как предполагалось, «запуски» двигателя – иными словами, извлечение поглощающих стержней, вызывающее разогрев реактора и выброс пара, – сводились к подаче сигналов на механизмы внутри осколка: моторы, поднимающие стержни, клапаны, контролирующие потоки воды и пара, и так далее.

Все это неявным образом подразумевало охренительное количество задач для роботов, именно поэтому Шон решился на чрезвычайный поступок и лично отправился на «Иzzi», чтобы выгрести все, что было у Дины в закромах, а уже потом полетел к «Имиру». В реактор требовалось подавать лед. Лед был твердым, так что по трубам его не пустить. Роботы должны были раскапывать ледяной осколок и загружать добытое в систему подачи – комплект шнеков, которые доставляли лед в камеру реактора, где он плавился и превращался в пар. Материал могли достаточно быстро производить «ужики», закрепившись во льду «хвостом» и выбрасывая

фонтаны мелкой стружки из-под вращающихся резцов в «голове». «Вьи» затем собирали бы стружку и доставляли по назначению. Поскольку между «запусками» оставались длинные промежутки, измельченный лед в это время можно было загружать в бункеры, откуда он потом подавался на шнеки.

Роботы требовались также и позади реактора, чтобы поддерживать требуемую форму сопла. Через весь осколок шел длинный паропровод, на корме он расширялся, а у самого реактора – сужался в узкую горловину. Горловину построили на Земле и запустили в космос вместе с реактором. Она была сделана из жаропрочного и стойкого к коррозии сплава под названием инконель. Любой другой материал быстро разрушился бы от горячего пара. В районе колоколообразного сопла условия были не столь экстремальными, так что оно могло быть и ледяным. Тем не менее по мере службы оно меняло форму. В глубине, где выхлоп был еще горяч, сопло постепенно расширялось, поскольку стенки таяли от потоков пара. Ближе к выходу выхлоп остывал ниже точки замерзания, оседал на стенках и сужал проход. Так что внутри должны были сновать роботы, воссоздающие первоначальную форму сопла. Для «вьев», с которыми в Сиэтле экспериментировал Ларс, задача была самая подходящая.

Наконец, третья команда роботов жила на внешней поверхности осколка. Они предохраняли его от разрушения, вплавляя в поверхность волокно и обтягивая весь осколок тросами и сетями, подобно мяснику, оборачивающему кусок ветчины, чтобы в духовке тот не утратил форму. Это было задачей для «броневиков» – покрытых стальной броней роботов, по большей части – «хватов».

Разумеется, роботы нуждались в энергии. Сколько-то хранилось у них в аккумуляторах, но их было нужно заряжать. У некоторых роботов были солнечные батареи, остальным приходилось время от времени ползти к имевшимся на «Имире» небольшим реакторам, чтобы напиться электричества.

Основная идея сводилась к тому, что «Имир» будет совсем не похож на космический корабль в традиционном смысле слова – упорядоченную и симметричную конструкцию. Скорее он должен был напоминать летающий роботизированный муравейник, выросший вокруг естественного объекта. Ползающие внутри и снаружи роботы будут руководствоваться поставленными перед ними общими задачами, однако им придется принимать и собственные решения – посекундно, чтобы не столкнуться с другими роботами, и почасово, чтобы не пропустить подзарядку батарей.

Во всяком случае, в целом идея была именно такой. Поскольку никто

не знал, что именно Шон найдет на комете, не было и способа разработать хоть что-то, заслуживающее называться планом. Вместо него Шон взял с собой оборудование, ресурсы и собственную изобретательность. Дина, Маркус, Вячеслав и Дзиро готовились сейчас вступить в права наследства на оборудование и ресурсы.

По мере сближения «инспектр» Дзиро издавал все больше и больше звуков, но прирост был постепенным и медленным, так что сознание его почти не замечало. Похоже, Дзиро возросшая радиоактивность не особенно беспокоила, хотя Дина не была уверена, что способна правильно его понимать. Еще в начале полета она попыталась в общих чертах выяснить у Дзиро, чего им следует опасаться.

– Если все окажется совсем плохо, – ответил тогда Дзиро, – мы просто потеряем сознание, и на этом миссия завершится. Поток радиации отключит нервную систему, сфинктеры откроются, мы даже не поймем, что произошло.

– В таком случае, – несколько раздраженно вмешался Маркус, – этот сценарий и обсуждать-то особо не стоит.

– Если нас всех начнет тошнить, – продолжал Дзиро, – и, скажем, у одного или двоих откроется понос, это будет означать, что нам осталось несколько часов жизни. В таком случае можно будет отправить на «Иzzi» предупреждение, чтобы они знали, как готовить вторую экспедицию. Может быть, мы даже успеем передать какие-нибудь полезные данные. Показания «инспектра», изображения и так далее.

– Ясно, – подтвердил Маркус.

– Если, скажем, вырвет лишь кого-то одного, это означает, что умрут, вероятно, не все, так что шансы выполнить миссию останутся. Ну а если никого не будет тошнить, то и умереть, скорее всего, никто не умрет, по крайней мере в ближайший месяц-другой.

– Спасибо, – сказала ему Дина и тут же попыталась выбросить все из головы. Однако теперь, когда они и в самом деле приближались к «Имиру», все снова всплыло в памяти, и Дина принялась убеждать себя, что ее совсем-совсем не тошнит.

– Через тридцать секунд проходим мимо сопла, – объявил Маркус.

– Понял, – откликнулся Дзиро и попросту выключил «инспектр», потом вывел на планшет новое окошко. – Переключаюсь на внешние гамма-датчики.

Неожиданно в иллюминатор вплыл «Имир». Он находился прямо перед ними. Сияющая Земля, до которой было около трехсот тысяч километров, «зашла» за черный горизонт – «Новый Кэйрд» двигался сейчас

бочком мимо «Имира». Маркус выбрал траекторию, которая постепенно пересечется с траекторией «Имира», сейчас же они должны были оказаться сбоку и чуть позади ледяного корабля.

Родственники Дины из старшего поколения могли бы заметить, что он имеет форму сахарной головы, иными словами, тупоконечного конуса. Если придерживаться образа, то эту сахарную голову кто-то облил кипятком и несколько раз ткнул отверткой, так что теперь она была не совсем правильной формы и покрыта вмятинами. Однако вершина и широкий торец у нее безусловно имелись. От одной до другого было с полкилометра. Сейчас в поле зрения постепенно появлялся торец, метров двести в диаметре. В нем имелась большая круглая дыра – выходное отверстие сопла. Размера она была такого, что «Новый Кэйрд» мог туда занырнуть и пролететь как бы не до самой горловины. Возможно, если другого способа попасть внутрь не окажется, придется так и сделать. В данный момент они всего лишь неторопливо проплывали мимо. Края отверстия были мутноваты на вид – оттуда сочились почти незаметные облачка пара. Выглядело это не как ракетный выхлоп, а скорее как будто кто-то дышит ртом в морозный день. Пар не столько даже закрывал вид, сколько слегка его размывал. Однако космические ландшафты отличаются очень сильной контрастностью, так что внутри сопла ничего было не разглядеть, даже когда они оказались прямо посередине разверстой пещеры. Оно оставалось непроницаемо черным диском, словно они смотрели прямо в дуло пистолета. На окне стали появляться тоненькие стрелки изморози – это конденсировался пар.

Пока они не доплыли до середины, Дзиро внимательнейшим образом вглядывался в планшет, но потом как будто снова ушел в себя. Он опять включил «инспектра». Тот трещал сейчас заметно громче, чем несколько минут назад, но по мере того, как они пересекли сопло и поплыли дальше вдоль торца, звук стал утихать. Маркус включил маневровые двигатели и продвинулся по отношению к «Имиру» чуть вперед. С противоположной стороны «взошла» Земля. «Новый Кэйрд» скользил вдоль ледяного осколка, продвигаясь к его носу.

– Каков твой вердикт, Дзиро? – спросил наконец Маркус, убедившись, что корабль движется как нужно.

– Судя по гамма-спектру, – отозвался Дзиро, – поврежден как минимум один топливный стержень. Это случилось не вначале, пока стержни были еще новые, и не недавно – сейчас в них полно продуктов распада и дочерних изотопов, а где-то посередине. Могло быть лучше, но могло быть и хуже.

Дина что-то вспомнила.

– В одном из своих последних сообщений Шон передал, что идет на полной мощности.

Дзиро пожал плечами:

– В реакторе тысяча шестьсот стержней, комплектами по сорок, единственный стержень на мощность почти не влияет. И не забудь, он тоже продолжает выделять тепло. Однако от него в реактивный выхлоп будут попадать микрочастицы и дочерние элементы. Можно ожидать смеси из альфа-, бета- и гамма-излучения – именно ее я и вижу в «инспектре».

Физиком-ядерщиком Дина не была, но в нее вдолбили достаточно информации по радиационной безопасности, чтобы уловить суть. Гамма-лучи – высокоэнергетический свет, проходящий едва ли не через любое препятствие. Плохие новости, но и хорошие тоже. Защититься от гамма-излучения почти невозможно. Но в основном оно проходит сквозь тело, не взаимодействуя с ним – иными словами, не причиняя вреда. Издаваемые «инспектром» тревожные звуки относятся именно к гамме.

Бета – свободные электроны. Защититься от них несложно. Новости хорошие, но и плохие. От бета-лучей можно укрыться под тонким слоем воды или пластика. Ровно по той же причине если уж они достигнут твоего тела, то наверняка что-нибудь в нем повредят.

Альфа-частицы – движущиеся на релятивистских скоростях ядра гелия, в четыре тысячи раз тяжелее, чем бета. Пройти через слой вещества им так же сложно, как пушечному ядру, но и ущерб они наносят очень серьезный.

Чтобы определить все помимо гаммы, Дзиро пришлось переключиться на внешние датчики, установленные на корпусе «Нового Кэйрда», поскольку альфа- и бета-частицы не могли сквозь него проникнуть. Глядя на энергии различных частиц, попадающих в датчики, он сумел провести диагностику состояния реактора.

Поскольку «Имир» в окно теперь не было видно, Дина стала разглядывать выросшие на стекле морозные стрелы. Они быстро сублимировали в космос и через несколько минут должны были исчезнуть. Дина наслаждалась их красотой, но потом Дзиро обратил общее внимание на то, что они, вероятно, заражены.

– Остаточное бета-излучение? – спросила его Дина.

– Мы уже ушли от сопла и от выхлопа, – Дзиро выглядел несколько удивленным.

– Я это в смысле – на нас ничего не налипло при пролете?

– Все вернулось к фону, – пожал плечами Дзиро. – Однако детектор

может зафиксировать только источники излучения на «своей» стороне корпуса. Потом надо будет все тщательно проверить.

– Вот, любуйтесь, – сказал Маркус и ввел набор команд, развернувший «Новый Кэйрд» на девяносто градусов. Теперь они летели «боком», а нос корабля был направлен на «Имир» в какой-то сотне метров от них. В иллюминатор он уже не помещался. Его узкий конец, или нос, если все же использовать корабельную терминологию, представлял собой грязный ледяной холм. Кое-какие едва заметные структуры позволяли догадаться, что здесь побывали люди. Сети, тросы, сверкающая проволока – вероятно, радиоантенна. Однако куда, собственно, здесь причаливать, было пока неясно.

– И правда, глубоко зарылся, – заметил Маркус.

Все без объяснений понимали, что речь о командном модуле «Имира» – том, где находятся системы жизнеобеспечения. Однако они не видели стыковочного узла, да и вообще ничего. Было известно – поскольку являлось частью плана – что Шон с экипажем постараются закопать модуль в лед для защиты от радиации и метеоритов. Похоже, что закопали довольно глубоко.

На планшете у Дины было открыто терминальное окно – простейший программистский интерфейс для построчного вывода текста. Некоторое время в окне просто мигал курсор, потом оно ожило и стало показывать непонятные сообщения длиной в одну строку каждое.

– Принимаю сигнатуры новых ботов, – объявила она. Иными словами, цифровые подписи роботов, бомбардирующих Вселенную запросами, чтобы выяснить, кто их слышит, если слышит вообще. «Новый Кэйрд» нес на себе комплект самых разнообразных роботов, но их подписи Дина знала и могла отфильтровать, так что в данное терминальное окно они не попадали. Методом исключения получалось – все, что она видит в окне, идет от комплекта роботов с «Имира».

Как и щелчки «инспектра» Дзиро, сигналы приходили спорадически и сразу большими пачками.

– Их тут не меньше двадцати... сейчас отфильтрую «вьев», – продолжала Дина, печатая команду. Поскольку «вьев» обычно было много, они норовили заполнить весь экран. – Так, помимо вполне приличного роя «вьев» у меня тут с полдюжины «хватов» и как минимум столько же «ужиков».

– Имена что-нибудь означают? – спросил Маркус. Каждому роботу можно было присвоить уникальное имя, которое будет видно в сигнатуре. По умолчанию это просто автоматически сгенерированные

последовательные номера, однако их можно было потом поменять вручную.

– Ну, – отозвалась Дина, – вот тут у меня «бронехват», которого зовут «ПРИВЕТ Я СТОЮ НАД СТЫКОВОЧНЫМ УЗЛОМ». Звучит многообещающе.

– Может он нам помочь?

– Минутку. – Дина установила соединение с «ПРИВЕТ Я СТОЮ НАД СТЫКОВОЧНЫМ УЗЛОМ» и, быстро проверив его состояние, отдала команду мигать светодиодом, ожидая дальнейших распоряжений. Даже не отрывая глаз от экрана, она по негромким восклицаниям остальных поняла, что все сработало.

– Вижу все отчетливо, – сообщил Маркус.

Зазвучали хлопки и удары маневровых двигателей – Маркус слегка изменил курс «Нового Кэйрда». Теперь они двигались с «Имиром» практически синхронно и могли наблюдать мигающего огоньком «хвата» на расстоянии каких-то пяти метров. Поверхность осколка вокруг того места, где укрепился «хват», была относительно свободна от черного налета.

– Будь добра, направь свет на лед. И пусть пока не мигает, – попросил Маркус.

Светодиоды у «хватов» располагались на гибких стерженьках, которые можно было направлять в нужную сторону. Дина так и сделала. Снова выглянув в окно, она увидела силуэт «хвата» посередине белого нимба, который возник, когда фонарики оказались направлены прямо на лед. В центре серебристого сияния различался ярко-белый диск. Лед не позволял видеть отчетливо, но всем стало ясно, что это такое: стыковочный узел под метровым как минимум слоем льда.

– Нож для колки льда никто не захватил? – поинтересовался Дзиро.

Вообще-то шутки были не в его натуре, но сейчас Дина была рада юмору, от кого бы он ни исходил.

– Слава, – объявил Маркус, – твой выход. Дина, пожалуйста, подгони поближе еще роботов, чтобы ему помочь.

Дина ввела относительно несложную команду, чтобы призвать всех «хватов» и «ужиков» в пределах досягаемости. По существу команда означала следующее: «Всем сблизиться с «ПРИВЕТ Я СТОЮ НАД СТЫКОВОЧНЫМ УЗЛОМ», подробности меня не интересуют». К тому моменту, как Вячеслав надел костюм, роботов собралось уже достаточно много. Дина соединила между собой несколько штук, сформировав временную конструкцию, которая протянулась «вверх» от ледяной

поверхности и захватила «Новый Кэйрд» сначала в одной точке, потом – еще в двух. Пусть они не могли пока что провести стыковку, у них было теперь с «Имиром» механическое соединение, не позволявшее уплыть в сторону.

Остальные роботы, включая «ПРИВЕТ», тем временем приступили к раскапыванию льда поверх стыковочного узла. Вячеслав вышел через шлюз, спустился на поверхность по цепочке из роботов и двинулся к раскопу. Сила тяжести «Имира» была пренебрежимо мала, Вячеслав здесь «весил» примерно с полграмма, поэтому первое же прикосновение к поверхности отбросило бы его далеко в космос. Значит, просто идти он не мог, ему нужно было цепляться за что-то, закрепленное во льду. Дина послала перед ним двух «хватов» с «Нового Кэйрда». Они были оптимизированы для движения по льду и быстро фиксировались на месте, плава лед под ступнями и снова позволяя ему замерзнуть. Слава просто следовал за ними, хватаясь за каждого по очереди. Достигнув края ямы, он вбил там костыли и пристегнулся карабином. Теперь он мог заметно ускорить процесс раскопок, захватывая больше льда и кидая его чаще, чем механические клешни роботов.

Не зная толком, чего ожидать, они привезли с собой целый арсенал импровизированных инструментов для ледовых работ, включая даже садовую лопату, загадочным образом забравшуюся в космос из гипермаркета на Старой Земле. Сейчас Слава пустил ее в дело.

Маркус тем временем готовил отчет для Облачного Ковчега, Дзиро тоже что-то активно печатал – более активно, чем требуется для рабочих записей. Похоже, он с кем-то переговаривался – вернее, с чем-то. Дина хотела было спросить, но вообще-то правдоподобная версия существовала лишь одна: Дзиро установил связь с компьютером, отвечающим за активную зону реактора.

Похоже, Маркус пришел к тому же выводу.

– Дзиро, – спросил он, – слышно что-нибудь из логова зверя?

– Он еще жив, – откликнулся Дзиро. То ли это была не слишком удачная формулировка, то ли уже вторая шутка подряд. – Пытаюсь разобраться с логами. Там постоянно повторяется одно и то же.

– Сообщения об ошибках? – озвучил наиболее очевидное предположение Маркус.

– В основном нет. Это все от роботов. Большей частью отчеты о местонахождении.

Дина перебралась в соседнее кресло и тоже взглянула. Хотя ей и не было ясно, что именно происходит, в целом она была согласна с Дзиро.

Где-то занималось делом, исполняя запрограммированные операции из небольшого списка, множество роботов; время от времени они отправляли отчеты, а иногда и сообщения об ошибках, в результате образовался лог такого размера, что человеку его не осилить. Они разберутся во всем позднее, для этого придется написать скрипт, который перелопатит весь лог, собирая статистику и выявляя возможные закономерности.

– Пожалуйста, отмотай в самое начало, – попросила она. Ей хотелось узнать дату и время первой записи.

– Я уже проверил, – отозвался Дзиро. – Примерно в момент последней радиопередачи Шона.

Таким образом, Шон, который, вероятно, осознавал, что находится на пороге смерти, дал роботам какое-то задание и распорядился выполнять его, пока не поступит команда остановиться. Поскольку на поверхности осколка не происходило ничего особенного, речь, вероятно, шла о какой-то деятельности, скрытой под толщей льда.

– Запасают горючее, – предположила Дина. И, не успев Дзиро исправить ее оговорку, поправилась сама: – Я хотела сказать, топливо.

Вячеслав наконец откопал люк. Комбинируя короткие включения маневровых двигателей, помощь роботов и, наконец, усилия Вячеслава, который просто ухватился за корабль и стал подталкивать, они вставили стыковочный узел «переднего входа» в ледяной кратер и соединили «Новый Кэйрд» с командным модулем «Имира».

После этого Слава вернулся на борт «Нового Кэйрда» через боковой шлюз. Сквозь корпус они слышали, как он забирается в шлюзовую камеру, закрывает за собой люк и открывает клапан, чтобы заполнить шлюз воздухом.

Маркус тем временем подключился к компьютерам по ту сторону стыковочного узла, чтобы убедиться: с той стороны их ждет воздух и прочие необходимые удобства. Выяснилось, впрочем, что там чертовски холодно – около минус двадцати.

– Последнее, что мог для нас сделать Шон, – заметил Маркус. – Прежде чем умереть, он выкрутил термостат на минимум. Его тело полностью проморозилось.

Недостатка в энергии «Имир» со своими ядерными генераторами не испытывал, так что все электросистемы продолжали работать.

Маркус ввел команду, которая снова задействовала системы жизнеобеспечения «Имира», и переключил термостат на обогрев. Загерметизировал и заполнил воздухом крошечное пространство между люками «Имира» и «Нового Кэйрда». Затем открыл последний.

Перед ними оказалась чуть выпуклая поверхность люка, ведущего в командный модуль «Имира». Кто-то разрисовал ее фломастером. Он изобразил трилистник знака радиационной опасности, добавив под ним греческие буквы альфа, бета и гамма. После чего, видимо, из черного юмора, пририсовал череп и кости.

Первым пришел в себя Маркус. Вывернувшись из пилотского кресла, он оттолкнулся и полетел назад, к шлюзовой камере, где поспешно нажал на сенсорном экране кнопку, блокирующую внутренний люк. Он не хотел, чтобы Вячеслав возвращался на борт. Другой рукой Маркус поправил микрофон у себя на гарнитуре.

– Слава, – заговорил он, – ты меня слышишь? Хорошо. Тогда вот что. У нас заражение. Что-то могло попасть тебе на скафандр. Прежде чем ты вернешься, подойди к детекторам Дзиро – вдруг они что-нибудь обнаружат.

Дзиро уже обследовал люк своим «инспектром» – к счастью, пока безрезультатно.

Было слышно, как Вячеслав отрабатывает шлюзовые процедуры в обратную сторону и выкарабкивается наружу. С помощью смонтированных на корпусе опор он перебрался туда, где был закреплен гамма-счетчик, и несколько минут поворачивался перед ним то одним, то другим боком, обращая особое внимание на перчатки, колени и сапоги – части скафандра, непосредственно соприкасавшиеся со льдом. Скачков радиации не обнаружилось, и ему разрешили вернуться через шлюзовую камеру на «Новый Кэйрд».

У них была с собой теплая одежда – разумная идея, когда целью твоего путешествия является огромный кусок льда. Сейчас Дзиро начал одеваться. Дина тоже потянулась к багажной стойке за своей одеждой, однако Маркус жестом остановил ее. Сам он, похоже, также не собирался прихорашиваться. Дзиро отправлялся один.

– Я нас слегка наддую, – сказал Маркус, набирая что-то на планшете.

Дина почувствовала, как ей давит на барабанные перепонки. Маркус ничего не стал объяснять, да в этом и не было необходимости: лучше, если чистый воздух из «Нового Кэйрда» хлынет внутрь «Имира», чем потенциально радиоактивный – в противоположную сторону.

Затем Дзиро натянул поверх теплой одежды одноразовый комбинезон химзащиты. Они были готовы к тому, что корабль окажется заражен. «Инспектра» на ремне Дзиро перекинул через плечо комбинезона. Дина подала ему респиратор, чтобы не вдыхать радиоактивную пыль, Дзиро натянул его поверх капюшона и тщательно проверил, что он плотно прилегает к лицу. Затем Дзиро скользнул в узкое пространство между

кораблями и открыл внешнюю защелку на люке «Имира» – его слегка бросило вперед, когда под воздействием повышенного давления в «Новом Кэйрде» люк распахнулся. Не противодействуя потоку воздуха, Дзиро вплыл в командный модуль и развернулся, чтобы его ноги были направлены к «полу». Маркус тем временем захлопнул люк у него за спиной.

Из шлюза уже появился Вячеслав. Вместе с Маркусом и Диной все трое вслушивались в дыхание Дзиро у себя в наушниках.

– Шон умер от кровопотери, – объявил Дзиро.

Командный модуль «Имира» был размером с каплю, как почти все прочие космические помещения на данный момент – капля была самым крупным объектом, который можно вывести на орбиту тяжелым разгонным блоком. Некоторые капли имели «туннельную» конструкцию, иными словами, горизонтальный дизайн – предполагалось, что они будут лежать на боку, как железнодорожные цистерны, а единственная длинная панель «пола» протянется из конца в конец. Если требовался большой открытый зал, это было самое то, однако с точки зрения использования всего объема вариант был не самый эффективный. Командный модуль «Имира», как и «Новый Кэйрд», был основан на «шахтном» дизайне – то есть они располагались вертикально и нарезались на круглые «этажи», как правило, четыре или пять, соединенные лестницей. Каждый этаж был своего рода шайбой около четырех метров в диаметре – получалась довольно большая по меркам космических путешествий комната, и ее обычно делили перегородками на помещения по-меньше.

Шахта «Имира» имела пять этажей и, соответственно, низкие потолки, которые за двухлетнее путешествие вполне могли вызвать в обитателях клаустрофобию. Первый этаж (куда сейчас вступил Дзиро), наиболее близкий к поверхности и потому наименее защищенный от космических лучей и метеоритов, представлял собой единственную комнату. Согласно схеме, он предназначался для хранения пищи, картриджей поглотителей углекислоты, запчастей для роботов и прочих инструментов.

Через несколько минут Дзиро смог запустить видеотрансляцию через налобную камеру. Они смотрели ее через планшеты.

Замороженное тело Шона Пробста плавало в спальнике, прицепленном к потолку кабельной стяжкой. Пористая ткань спальника окрасилась в темно-коричневый цвет. Участков, не пропитанных кровью, почти не осталось.

О тело легонько постукивал счетчик Гейгера традиционной

конструкции, тоже привязанный кабельной стяжкой. Тем же самым фломастером, что и на люке снаружи, на нем было выведено «СЛОМАН».

Обследовав тело Шона и весь этаж «инспектром», Дзиро поплыл «вниз» по лестнице. Издаваемые «инспектром» звуки постепенно усиливались.

– Да выключи уже звук! – не выдержал Маркус, и наступила тишина.

«Инспектр» продолжал выводить на экранчик количество отсчетов в минуту, но видеть экран мог только сам Дзиро – щелчки прекратились.

Следующий этаж служил чем-то наподобие кают-компаний – в основном открытое пространство, шкафчики по стенам. Третий этаж, посередине, разделялся перегородками на спальни, туалеты и душевые. На четвертом была лаборатория и мастерская. Аналогичной цели служил и пятый, самый нижний этаж.

– Здесь холодно, – сообщил Дзиро, достигнув пятого этажа. – И резкий рост бета-частиц.

– Понятно, – пробормотал Маркус, – заражение там. На пятом уровне.

Холодно было, как они вскоре обнаружили, потому, что кто-то не закрыл за собой дверь: в центре пола находился открытый люк такой ширины, что человек в скафандре мог пролезть через него в круглый шурф, выдолбленный прямо во льду. Шурф был во всю свою длину освещен белыми светодиодами.

– Ого, – заметил Маркус.

Дзиро сунул в тоннель голову и начал продвигаться вперед – в этом ему помогала обычная веревка с узлами, замороженная в стену тоннеля на равных интервалах. Сначала он двигался очень осторожно, потом ускорился.

– В конце тоннеля – еще люк, – сообщил он. – Метрах в ста отсюда.

– Радиация? – спросил Маркус.

– Не сказать чтоб сильная, – ответил Дзиро. – Не думаю, что заражение произошло через тоннель.

На люке в конце тоннеля также имелся знак радиационной опасности, хотя и выполненный в не столь экспрессивной манере. Все они знали, что за люком находится небольшой модуль, непосредственно ведущий к самому чреву реактора. Дзиро предпочел его не открывать и развернулся, чтобы отправиться назад, в командный модуль.

И внезапно застыл на месте, направив луч фонаря на лбу на ледяную стену тоннеля. В лед здесь был заморожен длинный продолговатый предмет.

Два длинных продолговатых предмета.

Два тела. У Дины перехватило дыхание – она узнала рыжеватые

волосы Ларса.

Не говоря ни слова, Дзиро поднялся «вверх» по тоннелю на нижний уровень командного модуля. Здесь его внимание привлек шкафчик у самого люка. Дверца шкафчика была открыта. Внутри плавали шахтерские инструменты и элементы скафандров. Часть из них выплыла наружу и сейчас бесцельно дрейфовала вместе с потоками воздуха.

– Дзиро, – позвал Маркус. – Не молчи.

– Сильное бета-излучение, – отозвался Дзиро. – Источник заражения здесь.

Он вернулся в кают-компанию и нашел в шкафчике мусорный мешок, потом опять спустился и принялся сортировать одежду и инструменты, поднося каждый предмет по очереди к «инспектру» и вглядываясь в экранчик. Время от времени результат заставлял его морщиться, и он запихивал предмет в мешок.

Весь следующий час Дина, Маркус и Вячеслав провели в ожидании на борту «Нового Кэйрда», делая вид, будто заняты чем-то полезным на своих планшетах.

Затем голос Дзиро прокричал:

– Приготовить шлюз к сбросу!

Они не сразу сообразили, что именно у него на уме. «Новый Кэйрд» и командный модуль «Имира» представляли сейчас собой замкнутую систему. Последний был целиком погружен в лед, и единственным путем удалить что-то – в данном случае, радиоактивный мусор – из системы была шлюзовая камера «Нового Кэйрда».

За этим последовали глухие удары. Дина подплыла к люку и открыла его, за ним обнаружился мусорный мешок, набитый так, что походил на огромный мяч, и обмотанный со всех сторон клейкой лентой. Дзиро втолкнул мяч в «Новый Кэйрд», Дина перепасовала его Маркусу, тот, перехватив пас, втолкнул его в шлюз рядом с собой. Вячеслав захлопнул люк. Затем они услышали шипение, означавшее, что шлюзование состоялось. Сверток уплыл в космос.

Из стыковочного люка появилась голова Дзиро, а следом и он сам. Радиационный костюм с респиратором он снял и, надо полагать, тоже засунул в мешок. Дзиро был весь в поту и выглядел очень уставшим.

– Как в старые добрые времена, дружище? – спросил его Маркус. Он имел в виду, что в начале своей карьеры Дзиро занимался дезактивацией Фукусимы.

– Не было там ничего доброго, – проворчал Дзиро.

В командном модуле уже было тепло, так что куртки им не

понадобились. Однако, входя в «Имир», они надевали костюмы химзащиты, а возвращаясь на «Новый Кэйрд» – снимали. Радиоактивное заражение, как объяснил Дзиро, «любит прятки». Исходящие от крошечного источника радиации бета-частицы могут скрыться от «инспектра» за любым случайно оказавшимся на пути препятствием – а в командном модуле препятствий было полно. Первоначальная проверка, которую выполнил Дзиро, не гарантировала, что где-то не осталось частиц, испускающих бета-излучение. Если такая частица попадет в легкие или желудочно-кишечный тракт, последствия, вероятней всего, окажутся фатальными. Впрочем, Дзиро определил, что основным источником радиации была перчатка от скафандра на нижнем этаже, и нашел тут и там несколько вторичных источников заражения – все они покинули шлюзовую камеру в мусорном мешке. Если им повезло, больше ничего серьезного не осталось.

Вячеслав отстегнул тело Шона от потолка, пока оно не успело оттаять. Биологом как таковым Слава не был, но зато был мастером на все руки. Надев куртку с капюшоном, а поверх нее – скафандр, он разрезал спальный мешок, Дзиро с «инспектром» стоял рядом. Слава быстро осмотрел тело и снова завернул его в спальник. Он оттащил тело на нижний этаж, пропихнул сначала через люк в центре пола, а затем – до самого конца тоннеля, где были похоронены Ларс и другой член экипажа. Там он и оставил Шона, прислонив к стене.

Результаты импровизированного вскрытия Вячеслав доложил, когда они собрались перекусить в кают-компании, чем несколько подпортил всем аппетит.

– Шон истек кровью через задницу, – сообщил он. – Очевидно, внутренний разрыв кишечника.

– Я зафиксировал бета-частицы даже сквозь живот, – подтвердил Дзиро. – И он был очень истощен перед смертью.

– И это означает? – уточнил Маркус.

– Что он проглотил частицу реакторного топлива. Скорее всего – «блоху», которая как-то попала внутрь.

– «Блоху»?

Они уже слышали от Дзиро этот термин, хотя никто понятия не имел, что он означает. Слово влетало в одно ухо и вылетало из другого – просто очередной пример техножаргона, который на «Иззи» звучал сплошь и рядом. Но раз уж такая блоха могла убить человека, о них имело смысл разузнать поподробней.

– Крошечный кусочек урана или плутония, отколовшийся от разрушенного топливного стержня. Испуская время от времени альфа-частицы, он летает зигзагами то туда, то сюда – закон сохранения импульса. Прыгает, словно блоха. Существенно здесь то, что он маленький и активно испускает альфы. Один такой застрял у Шона в стенке кишечника и прожег ее. Началось кровотечение, которое невозможно остановить.

Все одновременно прекратили есть.

– Ладно, – сказал наконец Маркус. – Доедим в «Новом Кэйрде».

Когда ужин закончился, Маркус объявил, что всем необходимо выспаться – им предстоят напряженные несколько дней. Дзиро вызвался первым нести вахту, так что, пока все спали, Дзиро изучал логи и записные книжки, постепенно восстанавливая картину происшедшего за время путешествия «Имира».

Неожиданно оказалось, что в их распоряжении уйма места. Дина уже подумывала о том, чтобы им уединиться в дальнем конце «Нового Кэйрда», однако Маркус настоял, чтобы все спали в командном модуле. Пусть в «Новом Кэйрде» и нет радиации, но он открыт прочим космическим опасностям. Удар метеорита может убить всех на борту. В то же время если кому-то попадет в легкие источник бета-излучения, на то, чтобы жертва полностью вышла из строя, уйдет несколько дней, если не недель. Все это время человек сможет делать что-то полезное.

В результате Вячеслав отправился спать в одну из кают жилого этажа «Имира», а Маркус с Диной – в другую. Здесь для Дины случился сюрприз – у них состоялся секс, всего лишь второй раз с момента Белых Небес. Сюрприз оказался достаточно скромным по сравнению с атлетическими упражнениями, которыми они занимались в старые добрые деньки, когда Каменный Ливень казался отдаленным будущим, а Облачный Ковчег – обычной исследовательской станцией вдали от крупных поселений. «Имир», который от остального человечества отделяли сейчас миллионы километров расстояния и несколько тысяч метров в секунду *дельты-вэ*, чем-то напоминал сейчас то время. Дине здесь понравилось, несмотря на мрачную картину, которую они застали по прибытии – это был своего рода космический аналог шахтерских городков Руфуса, и ей совсем не хотелось обратно.

Однако они здесь не ради экзотических каникул, а чтобы спасти человечество, так что она все же постаралась заснуть. Когда через пять часов у Маркуса зазвенел будильник, Дина выбралась из спальника, который они делили, и попыталась навести хоть какой-то порядок и переодеться. «Имир» давно превратился в холостяцкое общежитие со

всеми сопутствующими запахами и недостатком гигиенических средств – а равно, как они обнаружили, роясь в шкафчиках кают-компании, и пищи. Шон явно был убит «блохой» в кишечнике, однако к тому моменту успел уже ослабеть от недоедания, а также, похоже, и от недостатка кислорода. Системы, которыми экипаж «Имира» контролировал качество воздуха, были явно не в лучшем состоянии. За время сна вновь прибывших дважды разбудили сигналы тревоги от системы жизнеобеспечения – Дзиро оба раза пришлось отключать сирену и устранять неполадки.

Проснувшись, они перекусили едой из привезенных с собой запасов, пока Дзиро делал доклад.

– Я хочу сообщить вам, что случилось с экспедицией, – начал он. И затем изложил всю историю, насколько он смог восстановить ее по записям, оставленным мертвыми.

Потеря радиосвязи вскоре после начала миссии была вызвана поломкой одного компонента, для которого не оказалось запчастей: банальный и совершенно дурацкий недосмотр. Самая длинная часть полета – полтора года от портала L1 до Григга-Скьеллерупа – состояла из продолжительных периодов скуки, перемежаемых короткими приступами паники, в основном связанными с системой жизнеобеспечения. Она была основана на выращивании водорослей под воздействием солнечного света – в лабораторных условиях все работало великолепно, но на борту «Имира» возникли проблемы. Капли Облачного Ковчега последних модификаций в этом смысле пожали плоды уроков, выученных за время эксплуатации подобных систем после Ноля, однако «Имир» построили и запустили сравнительно рано, и его система выглядела до боли архаично.

Когда они достигли Греки-Скелета, получив тем самым неограниченный доступ к воде, они смогли производить кислород, расщепляя H_2O , и жизнь стала налаживаться. До той поры им пришлось жить в напряжении и в условиях недостатка кислорода, так что они пытались свести потребление воздуха и пищи к минимуму, неподвижно плавая в мешках и пересматривая по многу раз одни и те же DVD. Ни физическому, ни психическому здоровью это на пользу не пошло.

Кусок от Григга-Скьеллерупа откололи с помощью небольших динамитных шашек, вкопанных в лед или вручную, или при помощи запрограммированных Ларсом роботов. В нос осколка вмуrowали командный модуль, оказавшись тем самым в сравнительной безопасности от космических лучей и болидов впервые с начала миссии. Жизнь постепенно улучшалась. Они стали пробивать тоннель к середине осколка.

Реактор вставили сзади, позволив ему проплавить лед. Вокруг него, в самом сердце осколка, начали раскапывать пещеру и сооружать бункеры: контейнеры для мелких кусочков льда, добытых роботами. Установили двенадцать шнеков – длинных спиральных транспортеров для льда, наподобие тех, что используются на элеваторах, – чтобы подавать колотый лед от бункеров в пространство, окружающее горячий кожух реактора. Там лед таял, а вода закачивалась непосредственно в активную зону. Тем временем другая армия роботов трудилась снаружи, мелкими порциями плавя лед и примешивая к нему привезенное с собой волокно, так что он, застывая, превращался в значительно более твердый материал, известный как пайкерит.

При первом включении, которое отправило их обратно к L1, стимпанковский реактивный двигатель отработал более или менее как ожидалось – хотя над всякими мелочами и пришлось поломать голову. Проблемы, однако, возникли со шнеками для подачи льда в камеру реактора. Шнеки получали лед из бункеров, а те, в свою очередь, заполнялись в ходе добычи льда с внутренней поверхности осколка. Роботы для этой цели подходили как нельзя лучше: они транспортировали на себе кусочки льда от горной выработки и до самого бункера, словно муравьи, трудящиеся над сахарной головой. С этим как раз все было в порядке. Однако в добываемых роботами ледышках иной раз попадались крохотные камушки. Шнеки из-за них заклинивало. Иногда неполадку удавалось устранить, просто проворачивая шнек в обратном направлении, но время от времени для того, чтобы извлечь камушек из механизма, приходилось посылать робота или даже человека в скафандре. Несчастный случай при ремонте шнека привел к гибели одного из членов экипажа.

Несколько месяцев, прошедших между первым включением двигателя и прибытием в L1, Ларс программировал роботов, пытаясь обучить их не собирать лед с камушками. Ряд испытаний подтвердил, что проблемы, возникшие в первый раз, не повторятся при жизненно важном втором включении. Масштаб испытаний варьировался от тестирования отдельных роботов до генеральных репетиций, при которых задействовались все системы и реактор в течение нескольких минут генерировал тягу.

Во время одной такой репетиции в реакторе что-то произошло, что привело к повреждению топливного стержня.

У Дзиро было подозрение, что именно случилось. Реактор «Имира» использовал воду – то есть расплавленный лед кометного ядра – в качестве замедлителя. В ядерной энергетике этим термином именуется материал, тормозящий нейтроны, выброшенные при делении ядер, так что они

дольше остаются в реакторе и с большей вероятностью вызовут последующие деления. В отсутствие должного замедлителя нейтроны попросту покинут реактор, не принося пользы.

Между абсолютно холодным и пошедшим вразнос реактором существует узенький диапазон режимов, когда он выдает здоровое расчетное количество энергии, и коммерческие электростанции практически никогда не выходят за эти пределы. Проблема с реактором «Имира» заключалась в том, что его замедлитель – вещество естественного происхождения – не отличался чистотой и, как следствие, предсказуемостью. Вода, пошедшая в камеру реактора во время репетиции, была выплавлена из льда несколькими месяцами раньше, еще при первом запуске, и провела все это время в трубопроводах. Там она находилась в контакте с камушками и песчинками, которым удалось пройти через шнеки. Всевозможные минералы из камушков растворились за это время в воде, так что называть ее чистой было уже нельзя. Когда реактор запустили и включились насосы, вода прошла через систему решеток и фильтров, которая не пропустила камушки внутрь. Однако сама вода от этого чистой не сделалась, так что, попав в активную зону, исполнила функцию замедлителя не лучшим образом. Реактор разгонялся медленней, чем ожидалось. Сейчас, задним числом, было очевидно, что загрязнение воды негативным образом повлияло на баланс нейтронов. Операторы, обеспокоенные слишком медленным стартом, извлекли стержни поглотителей дальше, чем изначально предполагалось. Однако как только первичный запас загрязненной воды прошел через систему и вылетел наружу через сопло, ее место заняла сравнительно чистая вода, только что выплавленная из льда. Мощность реактора резко подскочила, внутри стержней стало образовываться больше продуктов распада. Среди них были газы, включая аргон и ксенон. Газы создали избыточное давление. Конструкция стержней позволяет противостоять подобному давлению, однако один из них не выдержал. Вполне возможно, что фабрику стержень покинул в идеальном состоянии, но впоследствии был поврежден нанометеоритом, от которого осталось микроскопическое отверстие. В чем бы ни заключалась причина, оболочка стержня лопнула, и оттуда хлынули высокорadioактивные продукты распада, смешиваясь с паром, выбрасываемым из сопла.

Таким образом, большая часть заражения ушла в космос. Однако сама конструкция ракетного сопла предназначена для того, чтобы преобразовывать тепловую энергию газа – то есть его температуру – в скорость. Чем быстрее движется пар, тем больше остывает, и у самого края

сопла он уже настолько холодный, что начинает конденсироваться в виде снежных хлопьев. Крошечные частицы стержня представляли собой великолепные точки конденсации, вокруг которых стали расти снежинки. Часть этого снега примерзла к ледяным стенкам сопла.

Самое вероятное объяснение тому, что случилось потом – кто-то из роботов, ползающих по соплу, чтобы поддерживать его форму, подхватил немного такого материала, смеси из испускающих альфу топливных «блох» и бету – продуктов распада, и перетащил его туда, где он попал на перчатку скафандра. Возможно, человек в скафандре попытался смахнуть прилипший лед с клешни «хвата» или случайно ступил на то место, где пробежал зараженный робот. Когда астронавт вернулся в командный модуль, с ним внутрь проник и источник заражения. Может статься, они даже не знали про поврежденный стержень, поэтому не проверяли уровень радиации. Или, если судить по оставленной Шоном надписи, их счетчики Гейгера один за другим вышли из строя. Так или иначе, радиоактивные частицы распространились по командному модулю. Кто-то их вдохнул, кто-то проглотил. А здоровье экипажа было и без того подорвано.

Как бы то ни было, хорошие новости, если это выражение тут применимо, заключались в том, что в принципе и реактор, и реактивный двигатель функционируют. Ларс доработал программы роботов, так что в бункеры попадало меньше камушков, и шнеки при включении двигателя в L1 клинило не так часто. «Вьи» с тех самых пор лазали по бункерам, отыскивали просочившиеся туда камушки и оттаскивали их подальше от шнеков. Поврежденный топливный стержень по меркам Старой Земли означал бы серьезную катастрофу, случись это на наземном реакторе. Здесь это было достаточно неприятно и уже повлекло за собой гибель нескольких человек. Однако все по-прежнему работало. Разумеется, экспедиции «Нового Кэйрда» предстояло теперь доставить радиационную катастрофу в самое сердце Облачного Ковчега – но, как только они приблизятся, реактор можно будет сбросить и он сгорит в атмосфере.

До того момента, когда Земля под ними вырастет до гигантских размеров, а поверхность осколка в надире запотеет и затуманится под действием излучаемого пылающим воздухом тепла – лед станет размякать, таять и испаряться, – оставалось сорок восемь часов плюс-минус несколько минут. В этот момент им предстоит поднять стержни поглотителей и снова запустить двигатель «Имира» на полную мощность. Сначала корабль надо будет развернуть, чтобы он летел «задом наперед», соплом по направлению движения. Сейчас им требовалась отрицательная *дельта-вэ* – не ускорение,

а торможение.

Для разворотов на все космические корабли устанавливают маневровые двигатели, не настолько мощные, чтобы производить значительную *дельту-вэ*, но способные развернуть весь корабль в желаемом направлении, чтобы маршевый двигатель смотрел в нужную сторону. Как правило, маневровики более эффективны, если размещать их по «углам» аппарата, так что плечо приложения силы больше и корабль можно развернуть, словно монтировкой, посредством сравнительно небольшого импульса. Поскольку планировщики миссии «Имира» не знали, что именно обнаружится на Григге-Скьеллерупе, они загрузили на корабль модульные маневровые комплекты, каждый из которых по существу состоял из небольшого ракетного двигателя, топливного бака, беспроводной системы управления и арматуры для крепления на льду. Поспешное обследование самого «Имира» и записей, оставленных мертвым экипажем, установило, что Шон и его команда вмонтировали двигатели в лед там, где нужно: один комплекс на носу, соплами в четырех перпендикулярных направлениях, и еще четыре двигателя – вокруг торца.

Поскольку теперь к «Имиру» был пристыкован «Новый Кэйрд», его маршевый двигатель тоже мог использоваться при развороте. Однако подобный маневр – разворот на сто восемьдесят градусов, сравнительно несложный для небольшого аппарата наподобие капли – для объекта столь огромного и столь асимметричного, как «Имир», был сопряжен со всевозможными трудностями. Ожидая, что маневровые двигатели все же понадобятся, Дина еще «утром» отправила к ним роботов для инспекции, после чего Вячеславу пришлось залезть в скафандр и отправиться к одному из двигателей, где непонятно как пережало шланг топливопровода. И все равно осколок двигался так неуклюже, что один лишь разворот занял восемь часов с начала и до конца, и еще шесть часов ушли на то, чтобы добиться точной ориентации.

После чего Маркус объявил, что основания для их расчетов все равно неверны.

– Атмосфера слишком расширилась, – сказал он.

(Уже довольно долгое время Маркус в задумчивости изучал поступившую с «Иззи» череду мейлов.)

Дина почувствовала, что ее сердце пронзила ледяная игла. После всего, что случилось за последние два года, просто удивительно, что она сохранила возможность реагировать на плохие новости подобным образом. Похоже, в ней имелась встроенная психологическая программа, которую приводили в действие фразы наподобие «у мамы рак», «на шахте

произошел взрыв» или той, что сейчас сказал Маркус.

С самых ранних дней планирования Облачного Ковчега было известно, что Каменный Ливень разогреет воздух – *весь*, по всему миру. Нагреваясь, воздух расширяется. Атмосфера может расширяться только в одном направлении: в космос. Следовательно, сопротивление, которое «Иzzi» ощущает от остатков воздуха на привычной высоте в четыреста с чем-то километров, должно возрасти, когда атмосфера устремится вверх. На вопросы колоссальной важности: насколько прогреется воздух, как сильно расширится и как возрастет сопротивление – до начала Каменного Ливня ответить было попросту невозможно. Как любит говорить Дюб, эксперимент по разрушению Луны поставлен впервые. Оставалось лишь вести наблюдения и ждать. Именно этим они и занимались с того момента, как начался Каменный Ливень. Однако большую часть этого времени Маркус был занят другим и только сейчас смог переварить последние результаты.

Разумеется, для Облачного Ковчега имелись планы на самые разные случаи. В самом простом варианте, когда атмосфера расширялась не сильно и, соответственно, ее сопротивление не слишком увеличивалось, ничего особенного не требовалось. В более сложном варианте – очевидно, эксперимент пошел именно по этому пути – единственным выходом было поднять высоту орбиты всех имеющихся аппаратов, то есть «Иzzi» и каждой капли. *Дельта-вэ* требовалась не такая уж большая: трехсот метров в секунду хватало, чтобы поднять орбиты чуть ли не вдвое и тем самым заведомо удалиться от опасной зоны. У каждой капли имелся собственный двигатель и достаточное для подобного маневра количество топлива. С «Иzzi» все было чуть сложнее. Если сбросить Амальтею, триста метров в секунду достигались довольно легко. Если же брать Амальтею с собой, требуемое количество топлива чудовищно возрастало. Фактически с осознанием этого факта и родилась стратегия «все бросить и бежать».

Итак, капли могли без труда уйти от уплотняющейся атмосферы, пусть даже временно бросив «Иzzi», и перескочить на орбиту повыше. Проблему сопротивления воздуха это для них решало. Однако они теряли возможность укрываться за Амальтеей и становились мишенью для болидов. Масштабы урона при этом зависели от плотности и скорости камней на новой орбите, а также от распределения их размеров – иными словами, от еще одного комплекса вопросов колоссальной важности, ответов на которые нельзя было получить, пока не начнется Каменный Ливень и не станут поступать данные.

До сих пор скудость данных не позволяла прийти к определенному решению. Если не считать отдельных ярких исключений, число метеоритных ударов и ущерб от них были незначительны. Из этого вовсе не следовало, что так оно и останется. Белые Небеса были крайне изменчивым природным явлением. Скорость фрагментации болидов, резкий рост которой ознаменовал его начало, по-прежнему росла. Распределение камней по размерам и орбитальным параметрам будет меняться и дальше в течение тысячелетий. Можно наблюдать тенденции и строить предположения на их основе, но только до известного предела, за которым – лишь догадки.

В любом случае Маркус уже сделал ставку на гамбит, который они сейчас разыгрывали. Если он сработает и им удастся затормозить «Имир» для стыковки с «Иззи», станет возможна стратегия «долгой поездки», так что капли смогут забраться на безопасную высоту, укрываясь за металлом Амальтеи и льдом «Имира».

Единственная часть плана, которую Маркус, очевидно, до сих пор не принимал во внимание, заключалась в том, что атмосфера расширится слишком сильно.

Справедливости ради, даже *прими* он ее во внимание, это ничего бы не изменило. Критическое решение сделал и привел в исполнение Шон Пробст еще несколько недель назад, когда в L1 проложил новый курс и включил двигатель, переводя «Имир» на нынешнюю траекторию. Это был эллипс с очень низким перигеем. С точки зрения орбитальной механики идея была годная, поскольку опиралась на то обстоятельство, что паровой двигатель в таком месте наиболее эффективен – в перигее его и следовало включить, чтобы перейти на ту же низкую круговую орбиту, что и «Иззи». Однако Шон – больной, измотанный двухлетней одиссеей, отрезанный неисправным радио от последних научных идей – мог в своих вычислениях упустить из виду расширение атмосферы.

– Мы нырнем? – уточнил Слава. Этот вежливый эвфемизм относился к сценарию, при котором «Имир» уйдет слишком глубоко в атмосферу и замедлится настолько, что сгорит, став очередной ярко-голубой вспышкой на огненном фоне пиросферы.

– Думаю, скорее всего отразимся, – ответил Маркус. Он имел в виду, что «Имир» отскочит от атмосферы, словно плоский камешек, пущенный вдоль поверхности пруда. – С непредсказуемыми последствиями. Хотя уверенности у меня нет. Все, что сейчас можно сказать – придется действовать не по тому плану, который имел в виду Шон. Планы меняются. Похоже, будет весело.

Предполагая, что Камила может быть начеку – одно покушение она уже пережила, – убийца с обрезом притаился за школьным автобусом, ожидая, когда она выйдет. Между дверью автобуса и школьными воротами была лишь узкая полоса тротуара, так что времени на выстрел у него оставалось мало, нужно было торопиться. Впрочем, поторопился он нехотая, выскочив из-за автобуса, когда Камила еще не успела выйти – на лестнице очень легко наступить на полу паранджи, и она спускалась не торопясь. Промедление спасло ей жизнь. Учитель в дверях школы замахал руками, Камила повернула назад. Вместо того чтобы угодить ей между глаз, заряд крупной дроби прошелся по левой стороне лица, выбив одиннадцать зубов, почти оторвав щеку и серьезно повредив челюсть. Хирурги – сначала в Карачи, потом в Лондоне – сохранили большую часть функций языка, воссоздали челюсть из кусочков кости, срезанных с таза, и вставили искусственные зубы. После мирового турне по сбору пожертвований на образование девочек в Афганистане и на племенных территориях Пакистана Камила получила политическое убежище в Нидерландах. На деньги благотворителей со всего мира голландские пластические хирурги приступили к воссозданию лица. Проект был длительный, однако его пришлось прервать, когда Камилу выбрали кандидаткой на Ковчег от Голландии. Никто даже не пытался делать вид, что Жребий был случайный. Очевидно, власти Нидерландов вмешались в процесс, чтобы утереть нос отдельным фундаменталистским мусульманским странам, отказывавшимся выбирать облачников из девушек до тех пор, пока не получают гарантий, что те смогут соблюдать затворничество. Камила в данном случае очень подходила, поскольку отнюдь не сменила образ жизни на западный. Она одевалась очень консервативно, носила хиджаб и закрывала лицо, правда, всегда уклонялась от ответа, что это: подчинение религиозным канонам или способ скрыть шрамы. Камила несколько раз поднимала покрывало, чтобы продемонстрировать шрамы перед телекамерами, а когда ее пригласили на ужин в Белом доме, вышла к столу без хиджаба согласно договоренности с хозяйкой – президентом Соединенных Штатов.

Когда Джулия внезапно объявилась на Ковчеге, произошло воссоединение сорокачетырехлетней экс-президента и восемнадцатилетней беженки. С учетом всех обстоятельств назвать его радостным или хотя бы счастливым было нелегко. Впрочем, факт человеческой природы – некоторые люди легко сходятся между собой. Он самым явным образом подтвердился во время ужина в Белом доме и остался неизменным в

Капле-174, где обитала Камила. Там в конце концов поселилась и Джулия, восстановившись после богатого событиями полета на орбиту и пройдя краткий тренировочный курс жизни в космосе.

Капля-174 принадлежала к гептаде, то есть к группе из семи капель, соединенных шестиугольной рамой. Она и пять других капель окружали седьмую, в центре шестиугольника, двадцать четыре часа в сутки служившую столовой и рабочим помещением для жителей остальных капель. В каждой проживало от четырех до пяти человек, и еще двоих запихнули в небольшие каюты в бойлерном конце центральной капли, так что население всей гептады, включая Джулию, составляло двадцать девять человек. Это число увеличилось на единицу, когда Спенсер Грайндстафф пристроился пассажиром на эмке с «Иzzi» вместе с техником и запчастями для ремонта маневрового двигателя одной из капель. По окончании работ техник вернулся на «Иzzi», однако Спенсер остался и сумел договориться, что ему дадут койку в Капле-215. По мере того, как население обустроивалось, проявилась тенденция к гендерной сегрегации между каплями. 215-я, с населением в основном мужским, была в одной смене со 174-й, преимущественно женской. Смена была вторая, и она – на данный момент по причинам сугубо исторического характера – тяготела к американской культуре. В этой смене спали от точки-восемь до точки-шестнадцать. Первая смена считалась азиатской, третья – европейской. Культурные оттенки подчеркивались пищей – запахами, щекочущими ноздри в столовой «поутру», вкусами, которых с нетерпением ожидаешь «вечером». Поскольку еда в космосе не отличалась разнообразием, речь шла в основном о приправах. Вторая смена пользовалась бутылочками «табаско», первая – пластиковыми пакетиками карри, и так далее.

Чтобы описать соединение капель в группы по три и семь, триады и гептады, капельмейстеры пользовались термином «упаковка». Она упрощала работу «Параматрицы», поскольку число индивидуальных объектов для отслеживания сокращалось. У капли появлялось больше места для прогулок, а также возможность спастись, если их каплю поразит болид. Тем не менее упаковки крупнее гептад популярностью не пользовались.

– Спенсер, я отдаю себе отчет, что совершенно не разбираюсь в вопросе, – сказала Джулия, – но я совсем не понимаю этого лимита в семь капель. Когда я слушала доклады, меня уверяли, что упаковать можно любое количество капель. Семь выглядит совершенно произвольным числом. И это заставляет заподозрить, что нам не все рассказывают.

– Минутку, госпожа президент, – пробормотал Спенсер. Он

непрерывно вводил что-то с клавиатуры.

– Не стоит так меня называть, – возразила Джулия, хотя по голосу чувствовалось, что ей приятно.

Спенсер ударил по клавише ввода своего ноутбука, потом слегка откинулся назад и поправил очки. Глаза его прыгали с одного угла экрана на другой. Затем он поднял взгляд и намного четче объявил:

– Все отключено.

– Ты хочешь сказать – наблюдение?

– Система ситуационного мониторинга, – поправил ее Спенсер и подмигнул.

– Мы с тобой знаем, что это – наблюдение. Все равно что жить в Белом доме при Никсоне. Хотя это устаревший образ, вам не понять. На чем я остановилась?

Камила знала, на чем. Она ни на мгновение не отводила глаз от Джулии и все-все знала.

– На том, что нам не все рассказывают про семь капель.

– Да, Камила, спасибо. Я им не верю. С моей точки зрения это не что иное, как способ атомизировать население. Не дать каппи объединиться в политическую силу – силу, которая послужит единым и необходимым противовесом доминированию централизованной властной структуры «Иззи». Раз уж о ней зашла речь, Спенсер, я хотела бы с благодарностью отметить ту роль, которую ты сыграл в... *управлении* процессами в сфере информационных технологий. Как сейчас, например. Когда ты предоставил нам возможность побеседовать между собой без того, чтобы ССМ фиксировала каждое наше слово и жест.

Спенсер кивнул с таким видом, словно хотел ответить «подумаешь, обычное дело».

Было точка-восемнадцать, для второй смены начинался рабочий день. Они находились в Капле-215, где Спенсер проживал вместе с тремя другими мужчинами и одной женщиной. Остальные сейчас завтракали в столовой, упражнялись на тренажерах или работали. У Спенсера, Джулии и Камилы был гость: майор Зик Питерсен, который прибыл сюда в скафандре и был все еще одет в термокомбинезон. Судя по виду, он был несколько ошеломлен происходящим. Почувствовав это, Джулия с улыбкой обратилась к нему:

– Майор Питерсен, так замечательно, что вы смогли к нам присоединиться. Пусть я и новичок в космосе, но даже я понимаю, как все это здесь нелегко – даже попросту заглянуть на огонек, чтобы поздороваться.

– Формально я уже не майор, это предполагало бы существование вооруженных сил, – ответил Зик, – но раз уж мы решили пользоваться прежними званиями в знак вежливости – благодарю вас, госпожа президент.

Госпожа президент какое-то время прикидывала, как следует понимать это заявление, не уверенная, что оно ей так уж нравится. Зик, которого воцарившееся молчание явно нервировало, поспешил продолжить:

– Прошу простить, если я не смогу задержаться надолго. У меня конкретное задание, как только я закончу, мне нужно будет идти.

– Обследование Капли-174 на предмет возможных повреждений от удара микрометеорита? – спросила Джулия.

– Да, мадам.

– Это я разместила вызов. Я была готова поклясться, что слышала громкий удар. И до смерти перепугалась. Однако непохоже, чтобы от него был какой-то ущерб. Чем больше я теперь об этом думаю, тем больше подозреваю, что мне просто показалось. В космосе так шумно. Я и не ожидала, что настолько. Маневровые двигатели включаются очень громко. Может, это они и были. Будет очень неудобно, если окажется, что я вызвала сюда лично вас из-за подобной ерунды.

– Лично меня? – переспросил Зик не без удивления. – Система аварийного реагирования полностью автоматизирована – задания распределяются случайным образом.

Джулия игриво переглянулась со Спенсером.

– Вы и Спенсер бок о бок провели на «Иззи» больше двух лет. Уверена, что у вас была возможность оценить его мастерство – как сейчас у меня.

Зик слегка насторожился:

– Вы что же, проникли в систему и подкрутили вызов?

– От старых привычек так трудно отказаться, – вздохнула Джулия. – А я привыкла иметь дело с людьми, которых я знаю и которым доверяю. Раз уж требуется проверить мою каплю и кто-то все равно должен это сделать, что тут плохого, если это окажется мой знакомый? Раз уж, как вы говорите, задания распределяются случайно, почему бы случаю не выбрать вас?

– Что ж, – сказал Зик, – если вы так на это смотрите, я тоже очень рад побеседовать с вами минутку, госпожа президент. Я это к тому, что все равно должен буду провести полный осмотр капли, чтобы закрыть ваш вызов.

– Разумеется, и я уверена, что много времени это не займет, – ответила Джулия, подмигнув ему. – Зик, вы же принадлежите к Регулярному

населению, разве не так?

– Конечно, – подтвердил Зик. – Как член первоначального экипажа МКС, я... – тут его взгляд упал на Спенсера, и он нерешительно умолк.

Джулия улыбнулась.

– Мы затронули не самый удобный вопрос, поэтому лучше будет ничего не скрывать. Несмотря на то что Спенсер долгое время был надежнейшим членом экипажа МКС, его вывели из Регулярного населения и понизили до каппи.

– Я бы не стал утверждать, что это понижение, – начал было Зик.

Джулия пренебрежительно помахала пальцами, заставив его замолчать. Пальцы по-прежнему были наманикюрены. Ногтями Джулии занималась Камила.

– Все мы понимаем, что это понижение. Маркус отодвинул Спенсера, как только узнал про Шар номер восемь и понял, что это означает. Разумеется, мне все рассказали про тот тщательно проработанный план, который Маркус привел в действие, как только его подружка столь удачным образом сообщила новости именно ему. Не знаю, как именно поступила бы я, приди информация в Белый дом – однако мы в то время занимались обороной Куру и оказанием Маркусу всей поддержки, на которую только были способны. А он тут же заменил Спенсера, невзирая на все его годы беспорочной службы, на какого-то мальчишку-хакера...

– Стива Лейка? – уточнил Зик.

Джулия бросила взгляд на Камилу, та кивнула.

– Да, – подтвердила Джулия, – Стива Лейка. Надо полагать, он тоже достаточно компетентен, но против Спенсера – никто.

– А они что, *против* друг друга? – уточнил Зик.

– В некотором роде – да, учитывая, что мы, каппи, находимся под всевидящим оком ССМ, а регулярам позволено некое подобие частной жизни.

– Зависит от того, где на станции ты находишься... – начал Зик и снова умолк.

– Откуда мне знать – мне разрешили там задержаться совсем ненадолго. Да-да, официальная причина мне известна. Чтобы принадлежать к регулярам, мне не хватает квалификации. Методом исключения выходит, что я – каппи. Но неужели это означает, что я не могу поддерживать связь со старыми друзьями, которым повезло больше? – Джулия протянула руку и быстро сжала ладонь Зика.

– Конечно, нет, – ответил Зик, – и я думаю, что со временем разделение между двумя группами населения попросту исчезнет.

– Я знаю – таков официальный догмат, – с иронией произнесла Джулия.

– Однако общение не означает, что оно должно происходить лицом к лицу.

– Мне так и ответили. Однако в этом случае трудно представить, что две группы населения действительно сольются.

– В основном оно должно происходить через спейсбук, спайк и все такое, – продолжал Зик, перечисляя облачные версии популярных приложений для интернет-коммуникаций. – Во всяком случае до тех пор, пока...

– Пока мы все не вознесемся в рай, где и будем жить-поживать большою дружною семьей единого Ковчега, – заключила Джулия. – Зик, вы лучше кого бы то ни было разбираетесь в космических полетах. Что вы думаете о стратегии, которую Маркус пытается нам продать? «Долгая поездка»? Само это слово – поездка – во времена моей молодости оно означало... даже и не знаю, как сказать. – Джулия переглянулась с Камиллой, та почтительно хихикнула.

Зик беспокойно оглянулся.

– Об этом даже не волнуйтесь, – заверила его Джулия.

– О чем?

– О системе видеонаблюдения Маркуса.

– ССМ? Я о ней и не беспокоюсь! – запротестовал Зик. – Мне просто подумалось...

– Будьте любезны, скажите – о чем же именно? Майор Питерсен, я не шучу, мне действительно хотелось бы услышать мнение эксперта.

– Сказать по правде, мне подумалось о том, насколько у капли тонкие стены, – объяснил Зик. – Когда вы вчера сообщили об ударе метеорита, было ясно, что вас он встревожил – я слышал запись звонка. И, прямо скажем, у вас *была* причина для тревоги. Сейчас это моя профессия – выходить в космос и обследовать вмятины от ударов, мелкие и глубокие, которых на нашем оборудовании все больше и больше. Я накладываю заплаты, чиню то, что разбито, и уже дважды мне пришлось эвакуировать тела погибших. Сейчас никому не до шуток. Если Маркус видит для нас возможность, пользуясь вашей формулировкой, вознестись в рай под защитой Амальтеи, я считаю, что попробовать стоит.

– Но защитит ли Амальтея от уплотнения атмосферы? Камила по моей просьбе изучает технические доклады, которые Спенсер, и я ему за это очень признательна, загружает с сервера. Она говорит, что все очень серьезно.

– Расширение атмосферы? Чертовски серьезно, – ответил Зик. – Однако у «Иzzi», пока на ней Амальтея, огромный баллистический коэффициент. Она в состоянии прорезать довольно плотную атмосферу, камень примет на себя все тепло. Капли при этом могут следовать в кильватере, как велосипедисты за грузовиком.

– Все капли?

Зик сглотнул слюну.

– Нет. Она не сможет создать волну разрежения, за которой поместятся все капли. Им придется лететь так плотно, что «Параматрица» с ума сойдет.

– Эту-то часть плана Маркуса я и не могу понять, – кивнула Джулия. – Что станет с теми каплями, которые не будут удостоены чести расположиться в кильватере Амальтеи?

– Всех деталей плана я не знаю, – вздохнул Зик. – Он пока что не слишком проработан.

– Иными словами, это вообще не план, – кивнула Джулия.

– Все зависит от того, когда вернется «Имир». И в каком состоянии. Сколько льда он принесет. Тогда можно будет и разработать план.

– И при этом обязательно нужно делать это диктаторскими методами? Под этими... законами военного времени – как они там называются?

– ПДУАП, – подала голос Камила.

Зик пожал плечами:

– Не думаю, что Маркус собирается ставить вопрос на голосование. Он просто соберет свой мозговой центр, и вместе они решат, что лучше.

– А зачем тогда вообще собирать мозговой центр? – казалось, Джулия поражена самой новизной этой идеи.

– Чтобы взглянуть на все с разных сторон... и убедиться, что все учтено.

– А в мозговом центре есть хоть один каппи или же предполагается, что мы безропотно примем его вердикт?

Зик совсем запутался. Будь у него возможность отмотать все назад и заново проиграть беседу, он бы понял, что его намеренно загоняли в угол. Лишенный подобной возможности, он просто прикусил язык.

В отличие от Джулии.

– Я спрашиваю лишь потому, что постоянно знакомлюсь все с новыми каппи. Больше мне все равно нечем заняться. У меня нет обязанностей. Нет полезных умений. И я вижу, что очень многим из каппи не хватает общения. Это естественная человеческая потребность – такая же, как сон или физические упражнения. Поэтому я стараюсь с ними говорить – лично, в нашей маленькой гептаде, или же способами, которые вы предложили –

через спейсбук и спайк. Для этих молодых людей беседа с экс-президентом, которой скучно и одиноко, – хоть какое-то развлечение. И вот что я вам скажу, майор Питерсен, – наша система сработала! Жребий и тренировочные лагеря дали такое созвездие юных талантов, с которым я еще никогда в жизни не сталкивалась. Они буквально бурлят идеями и энергией. Сейчас во Вселенной это крайне дефицитный ресурс – даже по сравнению с водой и жилыми помещениями. Безумно жаль, если эта энергия окажется растратчена понапрасну, а их идеи не будут приняты во внимание в комнатухе, где Маркус соберет совет избранных для принятия своего плана – в предположении, что он вообще вернется после того, что я не могу назвать иначе как авантюрой.

Экипаж «Джеймса Кэйрда» в пути к острову Южная Георгия через сотни лиг бушующего моря ориентировался по небесным светилам. Примерно тем же занимался и экипаж «Нового Кэйрда». Хотя им было полегче. Штурман на «Джеймсе Кэйрде» дожидался разрыва в сплошной пелене туч, чтобы урвать возможность для наблюдений, и сверялся с механическим хронометром, надеясь, что тот не отстал и не ушел вперед. Часы «Нового Кэйрда» отличались большей надежностью, небо тоже было видно получше. Секстант им заменяло устройство, состоящее из широкоугольного объектива и высокочувствительного сенсора – оно могло определить свое направление, попросту сравнивая картинку с записанной в память астрономической базой данных. Поэтому они прекрасно знали как собственную ориентацию в пространстве, так и ее смену по мере того, как огромный осколок льда, частью которого они сейчас были, неуклонно движется по вытянутому эллипсу. Таким образом Маркус мог вычислить параметры их орбиты и оценить, со все возрастающей по мере перепроверок точностью, как низко они пройдут. Когда «Иzzi» находилась с ними по одну сторону планеты, то есть примерно половину всего времени, они могли получать от Дюба последние данные относительно расширения атмосферы.

Но когда требовалось совместить эти два объема данных между собой, ньютоновская механика начинала сбоить. Традиционные расчеты траекторий космических аппаратов предполагали отсутствие атмосферы и связанных с ней внешних сил. Однако они уже знали, что «Имир» пройдет достаточно низко и зацепит атмосферу. Это как минимум означало, что он встретится с сопротивлением воздуха и уйдет с проложенного Шоном Пробстом курса. Если на то пошло, вычислить сопротивление тоже было несложно. Как и оценить его влияние на курс. Но ледяной осколок не был

симметричным объектом, движущимся вдоль своей оси, то есть в уравнение вступала и подъемная сила. Не слишком большая – несравнимая с той, которую дает крыло самолета, – но и не нулевая. Если подъемная сила будет направлена не туда, «Имир» войдет в штопор, словно подбитый самолет. Однако если направить ее вверх, она облегчит прохождение через атмосферу, выталкивая их на высоту, где воздух не столь плотен. Там подъемная сила уменьшится, и они поползут вниз, но по мере уплотнения воздуха сила снова возрастет и будет толкать их обратно. Не исключено, что за те лихорадочные полчаса, пока они будут на всей скорости проноситься мимо Земли, они несколько раз отскочат от атмосферы подобным образом. Результаты нелегко было бы предсказать, даже будь «Имир» традиционным кораблем правильной и неизменной формы. Осколок правильным не был. У них не доставало времени полностью его обмерить и ввести данные в аэродинамический симулятор, так что подъемную силу можно было лишь прикинуть. Мало того, когда передняя кромка и все, что под ней, начнет прорезать воздух – пусть даже разреженный настолько, что практически неотличим от вакуума, – она станет нагреваться. От нее пойдет пар, создавая дополнительный направленный вверх реактивный импульс, в результате форма ее изменится. Так что, даже имея они возможность смоделировать аэродинамику осколка, сопротивление воздуха и подъемную силу, все эти данные утратят надежность при первом же соприкосновении с атмосферой.

По сравнению с этими сложностями то обстоятельство, что «Имир» в это время будет лететь кормой вперед, включив на полную мощность экспериментальный ядерный реактивный двигатель, притом не вполне исправный, казалось сущей мелочью.

Столкнувшись с таким количеством неизвестных, разумный руководитель аэрокосмического инженерного проекта объявил бы полную остановку работ и посвятил следующие несколько лет разложению проблемы на мельчайшие детали – включая продувку кусков льда в сверхзвуковой аэродинамической трубе, компьютерное моделирование и обсуждение всевозможных альтернативных стратегий. Однако к тому моменту, как Маркус осознал проблему в целом, до перигея оставалось двадцать четыре часа. Земной шар из мандарина превратился в апельсин. Сделать так, чтобы «Имир» миновал Землю, не задев атмосферы, было не в человеческих силах. Бросить его они тоже не могли. Даже если отстыковать «Новый Кэйрд» от «Имира», в его баках для существенной смены курса было слишком мало топлива, так что в конце концов они все равно бы прошли той же траекторией. Так что Маркус ограничился разумным

предположением относительно оптимального угла атаки – то есть ориентации, которую «Имиру» следовало принять по отношению к атмосфере, – и начал программу запуска маневровых двигателей, которая должна была где-то за полдня привести массивный осколок в наилучшее с его точки зрения положение.

«Корма» ледяного осколка смотрела сейчас по ходу движения, выставив вперед пасть сопла, готового к критически важному для торможения запуску двигателя. Однако «Имир» развернулся теперь вокруг оси таким образом, что «Новый Кэйрд», по-прежнему пристыкованный у «носа» и торчащий из осколка почти под прямым углом, оказался в зените. Это означало, что во время прохождения через атмосферу их вид на Землю будет закрыт «Имиром», а двигатель окажется торчащим «вверх», к звездам. Если его включить, он станет поворачивать нос «Имира» вниз, а корму, соответственно, вверх, такая ориентация поможет увеличить подъемную силу и уйти от возможной опасности. Если позволить осколку заваливаться в противоположном направлении, он в результате может принять такое положение, когда сопротивление значительно увеличится, а подъемная сила уменьшится, так что аппарат лишь глубже уйдет в атмосферу. Фактически «Новый Кэйрд» понизили сейчас в звании до небольшого двигателя контроля тангажа. Причем давать импульс этот двигатель мог лишь в одном направлении, и Маркус выбрал направление, которое вероятнее всего понадобится, если что-то пойдет не так. Вячеслав должен будет сидеть в кресле пилота «Нового Кэйрда», все, что ему будет там видно через узкий иллюминатор – грязная поверхность льда возрастом в пять миллиардов лет на расстоянии вытянутой руки. Там ему предстояло ожидать от Маркуса, расположившегося в кают-компании «Имира», голосовой команды на запуск двигателя, если подобная необходимость возникнет.

Для Дины вся эта информация была чем-то вроде назойливого шума – она всецело сосредоточилась на координации усилий роботов. «Вьи» под ее командованием исчислялись десятками тысяч. Общаться с ними можно было лишь коллективно, как с роями. Пытаться отдавать им команды по одному было теоретически возможно, однако граничило с идиотизмом. Основной задачей «вьев» была форма осколка.

Один рой будет работать на внутренней поверхности сопла. Сейчас все его представители выползли наружу для солнечных ванн, возобновляя внутренние резервы энергии. По команде Дины они соберутся вокруг зияющей круглой пасти, спустятся в сопло и разбегутся по нему, чтобы поддерживать форму в соответствии с необходимостью во время запуска.

Управлять ими будет написанная и впоследствии настроенная Ларсом программа. От Дины требовалось лишь включить ее в нужный момент.

Аналогичным образом еще один рой, самый маленький из трех, расположился внутри ледяных бункеров, чтобы по программе Ларса предотвращать попадание камушков в щеки. Эти «вьи» никогда не показывались на свет и должны были подзаряжаться от розеток, установленных с этой целью экипажем «Имира».

Однако самый большой рой отвечал за формирование внутреннего пространства осколка по мере того, как раскапывается лед. К тому моменту, как путешествие к «Иzzi» завершится, большая часть льда пройдет через бункеры и вылетит паром из сопла. От осколка останется только пустая скорлупа, внутренних структур будет достаточно лишь для того, чтобы удерживать на месте реактор и нечто мало-мальски напоминающее колоколообразное сопло. План был не так уж и безумен по двум причинам. Во-первых, примерно то же самое с незапамятных времен делали шахтеры. Если просто извлечь все изнутри горы, она рухнет. Поэтому шахтеры создавали внутри горы надежные архитектурные сооружения: колонны, арки и тоннели. Здесь задача была та же самая, с той разницей, что строительным материалом был лед, а силы, которым требовалось противостоять, не столь велики. Во-вторых, с точки зрения сопломата не так уж и важно, что именно находится внутри. По той же самой причине фюзеляжи самолетов и гоночных машин пустотелы – кожа, но никаких костей. Напряжения естественным образом распространяются вдоль оболочки, поэтому там-то лучше всего и сосредоточивать прочность. Если оболочка надежна, пространство внутри может быть совершенно пустым.

Разумеется, лед с этой точки зрения не лучший материал, поскольку он хрупок. Но экспедиция «Имира» отправилась в путь, имея на борту значительные запасы прочного пластикового шнура, сетей, ткани и волокна. Все те месяцы, пока она неторопливо возвращалась с Григга-Скьеллерупа, роботы Ларса непрерывно производили из льда пайкерит. Внешний слой казавшегося черным льда был фактически уже не льдом, а значительно более прочным синтетическим материалом. В твердом виде он мог отражать пули. Если его растопить и пропустить сквозь сита, он окажется смесью воды, синтетического волокна и черной грязи, возрастом сравнимой с Солнечной системой. Крупные роботы, «хваты» и «ужики», ответственные за крупномасштабные внутренние раскопки, могли ковыряться всего в нескольких метрах от поверхности, не представляя для структуры «Имира» ни малейшей угрозы. Задачей третьего роя «вьев» было подбирать крошки после их работы, а также укреплять внутренние

столбы и балки, удерживающие реактор и бункеры посередине пустотелой льдины. Роевой алгоритм фигурной резьбы по льду разработал Ларс, у которого было два года, чтобы довести все до совершенства, однако теперь роботами управляла Дина, и ей предстояло еще многому научиться до тех пор, когда от нее потребуются продемонстрировать свое искусство.

Около сотни «хватов» и «ужиков» значительно уступали «вьям» в числе, однако столь же значительно превосходили их тоннажем перемещаемого льда. Сейчас они в основном располагались наготове на внутренней поверхности осколка. Большей частью это были стандартные роботы с небольшими конструктивными изменениями, однако имелось и с полдюжины «бензопил» – «хватов» увеличенного размера, клешни которым заменяли вращающиеся цепи из небольших ковшей. Они были предназначены, чтобы быстро обрабатывать значительные объемы льда, и настолько хорошо справлялись с работой, что вокруг вскоре почти ничего не оставалось, поэтому их следовало часто перемещать. За каждой «бензопилой» следовал эскорт из роботов поменьше, подбиравших остатки и помогавших ей закрепиться во льду на новом месте.

В теории все вместе было одной огромной компьютерной программой, которая, если ее запустить, превращала огромную гору льда в некое подобие грецкого ореха, из которого извлекли ядро – толстая, корявая скорлупа, а внутри – естественная система ребер, жил и перегородок. Программа, когда Дина ее запустит, вполне могла отработать идеально – с программами такое случается. Однако что-то могло пойти наперекосяк – причем не обязательно сразу же очевидным образом. Так что существенной частью задачи Дины был общий контроль над ситуацией. Как бы ей ни хотелось выглянуть наружу, чтобы увидеть, как Земля проносится мимо со скоростью сорок тысяч километров в час, Дине следовало сидеть носом в монитор и следить, не появятся ли среди сонма слабых и не всегда внятных сигналов признаки неполадок. Ей хотелось верить, что, когда она маленькой девочкой сидела в шахтерском поселке перед консолью радиостанции, пытаясь разобрать отдаленные звуки морзянки сквозь статический шум и чужие радиопередачи, это было своего рода подготовкой к сегодняшнему дню.

Через несколько минут беседы по спайку с Джей-Би-Эф Дюб осознал, что два года назад перестарался.

Он отправился на совещание в Кемп-Дэвиде, имея задачей растолковать президенту экспоненциальный характер распада Луны, в результате которого жизнь исчезнет с лица Земли. Выступая в роли Дока

Дюбуа, он сочинил термины «Белые Небеса» и «Каменный Ливень» в качестве образов, позволяющих без труда осознать явления, сказать по правде, не столь уж простые. Сейчас доктор Харрис предпочел бы, чтобы ныне покойный Док Дюбуа поменьше трепал тогда своим поганым языком.

Он сидел в одной из секций Парка, которая с отбытия «Нового Кэйрда» превратилась в своего рода рабочий уголок для него самого, Конрада и нескольких других знатоков орбитальной механики. Парк с самого начала представлял собой что-то вроде школьной столовой, в которой компании друзей привычно занимают одни и те же столы – эти традиции сейчас укреплялись, становясь частью неписаного кодекса «Иzzi». Они распечатали для себя схемы и графики, представляющие в более или менее абстрактной форме все, что было известно о происходящем с обломками Луны и о том, что это сулило Облачному Ковчегу в будущем. На это ушло очень много бумаги и чернил для принтера. Поколения через два, если человечество не исчезнет, потомки будут смотреть на эту кучу документов со смесью изумления и брезгливости. Бумаги к тому времени останется совсем мало, и они будут воспринимать подобное транжирство с тем же чувством, что американцы двадцать первого века – использование китового жира в уличных фонарях.

Впоследствии жизнь улучшится, в огромных вращающихся космических колониях вырастут леса генетически модифицированных деревьев, бумаги опять станет в достатке, а эти пожелтевшие клочки окажутся в музее как подтверждение лишений, доставшихся на долю первых облачников.

Если только они сейчас не налажают. Что по большому счету и было предметом разговора по спайку с Джулией. Она плавала у себя в капле. Похоже, Джулия освоилась в невесомости: она разобралась, как потуже завязывать волосы, луноликость начала спадать, ее вроде бы даже не тошнило. За спиной у нее время от времени проплывали другие. Дюб узнал лишь Камилу. Прочие юнцы, похоже, работали: целеустремленно тыкали и оглаживали свои планшеты, время от времени поднимая голову, чтобы обменяться замечаниями. Парнишка южноазиатской внешности, девочка-африканка, еще одна девочка-китаянка.

Юнцы, парнишка, девочка, девочка. Политкорректное суперэго, отросшее за долгие годы университетской карьеры, пыталось сейчас активировать ответственные за стыд нейроны. Никакого стыда Дюб не испытывал – эти времена давно прошли, – однако поразился, насколько все же молоды каппи и как сильно они отличаются демографически от Регулярного населения. У него возникло смутное беспокойство, чувство,

что он отстал от жизни. С тех пор, как был молод он сам, прошел не один десяток лет, но он все равно привык к популярности среди молодежи, у него была куча подписчиков в Фейсбуке и Твиттере. Теперь же Дюб застрял на «Иzzi», а Джулия – в капле. И окружения, в которых они находились, не имели между собой ничего общего. Регуляры постоянно видели друг друга и привыкли общаться лицом к лицу. Каппи были заперты в своих каплях и для общения полагались на соцсети. Дюб не заглядывал на свою страничку в спейсбуке с самых Белых Небес, а начало разговора с Джулией задержалось на пятнадцать минут, пока он лихорадочно разбирался в интерфейсе спайка – Джулия же, очевидно, была с ним прекрасно знакома и не испытывала никаких трудностей. Поскольку постоянно им пользовалась, а если что-то шло не так, на помощь приходил кто-нибудь из молодежи на заднем плане.

И еще один звоночек: пока Дюб копался в спайке, он случайно услышал обрывок разговора на другом конце, в котором южноазиатский парнишка назвал Джулию «госпожой президентом». Прозвучало так странно, что Дюб с трудом удержался, чтобы не упомянуть об этом в разговоре. Просто он прекрасно знал, что услышит в ответ: это обычная вежливость. Так всегда обращаются к президентам, в том числе и к бывшим. Ничего особенного. А почему это вас так беспокоит? В результате Дюб выставит себя невежей, да притом еще и гиперчувствительным.

– Доктор Харрис, как вам прекрасно известно, я здесь вроде пятого колеса в телеге, и хочу вас заверить – я чрезвычайно признательна, что вы сочли возможным оторваться от своих, безусловно, важных дел для дружеской беседы, – начала Джулия.

– Вовсе нет, госпожа... *Джулия*, – запоздало поправился Дюб и подавил импульс дать самому себе по шее – все-таки это был видеозвонок.

Это показалось ей любопытным, но она предпочла не обращать внимания.

– Я чувствую себя вожатой у скаутов. Разумеется, во время подготовки капельмейстеры доводят до меня всю информацию. Но одно дело смотреть презентации, сидя в Белом доме, и совсем другое – видеть все своими глазами.

Фраза явно была заготовлена заранее. Чувствуя себя полным болваном, Дюб тем не менее проглотил наживку:

– И в чем же разница?

– Ну, разумеется, здесь представлен широчайший культурный спектр, – ответила Джулия, – но если вывести различия за скобки, останется чувство неуверенности в себе. У меня сложилось ощущение, что

энергия каппи и их таланты взаперти и не могут выбраться – они словно джинны, которые только и ждут, чтобы кто-то потерял лампу. А ведь они так хотят помочь!

– Но ведь Каменный Ливень начался всего две недели назад, – резонно возразил Дюб. – У них впереди целых пять тысяч лет.

– Содружеству каппи эти цифры прекрасно известны, – заметила Джулия.

Содружество каппи. Ого. Дюб не мог не оценить, как ловко она это вернула.

– Джулия, какова цель звонка? Правильно ли я понимаю, что мои ответы на вопросы будут тем или иным образом распространены среди Содружества каппи? Дело в том, что специально для этой цели существует рассылка. На которую подписано все человечество без исключения.

– В рассылке уже два дня ничего не было. Для сидящих взаперти каппи это целая вечность.

– Мы самую малость отвлеклись – на экспедицию «Нового Кэйрда».

– В Содружестве каппи ей очень интересуются.

– Здесь ей *тоже* очень интересуются.

– Я имею в виду – интересуются, в чем ее смысл?

– Разве это не очевидно? – удивился Дюб. – Любой, кто прошел через отбор и тренировки для того, чтобы стать каппи («А ты, Джулия, в их число неходишь!») – прекрасно понимает, чего мы хотим добиться с точки зрения орбитальной механики.

– Добыть безумное количество воды, чтобы затем растратить его на попытку гамбита «долгой поездки», – кивнула Джулия. – Да, доктор Харрис, это ясно даже мне.

– Гамбита? Прямо вот так?

– А никому из регуляров не приходило в голову поинтересоваться, что думают и чувствуют по этому поводу в СК? – спросила Джулия.

– Думают... где???

– В *Содружестве каппи*, – растолковала Джулия, слегка закатив глаза от его непонятливости.

– В любой момент времени на «Иzzi» находится около десяти процентов каппи. И вы это знаете. Больше на станции просто не помещается.

– Я разговаривала с несколькими из побывавших на станции. И все они сходятся в одном. Когда ты попадаешь в привилегированные условия «Иzzi», где выше безопасность, больше места, лучше пища и чаще встречаешься с высокопоставленными сотрудниками, взгляды регуляров на

жизнь кажутся вполне разумными. И это только усиливает шок по возвращении, когда тебя отсылают обратно на твою каплю.

Дюб прикусил язык.

– Не следует ли поступать и наоборот, – продолжала Джулия, – а именно – отправлять регуляров на временный постой в случайно выбранные капли?

– Но зачем? – спросил ее Дюб. – Какой будет практический смысл?

– С чисто технократической точки зрения – вероятно, никакого, – согласилась Джулия. Явно оставив произнесенным продолжение этой мысли.

– Если я отправлюсь на «постой» в случайную каплю, что я такого узнаю, чего не мог бы узнать через спейсбук и спайк?

– Много разного, учитывая, что вы этими приложениями все равно не пользуетесь, – заметила Джулия. В ее тоне явственно звучала насмешка.

– Я был немного занят – тем, чтобы «Новый Кэйрд» мог вернуться домой. Давайте, расскажите мне, что я такого упустил!

Внимание Дюба привлекло движение с противоположной стороны стола. Подняв взгляд, он увидел, как Луиза мотает головой. Потом она зажмурилась, на секунду поднесла к лицу обе ладони и снова убрала. Дюб почувствовал, что краснеет, и снова с трудом удержался, чтобы не стукнуть себя по шее.

– В СК активнейшим образом обсуждаются альтернативные стратегии, – Джулия говорила четко и со значением, как и подобает женщине, только что помазанной на полномочное представительство означенного Содружества каппи. – В частности, целая школа мыслителей объединилась вокруг яркой идеи полета через чистое пространство и к Марсу.

– Чистое пространство?

– Ах да, я совсем забыла, что вы не читаете соответствующие дискуссии. Чистым пространством Тав называет относительно свободную от болидов зону за пределами лунной орбиты.

– Тав? Тависток Прауз?

– О да, вам не помешало бы время от времени заглядывать в блог своего старинного приятеля.

Тава послали на «Иззи» за месяц до Белых Небес, когда кому-то внизу пришло в голову, что связующим цементом для Облачного Ковчега послужат социальные сети, и что Тав для подобной работы годится как нельзя лучше.

– Я был занят, – повторил Дюб. – Однако Таву прекрасно известно, что

идея полета на Марс прогонялась через модели и мозговые штурмы, пока ее не разобрали по косточкам и не стало ясно, что она не годится. – Дюб видел, что Джулия пытается сформулировать возражение, но ему не доставало терпения его выслушивать. – Любой, кому придет в голову всерьез отстаивать полет на Марс, – Дюбу не хотелось произносить вслух то, что он по этому поводу думал, а именно «курит слишком забористую траву», и он на ходу сменил формулировку: – Не учитывает реального положения вещей. Вспышка на Солнце в неподходящий момент убьет всех до одного.

– Только если туда отправятся все.

– Если речь лишь о том, чтобы направить на Марс ограниченный контингент, следует в первую очередь задаться вопросом, сколько мы можем им позволить забрать с собой оборудования и припасов.

– Я уверена, что среди наших талантливых каппи найдется много добровольцев, готовых отправиться на Марс в составе небольшого передового отряда без особых излишеств. Зов чистого пространства очень силен.

– Однако мы пока что не в том пространстве, которое, надо полагать, Тав считает чистым, – возразил Дюб. – Мы находимся в грязном пространстве, и нам следует уделить этому обстоятельству первоочередное внимание, а не трепаться о путешествиях на Красную планету.

– Мне об этом можно не напоминать... – начала Джулия.

– Ну да. Вашего друга и коллегу Пита Старлинга разорвало болидом на части у вас на глазах. Ваш пост по этому поводу в спейсбуке, Джулия, мне как раз читать довелось. Очень трогательно. Однако я подозреваю, что вы собирались добавить «но»?

– По мере того, как день за днем проходит без серьезных катастроф, люди задумываются, действительно ли пространство вокруг настолько грязное. Вариант «бросить все и бежать» представляется все более привлекательным. Белые Небеса кажутся теперь отдаленным прошлым. Мы живем прямо под Каменным Ливнем. Каждый день случаются одна-две серьезные коррекции курса из-за крупных болидов и длинный перечень разных мелочей. Однако количество жертв остается...

– По состоянию на десять минут назад – восемнадцать человек, – перебил ее Дюб. – Мы только что потеряли Каплю-52. Видите, я еще не совсем оторвался от жизни.

– Печальная новость, – кивнула Джулия, – думаю, что остальные члены СК со мной согласятся, как только до них доведут информацию.

– Джулия, вся информация – в таблице. Идешь и смотришь. Никто ни

до кого не доводит новости, здесь у нас не Белый дом.

– Во многих отношениях это очень похоже на Белый дом, – возразила Джулия. – Орбитальный Белый дом, не ограниченный никакими конституционными сдержками и противовесами. В Белом доме по крайней мере был зал для брифингов, откуда распространялась информация. Я была бы только рада...

– Зачем вы мне вообще об этом говорите? – возмутился Дюб. – Я, между прочим, астроном! – Тут ему в голову кое-что пришло. – Вы вообще со многими регулярами ведете подобные беседы? – До сих пор Дюб думал, что у Джулии была причина обратиться именно к нему, однако у нее с тем же успехом мог быть список в метр длиной, составленный услужливыми юнцами на заднем плане. – Временное руководство осуществляет Айви.

– Я в курсе нынешней импровизированной иерархии, – парировала Джулия. – Возвращаясь к вашему вопросу, доктор Харрис, я обратилась к вам именно потому, что вы астроном и лучше других можете ответить на беспокойство СК относительно угрозы грязного пространства. Новости о Капле-52 означают, что эффективность нынешней стратегии Айви под серьезным вопросом.

– Проблема здесь в статистике, – ответил ей Дюб. – Примерно в $A+0.7$ проблема из области ньютоновской механики перешла в статистическую. И остается там по сегодняшний день. В конечном итоге все сводится к распределению размеров болидов и орбит, по которым они движутся, а также к характеру изменения этих распределений во времени – и все это известно нам только из наблюдений и последующей экстраполяции. И знаете что, Джулия? Даже обладая мы самым точным знанием всех статистических параметров, будущее мы предсказать все равно не сможем. Поскольку эн у нас равняется единице. У нас только один Облачный Ковчег, только одна «Иzzi». Мы не можем провести эксперимент тысячу раз и определить весь диапазон возможных исходов. У нас есть только одна попытка. Человеческое сознание с такими ситуациями справляется не лучшим образом. Мы начинаем видеть несуществующие тенденции, искать смысл в случайных событиях. Минуту назад вы пытались усомниться, что грязное пространство столь грязно, как утверждают, – очевидным образом выражая поддержку варианту «бросить все и бежать». Потом я сообщил о том, что случилось с Каплей-52, и вы уже разворачиваетесь на сто восемьдесят градусов. В этом нет ничего хорошего, Джулия. Совсем ничего хорошего.

Джулия, похоже, восприняла тираду Дюба не так, как ему хотелось бы. Она хищно сощурилась на него сквозь экран, склонив голову набок:

– Я не понимаю, доктор Харрис, чем вызвала подобную реакцию.

– Разговор окончен, – объявил ей Дюб и разорвал соединение. Потом поборол искушение шарахнуть из всех сил планшетом по столу. Вместо этого он откинулся в кресле и впервые за все время встретился взглядом с Луизой. В некотором смысле он предпочел бы видеть ее лицо на всем протяжении разговора. Однако Джулия бы это заметила и догадалась, что кто-то в комнате слушает их беседу.

Вероятно, кто-то все это время делал то же самое на другом конце видеосвязи.

Луиза по-прежнему сидела в позе внимательно слушающего психоаналитика.

– Было бы проще, – сказал наконец Дюб, – имей я хоть малейшее представление, что ей от меня, черт ее побери, нужно.

– Ты исходишь из предположения, что у нее есть план, – откликнулась Луиза. – Я в этом сомневаюсь. Ею движет желание добиться власти. Она делает на этом пути какие-то шаги, а рациональное объяснение для них сочиняет уже потом.

Дюб подтянул планшет поближе и стал разыскивать блог Тава.

– Как по-твоему, в какой степени она сообщает уже существующие факты об СК? А в какой, напротив, пытается создать реальность, которую описывает? – спросил он.

– А есть ли разница? – поинтересовалась Луиза.

Дина подняла глаза и увидела, что Земля размером с грейпфрут. Она поспала, перекусила, пристегнулась к креслу, чтобы продолжить работу, и опять подняла глаза – Земля была с баскетбольный мяч. Все еще не слишком большая, однако скорость их была так велика, что до нее оставалось всего около часа.

Последнее совещание прошло в кают-компании «Имира» – для их неуклюжего корабля она стала чем-то вроде капитанского мостика.

Дина сняла со стен в разных комнатах командного модуля три плоских монитора и присобачила их к столу в кают-компании кабельными стяжками. Сейчас их целиком заполняли перекрывающие друг друга программные окна. Некоторые были терминальными, в них отображались логи или код в редакторе, но в массе своей в окнах шли видео, отображающие то, как выглядит операция с точки зрения различных роботов. Наружу смотрела только одна камера: Дина разместила лишнего «ужика» на корме со стороны надира и направила его камеру на Землю. Помимо этого ее единственным «ситуационным монитором» была

программа навигации по звездам, отображавшая в небольшом окне трехмерное изображение Земли с траекторией «Имира», наложенной поверх в виде геометрической кривой. Внизу окна несколько графиков показывали высоту и скорость в зависимости от времени. В данный момент скорость равнялась шести тысячам метров в секунду, и она выросла с четырех тысяч за какие-то два часа; если ничего не предпринимать, еще через час она удвоится, а затем, когда перигей останется позади и они снова отправятся в открытый космос, опять начнет падать.

Этой скорости хватит, чтобы вернуть их обратно в L1, если только Дзиро не справится со своей задачей, которая заключается в том, чтобы затормозить. Он удовлетворился единственным плоским экраном, который установил на противоположном от Динино триптиха конце стола. Оттуда он будет управлять реактором. Дзиро уже начал потихоньку двигать стержни поглотителей, чтобы получить представление о том, как быстро реактор выйдет на полную мощность, когда дело дойдет до настоящего запуска. Допущенная на этом фронте ошибка привела к разрушению стержня и в конечном итоге сгубила Шона, и на этот раз Дзиро не хотел никаких сюрпризов.

За несколько минут до перигея, если с точки зрения Маркуса все будет идти по плану, Дзиро даст команды, которые выведут реактор на полную тепловую мощность примерно в четыре гигаватта. Лед начнет плавиться и станет перегретой водой, пар с воем хлынет сквозь инконелевую горловину, расширяясь и остывая в сопле, пока не превратится в сверхзвуковой буран, в белое копьё холодного пламени, толкающее огромный корабль назад, замедляя его полет. Не настолько сильно, чтобы он рухнул в атмосферу навстречу собственной гибели, но достаточно, чтобы снизить орбиту и приблизить ее к «Иzzi». «Имир» ощутит ускорение, которое для его обитателей будет неотличимо от гравитации. Все то, что сейчас свободно плавает по «Имиру» и «Новому Кэйрду», упадет «вниз». Дину и Дзиро тяжесть прижмет к креслам напротив мониторов. То же относится и к Маркусу – он построил собственное гнездо из мониторов и планшетов во главе стола; их сейчас в основном заполняли навигационные данные. Выше, в «Новом Кэйрде», Слава окажется прижат к компенсационному креслу под довольно неудобным углом. Тяжесть будет не слишком сильной – даже реактивная система на четырехгигаваттном реакторе не в состоянии дать значительного импульса по сравнению со столь огромным куском льда. Если их «вес» не будет значительно меняться со временем, это знак, что дела идут хорошо. Рост веса скорее всего будет означать, что они погибнут. Поскольку затормозить их так, чтобы ощущаемый вес заметно

вырос, мог лишь контакт с атмосферой. Чем больше они замедлятся, тем ниже упадут. Чем ниже они упадут, тем плотней станет воздух. Чем плотнее воздух, тем больше сила, с которой он тормозит корабль. Эту силу они и ощутят как прирост веса. Экспоненциальная спираль, если миновать определенный порог, уничтожит «Имир», «Новый Кэйрд» и всех, кто на борту. Единственным вопросом будет, как именно они умрут. В аппарате поменьше они сгорели бы заживо. Поскольку здесь их окружает лед, вероятнее, что они сначала потеряют сознание от перегрузок – такая смерть будет сравнительно безболезненной. Дюбуа Харрис и Конрад Барт, наблюдая все это с высоты в несколько сотен километров, увидят над южным полушарием голубой след и доложат Айви, которая сделает по этому поводу сообщение для Ковчега. Насколько Дина знала свою подругу, текст сообщения уже написан – на всякий случай.

Странно было оказаться к ним настолько близко и в то же время так далеко в контринтуитивном измерении *дельты-вэ*. Между «Иззи» и «Нью Кэйрдом» установился широкополосный канал связи, и Дине пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отвлекаться на текстовые сообщения, не говоря уже о спейсбуке. «Скоро увидимся чмоки», – написала ей Айви, Дина ответила в том же духе и закрыла окно.

Вячеслав надевал голубой термокостюм, какие носят под скафандрами. Дина знала, что это лишь предосторожность на тот случай, если ему по какой-то причине срочно потребуются «выйти наружу». Слава оставил свой скафандр в шлюзе «Нового Кэйрда» именно на подобный случай, а Дина расположила рядом двух «хватов», чтобы ему помочь.

Маркус мог иной раз быть очень бесцеремонным, что было частью его лидерского стиля. Он неявным образом давал людям понять, что ожидает – они будут, черт их побери, выполнять свою работу без предварительного подбадривания и последующих похвал. Это устраивало не всех. Некоторые любят церемонии. Их Маркус в экспедицию не позвал. Таким образом, все началось как-то само по себе, без громких слов. Слава метнулся к лестнице и наверх, а через минуту сообщил, что находится у пульта управления «Нового Кэйрда». Дзиро поэтапно объявлял о подготовке реактора к запуску, время от времени предлагая также объяснения того, как следует понимать цифры: «Чуть быстрее, чем ожидалось... постепенно начинает замедляться... точно по плану... готов продолжать по команде...» и все такое. Участие Маркуса большей частью сводилось к тому, что он грыз ноготь, не отрывая внимательного взгляда от экрана. Время от времени он протягивал руку и что-то вбивал с клавиатуры или водил и постукивал пальцами по экрану планшета. Работа Дины была абстрактной почти

целиком, от очевидно значимых вопросов ее отделяли как минимум несколько уровней. Она старалась сосредоточиться на деле и не отвлекаться на звуки доброй тысячи предметов, посыпавшихся на «пол» «Имира», когда благодаря комбинации возрастающей тяги двигателя и непрерывно растущего сопротивления атмосферы «включилось» тяготение.

– Давай, – скомандовал Маркус.

– Понял, – откликнулся Дзиро. – Стержни поднимаются согласно программе... и... мы вышли на критический режим.

Через несколько секунд реактор дал четыре гигаватта тепловой мощности – достаточно, чтобы снабжать энергией Лас-Вегас. Дина ощутила это как резкое увеличение тяжести и услышала – как какофонию из скрипов, потрескиваний и звуков чего-то бьющегося. Командный модуль и окружающий его лед испытывали структурные нагрузки. На экранах это отразилось внезапным всплеском хаотической активности в окнах, которые несколько часов были до скуки статичными. Ледяные бункеры, в последние недели полные до краев, принялись с пугающей скоростью отправлять свой груз в завертевшиеся шнеки. Несколько роботов-«мониторов» оторвались ото льда или заскользили – выразилось это в том, что угол зрения камер начал резко и головокружительно меняться. Дина нажала «ввод» в программе, отдававшей распоряжение всем роботам внутри осколка подавать лед в бункеры с максимально возможной скоростью, и старалась одним глазом следить за ее выполнением, одновременно отслеживая структурную целостность всей льдины. В традиционном раскладе вся работа шахтеров происходила в условиях силы тяжести, так что любые структурные ошибки проявляли себя довольно быстро и весьма драматически – обрушениями породы. Шахту, которой являлся «Имир», постепенно пробили при невесомости, а «тяжести» подвергали лишь в краткие периоды включения двигателя, так что имела место определенная нервность – не рухнет ли она. Пока что все выглядело неплохо.

– Недурно теряем скорость, – пробормотал Маркус, по-прежнему грызя ноготь, и Дина позволила себе быстро глянуть на графики – убедиться, что так и есть. Время пролетело быстрее, чем можно было подумать – до перигея оставалось всего несколько минут. «Недурно» в формулировке Маркуса означало «существенно для наших целей, но недостаточно, чтобы нас убить».

Затем Маркус сказал:

– Слава. Пожалуйста, пуск на три секунды.

– Да, – откликнулся Слава по-русски. И через несколько секунд добавил: – Пошло!

Они бы не знали, делает ли что-нибудь Слава, если бы не внешняя камера, которую Дина разместила на поверхности осколка неподалеку от «Нового Кэйрда», направив прямо на него. Камера показала, что из сопла маленького корабля истекает призрачное голубое пламя, толкая нос «Имира» вниз и слегка приподнимая корму.

«Имир» чуть вздрогнул. Дина не сразу поняла, что это означает. Сперва она испугалась, что это обрушение, и лишь потом сообразила, что попросту больше не ожидала испытать этого ощущения в своей жизни. Атмосферная турбулентность. Так близко к Земле она не бывала с тех пор, когда ее запустили на орбиту за год до Ноля. И, если в ближайшие несколько минут все окажется в порядке, никогда больше не побывает.

Дрожь продолжалась недолго. Мелкие колебания на графиках перед ней постепенно отодвигались в прошлое.

– Отскочили, – сообщил Маркус. – Думаю, придется как минимум еще раз.

– Шнеки номер четыре и одиннадцать остановились, – объявил Дзиро. – Запускаю их в обратную сторону, надеюсь, удастся разблокировать.

Внимание Дины вернулось к работе. Она быстро окинула взглядом уровни в бункерах и обнаружила, что они, как и ожидалось, быстро падают, невзирая на все усилия пополняющих их роботов. Те два, которые назвал Дзиро, были переполнены – лед из них не транспортировался. Дина запустила подпрограмму, в соответствии с которой несколько «хватов» отправились перегружать лед из бункеров 4 и 11 в соседние, из которых его можно было подавать.

– Двигатель «Кэйрда» сработал вовремя, – сообщил Маркус, – но провернул нас чуть дальше, чем нужно. Я компенсирую маневровиками – но это не так быстро. – Он ввел несколько команд, которые, как следовало полагать, запустили маневровые двигатели «Имира», импульс которых был направлен противоположно главному двигателю «Нового Кэйрда». – Кстати, мы только что прошли перигей... надеюсь.

Дина бросила взгляд на графики и убедилась, что они действительно миновали среднюю точку маневра. Однако высота парадоксальным образом продолжала падать – они готовились ко второму и, надо надеяться, последнему «отскоку» от атмосферы.

– Мы на каком-то странном курсе, – заметила она.

– Верно, – согласился Маркус. – Если переживем ближайшие несколько минут, потом выправим.

– Шнек номер одиннадцать заработал, – объявил Дзиро, – но

остановились второй и третий. Может случиться критическая нехватка топлива.

– Чертовых маневровиков не хватает, – выругался Маркус. – Нас слишком развернуло, а сейчас пора для очередного отскока. Мы идем не просто кормой вперед, а еще и вверх тормашками.

Иными словами, двигатель «Нового Кэйрда» сделал свое дело. Он прижал вниз «нос» корабля, смотревший назад, и не дал корме, направленной вперед, зарыться. Они проскользили по атмосфере широким боком и выполнили удачный отскок – вероятно, спасший им жизнь. Однако стоило кораблю прийти во вращение, остановить его было уже нелегко, и теперь он провернулся дальше, чем нужно. Нос был направлен слишком глубоко вниз, сопло двигателя смотрело в космос.

– Нас что же, толкает *вниз*, к планете? – уточнила Дина.

– Не смертельно. Двигатель не гасить! – распорядился Маркус.

– Лед кончается, – сказал Дзиро и бросил на Дину взгляд поверх монитора.

Дина заранее их предупреждала, что подать достаточно топлива, чтобы выполнить торможение за один запуск, получится лишь впритирку и только при условии, что все пройдет идеально. Чего не произошло. Она встретила взгляд Дзиро, покачала головой и снова окунулась в работу.

– Дзиро, приготовься глушить двигатель, – скомандовал Маркус. – Мы входим в плотные слои, я не знаю, что произойдет.

Вестибулярный аппарат подсказал им – *что-то* произошло. Мощный реактивный импульс продолжал вдавливать их в кресла, но какая-то сила ухватила «Имир» за нос и стала разворачивать.

– Зацепили носом, – пояснил Маркус, – нас разворачивает обратно. Заглушить главный двигатель на счет три. Два. Один. Давай!

Паровую машину на ядерном реакторе мгновенно не заглушишь. В ответ на вводимые Дзиро команды двигатель дрогнул, его тяга стала ослабевать. Однако прошла едва ли не минута, прежде чем они снова оказались в невесомости – иными словами, свободно двигаясь по орбите и не подвергаясь воздействию реактивного импульса.

– Через минуту-другую выдам новые орбитальные параметры, – сообщил Маркус. – Это не так легко – мы кувыркаемся.

В наступившей после остановки двигателя тишине Дина вдруг услышала какие-то отдаленные тонкие крики. Она поняла, что это аудиоканал с «Иззи», идущий через наушники, которые у нее сорвало с головы во время маневра. Звуки шли из Бункера. Когда Дина снова натянула наушники на голову, стало ясно, что это крики радости.

– Ни хрена ж себе *дельту-вэ* вы там сбросили! – воскликнул Дюб, услышав голос Дины на том конце. – Принимайте поздравления!

Пришедший через несколько секунд отклик Дины был довольно осторожным:

– Похоже, недостаточно до хрена?

Было странно слышать знакомый голос, промодулированный старомодным каналом аудиосвязи. Словно бы Дина на вечеринке изображала Базза Олдрина^[8]. Оттенки эмоций связь передавала даже лучше, чем сами слова.

– Конрад еще вычисляет ваши парамы, – ответил ей Дюб, – но даже по визуальным наблюдениям ясно, насколько вы затормозили. Фантастика!

– Значит, похоже, понадобится еще круг, – отозвалась Дина. Она имела в виду, что им придется подождать, пока «Имир» совершит еще один оборот вокруг Земли, и снова выполнить запуск в перигее. Только тогда они затормозят настолько, чтобы встретиться с «Иzzi».

– Теперь перигей будет выше, – уточнил Дюб, – вам уже не придется лететь на вашей чертовой ледышке сквозь гороховый суп.

– Сказать по правде, летать на чертовой ледышке довольно утомительно, – призналась Дина.

– стакан наполовину полон, детка, – успокоил ее Дюб. – Наполовину полон. Вы смогли зажечь свечку. Все сработало. Вы отскочили от атмосферы. И уже охренительно близко к нам – Конрад мне подсказывает, что апогей у вас определенно подлунный. – Это означало, что «Имир» развернется и снова начнет падать на Землю, даже не достигнув орбиты бывшей Луны. – Это круто, – добавил он. – И приведет к политическим изменениям.

После долгой паузы Дина наконец переспросила: «К политическим?» – словно не могла поверить своим ушам.

– Мне известно, что Айви не желает слышать о ваших идеях, – начала Джулия, как только Спенсер ввел команды, отключающие Каплю-453 от Системы ситуационного мониторинга. – Полагаю также, что она всячески препятствовала вам прибыть на это совещание.

Марсиане – доктор Кэтрин Куин, Рави Кумар и Ли Цзянью – удивленно переглянулись. Путешествовать между каплями *всегда* было не слишком просто. Полета на эмке, если он не был срочным, приходилось ожидать около двух дней, и всегда был риск, что в последний момент из-за чрезвычайных обстоятельств расписание изменится. Доктор Куин,

принадлежавшая к Регулярному населению, могла взглянуть на проблему с олимпийской перспективой – как врачу «Скорой помощи» ей нередко приходилось совершать экскурсии в капли по вызову. Кумар и Цзянью были младше ее на десять лет – капли, выбранные Жребием соответственно из Индии и Китая. Оба в конце концов попали в Каплю-303, которая оказалась идеальной питательной средой для марсианской агитации. Она принадлежала к триаде общим населением в восемнадцать человек, половина сейчас валялась с гриппом, так что у Кэтрин Куин был законный повод туда отправиться. Та его использовала по полной программе, захватив оттуда Рави и Цзянью и прилетев сюда. Из всех участников беседы она была наименее склонна заподозрить в медлительности перемещений между каплями черные козни Айви. Рави и Цзянью, напротив, по разным причинам сразу поверили Джулии. В другое время и в другом месте доктор Куин, возможно, возразила бы. Однако ей не хотелось тратить драгоценное время на то, чтобы улучшить мнение Джулии о нынешней администрации Облачного Ковчега, так что она промолчала. Тем более что пока доктор Куин прокручивала все это в голове, Джулия успела сменить тему.

– В этих условиях я еще более ценю, что вы решились на трудное и рискованное путешествие, чтобы лично со мной встретиться, – сказала она. – Я твердо уверена, что столетия спустя юные марсиане в школах Красной планеты будут читать в учебниках по истории – или что у них там будет вместо учебников – об этой встрече и ее результатах.

Рави Кумар поднял указательный палец.

– Вместо того чтобы обучать детей в школах, – сказал он, – почему бы нам вообще не отказаться от традиционной системы массового образования и не поменять подход на более индивидуальный и персональный? Нет ни малейшей причины повторять на Марсе ошибки Земли.

– Я абсолютно с тобой согласна, – объявила Джулия, – и подобные свежие идеи лишь укрепляют меня в моей решимости доставить туда как можно больше людей и как можно скорее. С чего нам следует начать? Что потребуется, чтобы отправить на Марс передовой отряд?

Во взгляде доктора Куин снова отразилось беспокойство – уже во второй раз за две минуты. Она обвела глазами Каплю-453. Это была центральная, общая капля гептады, в которую входили номер 174 – где обитали Джулия и Камила, – а также 215 – жилище Спенсера Грайндстаффа. Во всяком случае так обстояли дела согласно официальным записям. В действительности произошли определенные перетасовки. Каппи обоего пола, проживавшие в этих двух каплях, теперь, судя по всему,

считали себя подчиненными лично Джей-Би-Эф. Они забрали себе Каплю-453, превратив ее в подобие Западного крыла Белого дома.

– Если исходить из того, что мы получим разрешение на подобную миссию... – начала Кэтрин Куин.

– Позвольте мне перебить вас, доктор Куин, и надеюсь, вы меня за это простите. То, о чем вы говорите – политический вопрос. Политику я считаю своей «сверхспособностью», которую готова предоставить в полное распоряжение вам и прочим членам Марсианской общины – тем, кого вы знаете, тем, кто втайне вас поддерживает, а также и тем, кто может к вам присоединиться, как только поймет, насколько фундаментально верна идея путешествия на Марс. Я предлагаю, во всяком случае в рамках сегодняшней встречи, исходить из того, что разрешение проблемой не является. И хотела бы, чтобы вы, все трое, применили свои собственные «сверхспособности» и разработали разумный план миссии, не оглядываясь на политические соображения. Когда у нас будет проработанный план, можно задуматься и о том, как воплотить его в жизнь.

– В идеальном варианте мы попросту сбросим камень и заберем с собой сразу все и всех, – сказал Цзянью. Он открыл рот впервые за все время – похоже, его подбодрила речь Джулии о сверхспособностях.

– Для того чтобы это произошло, нам придется убедить тех, у кого в руках серьезные полномочия, – возразила Джулия. – Давайте пока что думать о передовом отряде: небольшом, инициативном и эффективном, однако его размера должно быть достаточно, чтобы выполнить задание. А заключаться оно будет в том, чтобы высадиться на Марсе и сообщить об успехе тем, кто остался на Облачном Ковчеге.

– Мы обсуждали именно такую миссию. И полагаем, что ее мог бы выполнить бола, состоящий из триады и гептады, – ответила Кэтрин.

– Десять капель, – задумчиво произнесла Джулия. – Кажется, это совсем немного, не так ли?

– Во время первоначальной *дельты-вэ*, – продолжил Рави Кумар, – все капли будут соединены между собой. Выйдя на курс, они образуют бола, чтобы члены экспедиции шесть месяцев полета к Марсу жили при нормальном земном тяготении.

– Топливо и прочие необходимые компоненты можно взять из комплектов ЦМА, – добавил Цзянью. – Чертежи для нас в основном уже подготовили.

– В конце полета придется прибегнуть к аэродинамическому торможению, – заключила Кэтрин. – Перед этим бола надо будет расцепить и снова соединить все капли в единый аппарат, а за оставшееся время

изучить с орбиты местность и выбрать район для посадки.

Джулия кивнула:

– И если вы все не возражаете против прямых вопросов – сколько времени изолированная колония способна выжить после посадки? До тех пор, пока не кончатся припасы?

Все трое умолкли и принялись нерешительно переглядываться.

– Я спрашиваю, – пояснила Джулия, – поскольку именно здесь в дело снова вступает политика, а политика – мой департамент. Как только вы совершите свой подвиг, на мои плечи ляжет обязанность по завершению сделки. Отряд высаживается на Марс, отправляет триумфальное сообщение, и часы начинают тикать. Не хочу сказать, что это плохо – временной фактор может оказаться сильнейшим мобилизующим механизмом, как мы все убедились во время подготовки к Каменному Ливню. Тогда я смогу обратиться ко всему Ковчегу и объявить: «Перед нами открылась возможность – воспользуемся ли мы ей? Или же трусливо подождем хвост и бросим горстку храбрецов на медленную смерть?» Думаю, что подобная речь мне удастся. Однако мне нужно иметь представление о масштабах этого временного фактора.

– Год – наверняка, – ответила Кэтрин. – Дальше все зависит от медицины. И от статистики.

– От статистики, – повторила за ней Джулия, потом вздохнула. – От доктора Харриса я только про это и слышу.

– Вы хотите сказать, нам неизвестно даже, кто сейчас на борту гептады Джей-Би-Эф? – спросила Айви.

Над большим столом в «банане» повисло молчание. Айви стала проводить важные совещания в этом привычном месте, поскольку оно находилось ближе к оси Стержня и к основанию защитного конуса Амальтеи. Не годится, чтобы командную структуру Облачного Ковчегу полностью обезглавил единственный некстати случившийся метеоритный удар – а такое было куда вероятнее, если устраивать совещания в обширных помещениях ТЗ вроде Парка или Бункера.

В нынешнем совещании участвовали Дюб, Луиза, Федор и те отобранные лично Маркусом сотрудники, которые стали для него чем-то вроде исполнительной *тройки*: Сал Гуодян, судебная система в единственном лице, Фекла, начальник службы безопасности, и Стив Лейк, обладатель рыжих дредов, отвечающий за компьютеры и сети.

– Наша стандартная система учета того, кто где находится, – начал наконец Сал, – основана на предположении, что люди предоставляют

информацию по собственной инициативе.

Айви подняла руку.

– Подожди. Прежде, чем я услышу объяснения, мне нужен ответ – да или нет.

– Да, – признал Стив Лейк. – Мы утратили контроль за тем, кто находится в гептаде Джей-Би-Эф.

– Спасибо. А ССМ, следовательно, нам тут помочь не может?

– Один из тех, кто там точно находится – Спенсер Грайндстафф, – объяснил Стив.

Айви кивнула.

– Стив, – снова заговорил Сал, – когда Маркус вызвал тебя к себе в кабинет непосредственно перед Белыми Небесами, чтобы назначить главным по сетям – вместо Спенсера, – ты что-то говорил насчет того, что у Спенсера в системах «Иззи» могут иметься закладки. Причем такие, о которых невозможно узнать, пока он их не задействует.

– Да, – подтвердил Стив. – Пока такие штуки не включились, их невозможно обнаружить практически по определению. Если только не читать весь код строку за строкой.

– По-твоему, в ССМ у него тоже закладка?

– Мы знаем, что он с ней что-то делает, – ответил Стив, – потому что, как только он появился в гептаде Джей-Би-Эф, тамошние капли стали время от времени пропадать из сети. Когда она с кем-то встречается и не хочет, чтобы мы об этом знали, он все отключает.

Айви ненадолго задумалась, потом подняла взгляд на сидевшую напротив Феклу и кивнула. Фекла встала – осторожно, поскольку сила тяжести была здесь незначительной, – подошла к двери и открыла ее. За дверью обнаружился ожидающий снаружи Зик Питерсен, Фекла жестом предложила ему заходить.

– Спасибо, что присоединился к нам, – слова Айви прервали молчание, царившее, пока Зик занимал место в конце стола. Айви сидела в голове. С ее точки зрения он сейчас находился «наверху» длинного лыжного трамплина – как и она сама для него.

– Все как прежде, командир Сяо, – откликнулся Зик.

– Что ж, я ценю твою верность, – кивнула Айви. – И понимаю, в каком сложном положении ты оказался.

– На самом деле тут ничего сложного, – возразил Зик. – То объявление, которое Маркус сделал, когда начался Каменный Ливень – про государства, которых больше не существует, – я согласен с ним всей душой. Джулия объявления не слышала. И текста его тоже не получала.

– Мы узнали, что Спенсер может отключать ССМ.

– Совершенно верно, – подтвердил Зик. – Я сам присутствовал при таком случае. У нас состоялась очень странная беседа. Думаю, они прощупывали почву, нельзя ли меня перетянуть на их сторону. Она разговаривала со мной так, словно я уже на их стороне – как будто ничто другое никому и в голову не может прийти. И это очень сильный прием из арсенала техник убеждения – в какой-то момент я даже с ней согласился. Но когда вернулся и хорошенько все обдумал, то понял, что это безумие.

– Как по-твоему, это была лишь одиночная попытка? Или у нее в работе целый список кандидатов на вербовку?

– Если тебя устроят мои догадки, список у нее есть, – ответил Зик, – но вряд ли длинный.

Айви снова кивнула. Вслух этого произносить не требовалось: Джей-Би-Эф могла завербовать кого-то еще – однако про них пока ничего не известно.

– С моими впечатлениями это сходится, – подтвердил Дюб, бросив взгляд на Луизу, которая одобрительно кивнула. – Думаю, она пробует наудачу. Выходит с людьми на связь, завязывает разговор, рассыпает всяческие намеки, ищет слабые места.

– Она что, рехнулась? – спросила Айви у Луизы.

– В каком-то смысле это совершенно неважно, – ответила Луиза. – Раз она мутит воду, значит, она мутит воду. Если даже установить, что за этим стоит конкретный психиатрический диагноз, это ничего не изменит.

– Это может повлиять на то, как нам следует реагировать.

– Начнем с того, что нарциссизм в ней всегда присутствовал, – объяснила Луиза. – Это, к слову, вовсе не диагноз. Согласно тому, что рассказывали вы с Диной, ее полет на «Иззи» также не мог не привести к серьезной душевной травме. Она потеряла мужа и дочь, само прибытие тоже оказалось кровавым. Не надо быть специалистом, чтобы понять: она страдает от посттравматического синдрома той или иной силы. По этой причине от нее сейчас вполне можно ожидать мрачных взглядов на реальность параноидального толка. Хотя может статься, что она всегда такой была.

– И при этом она очень осторожна, – заметила Айви. – Пока она не идет дальше разговоров, я мало что могу поделать, да и не должна.

– Верно, – согласилась Луиза. – Она пытается заполучить среди каппи политическую поддержку. Если начать ее преследовать на том единственном основании, что она много с кем разговаривает, то ей ведь только того и нужно. Однако тебе стоило бы тоже как-то обратиться к

каппи.

Айви вздохнула.

– Единственный ответ на политику – еще больше политики, а как раз в этом от меня совсем мало пользы.

– Дела, а не слова, – возразил Зик. – Вот на что смотрят в первую очередь. Когда вернется «Имир», у вас с Маркусом в активе окажется достижение, рядом с которым Джей-Би-Эф со своей кликой будет выглядеть совсем жалко.

– Возможно, я просто в этом недостаточно разбираюсь, – произнесла наконец Джулия после длительного размышления, – но, по-моему, имеет место совершенно поразительное совпадение – и прямо у нас перед носом.

– Продолжайте, госпожа президент, – попросила Камила. – Возможно, вы его прекрасно видите – но я, например, не вижу ничего.

Джулия перевела взгляд на Кэтрин Куин.

– Если я все правильно понимаю, ключевыми элементами предполагаемого марсианского корабля являются гептада, где во время путешествия будут жить люди, и триада для хранения топлива и всего остального. И это идеально совпадает с тем, чего мы уже достигли. – Она скромно кашлянула. – Я сказала «мы». Что я сейчас имею в виду? Думаю, что могу позволить себе ступить на скользкую почву и высказать предположение, что Содружество каппи и Марсианская община – естественные союзники. Что-то вроде импровизированной повстанческой коалиции, если не возражаете. В этой гептаде нашими усилиями быстро образовался общественный центр, отстаивающий важные для каппи вопросы. В некотором смысле у нас имеется собственная гептада. И в аналогичном смысле вы, Рави и Цзянью, превратили свою триаду в мощный центр поддержки Марсианского движения. У вас есть своя триада. Таким образом, у нас уже имеются два важнейших компонента марсианской экспедиции. Нужно лишь собрать их воедино.

Рави слушал, кивая, потом заговорил:

– Этим готовы заняться два инженера из группы ЦМА. Они участвовали в строительстве «Нового Кэйрда», и у них руки чешутся взяться за новую задачу. Один из них даже готов отправиться с нами. Пол Фрил. Он был горячим сторонником колонизации Марса еще до Ноля.

Вмешалась Кэтрин, которая тоже все это время внимательно слушала:

– Мне бы не хотелось показаться скептиком, госпожа президент, но в каком именно смысле у вас «есть» гептада, или у наших друзей – триада, в которой они живут? Если речь лишь о мнении большинства жителей, то

может быть. Однако...

– Однако что именно в данном контексте означает обладание гептадой? Ну да, доктор Куин, вопрос очень серьезный и я весьма признательна, что вы его задали. Столь многие понятия, которые мы всегда считали само собой разумеющимися, включая права собственности и личные свободы, теперь, в условиях объявленного Маркусом ПДУАП, оказались размыты. В условиях военного положения, если называть вещи своими именами! Отвечая на ваш вопрос, в качестве первого шага я хотела бы отметить, что свобода передвижения объекта неотделима от права собственности – она по существу и означает «обладание» каплей, триадой или гептадой.

– Что ж, в этом смысле мы все подчиняемся коллективной диктатуре роя, – заметила Кэтрин. – Куда и когда нам двигаться, решает «Параматрица».

– По существу – один из самых подлых инструментов контроля над обществом за всю историю человечества! – воскликнула Джулия.

Кэтрин была поражена:

– Без нее нам не избежать катастроф!

– В этом и заключается вся подлость, – кивнула Джулия. – Всегда можно заявить, что она требуется для всеобщей безопасности. Мы все обречены быть рабами «Параматрицы» до тех пор, когда и если кто-то наконец решит, что есть вещи и поважней.

На лице Цзянью читались одновременно любопытство и тревога.

– Если кто-то и решит, – указал он, – не изменится вообще ничего, если не перевести соответствующую каплю в ручное управление.

– Насколько я понимаю, это можно сделать в любой момент, – удивилась Джулия. – Или меня и тут обманули?

– Нет, – ответил Цзянью, – однако в «Параматрице» эту каплю сразу же будет прекрасно видно. И вся Система ситуационного мониторинга тут же забьет тревогу.

– В таком случае, – констатировала Джулия, – когда и если наступит время для решительных действий, придется позаботиться и о ССМ.

Бабушка Айви, которая родилась в Гуанчжоу, выросла в Гонконге и знала по-английски лишь несколько слов, управляла всем семейством из микроскопической отдельной квартирki, пристроенной к гаражу рядом с домом в Резеде. Восседавая в своем раскладном кресле, замотанном изолентой (иначе бы оно развалилось), закутанная в вязаные шали, она непрерывно издавала буллы, декреты и фетвы, которые для тридцати с

лишним ее прямых потомков и членов их семей, проживающих по всей долине Сан-Фернандо, обретали силу закона. Не сказать чтобы она была совершенно безразлична к деньгам, любви, безопасности и другим распространенным движителям человеческих поступков, однако в основном бабушкой руководило другое чувство, для ее вассалов не слишком понятное и потому загадочное. Англосаксы могли бы приписать ему специфический восточный смысл: «сохранение лица» или конфуцианское почтение к старшим. Айви в какой-то момент осознала, что это не более чем потребность во внимании. Все, кто приходил в дом или покидал его, должны были отметиться у бабушки. Причем просто заглянуть в дверь, поздороваться или попрощаться, было недостаточно; требовалось присесть на плетеный стул рядом с бабушкиным креслом, какое-то время там просидеть и что-то сказать. У бабушки не было иных способов добиться исполнения этого правила, кроме как изобретать все более мистические и причудливые пути, чтобы рано или поздно обрушить кары на головы отщепенцев.

Как теперь поняла Айви, Джулия Блисс Флаэрти относилась ровно к тому же типу. Если призвать ее к ответу и заставить оправдываться за свои действия, она наверняка объяснит их неким альтруистическим планом. И даже, возможно, сама в это поверит. Но дело будет совсем в другом. Она – как бабушка Айви. Если ты ей присягнул, то можешь рассчитывать на ее благоволение, а твоя репутация и значимость среди других присягнувших будет только расти. Отправив ее в каплю и совершенно про нее забыв, ты становишься врагом для нее и для ее приспешников. Никакой другой власти у нее нет. Однако если забыть про нее надолго, из нее может получиться могущественный враг. Статус экс-президента – причем не просто какой-то отставницы, а того самого экс-президента, который отвечал за создание Облачного Ковчега и даже применил ядерное оружие для его защиты – давал ей среди каппи определенный авторитет. Их последнее время воспринимали как деморализованных одиночек, только и ждущих лидера, который даст их жизни значение и смысл. Айви не смогла выяснить, что это: объективное положение дел или запущенный Джей-Би-Эф самосбывающийся миф. Так или иначе миф этот начал принимать очертания реальности.

Она смотрела на сидящую напротив Феклу и думала, стоит ли пересказывать ей все эти мысли. Поймет ли русская семиборка, да и захочет ли понять, ее давно покойную китайскую бабушку из Резеды?

Возможно. Однако Фекла выросла в обществе, где подробности принято держать при себе и сообщать по мере необходимости. Избыток

информации запутает ее, вгонит в скуку и в конце концов разозлит. Болтунов она презирала, как бизнесмен – транжир. Все, что ей нужно – знать свою задачу.

По той же причине трудно было понять, что у нее в голове, но это как раз Айви не смущало. В большой организации с иерархией армейского типа нельзя быть для каждого другом и дорогим коллегой. Маркус это понимал, потому его и назначили старшим. Айви больше годилась для управления уютной лавочкой, какой была «Иззи» на момент Ноля. Там Маркус бы все лишь испортил.

– История с Джулией нас только понапрасну отвлекает, – сказала наконец Айви. – У меня есть дела гораздо важнее. Если мы ее раздеем, это сработает против нас – Джулия получит над нами больше власти, чем того заслуживает. Но и закрывать глаза на ее деятельность мы тоже не можем.

Фекла кивнула. Хорошо.

– Я хотела бы отправить тебя в ее гептаду, – продолжала Айви. – В роли главы службы безопасности Маркуса. Понимаешь? Визит будет официальным. Ты объяснишь, что их Система ситуационного мониторинга не вполне исправна и требует починки во избежание опасных последствий. Дальше просто слушай, что она тебе скажет. Думаю, она попытается переманить тебя на свою сторону. Она со всеми так делает. Ты стала бы для нее особо крупным уловом.

– Если она так и сделает, мне тогда как поступить? – уточнила Фекла.

Всю глубину наивности Айви можно понять из того, что сперва она даже не поняла вопроса. И только потом сообразила, что Фекла предлагает сделать вид, будто поддалась на уговоры. Вызвалась стать агентом Айви на службе у Джулии.

Фекла стоически наблюдала за Айви, пока до той не дошло.

– Я советую сразу ничего не предпринимать, – в конце концов ответила Айви. Сказать по правде, не от избытка хитрости, а из робости.

– Разумеется, – согласилась Фекла, – с ходу броситься ей в объятия – плохая тактика. Она заподозрит.

Айви ничего не сказала, и Фекла объяснила:

– Я встречала многих, кто думает так.

«В отличие от тебя, моя дорогая».

– Я предлагаю сначала доложить мне обо всем, а уж потом мы решим, что делать.

– Мы?

– Я. Я решу.

– Хорошо, что мы разговариваем здесь. В «банане», – сказала вдруг

Фекла.

– Тебе здесь нравится?

– Дело не в том, где мне нравится, – удивилась Фекла. – В «банане» безопасней.

– Ты хочешь сказать – от болидов?

Фекла мотнула головой:

– От Грайндстаффа.

Потом она встала – осторожно, чтобы не взлететь и не врезаться головой в потолок – и вышла, оставив Айви с кучей вопросов. Она что, только что дала старт проекту по созданию на Облачном Ковчеге внутренней шпионской сети? И как теперь объяснить это Маркусу? Ужаснется ли он – или, наоборот, горячо одобрит? И что она почувствует по поводу той или иной реакции? Когда уже, черт возьми, вернется Дина и они смогут все обсудить за стаканчиком алкоголя?

И что имела в виду Фекла в самом конце, когда говорила про безопасность «банана»? Его сконструировали давно, еще до Ноля, к ССМ подключили значительно позднее и на живую нитку. Похоже, Фекла намекала, что раз уж Спенсер может отключать капли Джулии от ССМ, не исключено, что он также прослушивает другие объекты Облачного Ковчеха, включая Парк, Бункер и кабинет Маркуса.

«Я встречала многих, кто думает так», – сказала Фекла. Она имела в виду русских военных и разведчиков, у которых мысли были профессионально деформированы в соответствующем ключе. Быть может, Фекла тоже когда-то прошла соответствующую подготовку. Если она действительно станет агентом у Джулии, как проверить, что она честный агент, работающий на Айви, а не двойной, работающий на Джулию?

Из-за встречи с атмосферой «Имир», уносясь по новой орбите прочь от Земли, неторопливо вращался. Точные параметры этой орбиты вычислили минут через пятнадцать-двадцать, после чего стало ясно: на то, чтобы принять меры к своему спасению, у них меньше четырех часов.

Пройди все идеально, запуск реактора замедлил бы «Имир» настолько, что для встречи с «Иzzi» потребовалось бы лишь несколько совсем незначительных *дельт-вэ*. На это они надеялись, но всерьез не рассчитывали. Более реалистичной была надежда, что удастся хоть как-то сбросить скорость и снизить апогей.

Это число – расстояние между Землей и «Имиром» в верхней точке орбиты – напрямую зависело от скорости в нижней точке. Поскольку корабль «рухнул» к Земле с очень высокого апогея далеко за лунной

орбитой, с атмосферой он встретился на огромной скорости. Вся та скорость, которую он потерял за счет торможения ядерно-ракетным двигателем и от трения о воздух, в переводе на орбитальный язык означала существенно более низкий последующий апогей, до которого – в зависимости от того, что покажут расчеты – оставались часы, дни или даже недели.

Когда орбиту рассчитали, выяснилось, что речь о часах.

В некотором смысле «Имир» даже близко не попал в цель: *дельта-вэ* составляла лишь около трети желаемой. Однако даже этого хватило, чтобы апогей из точки далеко за лунной орбитой переместился на расстояние лишь примерно втрое дальше орбиты «Иzzi».

Соответственно, и период – длительность одного витка орбиты – уменьшился с семидесяти пяти *дней* до восьми *часов*. Настолько сильно сравнительно небольшая *дельта-вэ* меняет эти параметры.

С другой стороны, на то, чтобы «Имир» прошел остаток пути до орбиты «Иzzi», потребуется *дельта-вэ* вдвое больше, чем то, что им удалось выжать из реактора на этот раз.

Однако прежде надо решить вопрос выживания в ближайшие восемь часов.

Апогей «Имира» изменился очень сильно, но высота перигея осталась все той же – иными словами, опасно низкой. Если ничего не предпринять, на следующем витке они снова с ревом стукнутся об атмосферу.

С определенной точки зрения слегка поднять перигей и уже никогда не беспокоиться о входе в атмосферу довольно просто: достаточно выполнить небольшой, но тщательно рассчитанный запуск двигателя в апогее. Для обычной космической миссии задача совершенно банальная. Сейчас же положение осложнялось двумя обстоятельствами.

Во-первых, успешное снижение апогея и периода обращения наложило на них жесткие временные рамки – двигатель следовало запустить через четыре часа после перигея.

Вторая сложность заключалась в том, что корабль медленно вращался. Это означало, что их ядерный ракетный двигатель если и был в какой-то момент направлен в нужную сторону, то лишь по чистой случайности. Во время длительного запуска в перигее сопло должно было смотреть вперед и работать как огромный тормозной двигатель. Запуск в апогее нужен, чтобы слегка разогнать корабль, сопло при этом должно смотреть назад. Но пока корабль вращается, оно направлено попросту куда попало.

Итак, сейчас требовалось стабилизировать ориентацию «Имира»: погасить нежелательное вращение маневровыми двигателями. При первой

пробной попытке обнаружилось, что двигатели по сравнению с инерцией огромной ледяной глыбы чересчур слабы. Говоря аэрокосмическим жаргоном, им недоставало контроля. «Имир» вел себя словно грузовик, который занесло на разлившемся масле и он почти не слушается руля. Огромный расход массы при запуске двигателя несколько уменьшил проблему. Тонны и тонны льда вылетели через сопло в виде пара. «Имир» стал легче и, как следствие, послушней. Вычислить, *насколько именно* послушней и что это означает для маневровых двигателей с точки зрения контроля, само по себе оказалось немаленькой задачей – добрых полчаса ушло лишь на грубую оценку.

Результат не слишком обнадеживал. За оставшиеся три часа не было решительно никакой возможности остановить вращение «Имира» двигателями контроля ориентации, предназначенными лишь небольших корректировок в течение длительного времени. Вращение не было особенно быстрым – экипаж в командном модуле его почти не чувствовал, – однако исключало запуск основного двигателя. Если запуск не состоится через три часа, они снова зацепят атмосферу еще через четыре, а потом – еще через восемь. Один проход наподобие уже состоявшегося у них еще есть шанс пережить, два – никаких.

Как только Маркус все это понял, он разделил экипаж пополам: оставил Дину и Дзиро в кают-компании командного модуля заниматься главным двигателем, а сам вместе с Вячеславом поднялся «наверх» – заняться контролем ориентации.

Задачу, стоящую перед Диной, по сравнению с остальными можно было назвать рутинной. Запустив двигатель в перигее, они израсходовали большую часть запасенного в бункерах льда. Несколько шнеков заклинило, а процесс добычи льда в целом пошел вразнос, поскольку Дине приходилось раз за разом находить импровизированные решения сыпавшихся отовсюду проблем. Роботы находились не там, где нужно, какие-то бункеры были переполнены, какие-то – пусты. Нужно было копать новый лед и перераспределять старый. Привести все в порядок для запуска три часа спустя было задачей не то чтобы непосильной, но требующей полной сосредоточенности. Аналогичным образом Дзиро тоже должен был решить кое-какие проблемы с реактором. Обоим следующие три часа предстояло пахать без перерыва, чтобы все было готово к запуску в апогее.

При условии, что другая половина экипажа за оставшееся время найдет способ правильно сориентировать «Имир». Маркус перенес эту деятельность в другую часть корабля, чтобы не отвлекать мотористов. Во всяком случае так он объявил; однако когда Дина ненадолго отвлекалась от

работы, пока компилируется код или чтобы перекусить, она каждый раз обнаруживала, что задается вопросом – чем они там, собственно, заняты?

Методом исключения выходило – чем-то, имеющим отношение к «Новому Кэйрду». То, что маневровые двигатели «Имира» не справятся, было уже доказано. Нужную тягу имел только маршевый двигатель «Нового Кэйрда». Проблема заключалась в том, что он смотрел во вполне определенном направлении, которое, увы, не подходило для коррекции.

Доведя эту логическую цепочку до завершения, Дина так разнервничалась, что это стало мешать ее работе даже больше, чем если бы Маркус и Слава находились с ней в одной комнате.

Она сдерживала любопытство и беспокойство до тех пор, пока не убедилась, что двигателю хватит льда на запуск в апогее. Работа закончена. До самого запуска осталось полчаса. Похоже, у Дзиро тоже все под контролем.

Резкий удар, эхом отдавшийся в стенах командного модуля, дал ей повод вызвать на экран несколько видеотрансляций, а также подключиться к аудиоканалу, которым пользовались Маркус и Слава. Роботы, рассыпанные по всей поверхности «Имира», одолжили ей свои глаза, которые она могла повернуть в любую сторону. Несмотря на это, у нее ушло несколько минут, чтобы составить для себя картину происходящего.

«Новый Кэйрд» отстыковался от «Имира», его нигде не было видно. Маркус предположительно находился за его пультом управления.

Снаружи «Имира» наблюдался человек в скафандре, «идущий» по направлению к корме, используя пару «хватов» в качестве передвижных точек опоры. Надо полагать, Вячеслав. От ног у него расходились толстые белые усы. Дина не сразу сообразила, что это: он примотал сапоги к спинам «хватов» кабельными стяжками, концы которых и торчали усами. При виде подобной импровизации насовские инженеры старой школы перевернулись бы в гробу, не лиши их Каменный Ливень такой возможности. Однако за последние два года, и особенно за последние две недели, босяцкая инженерия уже вошла в привычку.

Оставался вопрос – чем же, черт побери, настолько увлекательным занят Маркус? Раз уж Слава проявил такую изобретательность, располагая лишь двумя роботами и пакетом стяжек...

Тут Дина наконец разглядела «Новый Кэйрд» на камере «буки», закрепившегося на корме осколка примерно на полпути между ее краем и зевом сопла. Кораблик висел в пространстве метрах в ста, выпуская из маневровых двигателей белые струи каждые несколько секунд – он пытался удержаться позади медленно вращающегося осколка. Маркус шел

на ручном управлении, и да, скучать ему не приходилось.

Воссоздать в уме общую стереометрическую картину было нелегко, но Дина более или менее убедила себя, что Слава «идет» примерно в том же направлении, куда нацелился Маркус. Каждый по-своему, но оба стремились к одному участку осколка: углу, выступающему там, где широкая часть сахарной головы заканчивалась резкой, но изломанной гранью, переходя в основание. Здесь в лед был вморожен кусок стального каркаса размером примерно в автомобиль. На нем крепилась гроздь небольших конических ракетных двигателей – одна из маневровых систем, оказавшихся слишком слабенькими для нынешней задачи. Нацелив туда другую камеру, Дина увидела, что из двух сопел исходят ровные струи бело-голубого пламени. Эти двигатели непрерывно работали на полной мощности. Чего их конструкция не предусматривала. Однако системы ориентации «Имира» рассчитали, что в этих двух направлениях требуется усилие, а для того, чтобы достичь запрограммированной цели – развернуть корабль «носом» вперед и соплом назад, – усилия требовалось очень много.

Дина поняла. Ее догадку подтвердили переговоры на смеси английского, немецкого и русского между Маркусом и Вячеславом, которые она теперь могла слышать. Мысленным взором она видела «Имир» таким, как его наблюдал Маркус через передний иллюминатор «Нового Кэйрда»: огромная дрейфующая глыба черного льда в форме наконечника стрелы, в основном погруженная во мрак, но на носу и по углам украшенная мигающими белыми огоньками и струйками горячего газа – выхлопом двигателей, которыми управляет изнутри автоматическая программа. Некоторые вспыхивали и снова гасли. Иногда, там, где требовалась большая тяга, двигатели включались надолго. Такие постоянно работающие двигатели должны быть отлично видны на черном фоне космоса.

Маркусу не требовалось рассчитывать в голове вращение «Имира». Не было нужды знать, какова его угловая скорость относительно каждой из осей и какой требуется момент импульса, чтобы ее скомпенсировать. Ему даже был не нужен интерфейс планшета. Достаточно облетать льдину в поисках мест, где маневровые двигатели работают в непрерывном режиме. Это будут именно те, что не справляются с нагрузкой там, где она нужнее всего. Соответственно, именно там двигатель «Нового Кэйрда» можно использовать с наибольшей эффективностью.

Только как?

Изображение грозди маневровиков заслонила размытая серая фигура – Вячеслав прошел перед самой камерой. Затем он появился снова, уже в

фокусе, нашарил на поясе фал с карабином и прицепил его к торчащему изо льда пруту каркаса. Дина слышала его тяжелое дыхание. Держась за каркас левой рукой, он просунул правую между прутьями. Потыкавшись некоторое время, он что-то нащупал и с минуту был занят каким-то делом – судя по тому, как слегка подергивается рука.

Реактивные струи дрогнули и растаяли.

– Готово, – сообщил Вячеслав. – Извини. Клапан заклинило.

– Давай в сторону, *товарищ*, – потребовал Маркус.

– Даю, – отозвался Слава. Отстегнув карабин, он отклонился от каркаса, полностью доверив сцепление пристегнутым к ногам «хватам», и зашагал прочь мучительно медленной походкой человека, движущегося сквозь сахарный сироп. – Приступай! – И добавил немецкую фразу, которая, если Дина ничего не перепутала, означала: «Если не получится, нам так и так конец».

«Новый Кэйрд» уплыл из кадра. Несколько секунд Дина перенацеливала камеру. Кораблик приближался к «Имиру», идя точно на маневровый комплекс, отключенный Славой, и под углом ровно посередине между двумя только что работавшими двигателями.

Логика была очевидна, хотя метод – совершенно безумный. «Новый Кэйрд» намерен выполнить задачу, с которой не справился крошечный маневровик. Маркус должен был направить его маршевый двигатель в нужную сторону, а именно – примерно посередине между теми, которые пытались выполнить требуемую работу. Все так. Но при этом ему надо установить механическое соединение между «Новым Кэйрдом» и осколком, чтобы передать ледяной массе импульс большого двигателя.

Судя по всему, он собирался этого достичь, ударив маленьким кораблем в большой. Столкновение было бы медленным – так портовый буксир упирается носом в борт нефтеналивного танкера, чтобы подтолкнуть его к причальной стене. И тем не менее это было бы столкновение, космические корабли для такого не предназначены.

Пальцы Дины, до боли сжавшие край столешницы, чуть расслабились, когда за секунду до удара Маркус включил тормозные двигатели, замедлившие «Новый Кэйрд» в самый момент касания. И все равно Дина услышала и почувствовала хруст, отдавшийся эхом в стенах ледяного дворца. За последние час-два она такое уже слышала, каждый раз удивляясь, что бы это значило. Очевидно, Маркус не впервые проделывает этот трюк.

Он целился туда, где изо льда торчит каркас, образуя что-то вроде ловушки, способной удержать нос «Нового Кэйрда» на месте, пока

работает главный двигатель. До сих пор весь импульс шел от маневровых двигателей на корме. Однако Дина, которая через передний иллюминатор видела лицо Маркуса, заметила, что он что-то делает на сенсорном экране, служившем «Новому Кэйрду» панелью управления, и догадалась, что последует дальше.

Она открыла окно интерфейса управления системой ориентации «Имира» и обнаружила там совершенный бедлам: по всему осколку лихорадочно работали маневровые двигатели, подсвеченные тревожными иконками, рапортующими, что им не хватает топлива, или времени, или что сопло перегрето. Блок, куда только что врезался Маркус, мигал красным – это означало, что его соединение с системой вообще потеряно. Графики внизу экрана и трехмерная модель осколка в пространстве показывали, насколько они еще далеко от состояния, которого хотели достичь.

Она услышала небольшую симфонию из скрежета, скрипов и хлопков, и почувствовала, что корабль под ней поворачивается.

«Новый Кэйрд» на видео был залит белым сиянием – маршевый двигатель заработал на полную мощность. Графики ориентации показывали перемены в лучшую сторону.

– Неплохо, – прокомментировал Дзиро, – но мы развернемся дальше, чем нужно.

– Если я не ошибся со временем, то нет, – ответил Маркус. – Мы довернемся в нужном направлении как раз к моменту запуска двигателя в апогее. Уже потом – да, развернемся дальше. Но у нас хватит времени, чтобы это исправить.

Его слова были прерваны коротким восклицанием, за которым последовал глухой удар. Маркус выругался по-немецки, и связь отключилась.

Взглянув на видео, Дина обнаружила, что «Новый Кэйрд» отклонился куда-то в сторону. Пламя двигателя потухло.

Каркас, в который упирался «Новый Кэйрд», не выдержал мощи маршевого двигателя и сложился, так что корабль развернуло. Сейчас он лежал практически на боку, а между его корпусом и кормой «Имира» были зажаты сплюснутые остатки маневрового комплекса.

– Пошел какой-то газ, – негромко заметил Дзиро. – Или дым.

Он был прав. Глаз распознавал дым не сразу, поскольку в космосе он ведет себя не так, как в атмосфере и под воздействием тяжести. Однако что-то сейчас горело, или как минимум тлело, под самым корпусом «Нового Кэйрда», в каком-то метре от места, где находился Маркус.

– Горячее сопло маневровика проплавляет корпус, – сообщил Слава.

Маркус снова вышел на связь.

– Дзиро и Дина, приготовиться к запуску главного двигателя в апогее... – речь прервалась, у Маркуса сдавило горло, он начал кашлять. Когда он заговорил снова, тембр голоса был, словно он задыхается: – Через две минуты. Не отвлекаться, перейти к предстартовым процедурам. Вячеслав поможет мне решить мою проблемку.

Теперь Маркус кашлял уже непрерывно.

– Отбой, – выдавил он.

Нарушив приказ, Дина бросила взгляд на видео, показывающее нос «Нового Кэйрда». Маркуса в иллюминатор было уже не разглядеть. Только дым, и сквозь него – мигающее, яркое пламя пожара.

Осознание того, что происходит, ударило Дину в лоб, словно кирпичом. Из всех сил ухватившись за столешницу, она зажмурилась, почувствовала, как глаза наполняются горячей влагой, а ноздри – соплями.

– Дина, – сказал Дзиро. – Нужно запускать предстартовую проверку шнеков.

Она открыла глаза и обнаружила, что на месте контрольных окон плавают лишь мутные пятна.

– Если это имеет хоть какое-то значение, прошу тебя, приступай, – сказал Дзиро. Потом закрыл одной рукой микрофон своей гарнитуры, заглушая звук, и добавил: – Наверное, он нас слышит.

Дина вытянула руку и набрала команду.

– Шнек номер один, – объявила она. – Пошел! – и ударила по клавише ввода.

И так по всему списку. Чем дальше шла, тем легче ей давалось. Дзиро тем временем выполнял свою работу – аккуратно, тихо и деловито. Когда реактор вышел на полную мощность точно по расписанию, Дина не преминула об этом сообщить. Громко. На случай, если Маркус их слышит.

Только потом она перевела взгляд на видео. Ожидая увидеть место последнего упокоения Маркуса – заполненный ядовитым дымом склеп.

Но ничего этого там не оказалось – только раздавленный каркас и Вячеслав, который стоял, держась за него одной рукой, и вглядывался куда-то за корму. На заднем плане – расширяющееся облако пара размером с Манхэттен, выброшенное реактором Дзиро.

– Слава, – позвала Дина. – Где?..

– Отвалился, – ответил Слава. – Когда включился двигатель и мы стали ускоряться, «Новый Кэйрд» решил с нами не лететь.

– А потом?..

– Потом он попал в струю пара, и его отбросило еще дальше. Я уже

его почти не вижу.

– Ой.

– Дина?

– Что, Слава?

– Маркус был уже мертв.

– Походило бы на дурацкую комедию, если бы не трагизм события – и не серьезность его последствий, – сказала Джулия. Она никак не могла оторвать взгляд от закольцованного видео – последней передачи с «Нового Кэйрда» перед тем, как связь прервалась окончательно.

Собравшиеся вокруг нее в Белой Капле – как теперь стали называть неофициальную штаб-квартиру Джулии – закивали или забормотали в знак согласия. Несколько секунд назад пост о событиях на «Имире» появился в блоге Тава, и все только что его прочли.

Не кивала только Фекла, которую тем временем заинтересовала одна подробность. К стене капли синей изолянтной лентой был прилеплен листок бумаги с отпечатанной эмблемой президента Соединенных Штатов Америки. В мире существовало всего два принтера, и оба – на «Иzzi». Методом исключения выходило, что листок отпечатали на Старой Земле еще до Каменного Ливня, причем в устройстве уже заканчивались голубые чернила. На его долю выпала нелегкая судьба. В двух местах листок был порван и заклеен прозрачной лентой. Его складывали и мяли, потом тщательно разгладили. Края были разлохмачены – следы от предыдущего приклеивания. А на чистом пространстве в правом нижнем углу осталось смазанное коричневое пятно, овал размером примерно с подушечку большого пальца. Вообще-то Фекла не сомневалась, что это и есть отпечаток пальца, а чем дольше смотрела, тем больше убеждала себя в том, что коричневое вещество – кровь.

Она взглянула Джулии в глаза и обнаружила, что экс-президент и от нее ожидает какой-нибудь реакции. Но в отличие от большинства Фекла не испытывала ни малейшей потребности удовлетворять подобные ожидания. Джулия занервничала, отвела глаза и продолжила:

– Я вообще с трудом понимаю, в чем они пытаются нас убедить.

– Там все очень запутанно, – сказал один из ее адъютантов, молодой облачник с заметным американским акцентом. Он входил в число инженеров ЦМА. Тон должен был означать, что его смешат попытки руководства скормить ему подобные басни. – И вроде как завязано на то, что корпус оказался сделан фактически из пластика. Если его нагреть...

– Как пластиковая посуда на плите, это-то я понимаю, – кивнула

Джулия. – Плавится и воняет.

– «Новый Кэйрд» развернуло так, что корпус вошел в контакт с очень горячим соплом.

– Но согласно истории, которую нам излагают, Вячеслав выключил двигатель еще до того.

– Они очень долго не остывают. В общем, сопло расплавил корпус. Сначала должно было образоваться море ядовитого дыма. Одного этого хватило бы, чтобы его убить. Потом, когда корпус проплавился насквозь, весь воздух вышел через отверстие.

– Что ж, это ужасно – если все так и было на самом деле, – сказала Джулия и покосилась на Феклу, пытаясь прочесть в лице гостьи намек, что все было и *не так*.

Фекла вернула взгляд, в котором ничего было не прочесть.

– Спрашивается, до чего мы дошли, если приходится пускаться на столь безумные импровизации – сталкивая корабли между собой! – продолжала Джулия.

Снова одобрительные возгласы.

Джулия уже оседлала своего конька.

– Насколько я понимаю, проблема, несмотря на все, так и осталась нерешенной!

– Осталась решенной, – возразила Фекла. Она бегло говорила по-английски и вполне могла сказать: «Проблема была решена», но иногда для эффекта укорачивала фразу. Англоговорящим такая манера казалась загадочной и внушала уважение. Кроме того, это было неявной демонстрацией национальной гордости русских. Языком Облачного Ковчега по умолчанию стал английский. Было ясно, что это навсегда. Однако со временем он разовьется в особый диалект, и русские могут направить это развитие в удобную для себя сторону, если найдут способ вставлять свои слова и грамматические конструкции в повседневную речь. – Двигатель пущен, – добавила она.

– Но корабль продолжает неконтролируемо вращаться! – воскликнул парнишка-американец, который так гордился своим интеллектом.

– Вращение медленное, – ответила Фекла. – Нет проблем. Теперь перигей поднят, достаточно времени исправить.

– Как, как исправить? Маркус уничтожил три комплекта маневровых двигателей – *он в них врезался!* Это ж надо додуматься! Короче, их осталось только два. Это фундаментальный физический закон – нельзя двумя двигателями исправить вращение в трех измерениях!

– Спасибо, что объяснил фундаментальный закон, – откликнулась

Фекла. – Вращение можно погасить скошенным соплом.

Несколько секунд все озадаченно молчали. На лице одного из последователей Джулии – Цзянью, китайского каппи, мечтающего о полете на Марс, – забрезжило понимание. Фекла кивнула в его сторону:

– Вот он все потом объяснит. У меня здесь мало времени.

– Верно, Фекла, и мы крайне признательны, что у тебя вообще нашлось для нас время, – сказала Джулия.

Фекле так хотелось ее ударить, что у нее непроизвольно дернулась рука. Фразу Джулии, будь ее тон несколько другой, можно было бы принять и буквально. В действительности же ее следовало понимать как «меня цинично игнорируют, хотя кому-нибудь важному давно следовало бы нанести мне визит». Фекла чуть ли не физически чувствовала, как Джулия излучает подобный образ мыслей, заражая им каппи вокруг себя.

Как и почти все на Ковчеге, Фекла носила комбинезон с множеством отделений, внутренних и внешних карманов и так далее. В одном был нож с обоюдоострым лезвием в десять сантиметров. Достать им до сердца Джей-Би-Эф было бы совсем несложно. Фекла ненадолго отключилась от разговора, прикидывая, как с этим лучше управиться. Вряд ли Джулия ожидает откровенной попытки убийства – хотя с людьми подобного склада ума никогда не знаешь.

– Хотите сообщить о проблемах ССМ? Мы постоянно наблюдаем отключения.

Джулия с довольным видом поджала губы и взглянула на Спенсера Грайндстаффа.

– Впервые об этом слышу, – объявил тот.

Сообщение было встречено идеальной, мертвой тишиной. Фекла просто ждала продолжения. Скоро желание похвастаться возьмет верх. Ее профессиональная подготовка как разведчика была не слишком глубокой. Несколько вводных курсов, кое-какое обязательное чтение. Причина проста: для шпионки она была слишком заметной. Слишком соответствовала голливудским штампам. Настоящих разведчиков никто не замечает. Так что ее отчислили из программы и задействовали на таких ролях, где заметность была достоинством – скажем, на Олимпиаде. Но кое-какие основные принципы она запомнила. И знала, что одна-единственная страсть – бахвалиться собственными достижениями – выдала больше секретов и уничтожила больше карьер, чем что-либо еще.

Она посмотрела Грайндстаффу в глаза. В отличие от большинства людей, которые быстро отводят взгляд, этот, ухмыляясь, смотрел прямо на нее.

- С твоим опытом удивительно, – сказала Фекла.
- У всех свои программы и свои методы, – откликнулся он.
- Тогда я ограничусь тем, зачем прибыла, – сказала Фекла.

Джулия и Спенсер немедленно обменялись многозначительными взглядами.

Фекла сделала вид, будто не заметила:

– В целях безопасности нам необходимо иметь точную информацию, кто в какой капле. Некоторые любят перемещаться. Меняться местами. Мы понимаем. Пускай. Однако возникают проблемы с безопасностью. Например, в каплю попал метеорит, выходит воздух, а мы не знаем, сколько там людей, их медицинские особенности и так далее. Маленькому человеку нужно меньше воздуха, чем большому.

Джулия лишь кивала.

– Я прекрасно понимаю тебя, Фекла. От имени Содружества каппи должна признать, что здесь, на периферии, преобладает не слишком формальный взгляд на вещи. Ощущение, что власти на «Иzzi» нами пренебрегают, не может не вызывать определенной обиды. Самовольное перемещение между каплями каппи рассматривают как разновидность безобидного протеста. Однако при этом нетрудно упустить из виду вопросы безопасности, о которых ты говоришь. И это плохо. Однако я думаю, что причиной здесь является непонимание *истинного* уровня опасности, которой мы подвергаемся все то время...

– Все то время, пока находимся в грязном пространстве! – перебил ее Рави Кумар.

– Да, Рави, благодарю. Такое ощущение, что сегодня нам озвучивают одни цифры, завтра – совсем другие.

– Статистика, – пожала плечами Фекла.

– Да, нам это повторяют снова и снова, однако...

– Больше сейчас сказать не могу, – перебила ее Фекла и покосилась на небольшую видеокамеру, вмонтированную в корпус капли.

Джулия заметила ее взгляд и стрельнула глазами в сторону Спенсера.

– Фекла, минуту назад мы затронули вопрос Системы ситуационного мониторинга, и Спенсер повел себя не вполне серьезно – такое уж у него чувство юмора. Но я не вижу причины не признаться. Благодаря Спенсеру мы имеем возможность отключаться от ССМ, когда хотим просто побеседовать, не беспокоясь о том, кто еще может нас слышать. Сейчас – один из таких случаев. Все, что ты скажешь, не выйдет за пределы капли.

Фекла неторопливо обвела весь круг почитателей и зевак долгим панорамным взглядом, потом откровенно закатила глаза.

– Пусть все выйдут! – потребовала Джулия. – И ты тоже, Спенсер. Остаются Фекла и я.

– У вас слабая разведка, – сказала Фекла, когда остальные разбежались по хомячьим трубам в другие капли из гептады Джулии.

– Знаю, – согласилась Джулия. – Это так сложно – создать службу безопасности из ничего. Работать приходится с тем, что есть. Молодость, неопытность, степень открытости, к которой каппи привыкли, находясь в Интернете с младых ногтей, – все это прямо противоречит нашим потребностям. Потому-то мы и нуждаемся в опытных кадрах – в тех, кто обладает правильными инстинктами.

– Не только это, – заметила Фекла. – Это как раз очевидно.

– Да? – прищурилась Джулия. – Выходит, я упустила нечто не столь очевидное?

– Не следует доверять Зику Питерсену важную информацию, – объявила Фекла. – Другое дело, если вам нужно распространить дезинформацию, для этого он годится.

Айви, Зик и Фекла все обсудили заранее, и Зик сам охотно вызвался, чтобы Фекла сдала его как перебежчика. Лично Зику было все равно. Зато это очень помогло бы закрепить в сознании Джулии идею, что Фекла – ее главный агент в стане противника. По стандартам «холодной войны» гамбит был любительский и почти детский, но здесь была не «холодная война». Просто маленький городок с населением в полторы тысячи, бывший мэр которого затеял недоброе.

Джулия снова прищурилась и медленно кивнула. Ее явно увлекало происходящее.

– Я тоже в нем сомневалась, – протянула она. – Мне казалось, что он просто подыгрывает. Из чистой вежливости.

– Феклу вежливость мало волнует, – заметила Фекла.

Джулии это понравилось. Она подплыла поближе и легонько тронула Феклу за плечо.

– Это мне в тебе и нравится, Фекла. Ты ничего не скрываешь.

– Да. – Последовала несколько неловкая пауза, так что Фекла добавила: – Вы играете вдолгую. Нужно терпение.

– В известной степени, – согласилась Джулия, и тут ее взгляд и манеры резко переменились, лицо теперь было словно отлито из стали. – Но мы не можем терпеть слишком долго. Со смертью Маркуса все изменилось. До этого трагического события члены Содружества каппи могли ожидать, что на Ковчег вернется сильный лидер. Айви его лишь замещала. Ее недостатки не имели особого значения. Теперь все в рое осознают, что

Маркус не вернется. Вся полнота власти снова у Айви. Сал отыщет в конституции какие-нибудь мутные статьи, легитимизирующие ее статус. Однако истинная легитимность правителя происходит только из народной поддержки. Айви будет принимать меры, чтобы укрепить свою позицию. Именно в такие моменты небольшие, чисто символические жесты способны вызвать существенные перемены. Именно поэтому, Фекла, следующие несколько дней для нас так важны. Быть может, миссия «Имира» окажется успешной, быть может, нет. Мы не можем позволить себе ждать. Подготовка идет полным ходом. Через три дня капли начнут отделяться от Облачного Ковчега и отправятся в историческое путешествие на более высокую орбиту. Власти опасаются перехода к стратегии «чистого роя», поскольку для них она означает утрату контроля. Однако Содружеству каппи, которые устали скрываться за неэффективным щитом, наблюдая, как Каменный Ливень выбивает одну каплю за другой, подобные страхи неведомы!

– Отколовшаяся группировка докажет жизнеспособность, это будет означать, что прогнозы регуляров лживы, – кивнула Фекла. – Тогда центральная власть рухнет.

– И впервые за все время конституция Облачного Ковчега действительно вступит в силу, – подтвердила Джулия, – какую бы софистику ни разводили сейчас апологеты вроде Сала Гуодяна. Я уверена, Фекла, тебе известно, что конституция предполагает формирование сил безопасности. Не наскоро сколоченную Маркусом преторианскую гвардию, а настоящие силы. И лучшего кандидата, чем ты, на роль их главы я не вижу.

– Заглотила вместе с поплавком, – ухмыльнулся Спенсер Грайндстафф. Вместе с Джулией они наблюдали, как эмка Феклы под пулеметные очереди двигателей отдаляется прочь.

– О да, она, конечно же, купилась, – согласилась Джулия, – но мне все же не по душе твой, Спенсер, триумфальный тон. Мы только что убедились, что Айви – серьезный противник. Ей каким-то образом удастся привлечь на свою сторону даже таких, как Фекла. И они уже разработали достаточно сложную стратегию внедрения в наши ряды.

– Ничего особенно сложного, – пожал плечами Грайндстафф. – На самом деле все довольно прозрачно.

– Тебе хорошо говорить, – возразила Джулия, – если учесть, что в «банане» у тебя жучок и мы знаем обо всех их планах. А если без этого, Спенсер, – как ты думаешь, раскусили бы мы ее? По-моему, она играет

просто великолепно.

– Вы бы с ней поосторожней. Она вас ненавидит. И наверняка носит с собой оружие.

– Как и я – благодаря Питу Старлингу.

Расстегнув сумочку, Джулия вытащила оттуда небольшой револьвер – ровно настолько, чтобы Спенсер рассмотрел рукоятку – и снова сунула обратно.

– Понимаю, что это может прозвучать обидно, – заметил Спенсер, – но я должен напомнить о последствиях стрельбы на космическом аппарате.

– Тут не на что обижаться. Я эти последствия видела своими глазами. И знаешь что? Воздух выходит не так уж и быстро. И еще мне сказали, что пули у этого оружия такой конструкции, что они при попадании раскрываются и, как правило, не покидают тела.

– Звучит неплохо, – согласился Спенсер, – при условии, что они попадут в тело.

– Если дело дойдет до схватки с Феклой, я не промахнусь, – успокоила его Джулия.

Дине хотелось лишь спать. С того момента, как «Новый Кэйрд» отстыковался от «Иzzi», ей ни разу не удалось проспать больше четырех часов подряд, а в последние сутки с небольшим и того не выходило. Как ни странно, выспаться ей хотелось, чтобы можно было оплакать Маркуса. Она знала, что Маркус мертв – но не чувствовала. И не почувствует, пока один кризис непрерывно сменяется другим.

Запуск отработал штатно. Высота перигея «Имира» поднялась настолько, что атмосфера для него отныне угрозы не представляет. Но корабль продолжал вращаться, пусть и медленно. А Слава все еще бродил снаружи с «хватами» на ногах.

Слава вышел в космос через шлюз «Нового Кэйрда» – этого корабля у них больше не было. Ресурсы его скафандра были на исходе. Ему нужно было попасть в командный модуль, прежде чем кончится воздух. Это можно было сделать через другой шлюз, встроенный в «нос» погруженного в лед командного модуля рядом со стыковочным узлом. Пройдя через шлюз, Слава оказался бы на верхнем этаже командного модуля и смог бы дышать тем же воздухом, что и остальные. Однако он принял меры предосторожности, сперва обследовав себя «инспектром», и обнаружил, что от нескольких участков скафандра исходит сильная радиация, в первом приближении – от тех, которыми он касался поверхности осколка.

– Меня это беспокоило с самого начала, – сказал Дзиро, – но сделать

тут было нечего.

– Что именно тебя беспокоило? – спросила Дина. – Я думала, поверхность относительно чистая.

– Была чистой, – поправил ее Дзиро, – до запуска в перигее. Мы шли соплом вперед. Часть пара сдуло обратно ветром, поскольку мы в этот момент проходили через атмосферу. Он прилип к поверхности и замерз. Теперь радиоактивные частицы от неисправного стержня разбросаны по всему «Имиру». И некоторые попали Славе на скафандр.

– Он должен срочно его снять!

– Большую часть бета-излучения скафандр блокирует, – пожал плечами Дзиро.

– Я имела в виду – снять, пока не кончился кислород.

– Верно.

– Для этого он должен войти внутрь.

– Тоже верно.

– И он принесет с собой радиацию.

– Ей потребуется несколько недель, чтобы нас убить. К тому времени мы успеем завершить миссию. Если, конечно, справимся.

В конце концов они придумали способ, при котором умирать было необязательно. Лестничный проем, который вел с верхнего этажа, заклеили пластиком. Перед этим отнесли на верхний этаж достаточно пищи, воды и туалетных принадлежностей, а также спальный мешок и прочее, что могло понадобиться Вячеславу. Слава прошел через шлюз, когда у него оставалось всего несколько минут, и, выбравшись из скафандра, сразу сунул его обратно в шлюзовую камеру, которая должна была блокировать большую часть беты. Затем полностью разделся и несколько раз обтерся с ног до головы влажными салфетками, которые вместе с одеждой тоже забросил в шлюзовую камеру и захлопнул люк.

Потом его вырвало.

Верхний этаж командного модуля вместе со Славой, который там находится, считался теперь зараженной зоной, но им туда и не было нужно. Дзиро и Дине предстояло оставаться на нижних этажах, которые от Вячеслава и от заражения отделяет кусок пластика, пока они не достигнут «Иззи» или не умрут. Все этажи были связаны между собой единой системой вентиляции, но в ней имелся комплект фильтров, которые, как они надеялись, задержат плавающие в воздухе радиоактивные частицы.

Обеспечив все это, они выключили свет и легли спать. Дина проспала свой будильник и когда наконец проснулась, обнаружила, что вырубалась на двенадцать часов.

Ее первой мыслью было – а где Маркус? Потом она резко вспомнила, что его нет. Словно ей дали звонкую пощечину. Дальше пришла скорбь. А следом – сильный страх, такого она вообще почти не чувствовала с самого Ноля. Не внезапный испуг, какой бывает во время рискованных приключений вроде полета через перигей, и не холодный интеллектуальный ужас, не покидающий их с тех пор, как Дюб предсказал Каменный Ливень. Нет, это была клиническая паника, родная сестра депрессии. Такую может испытывать ребенок, которому сказали, что он осиротел. Не столько даже ребенок – скорее подросток, старший из детей, который теперь отвечает за них всех. Маркуса больше нет. Ношу, которую он взвалил на себя, предстоит нести остальным. И многие из тех, кому она достанется – вероятней всего, именно те, кто с наибольшим удовольствием занял бы место Маркуса, – начнут совершать ошибки. Как бы Дина ни страдала оттого, что больше не увидит Маркуса и не окажется в его объятиях, свернуться в позу эмбриона ей хотелось сейчас потому, что она знала – ношу теперь нести ей. Ей, Айви, Дюбу и другим, кому можно доверять.

Она «поднялась» в кают-компанию. Дзиро, как обычно, задумался над загадочными графиками на экране своего компьютера, их крошечные отражения можно было разглядеть в его бифокальных очках. За год, который Дзиро провел в космосе, у него поменялись диоптрии, так что он стал первым клиентом автомата по шлифовке оптических стекол, который прислали на «Иzzi» с Земли. Без этого автомата значительная часть населения Облачного Ковчега постепенно утратила бы работоспособность по мере того, как их очки разобьются или развалятся от старости. Автомат был армейский и потому производил очки одного-единственного стиля. Через несколько лет все очкарики будут носить именно такие. Любопытно, сколько десятилетий – или веков – пройдет до того, когда население вырастет, а экономика разовьется настолько, что магазины оптики снова начнут предлагать оправы различных фасонов?

Дзиро посмотрел на нее сквозь смутные отражения.

– Решил дать тебе выспаться. Насколько я могу судить, роботы в порядке. Тебе все равно нечего делать, пока я не закончу расчеты.

– И что тогда?

– Надо будет погасить остатки вращения, – ответил Дзиро, – а потом выполнять оставшиеся для торможения запуски.

В этой части для Дины все было ясно. «Имир» перешел на безопасную орбиту, в ближайшее время упасть ему не грозит. Но летит он по-прежнему слишком быстро и слишком высоко. Нужно выполнить заключительные

пункты первоначального плана, то есть один или два запуска на торможение при проходе через перигей, чтобы «Имир» замедлился для сближения с «Иzzi». Для этого нужно снова развернуть его соплом вперед и оставить в этом положении.

– А как сильно повреждены...

– Уничтожены, – сразу ответил Дзиро. – Осталось только два.

Оба говорили про вмороженные в лед маневровые комплексы, которыми в нормальных обстоятельствах развернули бы осколок.

– Но тут ничего не поделать. Так было нужно, – сразу добавил Дзиро, словно беспокоясь, что Дина услышит в его словах критику решения, принятого погибшим командиром.

– Может быть, попросить еще у...

Дзиро кивнул.

– Они могли бы снарядить ЦМА, который отправится к нам и поможет решить проблему. Если мой план не сработает. Однако наша радиосвязь потеряна вместе с «Новым Кэйрдом», так что сами мы об этом попросить не сможем.

– А какой у тебя план?

– Твои роботы могли бы изменить форму колокола, – Дзиро вытянул к потолку ладонь, раскрытую, словно плоская лопасть, потом слегка согнул пальцы, придав ей иные очертания. – Сделать его асимметричным.

– Вроде скошенного сопла?

– Совершенно верно. Когда мы запустим главный двигатель, он даст нам тангенциальный импульс. При правильном направлении скоса мы получим огромное количество контроля.

– Может быть, даже слишком много, – возразила Дина. – Нас станет вращать в обратную сторону.

– Не все сразу, – сказал Дзиро. – Скашиваем сопло, проводим небольшую коррекцию, скашиваем в другую сторону, гасим вращение. Скорее всего, потребуются несколько попыток. Но это возможно. Я уже все промоделировал.

Дина заняла место перед триптихом из плоских экранов и принялась открывать окна, проверяя, чем там занят ее зверинец. Кто-то из роботов загорал снаружи, подзаряжаясь, кто-то подпитывался от реакторов, кто-то добывал топливо для следующего запуска, кто-то трудился над соплом. Последней группой, большей частью состоящей из «вьев», управляла программа контроля формы сопла. До сих пор асимметрия сопла, направляющая импульс под углом, была нежелательной проблемой, а не полезным конструктивным изменением. Дзиро отправил Дине схемы,

изображавшие желаемую форму. Как ни удивительно, изменения требовались совсем незначительные. Двигатель настолько мощный, что даже слабая тангенциальная составляющая импульса способна на многое.

– Сколько до перигея? – спросила она.

– Мы только что его прошли. Следующий примерно через восемь часов.

Важнейшей обязанностью командующего Облачным Ковчегом – настолько важной, что Маркус, передавая бразды правления Айви, даже отступил от собственных принципов, назвав ее «священной» – было постоянное наблюдение за Прогнозом болидов: потоком информации, синтезированной на основе данных радаров дальнего наблюдения и оптических телескопов «Иззи». Организацией Прогноза и поддержкой оборудования, поставлявшего для него данные, занималось непропорционально большое количество регуляров. Поток данных был непрерывным, поэтому для того, чтобы кто-то вроде Маркуса или Айви мог им воспользоваться, его делили на отдельные рапорты, которые они видели на экране через регулярные промежутки времени. В конце каждой смены, в точка-ноль, точка-восемь и точка-шестнадцать, появлялся Восемичасовой прогноз болидов. Один из них Айви читала, проснувшись, другой – в середине рабочего дня, и третий – перед сном. В каждом содержались все известные данные о болидах, которые могли оказаться поблизости в ближайшие восемь часов, а также маневры, рекомендуемые Облачному Ковчегу, чтобы уклониться от столкновения. Как правило, для этого требовалось несколько небольших запусков двигателей в сутки. По умолчанию использовался режим «всегда да», означавший, что требуемый маневр будет в автоматическом режиме распространен «Параматрицей» по всему рюю, а затем выполнен, если только командующий его не отменит. Отмена требовалась в единственном случае – если угрожали два камня одновременно и между ними приходилось выбирать. За время Каменного Ливня такое случилось дважды, однако еще до того ситуацию добрую сотню раз отработали в моделях и на учениях. Основной задачей было не загнать никого в угол.

За восемь часов до его появления можно обнаружить только довольно крупный болид. Мелкие появлялись постоянно, радары обнаруживали их за несколько минут, а то и секунд, до возможного столкновения. Соответственно, в конце каждого часа система генерировала рапорты поменьше, в них перечислялись все заслуживающие внимания камни, выявленные за последние шестьдесят минут. Туда попадало почти все, так

что командующий – или выполняющий соответствующие функции, пока командующий спит – мог выполнять свои обязанности, касающиеся Прогноза болидов, просто бросая каждый час все остальные дела, чтобы прочитать очередной рапорт. Однако время от времени появлялись камни, известные как «падающие звезды» или «торпеды» – они приходили неожиданно, с необычных направлений или на очень большой скорости. В этом случае командующего оповещали немедленно, чтобы объявить тревогу и принять срочные меры по уклонению от угрозы. Торпедная тревога представляла собой нечто среднее между сиреной, оповещающей городки Среднего Запада о надвигающемся торнадо, и Красной тревогой из «Звездного пути». По ней будили всех спящих; персонал, чье присутствие в больших торах, считавшихся наиболее уязвимыми, не было жизненно необходимо, эвакуировался оттуда; люки между секциями задраивались на случай пробоин. Аналогичные меры принимали и каппи. Капли были, разумеется, уязвимей для болидов, но и маневренней. Когда падающая звезда приближалась и ее орбитальные параметры можно было определить с большей точностью, данные попадали в «Параматрицу». Она определяла капли, находящиеся под угрозой, и вычисляла общее для них решение, что позволяло каждой переместиться на безопасную траекторию, ни в кого при этом не врезавшись. В среднем подобное происходило один-два раза в сутки, но дьявол, как всегда, таился в статистических деталях. Как-то раз три дня подряд не было ни единой торпеды. В другой раз за двенадцать часов их появилось пять. Первый случай вызвал в спейсбуке волну дискуссий, сводившихся к тому, что власти переоценивают угрозу, чтобы запугать каппи и склонить их к подчинению; результатом второго явился весьма популярный пост в блоге Тавистока Прауза, требующий регулярных ответов за вопиющую некомпетентность.

После очередной такой тревоги Айви, расчищая рабочий стол компьютера от последствий разбора полетов, наткнулась на совсем свежий пост Тава: интервью с Ульрикой Эк.

– Ульрике следовало бы побольше знать о блогерах, – сказала Айви, закончив читать, и покачала головой: – Казалось бы, кому, как не ей... она ведь училась пиару!

Замечания были озвучены «банану», который последние несколько минут постепенно наполнялся заново – возвращались те, кто занял свои посты во время Торпедной тревоги. Последней прибыла Фекла, с собой она привела Тома Ван Митера и других членов подразделения безопасности Маркуса. Луиза и Сал уже были на месте. Дюб только что прислал эсэмэску с извинениями, поскольку ему требовалось обработать данные по

последнему происшествию.

– Вероятно, она просто расслабилась, – предположила Луиза, – полагая, что это всего лишь неформальная беседа.

– Ты тоже успела прочитать?

– Просмотрела.

– Это о чем? – потребовала Фекла.

– Ульрика сделала несколько неосторожных замечаний о теории роя, а Тав раздул из них сенсацию, – объяснила Айви.

– И что бы ты хотела предпринять по этому поводу, если хотела, конечно? – спросил Сал.

– Ничего, – ответила Айви. – Слушайте, чем дольше продолжается эпопея с «Имиром», тем больше люди нервничают насчет «долгой поездки». Каждая падающая звезда чуть-чуть, но прибавляет к этому беспокойству. Ну, с «Имиром» либо получится, либо нет. Если не получится, особого выбора все равно не останется – только «бросить все и бежать».

Сал кивнул:

– Но если получится, общий образ мыслей резко переменится.

Теперь кивнула Айви:

– Ага. И моя уверенность, что получится, растет. Даже если гамбит со скошенным соплом не удастся, остается запасной вариант с посылкой ЦМА. Думаю, успешная встреча с «Имиром» состоится примерно через неделю, и можно будет готовиться к «долгой поездке».

Айви жестом пригласила всех занять места вокруг стола.

– И это напоминает мне о теме нынешнего совещания, – продолжила она. – Нам известно, в чем состоит план Джей-Би-Эф. Она вербует каппи, готовых отправиться в самостоятельное путешествие. Надо полагать, в общих чертах схема сводится к тому, чтобы накопить в нескольких каплях на месяц-другой припасов. По сигналу они оторвутся от «Иzzi», запустят двигатели и перейдут на более высокую орбиту. Таковую, которой нам не достичь без существенного расхода топлива. В чем заключается долговременный план, да и есть ли у них такой план, мы не знаем. Похоже, Джулия просто ставит на то, что первопроходцы протянут достаточно долго и отправят сообщение: «Ребята, давайте к нам, вода теплая!», а это побудит остальных последовать их примеру. Они прекрасно знают, что погоня невозможна. При текущем положении вещей членство в Облачном Ковчеге фактически является добровольным.

– Я так понимаю, ты рассчитываешь его изменить, – сухо поинтересовалась Луиза, окинув взглядом Феклу и ее отряд.

– Чтобы бежать, надо предварительно накопить существенное количество важных припасов, – ответила Айви. – Мы не можем позволить, чтобы каждый тащил с наших складов все, что захочет. А у нас есть четкие свидетельства, что именно это и происходит. Спейсбук забит сообщениями о том, где можно разжиться коробкой батареек или картриджами поглотителей. Таким образом, наш подход будет очень прост. Самых серьезных нарушителей, собравших кучу нелегальных припасов, мы определили. Через час я сделаю объявление, в котором напому, что сказано в конституции Облачного Ковчега о хищении общественной собственности, и объявлю двадцатичетырехчасовую амнистию, в течение которой каждый может добровольно сдать награбленное. Как только этот срок истечет, Фекла и ее команда отправятся в каплю, которая, как мы знаем, превратилась в склад контрабанды, и наведет там порядок. Затем за дело возьмется Сал в роли прокурора и назначит соответствующее наказание.

– Можно ли посадить в тюрьму людей, которые и так сидят по консервным банкам? – спросила Луиза. – И как их оштрафовать, учитывая, что у нас нет денег?

– Решения придется находить по мере необходимости, – сказал Сал. Фекла смерила его взглядом и провела пальцем себе по горлу.

– Что ж, похоже, они все решили, – заметила Джулия.

Вместе со Спенсером она плавала посередине Белой Капли. Рядом с ними дрейфовал ноутбук, его динамики передавали звук из «банана». Было слышно, что общее собрание завершилось и участники постепенно расходятся. Спенсер подтянул ноутбук поближе и несколько раз нажал на клавишу, заглушая звук.

– Как я и говорил: вместе с поплавком.

– Разве что, – проговорила Джулия, – они откуда-то узнали, что мы прослушиваем «банан», и это было лишь отрепетированной радиопьесой, поставленной специально для нас.

Спенсер довольно ухмыльнулся:

– Вот *это*, я понимаю, мания преследования. Я-то думал, это я здесь параноик, однако...

– Шучу, шучу, – перебила его Джулия чуть поспешней, чем нужно. – Однако, Спенсер, нам следует действовать. Думаю, мы имеем полное право принять все услышанное нами всерьез. Как следствие, я тоже хотела бы объявить марсианам хорошие новости. Они готовы?

– Да, ждут, – ответил Спенсер и набрал текстовое сообщение, чтобы их

вызвать.

Поскольку всем марсианам пришлось входить через одну и ту же хомячью трубу, потребовалось некоторое время, прежде чем ядро первой в истории человечества экспедиции на Красную планету собралось в полном составе: доктор Кэтрин Куин, чью роль описывать не было нужды, Рави Кумар, командир экспедиции, Ли Цзянью, главный научный эксперт, и Пол Фрил, американский специалист по ЦМА, главный инженер. Они, как и еще два десятка каппи, ожидающих в других каплях, поклялись, что не проведут остаток дней в жестяных банках, а ступят на поверхность Марса или погибнут. Следом в капле появились несколько «сотрудников» Джулии.

Джулия открыла собрание коротким приветствием, за ним последовало торжественное заявление, что полет на Марс состоится в ближайшее время. Когда взрыв энтузиазма и череда объятий в невесомости наконец сменились неловким молчанием, она обратилась к Полу Фрилу:

– Пол, я уверена, что ты сообщил остальным последние новости за то время, которое я, увы, заставила вас прождать, но я бы тоже хотела сейчас услышать, что у нас происходит с ЦМА.

– Разумеется, госпожа президент. Как вы знаете, они сейчас пытаются стабилизировать «Имир»...

– Конструкцией из ледяных скульптур в стиле Руба Гольдберга. Да, мне это известно.

Пол рассмеялся, обнажив десны:

– Неудивительно, что власти нервничают и нам с самого верху поступило распоряжение привести в действие резервный план, чтобы при необходимости вытащить «Имир» из той задницы, в которой он оказался. Что ж, с точки зрения марсиан ничего лучше попросту не придумать! Вы все знаете, что миссия планировалась не один год. После Ноля я продолжал над ней работать в качестве побочного проекта программы ЦМА, нам даже удалось всунуть ее в список прецедентов.

– Прецедентов?

– Гипотетических сценариев, в которых когда-либо могли бы быть задействованы комплекты ЦМА, – объяснил Спенсер.

– Фактически это дало нам возможность включить в ЦМА кое-какие компоненты, наподобие посадочных двигателей или аэродинамических материалов, которые там никак иначе не оказались бы, – продолжал Пол. – Так что разработать конструкцию для «Красного Бродяги» оказалось проще простого.

– Для «Красного Бродяги»?

– Да, мы остановились на этом названии.

– Я бы скорее предложила что-нибудь, несколько более явно указывающее на высокую цель экспедиции, – удивилась Джулия. – «Первопроходец» или что-то в этом роде.

Снова неловкое молчание, на этот раз прерванное Камилой:

– Я подготовлю список вариантов и сразу же отправлю его вам, госпожа президент.

– Спасибо, Камила. Понимаешь, Пол, символическое значение экспедиции ничуть не менее важно, чем научное, и нам нужно дать остальным каппи четкий месседж, который их воодушевит, чтобы за вами последовать.

– Разумеется! Считайте, что пока это рабочее название, – согласился Пол. – Кодовое имя.

– Оно и как кодовое не очень-то годится, – указал Спенсер, – поскольку любой может догадаться...

– Не будем отвлекаться, – перебила его Джулия. – Пол, ты говорил о разработке конструкции.

– Она завершена. На все ушел всего человеко-день. Потребовалось лишь внести в существующий прецедент кое-какие изменения в соответствии с наличными запасами и материалами.

– Отлично.

– Но конструкция – не сам корабль, – продолжал Пол, – и еще два дня назад было бы чертовски нелегко соорудить для него двигательную установку, не разгневав Айви.

– Подобная угроза может напугать лишь того, кто испытывает к ее власти почтение, совершенно ею не заслуженное, – заметила Джулия суровым тоном, уместным только в устах того, кто недавно использовал ядерное оружие по живым мишеням.

Пол снова хохотнул.

– Ну, вы же понимаете, что я имел в виду – мы тут живем словно в аквариуме, всем все видно. Представьте же себе мою ухмылку, когда поступил приказ на постройку для экспедиции «Имира» спасательного ЦМА.

– У него аналогичная конструкция?

– Достаточно близкая. Маршевый двигатель тот же самый. Маневровые двигатели, системы управления и поддержки жизнеобеспечения – все стандартное, не меняется от прецедента к прецеденту, надо только задать в коде нужные параметры. Просто переписать файл конфигурации, и все!

Заметив, что Джулия вряд ли в курсе, что такое конфигурационный

файл, Спенсер добавил:

– Фактически они могут, так сказать, загрузить ДНК «Красного Бродяги», или как он там будет называться, в спасательный аппарат для «Имира» просто несколькими нажатиями клавиш.

Джулия, которую это объяснение вполне удовлетворило, спросила:

– Что у нас с каплями? С гептадой и триадой?

– Ну, это сами по себе полнофункциональные космические аппараты. В них более чем достаточно места для двадцати четырех марсиан вместе с витаминами, – Пол обвел рукой мешки с провизией и прочими припасами, которыми была забита почти вся Белая Капля.

– Да, – согласилась Джулия, – однако критической частью задачи станет перевести их с обычных позиций в рое – в которых они не вызывают у «Параматрицы» особого интереса – к двигательному комплексу, который вы сейчас собираете. Нас же в процессе живьем сожрут, разве не так?

Улыбка на лице Пола несколько подзастыла.

– Ну, попробовать-то все равно придется, – протянул он.

– У меня есть вариант, – сказал Спенсер Грайндстафф. – Думаю, мы сможем все проверить. Для этого нам просто нужна Торпедная тревога. Завтра она как раз и случится.

– Откуда ты знаешь, что завтра будет Торпедная тревога?

– Она всего лишь определенная комбинация нулей и единиц, – пояснил Спенсер.

Дине нередко снился Марс.

Она разрабатывала астероиды, а отдаленной и не слишком приветливой Красной планетой никогда особо не интересовалась. Политика космических исследований требовала выказывать скепсис, если не открытое презрение, к идеям терраформирования Марса. Колонизаторы Красной планеты оттягивали внимание и финансы от разработчиков астероидов, которые хотели строить из сравнительно легкодоступных ресурсов более пригодные для людей сооружения – космические колонии, где вращение обеспечит полную силу тяжести, а воды и свежего воздуха будет вдоволь.

В любом случае на два года все это было безнадежно забыто. Но Марс ей сниться не перестал, и даже начал проникать в ее мысли в минуты дневного отдыха. С тех пор как она в последний раз ступала по поверхности планеты, поднимала к небу глаза, видела горизонт, прошло почти три года. Умом Дина понимала, что до самой смерти, которая рано или поздно наступит, такой возможности у нее не появится. Она, как и все население Облачного Ковчега, проведет остаток жизни в помещениях,

напоминающих бомбоубежище, больничную палату, в лучшем случае – лабораторию. Все, на что можно надеяться – взгляд в небольшое окошко на звездное небо. В прошлом вид сине-бело-зеленой Земли привлекал внимание и успокаивал. На рыже-огненный шар, вокруг которого они теперь обращались, большинство старалось не смотреть. Вернуться туда было невозможно в принципе. Единственной, пусть и совершенно непрактичной надеждой для тех, кто хотел бы перед смертью от старости прогуляться по твердой почве, был Марс. Об этом говорили в спейсбуке и в некоторых блогах, расцветших в последнее время в миниатюрном Интернете Облачного Ковчега. Пока утрата «Нового Кэйрда» не разорвала связь между «Имиром» и Ковчегом, кое-какие записи доползали и до планшета Дины, и она их читала в редкие свободные минуты.

Теперь, во всяком случае, свободные минуты у нее действительно появились. Они с интервалом в двадцать четыре часа выполнили два запуска при разной конфигурации ледяного сопла: сооруженной «вьями» скошенной губы, почти незаметно выступающей за кормовую поверхность осколка и способной слегка изогнуть потоки пара. Первый запуск сообщил им вращение в требуемом направлении, хотя «вращение» – слово слишком громкое для разворота, на который ушли почти сутки. За это время «вьи» перенесли лагерь на противоположную сторону сопла, построив губу и там. Соответственно второй запуск остановил вращение, начатое первым. Теперь ориентация была близка к нужной, оставалось лишь чуть-чуть подправить ее маневровыми двигателями.

На подходе был очередной перигей. Сопло было направлено куда нужно, то есть вперед, что вновь превратило ядерный реактор в мощный тормозной двигатель. Роботы внутри осколка продолжали его раскапывать, формируя подобную грецкому ореху структуру, которая, согласно инженерному симулятору, позволит всему этому не рассыпаться во время последней серии маневров. Бункеры ломались ото льда, новый лед мог быть подан туда в любой момент, к тому же они наконец отладили систему, и она работала без сбоев. Один из уроков заключался в том, чтобы не пытаться сделать все сразу. Лучше всего не торопиться, поставить себе целью разумную *дельту-вэ*, выполнить запуск и зафиксировать его результат, потом оценить ситуацию и не спеша готовиться к следующему запуску. Как следствие, встреча с «Иззи» теперь должна была произойти заметно позднее, чем планировалось изначально, и почти с каждым разом откладывалась все дальше и дальше. Но одновременно росла и уверенность, что встреча все-таки состоится, если не произойдет ничего совсем уж непредвиденного, и эта уверенность сказывалась на мыслях

Дины. Роботы теперь были почти целиком на автопилоте, и ей иногда делалось скучно. Можно было поговорить с Вячеславом, отделенным от них пластиковой стеной, но тот не слишком хотел общаться. Дзиро работал почти круглосуточно и последнее время выглядел уставшим. Дина изыскивала предлоги, чтобы проплыть у него за спиной и через плечо взглянуть на экран. Что он там делает – раскладывает «Косынку»? Выполняет расчеты по орбитальной механике? Пишет мемуары? Нет, большую часть времени перед ним были видео каких-то неизвестных ей машин. Методом исключения выходило, что они находятся у самой активной зоны реактора.

В полу «нижнего» этажа, через три пролета «под ними», имелся люк, который давал доступ к уходящему в толщу льда тоннелю. На другом конце тоннеля был аналогичный люк, а за ним – то, что на океанском корабле Старой Земли называлось бы «кочегаркой». В комнатухе находились панель управления и контактные порты, ведущие к реактору, от которого ее отделяла стена толщиной в несколько метров. Она защищала от радиации, во всяком случае, теоретически. Однако отправить вместе с поспешно снаряжаемой экспедицией «Имира» по-настоящему массивный кусок свинца было нереально, так что при запуске реактора кочегарку заливали потоки нейтронов и гамма-лучей. Детекторы радиации, которые Шон и его команда оставили там, прежде чем насовсем закрыть люк, не оставляли места сомнениям. Внутри был суший ад. К счастью, все размещенные там системы управлялись дистанционно, так что нужды спускаться по тоннелю и открывать люк не было.

Согласно приборам, они снова приближались к перигею. Дзиро при участии Дины выполнил предпоследний согласно их надеждам запуск главного двигателя. Времени потребовалось больше, чем ожидал Дзиро, но вроде бы все получилось. «Имир» уже почти полностью погасил излишек скорости. Его орбита в апогее была лишь на несколько сот километров выше, чем у «Иззи». Несмотря на понесенные роботами потери – они изнашивались, ломались или становились жертвами радиации, – их хватало, чтобы наполнить бункеры для последнего серьезного запуска, который по расчетам предстоял в перигее через несколько часов.

– Если все твои роботы на местах, – сказал Дзиро, – я хотел бы показать тебе, как управляют двигателем.

Дина выросла в шахтерских поселках, где мужчины постарше иногда развлекали ее, да и сами развлекались, обучая ее управлению тяжелой техникой, работе с динамитом, пилотированию самолетов и тому подобному. Так что сперва предложение Дзиро ее не удивило. Учить людей

тому, как что-то делается, помимо прочего еще средство от скуки. Однако в течение последующего часа ей понемногу становилось все ясней – Дзиро и в самом деле ожидает, что при этом запуске реактором будет управлять она. Может быть, все дело в языковом барьере? Однако английским Дзиро владел неплохо – и при этом раз за разом говорил что-нибудь вроде «ты должна будешь внимательно следить за этой термопарой» или «может статься, ты обнаружишь в этом клапане вибрацию».

– Если на отметке тридцать секунд ты от меня ничего не услышишь, – сказал он наконец в какой-то момент, – значит, будешь справляться самостоятельно. Тогда заглушай реактор, исходя из наблюдаемой *дельты*-вэ.

– Почему я от тебя ничего не услышу? – спросила Дина. – Где это ты будешь?

– В кочегарке, – ответил Дзиро.

– Зачем тебе туда?

– Часть оборудования, поднимающего стержни поглотителей, не отвечает, – сказал он. – Думаю, электроника повреждена радиацией. Это не страшно, у нас есть запасные блоки. Но их придется установить вручную.

– И для этого ты туда собрался?

– Да, – подтвердил Дзиро. – Там я и останусь.

– Здесь пусто со всех точек зрения, – доложила Фекла Айви по зашифрованному каналу голосовой связи. – Людей нет. Запасов тоже.

Последние десять минут она вместе с Томом Ван Митером и Болор-Эрден под надзором Сала Гуодяна обыскивала Каплю-98 от передней двери до самой бойлерной. Они прибыли на эмке, пристыковались и попали внутрь без каких-либо происшествий. Первым вошел Сал с планшетом в руках. На экране планшета был ордер на обыск, выписанный в соответствии с конституцией Облачного Ковчега – впервые в истории. Сал был готов предъявить ордер первому, кто этого потребует. Однако его никто не встретил.

Затем вошли Фекла, Том и Бо. На них была импровизированная униформа – позаимствованные из спасательных комплектов оранжевые жилеты, предназначенные для Земли, а здесь совершенно ненужные. Пока не сошьют что-нибудь другое, жилеты годились в качестве полицейских мундиров. Если повезет, особой *потребности* в полицейской форме никогда и не возникнет. Но Айви вполне определенно заявила, а члены ее импровизированного совета согласились, что раз уж по существу они проводят полицейскую операцию, то не имеют права маскировать ее под

дружеский визит. Конституция должна исполняться четко, в противном случае это просто набор слов.

– Можете снова подключить ее к ССМ? – спросила Айви по связи. – Хочу сама посмотреть.

– Я сейчас все перезагружу, – ответил Сал, устраиваясь в пилотском кресле. – Но это будет зависеть от того, что сделал Спенсер – ввел временную команду или вообще все испортил.

Он пошарил рукой позади контрольной панели, нащупал штекер, выдернул его из гнезда и вставил обратно.

– Мы ожидали найти здесь невозобновляемых запасов на десять человек, – сказала Айви. Она имела в виду не пищу как таковую (ее можно было вырастить между внутренним и внешним корпусом капли) и не воздух (который очищался системой жизнеобеспечения), а предметы помельче, такие, как туалетные принадлежности, витамины, лекарства и более экзотические продукты питания. – Мы исходили из косвенных свидетельств – объема пропаж, полетов эмок и выходов в открытый космос, связанных с этой каплей. Мы с самого начала знали, что количество – лишь оценка. Однако не найти ничего... это странно.

– Хуже чем странно, – откликнулась Фекла. – Внезапная атака.

– Ты полагаешь, нужно ждать атаки?

– Не обязательно в смысле насилия, – ответила Фекла, – но что-то будет.

– А Капля-98 – отвлекающий маневр?

– Да.

Система громкой связи капли исполнила короткую мелодию, белые светодиоды вспыхнули красным. Механический голос объявил:

– Тревога. Всему экипажу бодрствовать, находиться на местах и быть готовым к срочному роевому маневру. Это НЕ учебная тревога.

Такое они уже слышали. Торпедная тревога. В обычной ситуации в ней не было ничего подозрительного.

– Какое совпадение! – заметила Фекла.

– Давайте-ка обратно в эмку, – распорядилась Айви. – Выполняйте тревожные процедуры, но смотрите в оба!

– Стив, у тебя уже есть данные по болиду? – спросила Айви.

Тревога длилась уже пять минут, в соответствии с правилами они перешли в «банан». Как бы Айви ни хотелось знать, чем занята Джей-Би-Эф и какой «внезапной атаки» ждать, у нее имелись вполне конкретные обязанности: полностью сосредоточиться на маневре уклонения, который

сейчас проводит Ковчег, и на его возможных последствиях. Которые могли включать в себя столкновения капель или отрыв отдельных капель от общего роя. В наихудших вариантах понадобится высылать спасательные команды, поэтому Айви первым делом велела Фекле и ее отряду занять места в эмке. В норме обязанностью импровизированной полиции было не устраивать обыски у расхитителей, а реагировать на чрезвычайные ситуации. Как бы ученый-энтузиаст у Айви внутри ни рвался заняться любопытнейшим научным явлением – болидом, эту задачу следовало поручить кому-то другому. Этим другим она сразу после сигнала тревоги назначила Стива Лейка.

До сих пор все шло как обычно, то есть большая часть сетевой активности была свернута, чтобы предоставить «Параматрице» всю ширину канала. Система пришла в действие автоматически и сейчас рассчитывала курсы, строила предположения и собирала информацию о том, что происходит с каждым мельчайшим объектом в облаке данных. Экраны «Параматрицы» выглядели не слишком мирно, но это как раз было нормально – все капли сейчас включили маневровые двигатели, чтобы перейти на новую траекторию. Со временем все разрешится. Как и всегда. Однако частью искомого решения было уточнение информации о траектории падающей звезды. Чем она ближе, тем точнее можно определить траекторию. К тому моменту, как она пройдет сквозь рой или рядом, параметры будут отрапортованы системе с самой высокой точностью. Когда торпеда пройдет мимо, «Параматрице» останется лишь снова привести все в порядок.

Айви задала Стиву вопрос по двум причинам. Во-первых, метеоры по определению быстро появлялись и столь же быстро исчезали. Этот был на подходе уже несколько минут – довольно долго. Другая заключалась в том, что «Параматрица» вела себя хуже обычного. Обычно первые минуты две все горело красным. Сейчас красные россыпи уже должны были понемногу гаснуть по мере того, как капли рапортуют, что они теперь в безопасности. Однако улучшений почему-то не наблюдалось.

– У нас проблемы с шириной канала, или...

– Странный камень, – отозвался Стив. – Обычно идет поток пакетов от ДС, уточняющих парамы по мере поступления новых данных.

Он имел в виду Департамент сенсоров: отдел, отвечающий за радары и телескопы.

– Но ты его не видишь?

– Вижу – но количество пакетов необычное.

– Что значит – необычное?

– Можно подумать, что у нас две Торпедных тревоги одновременно. Пакеты перекрываются. Возникают помехи. – Стив на секунду оторвался от монитора и задумчиво потянул себя за бороду. – Подожди-ка. По-моему, пакеты поступают из двух разных источников.

– Но они все должны быть от одного источника, – удивилась Айви. – От ДС.

– В пакетах значит, что оно так и есть, – подтвердил Стив, – но, похоже, среди них есть фальшивые.

Он почувствовал, как стул медленно выползает из-под него, и машинально ухватился за столешницу. «Иzzi» включила маневровые двигатели и сейчас меняла ориентацию, чтобы Амальтея оказалась между ней и болидом – реальным или же воображаемым.

– По-твоему, вся тревога – это их попытка нас отвлечь?

– С теорией Феклы это согласуется, – подтвердил Стив.

– Попробую связаться с Дюбом, – сказала Айви. – Продолжай пока разбираться с фальшивыми пакетами.

– Госпожа президент, – сказала Камила, отведя от одного уха наушник, – докладываю, как вы просили. Айви догадалась.

– Она все знает? – спросила Джулия.

– Не все, но Стив Лейк обнаружил фальшивые пакеты и продолжает анализ, – ответила Камила. Глаза ее были широко раскрыты, а голос – сам по себе неидеальный из-за травм – хриплым и сдавленным.

Джулия строго взглянула на нее и обернулась к Спенсеру Грайндстаффу, который пожал плечами:

– Человек с талантами Стива Лейка рано или поздно должен был...

– Меня это мало волнует, – отрезала Джулия. – Я хочу знать, достаточно ли мы выиграли времени своим гамбитом.

– Еще... – начала Камила.

Спенсер не дал ей закончить:

– Чего мы выиграли достаточно, так это *суматохи*. Наша гептада причаливает к Верфи через двадцать секунд.

– Еще один болид, – пропищала Камила. – Кажется.

Джулия отмахнулась от нее, продолжая допрашивать Спенсера:

– Где триада?

– Уже на месте.

– Бригада сборщиков?

– В костюмах, покинули шлюзы и заняли позицию.

– И все же. Сборка. Интеграция. На все нужно время.

– Госпожа президент, если позволите, – вмешался Пол Фрил. – Нам нужно всего лишь соединить их между собой, хоть кабельными стяжками, и отойти от Верфи. Для этого достаточно совсем короткого запуска маршевого двигателя. На «Иззи» нет лазерных пушек, чтобы нас сбить. Они могут послать за нами эмку, но и что с того? Мы просто уйдем в сторону. Там у нас будет куча времени на досборку «Красной Надежды», прежде чем мы отправимся в экспедицию как таковую.

– От Феклы тем временем чего угодно можно ожидать.

– Она только выполняет приказы, – возразил Пол.

– Хорошо, поскольку я-то остаюсь, буду лишь рада их задержать, пока вы не окажетесь в безопасности, – ответила Джулия.

По структуре гептады резонансом разбежалась запрограммированная серия жужжащих и щелкающих звуков – она пристыковалась к узлу на длинной ферме, торчащей из Камбуза. Самое сердце Верфи, где располагалось множество шлюзов и точек крепления. К соседнему узлу был пристыкован угловатый посверкивающий каркас – скелет «Красной Надежды», ожидающий установки последних компонентов. Четыре больших топливных бака окружали плотное скопление насосов, клапанов, рычагов и сенсоров, которые все вместе питали расположенный под ними ракетный двигатель.

– Госпожа президент? – спросил Рави. – Боюсь, вам пора. Конечно, если вы не желаете отправиться на Марс. Хотя мы были бы только счастливы.

Отвлекаясь было Джулия вздрогнула. Она рассматривала себя в зеркальце пудреницы. От совершенства далековато, но по меркам Облачного Ковчега очень даже гламурно.

– Звучит заманчиво, – ответила она, – но, боюсь, мои обязанности здесь еще не закончены.

Джулия захлопнула пудреницу и подняла глаза, убеждаясь, что Камила готова записывать видео на свой телефон. Камила была готова, но выражение ее лица оставалось встревоженным. Да что же это с ней такое? Потом надо будет побеседовать с ней по душам.

– Ну, ладно, – сказал Рави, нотка сожаления в его голосе звучала почти естественно. – Может, вы хотели бы оставить у себя вот это?

Он протянул ей листок бумаги. Взяв его, Джулия обнаружила, что это президентская эмблема, хотя и несколько потрепанная. Рави аккуратно отклеил ее от стены, большая часть синей изоленды так и осталась по краям. Расправив листок, Джулия сунула его под мышку.

Медленно отплывая в сторону, Рави отсалютовал ей. Джулия

отсалютовала в ответ.

– Удачи, Рави. С нетерпением буду ждать радиогаммы с поверхности Марса.

– С нетерпением буду ждать возможности ее передать, госпожа президент.

– Я чувствую, что нам еще предстоит увидеться. Храбрецы Облачного Ковчега найдут возможность, несмотря на все противодействие, прорваться в чистое пространство и следом за «Красной Надеждой» достичь лучшего мира.

Рави был из тех, кто никогда толком не понимает, уходить ему уже или нет. Он начал бормотать в ответ что-то трогательное, однако Джулия бросила на Камилу взгляд, означающий, что запись можно останавливать, и, оттолкнувшись, полетела к носу Белой Капли. Камила следовала за ней.

Быстро протиснувшись сквозь трубы, они вскоре выбрались из стыковочного узла в один из модулей Верфи. Там царил бедлам. Экипаж «Красной Надежды» состоял из двадцати четырех человек. Большинство изначально были на борту гептады или триады, которые сейчас готовились соединиться с каркасом корабля, несколько человек в скафандрах находились «снаружи», а оставшиеся собрались здесь, торопливо что-то обсуждая или забрасывая внутрь мешки с припасами.

Особенно дико на общем фоне смотрелись четверо из Регулярного населения – очевидно, персонал Верфи, – привязанные кабельными стяжками, руки за спину, к различным подходящим для этой цели структурам внутри модуля. Трое на вид не пострадали, у четвертого от рассеченной брови отделялся фонтанчик кровавых шариков. Пол Фрил вскользь упоминал, что часть группы ЦМА стала их невольными сообщниками, помогавшими собирать каркас «Красной Надежды», полагая, что это часть резервного плана по спасению «Имира». Очевидно, когда их статус поменялся на вольных, у сообщников возникли определенные возражения.

Окровавленный инженер уставился на Джулию неповрежденным глазом.

– Джулия! – позвал он.

Как ни странно, Джулии сейчас было нечего делать. Марсиане деловито забрасывали в гептаду через трубу награбленные припасы. Один за другим они тоже отправлялись следом за припасами, так что в модуле быстро становилось все свободней. Сначала она решила не обращать на инженера внимания. Наконец в модуле остался лишь один марсианин – сам Пол Фрил. Не такой любитель церемоний, как Рави, он сейчас один за

другим вычеркивал пункты из списка на экране планшета, вообще не замечая Джулию.

– Джулия! – снова позвал связанный. Он не кричал. Тон был почти совершенно обычный.

– Да? – наконец откликнулась она.

– Как зовут твою подружку? – спросил он, кивая на Камилу.

Услышав столь неподобающий вопрос, Джулия задрала было подбородок, потом вспомнила, что превратить бывшего врага в союзника никогда не повредит.

– Ее зовут Камила, – ответила она. – И примите мои уверения, сэр, что я поражена тем, что с вами случилось. Могу ли я предложить...

– Эй, Камила! – позвал инженер.

– Да, – пискнула Камила голосом перепуганной восемнадцатилетней девочки.

– Твоя подруга рехнулась, – сообщил ей инженер.

– Госпожа президент, – позвал Пол прежде, чем Джулия успела отреагировать.

Джулия с пылающим лицом обернулась к нему.

– Не окажете ли честь?

– Какую еще честь? – Ох уж эти инженеры. Она должна разбить бутылку шампанского, или что?

– Закройте за мной люк. Тогда мы сможем отстыковаться.

– С радостью.

– До встречи на Марсе! – Он протянул руку.

Джулия несильно сжала ее и чуть встряхнула. Камила, не в своей тарелке после диалога с окровавленным инженером, забыла про обязанности видеооператора.

Пол Фрил втянул себя в портал между Землей и Марсом и, развернувшись, закрыл люк со своей стороны. Джулия проделала то же со своей и сразу же почувствовала, а равно и услышала, шипение и звяканье – они означали, что «Красная Надежда» отстыковалась. От оболочки модуля совсем рядом тоже слышались звуки, незнакомые, пока она не сообразила, что это звуки шагов, которые издают сапоги космических скафандров.

– Отбой тревоги, – объявил механический голос. Цвет огоньков переменился.

Камила коротко и звонко вскрикнула. Потом ткнула рукой вдоль трубы Верфи, туда, где она соединялась со Стержнем.

В Камбузе, примерно в тридцати метрах от них, появилось несколько

человек в оранжевых жилетах. Один смотрел прямо на нее.

Фекла.

Механический голос заговорил снова, объявляя еще одну тревогу.

В планах такого не значилось.

Похоже, Фекла нашла в Камбузе какую-то опору, чтобы оттолкнуться ногами, поскольку внезапно устремилась им навстречу, словно ракета. Ее руки двигались то в одну, то в другую сторону, стучая по любому предмету интерьера, который мог помочь в коррекции курса, но Фекла при этом не отводила взгляда от Джулии, направляясь прямо на нее. Что-то блестело в одной руке – тонкая дуга серебристого света. Острое лезвие ножа.

От стен модуля отразился резкий металлический звук – Джулия взвела револьвер Пита Старлинга.

– Пушка! – закричал окровавленный инженер. – Пушка! Пушка!

Если Фекла и услышала, на ней это никак не отразилось, она только резко ударила по стальной балке в соседнем модуле и ускорила еще.

Джулия почувствовала отдачу револьвера раньше, чем ожидала – видимо, случайно нажала на спуск. Она провела в космосе достаточно, чтобы знать: отдача отбросит ее назад. Это и произошло; однако то, что она при этом увидела, было необъяснимо. В поле зрения возникла Камила – она летела сбоку, выставив руку вперед. Стена Верфи вдруг выдвинулась и перехватила Феклу в полете. Через секунду стена ударила Камилу, затем – Джулию. Она ожидала услышать тонкий писк воздуха, выходящего сквозь дыру в обшивке диаметром с пулю. Вместо этого что-то взревело, словно полный стадион зрителей при виде перехваченного паса. Рука Камилы превратилась в огненное крыло. Что-то ухватило Джулию сзади и швырнуло в сторону Камбуза. Она обернулась, в ужасе вообразив, что окровавленный инженер как-то отвязался и набросился на нее. Однако толкавшая ее сила принадлежала не человеку, а потоку рвущегося наружу воздуха.

– Дзиро, ты меня слышишь? – повторила Дина в четвертый раз.

Каким-то образом решив для себя, что слышит, но сил ответить у него нет, она продолжила и сообщила хорошие новости:

– У нас получилось. Я вижу «Иззи» в оптику. Траектории сойдутся где-то через полчаса.

– Хорошо, – ответил он. – Хорошо.

Дина вздрогнула, услышав хоть какой-то ответ. Но второе «хорошо» прозвучало намного тише первого, и она поняла, что на большее его не хватит.

Остального она решила не говорить. Дзиро, заживо погребенному в камере силовой установки «Имира», замерзающему насмерть и одновременно поджариваемому радиацией, было совсем незачем знать, что именно Дина видит в телескоп.

В последние два года это называлось Облачным Ковчегом. В названии подразумевался какой-то поэтический смысл. Но сегодня он и в самом деле был похож на облако. «Иzzi», которую она в контрастном свете открытого космоса привыкла видеть резко и отчетливо, сейчас закуталась в поблескивающее и подмигивающее одеяние. Аналитик сказал бы, что оно состоит из материальных частиц.

Было и без слов ясно, что в «Иzzi» попал болид. Других подробностей разобрать не удавалось.

Запуск двигателя «Имира», ради которого Дзиро пожертвовал жизнью, вывел их на орбиту, очень близкую к орбите «Иzzi» – та же плоскость, та же средняя высота. Единственная разница заключалась в том, что она была более овальной и согласно расчетам пересекала путь «Иzzi» дважды в течение каждого оборота вокруг Земли. Вот-вот ожидалось одно из таких пересечений, поэтому с точки зрения Дины космическая станция приближалась к ней, целиком заполняя окно на экране компьютера, заставляя уменьшать увеличение, давая все более резкую, все более подробную картинку. Минута шла за минутой, и Дина все яснее понимала, что произошло.

Камень, видимо, пришел под углом, успешно разминувшись с Амальтеей, и ударил в районе X2 – хаба, вокруг которого вращались второй и третий торы. Значительные сегменты обоих торов отсутствовали, и они больше не вращались. Начиная оттуда, хребет «Иzzi» – ее центральный Стержень – был изогнут. Распростертые крылья Верфи все еще крепились к Камбузу, однако их перекосило, оттуда шел поток какого-то мусора. Первоначальный тор – тот, где находился «банан» – все еще вращался и выглядел единым целым, но, приблизившись, Дина увидела, что и он поврежден – вероятно, разлетевшимися после удара обломками.

По ледяному фюзеляжу распространился негромкий стук. Вероятно, они столкнулись с обломком. Это неважно, его скорость навряд ли велика. «Имир» мог протиснуться сквозь целую тучу подобного мусора, даже не заметив.

В окне на экране запустилось видео, которое вызвал к жизни датчик движения на одном из «хватов», и она увидела дрейфующее в космосе человеческое тело. У Дины перехватило горло.

Какой-то частью сознания она прикидывала – что, если она обнаружит

на месте «Иzzi» корабль-призрак, если она вообще последняя из выживших? Вчера перестал отвечать на вызовы Вячеслав. Перед этим он сообщил, что страдает от поноса. Понос из-за облучения означал смертный приговор. Вместо того чтобы ожидать неизбежного, Вячеслав мог попросту покончить с собой.

Одна за командным пультом «Имира», Дина медленно скользила к «Иzzi», безжизненно дрейфующей в космосе, и какое-то время воображала себя единственным человеком во Вселенной.

Потом со стороны Шахтерского поселка замигал красным направленный прямо на нее лазер, и сознание Дины расшифровало сигналы азбуки Морзе.

ВЫСЫЛАЕМ ЭМКИ ДЛЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО МАНЕВРА
С ОТДЕЛИВШИМИСЯ КАПЛЯМИ В КОНТАКТ НЕ ВСТУПАТЬ
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ

Ответить она не могла, просто ждала и наблюдала. По экрану проплывали обрывки теплоизоляции, куски конструкций, витамины, иногда тела – Дина поворачивала камеру и меняла увеличение, пытаясь разглядеть подробности. Все, что находилось впереди «Звезды», выглядело сравнительно неплохо. Шахтерский поселок и хранилище генетического оборудования Мойры, похоже, не пострадали совсем. Это хорошо.

От тучи отделились три эмки и легли на курс, который через несколько минут приведет их к «Имиру». Дина догадалась, что они собираются взять корабль на буксир: уткнуться в осколок носами и двигателями, чтобы придать окончательную *дельту-вэ* для встречи. Таким образом, смысл первого предложения становился понятен. Однако фраза про отделившиеся капли оставалась загадочной. Зачем каплям отделяться? Да, собственно, что вообще означало словосочетание «отделившаяся капля»? Однако, когда Дина провела телескопом по дуге в пространстве впереди и позади «Иzzi» – а капли, как правило, были «запаркованы» именно там, – она обнаружила, что на орбите странным образом пустовато. Впрочем, так ситуация выглядела на глазок. Подвергнуть утверждение строгой проверке без доступа к «Параматрице» было невозможно.

Тут она сообразила – надо просто включить на планшете соединение с сетью. Вскоре после отлета с «Иzzi» Дина его отключила, поскольку вне зоны действия сети эта функция лишь зря сажала батарею. И действительно, вскоре на планшете появилась иконка, возвещающая, что сеть обнаружена – вероятно, ее ретранслировала одна из эмок.

Потребовалась еще минута или две, чтобы устройство загрузило все мейлы и эсэмэски, которые накопились у Дины в ящике за время «отпуска».

Чтобы убить время, она опять стала играть с телескопом. Пока она водила им туда-сюда, ее внимание привлекла необычная деталь. Дина вернулась к ней и увеличила изображение.

Это был ЦМА, причем необычно крупный. Пять сегментов с осиной талией посередине. Внизу – двигатель, самого мощного типа из имеющихся в комплекте ЦМА. Над ним – толстая гроздь топливных баков. Третий сегмент, талия, представлял собой единственную каплю со шлюзом сбоку – командный модуль, решила Дина, такой же, как и на «Новом Кэйрде». Над ним находилась триада, а на самом верху – толстая шляпка гептады. Все окружала сетка структурных элементов. По краям сетки, словно попавшие в паутину мухи, располагались небольшие модули – Дина узнала маневровые двигатели. Самой заметной частью аппарата были огромные топливные баки, намекавшие на дальний полет – вот только куда? Сооружение плавало в нескольких километрах впереди «Иzzi», почти все капли из этого региона словно куда-то смыло.

Планшет закончил загружать сообщения, большая часть которых уже безнадежно устарела. Дина отсортировала их по дате, начиная со свежих, и стала просматривать заголовки. За последние несколько часов почти ничего не пришло. Это понятно – Облачный Ковчег явно был в это время занят совсем другим. Но одно, почти с самого верха, привлекло ее внимание: «ОТКРЫТОЕ КОММЮНИКЕ ОТ ПРЕЗИДЕНТА ДЖЕЙ-БИ-ЭФ НАРОДУ ОБЛАЧНОГО КОВЧЕГА».

Один только вид этих слов подействовал на нее словно удар в солнечное сплетение. Тем не менее Дина нажала на сообщение и открыла его.

Сегодняшняя ужасная трагедия оставила нас всех в глубокой скорби и с желанием получить ответы. Я в этот момент находилась на Верфи, где только что попрощалась с храбрыми участниками экспедиции «Красной Надежды» и пожелала им удачи. Благодаря автоматически закрывшимся люкам для меня все ограничилось незначительными травмами и дискомфортом от частичной декомпрессии. Как всем нам известно, многим членам Регулярного населения повезло значительно меньше. Вместе со всем человечеством я оплакиваю эти жертвы. По самой своей природе Содружество каппи не столь существенно пострадало от катастрофы. Как я и предвидела с самого начала проекта Облачного Ковчега, распределенная архитектура роя предотвратила серьезный ущерб. Как ни прискорбно, мы все же потеряли три капли, и еще несколько

пострадали в столкновениях между собой и с обломками. Но в целом система сработала так, как и планировалось изначально. Многие члены СК сейчас, естественно, задают себе вопрос, разумно ли и дальше оставаться на низкой околоземной орбите, сгрудившись вокруг тяжелой, устаревшей космической станции, не способной даже уклониться от опасности. Нас манят открытые просторы чистого пространства над нами. «Красная Надежда» очень скоро включит двигатель и отправится в путешествие через эти неизведанные просторы к планете, которая однажды станет для нас всех новым домом. Облачный Ковчег не может за ней последовать – пока что не может. Но, как прекрасно знает любой член Содружества каппи, прошедший углубленную подготовку в области космических полетов и орбитальной механики, любая капля без труда может поднять свою орбиту за счет собственных двигателей и запаса топлива на борту. В одиночку капля, триада и даже гептада долго существовать не сможет. Однако в составе роя у нее неплохие шансы. Многие члены Содружества каппи наблюдали ранее за несчастьями, постигшими отчаянную экспедицию «Имира», а теперь видели, какой ущерб нанес «Иззи» единственный болид. Они задают сейчас себе один и тот же вопрос – безопасно ли оставаться на прежней орбите, вверив свою судьбу мучительно медленному подъему в чистое пространство, за который ратуют сторонники фракции «долгой поездки»? Я политик, а не ученый, и не могу предложить на этот вопрос квалифицированного ответа. Меня могут спросить, следует ли мне в таком случае вообще выступать с публичными заявлениями. Однако здесь важно, что моя прежняя карьера президента Соединенных Штатов Америки обусловила и мое существенное влияние среди Содружества каппи, заслуживаю я того или нет. Меня уже не раз спрашивали, что я намерена делать дальше. Вместо того чтобы полагаться на слухи, которые неизбежно приведут к замешательству, я публикую это коммюнике. Для тех, кого это интересует – опираясь на помощь нескольких верных друзей, мне удалось покинуть останки «Иззи» и найти убежище в Капле-37, в данный момент принадлежащей к триаде. Вскоре после того, как я отправлю это сообщение, мы включим основной двигатель и двинемся в чистое пространство, прочь от тучи обломков, окружающей то, что было когда-то Международной космической станцией. Наши орбитальные параметры будут открыто опубликованы в сети. Любые члены Содружества каппи, разделяющие наши взгляды, смогут присоединиться к нам и совместно создать основанное на роевой архитектуре решение для неотложных проблем, стоящих перед человечеством. В безопасности на

высокой орбите мы изыщем способы протянуть руку помощи и тем из наших выживших друзей, кто затерян среди Регулярного населения. Работая как единое содружество, мы сохраним то, что имеем, и построим в небесах стабильное общество. Тем временем мы будем, затаив дыхание, ждать результатов славного путешествия «Красной Надежды» к гостеприимному Марсу.

«Насчет затаить дыхание – это она в точку», – проворчала Дина, закрывая окно, чтобы перепроверить время отправки. Коммюнике было разослано три часа назад. Затем, всего полчаса назад, Айви ответила контр-коммюнике. Дина не стала его читать, поскольку содержание было ясно из заголовка: не слушайте Джей-Би-Эф, оставайтесь в строю, вы нужны нам, а мы – вам.

Однако судя по тому, что Дина видела в оптический телескоп и через «Параматрицу», сообщение Айви пришло слишком поздно, чтобы удержать от побега значительную часть капель. Сейчас где-то там, на значительно более высокой орбите, формируется новый рой со своей собственной, независимой «Параматрицей», и этот рой готов считать Джей-Би-Эф своим лидером.

В полете за «Имиром» Дина не раз переживала эмоциональные взлеты и падения. Падений, разумеется, больше, чем взлетов, учитывая количество потерь. Как ни удивительно, один из взлетов случился буквально только что, когда она натолкнулась в коммюнике Джей-Би-Эф на слово «отчаянную». Дине понравилось, что ее называли отчаянной, да еще ровно тогда, когда она находилась на самом пороге успеха.

На экране уже работала «Параматрица». Дина проверила статус трех эмок. Они были на подлете. От пилотов стали поступать эсэмэски с вопросами: есть ли на борту живые и безопасно ли приближаться.

Дина отстучала ответ: «Один выживший. Побудьте-ка в сторонке, этой штуке нужно просратья огнем».

Затем она открыла окно, которое использовала для связи со своей командой роботов, и ввела единственную команду: «СБРОС». Так называлась программа, которую начал писать Шон, доработал Ларс и недавно закончила Дина. Программу должны были одновременно выполнять все роботы на осколке, а также некоторые системы силовой установки.

Программа откликнулась: «УВЕРЕНЫ? ДА/НЕТ».

«ДА», – ввела Дина.

«ПОЗДРАВЛЯЕМ!!!» – высветилось в окне. Мертвый экипаж «Имира»

послал ей весточку из небытия.

Она подплыла к лестничному колодцу, опустила голову «вниз» сквозь отверстие в полу, и, оттолкнувшись, долетела до нижнего этажа командного модуля. Люк в полу – за которым находился ледяной тоннель, заканчивавшийся силовой установкой, – был закрыт, стандартная мера предосторожности. Тем не менее Дина проверила его еще раз и убедилась, что люк герметичен. Через несколько секунд с той стороны не будет ничего, кроме вакуума.

«Имир» заворчал. Дина чувствовала себя так, будто у скандинавского ледяного великана, в брюхе которого она оказалась, началось несварение. Она знала, что слышит сейчас звуки коллективных усилий тысяч «вьев» и сотен более крупных роботов, которые, заняв безопасное положение на внутренней поверхности ледяного осколка, грызут структурную решетку, удерживающую на себе реактор.

Она вернулась на свое место в командном модуле и открыла видео изнутри осколка. Стены его истончились настолько, что пропускали солнечные лучи. На экране был огромный светлый амфитеатр, в середине которого роботы видели гладкую бериллиевую оболочку – кожух отражателя нейтронов – вокруг ядра реактора. Ранее он был погружен в лед, но недавние раскопки, давшие топливо для больших запусков в перигее, его обнажили, открыв также взгляду оболочку поменьше – прилепившуюся сбоку камеру силовой установки – и систему подачи топлива из бункеров и шнеков. Позади виднелись остатки ледовой пещеры сопла, сейчас почти растаявшего и открывавшего взгляду черноту космоса. Камеру реактора удерживал на месте лишь массивный центральный столб, служивший для передачи усилия. Ледяная колонна шла от передней части реактора к твердому носу осколка, где находился командный модуль.

«СБРОС» был настолько любезен, что выводил на экран обратный отсчет, поэтому Дина знала, когда ей заткнуть уши. В момент ноль по всей структуре распространился тошнотворный треск. Видео показало, как от центрального столба прямо над соединением с реактором летят алмазные брызги льда. Динамитные шашки, давным-давно заложенные командой Шона, взорвались и разрубили столб. На какую-то секунду Дина испугалась, что больше ничего не будет, но тут из-под круглой крышки сверху реактора вырвались белые струи пара. «СБРОС» открыл клапаны и высвободил давление, накопившееся в камере реактора от остаточного тепла. Теперь эти клапаны превратились в своего рода реактивные двигатели, толкающие реактор вместе со всем, что к нему присоединено, к пустому соплу.

Камера реактора вылетела из дыры внизу осколка и исчезла.

Если «СБРОС» продолжает работать, реактор, превратившийся теперь в самостоятельный, хотя и безмозглый, космический аппарат, совершит еще несколько неуклюжих маневров, чтобы погасить орбитальную скорость, и упадет в атмосферу.

– Прощай, Дзиро, – сказала Дина. – И спасибо тебе.

Один из пилотов эмки прислал ей сообщение: «Ого!»

Дина тщательно осмотрела все еще раз с нескольких камер. Однако особо смотреть было не на что. «Имир» превратился в пустотелую скорлупку, беспомощно дрейфующую в пространстве.

Она тоже вбила сообщение: «Кто здесь заказывал мегатонну топлива?»

Инстинкт согнал их в МОРЖ, поближе к Амальтее, подальше от пострадавших и уничтоженных частей «Иззи». Там Дина их и нашла после того, как ее доставили на борт, начисто отмыли и несколько раз проверили на радиоактивность. Розовая и распаренная, она сначала обняла Айви и долго ее не отпускала, а потом, по очереди – Дюба, Мойру, Риса, Луизу, Стива Лейка, Федора и Бо. Конрад Барт погиб, и многие вместе с ним. Фекла все еще была в операционной. Одна ее грудь была повреждена осколком пули, ее сейчас восстанавливал хирург.

В углу МОРЖа тихо плакала девушка, свернувшаяся почти что в позу эмбриона. Лицо она прикрывала от остальных рукой, обмотанной белой марлей от кончиков пальцев и по самое плечо. Дина узнала в ней Камилу, адъютанта Джулии.

Айви настояла, чтобы они двинулись назад по Стержню и провели совещание в «банане». Камилу пришлось какое-то время мягко уговаривать, но Луиза в конце концов справилась. По привычке она все время искала рукой платок, чтобы закрыть нижнюю часть лица, но платка нигде не было. На ней, как и на остальных, был бесформенный комбинезон.

– Почему Камила здесь? – спросила Дина у Мойры по дороге.

Мойра, очевидно, только что много плакала и была совсем не в лучшем состоянии. Какое-то время назад они с Феклой стали жить вместе, и она тяжело переживала новость о ранении своей половинки.

– Фекла атаквала Джей-Би-Эф, – объяснила Мойра, – и та попыталась ее застрелить. Камила схватилась за револьвер рукой, чтобы отвести его. Она всегда носила этот свой легкий шарф, чтобы закрывать лицо. Шарф от выстрела загорелся и успел сильно обжечь ей руку, пока она его срывала.

– Но Феклу она спасла?

– Кто знает? Очевидно, пуля попала куда-то еще и разлетелась на осколки.

Дыры от кусков болида, которые поразили Т1 – первый из торов, старейший и самый маленький, – уже заделали, и он был снова заполнен воздухом. До сих пор он считался безопасным, и нужно было, чтобы они снова начали о нем думать в прежнем свете, потому-то Айви их сюда и привела. Они заняли места в «банане».

Наконец появились цифры. Айви зачитала их вслух.

Когда начался Каменный Дождь, полный список всего человечества – не считая тех, кто, возможно, еще оставался жив на Земле – состоял из 1551 представителя, или 1553, если считать двоих, присоединившихся к ним позже – Джулию и Пита Старлинга. Старлинг даже не вышел живым из капсулы, так что начальное число равнялось 1552.

На то же время у них имелось 305 капель с жителями, свободно летающих в космосе, и еще одиннадцать запасных, пристыкованных к «Иzzi» – в них никто не жил. В свободно летающих каплях проживало 1364 человека, оставшиеся 188 находились на борту «Иzzi» как члены Регулярного населения. Однако в любой момент времени в рамках ротации на борту «Иzzi» также находились десять процентов каппи, поэтому население станции в обычные дни было около 324 человек.

До сегодняшней катастрофы в различных несчастных случаях, в основном вызванных попаданиями болидов помельче, погибло двадцать шесть человек. Еще двадцать четыре находились на борту угнанного ЦМА, называвшего себя «Красной Надеждой», который, если им верить, скоро отправится к Марсу.

Из тех, кто находился на борту «Иzzi» в момент катастрофы, 211 погибли сразу, и еще примерно два десятка оставались в критическом состоянии. Тем самым количество живых на борту сократилось до 113 человек. Регулярное население – люди постарше, отличавшиеся опытом и высокой квалификацией, – сократилось со 188 до 106.

На момент катастрофы в каплях находилось 1178 человек. Распределенная природа роя, вкупе с тем обстоятельством, что многие капли покинули материнский рой следом за Джулией, затрудняла подсчет потерь. Самая лучшая на данный момент оценка заключалась в том, что потеряно семнадцать капель. Если исходить из того, что в них никто не выжил, население капель снизилось до примерно 1100 человек. Если оценка верна, общее количество сегодняшних жертв составило около 300.

Если же считать капли, в начале дня обитаемых капель было 299, и это число после столкновения уменьшилось до 282. Десять – триада и гептада

– стали частью «Красной Надежды», оставив 272. Примерно 200 отсутствовали и предположительно бежали следом за Джей-Би-Эф. Еще семьдесят с чем-то предпочли остаться и находились на связи как лояльные члены Облачного Ковчега. Одиннадцать запасных капель были пристыкованы к «Иzzi», их еще предстояло обследовать на предмет повреждений.

Население оставшихся капель предположительно составляло около трехсот человек. Вместе с выжившими на борту «Иzzi» это давало четыреста с небольшим. Население беглого роя Джей-Би-Эф, таким образом, было около восьмисот душ. Она забрала с собой две трети человечества.

– Прости меня, Господи, – сказал Дюб, – но в данный момент меня даже не особенно заботит личный состав. Меня интересует количество двигателей. Двигателей на каплях. До тех пор, пока не появилась Дина со льдом, они были бесполезны. Теперь мы в состоянии обеспечить их топливом. Если сориентировать все двигатели в одном направлении и сделать так, чтобы капли толкали «Иzzi», мы можем отправиться в «долгую поездку».

Он сделал паузу, сверяясь с записями. С очками на носу он вдруг показался Дине очень старым. Хотела бы она знать, как *сама* сейчас выглядит.

– Исходя из того, что ты сейчас сказала, верно ли будет сказать, что их...

– Примерно семьдесят, – сказала Айви, – плюс одиннадцать запасных. Мы их еще не проверяли, но согласно визуальному осмотру с ними все в порядке.

– Восемьдесят одна, – резюмировал Дюб. – Мне нравится это число. Точный квадрат.

– Точный квадрат точного квадрата, – добавил Рис.

– Если мы сможем придумать структурную систему, чтобы упаковать их по девять – просто квадратом три на три с общей подачей топлива, – построить девять таких упаковок и как-то присоединить их к «Иzzi» – я понимаю, это будет нелегко, – у нас получится массив из восьмидесяти одного двигателя. Если их все запустить одновременно, когда мы проходим перигей, получится значительный совокупный импульс. Полагаю, для «долгой поездки» его хватит.

– Потребуется очень большая структура, – заметил Федор. – Очень, очень, очень большая.

– У нас же уйма материала для ее строительства, разве нет? – спросила

Луиза. – Я видела множество рулонов алюминиевой ленты для штамповочных машин.

– Все упирается во время, – ответил Федор. – Да, у нас уйма материала. Но очень мало людей, способных работать на сборке. Тем временем атмосфера растёт, сопротивление увеличивается, высота падает.

Дина посмотрела через стол на Риса. Инженер по биомиметике, человек, который, быть может, спас «Имир» своей идеей бронировать роботов, превращая их в маленьких, радиационно-стойких Бенов Гриммов.

– Мы будем строить из льда, – сказала Дина.

Рис поднял на нее взгляд, задумался на секунду, потом кивнул.

– Он слишком хрупкий, – возразил Федор.

– Я не думаю, что Дина имеет в виду обычный лед, – сказал Рис. – Она про тот пайкерит, который использовался на «Имире». Лед, усиленный волокном. Он удержал осколок от разрушения. Думаю, у нас тоже получится.

Мойра чуть повысила голос:

– Может, я чего-то не понимаю, но мне казалось, что лед – наше топливо. Разве мы не собираемся его плавить и расходовать по мере движения?

– Собираемся, – подтвердил Дюб.

– Разве это не означает, что мы будем расходовать ту самую структуру, которая все держит?

– Будем, – снова подтвердил Дюб, – но это не страшно. Чем больше мы расходует, тем легче становимся, и тем меньший требуется импульс. Мы вполне можем себе позволить по мере продвижения жертвовать частью структуры.

Сал все это время внимательно слушал.

– Не хотел бы оказаться тем, кто окатит вас холодной водой, – начал он. Каламбур – если считать его намеренным – заставил кое-кого застонать. – Только я что-то слышал про радиоактивное заражение.

– На поверхности осколка, все верно, – подтвердила Дина. – Ко льду прилипли крошечные частицы крайне радиоактивного вещества. Бета-излучение в жилые помещения не проникнет. Однако нам потребуется осторожность, чтобы не занести источники излучения внутрь. Можно будет запрограммировать роботов, чтобы они ползали по поверхности в поисках таких частиц, рано или поздно мы от всех избавимся.

Не похоже, чтобы Сала это убедило.

– Врать я тоже не стану, – добавила Дина, – жертвы будут.

– Вопрос тут в цене, – сказал Рис. – Морду «Иззи» уже прикрывает

массивный железоникелевый бампер. А бока, как мы сегодня убедились, уязвимы. Сейчас мы можем окружить все – всю станцию целиком – армированным льдом. Ну да, со временем его станет меньше. Но большую часть «долгой поездки» мы будем жить внутри гигантского айсберга со стальным носом. Я полагаю, что жертв от возможного облучения будет заметно меньше, чем если предпринять то же самое путешествие без дополнительной защиты.

– Что вам нужно, чтобы это осуществить? – спросила Айви.

– Разрешение, – ответила Дина.

– С каких это пор ты стала его спрашивать?

В ответ на шутку из угла зала для совещаний раздался тоненький смешок. Все головы повернулись к Камиле.

– Камила, – сказала Айви, – мы не слышали от тебя почти ни слова с тех самых пор, как нашли тебя на Верфи. Один из свидетелей утверждает, что ты, возможно, спасла жизнь Фекле. У тебя была возможность бежать вместе с Джулией. Тем не менее ты осталась, чтобы освободить связанных сотрудников Верфи. И тем самым спасла жизнь и им. Теперь ты здесь с нами. И, вероятно, понимаешь, как это выглядит.

Выражение лица Камилы с очевидностью означало, что ей пока не приходило в голову, как именно это выглядит. Она даже не поняла, что Айви имеет в виду.

– Дорогая, – объяснила ей Луиза, – люди станут говорить, что ты шпионка, которая осталась здесь намеренно.

Камила вытянула перед собой сжатый кулак, потом раскрыла ладонь – внутри была белая коробочка, с нее все еще свисала клейкая лента.

– «Жучок» Джулии, – объявила она. – Он был прямо здесь.

Непохоже, чтобы ей кого-то удалось этим убедить.

– Она пригласила меня на ужин в Белый дом, – сказала Камила. – Помогла выбрать платье. Познакомила меня с генералами, послами, кинозвездами. Писала мне письма на бланках Белого дома. Я была... я ее любила. Если хотите, можете считать меня наивной. Так и есть. Я была наивной. До сегодняшнего утра. И тут я вдруг увидела. Поняла, с кем имею дело. Теперь я ее ненавижу. И себя ненавижу – за то, что ее любила.

– Лучше бы тебе об этом не забывать, радость моя, – сказала ей Мойра. – Сегодня она сделала очень неудачный выбор. Так что рано или поздно ей придется вернуться.

– Я буду готова, – ответила Камила.

Человеческому глазу пустотелая громада ледяного осколка показалась бы такой же мертвой, хрупкой, тускло отсвечивающей, как сброшенный жучиный панцирь. Если запечатлеть ее электронным глазом видеокамеры, а затем ускорить запись в сто тысяч раз, спрессовав события целого дня в секунду видео, «Имир» был бы похож на амебу, которая догнала, поймала и проглотила «Иzzi». Зритель, которому заранее не сказали, что на записи, принял бы «Иzzi» за насекомое – стальная голова, ноги, крылья, усики, которое отчаянно извивается и дрыгает конечностями, пытаясь противостоять медленно и безжалостно натекающему на него ледяному монстру.

В действительности, разумеется, четыре сотни выживших, двигаясь молниеносно по сравнению с медлительным куском льда, меняли конфигурацию станции, готовясь к «долгой поездке». Поврежденный Камбуз отделили, компоненты Верфи передвинули вперед. Большой реактор стал ближе к Стержню, теперь остальную часть «Иzzi» будет прикрывать от его излучения ледяной щит. Капли в количестве восьмидесяти одной штуки собрались в девять групп по девять, их закрепили на корме, соплами назад. Структурные элементы, на которых они были установлены, поначалу представляли собой просто хлипкие решетки, монтажники в скафандрах протянули сквозь них кабели, топливопроводы, хомячьи трубы. За ними последовал лед, непрерывно перемещаемый огромным роем «вьев», и постепенно капли оказались схвачены твердой структурой усиленного волокнами пайкерита.

Лед продолжал течь вперед. Все напоминало видео тающего айсберга, запущенное в обратную сторону. «Вьи», слепо подчинявшиеся набору простых инструкций, пытались забить льдом любое свободное место, на которое натыкались. Каждый день в те несколько минут, когда у экипажа выдавалась возможность передохнуть и перекусить, они наперебой рассказывали друг дружке анекдотические истории – кто и где обнаружил разросшийся лед на этот раз и что пришлось сделать, чтобы снова загнать его под контроль.

За месяц «Имир» был полностью переработан, а «Иzzi» для наблюдателя попросту исчезла. Слившись, они образовали летающую по орбите гору. Ее вершиной служил покрытый вмятинами и шрамами кусок железоникелевого сплава, полускрытый дымкой угловатых структур, на которых крепились антенны и сенсоры. Гладкие склоны были крепостными

стенами из черного льда, то тут, то там из них торчали утесы маневровых двигателей и прочего оборудования, а наблюдательные купола напоминали хижины отшельников. Плоское основание горы украшала аккуратная сетка из восьмидесяти одной дырочки, и когда корабль проходил через перигей, из дырочек вырывалось бело-голубое пламя.

Они никак не могли определиться с названием. Попытки объединить «Иzzi» и «Имир» успехом не увенчались. Относительно прилично звучало «Измир», но так назывался город в Турции. Общее настроение сводилось к тому, что название должно быть в память погибших во время миссии «Имира», но их было слишком много. В честь Маркуса предлагали назвать гору «Даубенхорн». Однако в конечном итоге было решено продолжить тему экспедиции Шеклтона, заданную Маркусом в названии «Новый Кэйрд». Основной корабль Шеклтона назывался «Эндьюранс» и прославился тем, что оказался скован льдами. Итак, «Эндьюранс». Федор окрестил его, забравшись в свой потертый «Орлан» и выйдя на поверхность Амальтеи, где и разбил бутылку шампанского.

Еще более удаленная камера, если бы таковая висела высоко над северным полюсом Земли, фиксируя эпопею «Эндьюранса» в следующие несколько лет, засняла бы фильм с драматической завязкой и последующим монотонно нагнетающимся напряжением, постепенно выводящим сюжет к головокружительному финалу.

До прибытия «Имира» капитаны Облачного Ковчега уделяли уйму внимания тому, чтобы избавить «Иzzi» от опасностей расширяющейся атмосферы. Высокий баллистический коэффициент Амальтеи в основном справлялся с растущим сопротивлением, однако потерю высоты приходилось время от времени компенсировать запусками большого двигателя, который в те дни располагался на корме Камбуза, а топливом его снабжали расщепители Верфи, питавшиеся от реактора.

Разрыв – так стали называть события, когда в «Иzzi» попал большой болид, а Рой и «Красная Надежда» отправились восвояси – положил этому процессу конец. С Разрыва и до того дня примерно месяц спустя, когда был окрещен «Эндьюранс», станция постепенно опускалась по спирали. Если бы легковесные капли попытались держаться следом, их бы унес ветер. Им пришлось вплотную укрыться за Амальтеей и двигаться за фронтом создаваемой ею волны, подобно несущимся за грузовиком велосипедистам, пока не настало время встроить их в каркас корабля. Станция спускалась все ниже, и ДС пришлось отправлять «хватов» на фермы Амальтеи – демонтировать хрупкие антенны и сенсоры, иначе их бы постепенно сожгло пусть и разреженным, но все же раскаленным ветром. Федор

рискнул выбраться наружу с шампанским совсем ненадолго и, вернувшись, рассказал, что видел, как пену уносит назад воздушный поток.

Перед ними стояла задача переместить апогей орбиты с его нынешнего места – всего на несколько километров выше перигея – к самой Расщелине, то есть примерно на триста семьдесят восемь тысяч километров вверх. Маневр был противоположен тому, который выполнили Маркус, Дина, Дзиро и Вячеслав, когда синхронизировали орбиту «Имира» с «Иззи». Достичь результата следовало, на короткое время запуская двигатели во время регулярных проходов «Эндьюранса» через перигей.

Первый запуск состоялся через полчаса после крещения и сообщил кораблю *дельта-вэ* в четыре метра в секунду. Ускорение было столь слабым, что большая часть экипажа его даже не почувствовала. Совместный импульс восьмидесяти одного двигателя каплей был едва заметен на фоне массы «Эндьюранса», распределенной примерно пополам между железом и льдом. Тем не менее его хватило, чтобы поднять апогей, случившийся примерно через сорок шесть минут, на четырнадцать и восемнадцать сотых километра. Через сорок шесть минут во время касания атмосферы состоялся еще один запуск, добавивший еще четыре метра в секунду и четырнадцать и двадцать одну сотую километра к последующему апогею. Результатом первых суток полета «Эндьюранса» были свыше ста километров прироста к высоте апогея – достаточно, чтобы удалиться от расширившейся атмосферы на все время орбиты, за исключением нескольких минут прохода через перигей.

Сразу после этого им пришлось приостановить процесс, поскольку они сожгли все топливо в окруженных льдом баках Верфи. Нужно было дать реактору и расщепителям время, чтобы пополнить запасы. Даже ядерная электростанция была неспособна разлагать воду достаточно быстро.

Через какое-то время пришлось прерваться на целую неделю, поскольку обнаружились проблемы с подачей в систему чистой воды. Около месяца все работало примерно в четверть мощности. Однако со временем во всех сложностях разобрались и стали проводить в каждом перигее все более и более длительные запуски, постепенно приближая «Эндьюранс» к Расщелине.

Если бы удалось продолжать в том же темпе, сближение с Расщелиной со временем стало бы менее постепенным. Первая *дельта-вэ* дала им четырнадцать и восемнадцать сотых километра. Следующая, такая же по величине, принесла уже четырнадцать и двадцать одну сотую километра – примерно на тридцать метров больше. По сравнению с космическими

расстояниями выигрыш совсем незначительный, но с математической точки зрения тенденция была чрезвычайно важной. И означала, что чем выше они поднимаются – чем более вытянутой становится орбита, – тем больший эффект имеет одна и та же крохотная *дельта-вэ*. Разница в тридцать метров будет расти и расти, достигнув со временем многих километров, и каждая прибавка, если подставить ее в формулу, еще больше увеличит последующий результат. Снова экспоненциальный процесс, и на сей раз человечество находится с нужной стороны уравнения.

Все это даже не учитывало еще одну хорошую с математической точки зрения новость: с каждым запуском «Эндьюранс» становился все легче. Масса, противостоящая импульсу двигателей, все уменьшалась, так что постепенно при каждом обороте становилось возможным заработать больше *дельты-вэ*, чем хилые четыре метра в секунду.

Так что при условии, что им удастся выжить самим и поддерживать в рабочем состоянии «Эндьюранс», со временем все должно было улучшиться. Но в самом начале процесс был мучительно медленным.

Потребовалось три года.

Они рассчитывали управиться за год. Не управились – многое выходило из строя, и его приходилось чинить. Необходимые инструменты и расходники имелись не всегда. Иной раз приходилось импровизировать. Причудливые альтернативные решения требовали незаурядной изобретательности и больших усилий, а когда не помогало и это, приходилось идти на риски, что иной раз оканчивалось жертвами.

Человеческий капитал «Эндьюранса» постепенно иссякал. Постоянно не хватало пищи. Предполагалось, что капли будут выращивать собственный урожай в прозрачном внешнем корпусе. Однако капли «Эндьюранса» были укрыты во льду, чтобы спастись от Каменного Ливня. Оказавшиеся ближе к поверхности получали достаточно света, чтобы выращивать хоть какую-то еду, но ее было меньше, чем едоков. В начале путешествия на корабле имелся значительный запас продовольствия, которое выдавалось из расчета на год полета. Когда стало ясно, что потребуется значительно больше времени, рационы пришлось сократить. Кроме того, на «Эндьюрансе» были также и богатые запасы витаминов, в основном пережившие Разрыв. На витамины был значительный спрос среди жителей Роя, многие из которых бежали, не сделав запасов. Началась торговля между «Эндьюрансом» и Роем, хотя и не та свободная торговля, о которой в свое время грезил «чисторойки». Сделки заключались по радио, а исполнялись на встречах между ЦМА и каплями Роя, однако

организовывать их становилось все трудней, поскольку приходилось согласовывать орбиты, которые к тому времени уже сильно разошлись.

Как и с «Имиром», лед добывался на внутренней поверхности «Эндьюранса», а внешняя «скорлупа грецкого ореха» сохранялась в качестве структурной основы и первого эшелона обороны от болидов. Однако, как в свое время не уставали повторять Джей-Би-Эф и другие сторонники «бросить все и бежать», столь тяжелому кораблю не доставало маневренности. Если большой камень удавалось обнаружить заранее, можно было включить двигатели и слегка изменить курс – к прибытию камня это изменение как раз возымеет нужный эффект. Большая часть экипажа «Эндьюранса» именно этим и занималась, работая непрерывно в три смены. И все же их способность к раннему обнаружению была ограничена; если болид замечали слишком поздно или от него не получалось уклониться достаточно быстро, оставалось лишь надеяться, что он ударит в Амальтею. С какими-то так и происходило, но иные камни попадали в ледяные склоны, некоторые – с достаточной силой, чтобы пробить панцирь и привести к жертвам.

Примерно каждый десятый за эти три года покончил с собой. Иногда причины были вполне традиционные. Так после бешеной творческой активности в течение тех недель, пока проектировался и строился «Эндьюранс», Рис впал в глубокую депрессию и месяц спустя совершил самоубийство. Иногда человек соглашался выйти на задание в открытый космос почти без шансов вернуться, или больная раком предпочитала умереть, чтобы не расходовать понапрасну ограниченные ресурсы – пищу, воздух и медикаменты. А случаев рака хватало – сбылось предсказание Дины в день Разрыва. Несмотря на все меры предосторожности, радиоактивным частицам удавалось проникать в пищу и воздух, оканчивая свое путешествие в чьих-то легких или кишках. Даже без этого сама по себе жизнь в космосе с ее всепроникающими излучениями, недостатком физических упражнений, скудной диетой и неблагоприятной химической обстановкой способствовала онкологическим заболеваниям. А медицинское оборудование «Эндьюранса» не годилось для диагностики и лечения рака на том уровне, к которому люди привыкли на Земле.

Периодические кризисы с пищей и воздухом, вызванные болезнями в теплицах или неисправностями техники, неизбежно убивали людей, чьи силы и так уже были подорваны. В течение путешествия они тысячекратно пересекали радиационные пояса Ван Аллена. В традиционном космоплавании их проходят раз или два, «Эндьюранс» пересекал эти пояса дважды на каждом витке орбиты, а в первый год, можно считать, толком их

и не покидал. Люди старались укрываться от радиации в экранированных частях корабля. Однако ни одно убежище не давало стопроцентной гарантии, а некоторым доводилось – по обязанностям или просто случайно – оставаться в незащищенных помещениях. Да и одно лишь то обстоятельство, что людям приходилось проводить значительную часть времени в битком набитых убежищах, не способствовало здоровью.

Гендерный состав все более изменялся в пользу женщин. Регулярное население, пережившее Разрыв – первоначальный экипаж «Эндьюранса» состоял из него примерно на четверть, – состояло в основном из мужчин, поскольку рекрутировалось главным образом из представителей традиционно мужских профессий – военных, корпуса астронавтов, ученых и инженеров. Оставшиеся три четверти были каппи. Изначально среди каппи было примерно семьдесят пять процентов женщин и двадцать пять – мужчин. Среди тех, кто предпочел остаться с «Эндьюрансом» при Разрыве, процент женщин был еще выше.

Мужчины-регуляры в среднем были старше – иногда вдвое или даже втрое, чем типичный каппи. По сравнению с каппи, которых по большей части запустили в последний момент, они пробыли в космосе гораздо дольше со всеми вытекающими последствиями для здоровья. При их отборе тоже смотрели в первую очередь на мозги, а не на физическую форму. По крайней мере поначалу, пока каппи еще не освоились, на долю регуляров выпадали самые опасные задания, например выходы в открытый космос. В конце концов, мужчины просто не слишком годились для космоса. Они были биологически более уязвимы для радиации. Им требовалось больше пищи и воздуха. И, в воспитании тут дело или в генетической программе, они попросту не были психологически готовы к идее провести остаток жизни в скученных закрытых помещениях. Многие чувствовали острую потребность выйти наружу, подальше от остальных, и проявлялась она в тенденции чаще предлагать себя для заданий в открытом космосе. А работающие в открытом космосе с большей вероятностью гибли от проникающей радиации, попаданий болидов, отказов оборудования, несчастных случаев или поражения фрагментами реакторного стержня.

Кроме этого, имело место представление – достаточно распространенное, хотя и редко произносимое вслух – о мужчинах как о не самом критическом ресурсе. В отличие от женщин – если называть вещи своими именами, от здоровых и фертильных маток. Исходя из этого представления, или просто выбирая более общественно полезный способ самоубийства, мужчины вызывались нести более рискованные дежурства,

инстинктивно загоняя женщин в относительно безопасные внутренние помещения корабля. Если женщины пытались возражать – такое тоже случалось, – возражения пресекались простым, но трудноопровержимым аргументом – вашу жизнь и здоровье нужно сберечь любой ценой.

Связь с Роем была крайне нерегулярной, вспышки активности обычно происходили, когда Рою что-либо требовалось. Группы разделились при обстоятельствах, которое можно было бы назвать военными действиями, не случись Разрыв в момент катастрофы более смертоносной, чем все, что стороны могли бы причинить друг другу с помощью оружия. Однако и взаимного доверия в обозримом будущем ожидать тоже не приходилось. Свободное общение в интернет-стиле между двумя сторонами было на каждой из них запрещено, поскольку могло быть использовано во вредоносных целях, если не хуже. Канал связи между Роем и «Эндьюрансом» больше напоминал горячую линию между столицами двух сторон «холодной войны». Иногда он молчал месяцами. Не столько даже потому, что стороны друг друга игнорировали – просто каждая была слишком занята собственным выживанием. Айви и Джей-Би-Эф напоминали капитанов двух терпящих бедствие кораблей, разделенных многими милями бушующего моря, и у каждой хватало своих забот. Когда канал все же использовался, он служил для переговоров об обмене между двумя группами. Ни одна не была настроена делиться информацией о своем благосостоянии. Многие, впрочем, можно было умозаключить на основе того, что вдруг срочно требовалось Рою: преимущественно топливо, но также лекарства от лучевой болезни, устойчивые к заболеваниям сорта водорослей, удобрения, запчасти к поглотителям CO₂ и двигателям Стирлинга, вырабатывающим в каплях электричество. В обмен в основном предлагалась пища – единственное, что они были способны производить, а «Эндьюрансу» не хватало.

Через одиннадцать недель после Разрыва произошла солнечная вспышка, сопровождавшаяся явлением, известным как корональный выброс массы: при этом Солнце вышвыривает в Солнечную систему огромное количество заряженных частиц. «Эндьюранс», располагавший множеством сенсоров, часть из которых была постоянно направлена на Солнце именно на подобный случай, знал о грядущей буре и отправил Рою штормовое предупреждение. В те дни «Эндьюранс» еще находился под защитой земной магнитосферы. Это обстоятельство, а также оболочка из железа и льда позволили его экипажу перенести бурю, почти не подвергаясь дополнительному облучению. Однако они не знали, получил

ли Рой предупреждение, а если да, то понял ли опасность. Капельмейстеры прекрасно осознавали угрозу, исходящую от корональных выбросов массы, и предусмотрели для каждой капли «штормовые убежища»: по сути дела, спальные мешки, спроектированные таким образом, что между их внешней и внутренней оболочкой можно было закачать воду, окружив обитателя молекулами, успешно поглощающими протоны высоких энергий. Капли также снабжались лекарством под названием амифостин, защищающим ДНК от повреждения свободными радикалами, которые образуются в теле под воздействием радиации. Схема была вполне работоспособной при условии, что капли получают предупреждение хотя бы за полчаса и что в баках капель хватит воды, чтобы наполнить убежища. Эти действия регулярно отрабатывались при учебных тревогах, как матросы отрабатывают спуск на воду спасательных шлюпок. Однако никогда нет гарантии, что все пройдет гладко, так что было маловероятно, что ни один из восьмисот капель не пострадал.

В последующие три года произошло еще десять достаточно больших, чтобы представлять беспокойство, корональных выбросов массы. Каждый раз «Эндьюранс» передавал Рою предупреждение, но ни разу не получил подтверждения о приеме.

Тревожило то, что Рою, похоже, постоянно требовалась вода. Поскольку система водоснабжения капли была замкнутой, израсходовать ее можно было единственным способом: расщепить на водород и кислород и сжечь в двигателе. Каждой капле в рое приходилось иногда маневрировать, просто чтобы не нарушать строя – даже при условии, что рой никогда не уклоняется от камней и не меняет орбиту относительно Земли. Однако, судя по всему, рой уже несколько раз менял орбиту, добиваясь, чтобы она поднялась выше и стала менее вытянутой, тем самым отдалившись от поясов Ван Аллена. Надо полагать, на то имелись причины. Но без воды, чтобы наполнить штормовые убежища, капли становились уязвимы для катастрофы, способной одним ударом уничтожить всех или почти всех. Айви оставалось лишь надеяться, что они не утратили осторожность и обратятся за помощью, если все действительно окажется настолько плохо. Тем временем она старалась не соблазняться мыслью, что уж у «Эндьюранса»-то воды более чем достаточно. Второй экспедиции «Имира» уже не будет. Той водой, что у них сейчас есть, человечеству, быть может, придется довольствоваться на протяжении столетий.

Она уже решила, что ответит, если Джей-Би-Эф обратится к ней с экстренной просьбой о воде для убежищ: ничего не дам, возвращайтесь, чтобы присоединиться к экипажу «Эндьюранса», ваше убежище здесь.

Иной раз она задумывалась, понимает ли Джей-Би-Эф, что ответ будет именно таков, и на что готова, чтобы избежать столь безоговорочной капитуляции.

– Однако пришлось попотеть, – прохрипел Дюб и сразу же промочил горло глотком хорошо выдержанного односолодового «ардбега», смешанного с астероидной водой возрастом в пять миллиардов лет.

Он был в «банане», слова его обращались к пустой комнате, а сам он смотрел на закрепленный на стене проекционный экран. Очки для чтения перестали ему помогать – форма глазных яблок в невесомости изменилась. Те, кто знал, как пользоваться машиной для шлифовки стекол, погибли или пропали без вести, так что новые очки сделать было невозможно до тех пор, пока кто-нибудь не обнаружит, где, собственно, припрятана машина, и не прочтает руководство по эксплуатации. Поскольку на «Эндьюрансе» оставалось в живых лишь двадцать восемь человек, ожидать этого в ближайшее время не приходилось. На расстоянии он все еще видел неплохо, но из-за проблем с очками старался подолгу не пользоваться ноутбуком. Вместо этого он предпочитал выбраться в «банан», впитать там чуть-чуть тяготения, подключить ноутбук к шнуру проектора и поработать на удалении от экрана.

Он провел здесь уже час, поскольку не хотел пропустить определенное событие. Он прекрасно знал, когда именно оно произойдет, с точностью до нескольких секунд, но все равно не мог все это время думать ни о чем другом. Остальные двадцать семь человек спали или были заняты. Дюб праздновал в одиночку.

Большую часть дисплея занимало единственное окно, в котором было шесть чисел, набранных крупным, хорошо различимым шрифтом. Орбитальные параметры «Эндьюранса». Числа обновлялись несколько раз в секунду, поэтому некоторые цифры были размыты и подергивались. Он внимательно следил за тем, рядом с которым стояла буква «Р» – радиус. Иными словами, расстояние от «Эндьюранса» до центра Земли. Сейчас значение было больше, чем когда-либо – 384 512 933 метра и последние цифры продолжали медленно увеличиваться. «Эндьюранс» подбирался к апогею, самому высокому за все время полета, и высота эта была чуть выше той, на которой некогда вокруг Земли обращалась Луна. Впервые они поднялись в небеса на высоту Расщелины.

Плавающие объекты слегка сместились – это включились оставшиеся двигатели «Эндьюранса». От первоначального комплекта из восьмидесяти одного двигателя капли у них осталось тридцать семь. При определенной

удаче удавалось запустить и все тридцать девять. Остальные давно разобрали на запчасти для уцелевших. Чтобы скомпенсировать потери, на корму присобачили все прочие имевшиеся в наличии двигатели – большой, некогда стоявший на Камбузе, все реактивные модули с бывшей Верфи и несколько дополнительных двигателей от капель-потеряшек, которые отстали от Роя, но сумели добраться до них. Несмотря на утрату заметной части двигателей, «Эндьюранс» был столь же маневрен, что и в самом начале, когда бултыхался на самом дне земного гравитационного колодца и при этом тащил на себе запас топлива на несколько лет. Теперь он весил вдвое меньше.

Запуск двигателей оказался довольно долгим. За ним последовал разворот и еще один запуск, направленный в противоположную сторону. Дюбу не требовалось читать числа на экране, чтобы понять, в чем заключается суть маневра. К нему готовились последние три года.

Корабль находился сейчас на высокоэксцентрической орбите: два резких разворота, а между ними – почти прямые участки траектории в треть миллиона километров длины. Земля находилась внутри одного из разворотов. Перигей «Эндьюранса» за три года не изменился, на каждом из многотысячных витков они проносились над самой атмосферой Земли, включив двигатели на полную мощность. Во время последнего такого прохода, состоявшегося пять дней назад, поставили очередной рекорд скорости, превысившей одиннадцать тысяч метров в секунду. Симметричная форма орбиты была обманчива – сейчас они находились в противоположной ее точке, чуть выше орбиты прежней Луны, но ползли со скоростью, которую в свое время удавалось достичь гоночным автомобилям в заездах по поверхности соляных озер. Они были словно на американских горках – в тележке, которую подняли на самый верх и которая потихоньку ползет к тому месту, откуда секунду спустя сорвется вниз. Земля была размером с шарик для пинг-понга на расстоянии вытянутой руки. Вот-вот они снова начнут падение, разгоняясь, чтобы достичь одиннадцати тысяч метров в секунду при следующем проходе через перигей пять дней спустя.

Однако сейчас, в те несколько минут, пока они чуть ползут, можно было творить чудеса. Небольшие изменения скорости здесь, наверху, были способны существенно изменить траекторию там, внизу. Поскольку «Эндьюрансу» удалось выдержать три года, не отступая от плана, он поднялся на ту же высоту от Земли, что и Расщелина, однако все это время находился в неверной плоскости – той самой, в которой изначально обращалась «Иzzi» и которую выбрали (как теперь казалось – миллион лет

назад), поскольку туда легче попасть с Байконура. Там, внизу, на дне гравитационного колодца, маневр смены плоскости требовал колоссальных расходов. Если бы у них была возможность вернуться на Землю, дешевле оказалось бы построить с нуля новую станцию, чем перевести «Иззи» в плоскость орбиты бывшей Луны. Однако здесь, наверху, запуская двигатели в апогее, можно было потихоньку приблизиться к требуемой плоскости значительно более дешевым способом. Так что они выполняли небольшой маневр смены плоскости в каждом апогее. Это продолжалось уже не первый месяц. Маневр был необходим, если они собирались достичь Расщелины, однако у Дюба от него неприятно засосало под ложечкой – он даже пожалел, что позволил себе пару глотков специально припасенного на этот случай виски.

Поскольку плоскость орбиты прежней Луны – место, где они рассчитывали найти безопасное убежище в Расщелине – была также и плоскостью, в которой находились камни. Там они оказались в момент Ноль, и там же по большей части оставались до сих пор. Те, что упали на Землю Каменным Ливнем, составляли лишь крохотную часть тучи лунных обломков – горстку пыли по сравнению с тем, что осталось. Большую часть путешествия «Эндьюранса» штурманы намеренно придерживались наклонной «байконурской» плоскости, лежащей в стороне от каменных полей. Иначе они бы попросту не выжили так долго.

Однако теперь, чтобы достичь Расщелины, требовалось пойти на риск и окунуться в тучу обломков. Каждый раз за последние месяцы, когда они, достигнув апогея, запускали двигатели, чтобы приблизиться к искомой плоскости, они вступали во все более грязное и все более опасное пространство.

Частью проблемы была их медлительность. Если сравнить камни на орбите со стадом гоночных автомобилей, несущихся на полной скорости по кольцевой трассе, «Эндьюранс» был выбежавшим на дорогу ребенком. Это огромное расхождение в скорости сохранится до следующего апогея, через десять дней, когда они выполнят свой самый длительный за все время запуск, израсходовав все оставшееся топливо, чтобы разогнать «Эндьюранс» до той же средней скорости, что и туча обломков. Тем самым они превратят узенькую орбиту с двумя разворотами в почти идеальную окружность, навсегда оставшись в 384 512 933 метрах от Земли. Аккуратно влившись в поток машин на кольцевой трассе, они начнут охотиться за Расщелиной. Дюб уже несколько раз наблюдал ее в телескопы, определил парамы и примерно знал, где ее искать.

Это было делом всей его жизни.

Спроси его кто-нибудь об этом несколько лет назад, до Ноля, он бы назвал что-нибудь другое. Однако начиная со Дня 360 вся его жизнь была лишь подготовкой к миссии, которую он сначала распланировал, а теперь, на «Эндьюрансе», и выполнял. В день Разрыва, когда прибыло топливо, погиб его друг и коллега Конрад, а Рой их покинул, стало окончательно ясно, что именно предстоит сделать и кому. Он и делал.

Оставалось десять дней, прежде чем они окунутся в тучу обломков. Возможно, пара недель, прежде чем они достигнут Расщелины. Дюб не знал, доживет ли. Было совершенно очевидно, что у него рак. Диагностического оборудования не было, однако симптомы в пищеварительном тракте были совершенно однозначны, следом распухла от метастазов печень. В последнее время он ощущал что-то странное в легких. И оно росло. Причины могли быть вполне естественными – то есть болезнь зародилась на Старой Земле, еще до полета в космос, – или же радиоактивная частица с «Имира» случайно оказалась у него в пище, и следом – в кишечнике. Это не имело значения. Главное, что сейчас занимало его мысли – успеет ли он увидеть Расщелину. Чувствовал он себя не так уж и плохо, так что наивным ответом было бы – да, безусловно. Однако развитие рака тоже своего рода экспоненциальный процесс, и Дюб прекрасно знал, что в таких случаях возможны неожиданности.

Кораблем сейчас управляла Болор-Эрден, находящаяся в Набалдашнике – тщательно защищенном командном центре, построенном за самой Амальтеей. Во всяком случае, нынешняя пилотская вахта значилась за ней. Различия в званиях и профессиях уже практически стерлись. Выжившие – девять мужчин и девятнадцать женщин – умели все: управлять кораблем, чинить двигатель капли, выходить в космос, программировать роботов. Дюб, каким он был несколько лет назад, тоже заявился бы сейчас в командный центр, заглядывал Бо через плечо, контролируя парамы, а в редкие свободные минуты обменивался с ней всякими остроумными фразами. Дюб, сидящий сейчас в «банане», все это уже проходил тысячу раз и прекрасно знал, что для Бо, как и для всех остальных, это рутинное дело, все равно что до Ноля ехать в машине на работу. Он бы только зря побеспокоил собственный больной желудок. Требовалось беречь силы.

Тут Дюб обнаружил, что заснул. Открыв глаза и не без усилий сосредоточив взгляд на экране, он обнаружил, что апогей был час назад. Сейчас они в последний раз падали к Земле.

Его телефон зазвонил. На расстоянии вытянутой руки все выглядело размытым, но какой-то уцелевший в мозгу зрительный центр сумел

распознать в смазанных пикселях сделанное несколько лет назад фото Бо. Он провел по экрану пальцем и ответил на звонок.

– Рой вышел с нами на связь, – сообщила Бо.

– Серьезно? – ответил он. Сон как рукой сняло. – И чего Джей-Би-Эф хочет?

– Это не Джей-Би-Эф. Это кто-то по имени... – Бо запнулась, – ...Айда. Или как-то так. Там две точки над «и».

Дюбу имя показалось знакомым. Айда? Он ее смутно помнил по своим первым дням на Облачном Ковчеге. Итальянка. Совсем юная. Каппи, а не из регуляров. Впечатление от нее осталось несколько странное. Девушка настолько остро на все реагировала, что это быстро утомляло.

– Произносится «Айда», – поправил он Бо.

– Короче, они нас поздравляют с успешным маневром и просят переговоров. Разбудить Айви?

– Пусть спит, – ответил Дюб. – Я сам подойду через минуту.

Пусть он терпеть не мог подобных рассуждений, однако в Рое прекрасно знали и который теперь час, и смену, в которую Айви спит, и то, что сейчас именно эта смена. Если вытащить ее из постели, создается нежелательное впечатление, что «Эндьюранс» крайне заинтересован в переговорах.

Возможно, подобные предосторожности – перебор и результат мышления в интриганском стиле Джей-Би-Эф, думал он, толкая себя через Стержень. Который за эти годы пришел в упадок, холодные как лед стены пожелтели и поблескивали от сконденсировавшегося на них человеческого дыхания – помыть их все как-то не доводилось. Дюб порадовался, что зрение не позволяет ему видеть подробности.

О Рое знали очень мало. Согласно информации от капель, прибавившихся к ним за три года, Джей-Би-Эф быстро сосредоточила власть в своих руках, используя кризис, вызванный первым корональным выбросом – от которого погибло около десяти процентов населения, – чтобы ввести собственный вариант военного положения. Дисциплина в результате укрепилась, хотя население и продолжало сокращаться, но примерно год назад среди каппи возник бунт и Рой разделился на два. Они сосуществовали – выбора у них не было, – хотя и не общались.

Экипаж «Эндьюранса» на удивление слабо интересовался делами Роя, поскольку, если разобраться, для них они мало что значили. Все было уже решено в день Разрыва. Не столько даже в политическом смысле, сколько с точки зрения законов физики. Те, кто остался на «Иzzi», согласились следовать плану Дюба, участвовать в деле его жизни: в «долгой поездке».

Либо ты взял билет на «Эндьюранс», масса которого служила одновременно защитой и западней, либо нет. Если да, сойти уже невозможно. Если нет, тебе предстояло выживать вместе с Роем, иными словами, уйти на совершенно другую орбиту, следуя плану, по принципам орбитальной механики с «долгой поездкой» абсолютно несовместимому. После того, как орбиты разошлись, сойтись снова можно было только через значительную *дельту-вэ*, что означало большой невосполнимый расход воды. Чем меньше у тебя воды, тем меньше защиты от корональных выбросов, меньше возможности выращивать пищу и ограниченная свобода маневра, если на тебя летит камень. Уговорить на подобный маневр весь Рой было бы нереально, да и вряд ли очень мудро, поскольку «Эндьюранс» мог принять лишь ограниченное количество беженцев. Их план основывался на способности корабля выдерживать удары болидов без серьезных последствий. Незащищенные капли в его кильватере со временем оказались бы выбиты одна за другой. Таким образом, из чисто физических соображений Разрыв был необратим, даже стремись обе стороны к воссоединению.

Однако, очевидно, остатки Роя внимательно наблюдали за «Эндьюрансом». Выжидали, чтобы понять – справится ли он.

Эта Аида, надо полагать, осознала, в чем заключается план Дюба. И знала, что ставки сейчас высоки как никогда. Если остатки Роя доберутся до «Эндьюранса» в ближайшие десять дней, еще до того, как он окунется в мальстрем обломков, у них тоже появляется шанс достичь относительной безопасности Расщелины. В противном случае они обречены навеки обращаться вокруг Земли по относительно чистой и безопасной орбите, постепенно теряя людей и воду.

Дюб вплыл в Набалдашник. Там сейчас были трое: Бо, Стив Лейк и Майкл Пак, бывший каппи, гей корейского происхождения из Ванкувера, оказавшийся на «Эндьюрансе» совершенно незаменимым из-за своего обширного списка достоинств.

– Согласно нашим записям, ее зовут Аида Феррари, – сказала Бо еще до того, как Дюб открыл рот. – Лидер фракции противников Джей-Би-Эф. Видимо, Джей-Би-Эф проиграла.

Стив, похоже, был занят. И это радовало. У него обнаружили серьезные проблемы с кишечником, какой-то резкий дисбаланс микрофлоры. Он все еще носил дреды, которые были чуть ли не больше его самого, поскольку сам Стив, вероятно, весил теперь меньше пятидесяти килограммов. Однако пальцы его продолжали летать над клавиатурой ноутбука.

Бо вернулась к своим непосредственным обязанностям по управлению кораблем, поэтому объяснения продолжил Майкл:

– Стив пытается установить видеосвязь. Этого уже несколько лет никто не делал.

Имелось в виду видео на волнах, которые раньше назывались S-диапазоном и использовались для связи между космическими аппаратами. Разумеется, в распределенной сети для коротких дистанций, которую спроектировали для Облачного Ковчега капельмейстеры, чтобы его жители не утратили контакт, они постоянно общались по спайку. Однако в зависимости от положения на орбите остатки Роя могли оказываться в сотнях тысяч километров от «Эндьюранса», далеко за пределами сети, поэтому прибегали к той же самой доинтернетовской технологии, посредством которой астронавты «Аполлонов» передавали телевизионный сигнал с поверхности Луны.

В конце концов Стив справился с задачей, и их взорам предстало сильно пикселизированное лицо темноглазой женщины, очевидно симпатичной, если бы не прическа – с месяц назад та подстриглась под ежик и с тех пор, похоже, волосами не занималась.

Когда Стив специально для Дюба вывел изображение на большой экран, где тот тоже мог его видеть, он сразу разглядел очевидные признаки недоедания, хорошо знакомые по «Эндьюрансу». И слегка удивился. У них тут было принято предаваться самоистязанию, воображая, как в Рое процветает агрономия. Возможно, там кончается вода. Женщина смотрела вниз, как всем было ясно – на экран планшета под камерой. Поняв, что связь установлена, она вздернула подбородок и уставилась огромными темными глазами прямо в Набалдашник. Из-за плохого качества видеоканала глаза казались абсолютно черными, зрачков не отличить от радужки, и, казалось, горели голодным огнем.

– Аида, – представилась женщина. – Вижу вас, доктор Харрис.

Она улыбнулась было, показывая больные зубы, но потом спохватилась. Глаза на мгновение метнулись в сторону, к кому-то или чему-то, для них невидимому, потом опять вернулись к камере. Она подняла планшет повыше, чтобы видеть картинку с «Эндьюранса». Рука при этом ненадолго оказалась перед самой линзой, они увидели грязные обломанные ногти и край обтрепанного лоснящегося рукава. Слышалось негромкое бормотание нескольких голосов – в капле вместе в ней были еще люди, но камера, захватывающая комнату, почему-то их не показывала. Следовательно, они находились в невесомости, то есть не летели в составе бола. Глаза женщины изучали видео на планшете, она силилась понять, что

перед ней. На момент Разрыва Набалдашника не существовало, узнать его она не могла.

– Стив Лейк, – пробормотала она наконец, разглядев знакомое лицо.

– Бо, – представилась Бо.

– Майкл, – сказал Майкл.

– Кто у вас командир? – потребовала Аида. – Все еще Айви или...

– Айви жива и командует нами согласно конституции Облачного Ковчега, – ответил Дюб. – Сейчас она отдыхает. Мы можем ее разбудить, если она срочно вам требуется.

– Нет. Незачем, – ответила Аида, чуть отпрянув и сощурившись.

Из-за большого расстояния между ней и «Эндьюрансом» видео шло с задержкой, так что разговор происходил рывками и перебивался неловкими паузами.

– Сколько вас осталось? – спросил Дюб.

– Одиннадцать.

Дюбу, привыкшему постоянно работать с очень большими числами, потребовалось время, чтобы справиться с подобной мелочью. Одиннадцать. Десять и еще единица.

Тут его посетила мысль:

– Ты хочешь сказать, одиннадцать *капель*?

Это означало бы десятки человек, возможно, и всю сотню.

Похоже, Аиду предположение позабавило.

– Капель-то у нас как раз полно. Двадцать шесть штук.

– Ага. А чего же тогда у вас одиннадцать?

– Человек, – ответила Аида.

– Аида, – сказала Бо, – хотелось бы убедиться, что мы правильно тебя понимаем. Чтобы не было ненужной путаницы. Ты сейчас говоришь от имени всего Роя. И ты хочешь нам сказать, что от всего Роя сейчас осталось одиннадцать человек?

– Да. И еще один...

– Кто – один?

Похоже, вопрос снова позабавил Аиду. Она отвела взгляд от камеры. Могло показаться, что она даже слегка при этом закатила глаза. Дюб уже не в первый раз напомнил себе, что каппи попали на орбиту, когда им не было двадцати.

– Сложный вопрос. Скажем так – еще одного можно уже считать покойником.

Собравшиеся в Набалдашнике все еще ничего толком не понимали. Первым что-то сообразил Майкл:

– Мы знаем, что Рой раскололся на две фракции. Одной руководила Джей-Би-Эф. Ты – из другой группы?

– Ну да, – расхохоталась Аида. Снова напомнив Дюбу тинейджера, который для вида обсуждает с бестолковыми родителями что-то, в чем они ничего не смыслят.

Майкл, тоже несколько сбитый с толку, продолжил, слегка запинаясь:

– Значит, когда ты говоришь, что вас одиннадцать... плюс еще один, с которым, я так понял, не все ладно... ну, ты ведь это про свою фракцию, ту, которая против Джей-Би-Эф?

– Их мы давно победили. Вот уже несколько месяцев.

– Когда ты так говоришь, это означает, что у вас был открытый конфликт? Война? – спросил Дюб.

Аида пожала плечами:

– Ну, подрались немного. – Похоже, она не придавала этому значения. – Хотите – зовите войной. Скорее – так, отдельные схватки. Настоящая, так сказать, битва была в Интернете. В соцсетях.

Последовало молчание. Аида ожидала какой-нибудь реакции. Не дождавшись, она снова пожала плечами:

– А что мы, по-вашему, должны были делать? Таранить друг друга каплями? В нашей обстановке такой типа войнушки как бы особо и не устроишь. Пришлось воевать на словах. – Она выставила перед собой ладони, изобразив пантомимой два рта, переругивающиеся между собой, шлепая пальцами-челюстями. – Ну, там, убалтывать людей, чтобы они перешли на твою сторону. А другую мазать дерьмом. Диванная война, все как в Интернете. – Она хихикнула, приложила к щеке ладонь, потерла глаз. – Слушайте, там все было очень сложно, мне прямо сейчас не объяснить – как все вышло так, как вышло.

– Но ты говоришь, что фракция Джей-Би-Эф потерпела поражение? – снова спросил Майкл. Из всех собравшихся в Набалдашнике он дольше других цеплялся за мысль, что всему найдется понятное и логичное объяснение.

– Ее и Тава, да.

– Ты хочешь сказать, что вы их победили словами. Идеями. Кампанией в соцсетях.

– Мы оказались убедительней, – кивнула Аида. – Я оказалась. Капли переходили на мою сторону одна за другой. Белая Капля продержалась дольше всех, но сдалась и она.

– И что с ними стало?

– С Джей-Би-Эф все в порядке. С Тавом – не совсем.

– Это ты про него говорила. Двенадцатый, который все равно что покойник.

– Боюсь, что так.

– Возвращаясь к ранее заданному вопросу, – вмешался Дюб, – число, которое ты назвала, относится ко всему Рою. К обеим фракциям.

Аида, которая наконец поняла, чего от нее добиваются, села прямо и посерьезнела:

– Да. Больше выживших нет. Из восьмисот осталось одиннадцать.

Четверо в Набалдашнике надолго замолчали, переваривая информацию. Они всегда опасались, что дела в Рое идут не лучшим образом, но им и в голову не приходило, что все настолько плохо. В конце концов Дюб воздел перед собой руки ладонями вверх и спросил:

– Что у вас случилось?

– Рухнула гидропоника, – Аида на какое-то время отвернулась от камеры. – Ну то есть там много чего было, но в конечном итоге это главное. Корональные выбросы, болезни водорослей, недостаток воды... Большинство капель уже не производят пищу.

– Тогда что же вы едите?

Аида резко развернула голову, словно вопрос ее поразил, и удивленно уставилась в камеру:

– Остальных. Я имею в виду – тех, кто умер.

Снова долгая пауза – Дюб, Бо, Майкл и Стив, вытаращив глаза, смотрели друг на друга.

Самое ужасное, что им всем подобное тоже приходило в голову, и неоднократно. Каждый замороженный труп, который приходилось выбрасывать в космос, представлял собой коллекцию белков и других питательных веществ, от которых, если взглянуть на них под определенным углом, просто слюнки текли.

Аида, словно прочитав эти мысли, уточнила:

– А вы-то?

– В смысле – дошли ли мы до того, чтобы есть покойников? Не дошли, – ответил Дюб.

– Это все Тав начал, – объяснила Аида. – Съел собственную ногу. Как он это сам назвал – мягкий каннибализм. Ноги в космосе все равно не нужны. Опубликовал в блоге, запись стала вирусной.

Ответить им было нечего. Через какое-то время Аида продолжила:

– Конечно, на «Эндьюрансе» больше запас рационов и всего остального. И сколько угодно воды. Вы бы до такого не дошли.

– Мы – не дошли, – согласился Дюб.

По жестам остальных в Набалдашнике ему было ясно – они в таком шоке, что слова им сейчас лучше не давать.

– А что касается нас, – сказала Аида, – вам следует знать, что прочие запасы мы сохранили. Даже когда теряли капли и людей. Все, что оставалось, мы перемещали в уцелевшие капли. Все двадцать шесть загружены припасами.

– Всем, кроме пищи, – кивнул Дюб.

– Да.

– А воды, чтобы попасть на нашу траекторию, у вас хватит?

– Да, – ответила Аида.

Красивая молодая женщина, думал Дюб, и столько страсти в голосе, что легко понять, как она выиграла у Тава и Джей-Би-Эф кампанию в соцсетях.

– Мы провели расчеты, – продолжала она. – Если избавиться от лишней массы и загрузить все, что есть, в гептаду, мы можем с вами встретиться в вашем следующем апогее. Но нам понадобятся ваши точные парамы.

– Мы обсудим ваше предложение, – сказал Дюб, – и при необходимости начнем подготовку.

Он перевел взгляд на Стива Лейка, и тот разорвал связь, хотя Аида собиралась сказать что-то еще.

Они сидели в «банане» и обсуждали предложение – как будто здесь было что обсуждать. Выражали шок и отвращение по поводу того, до чего опустился Рой. Луизе все это показалось пустой тратой времени. О чем она в конце концов и сказала. В этом роль Луизы и заключалась. Этого от нее ожидали. На это надеялись.

– Погибли семь миллиардов. По сравнению с этим трагедия не такая большая. И, как на духу, каждому из нас приходило в голову, что мертвых есть можно, так что давайте не делать вид, будто для нас это такой уж шок. Истинная причина, по которой новость так нас ошеломила – разрушенные надежды. Мы думали, что в Рое сотни человек, полно еды и найдется с кем поговорить. Хорошо, головой мы все понимали, что это вряд ли, но надеяться-то могли. Выяснилось, что осталось одиннадцать трупоедов. Что ж, оставить их вымирать и дальше? Нет, конечно. У нас найдется место для них и для их гептады, полной ценных витаминов.

– Я ее боюсь, эту Аиду, – сказал Майкл Пак.

Луиза вздохнула:

– Позволь мне высказать предположение: ты ее боишься потому, что

где-то внутри сам себя спрашиваешь – а не стал бы я сам такой же Аидой, если бы по-настоящему проголодался?

– И все же – пустить ее на борт «Эндьюранса»...

– И Джей-Би-Эф, – добавила Фекла.

Как всегда, они с Мойрой сидели рядом, переплетя пальцы.

– Я надеялась никогда больше не увидеть Джулию, – сказала Камила. – Знаю, это все моя мстительность и эгоизм, однако...

– Я прекрасно понимаю все ваши сомнения, – сказала Айви, – поскольку сама их разделяю. Вопрос сейчас заключается в том, должны ли эти сомнения повлиять на решение, которое мы примем. Позволим ли мы трети всего человечества умереть лишь потому, что боимся Аиды и ненавидим Джей-Би-Эф. Очевидно, нет. Соответственно мы передадим наши парамы и подробности планируемого запуска. А пока движемся по орбите и у нас есть время, будем готовиться к приему дополнительных капель.

Остаток времени на орбите оказался занят настолько плотно, что они даже вскрыли неприкосновенный запас рационов, поскольку и мозги, и мышцы остро нуждались в горячем. Однако посередине десяти дней непрерывного напряжения случилась передышка. Дина и Айви не сговариваясь решили провести ее в помещении, которое Дюб некогда окрестил Суеверным шариком и которое теперь носило имя Купол.

После Разрыва, когда Рис перестраивал «Иззи» с «Имиром» в единую движущуюся скульптуру из стали и льда, он перенес этот модуль в другое место на Стержне и позволил движущемуся льду нарасти вокруг. Сначала лед полностью окружил внутреннюю полусферу, а потом образовал защитный козырек над той, где были окна. Модуль торчал сбоку «Эндьюранса», словно выпученное глазное яблоко, и давал людям место, откуда можно взглянуть на Вселенную. С инженерной точки зрения полезная функциональность как таковая у него отсутствовала. Модуль скорее проходил по статье расходов, поскольку время от времени в него попадали небольшие камни, вызывая разгерметизацию и требуя ремонта. Находящиеся в нем были под прямым воздействием космического излучения, так что при прохождении через пояса Ван Аллена посещать его запрещалось, а происходило такое постоянно. И тем не менее людям он нравился, они не жалели сил на ремонт и приходили туда всякий раз, если хотели побыть в одиночестве или с кем-нибудь наедине. Это было одно из наивысших достижений Риса как дизайнера, и Дина, оказываясь внутри, всякий раз беззвучно его благодарила. С началом Каменного Ливня данное

Дюбом название стало казаться несколько бестактным. Какое-то время люди называли его английским словом *Dome*, «Собор», однако по-русски слово «дом» означало совсем другое, так что в конечном итоге остановились на Куполе – по-английски и по-русски это звучало примерно одинаково и значило примерно одно. В русском языке у слова была и религиозная коннотация, поскольку оно напоминало о церковных куполах.

Во время передышки Айви и Дина могли особенно не переживать из-за космического излучения, поскольку «Эндьюранс» они развернули так, что Купол смотрел в надир, в сторону Земли. А Земля была достаточно близко, чтобы перекрыть им вид на космос. Как источник жизни она теперь не годилась, но космические лучи поглощала ничуть не хуже прежнего. Сквозь нее не могло пройти ничего, если не считать еще одного загадочного Агента, способного пробивать планеты. Так что Дина и Айви плавали сейчас в центре сферы, взявшись за руки, чтобы не разлететься, потягивали бурбон из пластиковых пакетов и в последний раз смотрели на некогда родную Землю. За те шесть лет, что они обращались вокруг, обе успели привыкнуть к значительному углу между орбитальной плоскостью «Иzzi» и экватором, дававшему прекрасные виды высоких широт. Однако в свете последних изменений орбитальной плоскости «Эндьюранса» они были теперь ограничены поясом между тропиками.

Не то чтобы в нынешнем состоянии Земли между видами была охренительная разница. Небеса продолжали пылать, их пронизывало голубовато-белое сияние Каменного Ливня. Поверхность материков, насколько их удавалось разглядеть сквозь дым и облака пара, представляла собой пятна тускло светящейся лавы: иногда это были свежие кратеры от крупных метеоритов, а местами лава выплескивалась из трещин в земной коре. Океаны были черные ночью, укутаны паром днем, побережья различались с трудом, однако было ясно, что вода заметно отступила. Флорида протянулась теперь до самой оконечности архипелага Флорида-Кис, однако все это время болиды отгрызали от нее куски, а цунами подмывали побережье. Полтора года назад огромный камень выбил пробку из спящего супервулкана в Йеллоустоне. С того времени большая часть Северной Америки была скрыта за тучами пепла; желтые вспышки на самом севере их поля зрения подразумевали, что потоки магмы все еще продолжают изливаться. По давней привычке у Дины мелькнула нелепая мысль: надо включить радио, вдруг Руфус сейчас на связи. Она всплакнула, в ответ расплакалась и Айви, так что последние полчаса передышки, уже за перигеем, обе смотрели на Землю сквозь водяной слой. Не то чтобы это сильно повлияло на зрелище. Однако Дина старалась запомнить как можно

больше. В ближайшие несколько тысяч лет Землю так близко не увидит ни один человек.

Пылающая планета начала отдаляться. Теперь она будет лишь становиться все меньше и меньше. Пора было возвращаться к работе. Но они обнаружили, что расстаться никак не получается. Давным-давно, до Ноля, им иногда доводилось исповедоваться друг другу в своих общих тайных страхах – в том, что не годятся для миссии, ради которой их запустили на орбиту, истратив кругленькую сумму из средств налогоплательщиков. Что они все только испортят, ударят лицом в грязь, что оставшимся на Земле за них будет стыдно. Теперь, само собой, те давние страхи давно отправились в кладовку, или, во всяком случае, оказались похоронены под гораздо большим ужасом. И все равно с самого начала проекта Облачного Ковчега, а особенно с того момента, как было принято необратимое решение построить «Эндьюранс» и отправиться в «долгую поездку», страхи нередко возвращались к ним в еще более жуткой форме. Что, если они все делают неправильно? Великую цивилизацию, раскинувшуюся некогда на планете под ними, они уже почти и не помнили. И тем не менее контраст между ней и ее остатками на орбите был очень болезненный. Грязная, побитая колымага «Эндьюранса» – позор человеческой расы. Неужели нельзя было добиться чего-то получше? А теперь, после трехлетнего путешествия – после трех лет непрерывающегося упадка, перемежаемого лишь откровенными катастрофами, – у них не оставалось иного выхода, как через пять дней совершить маневр, который чем ближе становился, тем безнадежней казался.

Если они сейчас все испортят, виноваты будут именно они и никто другой.

Впрочем, винить их тоже будет уже некому.

Последнее время их регулярно охватывали подобные приступы неуверенности, но, как правило, не одновременно, так что одна всегда помогала другой выбраться из пропасти отчаяния. Сейчас они рухнули туда вдвоем, вместе предстояло и выбираться.

Дине вспомнилась последняя радиограмма Руфуса.

ПОКА МОЯ РАДОСТЬ НЕ ПОДВЕДИ НАС

– Ну, ладно, – сказала она. – Пошли-ка, дорогая. Работать пора.

Работа позволила им на протяжении последнего витка «долгой поездки» не беспокоиться лишний раз о том, что случится по ее

завершении. Длительный запуск двигателя в апогее, в котором объединятся заключительный маневр смены плоскости и разгон, чтобы влиться в «скоростное шоссе», по которому, как шарик внутри подшипника, носилась вокруг Земли Расщелина, подразумевал столько непредсказуемых трудностей, что никакие прогнозы были невозможны. Однако существовала и совершенно новая особенность: поскольку им предстояло влиться в поток камней, движущихся быстрее, чем они, камни будут догонять их *сзади*, где никакая Амальтея не прикроет.

В начале миссии Дюб подумывал о том, чтобы в последний момент перестроить «Эндьюранс» – перенести все уязвимые конструкции на противоположную сторону астероида. С тем личным составом, что имелся на начало путешествия, задача была реальная. Сейчас, с экипажем в двадцать восемь дистрофиков, об этом и думать не приходилось. Все рабочие руки потребовались всего лишь для того, чтобы подготовиться к приему гептады из Роя. Ее решили пристыковать в середине Стержня, закрепить тросами и надеяться, что при последующих маневрах она не оторвется. Люк открывать не будут. Одиннадцать человек из группы Аиды останутся в своих каплях, пока все не кончится. Под тем предлогом, что так для них безопасней. Истинной причиной было, что никто не хотел допускать каннибалов в общие помещения «Эндьюранса».

Основным проектом, над которым трудилась Дина и небольшие остатки команды роботов-наездников, что обычно ей помогали, была подготовка к сбросу Амальтеи.

На определенном уровне затея была совершенно немыслимой. И, однако, уже довольно давно планировалось поступить именно так. Последнюю серию маневров «Эндьюранса» следовало выполнять со всей возможной быстротой и ловкостью, причем в таком окружении, где камни в целом гораздо крупней, чем те, из которых состоял Каменный Ливень. В некотором роде местные глыбы приходились родителями тем, что сейчас уничтожали Землю. Каждый раз, когда два таких камня сталкивались, от них отлетали грозди осколков, и небольшая часть этих осколков достигала земной атмосферы. Каменный Ливень будет продолжаться, пока сами эти камни не уменьшатся в размере до песчинок и не расположатся в виде аккуратных колец. Способность Амальтеи защищать «Эндьюранс» от камней размером с бейсбольный, да пусть даже и баскетбольный, мяч теряла значение там, где не редкость камень размером с Ирландию. Для подобного объекта весь корабль, включая Амальтею, был не больше разбивающегося об ветровое стекло комара. Оставался единственный способ выжить в потоке камней, составляющих основную тучу обломков:

уворачиваться от тех, что покрупнее, и надеяться, что за время рывка к Расщелине в них угодит не слишком много тех, что поменьше. Если бы Амальтея – весом в сто раз больше, чем остальной корабль – оставалась частью «Эндьюранса», такая маневренность была бы невозможна.

Помимо Амальтеи, «Эндьюранс» отягощала также значительная масса льда, который они несли с собой в качестве защиты и топлива. Его вес был в несколько раз меньше, чем у Амальтеи, но тоже весьма существенный. Однако в отличие от Амальтеи лед можно было сжечь. План в основном сводился к тому, чтобы расщепить большую часть льда на водород и кислород, а затем потратить на заключительный разгон в апогее. Всего за несколько авральных минут «Эндьюранс» сожжет большую часть своей водяной массы в качестве топлива. С учетом сброса Амальтеи его вес за какой-то час упадет более чем в сто раз. Он превратится в муху, которая мечется среди мчащихся камней, уклоняясь от крупных и принимая на себя удары мелких до самой Расщелины.

Так или иначе, в планах все это значилось уже давно. У Дины и других выживших сотрудников Шахтерского поселка было три года, чтобы полностью перестроить Амальтею изнутри. Если смотреть спереди, астероид выглядел совсем как обычно. Однако внутри он был теперь выдолблен почти полностью. В известном смысле работа эта началась еще в День 14, когда Дина поставила перед одним из «хватов» задачу вырезать нишу для электронных компонентов. С тех пор работа то прекращалась, то начиналась опять. Значительное количество металла ушло на защищенное убежище для генетического оборудования Мойры Крю – в некотором роде именно его сохранение и оправдывало все их усилия в последние три года. Покончив с этой задачей, принялись наводить порядок, увеличивая объемы защищенного пространства внутри Амальтеи и постепенно убирая перегородки между ними. В результате выстроилась цилиндрическая капсула, занимавшая пространство в задней части Амальтеи – ее называли Набалдашником, поскольку она лежала поперек макушки Стержня, словно ручка трости.

Благодаря кропотливым усилиям роботов в последние два года Набалдашник отделяли сейчас от остальной Амальтеи – составлявшей девяносто девять процентов объема и массы астероида – железоникелевые стены толщиной примерно в ладонь. По космическим архитектурным стандартам стены по-прежнему были сверхмассивными: они удерживали внутри атмосферное давление и были способны отражать мелкие болиды. При этом десятки метров металла снаружи были физически отделены от стен Набалдашника, их можно было теперь просто оттолкнуть хорошей

порцией сжатого воздуха.

Вернее сказать, с учетом неравенства масс «Эндьюранс» можно было оттолкнуть от Амальтеи. Амальтея в основном останется на месте, а радикально облегченный «Эндьюранс» отскочит от нее назад, словно кузнечик, спрыгнувший с крокетного шара.

Когда настанет время, они подорвут оставшиеся структурные соединения динамитными шашками. Одной из задач Дины на последнем витке, пока они взлетали, преодолевая земное тяготение, до самого верха, чтобы встретиться с Расщелиной, было выйти в скафандре наружу и обследовать заряды: убедиться, что они забиты там, где надо, и соединены проводами. Из уцелевших во взрывчатке разбиралась только она, соответственно, никто другой этого подтвердить не мог. Очередной пример задачи, после которой шесть лет назад она валялась бы влечку, сейчас же – обычное дело.

– Знаю, что дополнительные плохие новости никому из вас не нужны, – объявил Дюб одной четвертой части человечества, собравшейся в «банане» вокруг стола, – но вот еще немного.

Все промолчали. Их было уже ничем не удивить.

Оставалось сорок восемь часов до апогея, последнего запуска двигателей, сброса Амальтеи и рывка к Расщелине. Если верить сообщению, полученному от Аиды полчаса назад, остатки Роя присоединятся к ним незадолго до того.

– Говори уже, – вздохнула Айви.

– Последнее время я присматривал за одним из пятен на Солнце, – сказал Дюб. – Что-то оно мне не слишком нравилось. Короче, двадцать минут назад там случилась большая вспышка. Мы видали побольше, но и эта существенная.

– То есть следует ожидать коронального выброса? – уточнила Айви.

– Да. Здесь его можно ждать через сутки-трое. Уточню, когда у меня будет больше данных.

Каждый призадумался. До недавнего времени корональные выбросы массы их не слишком беспокоили, разве что давали повод задуматься, как там обстоят дела в Рое. Что до крошечного экипажа, ушедшего с «Красной Надеждой», его практически наверняка давно сгубила какая-нибудь из напастей, которые так страшно проредили Рой. Экипажу «Эндьюранса» надежной защитой служили Амальтея и лед. Даже сравнительно тонкие стенки Набалдашника уберегали тех, кто внутри, от опасности, представляемой корональным выбросом. Однако по краям «Эндьюранс»

больше не был прикрыт. «Хваты» собирали последние остатки льда, чтобы скормить его расщепителям и превратить в ракетное топливо. Газы закачивались всюду, куда только можно, включая пустые корпуса капель и неиспользуемые модули. Стержень был сейчас открыт взгляду впервые с самого Разрыва.

– Это повлияет на нашу деятельность, – заключила наконец Айви. – Но процедура всем прекрасно известна. Принять амифостин. Своевременно закончить все выходы в открытый космос. Подготовиться к тому, чтобы разместить всех, кого только можно, в Набалдашнике. У некоторых будут задания ниже по Стержню, они получают с собой штормовые убежища.

– А... они? – спросил Майкл Пак.

– С ними проблема, – согласилась Айви. – Они в пластиковых каплях, и там поджарятся. Даже если у них остался амифостин и вода для штормовых убежищ, они неизбежно пострадают. Нам следовало бы принять этих одиннадцать человек на «Эндьюранс» и организовать для них укрытие.

– По первоначальному плану трое должны выйти наружу, зафиксировать гептаду и закрепить на Стержне, чтобы можно было маневрировать, – напомнил Зик Питерсен.

Из экипажа «Эндьюранса» он меньше всех изменился после Разрыва. Разумеется, Зик похудел, а виски его тронула седина, однако со здоровьем у него все было в порядке, и он исхитрился сохранить свою электробритву в работоспособном состоянии, так что был еще и чисто выбрит. После того как Федор погиб от несчастного случая, а Ульрика умерла от инсульта, Айви назначила его вторым после себя в командной структуре «Эндьюранса».

Речь шла о том, что «Эндьюрансу» предстояло сбросить девяносто девять процентов массы, иными словами, тот же самый комплект двигателей, производя тот же самый реактивный импульс, будет разгонять его в сто раз быстрее. Перегрузки не достигнут критических значений – люди с такими вполне способны справиться, – однако структуре корабля предстоит выдержать усилие, какого она раньше и близко не испытывала. Это предусмотрели давным-давно и заложили в конструкцию «Эндьюранса» еще до того, как он оказался покрыт льдом.

Таким образом, в принципе «Эндьюранс» был готов к высоким ускорениям. Если за последние годы ничего в нем не сломалось, структура должна выдержать, хотя разнообразный мусор во внутренних помещениях попадает при первом же импульсе.

Однако никто не планировал, что в последний момент к ним добавится

гептада из Роя. И это было совсем некстати. Она будет соединена со Стержнем стыковочным узлом, который не предназначен для больших нагрузок. И она будет тяжелой, поскольку Аида со своими людьми битком набили ее припасами и даже навесили кое-что снаружи. По той же причине Айви не хотелось просто сбросить гептаду – припасы имгодились бы. Поэтому и разработали план, согласно которому трое в скафандрах встречаются гептаду и немедленно привязывают ее тросами.

– Посмотрим, не удастся ли подключить к делу роботов, – сказала Айви, повернувшись к Дине и Бо. – У нас ведь там в основном бронированные разновидности, так? Значит, они смогут работать и при сильной радиации.

– Хорошо, мы подготовимся, – согласилась Дина.

– Как только гептада стыкуется, – подвела черту Айви, – вступают в дело роботы и пытаются как можно лучше ее зафиксировать. Мы открываем люк и организуем проход одиннадцати через хомячьи трубы так быстро, как только возможно – в трубах у них вообще не будет защиты. Подготовим для них штормовые убежища. Они туда залезают и летят в них до самого конца. Управление кораблем, как и планировалось, ведется из Набалдашника.

Следующие два дня напомнили Дине экспедицию «Нового Кэйрда», поскольку дел было полно, а возможности влиять на расписание – никакой. Они были целиком во власти астрономических событий. Отчасти она предпочла бы вообще не ложиться спать, пока все не кончится, но понимала, что в ответственный момент следует быть бодрой и сытой, поэтому заставляла себя есть и спать по расписанию. Проснувшись, она занималась подготовкой к прибытию гептады, располагая «хватов» рядом со стыковочным узлом, присоединяя тросы к подходящим точкам крепления, дополнительно настраивая программы для роботов, которым предстояло крепить концы тросов к гептаде, репетируя с ними действия в том случае, если трос за что-то зацепится.

Постепенно стало проясняться и расписание. Аида в резкой форме потребовала амифостин и воду для убежищ. Разумеется, выполнить ее требование «Эндьюранс» не мог. И того, и другого у них было в избытке, однако все имевшиеся модули ЦМА давно разобрали на запчасти, так что транспорт отсутствовал.

Аида решила рискнуть, истратив последнюю воду на мощный запуск двигателей, так что они прибудут к «Эндьюрансу» несколько раньше, чем предполагалось. Тем временем Дюб уточнял прогноз космической погоды;

теперь он лучше представлял, когда именно радиационный шторм их настигнет, и пришел к выводу, что все не так плохо. Гептада, вероятно, придет еще до того, как все разразится. Не исключено, что на помощь роботам Дины удастся отправить людей в скафандрах.

Дина не знала, радоваться или огорчаться. К спешке теперь прибавилась непредсказуемость участников операции. С другой стороны, Дюб заметил, что, если Аида прибудет достаточно рано, возможно, удастся перенести часть тяжелых припасов через стыковочный узел в Стержень и тем самым уменьшить лишнюю нагрузку на тросы, которые будут тянуть Динины роботы.

Тем временем пилоты, Айви и Зик, тоже разгребали всевозможные возникающие в последний момент осложнения. Уточнялась информация о той области в туче обломков, через которую им предстоит пройти. На радаре уже отчетливо читались отметки Расщелины и многих других крупных камней в ее окрестности. Оптический шум и наблюдаемые в телескоп облака позволяли судить об объектах слишком мелких и многочисленных, чтобы отслеживать их индивидуально. Все новые данные следовало учесть в планах.

Дюб выглядел уставшим, постоянно клевал носом и с самого перигея ни разу толком не поел, но был в состоянии собраться, когда требуется, и все время вводил поступающую информацию в давным-давно заготовленную статистическую модель. Она должна была увеличить их шансы на успех, указав точное время, когда сбросить Амальтею и выполнить последний большой запуск. Впрочем, он постоянно напоминал Айви и Зику: скоро они будут настолько поглощены данными о конкретных камнях, летящих с конкретной стороны, что задача перестанет быть статистической. Ближе к компьютерной игре, цель которой – разогнаться и встроиться в поток больших и малых камней, проносящихся мимо со скоростью артиллерийских снарядов.

Подробности, внезапные помехи и импровизированные решения накапливались и сгущались до тех пор, пока не напомнили Дине преодоление звукового барьера на Старой Земле: поток встречного воздуха уплотняется и затвердевает перед самолетом, превращаясь в стену, которую необходимо пробить – или же разбиться о нее. Барьер они, похоже, все-таки преодолели в тот момент, когда Майкл и еще двое надели златанное термобелье, а потом влезли в скафандры. Дюб увидел приближающуюся гептаду на радаре, потом – в телескоп, и подтвердил, что она следует курсом для встречи. Что, разумеется, означало, что гептада на своем курсе врежется в «Эндьюранс»; отличие встречи от столкновения в том, что в

последний миг гептада включит тормозные двигатели, которые приведут ее парамы в почти идеальное согласие с парами большого корабля. Сам «Эндьюранс», который все еще нес Амальтею и многие тонны топлива, маневренностью похвастаться не мог, поэтому все зависело от Аиды или от того, кто управляет ее гептадой.

В итоге воссоединение «Эндьюранса» с Роем все же началось со столкновения. Это не было катастрофическим столкновением на высокой скорости, но и упорядоченной, полностью контролируемой встречей его было не назвать. Аиде хватило присутствия духа предупредить их за тридцать секунд. До того все шло хорошо. Гептада приблизилась, включила тормозные двигатели, в основном погасила разницу в скорости с большим кораблем, и уже по чуть-чуть отработывала маневровиками, сближаясь со стыковочным узлом. Тут Аида, чуть не срываясь на крик, сообщила, что в одном двигателе кончилось топливо.

– Тяжелая, – пробормотал Зик. – Они ее перегрузили, двигатели жрут слишком много, когда приходится тащить такую дуру.

Гептада подошла чересчур быстро, под неправильным углом, и врезалась в Камбуз-2 – модуль, собранный из остатков Верфи три года назад и установленный за Х1, которым теперь заканчивался Стержень. Они увидели все на экранах, почувствовали собственными костями, услышали крики и ругань тех, кто был в скафандрах снаружи. Из отверстия, которое, очевидно, образовалось в обшивке Камбуза-2, вырвался небольшой фонтан обломков.

– Ка-два разгерметизирован, – доложила Фекла. – Изолирую от Стержня.

Среди обломков был объект покрупней, с двумя руками, двумя ногами и головой. Он беспорядочно размахивал конечностями. Никто не произнес ни слова.

– Мы потеряли Майкла Пака, – сообщил один из тех, кто снаружи.

– Назад нужно отправить еще людей, – объявила Айви находящимся в Набалдашнике.

Смысл ее слов был понятен каждому: «О Майкле у нас будет время погоревать. Сейчас есть дела поважнее».

– Мойра, ты остаешься, – добавила Айви.

Мойра и так даже не шелохнулась. Она уже привыкла, что с ней, невзирая на ее собственные желания и инстинкты, обращаются как с любимым и очень болезненным ребенком.

– Попробуй связаться с Майклом по радио. Какое-то время он еще будет жив.

Мойра кивнула, проглотила вставший в горле ком и, взяв ноутбук, стала вводить команды, чтобы установить с Майклом отдельный голосовой канал.

– Дина, ты тоже остаешься – управляй роботами. Без импровизации, похоже, не обойтись. Бо, ты идешь назад. И ты, Стив. Луиза, поддерживай с Аидой голосовую связь – меня это слишком отвлекает и напрягает. Оставайся здесь, и пусть эта проблема меня не беспокоит. Дюб, здесь. Зик, назад.

Айви еще раз осмотрелась.

– Все, чье имя я не назвала, отправляются назад и смотрят, чем помочь. Дюб, ты за синоптика. Твоя задача – сообщать информацию о шторме и когда его ждать.

– Через полчаса, – сказал Дюб. – Но да. Я буду держать вас в курсе.

Мойра надела наушники и, негромко беседуя с Майклом, удалилась в самый тихий уголок Набалдашника. Глаза она прикрывала тряпчочкой, чтобы слезы не разлетелись по всему помещению. Луиза тоже полностью включилась в назначенные ей обязанности и сейчас слушала Аиду.

– Она говорит, что попробует еще раз.

– Я думала, у нее кончилось топливо, – возразила Айви.

– Она может перекачать топливо с других двигателей на пустой. Займет несколько минут. И просит инструкций, какой стыковочный узел использовать для второй попытки, поскольку Камбуз-два поврежден.

Наскоро посоветовавшись, они решили, что в следующий раз гептаде следует подойти к узлу на старом модуле «Звезда».

Дина, которая почти два дня готовилась к стыковке на Камбузе-2, была вынуждена послать роботов вперед по Стержню вместе с тросами. Заварилась целая каша из мелких осложнений, и они целиком поглотили время, за которое гептада восстановила работу двигателя.

За повторным сближением и стыковкой следили молча. На все ушло примерно десять минут. Один раз тишину прервал Дюб, объявивший время до радиационного шторма.

Неожиданно заговорила Мойра:

– Не давайте им стыковку!

– Почему? – изумилась Айви.

– Это ловушка!

По громкой связи раздался голос Зика:

– Стыковка подтверждена. Готовимся открыть люки.

– Майкл во всем разобрался, – добавила Мойра.

– Пятнадцать минут до начала шторма, – объявил Дюб.

Дина сейчас целиком сосредоточилась на своей задаче: глядела на мир глазами десяти роботов, выполняющих десять разных задач, и время от времени отдавала короткие команды двум членам экипажа снаружи, чтобы они дернули за зацепившийся трос или помогли отчаянно извивающемуся «хвату» выбраться из западни. Разговор между Мойрой и Айви она старалась не слушать.

– В каком смысле – ловушка?

– Гептада Аиды автоматически присоединилась к сети, как только достаточно приблизилась, – сказала Мойра. – Если ты сейчас проверишь мейлы или спейсбук, то увидишь, что новые сообщения до сих пор продолжают качаться. Терабайты мейлов и постов, которые все это время были закупорены внутри Роя. Весь трафик за последние три года.

– И что?

– Майкл только что увидел нечто странное и привлек мое внимание.

– Он же плавает в космосе!

– Плавает в космосе и проверяет мейлы.

– И что же странного он увидел?

– Айви, они каннибалы!

– Мы это и так знаем.

– Несколько часов назад, – сказала Мойра, – они убили Тава и доели то, что от него осталось.

Дине было все трудней сосредоточиться на работе.

– Сегодня им нужно было быть сытыми.

Приближалось время, когда тем, кто снаружи, придется поспешить к шлюзам и войти внутрь, чтобы укрыться от шторма. Дине нельзя было от них отвлекаться. Ничего сделать по поводу слов Мойры она не могла. Дина заговорила было с одним из находящихся снаружи, но тут по громкой связи снова зазвучал Зик:

– На борту десять выживших. Сейчас из люка должна выйти Джей-Би-Эф.

– Зик, соблюдай осторожность, – скомандовала Айви. – У нас есть сведения, что они задумали недоброе.

– Всем внутрь, – приказала Дина своим слушателям. – Направляйтесь к ближайшему шлюзу. От вновь прибывших держитесь подальше – мы им не доверяем.

– Сбрасываю камень, – объявила Айви. Сквозь стены донеслось резкое шипение – сжатый воздух заполнял узенькое пространство между внешней поверхностью Набалдашника и окружающей его полостью Амальтеи. – Заткните уши. – Никто не успел повиноваться – почти сразу раздался

тошнотворный удар и звук чего-то бьющегося. Заряды Дины сработали, уничтожив структурные соединения между Амальтеей и «Эндьюрансом». Резкий рывок – с ускорением больше, чем они когда-либо испытывали за последние три года, – и Набалдашник выскочил наружу, а с ним и весь «Эндьюранс».

– Три минуты до начала шторма, – объявил Дюб.

– Джей-Би-Эф вошла, – сообщила Луиза. Она поддерживала голосовую связь с Зиком и другими находящимися сзади, повторяя сказанное ими для тех, кто в Набалдашнике. – С ней что-то не так – но я не совсем поняла что.

– Полный ход, – произнесла Айви.

Это означало, что они почти в апогее, на самой границе основной тучи обломков Луны, и что она включает все наличные двигатели на полную мощность. Тем самым она объявила тот большой запуск, который, сообщив им *дельту-вэ* около двенадцати тысяч метров в секунду, вбросит их в тучу обломков.

Все незакрепленные предметы в Набалдашнике упали на то, что сейчас стало полом. Одновременно по всему «Эндьюрансу» прокатились звуки ударов.

Зик вышел на связь по голосовому каналу:

– У нас идет бой.

– Бой? – переспросила Айви.

– Они застрелили Стива Лейка.

– Мы испытываем очень высокий уровень облучения высокоэнергетическими протонами из коронального выброса массы, – объявил Дюб. – Всем, кто сейчас не в Набалдашнике, следует срочно занять места в штормовых убежищах.

– Застрелили? – переспросила Айви.

– Из револьвера Джей-Би-Эф. Советую отключить возможность входа в сеть, они пытаются использовать закладки.

В следующую минуту в связи пошли перебои: видимо, враждебные группы в разных частях корабля пытались воспользоваться одним и тем же каналом.

Потом связь оборвалась. Оборудование продолжало работать, их просто выкинуло из сети. Айви по-прежнему могла управлять кораблем, однако никто из них не мог связаться ни с кем за пределами Набалдашника.

Все вздрогнули – со стороны люка, отделяющего Набалдашник от МОРЖа, донеслось металлическое постукивание. Уши Дины вскоре распознали морзянку.

– «Шоколад», – сказала она. – У нас с Феклой это что-то вроде кодового слова. Думаю, стоит открыть люк.

Они так и сделали, но сперва вооружились всем тем, что в Набалдашнике могло сойти за оружие. За люком обнаружились Фекла, раненная ножом в ладонь, Зик, выглядевший несколько ошалело, но никак не пострадавший, и женщина, в которой с трудом можно было узнать Джулию Блисс Флаэрти – она почти лишилась волос, а обе ладони плотно прижимала ко рту. Фекла впрыгнула внутрь и втянула за собой Джулию.

– Что происходит? – спросила Айви.

Зик поднял обе руки ладонями вверх:

– У меня следующее. Четверых мы убили. Еще двоих ранили. Нас больше, чем их. Нужно лишь продолжать сражаться.

– Вам нужно занять места в штормовых убежищах, – возразила Айви.

Фекла, отвыкшая даже от слабого тяготения, наконец нащупала под ногами опору, чтобы дотащить Джулию до угла Набалдашника и толкнуть там на пол. Затем она снова развернулась к люку. Дина никогда раньше не видела Феклу в таком состоянии, и та ее очень сильно напугала. Реакция Мойры была совершенно другой: сорвав с головы наушники, она метнулась через комнату и обвила руками шею Феклы. Выглядело это как приветственные объятия, но довольно скоро все оказалось не совсем так – Фекла волокла Мойру за собой к люку, а Мойра пыталась не пустить ее обратно в схватку.

– Радость моя, – негромко проговорила Фекла ей на ухо, – ты ведь не хочешь, чтобы я демонстрировала на тебе борцовские приемы? Тогдапусти меня, я пойду и убью эту сучку Аиду.

– Им ровно этого и было нужно – чтобы мы застегнулись в штормовых убежищах, – объяснил Зик. – Они планировали захватить корабль, как только мы это сделаем. Хорошо, что вы нас предупредили.

Фекла уже освободилась от захвата Мойры и широким шагом двинулась к люку.

Зик, который ждал там, выставил навстречу руку с черной пластиковой коробочкой. Он ткнул ею Фекле в бедро и нажал на рычажок с краю. Устройство издало резкий жужжащий треск. Нога у Феклы подломилась, она оплыла на пол, глаза остекленели.

– Прости, Фекла, – сказал Зик. – Ты остаешься. Пусть тебя перевяжут. Не бросай Мойру – ты ей нужна. А когда у тебя родится мальчик, назови его Зик.

Прежде чем кто-либо успел сказать хоть слово, он захлопнул люк.

В наступившей тишине по всей конструкции «Эндьюранса» разнесся

резкий удар. Все знали, что это означает: в них только что попал болид.

– Ты вроде как должна пилотировать? – заорал Дюб Айви.

Не говоря ни слова, Айви повернулась к экрану.

Дина набросилась на Джулию:

– Что вообще происходит?

Волосы Джулии были обкорнаны. За последние три года в них резко прибавилось серебра. Она все еще прикрывала руками нижнюю часть лица. Глаза были все те же, узнаваемые, хотя без косметики казалось, что они принадлежат человеку лет на двадцать старше.

Она медленно убрала руки от лица.

Язык у Джулии торчал наружу. В зубах у нее застрял кусок металла.

При ближайшем рассмотрении стало ясно, что Джей-Би-Эф сделали пирсинг языка. Выполнен он был стерильно и профессионально: кровь не текла, ничто не воспалилось. В отверстие вставили пятисантиметровый болт из нержавеющей стали, над и под языком его фиксировали гайки. Болт не помещался у Джулии во рту, так что ей пришлось вытянуть язык. Сверху и снизу стержень упирался в губы.

– О Господи! – выдохнула Дина.

Джулия постучала пальцем по болту, потом сделала пальцами закручивающие и откручивающие движения. Обе гайки были двойные и туго затянуты. Дина извлекла из чехла на поясе мультитул, раскрыла тонкие пассатижи, потом позаимствовала еще одни у Айви. Осторожно поворачивая гайки в разные стороны, она сумела их ослабить. Джулия отстранила ее и открутила гайки пальцами, потом осторожно извлекла стержень. Ее язык вернулся обратно в рот. Прикрыв одной рукой губы, она ненадолго откинулась назад и оперлась о стену, работая челюстью, чтобы произвести слюну и смочить язык.

Когда Джулия наконец заговорила, голос ее поразительным образом звучал совершенно нормально, словно на брифинге в Белом доме.

– Когда мы сдались, – сказала она, – они отобрали мой револьвер и стали пытаться спенсеризировать Гриндстаффа, пока он не рассказал им про ваши здешние системы все, что знал. Пароли, закладки, что и как работает. Все то, что им было нужно, чтобы установить над системой полный контроль. Потом они его убили и...

– Съели?

Джулия кивнула.

– У них в группе есть один – из хакеров. Как только они поднялись на борт, он подошел к терминалу и стал осуществлять свой план. Стив Лейк попытался ему помешать. У еще одного был револьвер, он застрелил

Стива. Это изначально входило в их планы. Они знали, что помешать им может только Стив.

– Сколько там осталось патронов?

– Я практически уверена, что это был последний. В основном они рассчитывают на ножи и дубинки. Они не ожидали, что будет бой, потому что...

– Потому что думали, что мы будем застегнуты в штормовых убежищах, – перебила ее Дина, – словно готовые на убой овечки.

Большой запуск продолжался почти час. Под конец они израсходовали столько топлива и «Эндьюранс» стал таким легким, что из-за ускорения кровь отлила у них от головы и прилила к ногам. Айви пилотировала корабль, лежа на спине, чтобы не потерять сознание. Несколько раз они слышали жуткие удары, и те, кто оставался на ногах и мог видеть экраны, отражающие статус помещений «Эндьюранса», наблюдали, как различные модули меняют цвет на желтый, красный и затем черный по мере того, как отключаются поврежденные системы. Дина видела сразу с нескольких камер, как всего в трех сотнях метров по правому борту мимо них прошел кувыркающийся обломок Луны миль в десять длиной, обогнал и унесся прочь. Это был не последний такой случай, однако с помощью Дюба, который взял на себя роль второго пилота и объявлял о самых серьезных угрозах, и Дины, выжимавшей все что можно из «Параматрицы», Айви удавалось уклоняться от крупных объектов.

Они не знали, как идет бой у них за спиной. Зик оценил их перспективы оптимистично, однако повреждения от болидов могли непредсказуемо качнуть весы в ту или иную сторону. Поврежденные части корабля изолировались автоматически, и «Эндьюранс» превратился в мешанину наглухо перекрытых зон.

Вернулась невесомость, это означало, что двигатели выключены. Скорость в среднем сейчас равнялась скорости тучи обломков. Дина, только-только привыкшая к постоянному ускорению, почувствовала, как накатывает головокружение – внутреннее ухо снова настраивалось на невесомость. Она закрыла глаза и провалилась в некое подобие дремы, плавая по всему Набалдашнику и несильно стучаясь о стены, когда Айви отрабатывала двигателями, чтобы уклониться от камня.

Потом вдруг поняла, что уже какое-то время крепко спит.

Какая-то часть сознания настаивала, что так и надо. Однако она помнила, что происходят очень важные события, и заставила себя открыть глаза, почти ожидая, что не увидит никого живого.

Не спала только Айви, ее лицо подсвечивал экран. И впервые за долгое

время выглядело оно так, как в прежние времена, когда Айви успешно продвигалась к решению увлекательной научной задачи: живым, внимательным, откровенно радостным.

– Почему так тихо? – спросила Дина. Она вроде бы давно не слышала метеоритных ударов и не чувствовала, как включаются двигатели «Эндьюранса».

– Мы вошли в тень, – пояснила Айви. – Новый защитный конус. Давай сюда.

Она приглашающе мотнула головой.

Дина подобралась к ней сзади и положила подбородок подруге на плечо. На дисплее было открыто несколько окон. Айви увеличила одно почти на весь экран. Согласно надписи, наложенной снизу на картинку, это была КОРМОВАЯ КАМЕРА.

Поле зрения было целиком занято изображением крупного астероида вплотную.

Дина профессионально занималась разработкой астероидов. Ей доводилось постоянно смотреть их изображения, одно за другим. Она научилась распознавать их по форме и по текстуре. Этот Дина узнала безо всякого труда.

– Расщелина.

Айви коснулась экрана. Под кончиком пальца возник красный крестик, Айви двинула его по поверхности гигантского камня, пока не навела прицел на огромное черное ущелье, которое будто делило астероид надвое: этот каньон и дал ему название. Она убрала палец, крестик остался посередине расщелины.

– Думаю, здесь.

– Может, чуть вниз – там пошире будет?

– Не думаю, что нам нужно широкое место. Там мы будем слишком открыты космосу.

– Тогда попробуй вот сюда. – Дина чуть-чуть переместила крестик. – Когда окажемся внутри, можно будет забиться туда, где поуже.

– Развлекаетесь, девушки? – прохрипел сзади Дюб.

– Подожди часок, тогда и для тебя будет настоящее развлечение, – ответила Айви.

– Часок я постараюсь протянуть.

Спуститься оказалось совсем несложно. Айви ввела «Эндьюранс» в ущелье, словно легкомоторный самолет в Большой каньон. Уже через несколько минут стены поднялись и почти закрыли небо. Дно ущелья по-

прежнему скрывала тень.

Следуя совету Дины, Айви затем не спеша продвинула корабль в ту часть каньона, где стены почти сходились, а от радиоактивных небес осталась лишь узкая звездная полоска. Она продолжала двигаться, иногда задевая о стены выступающими модулями корабля, пока ущелье не сузилось настолько, что пришлось остановиться.

В обе стороны вдоль ущелья можно было заметить участки, куда попадал солнечный свет. Однако прямо здесь они были укрыты и от камней, и от радиации. Айви посадила «Эндьюранс» на дно каньона. Сила тяжести Расщелины была очень и очень слабой, но все же достаточной, чтобы удержать корабль до того времени, когда они решат его передвинуть.

То есть навсегда.

Расщелина

На поверхности Расщелины человек весит примерно как литровая кружка пива. А «Эндьюранс» – как два тяжелых грузовика.

Айви в последний раз запустила маневровые двигатели, слегка повернув хвост корабля, чтобы сориентировать его вертикально. «Эндьюранс» стоял сейчас вверх тормашками, тор смотрел в небо, железный Набалдашник упирался в железное дно ущелья. Дина отправила «хватов» приварить корабль к астероиду. Айви окончательно заглушила двигатели.

Из корабля «Эндьюранс» стал зданием.

От Набалдашника, составлявшего теперь с Расщелиной единое целое, вверх, словно ствол дерева, поднимался Стержень. От него сучьями торчали различные структуры. Самой широкой частью была матрица из восьмидесяти одной капли – бывшая корма. Двигатели смотрели вверх, словно листья.

Во всяком случае, так подсказывало воображение. Чтобы выйти наружу и взглянуть самим, нужно было выбраться из Набалдашника. На время боя они заблокировали люк. К тому моменту, как «Эндьюранс» встал на последнюю стоянку, в остальных помещениях корабля давно царила тишина. В конце концов они открыли люк и принялись обследовать корабль модуль за модулем. Впереди шли «буки» и «ужики», освещая помещения и направляя камеры в укромные уголки. За ними двигалась Фекла, а Дина и Айви прикрывали ее сзади. Все трое были вооружены дубинками из обрезков трубы. Но пускать их в ход не пришлось.

Им предстало нечто среднее между местом преступления, полем битвы и зоной чрезвычайной ситуации. Воздух остался лишь примерно в половине модулей. Некоторые оказались полностью отрезаны от остальных, попасть туда можно было только в скафандре. На обследование всех ушло несколько дней.

В одном таком модуле они нашли Аиду – единственную выжившую из гептады. Прошло два дня с тех пор, как Аида доела остатки Тавистока Прауза, так что она была очень голодна, но в остальном практически жива-здорова. Когда бой и болиды загнали ее в ловушку, она забралась в заполненное водой штормовое убежище, и ту же самую воду потом пила, ожидая, пока ее спасут.

Из всего человечества осталось в живых шестнадцать человек. Некоторые были ранены в схватке или при метеоритных ударах. Все, кто не укрылся в Набалдашнике или в штормовом убежище, страдали от лучевой болезни. Здоровые сейчас латали дыры, заполняли модули воздухом, снова привели во вращение тор и разместили там лазарет, который тут же заполнился.

Дине удалось вывести Дюба на последнюю прогулку. В последние дни он сильно сдал, но приободрился, как только его получилось одеть в скафандр. Дина сопровождала его на дно ущелья, где он смог пройти невесомой походкой, а пристегнутые к ногам магнитные «хваты» не давали ему улететь. Они отошли примерно на километр, часто оборачиваясь, чтобы бросить взгляд на новый дом человечества. Над вращающимся тором, где Мойра сейчас распаковывала свою генетическую лабораторию, Фекла инспектировала капли, выясняя, какие никуда не годятся, а какие еще можно починить, чтобы впоследствии превратить в жилые помещения. На дне ущелья трудились «хваты» и «ужики», укореняя «Эндьюранс» у последнего причала посредством тросов и балок.

Большая часть прогулки прошла в темноте. Такова была цена укрытия от космических лучей и корональных выбросов. Они обсудили, как установить зеркала, чтобы солнечный свет падал на капли, так что их прозрачные внешние корпуса сделались бы источниками пищи и кислорода. Дюб рассуждал о «куполизации» – идее, согласно которой со временем ущелье будет перекрыто крышей и разделено воздухонепроницаемыми стенами, так что получится заполнить атмосферой целую секцию – тогда дети смогут гулять «снаружи» без скафандров.

Потом Дюб вернулся домой и умер.

Его тело положили к остальным, в поврежденную каплю, которой

предстояло служить мавзолеем до тех пор, пока они не выдолбят в ущелье могилу. Это случится не скоро, но все выжившие разделяли убеждение – тела тех, кто пожертвовал собой, чтобы они в конце концов оказались здесь, следует захоронить, а не сжигать. Дюбу предстояло покоиться в братской могиле с Зиком Питерсеном, Болор-Эрден, Стивом Лейком и остальными, умершими примерно в одно с ним время.

Некоторые перед смертью успели рассказать, что с ними случилось во время схватки с обитателями гептады и последнего отчаянного прохода «Эндьюранса» сквозь шторм и камни. Рассказы записали и заархивировали. Будущий историк сведет их вместе и сравнит с логами данных, чтобы определить, кто от чьей руки пал в бою и когда именно погас каждый модуль.

Разумеется, лучшим источником информации стала бы Аида, будь она расположена к разговорам. Но она не была. Аида погрузилась в глубочайшую депрессию. Изредка она произвольно выныривала оттуда и пыталась поболтать на темы, которые случайным образом вспыхивали у нее в мозгу. Говорить с ней никому не хотелось. В разговоре она слишком уж внимательно следила за собеседником своим живым пронизательным взглядом, будто бы видела его насквозь – по крайней мере ей самой так казалось. Под этим взглядом трудно было не вспомнить ее прошлый опыт и не вообразить, что она сейчас прикидывает твои вкусовые качества.

Целую эпическую повесть поведал им трехлетний объем мейлов, записей в спейсбуке, постов в блогах и прочих случайных документов, хлынувших в почтовые ящики, как только сеть Роя вновь соединилась с сетью «Эндьюранса». Основной сюжет заключался в том, что Джей-Би-Эф и ее внутренний круг все больше и больше отрывались от действительности. Луиза сравнила это со всплеском спиритизма после Первой мировой войны. В двадцатые годы те, кто так и не принял массовые потери в окопах и от послевоенной эпидемии «испанки», уверили себя, что могут разговаривать с усопшими близкими, то есть избавились от необходимости горевать под предлогом, что в сущности ничего не произошло.

Конечно, аналогия была не слишком близкой. Потери в результате Каменного Ливня были несравнимо страшней. И мало кто из каппи принял спиритизм как таковой. Однако после особенно жестокого коронального выброса, убившего около сотни каппи, Тав написал в блоге о своем путешествии в Бутан вместе с Дюбом и о том, как они по дороге беседовали с королем о математике реинкарнации. Пост был по сути медитативным, своего рода гражданской панихидой по ушедшим, однако

для многих выживших он послужил поворотным пунктом. С самого начала для некоторых Рой обладал статусом отчасти божественным – возможно, они слишком много и слишком поверхностно изучали теорию хаоса и пришли к выводу, что коллективные решения Роя, непонятные человеческому разуму, имеют сверхъестественную природу.

Клубок техно-мистических идей, выросших из одной-единственной записи в блоге, не смогли понять и распутать ни Луиза, ни кто-либо из читавших все это в здравом рассудке, однако запертой в каплях перепуганной молодежи он показался надеждой и спасением. Справедливости ради надо сказать, что Тав всякий раз возражал против попыток назначить его пророком. Не исключено, впрочем, что скромность в данном случае сослужила ему дурную службу.

– Не пойму, – заметила по этому поводу Луиза, – как можно было читать все эти дискуссии и находить в них какую-то надежду. И вообще смысл. Но они находили. Настолько, что забыли о реальных проблемах, которые следовало решать. Когда Аида и остальные наконец одумались и создали оппозицию Джей-Би-Эф, вышло только хуже. Поскольку они к тому моменту слишком далеко зашли.

Восстание началось в бола из двух триад, где группа единомышленников, включавшая Аиду, провозгласила официальные заявления Белой Капли полной чушью, а Тависток Прауза – марионеткой режима. Назвавшись «Бригадой черного бола», они принялись распространять свое революционное воззвание среди других капель Роя.

Воззвание – само по себе вполне разумное – говорило о необходимости взглянуть в глаза реальности и предпринять эффективные меры по решению проблем Роя. Список возможных мер даже включал как один из крайних вариантов капитуляцию перед «Эндьюрансом». Бунтовщики потребовали от Джей-Би-Эф открыть доступ к данным и предоставить подробный отчет о текущих запасах воды, пищи и других необходимых запасов, а также о том, как эти запасы расходовались. Джулия сопротивлялась, пока перебежчик из ее свиты не организовал утечку данных. Выяснилось, что перспективы с пищей самые неблагоприятные. Реакция на это известие определила дальнейшую историю и политику Роя. Одни каппи окончательно ударились в мистику. Они считали, что Агент – ангел мщения, посланный Богом (или инопланетянами столь могущественными, что их можно считать Богом) уничтожить мир и слить все человеческие сознания в небесном цифровом рое. Другие откровенно признали каннибализм – не в смысле убивать людей для еды, а в смысле употреблять в пищу тела погибших – как временную меру до тех пор, когда

удастся свергнуть Джей-Би-Эф и поставить во главе Роя вменяемых людей. Первая группа, мистики, объединились под знаменами Джулии. Каннибалов возглавила Аида, которая благодаря страстности и харизме постепенно выдвинулась в лидеры «Бригады черного бола».

Тем самым единый Рой раскололся на два меньших, и потому еще менее способных к выживанию, что лишь усугубило проблемы, приведшие к расколу. Дальше эпопея стала достаточно предсказуемой и в конечном итоге завершилась событиями последних нескольких дней.

Аида по-прежнему молчала, но не молчала Джулия. Согласно ее рассказу, Аида и другие выжившие из Черного бола в последние недели пришли к выводу: их выбор в пользу каннибализма так ужаснет команду «Эндьюранса», что им до конца жизни предстоит оставаться париями. Вместо того чтобы пассивно ждать приговора Айви и ее клики – который, как они были убеждены, окажется ханжеским и жестоким, – они решили частично или полностью захватить «Эндьюранс», начав атаку с компьютерной сети, а уже потом провести переговоры с позиции силы.

Это в общих чертах объясняло все происшедшее, кроме нанесенных Джулии и Таву увечий.

Когда Джулию спросили, нет ли у нее теории и на этот счет, она пожала плечами:

– С их точки зрения мы были преступниками. Преступников следует наказывать. Наказать человека, который и без того умирает от голода взаперти, не так-то просто. Что еще остается в распоряжении исполнителя, если не телесные муки? Мне они хотели заткнуть рот, отсюда и выбор наказания. А Таву предложили испытать его собственное лекарство, загрузив его физическое тело в свои.

Через неделю, когда от ран и лучевой болезни умерли последние пострадавшие в бою, живых и здоровых осталось восемь человек.

Айви объявила двадцатичетырехчасовой перерыв в работах, чтобы оплакать мертвых и провести инвентаризацию. Затем собрала совещание всего человечества: Дины, Айви, Мойры, Феклы, Джулии, Аиды, Камилы и Луизы.

Как поступить с Джулией и Аидой, никто толком не знал. Три года им доводилось в свободные минуты мечтать, как Джулия предстанет перед судом – что бы под этим ни понималось. В последний момент ее преступления затмила Аида. Сейчас вопрос в любом случае стал совершенно абстрактным. Могут ли шесть женщин заключить двух других женщин в тюрьму? И что, собственно, в подобном месте может считаться

тюрьмой? Чисто теоретически оставалась еще смертная казнь. Однако Аида уже опробовала этот вариант, и от него всех пробирала дрожь.

Джей-Би-Эф никто больше не боялся. От Аиды по-прежнему исходила определенная угроза. Однако, если не запирает ее в капле, оставалось лишь повнимательней за ней присматривать. Что они и делали, никогда не упуская ее из виду, никогда не позволяя ей оказаться за спиной.

Они собрались в «банане» и уселись вокруг длинного стола. По одну его сторону была смерть: палата лазарета, где полтора дня назад испустил дух Зик Питерсен, последний из мужчин, посетовав в шутку перед смертью, какая это все-таки досада – ведь он мог бы выбирать из целых восьми женщин. Они дочиста отмыли лазарет антисептиком и застелили койки свежими простынями в надежде, что понадобятся они не скоро. По другую сторону стола была жизнь: отсеки, где Мойра разместила свою генетическую лабораторию.

Впоследствии это совещание будут называть Советом семи ев. Женщин было восемь, но одна из них – Луиза – уже миновала менопаузу. Айви начала докладом о текущем положении, которое с определенной точки зрения оказалось на удивление благоприятным. Поскольку все уже успели притерпеться к дурным новостям, Айви подчеркнула это обстоятельство несколько раз. В Солнечной системе не много столь же безопасных мест, как то, где они встали на якорь. Космические лучи проникнуть сюда не могут. Аналогичным образом они защищены от корональных выбросов. До света для батарей и растений рукой подать: над ущельем Солнце сияет почти всегда.

На данный момент большой реактор и около пятидесяти реакторов на каплях производили даже больше электричества, чем им нужно, и такое положение дел продлится десятилетиями. Воды у них оставались сотни тонн. Пока лед плавили и расщепляли на топливо, из него удалось извлечь многие тонны фосфора, углерода, аммиака и других химических соединений, ровесников Солнечной системы – ранее они вонючим черным панцирем обволакивали Греку-Скелета. Вся эта химия, как прекрасно понимал Шон Пробст, окажется бесценной в качестве удобрений для гидропоники.

Больше им уже никогда не придется беспокоиться обо всем том, что самым маниакальным образом занимало их мысли в последние пять лет: перигеи, апогеи, двигатели, топливо, вообще любое движение. Никакому болиду их здесь не достать. Даже если однажды Расщелина столкнется с камнем аналогичного размера, они, вероятно, это переживут.

Витамины, которыми загружали каждую каплю при запуске к

Облачному Ковчегу, поставлялись из расчета на несколько тысяч человек населения. Хотя многое утрачено, оставшегося более чем достаточно, чтобы маленькая колония еще долго не испытывала недостатка в аспирине и зубных щетках.

Они во многом зависели от цифровых технологий. Невозможно долго прожить без роботов, выполняющих разнообразные задания, и компьютерных систем, управляющих всем комплексом. Производить новые микросхемы на замену старым они не могли. Однако капельмейстеры, которые все это предусмотрели, снабдили их огромным запасом комплектующих; если не транжирить, хватит на многие сотни лет. У них также имелись планы для полной перезагрузки цифровой цивилизации, когда для этого настанет время: в их распоряжении были машины, чтобы делать машины, чтобы делать машины, и руководства, как ими пользоваться.

Когда убедились, что все сиюминутные потребности полностью обеспечены, дискуссия обратилась к наиболее очевидной на данный момент проблеме. Все повернулись к Мойре.

– Мое оборудование пережило все без каких-либо потерь, – начала Мойра. – Последние три года для меня прошли довольно скучно. Все ко мне относились как к оранжерейному цветку. Время это я потратила, чтобы записать все мне известное о том, как со всем этим обращаться. Если завтра я вдруг умру, вы сможете разобраться. Очевидно, все мы – женщины. Семь из нас еще могут иметь детей. Или, точнее – производить яйцеклетки. Спрашивается, где нам взять сперму? Начнем с того, что девяносто семь процентов ее запасов, присланных с Земли, погибло при аварии в первый же день Каменного Ливня. То, что осталось, сохранилось лишь потому, что было распределено по десяти различным каплям. Все десять позднее ушли с Роем. Однако ничего из этого материала, насколько я понимаю, обратно не вернулось.

Вмешалась Аида. Уставившись на Джулию, сидящую напротив, она объявила:

– Как вам известно, я была с Роем. И могу вас заверить, что данный факт относительно образцов в десяти каплях был начисто проигнорирован. И никогда не обсуждался. Даже если кому-то и было известно о генетических материалах, вскоре все позабылось.

Джулия, которая восприняла эту тираду как атаку на нее лично, возмутилась:

– У нас было восемьсот здоровых мужчин и женщин из всех возможных этнических групп!

– Было, – повторила за ней Аида. – У нас было.

– Усилия, которые требовались, чтобы хранить несколько контейнеров с образцами в глубокой заморозке, не соответствовали...

– Достаточно, – прервала их Айви. – Если мы начнем рожать детей, их праправнуки смогут изучить все записи, а потом устроить дебаты и вынести суждения, кому что следовало сделать. Сейчас не время для обвинений.

– Я присутствовала на совещании, когда Маркус назвал Генетический Архив Человечества чушью собачьей, – заметила Дина. И сама несколько удивилась, что поддерживает точку зрения Джулии.

– Мы больше не можем себе позволить обманывать самих себя, – продолжала возмущаться Аида. – И верить во всякое несуществующее дерьмо.

– Если бы мы знали, – сказала Айви, – что в конце концов выживут лишь семь способных к деторождению женщин, последние три года все здоровые мужчины бы только и делали, что мастурбировали в пробирки. А уж мы бы нашли способ все это надежно заморозить. Однако никому и в голову не приходило, что будет именно так.

– И не совсем понятно, насколько хорош оказался бы результат, – вставила Мойра. – Учитывая всю радиацию, через которую мы прошли, мне, вероятно, все равно пришлось бы чинить генетический материал вручную.

– Чинить вручную? – переспросила Джулия.

– Мне следовало бы взять это в кавычки, – Мойра подняла обе руки и согнула пальцы. – Очевидно, я бы делала это не буквально руками. Однако вот с этим оборудованием, – она мотнула головой в сторону лаборатории, – я в состоянии взять отдельную клетку – сперматозоид или яйцо – и прочесть ее геном. Естественно, я опускаю сейчас множество подробностей. Суть в том, что я могу получить цифровую запись ДНК. После этого все становится задачей для компьютеров – информацию можно изучать и сравнивать с огромными базами данных, которые являются частью лабораторного оборудования. Можно определить участки хромосом, где ДНК повреждена космическими лучами или радиацией реактора. Дальше можно исправить повреждения, имплантировав на это место то, что гипотетически находилось там изначально.

– Похоже, потребуется много работы, – сказала Камила. – Если я могу чем-нибудь облегчить твой труд и оказаться полезной, я полностью в твоём распоряжении.

– Спасибо. Нам всем предстоит этим заниматься, и не один месяц,

прежде чем мы чего-нибудь достигнем, – ответила Мойра. – Больше делать все равно особенно нечего.

– Прошу прощения, но что мы вообще обсуждаем, раз у нас нет спермы? – спросила Аида.

– Сперма нам не понадобится, – ответила Мойра.

– Чтобы забеременеть, сперма не понадобится? Вот это новость! – Аида резко расхохоталась.

Мойра не утратила спокойствия.

– Существует процесс, известный как партеногенез, буквально – девственное рождение, при нем из обычной яйцеклетки получается эмбрион, у которого только один родитель. На животных такие эксперименты уже проводились. На людях опыты не ставили исключительно из этических соображений – да в них и не было особого смысла, учитывая, что мужчины и без того всегда были готовы оплодотворять женщин при любой возможности.

– А здесь, Мойра, ты это сможешь сделать? – спросила Луиза.

– Принципиально это ничуть не сложнее тех штук, которые я описывала применительно к восстановлению поврежденной спермы. В известном смысле даже проще.

– Ты можешь сделать нас беременными... от самих себя? – уточнила Фекла.

– Да. Всех, кроме Луизы.

– У меня может быть ребенок, которому я стану и матерью, и отцом, – произнесла Аида.

Мысль явно показалась ей привлекательной. Внезапно перед ними обнаружилась не прежняя издерганная колючка, а мягкая, вдохновенная девушка, сумевшая очаровать власти во время Жребия.

– Придется немало потрудиться в лаборатории, – кивнула Мойра. – Но, собственно, именно ради такой работы лабораторию и старались сюда дотащить.

Все на какое-то время задумались. Первой заговорила Джулия:

– Выступлю в своей традиционной роли невежды в научных вопросах. Получается, ты предлагаешь нас клонировать?

Мойра кивнула – кивок означал не «да», но «понимаю твой вопрос».

– Есть разные способы, Джулия. Один из них действительно подразумевает создание клонов – потомства, генетически идентичного матери. Нам бы этого не хотелось. Начнем с того, что это не решит нашей основной проблемы – отсутствия мужчин.

Камила подняла руку. Мойра, явно недовольная, что ее постоянно

прерывают, моргнула, но потом все-таки кивнула Камиле.

– А это действительно проблема? – спросила та. – Если у нас есть лаборатория и мы можем делать клонов, неужели это плохо – общество без мужчин? Хотя бы на несколько поколений?

Мойра двинула ладонью в ее сторону, заставив Камилу замолчать.

– Это уже следующий вопрос. С данным вариантом партеногенеза существует еще одна проблема, и заключается она в том, что, повторюсь, все потомство будет генетически идентично. Точные копии. Чтобы добиться генетического разнообразия, нам потребуется так называемый мейотический партеногенез. Рассказывать тут можно долго, но главное, что при обычном половом размножении при мейозе происходит обмен хромосомами. Это разновидность естественной рекомбинации ДНК. И она объясняет, почему твои дети выглядят *примерно* как ты, но не *в точности* как ты. В той форме партеногенеза, которую предлагаю я, скрещивание тоже будет происходить. И оно внесет элемент случайности.

– Как насчет мальчиков и девочек? – уточнила Дина.

– С этим сложнее, – признала Мойра. – Над синтезом игрек-хромосомы придется помучиться. Я бы предположила, что первая очередь новорожденных – или даже несколько первых – будет состоять только из девочек. Поскольку нам в первую очередь нужно увеличить население. Тем временем я буду работать над игрек-хромосомой. Надеюсь, со временем появятся и мальчики.

– Но все эти девочки, а впоследствии и мальчики, будут сделаны из нашей собственной ДНК? – спросила Айви.

– Да.

– И генетически они будут совсем как мы?

– Если я ничего по этому поводу не сделаю, – ответила Мойра, – они будут друг другу как сестры. Скорее даже ближе, чем просто сестры. Но есть кое-какие приемы, которые я могу применить, чтобы из одного и того же источника получился более широкий диапазон генотипов. Возможно, они будут скорее как двоюродные сестры. Не знаю точно – этого еще никто не делал.

– Мы сейчас о проблеме кровосмешения? – уточнила Дина. – У меня именно такое чувство.

– Потеря гетерозиготности. Да. Так получилось, что я об этом кое-что знаю. Поэтому меня и направили в Регулярное население.

– Из-за твоих работ по черноногим хорькам и так далее, – кивнула Айви.

– Да. Все это очень похоже на наши проблемы. И я хочу сейчас

сказать: с черноногими хорьками мы проблему решили, решим и нашу!

Она говорила с такой энергией и убежденностью, что все умолкли и устали на нее, ожидая продолжения.

– Надеюсь, по крайней мере на интуитивном уровне теперь всем все ясно? – продолжила Мойра.

Фраза явно адресовалась Джулии, которая со слегка обиженным видом отрезала:

– У моей дочери был синдром Дауна. Больше мне сказать нечего.

Мойра кивком обозначила понимание и продолжила:

– У всех нас имеются генетические дефекты. Когда размножение происходит более или менее случайным образом в обширной популяции, существует тенденция к поглощению этих дефектов за счет усреднения. Все как бы само собой образуется. Однако когда у обоих родителей присутствует один и тот же дефект, вероятно, он проявится у ребенка, так что со временем мы обнаружим все те неприятности, которые у нас в сознании ассоциируются с близкородственным скрещиванием.

– Значит, – сказала Луиза, – если мы последуем твоему плану и у нас будет семь групп чего-то вроде братьев и сестер, пусть даже двоюродных...

– Это будет недостаточная гетерозиготность, если я правильно поняла твой вопрос, – сказала Мойра. – Если у кого-то есть генетическая предрасположенность к определенному заболеванию, скажем...

– У меня семейная история альфа-талассемии, – сказала Айви.

– Прекрасный пример. К счастью, на Старой Земле прежде, чем она погибла, составили огромную базу данных такого рода заболеваний. Эта база сейчас здесь, – Мойра указала в сторону лаборатории. – Мы достаточно хорошо знаем, какие дефекты в каких хромосомах ответственны за альфа-талассемию. Если у меня будет твоя яйцеклетка, я могу найти и исправить эти дефекты, прежде чем приступить к партеногенезу. У твоего потомства таких дефектов не будет. Если исключить случайную мутацию в будущем, болезнь никогда не вернется.

Дина подняла руку:

– У моего брата муковисцидоз. Я сама не проверялась.

Подняла руку и Джулия:

– Три моих тетушки умерли от одной и той же формы рака груди. Я проверялась. У меня тоже есть этот ген.

– Ответ во всех этих случаях один и тот же, – сказала Мойра. – Раз для заболевания существует генетический тест, это по определению означает, что нам известен дефект, который за него отвечает. Дефект можно исправить.

К беседе присоединился еще один голос:

– Как насчет биполярного расстройства?

Все уставились на Аиду.

Она проживет остаток жизни и отправится на встречу с создателем, не имея надежд не только на подругу, но даже и на дружескую беседу. Соответственно, никого ее вопрос особо не обрадовал. Однако уже то, что она его задала, означало, что она способна на самоанализ, которого до сих пор за ней не замечали. Мойра призадумалась.

– Мне надо будет почитать литературу. По-моему, в определенной степени к нему существует семейная предрасположенность. Если ее можно проследить до участков в соответствующих хромосомах, то да, биполярное расстройство можно лечить, как и любую другую болезнь.

– По-твоему, его *следует* лечить? – спросила Аида.

Все посмотрели на Луизу, та кивнула:

– Мы давно уже перестали воспринимать психические заболевания как нечто относительно несерьезное по сравнению с телесными. Я считаю, их надо лечить аналогичным образом.

– По-твоему, его *обязательно* лечить?

Луиза чуть покраснела:

– К чему ты сейчас клонишь, Аида?

– Я много об этом читала, – сказала Аида. – Существует точка зрения, что биполярность – полезный приобретенный признак. В неблагоприятных обстоятельствах ты впадаешь в депрессию, прячешься, экономишь силы. Когда обстоятельства меняются, ты вступаешь в действие с удвоенной энергией.

– И ты хочешь сказать...

– Собираетесь ли вы лечить мое потомство *против* моей воли? Что, если я хочу иметь множество биполярных детишек?

Последовавшую за этим озадаченную тишину прервала Камила:

– Как насчет агрессии?

Теперь все повернулись к ней, словно сомневаясь, что правильно ее расслышали.

– Я серьезно, – сказала она. Потом посмотрела на Аиду. – Я не пытаюсь приуменьшить страдания, которые приносит тебе твоя болезнь. Но за всю историю человечества агрессия причинила куда больше бед, чем любое биполярное расстройство. Если уж мы собрались исправлять те аспекты человеческой психики, которые приносят страдания, не следует ли устранить и тенденцию к агрессивному поведению?

– Это не одно и то же, – начала было Мойра, но ее перебила Дина:

– Одну минутку. Я – агрессивна! И всегда была. Да я чуть было не попала в олимпийскую футбольную сборную! И вообще это для меня единственный способ хоть чего-то добиться – направить свою агрессию на что-нибудь полезное. – Дина мотнула головой в сторону Феклы. – Эй, да ты на нее посмотри! Сколько раз она нас вытаскивала из задницы благодаря своей агрессивности!

Фекла кивнула.

– Да. Дина меня саму спасла, агрессивно нарушив правила космической станции. Проблема не в агрессии. А в отсутствии дисциплины. Человек может быть агрессивен, – она указала взглядом на Дину, – и быть при этом конструктивным членом общества, если держит страсти под контролем.

Тут она бросила многозначительный взгляд на Аиду, которая фыркнула и отвернулась.

– То есть ты предлагаешь вывести породу людей с повышенной дисциплиной и самоконтролем, – переспросила Айви. – Не уверена, что я все правильно уловила.

– По-моему, Камила просто хотела сказать, что определенные черты характера, доведенные до нездоровых пределов, ничуть не лучше диагностируемых психических заболеваний как таковых. Если не хуже, – заметила Джулия.

– Не надо за меня говорить, – возмутилась Камила. – Пожалуйста, Джулия, никогда больше не смей за меня говорить.

– Я всего лишь пыталась помочь, – возразила Джулия. Но там, где в голосе прежней Джей-Би-Эф прозвучал бы упрек, сейчас слышалась лишь усталость.

– Ну а я просто хочу сказать, – снова вмешалась Дина, – что не желаю, чтобы на меня навешивали ярлык генетического уроды, которому в будущем человечестве нет места!

– Никто о тебе и не говорит, – сказала Айви. – Камила имела в виду тех недоумков, которые ее чуть не убили за то, что она хотела учиться.

– А *сама-то* ты что думаешь? – спросила Фекла у Айви.

– Примерно то же, что и ты. Агрессия приемлема. Ее следует держать под контролем. Задавать ей направление. Но средством для этого служит интеллект. Разумное мышление.

У Аиды это вызвало смешок.

– Ой, простите. Мне что-то Рой пришел в голову. Восемьсот человек, тщательно отобранных за свой интеллект и разумное мышление. Под конец все наши мысли были лишь о том, у кого какой вкус.

– Никто из *нас* друг друга не ел, – возразила Айви.

– Но вы все об этом задумывались, – ухмыльнулась Аида.

Дина громко хлопнула ладонью по столу. Посидела еще мгновение с закрытыми глазами, потом вскочила и вылетела из комнаты.

– Подозреваю, что ей не хватает дисциплины или интеллекта, чтобы контролировать агрессию, – снова хихикнула Аида.

– Это такая разновидность самодисциплины, – пояснила Фекла. – Чтобы ей не пришлось тебя убивать. Видишь ли, Аида, *думать* и *делать* – не одно и то же. Для этого и требуется дисциплина.

– Радость моя, но что ты имеешь в виду, говоря о дисциплине? – спросила ее Мойра. – Я сейчас пытаюсь перевести это слово на язык генетики. Я могу найти генетический маркер для муковисцидоза. Но не уверена, что это возможно для дисциплины.

– Некоторые расы дисциплинированы. Факт, – ответила Фекла. – Японцы дисциплинированней, чем... *итальянцы*.

Она наградила Аиду взглядом, способным любого приморозить к стулу, но Аида лишь триумфально расхохоталась, задрав подбородок:

– Про римские легионы ты забыла. Но продолжай, будь любезна.

– Мужчины дисциплинированней, чем женщины. Тоже факт. Должны быть гены.

Снова повисло молчание, на сей раз его нарушила Луиза:

– Сейчас, Фекла, я вижу тебя с такой стороны, с какой раньше не знала.

– Можешь называть меня расисткой, если хочешь. Ты сейчас скажешь: это все воспитание, культура. Не согласна. Если тебе не больно, ты и не реагируешь на боль. И еще гормоны.

– Что там насчет гормонов, любовь моя? – уточнила Мойра. Ее нежные чувства к Фекле были всем очевидны и даже помогли ослабить напряжение в комнате.

– Мы все здесь знаем, когда определенные гормоны, эмоции очень сильные. В другое время – нет. Это генетика.

– Или эпигенетика. Мы и правда не знаем, – ответила Мойра.

– Все равно, – не сдавалась Фекла. – Я про то, что людям, которые будут сотни лет жить в жестянках, нужна дисциплина. Не сверху. Изнутри. Если в твоей генетической лаборатории можно это организовать, то нужно.

– Мы так и не обсудили точку зрения Айви, – сказала Луиза, – что ключом является интеллект.

– Да, – подтвердила Айви, многозначительно взглянув на Аиду. – Меня перебили.

Аида прикрыла рукой рот и театрально усмехнулась. Айви продолжила:

– Если мы действительно собираемся улучшать наше потомство генетическим путем, по-моему, нам следует обратить взгляд на самое важное качество. И это очевидным образом интеллект.

– Почему ты думаешь, что он важнее прочих? – уточнила Луиза.

– Посредством интеллекта ты осознаешь необходимость проявить дисциплину, если ситуация к тому обязывает. Ну, или действовать агрессивно. Или не действовать. Я полагаю, что человеческое сознание достаточно гибко и что можно *стать* любым из тех человеческих типов, которые описали Камила, Аида и Фекла. Но все они имеют в основе то, что и отличает нас от животных. Наши мозги.

– Есть много разновидностей интеллекта, – заметила Луиза.

Айви мотнула головой:

– Читала я про всякий эмоциональный интеллект и что там еще у тебя в списке. Ладно. Пускай. Но ты-то прекрасно знаешь, о каком именно я говорю. И знаешь, что он обусловлен генетически. Стоит только изучить школьные оценки и экзаменационные баллы евреев-ашкенази.

– Как представитель евреев-сефардов, – ответила Луиза, – я даже не нахожусь, что по этому поводу сказать.

– В конечном итоге мы нуждаемся в мозгах, вот и все, – продолжила Айви. – Мы давно уже не охотники и не собиратели. Мы живем, как пациенты реанимации. И жизнь в нас поддерживает вовсе не храбрость, не физическая сила и не прочие качества, полезные для пещерного человека, а наша способность управляться со сложной техникой. Наша к ней страсть. И плодить нам следует маленьких гиков. – Айви повернулась, чтобы смотреть Аиде прямо в лицо. – Ты хотела реализма. Твои претензии к ней, – она мотнула головой в сторону Джулии, – и к ее окружению заключались в том, что они предлагали плацебо. Закрывали глаза на факты. Прекрасно. Вот тебе факты. Все мы тут гики. И есть смысл сделаться гиками продвинутыми.

Аида насмешливо покачала головой:

– Ты совсем забыла про человеческий фактор. Потому-то ты и плохой лидер. Потому тебя и заменили Маркусом, пока власть была у тех, кто хоть что-то соображал. И потому мы в конце концов здесь и оказались.

– Оказались, причем в полной безопасности, – согласилась Айви. – В отличие от тех, кто пошел за тобой. Эти все мертвы.

– Они мертвы, – сказала Аида, – а я жива, и вижу, чем все кончится: вы запрете меня в капле, чтобы я производила для вас генно-

модифицированных младенцев, а вы их будете у меня отбирать.

И она разрыдалась.

– Она совсем как я, только в худшем варианте, – пояснила Джулия. – Видит множество вариантов – большинство, учитывая текущую ситуацию, довольно мрачные – и поступает соответственно.

– Неожиданный для тебя уровень самоанализа, Джулия, – заметила Мойра.

– Ты и понятия не имеешь о моем уровне самоанализа, – отрезала та. – Большую часть жизни я провела в состоянии клинической депрессии. Одно время принимала лекарства. Потом прекратила. Прекратила потому, что лекарства делали меня душой, и я решила – пусть лучше мне будет плохо, но душой я не буду. Я – это я.

– В определенной степени депрессия обусловлена генетически, – сказала Мойра. – Хочешь, я сотру соответствующие гены у твоих детей?

– Ты меня прекрасно слышала, – ответила Джулия. – И всем вам теперь известно, какое я приняла решение. Страдать, раз от этого есть польза. Общество погибнет, если в нем не будет таких, кто, подобно мне, видит разные сценарии. Позволяет им разыгрываться без ограничений у себя в голове. Предвидит наихудшие варианты. И принимает меры, чтобы до них не дошло. Если цена всего этого – цена того, что твоя голова переполнена мрачными предчувствиями, – страдание, то так тому и быть.

– И ты хочешь такого для своего потомства?

– Разумеется, нет, – сказала Джулия. – Если бы только была возможность получить одно без другого – дар предвидения без боли, – я бы ни секунды не колебалась.

– Людей с такой ментальностью нам нужно совсем немного, – заметила Фекла. – Если перебрать, будет Советский Союз.

– Мне сорок семь, – сказала Джулия. – Если повезет, я рожу еще одного. Остальные могут штамповать детей лет двадцать. Сами посчитайте соотношение.

– Поразительно – мы уже соревнование устроили, – простила Камила. – Простите, что я вообще завела этот разговор.

Тут общее внимание привлек резкий стук.

Все повернулись к окну «банана». Оно было не слишком большим – размером с тарелку. Последние три года по другую его сторону был лишь лед, так что о его существовании успели забыть. Однако сейчас сквозь окно был отчетливо виден окружающий пейзаж – что, впрочем, скорее способствовало головокружению.

За окном была Дина, пристегнувшаяся к вращающемуся тору. Она

надела скафандр и вышла наружу через шлюз.

Убедившись, что привлекла к себе внимание, она прилепила к стеклу небольшой предмет: комок чего-то вроде пластилина, к которому крепились провода и электронное устройство. Дина нажала на устройстве кнопку, и его экран начал обратный отсчет десятиминутного интервала времени.

Аида звонко расхохоталась и захлопала в ладоши.

– Что она такое вытворяет? – спросила Джулия.

– Это взрывное устройство, – объяснила Айви. – Которое убьет нас всех через десять минут, если она его не уберет.

Обернувшись, Айви обвела взглядом комнату.

– И чего она добивается? – потребовала Джулия.

– Думается, моя подруга имеет в виду, что если мы не в состоянии прийти к решению за десять минут, человечество не заслуживает того, чтобы существовать и дальше, – объяснила Айви.

Примерно полминуты все молчали, потом заговорила Мойра:

– Как насчет такого: каждая женщина сама решает, что будет с ее яйцеклетками.

Не услышав возражений, она продолжила:

– Давайте я все же проговорю, чтобы всем было ясно. Если речь о настоящей болезни – которая значится в литературе, которую официально считает болезнью медицина, – я ее вылечу. Неважно, телесная она или душевная. Неважно, сколько таких заболеваний у каждой из вас – я вылечу все, прежде чем продолжить. Однако. – Тут она улыбнулась и подняла указательный палец. – После этого у каждой будет одно бесплатное.

– Бесплатное что? – спросила Фекла.

– Изменение – улучшение – по вашему выбору, я применю его к геному оплодотворенной яйцеклетки, из которой получится ваш ребенок. И *только* ваш. Других никто заставлять не вправе. Поэтому, Камила, если ты считаешь, что для улучшения человечества следует избавить его от агрессии, я изучу научную литературу и найду способ добиться этого генетическим путем. То же относится ко всем остальным и к их идеям насчет того, как улучшить человечество. За собственных детей все решают сами.

Все задумались, осторожно переглядываясь, прикидывая чужую реакцию.

Айви глянула на таймер:

– У кого-нибудь есть вопросы? Осталось восемь минут.

– Думаю, нам столько не понадобится, – сказала Луиза.

Айви посмотрела в глаза каждой по очереди, потом перевела взгляд на окно и подняла большой палец.

Глаза Дины, видимые сквозь два стекла – оконное и куполообразного шлема скафандра, – повернулись к пальцу Айви. Она кивнула.

Мойра улыбнулась и тоже подняла большой палец. Что также было отмечено Диной.

Потом Фекла. Потом Луиза, Камила, Джулия.

Все взоры обратились на Аиду. Которая опустила глаза. По сути, она всегда была скромной.

– Да мне-то что, – пробормотала она.

– Ты должна показать ей, что проголосовала, – сказала Айви.

– Серьезно? Ты хочешь сказать, что я могу единолично уничтожить человечество, просто не подняв большой палец в ближайшие семь минут?

Фекла вытащила из кармана комбинезона нож и выщелкнула лезвие. Размахивать им она не стала, просто сделала вид, что чистит себе ногти.

– Или так, – заметила она, – или народонаселение внезапно уменьшается с восьми до семи человек, которые принимают единоголосное решение.

Усмехнувшись, Аида выбросила вперед руку, большим пальцем вниз.

– Объявляю проклятие! – заявила она.

Луиза громко вздохнула.

– Это не *мое* проклятие. И оно падет не на *ваших* детей. Нет. Я не настолько злобная, как вы все думаете. Это *ваше* проклятие, вы его сотворили, собираясь делать то, что задумали. И падет оно на *моих* детей. Я-то знаю. Я вижу, что будет. Ведь это я плохая. Каннибал. Та, с кем никто не хочет знаться. Мои дети, что бы я для них ни выбрала, всегда будут отличаться от ваших. Потому что вы должны понимать. Вы только что решили создать новые расы. Семь новых рас. Они разделятся навсегда и будут отличаться друг от друга точно так же, как ты, Мойра, отличаешься от Айви. Они никогда не сольются в единую расу, так уж устроено человечество. Через тысячи и тысячи лет потомки вас шести будут смотреть на моих потомков и говорить: «Смотри-ка, дитя Аиды, каннибал, злой, проклятый!» Они перейдут на другую сторону улицы, сплюнут под ноги. Вот что вы сейчас сотворили своим решением. И я создам свое дитя – своих детей, у меня их будет много – такими, чтобы выдержать это проклятие. Пережить его. И победить!

Аида обвела взглядом комнату, вглядываясь глубоко посаженными черными глазами в каждую женщину по очереди, потом посмотрела на окно, чтобы встретиться глазами с Диной.

– Объявляю проклятие! – повторила она, потом медленно повернула руку пальцем вверх.

Дина отлепила заряд от окна. Она не знала, что сейчас сказала Аида. Да ей было наплевать. Обычные Аидины претенциозные штучки.

На таймере оставалось еще несколько минут. Можно было просто его отключить. Но ей хотелось прогуляться. То, что произошло сейчас в «банане», выглядело не слишком симпатично. Дина устала находиться с этими людьми в замкнутом пространстве – даже с теми, кого любила. И не испытывала особого желания сейчас с ними воссоединиться.

Она отстегнула карабин и отпустила неторопливо вращающийся тор. Угловой момент отбросил ее к стене ущелья. Дина давно привыкла двигаться в невесомости, поэтому выполнила хорошо рассчитанное сальто, спружинила ногами, чтобы погасить скорость, потом включила магниты в подошвах и пошла по стене. При столь слабой гравитации можно было выбирать любое направление. Восхождение на «вертикальную» скалу практически не отличалось от «горизонтальной» прогулки по дну каньона.

Динамики в шлеме издали звук, оповещающий, что с ней установлено голосовое соединение.

Это была Айви.

– Гулять отправилась?

– Угу.

– Слушай, мы тут кое-что обнаружили.

– Ну?

– Все проголосовали – кроме тебя.

– Хм, тоже верно. – Дина посмотрела на таймер. Читать его показания теперь было нелегко, поскольку она приблизилась к терминатору – бритвенно-острой границе между светом и тенью, – и яркая стена каньона отражалась в экране. Наклонив таймер, чтобы видеть получше, она обнаружила, что он вот-вот перейдет через отметку в шестьдесят секунд. – Ничего страшного. У меня целая минута, чтобы решить.

– Ну, тебе хоть интересно, до чего все остальные договорились?

– Доверяю твоему выбору. Хотя да.

– Мы решили, что все наши дети должны быть похожими на тебя.

– Очень смешно. – Дина пересекла терминатор, взошло солнце. Свободной рукой она опустила на шлеме солнцезащитный козырек.

– Мойра уже приступила к работе.

– Из-за этого Аида и разыграла такую драму?

– Ну да.

Тридцать пять секунд.

– Серьезно, что вы там решили?
– Одно генетическое изменение на мамочку.
– Вот оно что. И что же ты выбрала? Наделать умненьких детишек – и все прямые, как гвозди?

– Как ты догадалась?

– Интуиция.

– А ты, Дина?

Дина услышала в голосе подруги первые нотки беспокойства. Она бросила взгляд на дно ущелья, на беспомощно вплавленную в металл колыбель человечества, и на секунду вообразила, как швыряет туда заряд, словно разгневанная богиня – молнию.

Она думала о Маркусе. О детях, которые у них могли быть. Какими бы они стали?

Маркус был в известном смысле тем еще отморожком, однако умел держать себя в руках.

Как Дина на самом деле только что осознала, она выбежала из «банана», шарахнув перед этим по столу, не из-за Аиды. Та ее пыталась спровоцировать, это верно. Однако истинная ярость, которая все это время в ней разгоралась, началась с Камилы и ее слов насчет агрессии. Которые, как Дина теперь понимала, относились не столько даже к ней, как к Маркусу. Сейчас ей хотелось схватить Камилу за шкуру и усадить перед экраном, чтобы та еще раз взглянула на последние минуты его жизни.

Маркус был героем. Дине казалось очевидным, что Камила хотела бы лишиться человечество героев. Желание свое она выразила через слова об агрессии. И это тоже было агрессией с ее стороны – пассивной агрессией, которую Дина с ее воспитанием не могла не считать коварной. И в конечном итоге даже более разрушительной, чем открытая агрессия.

Это и взбесило ее до такой степени, что она не могла больше там оставаться.

– Дина? – снова спросила Айви.

– Я дам начало расе героев, – объявила Дина. – В жопу вашу Камилу!

– Это будет довольно... увлекательно. Сотни лет в закрытых помещениях вместе с расой героев.

– Маркус как-то справлялся, – ответила Дина. – Он был тот еще отморожок, но умел придерживаться правил. Это называется кодекс чести.

Она швырнула взрывчатку высоко вверх.

– Так ты голосуешь «за»?

– Ну да. – Дина смотрела, как заряд постепенно уменьшается на фоне звездного неба. Красные огоньки светодиодного таймера сверкали, словно

маленькие рубины.

– Единогласно! – объявила Айви.

Дина поняла, что та сообщает это остальным женщинам в «банане».

«В первый и последний раз», – подумала она.

От красного огонька осталась едва различимая точка. Словно Марс, подумалось Дине, только ярче и отчетливей. Затем он беззвучно превратился в яркий желтый шар и начал быстро увеличиваться и темнеть.

Часть третья

Прошло пять тысяч лет

Кэт-два открыла глаза: по туго натянутому пологу скакали розовато-оранжевые пятна. «Хищники», – истолковало их чутье опасности, доисторический инстинкт, зародившийся еще в саваннах Старой Земли. Целых пять тысяч лет, которые длился Каменный Ливень, этот инстинкт дремал за ненадобностью. Теперь, когда на поверхности Новой Земли начали расселяться звери, способные представлять угрозу, он снова пробудился. Дернулось плечо. Так бывает, когда организм еще наполовину спит и не может отличить явь ото сна. Кэт-два почудилось, будто рука тянется за оружием, лежащим под подушкой, но то была всего лишь судорога. Громоздкий и угловатый катапульт по-прежнему впивался в затылок сквозь тонкую скрутку.

Сразу же стало понятно, что никаких крупных хищников рядом нет. Пятна были слишком размытые и двигались слишком быстро – даже птицам так не под силу. Природа этого явления оставалась загадкой, но, судя по оттенку пятен, светало. Проспала. Еще немного, и она упустит утренний бриз, который должен поднять ее в небо.

Кэт-два вылезла из палатки; ноги после вчерашнего перехода гудели. Удивительно, будто она и не тренировалась. Впрочем, даже в самой огромной космической биосфере нельзя воссоздать склон, по которому надо спускаться несколько дней, как на настоящей планете. Ноги к таким нагрузкам не привыкли. За вчерашний день Кэт спустилась почти на две тысячи метров – от гряды холмов до тридцатикилометрового кратера, заполненного голубой водой. Она остановилась в нескольких километрах от его кромки, за которой вплоть до самого берега расстился зеленый луг. Угол склона изменился незначительно, но уставшие колени ощутили это мгновенно. Кэт-два прошла с десятков шагов, нащупывая перепады каждой мозолью, ловя потоки воздуха губами, волосами и ладонями. Затем побрела обратно к точке перегиба, заметной только благодаря тому, что в лучах заходящего солнца там пролегла четкая граница между светом и тенью.

Над неровной поверхностью ветер создает завихрения. На исходе дня ветер слишком слаб и завихрения эти незначительные, но поутру, когда восходящее солнце своим теплом ускоряет движение воздуха, становятся

более заметными. Именно здесь Кэт-два решила бросить рюкзак и поставить палатку.

Теперь было ясно, что пятна света – это солнечные блики. Лучи солнца отражались от озера и сквозили в ветках деревьев метрах в ста ниже по склону. Утренний ветерок едва трепал листву, и она тихо шелестела, как дыхание спящего.

Кэт-два достала катапульт из-под мешка с бельем, заменявшего ей подушку. Устройство завибрировало, распознавая отпечатки пальцев. Тщательно обследовав окрестности (к оружию прибегать все-таки не хотелось) и найдя удобное открытое пространство, она присела и помочилась. Лишь несколько десятков лет назад земная экосистема созрела для того, чтобы «ТерРеФорм», на который работала Кэт, заселил ее хищниками. Как обычно, полной уверенности в успехе не было. На Старой Земле, если верить истории, хищники и их жертвы развивались в гармонии. Как это будет происходить на Новой Земле, оставалось только гадать. Никто не знал, хватает ли местным зверям пропитания, и даже если хватает, где гарантия, что они не решат разнообразить свой рацион и попробовать на вкус Кэт-два?

Кэт работала в составе Земной экспедиции. Можно ли ее при этом отнести к военным – вопрос богословской сложности. С одной стороны, цели подразделения чисто научные, а контакты с военными – краткие и касаются исключительно вопросов логистики и текущей обстановки; с другой – экспедиционников считают элитными разведчиками, которые, ко всему прочему, тесно сотрудничают со змееедами. Как бы то ни было, их основная задача – изучать развитие экосистемы Новой Земли и сообщать о наблюдениях. Не убивая при этом животных, которых новое человечество с таким трудом воссоздало и поселило здесь. За две недели, проведенные на поверхности, Кэт привыкла к катапульту и даже перестала обращать внимание на то, что это оружие. Однако сегодня предстояло лететь домой, и она взглянула на все глазами обыкновенных людей – жителей обитаемого кольца, – в чье общество ей предстоит вернуться уже завтра. Они ни за что не поверят, что Кэт-два совсем недавно побывала там, где нельзя и нужду справить, предварительно не осмотревшись, или пойти куда-то, не захватив оружия.

Тем временем свет из розовато-оранжевого стал расплавленным золотом. Все вокруг представляло собой сочетание невероятно сложных и непредсказуемых явлений: рябь на озере, причудливо изогнутые деревья, семена которых около ста лет назад сбросили на Землю в специальных капсулах. Капсулы эти рассыпались по затвердевшим породам,

оставленным Каменным Ливнем, как кости по игральному столу, и закрепились в лунках, специально проделанных для них микроорганизмами-камнеедами. Листва и ветви качались по воле порывов ветра, непредсказуемость и хаотичность которых невозможно рассчитать и воспроизвести искусственно. Кэт подумалось, что мозг человека – да и любого крупного животного – развивался, приспосабливаясь к подобному окружению, настраиваясь на такие сложные стимулы, но в последние пять тысяч лет человечество было лишено этой «подпитки». Пробовали смоделировать ее на компьютерах. Построили большие орбиталища с озерами и лесами. Вот только смоделированная природа – это не природа. Не атрофировался ли мозг человека за это время, готов ли он к тому, что может ожидать на Новой Земле?

И, поскольку Кэт-два – мойринка, она задумалась, не связаны ли эти ощущения с тем, что она проспала. Предыдущие ее экспедиции больше походили на короткие вылазки. Ее отправляли в малоразвитые биомы куда-нибудь на границу участка «ТерРеФорма» – туда, куда семена сбросили не так давно и где отсутствовали сложные звуки, виды и запахи. Однако нынешняя экспедиция длилась уже долго, и Кэт чувствовала в себе какие-то перемены.

Ева Мойра родилась в Лондоне и сочетала в себе интерес к природе с тягой к городу. Кэт-два тоже инстинктивно искала глазами яркие огни большого города – в данном случае, высоко в небе.

Накануне небо скрывали облака, воздух был практически недвижим. В такой обстановке найти и накопить нужное количество энергии для возвращения домой было бы непросто. Но за ночь все переменялось. Воздух двигался – еще не так заметно, чтобы ощущать это кожей, но листья на верхушках деревьев и тяжелые стебли травы уже шевелились. Выше движение, судя по всему, интенсивнее: давешний облачный полог разорвало на клочки, снизу серовато-лиловые, а с востока подсвеченные розовато-оранжевым. Небо, проглядывавшее между ними, было чистым, еще не до конца освещенным, так что можно разглядеть самые яркие звезды и планеты. А если взглянуть на юг (поскольку Кэт-два находилась в северном полушарии), то можно увидеть аккуратное кольцо из сверкающих точек, тянущееся через все небо с рассветного востока на темнеющий запад, – примерно половина из десяти тысяч модулей-орбиталищ. Точка на самом востоке, прямо над линией горизонта, была особенно яркой и крупной, как застежка на ожерелье. Исполинское Око в данный момент висело над Атлантикой.

Пора.

Свою палатку Кэт-два разбила на ровном травянистом участке неподалеку от гребня холма, вокруг которого скоро будут образовываться завихрения. Она собрала пожитки, закинула мешок на плечо и оттащила к выступу, подмеченному накануне. Щелкнула пряжкой набедренной скатки, и та упала на землю.

Легкими пинками она раскатала сверток: пара крыльев и хвост. Внутри были завернуты еще ножной насос и стеклянный шар чуть побольше головы Кэт.

Несколько минут она качала насос. Развернутая ткань начала распрямляться, натягиваться, становясь похожей на планер.

Солнце вышло из-за кратера. Крылья уловили свет и запитали встроенные насосы, подкачивающие трубки в каркасе планера, для чего человеческой силы не хватило бы.

Кэт-два переоделась. Для этого сначала пришлось раздеться догола. Было прохладно – хорошо, что она перед этим разогрелась, качая насос.

Стеклянный шар – это на самом деле шлем, но сейчас там лежал серый сверток. Кэт вытащила его и раскатала по земле. Получился кусок ткани ровно по ее росту, в него была завернута полужесткая воронка с лямками, а в ней лежали две упаковки. Одна, совсем крохотная, – с таблеткой, которая на сутки остановит процесс пищеварения. Кэт-два проглотила ее. Вторая упаковка представляла собой большой и неприятно холодный тюбик с гелем. Кэт надкусила тюбик и, морщась от ледяного и липкого прикосновения, целиком вымазалась содержимым. Гель увлажнял кожу и вроде бы имел страшно сложный состав, но косметическое средство из него никакое. Все называли его просто «космический жир», и его функцией было намертво закупорить поры.

Воронка с лямками предназначалась для сбора мочи. Кэт-два продела в нее ногу, приладила к лобку и застегнула лямку на копчике. Между ног, щекоча внутреннюю поверхность бедра, болталась короткая трубка.

Кэт подняла распластанную по земле серую ткань – скафандр-комбинезон с единственным отверстием в горловине. Материал представлял собой сетку из едва различимых взглядом вьев – простых трехлапых роботов, не умевших практически ничего, кроме как цепляться за соседа. Цеплялись они надежно, и влезть в скафандр было бы невозможно, но у вьев был собственный примитивный «язык», и они понимали простейшие команды на ослабление или укрепление сцепки. Кэт-два просунула руки в горловину и развела в стороны. Распознав жест, вьи расползлись, и теперь в комбинезон можно было просунуть ногу – сначала одну, затем вторую. Для этого требовалось хорошее равновесие, каким, по

счастью, Кэт обладала. Также она предусмотрительно расстелила под собой полотенце. Самая частая ошибка – не удержаться на месте и наступить в грязь, а то и вовсе упасть и вывалиться в траве, камешках и ветках, которые мгновенно пристают к «космическому жиру». Однако Кэт удалось влезть в скафандр без происшествий.

Попытки нащупать штанину, а затем вдеть каждый палец ноги в свою ячейку со стороны выглядят донельзя комично. Кэт-два натянула скафандр по ягодicy и только потом, сев, разобралась с пальцами. Затем она подсоединила трубку мочесборника к специальному входу на внутренней поверхности правого бедра. Роботы-выи тут же сомкнулись плотнее, едва не прижав ей руки. Процесс волнообразно прошел от ступней до коленей, затем до бедер и ягодicy, остановившись на талии. Кэт накинула верхнюю часть скафандра и аккуратно просунула руки в перчатки. Костюм, чувствуя эти телодвижения, уплотнялся, обхватывая ее, вплоть до шеи.

Кэт отделила от шлема жесткий воротник с петлей и защелкой, застегнула его вокруг шеи, подняла горловину комбинезона и плотно прижала.

Теперь она целиком – от шеи до ступней – была облачена в серый материал, облегавший тело настолько плотно, что были различимы сухожилия на ладонях, соски, затвердевшие от утренней прохлады, и холмики в основании ногтей.

Надевать шлем она не торопилась. Хотелось в последний раз вдохнуть чистый воздух Новой Земли. Отстраненность ученого боролась с чем-то более глубоким, присущим всем человеческим расам: желанием разглядеть красоту и предназначение «естественного» мира. Кэт-два знала, что сказал бы Док – да и любой другой айвинец, – сумеи он прочесть ее мысли. Озеро, которое ты видишь, появилось только благодаря тому, что мы сбрасывали на безжизненную планету одну комету за другой, пока влага не стала накапливаться. Воздух, которым ты дышишь, выработали генетически сконструированные микроорганизмы, рассеянные во влажной атмосфере и впоследствии уничтоженные. А резкий запах, который тебе так нравится, издают растения, долгие годы существовавшие лишь в виде двоичного кода на флешке, которую твоя ева носила на шее.

И все равно он ей нравился. Тем временем бриз набирал силу, подбрасывая и дергая планер в разные стороны. Подъемная сила у аппарата была сведена к минимуму, так что сам по себе он бы никуда не делся, но какой-нибудь внезапный порыв все же мог подхватить его и унести.

Забеспокоившись, Кэт-два хлопнула ладонью по внешней поверхности правого крыла, на расстоянии вытянутой руки от кончика.

Она ощутила свое же прикосновение. Ткань скафандра на участке кожи чуть выше запястья сжалась и пощекотала руку узором выпяченных морщинок по размеру не более кончика пальца. Формой он, однако, идеально повторял ладонь Мойры в миниатюре. Кожа Кэт и поверхность планера посредством умного скафандра стали единым целым.

Это развлечение не надоедало. Кэт провела рукой к кончику крыла, с улыбкой следя за тем, как отпечаток руки на поверхности костюма движется по направлению к запястью. Она оторвала руку от крыла, и отпечаток исчез.

Кэт-два нахлобучила шлем на голову и закрепила на воротнике. Шлем представлял собой просто прозрачный пузырь с упором для головы и россыпью миниатюрных динамиков. Никаких тебе индикаторов и прочей ерунды, загораживающей обзор.

В фюзеляже между крыльями было устроено гнездо, в котором как раз помещалась Кэт. Она оседлала нос, согнула ногу в колене и просунула ее в мягкий изолированный канал, затем то же самое проделала и со второй ногой. Теперь она как бы сидела в кабине. На подложке для живота перед ней лежал тоненький рюкзак со сложенным парашютом. Кэт накинула его на спину, затянула лямки на талии и бедрах. Наклонившись вперед, она перенесла вес на руки и плавно опустилась на живот.

Осталось завершить несколько соединений: мочеотводник – к системе осушения. Шланг с питьевой водой – к воротнику. Трубки для входа и выхода воздуха пока были не нужны, но она все равно подключила их вместе с кабелем питания.

Затем она потянулась назад, к самым щиколоткам, и нащупала язычок молнии. Почему именно «молнии» – совершенно не ясно. Застежка представляла собой две шеренги примитивных узкоспециализированных вьев, которые, сцепившись, заключали тело пилота внутри фюзеляжа под капюшоном из многослойной шершавой изоляции. Кэт потянула капюшон на себя, и верх планера обхватил ягодицы, сомкнулся со скафандром вдоль позвоночника, закрыл шею. Снаружи остался только пузырь с головой, ставший теперь носовым конечником планера.

Подобно птице, расправляющей крылья, Кэт распластала руки и просунула их в изолированные тоннели, оперев на тугие, накачаные опоры. На мгновение показалось, будто внутрь планера как-то угодили мелкие камешки и теперь застряли в рукавах. Но вот один из них немного сдвинулся, и стало ясно, что это снова включился скафандр: вьи почувствовали камень под крылом и симитировали его рельеф.

Слой изоляции также приглушал внешние шумы, так что теперь Кэт не

слышала почти ничего, что происходило снаружи.

Это не значило, что звуки пропали совсем. Был слышен ветер. Впрочем, этой фразой едва ли можно описать ту симфонию звуков, которую передавала сеть миниатюрных динамиков. Для сравнения: предложение «канид чует запах леса» значит совсем не то же самое, что «человек чует запах леса». Дело не в словах, а в том, что обонятельные органы канида не в пример мощнее и развитее, чем у человека. В самом грубом приближении, трехмерный звуковой портрет ветра, генерируемый в реальном времени бортовыми системами планера и передаваемый динамиками внутри шлема, настолько же превосходил то, что Кэт могла бы воспринять невооруженным ухом, насколько обоняние канида превосходило человеческое. Планер был снабжен лидарами, направленными во все стороны. Они просматривали атмосферу на несколько сот метров вокруг и находили в ней мириады течений, перепадов и вихрей. Передать всю эту информацию звуком невозможно, но даже по имеющемуся сигналу было понятно куда двигаться, а именно – где находится средоточие энергии. И вот сейчас симфония тонов, завываний, треска и шорохов подтверждала: интуиция накануне ее практически не подвела. Поток ветра, поднимавшийся от озера по склону, был довольно равномерен, но, огибая гребень холма, верхние слои воздуха должны были перемещаться быстрее, чтобы угнаться за нижними слоями. Так между ними возник перепад скорости. Им можно было воспользоваться.

Кэт не только слушала, но и смотрела. Две птицы летели параллельно склону, ныряя из одного слоя в другой, чтобы перенять подъемную силу. Движение облаков высоко наверху показывало, с чем Кэт придется столкнуться через несколько минут, но пока что она об этом не задумывалась.

Порыв ветра. Давление под руками увеличилось, и в это же мгновение планер начал отрываться от земли. Кэт шевельнула ладонями и ступнями – скафандр распознал жест и послал соответствующую команду на блок управления. Вот и все, к взлету готовы. Поймав ветер, поднимающийся вдоль склона, аппарат взметнулся в воздух. Неровная поверхность земли больше не ощущалась – лишь дрожание крыльев, считывавших обтекающие их потоки воздуха. Поднявшись повыше, для подстраховки, Кэт наклонилась головой вперед и спланировала к подножию холма, обращая высоту в скорость. Так ей и предстоит провести остаток дня, накапливая энергию, необходимую для подъема. В конце концов весь накопленный запас будет потрачен на то, чтобы набрать высоту и вырваться туда, где атмосфера кончается.

У самого берега луг уступал место лесу – одному из старейших на Новой Земле. Его посадили вскоре после Первого договора, то есть лет сто назад. Кэт-два задрала голову, пронеслась над кронами, затем вновь сбросила высоту и теперь парила над самой водой. Озеро представляло собой растаявшее ядро кометы, в котором только-только обживались занесенные туда водоросли и рыбы. По голосовому приказу Кэт планер сбросил в воду несколько метров шланга не толще пальца. За первый пролет через озеро она набрала двадцать килограммов воды, из-за чего аппарат чуть-чуть замедлил ход. На другом берегу она нашла восходящий поток теплого воздуха и поднялась на нем на несколько сот метров, после чего вошла в пике и снова, уже быстрее, пронеслась над озером, чтобы захватить еще воды. Эта часть путешествия самая трудоемкая, и хорошо, что заниматься ей надо в начале, пока есть силы. Да, планер был легким, и его можно было носить с собой на спине, но из-за этого он не мог накопить достаточно энергии. Малая инерция не позволяла свободно маневрировать в верхних слоях атмосферы: порыв ветра – и завертит, как перышко. Необходимо набрать большой вес, для чего приходится черпать воду из озера, чем Кэт сейчас и занималась. Высота небольшая, скорость низкая, так что ошибаться нельзя. Первые несколько заходов, пока планер практически ничего не весит, самые непростые. Именно поэтому она не спеша выискивала восходящие потоки по обе стороны от озера и накапливала энергию из них. Однако уже спустя час Кэт уверенно выписывала умопомрачительные пике по всему кратеру: балласта под крыльями и в подбрюшье было несколько сот килограммов. К этому времени она также поняла, где искать восходящие потоки. Солнце уже было высоко, и они все активнее возникали над широкими лугами, раскинувшимися на склонах огромного кратера.

И вот в последний заход, уже готовясь подняться над верхушками стремительно приближавшихся деревьев на берегу, Кэт-два заметила человека.

Человек не стоял прямо на берегу, а скрывался на краю леска и, очевидно, наблюдал за Кэт. На нем (или на ней – с расстояния различить трудно) была одежда, сливавшаяся с окружением. Точно не цветастый комбинезон топографа, но и на военный камуфляж непохоже. Почувствовав, что его – или ее – заметили, человек немедленно скрылся за молодыми деревьями. В то же мгновение Кэт-два пришлось резко задрать планер вверх: от удивления она едва не упустила нужный момент. Столкновения с лесом удалось избежать, но несколько веток все-таки чиркнули по брюху фюзеляжа. Озеро осталось позади.

Прямо перед ней расстился широкий луг под углом к солнцу – прекрасный источник энергии. Подлетев ближе, чтобы лидары могли распознать движение воздуха, а сама Кэт могла разглядеть птиц, она ворвалась прямо в восходящий поток. Первая попытка поймать его была неуклюжей, основанной только на слухе, но, оказавшись внутри, Кэт уловила руками и ладонями тонкие струйки воздуха и, подобно птицам, дала им подняться планер вверх.

После получасового подъема озеро внизу казалось синим диском, а к юго-востоку простиралось открытое пространство, усеянное грибовидными облаками, выдававшими наличие там других восходящих потоков. Кэт-два спланировала почти по прямой, обращая набранную высоту в расстояние, пока не добралась до тех потоков, чтобы восполнить запас энергии. Ее целью был горный хребет в нескольких сотнях километров, возвышающийся над восточным побережьем Тихого океана. Над ним, параллельно гребню, длинными складками тянулись облака.

В солнечных батареях накопился достаточный заряд для передачи пакета данных в космос. В ответных пакетах, полученных через несколько секунд, сообщалось, когда и где на ее предполагаемом маршруте встретятся приколы. Прокладывать точный курс было еще слишком рано, но общее представление иметь полезно. Кроме того, сообщать остальным, где находишься и когда тебя ждать, считалось хорошим тоном.

Выяснилось, что в одном с Кэт районе работали еще два десятка экспедиционников. Не чересчур ли много? Она решила перепроверить. Ожидая подтверждения, она обвела взглядом горизонт и, действительно, заметила еще двоих.

Поразмыслив, Кэт отправила голосовое сообщение для Дока: «Надо переговорить, как вернусь. Не срочно. Но важно».

После этого Кэт-два выкинула из головы все лишнее и сосредоточилась на насущном, а именно на построении маршрута через теплые потоки таким образом, чтобы добраться до восходящей волны дальше по хребту. Планер тем временем накопил достаточно энергии (в основном в виде высоты), и переходы от одного потока к другому ее участия почти не требовали. Так что Кэт могла позволить себе время от времени задремать минут на двадцать.

В сущности, с таким полетом справился бы и робот: автоматические планеры уже парили над всей Новой Землей. Однако Кэт не хотела терять навык, перепоручая выполнение отдельных задач машинам, а еще ей нравилось вести планер самой, пусть и с перерывами. Алгоритмы, конечно, работают, но написать и улучшить их может только человек. А как это

сделать, если не летаешь сам?

От краткого вечернего сна ее пробудило резкое ускорение полета. Кэт опустила глаза и увидела в тысяче метров под собой заснеженные пики. Она добралась до восходящей волны – неисчерпаемого источника атмосферной энергии, по сравнению с которым энергия восходящих теплых потоков казалась ничтожной. Волна шла вдоль хребта, протянувшегося с севера на юг. Поверни Кэт сейчас на север, та бы доставила ее, наверное, к самому полярному завихрению, а оно – к границе атмосферы. Однако на одних крыльях до места назначения долететь было нельзя, и поэтому Кэт развернулась на юг и повела планер по границе волны, слегка наклонившись набок. Таким образом ей хватало энергии на набор высоты, а планер не разгонялся быстрее трехсот километров в час. Она и так ощущала себя, будто муха, которая решила прокатиться на урагане.

Сгустки в полотне звука указывали на наличие других объектов сверху, снизу, справа и слева от Кэт. Их даже можно было различить глазом: подсвеченные солнцем фюзеляжи и кончики крыльев хорошо выделялись на фоне пурпурного закатного неба.

В самой вышине – невообразимо далеко, хоть и все равно на «низкой» околоземной орбите, – ползли массивные конструкции, похожие на минутные стрелки гигантских часов. Они напоминали вытянутые в линию созвездия с яркими светилами на концах. Одна из таких стрелок проплывала по небу точно к югу от Кэт, но она туда никак не успевала. Впрочем, с запада приближалась еще одна – словно занесенная над планетой гигантская нога с готовой опуститься ступней. Это был ее прикол, даже не нужно сверять параметры. Тем не менее расчет она все равно запустила: отчасти, чтобы подтвердить свою догадку, отчасти, чтобы уведомить остальные аппараты в этом столпотворении о своем курсе. Элементарная вежливость на случай, если кто-то еще нацелился на тот же прикол.

Пока она добралась до него, стемнело. Прикол – название восходило к слову «причал», обозначавшему на Старой Земле место стоянки кораблей – представлял собой полую капсулу, закрепленную на тросе, который тянулся далеко в космос. На другом его конце, в тысяче километрах, висел такой же прикол и выступал в качестве противовеса. Вместе они образовывали что-то вроде космического бола, а постоянное круговое движение обеспечивало натяжение кабеля. Бола двигался вокруг Земли, как и обыкновенный спутник, разница лишь в том, что высота орбиты и длина кабеля рассчитаны таким образом, чтобы с каждым оборотом (или, как это видела

Кэт-два, шагом по небу) прикол на нижнем конце опускался в верхние слои атмосферы и почти неподвижно зависал примерно на минуту. Представьте себе бегуна, который перед каждым следующим толчком на долю секунды касается земли, хоть в движении это не заметно. Как бы то ни было, прикол опускался и сбрасывал скорость так, чтобы планер, разогнанный и выброшенный высоко в атмосферу энергией подветренной волны, мог достать до него и зацепиться.

Глаза и уши Кэт-два подсказывали, что вместе с ней к приколу движутся и другие аппараты. Правила предписывали за несколько минут до стыковки передать управление «Параматрице», последней версии древней программы, которая и выстраивала конечный маршрут. Будь Кэт здесь одна, она бы легко справилась сама. Но поскольку приходилось координировать стыковку с прочими аппаратами, то лучше всего было довериться программе, которую специально для этого разработали пять тысяч лет назад.

Когда Кэт-два уступила управление компьютеру, до прикола все еще оставалось невозможно далеко, однако уже через несколько минут он надвигался на нее, как метеорит в замедленной съемке, весь в мигающих красных огоньках. Он напоминал мяч для регби, вытянутый от носа к корме, с куцыми крылышками, которые, меняя угол атаки, подруливали в разреженном воздухе. Планер Кэт-два и другие аппараты приближались к приколу сзади и быстро догнали его, когда он замедлился почти до полной остановки.

Корма представляла собой широкий проем с раздвигающимися створками, за которыми находилась просторная, ярко освещенная палуба – этакие волшебные врата в небесах. Перед Кэт, мигая огоньками, выстраивались в очередь на посадку другие аппараты.

Светящийся проем приближался, словно по небу плыло замерзшее солнце. Планеры один за другим заходили с подветренной стороны, опускались на палубу и, проехав немного или отскочив несколько раз, замирали. Издали могло показаться, что они влетают внутрь ровно по горизонтали. На самом деле палуба была немного наклонена, так что аппараты как бы вползали по пологому трапу, что позволяло гасить скорость. Планер Кэт-два дважды отскочил и наконец опустился на трап. Сила тяжести – настоящая и искусственная – прижала ее к палубе; планер резко остановился, в глазах помутнело от прилива крови к голове.

С одной стороны, планер больше не двигался. С другой – Кэт теперь находилась в одном из грузов на конце бола, описывающего окружность диаметром около четырех тысяч километров. Издалека бола казался

степенным, но на самом деле скорость его была такая, что внутри получалось два же искусственной силы тяжести. Если добавить к этому один же естественной гравитации Новой Земли, то сила, вжимавшая Кэт в мешки с балластной водой под брюхом планера, выходила очень большой.

Двухметровому хвату сила тяжести не помеха, и он оттащил планер с Кэт в сторону, освобождая место для посадки следующих аппаратов. В этот заход на приколе собралось восемь планеров, из которых только тремя управляли люди, причем среди них планер Кэт был самым простым – остальные два отличались конструкцией и были снабжены генераторами. Еще пять – робопланеры, внешне похожие на тот, что был у Кэт-два, но не надувные, а на жестком каркасе. Как только последний аппарат занял место на палубе, створки прикола сошлись. Шаг закончился, капсула поднималась вверх, «пяткой» вперед, покидая атмосферу.

Загерметизировать такое большое пространство невозможно. Воздух, захваченный во время прохода через атмосферу, тут же просочился наружу. Так что технически Кэт-два в открытом космосе. Распознав это, материал скафандра сжал ее тело еще крепче, чтобы обеспечить противодействие ввиду отсутствия атмосферы. Сетка из вьев была пористой, так что единственной прослойкой между кожей и пустотой служил «косможир». Вместе со скафандром он создавал для организма иллюзию, будто тот окружен слоем воздуха – именно в такой обстановке мог существовать человек. Из всего костюма по старинке был загерметизирован только шлем.

В центре зала над палубой прикола болтались четыре эмки разных размеров и конструкции – последняя на данный момент ступень эволюции транспорта, который существовал еще до начала Каменного Ливня. На время посадки они были подняты, чтобы не мешались. Как только ворота прикола закрылись, лебедки опустили одну из них – среднего размера и четырехместную – на трап метрах в десяти от Кэт. Еще эта эмка была оснащена колесами – атрибут для космического аппарата довольно неожиданный. Хотя на самом деле это были колесные полозья, чтобы эмка могла перемещаться вперед-назад по трапу.

Зеленые огоньки у входного шлюза эмки показывали, что внутри все в порядке. У Кэт-два было десять минут, чтобы до него добраться – в самый раз, если не терять сознания. Она отдала планеру команду сдвигаться. Выход воздуха и спуск воды Кэт скорее почувствовала, чем услышала. Мягкий капюшон фюзеляжа разошелся, освобождая плечи, спину и бедра. Она тем временем вытаскивала руки из утепленных рукавов, где они были распростерты наподобие крыльев. Неплохая разминка для мышц, учитывая, что нагрузка на них была в три раза больше обычного.

Сдувшись, планер сморщенным лоскутом ткани распластался на палубе. Кэт отсоединила трубки воздухоочистителя и мочесборника, потом отключила от портов в воротнике кабели питания и передачи данных. Подобрав руки, она по-пластунски, ящерицей поползла к эмке: сначала одна нога, потом другая. Рядом спиралью вился большой ужик – он следил за ее жизненными показателями, готовый в случае необходимости обеспечить подачу воздуха или оказать иную помощь. Впрочем, ничего подобного не требовалось. В принципе, Кэт вполне могла бы ползти и на карачках, как другой пилот, но не видела в этом необходимости.

Краем глаза она уловила нечто необычное. С усилием Кэт-два повернула голову, чтобы убедиться, что ей не померещилось. И вправду: еще один пилот шел по металлической палубе, выпрямившись во весь рост. Шаги он делал короткие, выверенные, тщательно удерживая равновесие и распределяя нагрузку на суставы. При этом он как-то умудрялся поддерживать кровообращение в голове, раз не терял сознания.

При трех же Кэт не то что ходить, встать бы не смогла. То же самое можно было сказать и о любом другом мойринце. Однако этот пилот был феклитом, о чем легко догадаться по его росту, цвету лица и форме головы, видных сквозь шлем, а также по общей мускулистости и дизайну скафандра. Его костюм был тяжелее, укреплен бронепластинами, снабжен разнообразным обвесом и ремнями для крепления груза. Патронташи, кобуры и ножны были пусты. Впрочем, даже не будь этих внешних подсказок, Кэт без труда угадала бы феклита, хотя бы по тому, что он решил встать и пойти, тогда как ползти было бы гораздо проще и безопаснее.

Если бы не историческая связь между мойринцами и феклитами, Кэт-два не преминула бы отпустить какую-нибудь остроту, что-то вроде «зачем феклиту кровь в мозгу, когда он просто берет и идет». Нечто подобное, впрочем, можно было высказать и в ее адрес. У аппарата, на котором прилетел феклит, например, были двигатели. В конце концов, если твоя цивилизация умеет их делать, то почему бы ими не пользоваться? Тем не менее Кэт-два добиралась до прикола на обычном планере, накапливая энергию в атмосфере и полагаясь при этом исключительно на свои навыки и сообразительность. В любой момент она могла передать управление компьютеру, но предпочитала почти все делать самостоятельно. По сути, это был такой же бессмысленный выпендрейж, как и проходка феклитского пилота. С другой стороны, так она проверяла и оттачивала важные для себя навыки – феклит по-своему делал то же самое.

До шлюза Кэт-два добралась с запасом. Пол эмки был мягким,

специально для тощих пилотов вроде нее, которые чувствовали металл каждой косточкой. Она с усилием перекатилась на спину, слегка толкнув пилота, ползшего на четвереньках, и подключила воздушный шланг к разъему в стенке шлюза. В шлем начал поступать свежий воздух. Последним вошел феклит и опустился на скамейку. Люк закрылся за ним, щелкнул замок. Давление воздуха выросло, и вы перестали так яростно сжимать тело. Когда давление поднялось до стандартной атмосферы, поддерживаемой в орбиталищах – там воздух представлял собой несколько разреженную смесь газов, наподобие той, которой люди Старой Земли дышали где-нибудь в горах Колорадо, – скафандр повис на Кэт-два свободно, как спортивный костюм.

Открылся внутренний люк. Вместе с остальными пилотами Кэт – теперь уже на карачках – поползла в основную кабину, где находились четыре амортизационных кресла для пассажиров. Заняв по креслу, все трое устроились поудобнее и пристегнулись. Теперь они были в лежачем положении, ноги слегка подняты. Тем временем скафандры сумели подключиться к голосовой сети эмки: из динамиков начало доноситься натужное дыхание попутчиков. Все молчали. Еще несколько минут, и можно будет говорить без лишних трудностей. Не изменяя себе, феклит тренированно выдохнул, оторвал массивные руки от подлокотников и стянул шлем. Положив его на живот, он уронил руки обратно на подлокотники. Краем глаза Кэт-два смутно увидела широкоскулое лицо и соломенные волосы, как и ожидала, но поворачивать голову, чтобы рассмотреть феклита получше, ей не хотелось. Вместо этого она перевела взгляд на дисплей у себя над головой, пытаясь сфокусироваться на нем, насколько это было возможно, когда перегрузка вдавливала глаза в орбиты.

Они попали на прикол, когда тот двигался горизонтально со скоростью сто километров в час. В следующие минуты центростремительная сила, из-за которой приходилось извиваться по полу, как пресмыкающееся, тянула аппарат с ускорением вперед и вверх, накачивая их и все окружающее кинетической энергией, разгоняя аппарат до космических скоростей. По сравнению с огнедышащими двигателями предков приколы были устроены предельно просто. Бола технически ничем не отличался от пращи, из которой Давид убил Голиафа. Эмка, по сути, всего лишь камень в его петле.

Бола совершил четверть оборота, и теперь они двигались перпендикулярно поверхности Земли в направлении далекого обитаемого кольца, служившего домом им и еще трем миллиардам человек разных рас.

На дисплее было видно, как двери прикола приоткрылись; между ними зияла чернота. Частый металлический перестук сообщил, что полозья под

действием центростремительной силы, набирая скорость, покатались вниз по трапу к краю палубы. Резко включились тормоза, чихнули поглотители удара, и эмка сорвалась с полозьев. С точки зрения пассажиров она просто перевалилась через край палубы в открытый космос. От толчка она начала было вращаться, но несколько выхлопов из маневровых двигателей стабилизировали ее.

Наступила невесомость. Кэт-два сняла шлем, но отрывать голову от подголовника не торопилась, дожидаясь, пока внутреннее ухо привыкнет к перепаду давления. Тем временем она не глядя шарила по отсеку внутри подлокотника в поисках одра для работы с приложениями. Слово «одр» было уже довольно древним, и многие позабыли, что изначально это было сокращение – что-то вроде «очки дополненной реальности». Одры имели разный дизайн, но так или иначе основывались на очках в массивной оправе. Внутри оправы были установлены камеры, распознающие жесты, микрофоны, улавливающие голосовые команды, и еще камеры, отслеживающие направление взгляда. Кэт-два надела очки, и по краям зажглись светящиеся иконки. Подхватив пальцами одну, она запустила «Параматрицу». Перед ней возникла схема местоположения эмки в космосе: в центре голубой диск – Новая Земля, окруженная серой пленкой атмосферы, далеко в стороне – орбита центральной части бола, вокруг которой симметрично закручиваются траектории двух приколов. Ее они только что миновали. Мигающая зеленая точка отмечала их текущее положение на новой орбите – широком эллипсе, апогей которого находился на обитаемом кольце, обращавшемся вокруг планеты на геосинхронной орбите. Следующие двенадцать часов они будут подниматься на эту высоту, затем снова пристегнутся к креслам: надо будет набрать *дельта-вэ*, чтобы состыковаться с нужным орбиталищем.

Мир, в котором проживало все трехмиллиардное человечество, если смотреть «сверху» (из точки над Северным полюсом), представлял собой тонюсенькое кольцо диаметром восемьдесят четыре тысячи километров – примерно в семь раз больше диаметра сине-белой планеты, вокруг которой это кольцо обращалось. Каждая из структур в составе кольца, хоть и казалась огромной населявшим ее людям, была лишь атомом по сравнению с масштабом всего кольца. Представьте себе тончайшую цепочку – едва заметную полоску платины на женской шее, теперь вытяните ее в идеальное кольцо диаметром десять метров и получите представление о том, насколько обитаемое кольцо тонкое по сравнению с его масштабами. Так что удобнее всего его разглядывать в схематичном представлении, например, через одр, где отдельные орбиталища, из которых состоит

кольцо, изображены в виде непропорционально больших разноцветных блямб.

В таком отображении окружность делится на восемь примерно равных по длине дуг, около сорока пяти градусов каждая. На максимальном отдалении они будто переливаются всеми цветами радуги, а соединяют их бесцветные отрезки, в обиходе именуемые «кладбищами».

По мере увеличения картинки становится видно, что дуги не сплошные, а состоят из точек, как картины пуантилистов. Программа, чтобы было понятнее, начинает выводить подсказки в виде подписей и пронумерованных меридианов. Всего на восемь сегментов приходится более девяти тысяч действующих модулей-орбиталищ. Еще несколько сотен – в основном заброшенные модули, которые режут на металлолом – расположены на кладбищах. Там же находятся неиспользованные осколки Луны и отдельные астероиды, выступающие в качестве сырья для строительства.

Все необитаемые объекты – недостроенные и заброшенные модули, а также космические камни – отмечены серым. Поэтому кладбища и выглядят так уныло.

Значительно веселее смотрятся разноцветные длинные дуги, тянущиеся между ними. У каждой есть преобладающий оттенок, по которому можно условно проследить историю строительства дуг, а заодно и всю историю человечества за последнюю тысячу лет – пятое тысячелетие, оно же Тысячелетие Кольца. До этого – первые четыре тысячи лет, которые длился Каменный Ливень – пространство вокруг Земли было так замусорено, что человеческим расам приходилось ютиться в огромных железоникелевых телах вроде Расщелины. Их траектории, конечно же, совпадали с орбитой Луны, из чьего ядра они и образовались (то есть в девять раз дальше от Земли, нежели нынешнее обитаемое кольцо). Как и предсказывал Дюбуа Харрис, орбита Луны оказалась наиболее подходящим местом (по сути, единственным), где человечество могло начать жизнь заново, пока Земля подвергалась адской бомбардировке. Однако если говорить о долгосрочной перспективе, насколько человек мог ее планировать, конечной целью все равно было возвращение на планету.

Со временем Каменный Ливень начал сходить на нет. В четвертом тысячелетии этот процесс пошел быстрее: целые флотилии роботов вырвались из железоникелевых крепостей, как стая летучих мышей из пещеры, и начали чистить околоземное пространство, брать под контроль скопления обломков, сгребать в кучу отдельные булыжники, а затем переправлять их на устойчивые геосинхронные орбиты. Питались роботы

большей частью солнечной энергией, которой явно не хватало, из-за чего их труд растянулся на несколько сотен лет.

Первый жилой модуль на геосинхронной орбите построили около тысячи лет назад, на заре пятого тысячелетия. Назвали его «Гринвич», потому что он располагался прямо над нулевым меридианом Старой Земли. Поначалу его окружали только отработавшие свое роботы и космический мусор. Когда строительство завершилось, от Гринвича начали отпочковываться новые модули. Вооруженные роботами, человечество стало поглощать сырье и ресурсы в обоих направлениях, как пламя – фитиль.

Гринвич, как и его ближайших соседей: Вольту и Бану Каси на востоке, Атлас и Роланд – на западе и еще нескольких в обоих направлениях, – строили все семь рас. Поэтому на схеме одра их обозначали белым.

Гринвич также стал первой из восьми равноудаленных друг от друга точек, запланированных на кольце. Остальные семь, если смотреть против хода вращения Земли, назывались соответственно: Рио, Мемфис, Питкэрн, Токомару, Киото, Дакка и Багдад. Постепенно в каждой из этих точек построили по орбиталищу, оснастив его средствами для производства новых. Последующие столетия их жители точно так же поглощали сырье по восточную и западную стороны, строя все новые и новые орбиталища, чтобы обеспечивать жильем растущее народонаселение.

Разумеется, со временем дуга из орбиталищ, тянущаяся на запад, скажем, из Гринвича, соприкоснется с дугой, которая идет на восток из Рио. Перешейки из неиспользованного материала и отработанного мусора становились все короче и превращались в кладбища, которые могли бы и вовсе исчезнуть, если бы не приносили ощутимую пользу. Поначалу они служили «складами» стройматериалов, затем – буферными зонами между политическими фракциями или своего рода фронтиром, куда могли уйти люди, не нашедшие себе места в тесноте космических модулей. Кладбище, отделявшее Гринвич от Рио, называлось Кабо-Верде. Далее на запад шли Титикака, Гранд-Каньон, Гавайи, Камчатка, Гуанчжоу и Инд. Замыкали круг Балканы, расположенные между Багдадом и Гринвичем. Некоторые кладбища росли, а Гуанчжоу, которое изначально разделяло сегменты аидян и камилитов, в итоге полностью застроили, чтобы людям по обе стороны было где жить.

Произнося свое Проклятие, Ева Аида во многом оказалась прорицательницей. Уже в первые несколько поколений после Совета Семи ев стало ясно, что разделение на семь рас – навсегда. Они стали такой же

неотъемлемой частью портрета человечества, как ногти или селезенка. Официально это разделение нигде зафиксировано не было, но соблюдалось как-то само по себе. Рио преимущественно заселили айвинцы, мойринцы стеклись в Мемфис, а феклиты – в соседнюю дугу с центром в Питкэрне.

Багдад, по другую сторону от Гринвича, достался динайцам, следующая за ним Дакка – камилитам. Аидяне и джулиане, дабы подчеркнуть свое непримиримое отчуждение от остальных рас, выбрали орбиталища на противоположной стороне: Киото и Токомару соответственно. Таким образом, кольцо замкнулось: восточные окраины джулианского сегмента граничили с западными окраинами участка феклитов; их разделяло внушительное кладбище Гавайи: малочисленные джулиане не так активно поглощали его ресурсы.

Степень расовой чистоты разнилась от орбиталища к орбиталищу. Поскольку Гринвич был совместной стройкой, он так и остался самой многорасовой частью кольца. По бокам от него, в Багдаде и Рио, также проживало множество тех, кто не принадлежал соответственно к динайцам или айвинцам. Эти три сегмента можно было, в принципе, считать зоной, терпимой к представителям всех рас. Обитатели остальных частей кольца, как правило, вели себя более замкнуто, поэтому там расовое разнообразие было невелико. Впрочем, по всему кольцу попадались удивительные гетто: например, пятидесятитысячный анклав джулиан в самом сердце участка динайцев.

Для учета пробирок, из которых в свое время возникли прародители всех рас, Ева Мойра ввела цветовую индикацию. Никакой системы – просто то, что оказалось под рукой из канцелярских принадлежностей: несколько разноцветных стикеров и фломастеров. Так с тех пор и пошло:

синий – потомки Дины,
желтый – Камилы,
красный – Аиды,
оранжевый – Джулии,
голубой – Феклы,
фиолетовый – самой Мойры,
зеленый – Айви,
белый – ничей.

В те же цвета раскрасили точки, из которых состояла схема кольца: например, орбиталище, в котором преобладали динайцы, было синим, и так далее. Точки крохотные, их много, поэтому при большом удалении они сливаются в линию, переливающуюся всеми цветами радуги, но общая тенденция все равно вырисовывается. Неизвестно, задумка ли это Мойры

или просто так совпало, но цвета из холодной части палитры: синий, зеленый и голубой – она присвоила евам, с которыми была лично близка, а теплые: красный, желтый и оранжевый – отдала остальным.

Если все кольцо размежевать по этой схеме, то, приняв расположение орбиталища Гринвич за двенадцать часов, а Токомару – за шесть, можно увидеть: от десяти часов (западный край кладбища Инд) до пяти (восточный край кладбища Гавайи) тянется дуга холодных цветов, а промежуток между шестичасовой и девятичасовой отметками окрашен в теплые цвета. Самый «верхний» участок кольца с центром в Гринвиче светится снежно-белым, вроде полярной шапки, а в стороны от него тянутся фиолетовые горы, зеленые холмы и синие моря. Снизу и слева, где в основном проживают камилиты, аидяне и джулиане, кольцо будто бы подогревается на огне и излучает красно-рыжее сияние.

Этот сегмент на схеме также ограничен двумя красными чертами поперек кольца. Одна из них проходит по восточной оконечности джулианского сегмента, в отметке 166°30' западной долготы, где когда-то располагался остров Кирибати в Тихом океане. Вторая проведена точно по отметке 90° восточной широты, через самый центр дуги камилитов – орбиталище Дакка. Эти две черты служат границами – не просто воображаемыми рубежами, а вполне конкретными барьерами, разбивающими кольцо на части, со стенами и пропускными пунктами. Орбиталища теплых цветов внутри этих границ, а именно: большая часть сегмента джулиан, весь участок аидян целиком и ровно половина сегмента камилитов – были для Кэт-два и ее попутчиков в буквальном смысле другой страной. Взаимоотношения между ней и более обширной дугой холодных цветов, где жили они, можно описать множеством разных способов, но наиболее емким будет «война».

Увидев, что Кэт-два оторвала голову от подголовника и тем самым как бы включилась во временное общество пассажиров эмки, феклит повернулся к ней. Он отвел правый локоть в сторону, выпрямил ладонь, отвел большой палец и рубящим движением указал на свой подбородок, затем поднял руку ко лбу.

– Белед Томов, – представился он, хотя Кэт-два и так знала, как его зовут: по надписи на скафандре.

Кэт-два ответила приветственным жестом, принятым в ее расе: левой рукой, ладонью к себе, пальцы согнуты.

– Кэт Амальтеина-два.

Оба посмотрели на динайца. Минуту назад тот демонстративно отвел глаза в сторону – общепринятый знак: «Прошу не беспокоить, отливаю в

мочесборник». Закончив, он обернулся к остальным и изобразил свое приветствие – тоже левой рукой, но с поворотом ладони: сначала к себе, потом от себя.

– Рис Алясков.

Подобные жесты уходили корнями во времена становления Облачного Ковчега и появления на Расщелине первого поколения нового человечества – потомков Семи ев. Тогда люди практически не вылезали из скафандров, а в шлемы были встроены забрала, защищавшие от солнечной радиации. Опущенное забрало отражало свет и приобретало металлический оттенок; лица за ним было не разглядеть. Поднятое забрало, напротив, открывало лицо. Поскольку уединение тогда было роскошью, поднятая вверх рука означала: «Привет! Давай пообщаемся», а опущенная – «Пока» или «Оставьте меня в покое». Насущная необходимость в таких жестах давно отпала, поскольку в современных орбиталищах у человека была возможность уединиться в любой момент. Однако приветственная их суть сохранилась. Белед Томов отдавал приветствие по-военному, правой рукой, как бы говоря: «Я безоружен и убивать тебя не собираюсь». При наличии гравитации дальше собеседники пожимали друг другу руки. В невесомости это сделать сложнее, поэтому от ритуала отказались. Приветствие левой рукой означало принадлежность к гражданской профессии, поскольку правая рука была обычно занята чем-нибудь полезным. Движения ладонью восходили к культурным особенностям рас, и их изучение было благодатной темой для ученых-антропологов. Впрочем, все признавали, что по таким движениям удобно отличать представителей той или иной расы – особенно с расстояния или в закрытом скафандре. Да, существовали определенные различия в росте, телосложении, позе, манере двигаться, но незначительные, и, не видя черт лица или цвета волос, легко было ошибиться.

Волосы у Риса Аляскова медового оттенка, а лицо – веснушчатое, как у большинства динайцев. Феклит тоже, как и сородичи, был светлокожим. Но если у Риса лицо открытое, приветливое и располагающее к общению, то у Беледа – одновременно угловатое и обтекаемое, с выдающимися скулами и челюстью. Глаза у него ярко-голубые, почти белые, а коротко стриженные волосы напоминают оптоволокно. Манера держаться вполне соответствовала внешнему виду. Кэт-два – темнокожая, с зелеными глазами и пышными черными волосами, иными словами – почти вылитая Ева Мойра. Таким образом, среди них троих наиболее разительно отличались Кэт и Белед. Тем не менее за пять тысяч лет тесного общения мойринцы и феклиты развили взаимодополняющие качества. Случись что, Кэт-два и

Белед инстинктивно встанут, прижавшись спиной к спине. А в спокойной обстановке, очень вероятно, тоже прижмутся, но лежа. Подобный «симбиоз» развился и между динайцами и айвинцами, но в данный момент «партнера» у Риса Аляскова не было; четвертое кресло как раз пустовало.

Все это и даже немного больше любой житель обитаемого кольца считывал за долю секунды. Рис легко оттолкнулся от кресла и поплыл к скоплению мониторов, служивших панелью управления эмкой. В принципе, те же функции были доступны и на одре, но по технике безопасности рекомендовалось выводить показатели аппарата на обозрение всех пассажиров.

Рис хотел связаться с орбиталищем в крайней точке их траектории и поболтать с кем-нибудь «на том конце провода», чтобы немного убить время. Проплывая через кабину, он обратился к попутчикам:

– Как ваши экспедиции? Хорошо?

– Без происшествий, – отработовал Белед.

Кэт-два собиралась ответить в том же ключе, но тут вспомнила про селенца – или кто там наблюдал за ней, скрываясь в деревьях у озера. Видение было настолько мимолетным, что Кэт уже сомневалась, был ли там кто-то на самом деле. Она лично была уверена, что не показалось, но мозг порой может играть шутки.

Рис, увидев, что Кэт-два замешкалась, сам ответил на свой вопрос:

– А у меня очень интересно.

– Что-то не по плану? – спросил Белед.

– Что интересного? – спросила одновременно с ним Кэт.

Кэт-два почувствовала на себе взгляд Беледа и поняла, что вопрос в равной степени был адресован и ей. Рис, впрочем, динаец, и в его природе предположить, что обращаются именно к нему. Он посмотрел на Кэт-два и Беледа. Зная, что он здесь не «свой», он ответил с обезоруживающей – а как же иначе? – улыбкой:

– Думаю, могу ответить сразу на оба вопроса. – Он забрался в кресло пилота и, поколдовав над пультом управления, включил мониторы. – Каниды проходят эпи семимильными шагами. Теперь их почти не узнать.

Канидами называли существ, похожих на собак, волков и койотов сразу. Вместо того чтобы возрождать каждый вид по отдельности, Док – точнее, доктор Ху Ной – вооружился исследованиями, которые были опубликованы в научных журналах Старой Земли незадолго до Ноля. В них утверждалось, что граница между этими видами пренебрежимо тонка. Эти животные свободно спариваются друг с другом и дают жизнеспособное потомство. Да, они имеют тенденцию сбиваться в стаи по размеру и

внешнему сходству, из-за чего их и относят к отдельным видам. Но вдали от человеческих глаз, в меняющихся условиях обитания возникают самые разнообразные псокойоты, волкособаки или койволки. Койоты начинают охотиться в стаях, как волки, а волки становятся одиночками, как койоты. Бок о бок можно встретить как тех, кто способен загрызть человека, так и тех, кто его боится, в том числе одичавших домашних питомцев.

Ху Ною было сто двадцать лет. В молодости он вошел в группировку ученых, которые подняли бунт против течения, господствовавшего в «ТерРеФорме» на протяжении сотен лет. Отчасти с подачи этих «младотурок» сторонников старого подхода заклеямили консерваторами и обозвали «засыпанцами» (от ЗСП, или «зачем спешить, подождем»). Они исходили из того, что экосистемы Старой Земли складывались сотни миллионов лет, и их восстановление потребует скрупулезной, почти хирургической работы. Долго – ничего страшного, все равно жить в орбиталище безопаснее и комфортнее, чем на непредсказуемой поверхности ставшей чужой планеты. Человечество может тысячелетиями жить на орбите, понемногу восстанавливая экосистемы, пока не получится что-то, похожее на Старую Землю. Планету предлагалось сделать экологическим заповедником. Например, Африку, очертания которой, хоть и сильно покореженные Каменным Ливнем, были вполне узнаваемы, снова бы заселили жирафы и львы, выведенные из последовательностей нулей и единиц с той самой флешки, которую носила на шее Ева Мойра. Так же планировалось поступить и с другими материками.

Из того поколения «младотурок», которые разгромили движение «засыпанцев», в живых остался только Док. Сами себя они именовали «пробужденцами», то есть ПРБ – «пора за дело, быстро». Лойк Марков, глава этого направления и тоже выдающийся долгожитель, был наставником Дока. Как следует из фамилии (Маркусом звали бойфренда Евы Дины), Лойк был динайцем. При этом и Док, и большинство «пробужденцев» происходили из айвинцев, что добавляло их взглядам серьезности и убедительности – как оказалось, весьма важный фактор при продвижении какой-либо идеи. Они объединили усилия с философами из числа мойринцев, которые и раскритиковали позицию ЗСП. Мол, воссоздание симулякров вымерших биомов Старой Земли мало того, что займет неоправданно много времени, так еще и свидетельствует о чрезмерно сентиментальном отношении к природе. Человека и так с самого Каменного Ливня преследовало чувство вины за уничтоженную планету, сколько можно? Былого не вернуть. Даже если те экосистемы и поддаются восстановлению, тратить на это столько времени попросту

нецелесообразно. Да ничего и не выйдет – хотя бы потому, что естественный отбор непредсказуем и не поддается контролю. Этот последний гвоздь в крышку гроба старой школы забил лично Док.

Впрочем, самым сильным орудием «пробужденцев» была не философия, а нетерпеливость – черта характера, в большей или меньшей степени присущая всем расам без исключения. По распространенности с ней мог сравниться, пожалуй, только дух соперничества; разве что у камилитов его не было. С такой мотивацией, конечно же, все стремились «побыстрее взяться за дело» и завершить проект «ТерРеФорм» не за несколько тысяч лет, а за несколько столетий.

Их победа в научно-философском споре, однако, привела к непредвиденным политическим последствиям. Внезапно у человечества появился повод для распрей: поверхность Новой Земли.

В начале сорок девятого века Лойк Марков опубликовал ряд трудов, где приводил расчеты, по которым поверхность Новой Земли будет пригодна для постоянного проживания людей уже к 5050 году. По меркам сторонников ЗСП, срок чересчур короткий, но все равно выходящий за пределы жизни отдельного человека, так что ученый совет, ответственный за планирование «ТерРеФорма», без колебаний утвердил эту дату в графике. Впоследствии ее даже сдвинули на 5005 год, юбилей высадки на Расщелине. Однако новые перспективы высвободили долго дремавшие политические силы, которые и привели в 4830 году к созданию двух лагерей. В одном из них главенствовали аидяне, которые сумели подмять под себя многих камилитов и джулиан. В 4855 году они установили пограничные блокпосты в Кирибати и Дакке, тем самым расколов кольцо надвое. В конце концов они даже придумали имя для своей «страны», ввиду чего то же самое пришлось сделать и обитателям остальной части кольца. Впрочем, в обиходе одних все равно называли «красными», а других – «синими».

Но проект «ТерРеФорм» продолжался. Ученые и лаборатории по обе стороны блокпостов проводили совместные исследования невзирая на границы. А двадцать три года спустя, буквально в тот же день, когда атмосфера Новой Земли стала пригодной для дыхания без искусственных приспособлений, началась Война-на-Камнях. Она шла и в космосе, но основные боевые действия велись на поверхности планеты, все еще голой и безжизненной. Закончилась война в 4895 году подписанием так называемого «Первого договора». Среди прочего, в нем были расписаны дальнейшие работы по «ТерРеФорму». Так была запущена программа Большого Засевания, благодаря которому Кэт-два сегодня утром имела

удовольствие пролетать над деревьями. В последующие десятилетия в рамках плана по созданию готовых экосистем на поверхность стали выпускать все более и более крупных животных. В том числе канидов – кстати, именно они почудились Кэт-два спросонья. Говоря, что они «проходят эпи», Рис имел в виду эпигенетический сдвиг внутри вида.

Если бы неведомый Агент взорвал Луну двумя десятилетиями раньше, Ева Мойра ничего не знала бы об эпигенетике. Работы в этом направлении только-только начались. За первые несколько лет, проведенные на Облачном Ковчеге в хорошо оборудованной лаборатории внутри самых защищенных модулей «Иzzi» и «Эндьюранса», Мойра порядком начиталась по теме. Ее, как и сверстников, учили: геном – это вся информация о строении и развитии организма, записанная в хромосомах, которые содержатся в ядре каждой клетки. Лишь незначительная часть ДНК имела четко выраженные функции – все остальное, казалось, не делало ничего и считалось «мусором». Однако в начале двадцать первого века это представление изменилось: более совершенные методы анализа показали, что почти весь так называемый мусор на самом деле играет важную роль в функционировании клеток, регулируя выраженность генов. Даже в простейших организмах, оказывается, множество генов либо подавлены, либо вовсе отключены подобными механизмами. Геномика обещала: познаешь геном – познаешь организм. На деле это не так, поскольку выяснилось, что фенотип (то есть, само существо со всеми особенностями внешности и поведения, которые наблюдает биолог) складывается не только из генотипа (цепочек ДНК), но также из бесчисленного множества нанорешений о запуске одних генов и отключении других, которые ежесекундно принимают регуляторы внутри клеток тела. Эти регуляторы делятся на несколько типов и в большинстве своем невообразимо сложны.

Не спутай Агент все карты, биологи Старой Земли остаток столетия посвятили бы каталогизации этих механизмов и расшифровке их функций, для чего и создавалась наука эпигенетика. Вместо этого в руках Евы Мойры и последующих поколений биологов, которых она вырастила, эпигенетика стала орудием. На Расщелине ученым были нужны все доступные инструменты, и они использовали их цинично, порой даже безжалостно, но все с одной целью: обеспечить выживание человечества. Создавая детей остальных шести ев, Мойра избегала эпигенетических методов. С другой стороны, она считала, что имеет полное право ставить эксперименты над собственным геномом. Поначалу все шло неудачно, и первые восемь беременностей закончились выкидышами. Но последняя и единственная

дочь Мойры выжила. Мойра назвала ее Кантабриджией^[9], и та положила начало расе, к которой принадлежит и Кэт-два.

Несколько тысяч лет спустя, когда «ТерРеФорм» запустил Большое Засевание, эпигенетику уже неплохо понимали и умели программировать изменения в ДНК вновь созданных видов, которых планировали выпускать на поверхность Новой Земли. Сторонники ПРБ выступали за использование эпигенетики на полную катушку. То есть, вместо того чтобы секвенировать и выводить новый подвид койота, приспособленный к определенной среде обитания, как того хотели «засыпанцы», «пробужденцы» предлагали вывести расу псовых вообще. Всего за несколько поколений они сами эволюционируют в привычных койотов, волков и собак – или же в нечто совсем незнакомое, как пойдет. Генетический код у них изначально будет одинаковый, а в зависимости от обстановки отдельные его части будут либо подавлены, либо, наоборот, активированы.

Также предполагалось, что человек никоим образом не будет прикладывать руку к конечному результату. Достаточно просто заселить Новую Землю и ждать, что получится. Если где-то экосистема не приживется, ничего страшного; придумают что-нибудь еще.

Проходили десятилетия, засевание Новой Земли шло полным ходом. Просчитать эпигенетические изменения невозможно, и, поскольку наблюдать за ними было некому, люди о них ничего не знали. Однако, когда кто-нибудь из экспедиционников все-таки натыкался на нечто новое и удивительное, говорили, что какие-то животные «проходят эпи». Такую формулировку не одобряли за ненаучность, но критиковать за это Риса Аляскова никому даже в голову не пришло.

Рис вывел на дисплей схему обитаемого кольца и приблизил белый сегмент. Предполагаемый маршрут эмки был обозначен ярко-зеленой дугой, апогей которой приходился на группку небольших орбиталищ к востоку от Гринвича. Первые орбиталища, которые возникли рядом с центральными, вроде Гринвича, Рио и прочих, были маленькими, потом строители вошли во вкус. Чем ближе к кладбищу, тем крупнее становились жилые зоны. Картинка приближалась, и на экране замелькали названия: Ганнибал, Брюссель, Ойо, Овернь, Верцингеториг, Стив Лейк... Стив Лейк. Кэт-два подумала, а не заглянуть ли к жившему там приятелю. Впрочем, едва ли их дружба пережила ее перерождение.

Она включила ту же схему у себя на одре и начала искать текущее местонахождение Ока.

Если принять обитаемое кольцо за циферблат, то Око с его двумя

подвесами – один обращен к Земле, другой выходит за пределы кольца – можно считать стрелкой.

Говоря про Око, непременно нужно упомянуть, что это самый большой рукотворный объект в истории. Источником стройматериала послужила Расщелина: она, можно сказать, переродилась в Око. Оно представляло собой кольцеобразную конструкцию, на внутренней стороне которой крутился целый город. Диаметр у Ока был внушительный: около пятидесяти километров, так что даже самые крупные орбиталища без труда проходили сквозь него. Иными словами, конструкция двигалась по всему обитаемому кольцу, останавливаясь поочередно у каждого из десяти тысяч орбиталищ.

По крайней мере, такова была задумка. На деле перемещение Ока ограничивалось лишь той частью кольца, которая принадлежала синим: примерно две трети всех орбиталищ от Дакки против часовой стрелки до окраин джулианского сегмента. По обеим границам были установлены барьеры – самые настоящие блокпосты с длинными железоникелевыми шлагбаумами поперек кольца. Таким образом красные добились того, что Око не могло зайти на «их» территорию. В итоге вместо того чтобы двигаться по кругу, как часовая стрелка, Око болталось между барьерами, как маятник, и посещало только орбиталища синих. Правда, последние полтора столетия красные тоже сооружали что-то гигантское – своего рода анти-Око, которое, вероятно, будет подобным образом курсировать по их сегменту. Однако это сооружение так ни разу и не сдвинулось со своей геостационарной орбиты над Макасарским проливом, и никто из синих не знал, когда же его наконец запустят.

Крутящийся город назывался Большая Цепь и служил обрамлением «зрачка» в центре Ока. Само Око сходилось к двум уголкам: один всегда направлен к центру Земли, второй – от него. Из каждого тянулся трос – точнее, пучок самовосстанавливающихся тросов с запасом по толщине. Тот, который был протянут к Земле, достигал чуть ли не самой поверхности, и на нем болталась Колыбель. Внешний выходил за пределы обитаемого кольца и цеплялся за Большой Камень, который служил противовесом. Вытягивая или укорачивая этот трос, можно было менять центр тяжести всей конструкции, соответственно заставляя ее замедляться или ускоряться во время перемещения по кольцу. Именно так Око достигало того или иного орбиталища и совершало остановки в случае необходимости. Во время них между кольцом и Оком налаживали переправку людей и товаров посредством эмок, транспортных челноков, выиных роев или механических кишок, выдвигавшихся подобно

щупальцам.

Каким бы большим и мультикультурным ни было орбиталище, по сравнению с надвигающимся Оком оно, если выражаться донулевым языком, кажется всего лишь степным городком, на горизонте которого вдруг возникает передвижной Манхэттен. Он накатывает на тебя, вступает во всевозможные контакты, а затем уходит дальше. Также Око представляло собой наиболее быстрый и удобный способ передвижения между орбиталищами. Именно поэтому Кэт-два требовалось узнать, где оно находится и в каком направлении движется в данный момент.

В данный момент Око находилось у крупного нового орбиталища Акюрейри, в двадцати градусах к западу от предполагаемого апогея их маршрута, а затем должно было двинуться к кладбищу Кабо-Верде, разделявшему гринвичский отрезок и Рио. Значит, оно на пути в ту часть кольца, где в основном проживают айвинцы.

– Может, махнем и поймаем Око? – предложила Кэт спутникам.

Имелось в виду, что нужно воспользоваться огромным алюминиевым кнутом (крайне распространенное устройство на кольце, которое выводит эмки на более высокую орбиту). Пока они будут плавно проходить апогей за пределами кольца, всё, включая Око, пройдет под ними, как в быстрой перемотке, и на обратном пути их эмка окажется в точке контакта. Там они пристыкуются к любой из сотен стоянок, без лишних трудностей пройдут через Карантин, а потом каждый пойдет своим путем: либо подождут, пока Око доставит их куда надо, либо переседут на какую-нибудь пассажирскую эмку или лайнер, идущий напрямую в конкретный сегмент. Еще можно купить билет на лифт и спуститься до самой Колыбели, а то и вовсе остаться на Оке, которое тоже является самостоятельным орбиталищем, где многие живут всю жизнь. Иными словами, «поймать Око» всегда предпочтительнее, чем оказаться в каком-нибудь случайном орбиталище, откуда выберешься в лучшем случае через несколько дней, если не недель, так что такие предложения обычно даже не обсуждаются.

– Я за, – не задумываясь, поддержал Рис.

Кэт-два посмотрела на Беледа, тот смотрел на нее. Тут она поняла, что феклит просто-напросто пялится: основной инстинкт остался прежним, невзирая на тысячелетнее разделение рас и прочие социокультурные изменения, связанные с жизнью в космосе.

Кэт-два вопросительно изогнула бровь.

– Конечно, – сказал Белед.

– Значит, единогласно. Я отстучу, – объявил Рис и отвернулся к панели управления.

У Кэт-два защекотало между ног, и от смущения ее лицо залилось теплой краской. Белед, возможно, ощущал то же самое, но феклитов учили не выставлять своих чувств напоказ – из убеждения, что, например, именно проявление страха вызывает испуг, а вовсе не наоборот. Генеалогию этого убеждения можно было при желании проследить вплоть до древних спартанцев.

Возможно, заметив какую-то искорку между Кэт-два и Беледом, Рис с преувеличенной сосредоточенностью погрузился в работу. Как и в прошлом, это проистекало из элементарной вежливости и желания дать другим «немного воздуха». Это выражение по-прежнему имело хождение в орбиталищах, хотя, строго говоря, воздуха там могло и не быть вовсе, поэтому вернее было бы говорить просто «пространство». Кэт вполглаза наблюдала за тем, как Рис отдавал краткие команды «Параматрице» (и с «отстукиванием» – что бы это ни значило – его действия не имели ничего общего, но что поделать: язык динайцев вообще богат на непривычные выражения). Получалось, что их маршрут пролегал через двадцатикилометровый просвет между орбиталищами Сент-Экзюпери и Кнутхольмен. Точно между ними располагалась кнут-база из тех, что обслуживали почти каждое мало-мальски солидное орбиталище. Кнут-база представляла собой маленький жилой модуль на пять-шесть человек, которых сменяли раз в несколько месяцев, иначе можно сойти с ума от скуки. Они следили за тысячами цеплетов – новейшим поколением роботов, которых разработал еще Рис Эйткен на борту «Иззи». По сути, это были те же выи, но размером не с ноготь, а гораздо крупнее. Цепи, в которые они соединялись, обладали массой и тягловой силой товарных составов донулевой эпохи. Они могли изгибаться и щелкать, как хлыст, а также захватывать удаленные цели, как леска с крючком. Естественно, постепенно механизм изнашивался и ломался. В принципе, осматривать и чинить цеплеты могли и другие роботы, но синие исторически предпочитали человеческое участие, и поэтому большую часть работ выполнял экипаж кнут-базы: работники из плоти и крови. В общем, если цеплеты хорошо обслуживались и если больше никто из космических путников не заказал кнут-транспортировку на то же самое время, то часов через двенадцать эмку с Кэт-два, Рисом и Беледом на борту зашвырнут на круговую орбиту чуть более широкого радиуса, чем кольцо. А еще через несколько часов они пристыкуются к шлюзу № 65 в карантинной секции на внешнем отростке Ока.

Часы на Оке синхронизировали с той частью Земли, которая находилась непосредственно под ним. Сейчас там было восемь утра. Кэт

предстояло пережить серьезную смену часовых поясов. По негласному правилу, стоило начать перестраиваться уже сейчас, переключившись на время по Оку. Однако никто не торопился: все только-только завершили очень длинный день на Новой Земле и слишком устали. В конце концов, адаптироваться можно и в Карантине. Кэт-два забронировала койку и питание специально для мойринцев, а затем провалилась в сон.

Внутреннюю часть Ока – зрачок – было невозможно собрать как единый неподвижный объект: настолько она велика. Строительство началось лет девятьсот назад; сначала изготовили звенья, составили из них цепь, концы которой затем соединили, в результате чего получилась замкнутая петля. Такая конструкция могла бы прийти в голову Рису Эйткену: подобным образом строился тор ТЗ для «Иззи». Ему и тем, кто разбирался в истории техники Старой Земли, была бы понятна следующая метафора: поезд длиной 157 километров, состоящий из 720 гигантских вагонов, где нос локомотива соединен с хвостом последнего вагона так, что получается замкнутая конструкция диаметром 50 километров. А еще уместнее была бы аналогия с «американскими горками», поскольку задачей этого состава было бесконечно гнать по кругу.

«Рельсы», по которым ездил «поезд», представляли собой желоба в металлическом остова Ока, по всей длине которых были установлены датчики и магниты для электродинамической подвески. Благодаря ей состав мог крутиться, не касаясь при этом неподвижного корпуса Ока. Это было главное требование к конструкции Большой цепи, так как для поддержания силы тяжести, близкой к земной, ей требовалось двигаться со скоростью порядка пятисот метров в секунду.

Каждое звено по размерам было сопоставимо с кварталом Манхэттена на Старой Земле, а всего их насчитывалось 720, что примерно равнялось числу этих кварталов (в зависимости, конечно, от того, где проводить границу: то есть больше, чем в Мидтауне, но меньше, чем на всем острове). Жители Большой Цепи настолько верили в эту параллель, что в других орбиталищах начали шутить по поводу «манхэттенского комплекса». Они постоянно пересматривали – покадрово – древние фильмы или гуляли по виртуальной реконструкции донулевого Нью-Йорка, пытаясь впитать жизнь тогдашних улиц и многоквартирных домов. Своей святой покровительницей они считали Луизу, восьмую женщину на Расщелине, уроженку Манхэттена, которая из-за возраста не положила начало собственной расе. Из этого следовало, что в Большой Цепи, она же БЦ, Чейнтаун, Цепьхэттен, были рады всем, и люди переезжали сюда, чтобы

освободиться от уклада своих родных орбиталищ и рас. Именно поэтому здесь гораздо чаще попадались межрасовые метисы.

Как и в Манхэттене, разделение на обособленные участки наложило свой отпечаток на развитие города: каждое звено в цепи – по сути, городской квартал – получило собственный облик. Чуть позже соседние кварталы начали срастаться в микрорайоны. Каждое звено было полностью автономным космическим аппаратом с независимой системой герметизации, но при этом соединялось с двумя соседями сетью переходов, протянутых через плиты-основания. Они позволяли быстро перемещаться из одного квартала в другой, как жители Старой Земли перемещались в «подземке», избегая пробок на поверхности. Некоторые переходы предназначались для пешеходов. В четырех ходили поезда: составы ближнего сообщения и экспрессы, курсирующие туда-сюда по всей Большой Цепи. Остальные были предназначены исключительно для автоматизированных грузовых аппаратов. Помимо этого, было множество мелких каналов для транспортировки воды, воздуха, электричества и передачи данных. Всю эту систему называли «метро» – в том смысле, в каком его понимали жители крупных мегаполисов. Каждый квартал был ограничен системой герметичных шлюзов, которые закрывались и запечатывались, если в каком-нибудь звене вдруг образовывалась брешь. Еще в переходах устраивали марафонские забеги. За четыре с небольшим марафона подряд можно было обежать всю БЦ.

Каждое пятое звено находилось в общественном пользовании: как правило, там устраивали парки или, скажем, культурно-развлекательные центры. Таким образом, все проживали не далее чем в двух кварталах от озелененного или, по крайней мере, открытого пространства. Оставшиеся 576 звеньев составляли рынок частной жилой и коммерческой недвижимости, который любой риелтор донулевой эпохи узнал бы с ходу. Большую Цепь неоднократно сравнивали с «Монополией» – настольной игрой древности. Аренда некоторых участков обходилась дороже, других – дешевле. Стройную последовательность порой нарушали специальные звенья и даже серии звеньев промышленного или коммунального назначения. В таких, например, работала система транзита.

Одно из звеньев называлось «Переезд», и каждые пять минут оно соединялось с «Въездом» и «Выездом». Большая Цепь двигалась относительно неподвижного корпуса Ока со скоростью примерно пятьсот метров в секунду, и поэтому те, кто хотел попасть на Переезд или любое другое звено, должны были разогнаться до умопомрачительной скорости – почти полтора Маха. Те же, кто хотел, выражаясь на жаргоне,

«отцепиться», должны были на столько же замедлиться. За ускорение и замедление отвечали аппараты, встроенные в корпус «зрачка». Несмотря на всю рекламную маскировку, это были в сущности обыкновенные пушки, которые стреляли людьми. Разве что снаряды были полностью герметичны, комфортабельны и оборудованы ремнями безопасности.

Население оставшейся части Ока, за пределами БЦ, в основном составляли не люди, а роботы. Сила тяжести там была очень низкой, поскольку вся эта сложная конструкция – Большая Цепь, тросы и прочая – находилась на геосинхронной орбите, иными словами, в состоянии свободного падения к Земле. По мере отдаления от центра к одной из оконечностей Ока, где закреплялись тросы, можно было ощущать несильное притяжение – это действовали приливные силы. Вектор притяжения менялся вместе с орбитой Ока, когда оно перемещалось от орбиталища к орбиталищу. Люди, много времени проводившие в этих местах, чувствовали эти перемены костями, совсем как жители Старой Земли, предугадывавшие изменения погоды по ломоте в суставах.

Скелет Ока представлял собой простой внешний каркас, изготовленный не с нуля, а из существующего материала – Расщелины, как в свое время использовали Амальтею. Как следствие, выглядела эта структура грубовато – вроде бревенчатого сруба с остатками коры и сучьями. Пустоты между крупными частями заполняли гигантские машины, среди которых особенно выделялись роторы, служившие для гироскопической стабилизации Ока. В каждой закоулке между машинами находились герметичные отсеки, по которым могли передвигаться люди. Некоторые вращались для создания искусственного тяготения – они напоминали миниатюрные тороидальные космические базы, облепившие более крупную конструкцию. Рядом с ними, как правило, располагались стыковочные порты.

Перед тем как закрыть глаза, Кэт смотрела в одр на привычное кольцо из разноцветных искорок, расположенных настолько тесно друг к другу, что на экране они сливались в непрерывную окружность. Око было отмечено белой точкой, чуть крупнее остальных, и находилось на отметке между двенадцатью и часом. Разглядеть ее было бы непросто, если бы в обе стороны от нее не тянулась длинная белая линия, обозначающая тросы: почти от самой поверхности Земли в одну сторону и до Большого Камня – в другую.

Траектория полета их эмки – вытянутый зеленый эллипс – проходила через точку текущего местоположения (недалеко от Земли), вырывалась за пределы кольца, а затем возвращалась назад, на точку пересечения с Оком.

Сквозь закрытые веки все это казалось неразборчивым узором, чем-то вроде тех бликов на стенках палатки, которые разбудили ее этим утром. Затем одр распознал, что Кэт спит, и дисплей погас.

Стоило ей открыть глаза, как одр снова ожил. В целом картинка не изменилась, только немного сместилось Око, а точка, обозначающая эмку, преодолела больше половины пути до обитаемого кольца. Увеличив изображение, Кэт разглядела два орбиталища, между которыми им предстояло пройти, крохотную кнут-базу посередине. Местный экипаж уже отдал команду расправить кнут, готовясь к приближению эмки. Кэт-два проспала не меньше десяти часов: мойринцы славились любовью ко сну. Вспомнив, какими взглядами она до этого обменялась с Беледом, Кэт даже немного расстроилась, что почти всю дорогу продрыхла, но быстро подавила это чувство.

Отстегнувшись от кресла, она проплыла в конец кабины к туалету, специально приспособленному для условий невесомости. Через несколько минут она вышла. Рис спал, накинув ремни, в кресле у пульта управления. Белед лежал в амортизационном кресле, на глазах одр, руки шевелятся. По характеру движений Кэт-два поняла, что он не играет, а занят чем-то по работе. Скорее всего, составлял отчет о прошедшей экспедиции. Кэт стоило взять с него пример.

В четвертом тысячелетии их предки решили воплотить в жизнь план по восстановлению ущерба, причиненного Агентом. Для этого нужно было обнаружить, каталогизировать, захватить, собрать в кучу и отгрести миллионы каменных осколков, окружавших Землю, а также добраться до самого пояса Койпера за глыбами замерзшей воды, метана и аммиака и обрушить это все на безжизненную планету. Основную часть работы выполняли машины. На их строительство ушло столько металла, что миллионы людей теперь жили в орбиталищах, стальные корпуса которых целиком состояли из переплавленных роботов.

По той же логике было бы гораздо легче усеять всю Новую Землю роботами-разведчиками, не отправляя туда ни единого человека. Да, так можно получить больше данных, но зато мало впечатлений. В такой альтернативной реальности Кэт-два и остальные всю жизнь обрабатывали бы полученные данные с помощью одров, не выходя из орбиталищ. В поддержку такого подхода можно привести немало интересных философских доводов, но реальное положение дел диктовалось отнюдь не философией, а политикой и – отчасти – общественными устоями.

С политической точки зрения ситуацию обусловили положения Второго договора, подписанием которого восемнадцать лет назад

завершилась вторая война красных и синих – так называемая Война-в-Лесах (в отличие от первой – Войны-на-Камнях). Договор строго ограничивал количество роботов, которое каждая из сторон могла направить на поверхность. Количество людей тоже было ограничено, но все равно люди-экспедиционники предоставляли больше полезных сведений об условиях жизни на Новой Земле, чем самые подробные отчеты роботов.

С социальной точки зрения все упиралось в амистику. Этот термин давным-давно придумал антрополог из мойринцев, имея в виду, что всякая культура решает, какие технологии применять, а какие нет. Само слово восходило к амишам – народности, которая проживала на территории Северной Америки до Ноля. Из доступных современных технологий они выбрали только, скажем, роликовые коньки, но отказались, в частности, от двигателей внутреннего сгорания. И подобный коллективный выбор делала каждая культура, порой даже не осознавая этого.

Так, синие, если уж рассматривать их как самостоятельную культуру, к техническим новшествам относились неоднозначно. Все сводилось к фразе: «Каждое улучшение есть лишение». Не то чтобы это была сформированная философия, скорее – предрассудок, укорененный глубоко в подсознании. Его возникновение можно проследить в некоторых сериях Эпоса, большей частью связанных с Тавистокком Праузом. Он стал олицетворением данного принципа, поскольку, приняв сторону Роя, и правда прошел череду лишений, а в итоге был съеден. Синие считали себя – или «позиционировали», как выражаются культурные критики, – преемниками экипажа «Эндьюранса». Красные, в свою очередь, продолжали культурные традиции Роя. С тех пор как красные отгородились от остальной части кольца физическими и информационными барьерами, об их образе жизни было мало что известно. Впрочем, хватало косвенных доказательств, что в плане амистики они сильно отличались от синих. В частности, красные не имели ничего против усовершенствования человека посредством техники.

Таким образом, самой ценной частью экспедиций, которые совершили Кэт-два, Белед и Рис, были отчеты. Без них экспедиции, можно сказать, не было. А отчет не может быть просто массивом данных, разбавленным парой снимков. Экспедиционники должны писать настоящее повествование. И чем больше в этом повествовании личных впечатлений, тем выше оно ценится такими, как Док и его старшие ученики.

Именно поэтому Кэт-два написала «рыбу» отчета заранее, еще до того, как ее планер коснулся широкой травянистой поляны пару недель назад.

Дело за малым: подвести итоги и отредактировать. Но вот прошло полчаса, как она вывела документ на экран одра, а Кэт-два все еще тупо смотрела на текст, не в силах сосредоточиться.

– Белед! – позвала она наконец, стараясь при это не разбудить Риса.

– Работаешь над отчетом?

Он видел все через прозрачный экран одра, так что наверняка заметил, как она набирает текст. Но вопрос был задан с определенным подтекстом. Еще в начале полета Белед заметил на лице Кэт-два некую неуверенность. И неизвестно, как долго он наблюдал за ней, пряча глаза за одром.

– Тебе попадались селенцы? – спросила она.

Он поднял очки на лоб – больше в знак вежливости, чем по необходимости.

– Я спланировал маршрут так, чтобы не подходить к РКС.

РКС – разрешенная колония селенцев – термин из Договора, обозначающий территорию на поверхности Земли, где обосновались «выскочки» (те, кто нелегально, вопреки установленному графику переселился на планету), они же «селенцы». Так задним числом узаконивалось их пребывание там – с определенными ограничениями.

– Я видел их – издали, – но они меня нет.

– Еще бы, – ответила Кэт-два, пряча улыбку.

– Я ответил на твой вопрос? – спросил Белед, зная, что нет.

– Мне кажется, я видела одного за пределами РКС.

Белед был весь внимание.

– Обустроивал колонию или?..

– Нет, я бы сразу сказала, – отрезала Кэт. – Он – или она – держался в рамках.

«Держаться в рамках» означало заниматься, к примеру, охотой или собирательством – тем, что не шло вразрез с положениями Второго договора.

– Скорее всего, рыбачил. Однако до ближайшей РКС километров двести, не меньше.

– Неблизкий путь в поисках клева, – заметил Белед.

– И правда, – признала Кэт-два и почувствовала, что краснеет.

Как она сама не додумалась? Теперь, благодаря Беледу, это казалось очевидным.

– Разбираться не стала? – спросил он.

– Не было возможности. Я увидела его на обратном пути, когда была уже в планере.

– Знаешь, ты не обязана объяснять каждую мелочь в отчете, –

подсказал Белед. – В подобных обстоятельствах вполне приемлема некоторая недосказанность. Другой экспедиционер будет только рад провести дополнительную проверку.

Кэт-два пришла в голову странная мысль.

– А что, если это мы проводили дополнительную проверку?

– Поясни?

– Тебе не кажется, что в этом регионе проводят чересчур много экспедиций?

Белед взвесил такую возможность.

– Может, и чересчур. С другой стороны, нельзя сказать, чтобы это было что-то из ряда вон выходящее.

– Тогда вопрос: вдруг кто-то до меня видел то же самое, и из-за этого туда стали отправлять всех подряд?

– В этом случае отдел поставил бы перед нами конкретную задачу и сообщил, что именно нужно искать.

Белед говорил так уверенно, и из его уст все звучало так логично, что Кэт-два оставалось только кивнуть и больше этот вопрос не затрагивать. Однако мысль все равно осталась: «А может, так и задумано?»

Во всяком случае, Белед подсказал ей, как можно завершить отчет: достаточно просто впечатать туда упоминание о встреченном селенце, без каких-либо объяснений – а дальше пусть разбирается тот, кто будет это читать. В таком ключе она и продолжила работу, оформляя мимолетные воспоминания, мелькавшие перед мысленным взором, во что-то удобочитаемое и отделяя сиюминутные объективные наблюдения от домыслов и предположений, наложившихся позднее. Это было самое трудное, поскольку предположения были неотъемлемой частью работы экспедиционера.

Прошло еще немного времени, и на наручных часах у Риса зазвонил будильник. В полусне он проплыл до туалета, затем обратно. Кэт-два поймала на себе характерный взгляд экстраверта, как бы говорящий: бросай все и давай поболтаем. Перекинувшись парой слов с Беледом, он занялся собственным отчетом, и в кабине какое-то время было тихо. Потом мужчины достали пайки и устроили обеденный перерыв, за которым беседовали о том о сем.

Немного изменившийся тон их голосов вырвал Кэт из рабочего транса. Говорили явно о чем-то важном, впрочем, без срочности и тревоги. Взглянув на дисплей, она поняла в чем дело: их эмка приближалась к кольцу и готовилась проскочить в двадцатикилометровый просвет между орбиталищами. Маневр не особо сложный, но все равно требовал контроля.

Неудивительно, что голоса ее попутчиков напряглись.

В оправе одра был переключатель, который делал линзы непрозрачными. Как повязка на глаза. Кабина исчезла, теперь было видно только то, что проецировал одр. Кэт-два запустила приложение, с помощью которого можно было смотреть на эмку, как будто из космоса. Можно еще подняться в стеклянный пузырь в верхней части кабины, но не стоит. Мало того, что наблюдатель будет подвержен космической радиации, так еще оттуда очень трудно что-либо разглядеть из-за контрастного освещения. А вот одр играючи подбирал динамическое освещение таким образом, что яркие объекты казались не такими яркими, а тусклые становились более отчетливыми – все благодаря мягкой подсветке, которой в действительности не было. Смотреть на мир через такие очки было настолько удобно, что во многих скафандрах прозрачное забрало отсутствовало: его заменял непрозрачный колпак, который не пропускал радиацию, с одром на внутренней стороне.

В таком улучшенном формате Кэт-два и «смотрела» на происходящее вокруг и на быстро приближающееся к ним обитаемое кольцо. Ощущение такое, будто ты внутри карусели и смотришь, как мимо тебя летят лошадки – только вместо лошадок орбиталища (самые крупные достигали тридцати километров в диаметре) и несутся они на скорости три тысячи метров в секунду.

Им нужно было проскочить между двумя орбиталищами и не врезаться. По меркам орбитальной механики, ничего героического, но со стороны подобные маневры всегда казались чем-то опасным и невероятным, и за ними было интересно наблюдать. Кэт-два смотрела прямо перед собой; орбиталища проносились одно за другим, как зубья бензопилы. Просто не верилось, что эмка способна попасть точно в зазор между ними.

– Запускаю отсчет до кнут-базы. Три, – сообщил компьютерный голос, и Кэт-два непроизвольно проверила ремни, удерживавшие ее в кресле.

Навстречу им тянулся огромный кнут. Он напоминал невероятно длинный товарный поезд из донулевых, но состоял не из вагонов, а из цеплетов.

Если Рис все подготовил как надо (а будь это не так, Кэт бы наверняка знала), то уже за несколько часов до расчетного времени встречи сотни цеплетов, которые обитали на кнут-базе, начали собираться в цепь. Достигнув соответствующей задаче длины, цепь замкнется в овальную петлю, которую также называют «петлей Эйткена», и начнет двигаться. В движение ее будет приводить обыкновенный мотор, установленный на

кнут-базе. Еще некоторое время уйдет на уточнение траектории и разгон.

Устройство цеплета очень простое: по сути, это алюминиевый корпус определенной формы. Посередине сустав, который позволяет ему свободно сгибаться в обоих направлениях; на языке инженеров это обычный сверхпрочный универсальный шарнир. На обоих концах – крепления для жесткой и надежной сцепки с другими цеплетами. Где-то внутри спрятаны кремниевый «мозг» весом несколько грамм и провода для передачи команд и питания по цепи.

Несколько секунд назад один из цеплетов получил сигнал отцепиться от соседа сзади. В это мгновение он как раз покидал кнут-базу. Так петля Эйткена превратилась в гигантский кнут, или «кникштель» (от древнего немецкого *Knickstelle*, как стали называть U-образный сгиб). Он начал раскручиваться по направлению от кнут-базы, постепенно набирая скорость, разгоняясь до нескольких тысяч метров в секунду. Именно это Кэт-два наблюдала в виртуальной реальности через одр. Кнут приближался, свободный конец был еще сложен, но через секунду резко распрямится и обовьется вокруг эмки.

Если смотреть с базы, откуда, наверное, следил за процессом скучающий экипаж, то вся энергия кнута была направлена «назад», к «рукояти». Кнут-база двигалась гораздо быстрее эмки, поэтому, чтобы поймать аппарат, нужно тянуться не навстречу, а в обратную сторону. Да и «тянуться» не совсем верное слово – точнее, молниеносно дернуться назад, иначе аппарат можно и упустить. Именно так, собственно, и устроен кнут.

Несмотря на весь опыт, Кэт-два все равно невольно вздрогнула, когда вокруг них сомкнулись последние цеплеты. От картинки на одре кружилась голова. Глаз не мог распознать, почему сам кнут очень быстро удаляется, а раскручивающийся его кончик, наоборот, приближается. Малейший просчет – и он либо пронесется мимо, оставив эмку одиноко дрейфовать в космосе, либо их разнесет на куски, как от удара болида во времена Эпоса.

Однако все обошлось. Скорости идеально совпали, и на мгновение показалось, будто крайний цеплет замер перед эмкой – почти как прикол, на который Кэт-два попала до этого.

– Сцепление, – сообщил голос, но в этом напоминании не было нужды: Кэт и так слышала металлический удар, а затем ее вжало в кресло, когда эмку дернуло в сторону и вперед вслед за кнутом.

– Внимание: стабилизация.

Подтекст: после захвата цеплеты немного нарушили строй, держитесь крепче. Эмку с огромной силой потянуло вперед, разгоняя до скорости движения кнут-базы и других объектов обитаемого кольца. Однако

поскольку кнут был, по существу, длинной цепью, его мотало из стороны в сторону и ускорение было дерганным. Цеплеты подстраивались под перепады и немного гасили их, но полностью свести на нет не могли.

– Хебель переключен, – подтвердил компьютер.

Hebel – еще одно заимствование из немецкого, как и *Knickstelle*. Так называется рычаг в основании кнута, закрепленный на станции и способный свободно перемещаться из стороны в сторону. Это своего рода рука, держащая рукоять кнута и щелкающая им. Вскоре после первого щелчка, который завершился успешным сцеплением, она переместилась на другую сторону базы и махнула кнутом в противоположном направлении. В месте соединения с хебелем сформировался новый кникштель и начал разгоняться «вперед», придавая эмке необходимое ускорение для завершения полета.

Весь процесс занял минуты три, не больше. Обработывая изображение с одра, мозг воспринимал следующее: велосипедная цепь орбиталищ, проносящаяся мимо, начала замедляться. Конечно же, она двигалась с прежней скоростью, но и эмка теперь не отставала. В глазах Кэт-два кольцо наконец прекратило походить на танцующего дервиша, а начало раскладываться на отдельные объекты. Они все еще проносились мимо, но все медленнее и медленнее, пока в итоге будто не застыли совсем. И в этот миг в поле зрения всплыло нечто очень большое – Око, прямо на траектории их полета.

– Отцепление, – объявил компьютер, и очень вовремя: перегрузка уже становилась невыносимой.

Если бы захват не был разорван, сначала они бы лишились сознания, затем их бы просто раздавило, а эмку разорвало на куски. Цеплеты на такие перегрузки были рассчитаны, а вот люди и простые космические аппараты – нет. К счастью, кникштель был запрограммирован таким образом, чтобы придать грузу нужную скорость, а затем отпустить его аккуратно перед критической отметкой. Для донулевых кнутов такой отметкой служил резкий хлопок, обозначающий преодоление звукового барьера. Пассажиры снова ощутили невесомость; ее нарушали лишь корректирующие рывки маневровых двигателей эмки. В глазах у Кэт-два прояснилось, и она несколько раз сглотнула, чтобы унять тошноту.

Забавно, что с расстояния все путешествие Кэт-два: приземление на прикол, отрыв эмки от бола, встреча с кнутом – казалось грациозным и размеренным. Чтобы понять, какие силы и скорости задействованы, надо испытать все это изнутри.

Пытаясь отвлечься от бунтующего желудка, Кэт решила получше

рассмотреть Око.

В данный момент оно окружало Акюрейри – довольно крупное (население – 1,1 млн человек) и молодое (84 года) орбиталище, модель которого в обиходе называли «двойная бочка», официально же – «колония О’Нила» (или «Остров III»)^[10]. Оно состояло из двух параллельно соединенных цилиндров, которые вращались в противоположных направлениях. Каждый цилиндр был облеплен сложноустроенной конструкцией из зеркал и прочей инфраструктурой. Зеркала освещали то, что находилось внутри цилиндров, отражая солнечный свет в оконные отверстия. Поскольку сейчас по местному времени было около шести вечера, зеркала постепенно отклонялись и уменьшали количество света, чем создавалось ощущение сумерек. С помощью одра можно было приблизить картинку: заглянуть внутрь Акюрейри и увидеть фермы, леса, реки, жилые постройки.

Впрочем, Кэт и так знала, как это все выглядит, поэтому пока довольствовалась общим планом: только на нем можно было увидеть Око целиком. По сравнению с ним даже огромный Акюрейри выглядел ничтожным. Самое впечатляющее в Оке – это Большая Цепь, «Манхэттен на горках». Один полный оборот занимал всего пять минут, настолько ужасающая была скорость.

Но эмка направлялась не туда. Око приближалось, увеличиваясь в размерах, но при этом уходило в сторону. Аппарат едва заметно маневрировал к одному из обитаемых участков внутри огромного железного остова. Вокруг него располагались около восьмидесяти стыковочных шлюзов, отмеченных большой желтой буквой Q – знакомым и понятным всем опознавательным знаком Карантина.

Больше половины мест уже занимали другие аппараты: в основном разнообразные эмки, а также парочка лайнеров. У каждого шлюза был номер и подпись, обозначающая его функцию (на Кольце имел хождение алфавит, представлявший собой помесь латиницы и кириллицы):

TRANZIT
IMMIGRAЦIA
MILITARI
ЭКСПРЕДИЦIA
СПЕЦ

Зеленые огоньки вокруг свободного шлюза № 65 начали светиться. Системы эмки и без того знали, куда направляться, так что подсветка служила только сигналом для пассажиров и для подстраховки в том экстренном случае, если аппаратом пришлось бы управлять вручную.

Кэт-два в своей жизни повидала немало стыковок, поэтому сняла одр и положила его на колени, придерживая, пока эмка короткими рывками не добралась до шлюза.

Труба в желтую полосу предназначалась для экспедиционников, возвращавшихся с Земли. Через несколько шагов она упиралась в дверь, которая открывалась только в одну сторону и через которую мог пройти только один человек за раз. На вешалке рядом болтались карантинные браслеты, цветовой обозначение которых также соответствовало отделу экспедиций. На внешней стороне был нанесен сканируемый код. Кэт-два взяла браслет и замкнула его на запястье. Через секунду замигал красный диод и загорелся циферблат. Кэт махнула браслетом в сторону двери, и она открылась.

Эта часть Карантина целиком состояла из трубопроводов в человеческий рост, которые засасывали пассажиров прибывающих кораблей и распределяли их по отдельным отстойникам до окончания проверки. Процедура известная: сначала Кэт-два, Риса и Беледа визуально обследуют на наличие паразитов и патогенов, одежду и снаряжение стерилизуют. Далее – обязательный душ и мытье. Возьмут анализы кала и крови. К счастью, поскольку они – сотрудники отдела экспедиций, никто не будет проверять их биографию, политические взгляды, психическое здоровье и благонадежность. Все эти проверки они прошли еще перед приемом в отдел. Длительность карантина зависит от загруженности лабораторий, но обычно колеблется в пределах от шести часов до суток.

Кэт-два преследовало стойкое подозрение, перераставшее в уверенность, что ее хотят задержать. Она провела в отстойнике несколько часов, прежде чем ее пропустили в общую зону ожидания, где располагались столовые, магазины, залы отдыха, увеселительные заведения и была установлена сила тяжести примерно в половину же. Стало быть, биологическую проверку она прошла. При этом браслет по-прежнему мигал красным. Цифры на таймере сначала показывали сутки, затем скакнули на 36 часов. Кэт решила перестроиться на время по Оку и испытала все прелести сбитого биоритма.

В Карантине было довольнолюдно, что тоже могло стать причиной задержки. За последние недели две Око посетило самые старые и самые густонаселенные орбиталища гринвичского сегмента и двигалось на запад по направлению к кладбищу Кабо-Верде и далее к Рио. А чем ближе к кладбищу, тем моложе и крупнее становились орбиталища. Так что Карантину приходилось обрабатывать большой поток «переезжающих»:

тех, кто желал покинуть свой старый, тесный модуль и переселиться в более новый и просторный, вроде Акюрейри. Заселение орбиталища – процесс медленный, длящийся десятилетиями. Народ переезжает туда постепенно, по мере появления жилья, а также развития системы жизнеобеспечения. Стоит Оку дойти до Кабо-Верде, как количество пассажиров сократится почти до нуля – останутся лишь горстка рабочих, направляющихся на строительство новых орбиталищ, да путешественники, которым понадобилось добраться на другой конец Кольца. Сейчас же почти все учреждения в зоне ожидания работали в полную мощность; за едой и напитками даже выстраивались очереди. Особенно много их было в семейных местах. Чаще всего переезжали с маленькими детьми: считалось, что им лучше с малолетства привыкать к чистоте и простору.

По крайней мере, на время Кэт-два убедила себя, что вся проблема в бюрократии: слишком много переезжающих и слишком мало работников Карантина. Однако на второй день в центре отдыха она встретила Беледа. Он занимался на силовом тренажере, который настроил на какой-то невероятный уровень мощности, доступный только молодым феклитам. После тренировки и душа он посидел с Кэт в баре и рассказал, что видел, как Рис с зеленым браслетом направлялся к выходу.

– Когда это было? – спросила Кэт.

– Вчера. С нашего прибытия прошло восемь часов двадцать минут.

Еще через несколько часов они освободили свои одиночные комнаты и съехались в чуть более просторный номер на двоих. Спали на одной кровати, но без секса. Для малознакомых пар мойринка-феклит такое было в порядке вещей. Когда у Беледа вставал, а это бывало довольно часто, он удалялся в крохотную встроенную ванную и онанировал. Снимать сексуальное напряжение таким образом вполне естественно, и было бы странно, если бы он вел себя иначе. Кэт-два знала, что в этом плане он будет демонстрировать безупречную дисциплину и не станет приставать. Белед знал, что именно этого она от него и ждет. Такого рода отношения могли длиться неопределенно долго – до тех пор, пока один из партнеров не предложит разойтись или сойтись ближе.

Кэт-два мучилась бессонницей, а в мастурбации была не так опытна, как Белед, поэтому, когда он засыпал, сталкивала с груди его тяжелую руку (все равно что перетащить на кровать десятилетнего ребенка) и уходила из комнаты, после чего убивала время, пока глаза сами собой не начинали слипаться.

В столовой, стоя в очереди за горячим шоколадом, она увидела невысокую, подтянутую джулианку лет шестидесяти. Та читала книгу или

притворялась, будто читает. Очередь двигалась медленно, чтение ей наскучило, так что она закрыла книгу и, подавив зевок, посмотрела на Кэт-два.

– Только с поверхности?

По цвету браслета Кэт это было и так понятно, но женщина, по всей видимости, просто пыталась завести разговор.

– Да.

– Местная? – спросила женщина, имея в виду Око.

– Нет, и постоянного жилья не имею. Знаешь, когда ходишь в экспедиции, трудно осесть где-то на одном месте.

– Понимаю. Значит, решила провести отпуск в БЦ. Хорошо.

Кэт-два прекрасно понимала, что перед ней сотрудник Карантина.

Типичная манера работы: допрашивать не в комнате без окон, а под видом непринужденной беседы. Весь смысл зоны ожидания в том и состоял, чтобы обеспечить как можно больше возможностей и мест для таких разговоров.

Главное не выходить за рамки игры.

– Да, отдых тоже не повредит, но на самом деле я направляюсь в Стромнесс.

– А, в университет, встретиться с друзьями?

Можно ли называть Дока другом? Наверное, не стоит.

– Скорее с наставником. С учителем.

– Говорят, там красиво. Сама ни разу не бывала.

Многие – да, пожалуй, почти все, – кто проходил подобный допрос, даже не подозревали, что разговаривают с сотрудником Карантина. Дело в том, что мало кто проходил эту процедуру чаще, чем раз в жизни. Да и тогда, как правило, они находились в большом скоплении попутчиков и в таких местах, где подобные расспросы легко принять за праздную болтовню.

Кэт-два была опытным путешественником и поэтому прекрасно знала, что происходит. Женщина, в свою очередь, понимала, что Кэт это знает. Но они все равно продолжают разыгрывать эту сценку – правила есть правила. Кэт едва удержалась, чтобы не спросить джулианку, а она сама откуда и куда направляется. Без сомнения, у нее наготове вполне убедительная легенда. Заставить ее рассказывать – пустая трата времени.

Очередь медленно ползла дальше и вот дошла до экрана, по которому показывали сюжет из Эпоса. В углу был проставлен временной код: А +3.139, то есть года через полтора с начала Долгой поездки. Действие происходило в капле – не на «Эндьюрансе», а, вероятнее всего, в Рое. Там

была искусственная сила тяжести – значит, капля была частью бола. Поначалу Кэт никого из персонажей не узнавала. Это, конечно же, были типичные земляне, не принадлежавшие ни к одной из семи современных рас, но их чувства и мотивы все равно были вполне понятны. Как и все в Эпосе, они разговаривали на архаичных наречиях пятитысячелетней давности.

Никого из ев в кадре не было, но раз показывают Рой, то, значит, история имеет какое-то отношение либо к Джулии, либо к Аиде. Судя по всему, это так называемый спин-офф, то есть видеозапись из Эпоса, которая, хотя и не связана со словами и действиями ев напрямую, все же считалась достойной, чтобы ее включили в канон и крутили в подобных заведениях. Кэт-два смутно припоминала, что видела эту запись много лет назад – может быть, даже в школе. Она уже запуталась в днях и часовых поясах, но была практически уверена, что сегодня Джулиин день, а значит, любая сцена из Эпоса, которую транслируют в местах массового скопления людей, так или иначе должна напоминать о том, что свершила или сказала Ева Джулия.

– Счастливого еводня, – не задумываясь, обратилась она к стоящей рядом джулианке.

– И тебе доброго дня, – ответила женщина.

Значит, сегодня и в самом деле Джулиин день.

Сюжет эпизода был уже примерно ясен, и Кэт-два все больше убеждалась, что когда-то уже его видела. «Семь тучных» и «Семь тощих» – это две гептады, соединенные бола. Из-за болезни растений, которая быстро распространилась по одной из этих гептад, на ней перестала работать система производства пищи. В итоге в семи каплях люди умирали от голода, и только длинный трос связывал их с другими семью каплями, где еды было вдоволь. Они придумали снаряжать людей в скафандры и отправлять в открытый космос по тросам к центральному участку, где находилась сцепка. Там выходцам из «Семи тощих» передавали контейнеры с продовольствием из «Семи тучных», а они переправляли их своим голодающим собратьям. Однако семь капель не могли прокормить четырнадцать, и поэтому голодать стали везде, а в «Семи тощих» начали умирать. Ситуация осложнялась тем, что данный бола оторвался от остального Роя.

Сейчас на экране показывали видеоконференцию между голодающими из «Семи тощих» и чуть более упитанными обитателями «Семи тучных». Трагичности происходящему добавляло то, что по обе стороны троса оказались родственники и старые друзья. Теперь Кэт-два знала наверняка,

что уже видела этот эпизод. Через несколько минут они установят связь с Белой каплей и попросят совета у Евы Джулии. Она произнесет краткую речь о том, что нужно сделать. Закончится все тем, что «Семь тощих» отцепятся от своей пары по бола. Расчет будет такой, что по инерции «Семь тучных» полетят по направлению к остальной части Роя и благодаря этому смогут выжить хотя бы немного дольше. «Семь тощих» же полетят в противоположном направлении. Иными словами, те, кто и так обречен, пожертвуют собой, чтобы спасти остальных.

На самом деле, как раскрывалось в дальнейшем, не все было так просто и прямолинейно. На гептаде «Семь тощих» хранилась часть Генетического Архива Человечества, и ее гибель стала частью той череды неудач, которая в итоге привела к образованию Совета Семи ев и, как следствие, появлению новых человеческих рас. Кроме того, решение о самопожертвовании не было единогласным. Ему предшествовал бунт, в ходе которого несколько голодающих с боем прорывались из одной капли в другую в надежде завладеть скафандрами, переползти по тросу в другую часть бола и тем самым спастись. В конце концов человеку по имени Джулиус Мванги удалось пробиться к пульту управления и разорвать сцепку. Орбиталище, названное в его честь, находится на 38°0' восточной долготы, прямо над его родной Кенией. Существовала традиция нарекать именами героев Эпоса орбиталища, находящиеся точно на одном из меридианов (отсюда и «ноль минут»).

Все это всплыло в голове у Кэт-два, пока ей готовили кофе. Да, сначала она хотела заказать шоколад, но, поняв, что предстоит допрос, решила взять что-нибудь с большим содержанием кофеина.

– Я угощаю, – сказала она сотруднице Карантина; сегодня был день ее евы, а по такому случаю положено делать маленькие подарки. Случись сегодня Мойрин день, и Кэт бы кто-нибудь угостил.

– О, что ты, не стоит, – начала отнекиваться женщина. Кто знает, может, им и правда нельзя принимать подарки от допрашиваемых. – Но если ты не против посидеть, поболтать...

– Пожалуйста, – ответила Кэт-два и подождала, пока собеседница тоже возьмет кофе.

На экране за стойкой уже показывали другую серию из Эпоса: незадолго до Большого запуска Дина и Айви беседуют на борту «Эндьюранса» и приходят к выводу, что Джулия все же не так плоха. Этот эпизод всегда казался Кэт-два чересчур слезливым. Его разобрали на цитаты. Некоторые из них стали лозунгами политических движений и партий, которые стремились примирить джулиан с другими расами. Как бы

то ни было, момент был выбран донельзя удачно. Будь у Кэт-два джулианский склад ума, она бы заподозрила, что весь показ подстроен, что в Карантине нарочно подгадали, чтобы Кэт увидела именно эти эпизоды точно перед тем, как сесть выпить кофе с этой женщиной. У джулиан такие многоходовки в крови. Так решила Ева Джулия во время Совета Семи ев. Ее род, живший в относительной изоляции в своем сегменте кольца, довел этот принцип до максимума в ходе направленной селекции, получившей название «карикатуризация». Результатом также стали огромные глаза, утонченные уши и небольшие рты. По этим признакам джулиан можно было мгновенно опознать, едва войдя в помещение.

Перед тем как присесть, женщина сделала приветственный жест. Левую руку джулиане держали в стороне от лица, чтобы не загораживать глаза.

– Ариана, – представилась та. Типичное джулианское имя, производное от ракет «Ариан», которые запускали с космодрома Куру. Чтобы защитить его, Ева Джулия отдала приказ сбросить ядерную бомбу на венесуэльцев. – Ариана Касабланкина.

То есть ее мать звали Касабланка, буквально «белый дом».

Кэт ответила на приветствие.

– Кэт Амальтеина-два. – Ее мать носила имя астероида, в котором во время Долгой поездки располагалась Мойра со своей лабораторией.

Ариана села напротив, бесстрастно изучая Кэт-два огромными глазами.

– Послушай, – сказала Кэт, – я не очень хороша в этих играх. Я не хожу ни в какой купол и вступать не собираюсь. Давай сразу к допросу.

– Я просто хотела узнать, не попадалось ли тебе на поверхности что-то необычное.

– Вообще-то это моя работа: отправляться на поверхность и искать это самое необычное. С обычным я почти и не сталкиваюсь.

Ариана смотрела выжидающе.

– Я же отправила отчет.

– И обсудила его с Беледом Томовым?

– Да.

– Но не с Рисом Алясковым.

– Рис спал, пока мы с Беледом беседовали.

– Ты тоже поспала – целых десять часов, – заметила Ариана.

– Я весь день пилотировала планер.

– И тогда тоже регулярно засыпала.

– Знаешь, мойринцы тоже иногда спят, – возразила Кэт-два. – Это не

значит, что у нас эпи. Мы устаем, как и все.

– Что ж, поглядим. Как бы то ни было, ты направляешься к своему наставнику, чтобы переговорить с глазу на глаз, – сказала Ариана. – По крайней мере, так тебе кажется.

– В смысле?

– Доктора Ху нет в Стромнесе. Если бы ты с ним договорилась, то знала бы. Но ты не договорилась. Вместо этого ты приняла спонтанное решение, и первый рефлекс – отправиться туда, где ты чувствуешь себя хорошо. Значит, что-то тебя беспокоит. Ты знаешь, что, возможно, у тебя начинается эпи, однако не спешишь обсуждать это со своим «Доком», пока не окажешься с ним наедине там, где, на твой взгляд, безопасно. Стало быть, тебя беспокоит то, что ты увидела на поверхности. Что-то неожиданное.

Посоветовать Ариане Касабланкиной почитать отчет было бессмысленно. Скорее всего, она изучила его вдоль и поперек, да еще не один раз. Теперь ей нужно было услышать все из первых уст.

– Кажется, я видела человека, – начала Кэт-два.

– Кажется?

– Мельком. И издалека.

– И это не был другой экспедиционер. Иначе бы это не вызвало удивления.

– В экспедиции мы носим яркую форму, чтобы нас видели.

– А Белед не носил.

– Он был рядом с РКС, так что, конечно же, нет. Я имею в виду, вообще.

– Продолжай.

– Этот человек был одет совершенно по-другому. Что-то вроде...

– Вроде чего?

– Смотрела видеозаписи про охотников до Ноля? Они специально одевались так, чтобы их не было видно.

– Это называется камуфляж, – подсказала Ариана.

– Точно. Вот, думаю, тот человек был в камуфляже.

– И точно не экспедиционер.

– Нет. Может, военный? – спросила Кэт-два и тут же сама себе ответила: – Впрочем, военные только воюют с другими военными. А я практически уверена, что других военных в том районе нет. Если только это не нарушение договора. Но в этом случае меня бы предупредили до десантирования. Да что там, за мной бы сразу послали «Тор».

– А тебе не приходило в голову, что нарушение произошло прямо при

тебе, и ты единственный свидетель?

Повисло неудобное молчание. Намек Арианы был прозрачен. Если Кэт действительно стала свидетелем нарушения договора, то была обязана немедленно об этом доложить, а не отключаться на десять часов и потом как ни в чем не бывало искать Дока там, где его нет.

– Нет, – ответила она. – Это не нарушение.

– Откуда тебе знать?

– Я долго кружила над этим местом, меня было видать за километр. Если бы кто-то находился там нелегально, он бы прятался за деревом, пока я не улечу. Но тот человек так не поступил. Он – или она – стоял на берегу, откуда было хорошо видно, что я делаю. Такое ощущение...

– Какое? – спросила Ариана.

– Такое ощущение, что он меня изучал.

Ариана помолчала, затем повторила:

– Изучал...

– Ага.

Поначалу Кэт-два напрягал пристальный взгляд Арианы, теперь же она позволила себе посмотреть прямо в ее пронзительные глаза.

– Может, ты заметила что-то особенное в его осанке или походке?

Кэт-два покачала головой.

– Будь это неондертал, я бы сразу сообщила.

Ариана отвела глаза.

– Соответственно, остается самое простое объяснение...

– Селенец. Этот вариант мы обсуждали с Беледом, – Кэт начинала оправдываться. – Но что ему там делать? К тому же так далеко от ближайшей РКС.

– Загадка.

– Именно.

– Что ж, это объясняет отклонение от профиля, – кивнула Ариана.

– В каком смысле «профиля»?

– У тебя не было ощущения, что за тобой следят? Или преследуют?

Ариана Касабланкина умела задавать чертовски правильные вопросы.

– Ну да, когда ты там внизу, нужно постоянно держать в голове...

– Что местная мегафауна знает о твоём присутствии. Безусловно.

– А когда ты раз за разом ходишь в одиночные миссии с такой установкой, то волей-неволей станешь...

Не хотелось говорить «параноиком», особенно в глаза джулианке, поскольку для их расы это было оскорблением. Ариана, видимо, поняла причину замешательства Кэт, и это ее позабавило. Она немного

наклонилась навстречу Кэт-два, чтобы помочь той выбраться из неловкого положения.

– Скажем, у тебя обостряются чувства. И, возможно, чтобы избежать опасности, начинаешь толковать звуки окружающего мира...

– В самом прямом смысле – да. Кстати, тем утром меня разбудили пятна света на палатке. На мгновение я подумала, что рядом ходит крупный зверь и заслоняет солнце. Но когда я вышла, то увидела, что мне почудилось: это просто солнце просвечивает сквозь ветки, которые качаются на ветру.

– Занятно! Повышенная острота внимания в течение длительного времени и впрямь может стать достаточным стимулом для эпигенетического сдвига у мойринцев, – сказала Ариана.

– И об этом я тоже думала.

– Но в отчете ни слова.

Кэт-два не ожидала, что Ариана вдруг так явно сознается в том, что действительно читала отчет, и поэтому не нашла слов возразить.

Ее мысли прервало появление в кафе рослого феклита с зеленым браслетом на запястье. Но это был не Белед. Просто еще один экспедиционник, только что вернувшийся с Земли, – возможно даже из того же заброса.

Очевидно, Белед написал отчет в мельчайших подробностях, включая беседу с Кэт-два во время полета на эмке. На кого-то другого можно было бы рассердиться, назвав трепачом, но от феклита ничего иного ждать не приходилось.

– Я не упомянула об этом, потому что сочла игрой воображения – а о таких вещах в отчете не пишут.

– Если ты не против, я немного поджуманю... – Так джулиане в шутку называли свою тягу к умозаключениям.

– Давай.

– Возможно, твое первое впечатление было верным. То есть ты на самом деле видела крупного зверя – человека, который прошел рядом с твоей палаткой и загородил солнце. Если он следил за тобой, то это прокол. Поэтому когда он – пускай будет «он» – заметил свою тень на палатке, то понял, что раскрыл себя, и удалился в лес ниже по склону, чтобы следить оттуда.

– Вполне возможно, – сказала Кэт-два.

Из вежливости она удержалась от комментария, что такую версию мог родить только разум джулианина.

– Как ты спала после этого?

– Урывками. Никак не могу перестроиться. Именно поэтому я сейчас здесь. Не исключено, что в последний день экспедиции у меня начался эпилепсия, но из-за возвращения к цивилизации мой организм сбился, и сдвиг прекратился.

Если бы Кэт-два сидела за столом с кем-нибудь из приятелей-мойринцев, она бы сейчас потрогала свое лицо и спросила: «Не изменилась ли я?» Ариана на этот вопрос ответить не могла.

– Еще я сплю с Беледом, – добавила Кэт. – Думаю, это тоже повернуло процесс вспять.

– Вот и хорошо. Надеюсь, твое восстановление, неважно, приведет ли оно к появлению Кэт Амальтеиной-три, пройдет гладко.

– Я могу идти?

– Вот это уж не мне решать. Твой статус пока остается неопределенным.

– Боитесь, что начну болтать?

– Опять-таки, это вне моей компетенции. Но от себя посоветую: не болтай. Впрочем, твои права тебе известны. Нельзя задержать человека только за то, что ему почудилось, будто некто в камуфляже изучает его из зарослей. – Тщательно взвесив следующие слова, Ариана сказала: – В противном случае в этом кафе собралось бы гораздо больше экспедиционеров.

Насчет Дока Ариана не соврала. Он действительно покинул туманный кампус Стромнесса (орбиталище в айвинской части кольца, целиком отведенное под университет) и направлялся в Колыбель, а по пути задержался в Большой цепи. Поэтому Кэт-два решила, не таясь, связаться с ним напрямую, и уже через несколько минут Док объяснял, как его найти.

Примерно в это же время диод на браслете загорелся зеленым: значит, она свободна. Кэт вернулась в комнату, где жила вместе с Беледом. Тот уже ушел. Она собрала свои стерилизованные пожитки и направилась к двери-роботу, преграждавшей выход из Карантина. Робот просканировал браслет и, видимо, удовлетворенный увиденным, открылся. Как только Кэт перешагнула через порог, замок на браслете щелкнул, и тот погас. Она выбросила его в урну.

Поплавав полчаса в невесомости по коридорам Ока, она попала на Въезд. Там она и еще два десятка путешественников набились в капсулу, пристегнулись и полетели, как пуля, по каналу ствола, дуло которого как раз было направлено на принимающую платформу Большой Цепи. Когда они попали в крутящийся город, навалила искусственная сила тяжести в

один же. Стюарды, ожидавшие у дверей капсулы, помогали прибывшим выйти на платформу, заглядывая каждому в глаза: все ли в порядке. Те, кто не привык к резким перепадам гравитации, могли страдать головокружением, у некоторых были симптомы похуже. Стюардов набирали преимущественно из камилитов. Этот выбор был сделан сознательно и подкреплялся многовековой практикой. Даже самые самоуверенные динайцы спокойно сознавались этим скромным людям в том, что им нехорошо. Одно из правил их изощренного кодекса чести требовало особой вежливости в обращении с камилитами: по мнению динайцев, слабыми, почти что детьми.

Ноги у Кэт-два были слегка ватными, но она уверенно шла к эскалатору, который вел вниз к общественному транспорту. Потолок был высокий и сводчатый, как на роскошных железнодорожных вокзалах Старой Земли. В железоникелевых узорчатых сводах щебетали птицы, громко споря и ругаясь между собой, но при этом следя за перемещением людей внизу. Специальные ужики, опутавшие перекладины и опоры наподобие питонов на ветвях, плавно скользили по металлической конструкции и убирали помет. Птицы не обращали на них внимания.

Все птицы принадлежали к одному виду: ворона седоперая – небольшой воронид, у которого половина перьев лишена цветового пигмента, из-за чего кажется, будто птицу припорошило снегом. Конструкторы-генетики специально добавили эту черту, чтобы те визуально отличались от коренных ворон с Земли. Седоперые вороны стайками, похожими на серые вихри, кружили под потолком и время от времени сновали вверх-вниз между потолочным пространством и станцией. Пока Кэт-два шла по платформе, одна такая птица отделилась от кружащегося и каркающего воинства и нырнула вниз, целясь прямо в лицо Кэт. Ворона замерла буквально в нескольких сантиметрах от нее, но не нашла, куда присесть, и поэтому неловко зависла в воздухе, взмахивая крыльями и двигаясь задом наперед в такт ее шагам.

– Роца в умеренных дождевых лесах, – произнесла птица – настолько похоже, насколько позволял речевой аппарат, – после чего замахала чаще и поднялась к перекрытиям, а затем спикировала по наклонной шахте, чтобы снова попасть на станцию.

Таких ворон-посланниц было много, куда ни глянь. Несколько десятков птиц примостились на парапете у входа на эскалатор и бормотали всякую всячину, услышанную от людей. Одна, видимо, подслушала, как кто-то занимается любовью, и хрипло, по-вороньи изображала стоны оргазма. Три ее подруги в унисон напевали популярную песню. Какая-то

лаяла по-собачьи. Некоторые пытались выхватить еду из рук проходящих мимо. Еще две без конца повторяли: «Встретимся на вокзале в точка-шестнадцать», «Я буду в красном шарфе».

В конце эскалатора вороны вылетали или залетали в специальные уютные птичники, устроенные на концах вагонов, чтобы птицы не загадили сиденья. Кэт-два села в такой вагон и через десять минут была в Садах Альдебранди: цепочке из шести кварталов, переделанных под ботанические заповедники. Каждый квартал – прямоугольник, накрытый сводчатой стеклянной крышей, – воспроизводил тот или иной ландшафт Старой Земли с соответствующей экосистемой. Имитировалось все, вплоть до температуры и влажности. Здесь выращивали растения и другие организмы, восстановленные из цифровых архивов, а со временем туда запустили птиц, насекомых и мелких зверей. После разведения и изучения их перевезли на фабрики в других частях кольца. Там их множили, а затем отправляли заселять Новую Землю.

Кэт-два вошла с жаркого конца. Первыми были южноазиатские джунгли – такие влажные, что жидкость каплями осела у нее на лице даже до того, как выступил пот. Неба не было видно за тройным слоем растительности. Зато, когда она шагнула через шлюз и попала в мексиканскую пустыню, то в глаза ей ударил слепящий солнечный свет, отраженный сквозь потолок автоматическим зеркалом. Прищурившись, можно было разглядеть небольшое орбиталище Сюртсей, которое находилось сейчас внутри Большой Цепи. Пока Кэт-два держали в Карантине, Око покинуло Акюрейри, прошло через еще более крупное орбиталище имени Шона Пробста (на отметке 20°0' западной долготы) и теперь оказалось в пограничной зоне у кладбища Кабо-Верде. О Сюртсее Кэт ничего не знала, но оно больше напоминало временку, вроде строительного вагончика, тогда как настоящая стройка должна развернуться в паре минут к западу. Солнце мгновенно высушило кожу и волосы, и к концу квартала Кэт почти раскислась, что пошла здесь, а не по тоннелям. Там хотя бы не надо остерегаться кактусов и гремучих змей.

Следующий заповедник был отведен под финбош – экосистему мыса Доброй Надежды. Здесь уже было прохладнее, но так же солнечно. Тут и там в беспорядке были разбросаны цветущие растения. Люди со всей БЦ собирались сюда на пикники или понаблюдать за птицами. На вкус Кэт, тут было слишкомлюдно, поэтому она сразу, не отвлекаясь на местные красоты, прошла в следующий квартал. Тот больше напоминал акваторию, нежели ландшафт, поскольку здесь воспроизвели байу штата Луизиана. Дощатые мостики, перекинутые над водой, которая кишела рептилиями,

вели на противоположный конец к следующему шлюзу. Перед ним Кэт-два остановилась, достала из рюкзака куртку и перчатки.

Этот квартал от края до края был засажен восьмисотлетними дугласовыми пихтами. Посадку спланировали так, чтобы она напоминала умеренный дождевой лес донулевой Британской Колумбии. Крышу оснастили фильтрами, которые рассеивали солнечные лучи, и со всех сторон, казалось, исходило серебристое свечение. Из-за отсутствия теней оно было даже по-своему ярче палящего солнца в биоме мексиканского Чиуауа. Папоротники, мхи и эпифиты росли на поваленных стволах так густо, как будто их вылили туда из шланга. Через бурелом шли едва заметные тропки. Одна из них привела Кэт к Купольной роще: относительно ровной поляне, окруженной необъятными деревьями. Там ее и ждал Док с четырьмя студентами, ассистентом и роботом. Они сидели на замшелых корягах и камнях.

Доктор Ху Ной и большинство его студентов происходили из айвинцев. Принадлежность Дока была не так очевидна, потому как с возрастом расовые различия сглаживаются. Он уже давно облысел, голову покрывали пятна – следствие многолетнего пребывания на поверхности планеты под нефильтрованным солнечным светом. Кожа дрябло свисала с острых скул, как мокрое белье на камнях, переходя в складки на подбородке и шее, которые скрывались под шарфом. За одежду и другие мелочи, необходимые для комфорта, отвечал ассистент – приземистый камилит с рюкзаком, набитым медикаментами. У ног Дока, как спящий пес, свернулся хват. Экран у него на спине непрерывно транслировал данные о самочувствии айвинца, поступающие по беспроводным каналам. Рядом с экраном торчала вертикальная штанга, где-то по пояс Доку, с раздвоенной рукоятью наверху. Это была умная трость. Стоило Доку взяться за рукоять, та помогала ему встать. Кроме того, благодаря хвату он мог уверенно передвигаться даже по неровной поверхности, поскольку у него становилось на шесть ног больше.

Среди студентов Дока были люди от двадцати до семидесяти лет. Кэт-два никого из них не знала, что и неудивительно. «ТерРеФорм» – крупнейший проект из когда-либо предпринятых человечеством, 99 % которого еще только предстояло выполнить. Впрочем, фотография самого старшего студента попадалась Кэт на страницах научных журналов.

Ей было неловко. Выйти на поляну и предстать перед всеми этими людьми требовало определенной храбрости. В «ТерРеФорме» существовала своеобразная классовая иерархия, венчал которую, собственно, Док. Экспедиционники стояли не то чтобы на дне – скорее где-

то на периферии. На них не то чтобы смотрели свысока – скорее искоса, как на нечто не вполне серьезное.

Но все вели себя вежливо. Все, кроме Дока, приветствовали Кэт айвинским приветствием: сдержанным жестом с намеком на поклон. Док же протянул руки ей навстречу, она осторожно взялась за них. Он сжал ее ладони – с неожиданной силой, – она сделала то же самое.

Вдруг они остались одни. Либо такая была договоренность, либо остальные айвинцы почувствовали себя лишними. Так или иначе, все удалились. Даже ассистент отошел в сторону и теперь прогуливался по периметру поляны, периодически проверяя жизненные показатели Дока по карманному компьютеру.

– Ты отправишься со мной в Колыбель, – объявил Ху Ной. – Мне нужна команда.

– Новый исследовательский проект?

Док, прикрыв глаза, мотнул головой, затем пристально взглянул на Кэт.

– Это будет Семерка, – уточнил он.

– Так... И я буду...

– Верно, одной из нас.

Док будто объяснял очевидное. Кэт-два же так не считала. «Семерки» – группы, в которые входило по одному представителю каждой из человеческих рас, – обычно собирали в церемониальных целях: например, для торжественного открытия нового орбиталища или подписания договора. Едва ли Кэт годилась для такого. И вообще, ее смущала сама мысль о том, чтобы быть в одной Семерке с Доком. Обычно стремились к тому, чтобы все члены Семерки занимали в обществе примерно одинаковое положение. А Кэт и Дока разделяла буквально неизмеримая пропасть: возраст, известность, значимость – что ни возьми.

Чем Кэт-два заслужила подобную честь?

Смятение длилось недолго. Ответ лежал на поверхности: ее приглашают из-за того, что она увидела на Земле.

Док с легкой усмешкой наблюдал за мыслительным процессом Кэт. Усмешка сменилась тревогой, когда он увидел, что Кэт-два собирается что-то выпалить. Одной этой перемены хватило, чтобы она передумала и промолчала. Значит, говорить об этом можно, только когда Док сочтет нужным.

– Ты еще не бывала в Колыбели, – сказал он.

– Нет.

– Что ж, будет тебе новое путешествие.

– Я постараюсь не выглядеть туристкой.

– Неважно, как ты будешь выглядеть. Нам будет не до этого.
– И когда мы...
– Часов через двенадцать. – Он оглянулся на камилита. – Ведь так, Меми?

– На вас забронированы каюты. Отправление в двадцать два тридцать.
Кэт-два не была знакома с Меми, но слышала об этом человеке неопределенного пола, который поддерживал жизнь в Доке и разгребал его дела. «Меми» (сокращенно от «Мементо») – обычное имя среди камилитов. Сейчас Меми выглядела больше как женщина: поверх комбинезона у нее было намотано что-то вроде саронга. В остальном же весь ее наряд был предельно утилитарным и состоял, на первый взгляд, из одних только карманов. На шее она носила какое-то украшение, а голову покрывала чем-то наподобие тюрбана – вот и все. Использование страдательного залога («На вас забронированы каюты») было типичным для ее расы. Конечно же, это Меми их забронировала, а также уладила все формальности, осуществила перевод значительной суммы, чтобы в такой короткий срок получить нужное количество мест. Однако заставить ее признать свои заслуги – все равно что вырывать зубы без заморозки. Кто-то находил подобное смирение привлекательным, кто-то подозревал в нем пассивную агрессию. Кэт-два об этом не задумывалась. У нее оставалось всего несколько часов свободного времени в Большой Цепи, и провести их надо было максимально полезно.

– Тогда до встречи, – сказала она.
– Буду ждать, – ответил Док.

Кэт-два спустилась к остановке общественного транспорта в конце квартала, села на поезд, который шел по кольцу в район, сплошняком застроенный магазинами, рынками, куполами, ресторанами и кинотеатрами, и остаток дня слонялась там, рассматривая витрины. Покупала немного – только всякую мелочь из одежды и туалетных принадлежностей, которые, на ее взгляд, могли пригодиться в новом путешествии. Каждый квадратный метр торговых площадей был заставлен лучшими товарами в обитаемой вселенной. Они поступали со всех орбиталищ, у которых Око останавливалось на своем пути. Здесь можно было встретить жителей Большой Цепи, одетых по последней моде, равно как и приезжих из близлежащих орбиталищ.

Кэт ощущала неявное психологическое давление, усиленное, без сомнения, окружавшей ее рекламой: купи одежду, примерь украшения, сделай стрижку, более подобающую для Колыбели. То было место для

людей куда значительно больше Кэт-два: сильных мира сего в форме или дорогих костюмах, которые быстрым, уверенным шагом двигались по коридорам, что-то обсуждали вполголоса, обмениваясь взглядами, в вестибюлях. Кэт-один в свое время была гораздо восприимчивее к мнению окружающих. Сейчас, вероятно, она уже опустошала бы свой банковский счет, лишь бы заглушить голос в голове, который назойливо твердил, будто она выглядит недостаточно хорошо и стильно. Но Кэт-один не стало в тринадцать лет; ее сменила Кэт-два с совершенно иным набором эмоциональных реакций. Не то чтобы она ничего не боялась, нет. Все чего-то боялись. Кэт-два вот боялась, что ошибется с выбором и выставит себя посмешищем в глазах жителей Колыбели, если попытается одеться по их меркам. Лучше остаться незаметной, слиться с местностью и наблюдать, точно так же, как она делала на Земле.

На пути к метро ей попался книжный киоск. Кэт-два взяла бумажный экземпляр своей любимой книги по истории, а также закачала набор романов, действие которых происходит на Старой Земле. Бумажная книга – сувенир, которым она пополнит свою библиотечку, когда доберется до какого-нибудь схрона. Постоянного дома у Кэт-два, как и у многих молодых мойринцев, не было. Она и не пыталась его завести. Дом подразумевает круг общения, друзей, возможно, семью. Для представителей иных рас это в порядке вещей. Мойринцам, пока они не «остепенились», оседать в одном месте неразумно, да и жестоко по отношению к супругу, детям, коллегам, друзьям. Что, если однажды они проснутся и вдруг обнаружат, что их супруга, мать, напарница или подруга умерла, а ее место занял кто-то чужой? Поэтому, вместо того чтобы снимать жилье, молодые мойринцы заводили схроны там, где любили бывать. Это могла быть полка в гардеробе приятеля, шкафчик на экспедиционной или военной базе, платная камера хранения с автоматической системой распознавания. Брошенных схронов тоже было пруд пруди; их содержимое регулярно распродавали на аукционах.

Свои схроны Кэт-два забивала бумажными книгами. Электронные книги для нее были запасным вариантом. Кто знает, что будет потом, после четырехдневного путешествия на лифте? Может, ее занесет туда, где доступ к сети минимальный или вообще отсутствует. А нет ничего хуже, чем оказаться в такой обстановке без какого-нибудь чтива под рукой.

В одном из районов Большой Цепи есть квартал, целиком отведенный под исторический музей. Все экспонаты отсортированы по эпохам. Первый этаж посвящен миру до Ноля, дальше – вверх, по этажу на тысячелетие. Конечно, от донулевого прошлого материальных свидетельств практически

не осталось, поэтому на первом этаже были в основном фотографии и реконструкции. Однако каппи и регулярам разрешали брать с собой в космос кое-какие личные вещи, и в ходе событий Эпоса и последующих пяти тысяч лет некоторые пожитки уцелели. Поэтому все-таки можно увидеть настоящие смартфоны, планшеты и ноутбуки, произведенные еще на Старой Земле. Запустить их нельзя, но на табличках написаны технические характеристики. Так вот, эти устройства гораздо мощнее тех, что Кэт-два и ее современники носят в карманах. Трудно поверить, учитывая, что другие достижения современного человечества (обитаемое кольцо, Око и прочее) значительно превосходят все, когда-либо созданное землянами, но это так.

И снова все сводится к амистике. В последние десятилетия до Ноля земляне сосредоточили свои изобретательские силы на маленьком и умном, а не на большом и грубом. Поэтому, с точки зрения физической инфраструктуры, их цивилизация была хрупкой и неустойчивой, но когда речь заходила о сетевых коммуникациях и программном обеспечении, то они были близки к совершенству. Той плотности упаковки транзисторов на микросхемах не удалось достичь до сих пор ни на одном из ныне существующих заводов. Земные устройства могли хранить гораздо больше информации, чем те, что продавались сегодня. А прежних возможностей беспроводной связи вновь удалось достичь только недавно, да и то лишь в продвинутых и густонаселенных местах вроде Большой цепи.

Конечно, никто не знал, что творится у красных. Средства радиоэлектронной разведки, изучавшие ту часть кольца, показывали, что с мобильной коммуникацией дела у аидян, по крайней мере, обстоят не хуже. При этом у них очень развиты методы шифрования, так что прослушать их разговоры не удавалось. Что касается синих, то те приняли сознательное решение не повторять так называемую «промашку Тава».

Несправедливо, конечно, что миллиарды клеймят позором одного-единственного человека, погибшего пять тысяч лет назад весьма неприятным образом. Однако Эпос оказывает очень сильное влияние на умы людей. Как жители Старой Земли, воспитанные на Библии, связывали грех рукоблудия с именем Онана, так и современные люди присваивали определенным достоинствам и недостаткам имена исторических личностей времен Облачного Ковчега, Долгой Поездки и первых поколений на Расщелине. Так что, справедливо или нет, Тависток Прауза будут вечно винить за то, что он позволил тяге к социальным сетям взять верх над здравым смыслом. Историки разобрали до мелочей все его поступки в период Белых Небес: и разгромный пост в блоге об утрате Генетического

Архива Человечества, и злой, паникерский репортаж об экспедиции «Имира». Тав не осознавал или просто не придавал значения возможным последствиям того, что, пока он все это печатал, за ним следили три разные камеры. Благодаря этим записям ученые впоследствии составили график морганий, просчитали движение глаз по экрану ноутбука, увидели, какие окна были открыты на рабочем столе. Итогом стали круговые диаграммы, показывавшие, сколько времени Тав играл, переписывался с друзьями, сидел в спейсбуке, смотрел порнушку, ел, пил и, собственно, вел блог. Статистика выходила так себе и, поскольку те посты (как следовало из дополнительных анализов) сыграли ключевую роль в Расколе и отбытии Роя, только усугубляла грехи несчастного.

Те, кто все же не поленился изучить историю развитого мира в годы незадолго до Ноля, прекрасно понимали, что Тависток Прауз попадал точно в центр нормального распределения в том, что касается концентрации и привычки сидеть в соцсетях. Но как бы то ни было, выражение «промашка Тава» прижилось среди синих, и они не хотели допускать ее снова. Любые усилия сегодняшних производителей устройств и приложений, которые могли привести к тому же расстройству, как у Тава, наталкивались на такое же противодействие, как если бы в викторианскую эпоху кто-то предложил создать аппарат для мастурбации. Вся электроника, сопоставимая по сложности с той, которой пользовался Тависток, разрабатывалась для роботов. Изначально население Расщелины насчитывало всего восемь человек и несколько сотен роботов (или тысяч, если сосчитать всех вьев по отдельности). И тех, и других с тех пор стало в миллиарды раз больше. Но лишь в последнем веке человечеству удалось сравняться по количеству с роботами (опять-таки за исключением вьев).

В конечном итоге, с точки зрения девушки, стоявшей у книжного киоска в переходе Большой Цепи, и жилье, и транспорт были куда совершеннее, чем могли представить жители Старой Земли. Эту девушку обслуживали роботы – хвататы и им подобные, – гораздо более разумные и мощные, чем их предшественники, которых программировала на «Иzzi» еще Ева Дина. А вот память планшета и возможности подключения были настолько малы, что закачивать книги приходилось через кабель, а чтобы освободить под них место, нужно было удалять прочитанные.

Разобравшись со всеми делами, Кэт-два отправилась на Выезд, села в капсулу спиной по ходу движения, и обратная перегрузка вдавила ее в диван: покинув Большую Цепь, капсула шла по тоннелю с электромагнитными замедлителями.

Снова оказавшись в невесомости внутри неподвижного корпуса Ока,

Кэт поплыла по переходам вдоль светящихся труб, отмеченных символом Колыбели: две горы, накрытые полукруглым сводом. Через несколько минут она добралась до пересадочной станции, где вместе с парой случайных попутчиков забралась в четырехместный пузырь. Тот вскоре тронулся и понесся все быстрее и быстрее вниз по длинной, идеально прямой трубе. Они двигались от окраины «радужки» Ока к его уголку – тому, который был ближе к Земле. Расстояние составляло восемьдесят километров, так что плыть по этой шахте самостоятельно не вариант. Кэт-два провела на ногах уже почти шестнадцать часов кряду и клевала носом.

В конце поездки ее вдруг разбудил звук собственного имени.

Над передним шлюзом размещался видеозэкран, и один из попутчиков, чтобы убить время, запустил эпизод из Эпоса. Действие происходило лет через двадцать после Ноля, насколько можно судить по морщинам на лицах ев, а также по тому, что первое поколение их потомков уже были подростками. В этом эпизоде рассказывалось о ссоре между Евой Диной и Евой Феклой и о том, как их помирила молодежь во главе с Кэтрин Дининой. Эту серию часто называют первым примером того, когда дети ев начали думать и действовать самостоятельно. Реплики из тех диалогов часто повторяли в беседах.

Кэт-два в который раз задумалась о том, как вели бы себя персонажи Эпоса, знай они тогда, пять тысяч лет назад, что миллиарды людей будут пересматривать сцены с их участием, брать с них пример, растащат слова на цитаты, которые будут знать наизусть. Прошло несколько десятилетий с момента высадки на Расщелине, и камеры начали отключаться одна за другой. Дальнейшее, в зависимости от вашего отношения к повсеместной слежке, можно было считать либо новыми Темными Временами и невосполнимой потерей для истории, либо освобождением от оков цифровой тирании. На этом Эпос – подробнейший отчет о том, чем занимались обитатели Облачного Ковчега после Ноля, – заканчивался. Все, что произошло потом, передавалось по памяти из уст в уста в течение почти тысячи лет, потому что ни бумаги, ни чернил не было. Запоминающих устройств не хватало, и они были собраны «на коленке». Все до единой микросхемы ушли на более необходимые вещи вроде роботов и систем жизнеобеспечения.

Звуковой сигнал оповестил пассажиров о торможении, и капсула медленно причалила к конечной. Однако даже после остановки сохранилось ощущение тяготения, заметное только потому, что незакрепленные предметы опадали «вниз», то есть, если смотреть с этой части Ока, – к Земле. Чтобы все это не падало куда попало, соорудили

многоуровневую палубу из легких материалов. Для человека, впрочем, здесь была все равно что полная невесомость, и, чтобы перелетать с места на место, достаточно было оттолкнуться. Кэт-два закинула рюкзак на спину и выплыла на станцию. Попутчики, судя по всему, знали, куда идти, поэтому она последовала за ними через ступенчатые проемы между палубами.

На этом участке можно было увидеть, что собой представляет скелет Ока. Здесь массивные опоры, которые служили остовом для всей конструкции, сходились, навеки устремленные в сторону Земли. Их пронизывали бесчисленные тоннели и проемы для различных нужд. Углеволоконные тросы, которые удерживали Колыбель в тридцати шести с лишним тысячах километров под ними, расходились, тянулись по закрытым каналам на другой конец Ока, а там снова сходились и шли дальше к Большому Камню. По сравнению с ними переходы и помещения, которыми пользовались люди, были совсем крошечными.

Самый уголок Ока венчал стеклянный свод метров пять в диаметре. Сквозь него было видно, что трос внутри полый и на самом деле состоит из шестнадцати трубок-жил меньшего диаметра. Сквозь него было видно Землю. Планета отсюда была с лицо человека, который сидит на другом конце стола. Землянин, увидев ее с такого расстояния, не заметил бы ничего необычного. В целом все по-прежнему: синие океаны, белые полярные шапки, зелено-коричневые континенты, частично скрытые воронками циклонов. Материки остались примерно на своих местах – даже Каменному Ливню оказалось не под силу разломать тектонические плиты. Однако очертания суши претерпели значительные изменения: появилось множество внутренних морей, а могучие удары исковеркали береговую линию. Возникли новые архипелаги, чаще всего дугообразной формы, образованные выбросами из астроблем или вулканитами.

Око всегда находилось над экватором и в данный момент висело примерно на полпути между Африкой и Южной Америкой. Очертания их берегов настолько явно совпадали друг с другом, что даже неспециалисту было ясно: когда-то они составляли единое целое. Низины по обеим берегам будто кто-то понакусил, и внутри укусов виднелись каменистые островки – пики огромных ударных кратеров. По Атлантике протянулась цепочка архипелагов, почти образуя мост между двумя материками.

Поверхность Новой Земли, хоть и приятная глазу, Кэт-два уже не впечатляла. Она и так всю жизнь изучала ее, а в последние годы даже ходила по ней. Сейчас ее внимание занимали огромные машины, обрамлявшие окно. Вокруг нее, на самой периферии зрения, обращался

очередной вездесущий тор, обеспечивая искусственное тяготение для проживавших здесь специалистов, которые следили за тросом и лифтовым терминалом, и их семей. Внутри тора находились шестнадцать отверстий для основных жил троса, через которые они уходили в остов Ока. Каждая жила, хоть и казалась на вид монолитной, на самом деле состояла еще из шестнадцати тросов, каждый из которых еще из шестнадцати – и так на несколько итераций. Все они шли параллельно от Ока до Колыбели. Внутри была проложена сеть небольших диагональных жилок, расположенных таким образом, что если один трос лопнет, то нагрузка будет распределена между соседними, пока на место разрыва не прибудет робот-ремонтник. Тросы рвались постоянно: то из-за попадания болида, то просто «от старости». Поэтому, если присмотреться, можно было увидеть снующие туда-сюда автоматы. Некоторые из них, размером со здание, оседлали основные жилы и выполняли роль кораблей-носителей для свор небольших роботов, которые, собственно, выполняли ремонтные работы. Так было устроено вот уже несколько сотен лет. Отсюда трос тянулся к Земле, в то время как другой его конец шел к противовесу за пределами обитаемого кольца.

С такого расстояния Колыбель было практически не разглядеть. Но даже будь она крупнее, ее все равно бы перекрывал лифт, который уже находился в полчасе подъема от станции. По виду он отдаленно напоминал колесо, какие ставили на телеги на Старой Земле. Шестнадцать спиц сходились к шарообразной ступице, внутри которой располагались люди. Лифт неумолимо надвигался, вызывая невольную тревогу, что вот-вот раздавит свод. Точнее, два свода: ступицу венчала такая же смотровая площадка, откуда пассажиры, сидя на удобных диванах, могли полюбоваться приближающимся Оком и обитаемым кольцом, расходящимся в стороны от него. Но, конечно же, лифт замедлился и никакого столкновения не произошло. Через стекло было видно, как вновь прибывшие отстегивают ремни безопасности, собирают багаж и плывут к выходам. Многие были одеты в военную форму или же темные, ладно скроенные костюмы, которые у Кэт ассоциировались с бизнесменами и политиками. Совсем не ее круг общения. Впрочем, ее пригласил сам Док, и других рекомендаций не требовалось.

Сквозь тонкие перегородки было слышно, как несколько десятков пассажиров проходят в Карантин. Оттуда они направляются либо в Большую Цепь, либо в гораздо меньший по размеру тор, который окружает этот конец троса. Роботы-уборщики в сопровождении нескольких сотрудников-людей в это время наводили порядок в зоне отдыха. Через несколько минут

над дверью загорелся зеленый свет, и Кэт-два в потоке из еще нескольких десятков пассажиров отправилась к лифту.

Через несколько минут она закрылась в отдельной каютке, где ей предстоит провести четыре дня, которые занимает спуск до другого конца троса. Звуковой сигнал сообщил ей, что лифт начал ускоряться по направлению к Земле, но столь незначительно по меркам обычных космических путешествий, что Кэт-два даже не стала пристегиваться, а просто забралась в постель и уснула.

Пассажирская часть лифта – пустотелый цилиндр высотой в десять этажей, на каждом конце по укрытой стеклом смотровой площадке, которые обращены к Оку и Земле соответственно. Полы на площадках тоже стеклянные, просвечивающиеся насквозь. Во внешних стенах, непроницаемых для космической радиации, иллюминаторов нет, но с внутренней стороны в каютах и кают-компаниях есть окна, выходящие на атриум, – по крайней мере, в дорогих. Каютка Кэт-два располагалась на самом краю, припертая к внешней стене; из окон – только крошечный иллюминатор в двери, ведущей в коридор. Ее устраивало. В начале путешествия в лифте была почти полная невесомость, но со временем тяготение росло и вблизи Колыбели равнялось одному же. Проснувшись, Кэт поняла, что проспала недолго, поскольку сила тяжести практически не увеличилась и была примерно как давным-давно на Луне.

Кэт походила по атриуму в поисках места, где можно посидеть и почитать. Площадку окружали несколько баров и ресторанов, но достаточно взглянуть на публику и цены в меню, чтобы понять: Кэт там не место. На стеклянном полу были расставлены удобные кресла и диваны, а в углу примостилась кофейная стойка. Там-то она и устроилась.

Примерно через час объявился Белед Томов. Он присел неподалеку, но отвлекать ее от чтения не стал. Дойдя до конца главы, Кэт-два подняла глаза. На противоположном краю атриума с планшетом в руках сидела Ариана Касабланкина.

Вот, стало быть, пять членов Семерки: Док, Меми, Ариана, Белед и Кэт-два. Недоставало только кого-нибудь из динайцев и аидян. С последними вообще было проблематично.

Некоторое время спустя Кэт с Беледом, не сговариваясь, пошли перекусить в одну из самых дешевых столовых. Там они наткнулись на Дока и Меми. Редкий случай: Ху Ноя не окружали студенты, коллеги или шишки из «ТерРеФорма». Он просто сидел за столиком у стены и ел суп. Меми сидела рядом и поправляла салфетку, если та выбивалась из-за

воротника. Кэт с Беледом присели за этот же стол, но их словно не заметили. Лишь через несколько минут Док сказал:

– Рад снова видеть вас, лейтенант Томов. – И они обменялись соответствующими их расам приветствиями.

Лейтенант – звание военное и никак не экспедиционное. Это еще раз подтвердило подозрения Кэт, что связь Беледа с отделом экспедиций была, мягко говоря, натянутой. Гораздо интереснее, что он знаком с Доком.

– Надеюсь, это задание не создаст вам неудобств, – продолжил Док.

– Долг – это всегда неудобство, в той или иной степени. Иначе это не долг.

– Я имел в виду, лейтенант, как оно скажется на вашем продвижении по службе. Такая запись в послужном списке сразу обратит на себя внимание. Это может как помочь вам, так и навредить – в зависимости от того, кому ваше досье попадет в руки.

– Меня эти вопросы не волнуют, – ответил Белед.

– Кто-то сочтет вашу позицию неразумной, но я с такими стараюсь не общаться. С вами же – вполне охотно.

– Могу ли я поинтересоваться, чему обязан такой честью?

Док мельком взглянул на Кэт-два.

– Кэт, наверное, волнуется, что это из-за нее. Она поделилась с вами тем, чем не стоило делиться, и вот вы здесь. И еще, возможно, она злится – самую малость, – что вы включили ее слова в свой отчет.

Перебивать Дока Кэт-два не стала, но отрицательно качнула головой. Белед, судя по всему, это заметил.

– Впрочем, это все мелочи, – продолжил Док. – Главное, что я вас знаю, а теперь не только я, но и Кэт-два с Арианой, что тоже полезно. Но даже если бы не это, мой выбор все равно бы пал на вас. В конце концов, не у всего должна быть причина, что бы там ни говорили наши друзья-джулиане.

Он увидел, что к ним идет Ариана Касабланкина с подносом в руках, и едва заметно покосился на Меми. Та мигом вскочила и принесла стул от соседнего стола. Джулианка присоединилась к их кругу. Кэт-два почувствовала себя неуютно. Всего день назад она была в полной власти этой женщины, которая знала о Кэт все, вплоть до личных подробностей. Как теперь держать себя? Наверное, так же, как и с любым другим членом Семерки.

Ариана, конечно же, предвидела такой прием и подготовилась.

– Кэт-два, Белед, – обратилась она к ним. – Наша первая встреча прошла в официальной бюрократической обстановке, и, возможно, все мы

чувствуем себя в некоторой степени неловко. Я хочу, чтобы мы начали все заново, теперь как коллеги.

– Принято, – сказал Белед.

– Спасибо, – сказала Кэт-два.

Почему-то стало только хуже. Тон Арианы никак нельзя было назвать примирительным – так, формальность. И точно так же она обратилась к оставшимся двум спутникам:

– Доктор Ху. Мементо.

– Просто Док и Меми, – поправил ее Док.

– Очень рада познакомиться с вами лично.

Такой сухой и прохладный обмен любезностями ни к чему не привел. Повисло неловкое молчание, и Ариана уткнулась в тарелку.

– Док, – спросила Кэт-два, – не пора ли объяснить, зачем нас всех тут собрали? Для чего эта Семерка?

– Пока что скорее Пятерка, – проворчал Док, чем немного разрядил обстановку.

Меми, Ариана и Белед строго посмотрели на Кэт: мол, разве можно обращаться к Ху Ною так фамильярно. Доку, впрочем, на это было глубоко плевать, и он продолжил:

– Вот когда прибудем в Колыбель и Семерка будет в сборе, тогда я все всем и объясню.

– Поняла, – сказала Кэт-два. – Чем нам пока заниматься?

– Всем тем, о чем потом будете вспоминать с теплотой, поскольку в обозримом будущем вам еще долго будет не до того.

Здорово. Остаток дороги Кэт-два пыталась в полной мере воспользоваться этим советом, но подходящей возможности так и не представилось. Только книги, приобретенные в Большой Цепи, заканчивались быстрее, чем она рассчитывала. За едой и в развлекательном центре она держалась на виду у Беледа – вдруг он ее захочет. Но все изменилось. Карантин был идеальной обстановкой для временных отношений без обязательств. Да, они только спали в одной кровати, но ведь могло зайти и дальше, кто знает? Если шанс повторной встречи исчезающе мал, почему бы не воспользоваться этим, не насладиться обществом друг друга и не перепихнуться разок-другой? Работай они вместе, все было бы гораздо сложнее.

И вот они работают вместе. Белед благоразумно держал дистанцию. Кэт понимала его: в конце концов, холодная голова стоила некоторой сексуальной неудовлетворенности.

Дважды она обедала в компании Арианы, а в свободное время как бы

невзначай искала в сети информацию о джулианке. Кэт-два подозревала, что все поисковые запросы отслеживаются и записываются – скорее всего, кем-то из коллег Арианы, на какое бы ведомство она ни работала. Кэт все меньше и меньше верила, что это Карантин. А что, если Карантин – то есть проверки тех, кто перемещается между орбиталищами, – на самом деле лишь прикрытие для некоей более крупной и запутанной организации? Скажем, экспедиционники и военные – разные структуры, а между тем провести четкую границу между ними не так-то просто. Точно так же с полицией и Карантином. Полиция, кстати, тоже занимается вещами далеко за пределами обычной охраны правопорядка. Недалеко и до разведки с контрразведкой. Кэт-два не имела ни малейшего представления, какое место в этой системе занимает Ариана Касабланкина. Рыскать по сети в поисках ее подноготной значит привлекать к себе лишнее внимание, а это плохо. Не искать совсем – еще более подозрительно. Поэтому Кэт-два поискала немного и практически ничего не нашла. Попадались упоминания о рядовых сотрудниках Карантина, например, в полицейских отчетах или рекламных статьях, но об Ариане – ни слова. Еще вопрос, кстати, настоящее ли это имя.

Патологическая тяга к скрытности для джулианки, живущей и работающей среди синих, едва ли была чем-то необычным. Джулианская часть кольца с центром в орбиталище Токомару была самым малонаселенным среди всех восьми сегментов. На девяносто пять процентов она лежала за барьером, на территории красных. Лишь небольшая горстка орбиталищ к востоку от Кирибати вдавалась в зону синих, да и там джулиане растворились среди более многочисленных и напористых феклитов, чей сегмент начинался сразу после кладбища Гавайи. Таким образом, джулиан среди синих было ровно столько, чтобы их не считали чужаками или «понаехавшими». Многие из них служили «духовниками», то есть выполняли в нынешнем обществе примерно ту же функцию, что и священники в донулевые.

После катастрофы, в которой уцелело лишь восемь человек, верить в благого Творца – по крайней мере, в том виде, в каком Его воспринимало большинство людей древности, – стало невозможно. Прошли тысячи лет, прежде чем кто-либо, даже в самых отдаленных человеческих поселениях, посмел предположить, что веру в Бога – в более-менее традиционном смысле – нужно возродить. Его место занял целый набор философских учений, объединенных русским словом «Дух». Учреждения, связанные с Духом, называли «куполами», что уходило корнями к стеклянному шару, который служил на «Эндьюрансе» помещением для медитаций и

межконфессиональной часовней. Все современные купола так или иначе повторяли ту конструкцию, которую Дюбуа Харрис назвал «Суеверным шариком». Зрители, смотревшие сцены из Эпоса, действие которых разворачивалось там, подсознательно вспоминали свои купола и тех, кто там работал. Профессионального сотрудника купола называли «духовником». Содержались купола, как и церкви в древности, на пожертвования прихожан. Среди них, например, в Большой Цепи, были и богатые, величественные сооружения, и скромные, тихие помещения вроде тех, что в Карантине. Там можно было просто посидеть и подумать в тишине, а можно было обратиться за помощью к современному аналогу соцработника. Духовники, как правило, возводили себя к Луизе, выполнявшей схожую функцию в Эпосе, а кое-кто, более образованный, даже проводил четкую параллель между куполами и Обществом этической культуры, в чьей школе училась Луиза. А поскольку она, по известным причинам, не стала прародительницей собственной расы, профессию духовника почти поголовно захватили джулиане. Орбиталище Астрахань, непостижимым образом оказавшееся прямо посреди динайского сегмента, стало своего рода инкубатором, где воспитывались духовники самых разных конфессий. Кэт-два удалось разузнать, что Ариана родом оттуда, но не более того. Ну и ладно. У Арианы наверняка было предостаточно причин не афишировать себя и свою биографию.

Большую часть Расщелины – осколка железоникелевого ядра Луны – переплавили в Око. Однако у инженеров так и не поднялась рука проделать то же с областью, которая окружала место, где после Долгой Поездки обрел покой «Эндьюранс» и где в железных катакомбах были погребены тела Дюба, Зика Питерсена и других героев Эпоса. Этот клочок астероида с глубокой и защищенной впадиной, в которой рождались и умирали первые поколения нового человечества, стали называть Колыбелью.

Все, конечно же, видели серию Эпоса, в которой Ева Дина в последний раз вышла с Дюбом в открытый космос. Доктор Харрис посмотрел на железные стены, поднимающиеся над долиной, и предрек, что когда-нибудь сверху возведут стеклянный потолок, и «Долина ев» станет гигантской теплицей, где дети смогут ходить без скафандров и будут питаться свежими овощами и фруктами из многоярусных садов. Это, пожалуй, самый слезливый эпизод во всем Эпосе, непреходящий рекордсмен по просмотрам. Конечно же, все предсказания Дюба сбылись. В итоге в Колыбели проживало несколько тысяч человек, но настал момент, когда новому поколению пришлось выйти за ее пределы.

Главным недостатком было отсутствие искусственной гравитации, ввиду чего первым поселенцам пришлось соорудить что-то вроде огромной карусели, на которой детей по очереди раскручивали, чтобы не атрофировался скелет. Новые жилые модули уже представляли собой вращающиеся торы, но были очень тесными – теснее даже, чем «Иzzi», и многие поколения ютились там, лишь иногда получая возможность отдохнуть на открытых, освещенных солнцем пространствах Расщелины. Со временем появились более совершенные и просторные модули – орбиталища, и на долгие столетия Колыбель забросили. Лишь изредка туда наведывались историки и любители древностей.

При строительстве Ока саму Колыбель и окружающую ее часть астероида отрезали от Расщелины, и она дрейфовала внутри одного из кладбищ, пока ей не решили дать новую жизнь. Первоначальную теплицу, которая к тому моменту пришла в полный упадок, заменили новой, более крупной, с раздвигающимся сводом. Дно выравнивали. Стены каньона сделали ступенчатыми и менее крутыми, не в последнюю очередь чтобы освободить ценное пространство под элитное жилье. Всю конструкцию подвесили на железоникелевое ярмо, которое цеплялось за нижний конец свисавшего с Ока троса длиной тридцать шесть тысяч километров.

Символ на пересадочной станции: два холма под дугой – схематически изображал Колыбель. Если смотреть сверху, жилая часть занимает круг диаметром около двух тысяч метров: примерно столько же, сколько центр Бостона или лондонский Сити. Долина ев, чьи склоны когда-то были практически вертикальными, рассекает город надвое. Отвесные скалы остались только метрах в десяти от дна: там проходит сточная канава. Во времена сильных дождей она наполняется ржавой водой и превращается в реку. Посреди нее, ровно в том месте, где произошла посадка «Эндьюранса», оставили островок. Раньше можно было подойти туда и прикоснуться к маленьким стальным бугоркам, где Ева Дина приварила корабль к осколку Луны. Однако уже много лет их скрывают под стеклом, чтобы не ржавели и не стерлись от рук туристов. Самого корабля, естественно, давным-давно нет. Выжившие разобрали его почти сразу по прибытии, а то, что осталось – это радиоактивные отходы, которые давно со всеми предосторожностями переправили на кладбища.

Таким образом, город был построен на двух головокружительно крутых склонах каньона. Километровый мост, знаменитый своим изяществом, перекинулся через разрыв между холмами – пропасть, в которой нет ничего, кроме стай седоперых ворон.

Весь город состоял из блоков. Некоторые возникли в самом начале,

когда пузырь еще не закончили, и поэтому отдельные участки приходилось накрывать надувными оболочками. Другие построили в подражание этим первым. Ни эти блоки – как правило, круглые, из конструкторских соображений, – ни топология города в целом не позволяли разделить Колыбель на кварталы. Таким образом, уличная сеть представляла собой бессистемную смесь серпантинных и извилистых проулков, которые вдруг переходили в лестницы и тоннели. Ограничения на высоту строительства вынудили людей вкапываться в металлическое основание, а не тянуться ввысь, поэтому основная часть города скрывалась под землей. То есть здания напоминали айсберги: внизу крупнее, чем снаружи.

Для фасадов наиболее востребованным материалом был камень. Более старые и менее уважаемые здания были построены из синтетического, так называемого «лунного» камня, сделанного из осколков бывшего спутника Земли. Более новые и красивые здания сооружали из мрамора, гранита и других пород, добываемых на самой Земле. Еще до появления атмосферы один ресурс всегда был в избытке: это камень. Прохожие, таким образом, видели только стены. Но те, кому удавалось попасть внутрь блока, оказывались в благоухающих садах, под сенью деревьев. Поскольку Колыбель перемещалась исключительно вдоль экватора, зелень разрасталась так буйно, что для ее содержания требовались орды небольших хватов с клешнями-секаторами.

На вершине каждого холма были разбиты парки. Над одним из них возвышалось округлое куполообразное здание под названием Капитолий. Над другим – квадратная колоннада Биржи.

Когда Кэт-два с попутчиками прибыла в Колыбель, та летела в двух километрах над водами Атлантики точно на запад – туда, где экватор пересекает разбитое побережье Южной Америки. Дело в том, что на другом конце троса, в тридцати шести тысячах километров, Око тоже двигалось по обитаемому кольцу на запад, то есть почсепол (по часовой стрелке со стороны Северного полюса). А раз Колыбель – всего лишь груз на конце троса, то ей приходится перемещаться вслед за Оком. Свод над городом был открыт, а дефлекторы – подняты, чтобы ослабить давление ветра.

Было тепло и влажно. На экваторе так почти всегда, но высота и резкий ветер создавали приятную свежесть. Запах с нотками соли, йода и моря – неопровержимое доказательство того, что Кэт-два снова вдыхает воздух Новой Земли.

Атмосфера была искусственной. Новое человечество сотни лет бомбардировало мертвую, выжженную поверхность планеты ядрами комет,

чтобы поднять уровень Мирового океана до приемлемого уровня. Затем океан заселили организмами, функция которых – произвести газовую смесь, необходимую для жизни, после чего самоустраниться, стать биомассой – питательным веществом для следующей волны атмосферосоздающих существ.

Согласно расчетам, получалась почти идеальная копия атмосферы Старой Земли. Впрочем, чтобы понять это, житель орбиталища не нуждался в научных выкладках – достаточно было просто сделать вдох. Этот запах проникал в самые первобытные отделы мозга, пробуждая инстинкты, которые, наверное, уходят корнями к первым гоминидам, жившим на побережье Африки миллионы лет назад. Кэт-два много раз бывала на Земле и знала, как пьянит этот воздух. Лучший наркотик во Вселенной. Он тянул людей вернуться на Землю во что бы то ни стало. Именно поэтому Колыбель, купавшаяся в этом воздухе, считалась самым престижным местом для жизни. И именно поэтому красные и синие дважды воевали за право снова обосноваться на планете.

На тросе Колыбель удерживала ручка, как у ведра, дугой нависавшая над центром города. Эта «ручка» была полый, и внутри ходил на удивление тряский лифт. На нем Кэт-два с другими пассажирами спустилась на платформу в металлическом основании астероида, у северного выступа. Оттуда по пандусу они попали на улицы.

Верхушки стен у выхода белели от вороньего помета. Сотни птиц восседали там, разглядывая новоприбывших, и, узнав адресата, доставляли сообщение. Кто-то из пассажиров держал наготове мелкие угощения. Прилично одетый айвинец, шедший впереди Кэт-два, быстро привлек таким образом внимание одной из ворон. В другой руке у него был планшет, очевидно, с чьим-то фото на экране.

– Выпьем кофе на Бирже, в точка-семнадцать, – сказал он.

Ворона заглотила угощение (при этом дернула головой так, будто ее рвет наоборот), затем устремилась прочь, выкрикивая в воздух эти самые слова. Другие седоперые вороны, не голодные и не занятые выполнением поручений, оживленно гомонили. Если прислушаться, можно было разобрать свежие известия с фондовых бирж или политической сферы.

Поначалу все прибывшие двигались кучкой, явно выделяясь среди обычных прохожих, но уже метров через двести Кэт-два полностью смешалась с толпой.

По учебникам она примерно знала, что где находится. Сейчас она на северной стороне – Биржевом холме. Местным, чтобы понять это, наверное, было достаточно взглянуть на одежду и поведение окружающих.

Большинство из них – бизнесмены; днем они работают в подземных офисах, а на поверхность поднимаются поесть, поразвлечься или иным способом потратить заработанные богатства. Коммерческая деятельность, конечно же, распространена по всему обитаемому кольцу, и старые финансовые центры в Гринвиче, Рио, Багдаде и тому подобных местах спокойно конкурировали с Биржевым холмом, а порой и затмевали его. Но по престижу этому месту не было равных. Богатейшие и влиятельнейшие финансисты, преуспевающие трейдеры где-нибудь в Гринвиче, как бы хорошо ни шли их дела, не могли отделаться от мысли, что в Колыбели все как-то иначе.

Поскольку основные страсти кипели под землей, на улицах Биржевого холма было тихо, вроде как в древнем испанском городе в часы сиесты. Но тишина эта обманчива. Кэт-два вскоре заблудилась, так что пришлось достать обрывок бумаги, чтобы свериться с адресом. Да, это выдает в ней туристку, но пускай. Она знала, что ей нужно на южную сторону, а попасть туда можно либо по мосту – вот он, кстати, изогнулся дугой высоко над городом, – либо через самое дно долины. Второй вариант, безусловно, заманчивее, но Кэт боялась, что потратит там уйму времени: пока посмотрит, где сел «Эндьюранс», куда Ева Дина вывела Дюбуа Харриса на последнюю прогулку... После, пожалуй. Так что она пошла наверх, по узким извилистым улочкам, вымощенным красновато-коричневым камнем, чтобы маскировать пятна ржавчины, которые расползались по всем открытым участкам металлического основания. Она срезала путь через парк рядом с Биржей, где молодые трейдеры в опрятной одежде проводили обеденный перерыв: кто сидел на скамейке и тыкал в планшет, кто расположился веселой компанией на траве, кто играл в мяч.

Северный конец моста упирался в окраину парка. Снизу мост казался воздушным и изящным, однако внешность обманчива: теперь Кэт видела, насколько он на самом деле массивен. Ближе к Биржевому холму он расширялся, но даже в центральной части по нему могли шеренгой пройти двадцать человек. Кэт-два еще раз полюбовалась напоследок мраморной колоннадой здания Биржи, послушала доносящийся оттуда гомон и взошла на мост. Поначалу подъем был крутой и состоял из ступенек, дальше становился более пологим, похожим на пандус, отделанный белым мрамором. Периодически он прерывался ровными площадками: говорят, чтобы не укатывались коляски и другие колесные средства. Даже если так, то в глаза это не бросалось. На каждой площадке был разбит сад со скульптурами, где пешеходы могли перевести дух под сенью розовых кустов.

Нельзя сказать, что Кэт-два не посещало подобное желание, но она была упорным ходоком, и если уж пошла, то останавливаться не собиралась. Она прокручивала в голове путешествие на лифте, совершенно бессобытийное. Постепенно пришло осознание, что именно в этом заключается своеобразный шарм и исключительность. Да, до Колыбели можно добраться гораздо быстрее: достаточно иметь деньги, чтобы зафрахтовать нужный транспорт, или соответствующее положение, чтобы его реквизируют. Но большинство все-таки пользовались лифтом. Таким образом, расстояние до Колыбели измерялось не километрами, а часами и днями. Не каждый мог позволить себе роскошь несколько дней ничего не делать. Конечно же, по дороге пассажиры работали, иначе зачем в каждом элитном ресторане или баре были отдельные кабинеты? Но у Кэт-два работы как таковой не было. Она часами ни с кем не разговаривала, а лишь читала или смотрела развлекательные передачи. Спала она нормально, что еще раз подтверждало: эпигенетический сдвиг, который было начался на прошлой неделе, благополучно прервался.

Поэтому она так спешила к месту встречи, чтобы наконец выслушать объяснение Дока, познакомиться с недостающими динайцем и аидянином и приступить к тому, зачем, собственно, собрали эту Семерку.

Кэт резво добралась до верхней точки моста и там все-таки позволила себе ненадолго остановиться. Променад здесь был шире, и с него открывался живописнейший вид. А еще это место любовно называли «ураганной высотой». Ветер был такой, что выбивал слезы из глаз. Кэт встала к нему спиной и мелкими шажками пошла к восточному парапету. Проморгавшись, она стала разглядывать жилые блоки, улицы и Долину. Сзади заходило солнце. Поскольку это экватор, стемнеет очень быстро. Долина уже погрузилась в тень, но каменные стены блоков и фасады зданий излучали волшебное золотисто-розовое свечение. На залитых багрянцем улицах одно за другим зажигались окна.

Вот он, настоящий простор! Это не искусственная среда обитаемого кольца. Да, в некоторых особо крупных орбиталищах удавалось создать впечатление, будто ты и правда на планете. Однако стоило поднять голову, как иллюзия рассеивалась: в нескольких километрах над головой всегда можно было увидеть вторую часть орбиталища. Здесь же над тобой бескрайнее небо, звезды и сияющее ожерелье обитаемого кольца, протянувшееся с востока на запад. А еще – воздух с бесконечным разнообразием движений и запахов. Кэт-два очень не хватало планера, чтобы порезвиться в его потоках.

Если верить легенде – выдуманной, скорее всего, – именно здесь, на уровне смотровой площадки, где стояла Кэт-два, взорвался заряд, который Ева Дина, сделав свой выбор, швырнула в космос.

Компромисс, которого она добилась, установив бомбу у окна «банана», казался простым и прямолинейным. Примерно столько же, сколько шел обратный отсчет.

В каком-то смысле систему начали обманывать еще до того, как эту самую систему придумали, когда Ева Джулия сообщила, что у нее будет мало детей, а Ева Аида предрекла, что у нее будет много.

Другие евы не замедлили произвести подобные расчеты. На Облачном Ковчеге, куда они попали по Жребию, Камила и Аида были самыми молодыми, поэтому могли сохранять репродуктивную функцию еще лет двадцать-тридцать. Реши они посвятить себя деторождению, то при должном везении каждая до наступления менопаузы вполне могла родить около двадцати отпрысков. Дине, Айви, Мойре и Фекле уже было за тридцать, так что они могли принести куда меньше потомства. Грубо говоря, выходило, что их суммарный детородный потенциал, если можно так выразиться, был таким же, как и у молодых Камилы с Аидой.

Джулия прямо указала, что будет чудо, если ей удастся до менопаузы родить хотя бы одного. Прикинуть геометрическую прогрессию она могла и без помощи Дюба. Джулиан просто-напросто сметут. Они станут диковиной. Люди далекого будущего, придя с работы, будут рассказывать супругам: «Ты не поверишь, кто мне сегодня встретился: джулианин! Честное слово!»

Таков был математический расклад на начало Большой Игры, который и стал первоосновой почти всего, что происходило потом. Большинство историков склонялись к тому, что первые несколько лет евы не осознавали, что идет игра. За исключением, пожалуй, одной Аиды, если рассматривать ее Проклятие. Нельзя представить что-то более личное, чем вмешательство в собственное потомство, и ни одна мать в здравом уме не признается себе, что участвует в соревновании против других матерей.

В каком-то смысле все было бы гораздо проще, отнесись они к этому чуть более хладнокровно.

Сознательно или нет, Семь ев разделились на три команды: четыре, две и одна. В четверку вошли Дина, Айви, Фекла и Мойра. Камила и Аида были в паре. Простой арифметический подсчет показывал, что потомство четверки будет примерно сопоставимо по количеству с потомством пары. Дружеские и доверительные отношения между Диной, Айви, Феклой и Мойрой привели к негласному договору, который сформулировали только

спустя много лет после их смерти, а именно: их дети будут иметь взаимодополняющие качества. В частности, зачем динайцам быть всесторонне развитыми, если рядом с ними будут айвинцы, у которых что-то получается лучше? Звучит цинично, вот почему долгое время об этом молчали. Но спустя сотни лет потомки четверки, оглянувшись, увидели, что так и задумывалось изначально. К тому моменту взаимодополняющие качества уже настолько въелись в ДНК и культуру, что процесс стал необратимым.

Внутри пары не было никаких сложившихся взаимоотношений и уж тем более привязанности. Камила и Аида вообще познакомились незадолго до Совета Семи ев. Единственное, что их объединяло, так это ненависть к Джулии. Обе в определенный момент попали под ее чары, а впоследствии жестоко разочаровались. Камила поддалась во время ужина в Белом доме; Аида по наущению Джулии присоединилась к Рою. Закончилось тем, что она возглавила группу бунтовщиков, которые затем низложили и изувечили манипуляторшу. Учитывая, как все обернулось, естественно, было маловероятно, чтобы Камила, да и любой в здравом уме, объединился с Аидой по своей воле. Однако математическое соотношение между четверкой и парой неумолимо тянуло ее в ту сторону. Нельзя забывать и о разладе между Камиллой и Диной в ходе Совета.

Если подходить к вопросу с холодной головой, в словах Камилы, бесспорно, заключался смысл. Как ни крути, многим поколениям их потомков и правда было суждено обитать в тесном замкнутом пространстве. Как доказала Луиза и убедительнейшим образом продемонстрировали сами обитатели Облачного Ковчега, обычным, немодифицированным людям в таких условиях не выжить. Если для сохранения человечества требовалось перестроиться и адаптироваться, то пора было приступать.

Можно сказать, Камила, объявив всем о своем решении, лишила остальных выбора. Ей оставалось лишь обсудить ряд тонкостей с Мойрой. По сути, именно это и стало первым ходом в большой генетической партии. И ход этот, вопреки личным принципам Камилы, которые она последовательно отстаивала, был в высшей степени агрессивным. Она дала остальным понять, что ее потомство – по всем признакам, весьма многочисленное – будет вполне приспособлено к жизни в условиях, в которых людям придется существовать ближайшие десять, двадцать, а то и сотню поколений. Другим евам оставалось либо поступить так же, либо прибегнуть к контрмерам.

Дина, Айви и Фекла исходили из того, что надо дать отпор, а Мойра в

итоге приняла иное решение. Впрочем, как следует из истории, потомки Мойры все равно в абсолютном большинстве случаев сохраняли верность «союзу четырех».

Аида вела игру более открыто. По сути, она просто ждала, что сделают остальные, а затем принимала ответные меры. Другие евы сразу выбрали свой путь и придерживались его. Так, все дети Дины – их у нее было пять – имели схожие черты. То же самое можно сказать о трех детях Айви и шести – Феклы. У Джулии была только одна попытка. Шестнадцать потомков Камилы немного отличались друг от друга, но только потому, что она корректировала стратегию, наблюдая за развитием первенцев. При этом она ни на йоту не отклонилась от основного принципа, который изложила на Совете.

Аида родила семерых, и все были разными. В чем именно состоял ее замысел, знала только Мойра, прозванная Хранительницей тайн и Матерью рас. Все евы частным порядком сообщали ей свои пожелания, и она унесла эти секреты с собой в могилу. Впрочем, было ясно (по крайней мере, такова общепринятая версия), что первых пятерых детей Аида задумала как ответ на действия других ев, за исключением Мойры.

Свое отношение к остальным Аида явно выразила в Проклятии. Она знала, что евы будут вечно ее ненавидеть, и эта ненависть неизбежно передастся их потомкам. А поскольку изменить природу человека нельзя, то дети Дины даже спустя тысячи лет будут припоминать потомкам Аиды каннибализм и швыряться в них камнями на игровых площадках. Им никогда не стать полноценными членами общества тех, что произошли от четверки. Таким образом, на каждый ход, который делала, к примеру, Дина, – каждую добродетель, которой она хотела наделить свое потомство, – Аида придумывала ответный маневр. Например, она могла зачать ребенка с такими же качествами, что и ребенок Дины, только лучше. Или, наоборот, могла сотворить антидинайца, который бы прекрасно играл на слабостях этой расы.

Таковы были первые пять детей Аиды. В отношении Мойры она так поступить не могла по той простой причине, что Мойра в точности знала намерения Аиды, вплоть до конкретных оснований ДНК яйцеклеток, в которые вносились изменения. Если продолжать аналогию с игрой, то последний ход всегда оставался за Евой Мойрой. Поскольку она так и не озвучила свою стратегию, никто в точности не знал, что она сделала. Так мойринцы стали самой загадочной расой – не только для других, но и для самих себя. Дело в том, что среди людей только мойринцы были способны «делать эпи».

Геном Кэт-два, как и у всякого живого организма, был неизменен. Его копия жила в каждой клетке. Но какие из генов в данный момент активны, а какие в спячке, определялось в зависимости от ситуации, на что обычный человек неспособен. Если бы процесс поддавался контролю, это можно было бы считать сверхспособностью. Увы, таким умением мойринцы не обладали, хотя недостатка в легендах, утверждавших обратное, не было. То есть Кэт-два сама не знала, когда вдруг впадет в недельную спячку, а проснется совершенно иным человеком по имени Кэт-три. Иногда перерождение шло на пользу. Порой бывало смертельным. А иногда приводило к неудобным, а то и вовсе стыдным последствиям. Чаще всего сдвиг происходил, как ни печально, когда мойринец или мойринка влюблялись. Но так решила Ева Мойра и такой дар она оставила в наследство своей дочери Кантабриджии. Как считали, она исходила из того, что такая степень гибкости каким-то образом позволит противостоять Аиде.

Джулия, не входившая ни в одну из группировок, стремилась извлечь максимум выгоды из безнадежного расклада, наделив свое потомство качествами, которые сделают их полезными и значимыми даже несмотря на малую численность. Во время Совета Семи ев она высказала мысль, что самое важное – это умение просчитать возможные варианты развития событий. Джулия полагала, что человек с таким умением сможет стать лидером или, на худой конец, советником. С другой стороны, не имея выхода, эта способность вела к депрессии, паранойе и другим душевным заболеваниям. Главная задача, таким образом, заключалась в том, чтобы совместить это качество с психическим равновесием. Джулия посвятила немало времени изучению биографий всех мудрецов, провидцев, шаманов, художников, декадентов и параноиков в истории человечества, поиску оснований внутри генома, в которых локализованы нужные качества, а также роли воспитания и аккультурации в их развитии.

История последующих веков была описана учеными много позднее. Был разработан специальный понятийный аппарат. Время первых беременностей называли «зачатием». Если не считать многочисленные выкидыши, на семь ев приходилось тридцать девять детей. Период зачатия завершился, когда у Камилы, последней из всех, наступила менопауза. Из этих тридцати девяти жизнеспособными оказались тридцать пять девочек. Тридцать две из них затем тоже начали рожать. К тому времени Ева Мойра разобралась, как синтезировать Y-хромосомы, так что во втором поколении уже были мужчины. Таким образом, все нынешнее человечество восходит к тридцати двум так называемым «линиям». Каждая из семи рас была

носителницей нескольких линий, которые, хоть и имели явные отличительные черты, все равно позволяли отнести их обладателя к той или иной расе. Точно так же, к примеру, жители Восточной Африки отличались от западноафриканцев, но для европейцев были все на одно лицо.

После первых зачатий наступил период, который называли «исправлением». Ева Мойра исправляла ошибки, приведшие к рождению нежизнеспособных младенцев. В каком-то смысле исправление шло параллельно с зачатием и постепенно закончилось, когда дочери ев начали рожать второе поколение. Так произошел плавный переход к следующему этапу: «стабилизации». Она длилась примерно десять поколений, пока проводилась доработка Y-хромосомы, устранялись скрытые генетические просчеты, а носители разных линий смешивались между собой, так что происходила гибридизация внутри расовых групп. Тогда же вспомнили, как сохранялась популяция черноногих хорьков, и по этому образцу стали применять различные методы увеличения гетерозиготности.

На самом деле, в распоряжении нового человечества был обширный цифровой архив секвенированных цепочек ДНК. Достаточно было переждать несколько поколений в Колыбели, воспитать талантливую молодежь, обучить ее генной инженерии, и, теоретически, можно было заново воссоздать землян. Что-то подобное совершила Ева Мойра, когда синтезировала первую искусственную Y-хромосому. Но люди сделали иной выбор, и продиктован он был в большей степени культурой, нежели научными доводами. основополагающие решения были приняты на Совете Семи ев. К моменту, когда новые расы окончательно оформились, прошло несколько поколений. У каждой складывалась своя особая культура. Отменить все прежние решения и вернуться к «исходной» человеческой расе казалось чуть ли не самогеноцидом, а ввиду расовой конкуренции было просто невыносимо. Таким образом, генетический архив коренных землян пригодился не для того, чтобы вернуться к истокам, а чтобы привнести в новые расы здоровую гетерозиготность.

Итак, стабилизация продолжалась примерно до двенадцатого поколения, и к тому времени даже джулиане расплодились настолько, что дальше могли размножаться естественным образом, без лабораторного вмешательства.

Следующий период истории именуют «размножением». Название говорит само за себя: потомки Семи ев продолжали совокупляться и плодиться. Это длилось почти до середины первого тысячелетия и привело к такому перенаселению, что возникла необходимость в колониях за

пределами Колыбели. К счастью, были еще места, которые, хоть и ценились меньше Расщелины, все же подходили для строительства новых обитаемых модулей. Примерно в это же время появилась возможность строить новые космические аппараты. Время пришло. Так, по крайней мере, настаивали потомки четверки. Условия в перенаселенных блоках Колыбели становились невыносимыми. Камила не лукавила, говоря, что хочет, чтобы новое человечество было приспособлено к жизни в замкнутом пространстве. И она этого добилась. Поскольку первые модули Колыбели очень скоро оказались переполнены, ее подход представлялся выигранным. В конце концов, то ли под влиянием какой-то расовой мифологии, то ли из чисто биологических соображений, дети четверки покинули Колыбель и начали обустраивать новые жилые зоны: сначала в других уголках Расщелины, затем на соседних осколках Персиковой Косточки. Потомки Аиды последовали за ними. Иногда они жили вместе с детьми четверки, но чаще – сами по себе.

Не то чтобы поступки и слова Аиды нельзя было простить, но ее Проклятие все же сбывалось. Аидянин второго тысячелетия воспитывался в смешанной культуре, которая насчитывала уже более тысячи лет. Он – или она – рос среди представителей всех рас. С кем-то у него были хорошие отношения, с кем-то – не очень; лучше всего он ладил, пожалуй, с отдельными феклитами или мойринцами, но при этом мог враждовать с другими аидянами. Личный опыт подсказывал ему, что держаться в кругу соплеменников бессмысленно. Однако к тому времени у каждой расы сложилась своя культура с долгой историей и плотно укоренившейся мифологией. Аидяне верили, что их ева породила не одну расу, а «расу рас», мозаику, поскольку ее дети могли делать то же, что и дети других ев, только лучше. И именно эта вера гнала потомков Аиды, кто явно демонстрировал отличительные генетические маркеры, в колонии, которые целиком или почти целиком населяли только аидяне.

Поскольку аидяне сами по себе были малочисленнее потомства четверки, их колонии во втором тысячелетии были меньше и более аскетичными. Ввиду этого у них сложился своеобразный симбиоз с камилитами, которые чувствовали себя в такой среде как рыба в воде. Так повелось, что аидяне строили, а камилиты поддерживали.

Возникновение во втором тысячелетии новых колоний и жилых модулей положило начало периоду под названием «изоляция», который характеризовался появлением «чистых» сообществ. За изоляцией неизбежно последовала «карикатуризация»: выведение путем отбора – иногда сознательного, иногда нет. Из-за этого по прошествии поколений

отличительные расовые черты стали выражены еще ярче. Самый расхожий пример – постепенное изменение цвета глаз у мойринцев. Глаза у Евы Мойры были зеленовато-карие: довольно светлые по меркам темнокожих, но не такие уж и редкие. К концу второго тысячелетия у большинства мойринцев глаза посветлели настолько, что при ярком освещении казались золотистыми. На стенах модных магазинов Большой Цепи часто попадались огромные плакаты, с которых на покупателей ослепительно-желтыми кошачьими глазами взирали десятикратно увеличенные модели из числа мойринок. Поскольку светлые глаза были отличительной чертой Евы Мойры, их считали символом красоты и желательным признаком. Поэтому мойринцы и мойринки со светлыми глазами легче находили себе партнеров и, соответственно, чаще давали потомство, что приводило к дальнейшему усилению этой черты – вплоть до гротеска. Кэт-два, хоть и не была манекенщицей, часто выслушивала комплименты в адрес глаз, при том что они у нее были больше зелеными, чем желтыми. С другой стороны, современные мойринцы, заботящиеся о своей внешности, часто, смотря на фотографии своей евы, с ужасом видели, что глаза у нее болотного оттенка.

Изменение цвета глаз мойринцев было отследить легче всего. Однако то же самое происходило и с фенотипами других рас, пусть и менее заметно. Избирательное спаривание с течением времени приводило даже к более существенным изменениям, чем искусственное вмешательство. Впрочем, в ряде случаев изоляты отдельных рас обзавелись собственными генетическими лабораториями. Их возможности использовали в разных целях, которые, как правило, назывались благими. Так, одной из целей было так называемое «совершенствование», то есть сознательная манипуляция над генетическим материалом с целью дальнейшего укрупнения расовых черт – своего рода искусственное ускорение «естественного» процесса карикатуризации. Порой это приводило к появлению уродов и чудовищ, но часто и в самом деле приносило пользу. Дети, родившиеся в результате подобных экспериментов, размножались внутри своего изолята, что приводило к появлению людей с еще более ярко выраженными расовыми чертами.

В конечном итоге все это вело к тому, что колонии вырождались и становились нежизнеспособными. С течением времени колония, полностью прошедшая через изоляцию, карикатуризацию и совершенствование, либо вымирала, либо вступала в период «космополитизации». Прежде разрозненные сообщества снова сливались с утраченными соплеменниками, перемешивались и давали здоровое и жизнеспособное гибридное потомство.

Неудивительно, что главным двигателем космополитизации стало строительство обитаемого кольца. Быстро начали возникать огромные жилые пространства, гораздо более привлекательнее тесных, полутемных торов, в которых люди ютились последние четыре тысячи лет. Изоляты, о которых никто не слышал веками и которые даже не владели английским (так называется общечеловеческий язык, по сути, обрусевший английский), выползли из своих закоулков и воссоединились с дальними родственниками, что привело к такому буму рождаемости, какого не видели с двадцатого века на Старой Земле. В итоге расовые типажи стали более сбалансированными, хотя некоторые черты времен изоляции сохранились. Но отношение соплеменников к ним было неоднозначным: что-то ценилось, что-то вызывало отвращение, а что-то даже пытались искоренить.

Так, по крайней мере, было на территории синих. В целом, похожие тенденции прослеживались и среди разношерстных аидян, сотен миллионов камилитов и примерно восьмидесяти процентов джулиан, которые называли себя красными. Однако о текущем положении дел за барьерами можно было только догадываться, поскольку последние двести лет оттуда поступали лишь обрывочные радиоперехваты да пропаганда, на которую большинство не обращало внимания.

Еще несколько минут последние лучи солнца освещали шпили, статуи и резные фигуры на фронтонах величественных древних куполов, установленных на почти отвесной скале Капитолийского холма. Затем вдруг стемнело. Кэт-два повернулась и начала спускаться к южной оконечности моста. Ветер нещадно ударил в правый бок. Хотя мощь воздушных потоков и восхищала ее, она все равно втянула голову в плечи и поспешила побыстрее преодолеть последние ступеньки, чтобы скрыться среди зданий. Капитолийский холм был выше Биржевого, и поэтому мост не плавно спускался в парк, а вонзался прямо в склон. Кэт-два сразу же оказалась в путанице тротуаров, на которые лишь изредка падал свет из-за приоткрытых дверей или от ламп, висевших под крышами некоторых блоков. «Улочки Бордо, наложенные на застройку Рио-де-Жанейро», – так описал эту часть Колыбели проектировщик, джулианин-мойринец, живший через более чем четыре тысячи лет после гибели этих самых городов.

У Кэт-два с собой было устройство, которое могло точно вычислить ее широту-долготу. Естественно, в городе, который несется над планетой, такие данные бесполезны, однако она не доставала его по другой причине. Она вообразила себе, что гуляет по улицам Старой Земли, и разрушать эту

иллюзию не хотела – только если окончательно заблудится. Поэтому Кэт шла куда глаза глядят по красным мостовым, то поднимаясь, то спускаясь, ориентируясь по величавым башням древних куполов. Почувствовав, что идет не туда, она возвращалась к мосту. Ей сказали, что место встречи где-то неподалеку. Можно было бы спросить у кого-нибудь дорогу, но тут вдруг похолодало, сверкающую дугу обитаемого кольца скрыли тучи, заморосил теплый дождь. Практически все прохожие скрылись. Кэт-два предупреждали, что с темнотой Капитолийский холм пустеет. А если надвигается гроза – и подавно.

Несколько раз она проходила мимо одного и того же здания или видела его в конце улицы. Почти все мокрые от дождя дорожки лучами сходились к нему, и оно то и дело возникало в поле зрения. Все потому, что улицы упирались в каменную глыбу размером с дом. Это был, как можно предположить, осколок мантии, вплавленный в лунное ядро. Может, он проторчал тут миллиард лет, а может, случайным болидом врезался в раскаленную докрасна Персиковую Косточку вскоре после Ноля, да так и застрял в застывающей металлической массе. Расщелина и ее сестры были сплошь утыканы такими занозами. Обычно их удаляли как инородные тела. Эту, однако, оставили на месте, а улицы проложили в обход. На вершине, метрах в десяти над землей, кто-то соорудил круглую каменную башню. За ней – треугольное здание, расширяющееся, словно судно от носа. Внутри, скорее всего, располагался неплохой жилой блок.

В третий или четвертый раз Кэт-два увидела башню на другом конце переулка, метров за сто. Верхний этаж опоясывали сводчатые окна, обращенные в разные стороны. Из них лился теплый свет; виднелись сидящие за столами люди, которые пили, ели, разговаривали и читали. Снаружи все это выглядело очень заманчиво, и у Кэт-два зародилась надежда, что это место вроде паба, а не закрытый клуб.

Вход она обнаружила – не без труда – с правой стороны за углом: точно мышиная нора в металлическом основании, в которое погружен обломок. Тоннель шел вверх и закручивался, переходя в винтовую лестницу, частично перегородленную ржавыми сталагмитами размером с небольшие деревца. В нишах горели натуральные свечи. После первого витка металл уступил место камню, после второго тоннель уперся в сводчатую дверь из натурального дерева, совершенно гладкую, если не считать кованого дверного молотка в форме птицы с мощным изогнутым клювом. Перья ее, выкованные вручную из чугуна и палладия, были седыми. Из-за двери шло тепло и доносились голоса.

Кэт-два потянулась к молотку, так и не зная наверняка, общедоступное

ли это место или закрытое. Вдруг она вспомнила, что держит в руке обрывок бумаги. Она поднесла его к ближайшей свече и расправила:

ВОРОНЬЕ ГНЕЗДО

КОЛЫБЕЛЬ – ЮГ

Кэт толкнула дверь и вошла. С порога она увидела полукруглую барную стойку из потемневшей меди, на ней – ряд краников, а за ней – окно кухни, в которой сутились повара. Из дальней комнаты доносилась музыка: негромко, так что беседе не мешала, хотя довольно отчетливо, и Кэт невольно закивала головой в такт. Как называется стиль, она не знала, но такую музыку сочиняли в изолированных рудодобывающих колониях или древних орбиталищах, где умели танцевать.

За стойкой стоял румяный динаец лет сорока с небольшим. Он был весьма привлекателен, но держался так, будто не знает об этом. Динаец протирает стакан, пробегая взглядом листок с написанными от руки числами: ведомость заказов. Одиноким, окруженный окнами, из которых открывался изумительный вид на Колыбель, он напоминал капитана на мостике древнего земного корабля.

Выдержав паузу должной длины, дабы не выделять Кэт среди остальных посетителей, но и чтобы она не почувствовала себя обделенной, он посмотрел на нее и приподнял брови. Точнее, одну бровь, поскольку теперь было видно, что половина лица у него сильно изуродована.

– Кэт Амальтеина-два? Что будешь пить?

Первых вьев разработали в «Арджуна Экспедишнз» в городе Сиэтле и запустили в космос незадолго до Ноля. Они ползали по поверхности Амальтеи под контролем Евы Дины. За первые два года Эпоса их модифицировали для работы на льду и внутри льда. Все с малолетства знали эту историю: сначала с помощью тех вьев к «Иззи» привели «Имир», затем собрали из них «Эндьюранс». Таким образом, вьи играли бóльшую роль в культуре синих, хотя пользовались ими по обе стороны границы. Точнее говоря, в обеих странах развилось великое множество видов и подвидов этих роботов, но все восходили к первой модели «Арджуны» и в той или иной степени работали на основе кода, написанного еще Ларсом Хедемекером и Евой Диной. За прошедшие тысячелетия вьям, а соответственно и вьиным роям было найдено несчетное число применений. Они были настолько же повсеместны и разнообразны, как молотки и ножи в донулевую эпоху.

И как молотки и ножи, их можно было использовать и в созидательных, и в разрушительных целях. Под вторую категорию

подпадал целый класс вьев, разработанных для стрельбы. Чаще всего их делали компактными, вроде дротика или пули, чтобы укладывать в магазины, патронташи и тому подобное, а затем подавать в стрелковые механизмы.

Только один экземпляр огнестрельного оружия донулевого образца пережил Каменный Ливень и попал на Расщелину – конечно же, тот самый револьвер из кобуры Пита Старлинга, который Джулия тайно носила с собой и из которого попыталась застрелить Феклу. Камила вмешалась и тем самым, по сути, спасла Фекле жизнь, а потом мучилась от шрамов и ожогов. Далее этот револьвер попал в руки Аиды. Член ее шайки убил из него Стива Лейка. Это был Последний Выстрел из Последнего Револьвера. Теперь он хранился в историческом музее Большой Цепи. Само его наличие в экспозиции и место, которое он там занимал, служили барометром отношений между красными и синими.

Технология изготовления огнестрельного оружия была утрачена, а первые поколения на Расщелине в нем и не нуждались. Поэтому, когда оружейную промышленность наконец возродили, пришлось начинать с чистого листа. Новые модели больше походили на тазеры, которые встречались на Расщелине, чем на привычный огнестрел. Задача огнестрельного оружия – выбрасывать безмозглый комок металла на высокой скорости, и основные конструкторские усилия были направлены на увеличение скорострельности. Однако инженеры, работавшие над созданием стрелкового оружия спустя несколько веков после высадки на Расщелине, так и не придумали, кому и зачем может понадобиться усыпать металлом замкнутые космические модули. Насилие в их время в основном ограничивалось драками без оружия либо с оружием ближнего боя, например металлическими дубинками. При этом к самым опасным его видам – клинковым – прибегали в редчайших случаях и только те, кому уже нечего терять. Новое стрелковое оружие разрабатывали специально для борьбы с ними. Максимальная дальность не превышала десяти метров, следовательно, в большой скорости снаряды не нуждались. Но они должны были быть «умными», то есть сводить разрушающую силу к минимуму, если летят мимо цели (человека). Для этого снаряды оснащали крохотными тормозными парашютами, а также программировали на то, что в этом случае они будут саморазрушаться, а не проникать в цель. Если же снаряд попадал в противника, тогда задачей было обездвигить, ранить, убить. Ясное дело, безмозглый комок металла на такие решения не способен, поэтому решили использовать вьев. Плотность у них ниже, чем у свинцовой пули, следовательно, падал баллистический коэффициент и

дальность полета, но, опять же, внутри космического модуля это был скорее плюс, чем минус.

В те темные времена на Расщелине не было ресурсов для развития робототехники; приходилось чинить или в крайнем случае копировать имевшиеся образцы. Впоследствии в эту область были вложены мощные инженерно-конструкторские силы. Наиболее дерзкие программисты осмеливались вмешиваться в исходный код, последние правки в который вносила еще Ева Дина. Механики искали способы заново запустить древние программы САПР, чтобы изучить цифровые чертежи, составленные Ларсом. Их первые эксперименты были довольно простыми: например, сделать вью, который автоматически выбросит тормозной парашют, если по преодолении некоторого расстояния не встретит препятствия. Впрочем, больше усилий вкладывалось в собственно оружие, чем в снаряды.

Основными потребителями оружейной продукции стали полицейские и военные, то есть прежде всего, феклиты, в чьем английском было гораздо больше заимствований из русского языка, чем у других рас, а почти все буквы взяты из кириллицы. Они придумали называть устройство для стрельбы вьюми «катапульти», а потом образовали от него разные уменьшительные формы вроде «каток» или «катя». Второй корень слова восходил к русскому «пуля». Какое-то небольшое время пытались соединить «вей» и «пуля» со значением «робот-снаряд», но никаких удачных вариантов не родилось, поэтому остановились просто на «пуле». Так и устоялось: все равно в их мире больше не было пуль в их исконном смысле. Другие донулевые слова и выражения остались неизменными, например, «вести огонь» или «застрелить», однако командиры предпочитали теперь отдавать приказ «пуляй», что косвенным образом восходило к жаргону стендовой стрельбы.

Знатоки были недовольны, что в итоге прижилось слово «пуля». Точно так же помешанные на оружии в донулевую эпоху раздражались, слыша, как профаны называют патроны «пулями». Но современные пули были куда разнообразнее. В конце концов, кусок свинца – это кусок свинца, тогда как возможности нынешнего конструктора весьма широки. Поэтому в качестве альтернативы придумали термин «патбот», но словоупотребление зависело от контекста. Рядовой состав, который таскал эти патроны с собой, заряжал в катки, выковыривал из заевшего механизма и так далее, чаще говорил «пуля», но после выстрела, когда боевой вей начинал исполнять программу, он уже назывался «патбот». Когда же речь шла о больших поставках – скажем, ящиках – использовали обобщенное

«ботроны».

Первые жертвы катапультиров, естественно, с таким положением дел мириться не стали. В ответ на развитие технологий они разрабатывали противомеры, которые, в свою очередь, ставили новые задачи перед конструкторами ботронов. Патбота, например, можно было обмануть, заставив поверить, что он летит не в человека, а куда-то еще: в этом случае он становился практически безвредным. Таким образом, произошла эволюция камуфляжа: теперь, вместо того, чтобы обманывать глаз человека, ему нужно было обхитрить электронную начинку вья. Броню, способную остановить летящий кусок свинца, больше не делали. Теперь ее предназначением было защищать владельца от проникновения патботов. Бойцы превратились в ожившие крепости, а роботы искали в них брешь, пока не кончался заряд аккумулятора. Мало-мальски продвинутые прибегали к алгоритмам роя. Произошли и другие изменения в древней тактике перестрелок. Катапульти и ботроны, захваченные противником или просто подобранные с пола, можно было дистанционно отключить или сжечь начинку с помощью цифровых средств. Более продвинутые модели могли возвращаться к своим, поэтому зона боевых действий превращалась в кишачье вьями поле: выстреленные патботы пытались скучковаться и отползти обратно.

Государственная монополия на такое оружие продержалась только до второго тысячелетия. В это время число орбиталищ стало расти, и вследствие разобщенности возникали ситуации, когда у гражданских сил орбиталища А появлялись веские поводы применить оружие против орбиталища Б. В связи с этим бурно начали развиваться катапульти, патботы и разнообразные средства защиты. За последующие тысячи лет никто так и не смог составить исчерпывающего каталога или хотя бы классификации. В частных коллекциях выставляли десятки, а то и сотни обезвреженных патботов разных типов, снабженных табличками: когда изобретены, кем, в каком орбиталище и для какого конфликта. При этом все прекрасно понимали, что это лишь малая толика от общего количества: по сути, только то, что каким-то образом попало в руки коллекционера.

Даже про крупные столкновения последних столетий чаще говорили «конфликт», чем «война». Поскольку орбиталища весьма хрупки, никто и представить себе не мог полномасштабную войну в духе тех, что велись на Старой Земле в двадцатом веке. Ядерное оружие заново не изобретали: в нем не было нужды. Достаточно разбить камнем иллюминатор, и жертв будет, как от взрыва водородной бомбы. Сложился паритет, как и в годы «холодной войны» или после нее: настоящей войны ни один лагерь не

объявит, зато будет множество локальных стычек, но вестись они будут в местах удаленных и новостной публике неинтересных. Выделялись только два конфликта, которые уже историки окрестили «войнами», поскольку те происходили по старинке, на поверхности планеты: это Война-на-Камнях (4878–4895) и Война-в-Лесах (4980–4985).

Когда Кэт-два встретила в «Вороньем гнезде» динайца с изуродованным лицом, на дворе стоял 5003 год, то есть с Войны-в-Лесах прошло почти двадцать лет. Динайцу на вид было около сорока. Стало быть, шрамы у него уже давно.

– Вот это, – ответила Кэт и кивнула на ближайший краник, на котором висела этикетка «сидр», подписанная от руки.

– Сейчас будет, – сказал бармен. – Чтобы мы были в равных условиях, представляюсь: Тэ Лейк.

– Тэ – это от Тихо или...

– Тюратам. Не все выговаривают.

Акцент выдавал в нем селенца. Всего по нескольким репликам Кэт-два сделала кое-какие выводы о его биографии. Родители – почти наверняка «выскочки», то есть те, кто очень хотел вырваться из своего орбиталища и изыскал способ попасть на Новую Землю сразу после того, как усилиями «ТерРеФорма» она стала минимально пригодной для жизни. Это было нарушением Первого договора, которым несколькими десятилетиями ранее закончилась Война-на-Камнях, поэтому такое поведение не поощрялось. В пределах самых крупных и старых орбиталищ все перемещения тщательно контролировались властями, но выскочки главным образом убегали из пограничных зон: у кладбищ или рядом с барьерами. Среди синих большинство выскочек были динайцами. Феклителям, которые составляли костяк полиции, поручали выследить их и тех, кто им помогал, из-за чего в народном сознании одни представляли харизматичными бунтарями, а другие – бесчувственными орудиями. По крайней мере, так было, пока выскочки не спровоцировали Войну-в-Лесах, в ходе которой армия, опять-таки в основном состоявшая из феклитов, была вынуждена спасать динайцев-авантюристов. Поэтому сегодня участников тех событий уже не делили просто на хороших и плохих.

Кэт-два была почти уверена, что родители Тэ довольно давно обжились на поверхности, раз у них родился как минимум один сын-землянин. Бежали выскочки в основном с кладбищ, значит, руки у них росли из нужного места. В связи с этим первые поселения были хорошо построены с инженерной точки зрения, однако политически весьма незрелы. Вот в такой обстановке Тэ вырос, а лет в двадцать принял участие

в Войне-в-Лесах. Какой-то патбот – неважно, какой – проник сквозь броню (если она вообще была) и изуродовал парню лицо. С этим патботы справляются на ура. В бою зачастую гораздо полезнее обезвредить противника, чем убить, поэтому они ведут себя, как шимпанзе, то есть метят в лицо, руки и гениталии. Излюбленная мишень – лицо, поскольку его легко распознать и трудно скрыть. Тэ мог получить это ранение как угодно, хоть во время налета одних выскочек (красных) на других (синих), но что-то в его осанке и поведении указывало на связь с военными. Стало быть, его официально призвали в ряды синих, и он получил ранение в настоящем сражении между организованными боевыми подразделениями.

Несомненно, он хозяин «Вороньего гнезда»: достаточно посмотреть, как с ним держат себя персонал и посетители. В том, что ветеран в отставке открыл собственный бар, не было ровным счетом ничего удивительного, более того, граничило со стереотипом. Гораздо труднее объяснить, как ему достался этот участок недвижимости, который явно стоил больше иного орбиталища.

Поскольку этикетка на кранике была подписана от руки, можно предположить, что сидр изготовлен из яблок, выращенных на Новой Земле. По условиям Второго договора, которым завершилась Война-в-Лесах, проживать на поверхности Земли и заниматься сельским хозяйством (например, садоводством) разрешалось лишь прямым потомкам выскочек, которых теперь называли селенцами. Если только Кэт не имела дело с неким изошренным рекламным ходом, то по всему выходило, что Тэ Лейк тесно связан как минимум с одной группой селенцев и закупает товар напрямую у РКС. А значит, он безумно редкий и дорогой. Поскольку продукты питания большей частью производили – дешево и надежно – в орбиталищах, напитки и еда из РКС предназначались богатым гурманам. Тэ наполнил бокал и, видимо, заметив сомнение Кэт-два, сказал:

– За счет заведения.

– Очень щедро с твоей стороны. – Кэт-два как бы невзначай подняла глаза на черную доску над баром. В графе «цена» стояло умопомрачительное число.

– Отнюдь. Всего лишь вежливость по отношению к партнеру по Семерке.

Итак, Тюратам Лейк – недостающий динаец.

Что ж, логично. Раз Семерка будет работать на поверхности, наверняка дело как-то связано с РКС.

– Мы еще не начали, но можешь пройти к остальным. – Тэ указал за спину.

Бар, казалось, тянется бесконечно, расходясь на комнатки и закутки. Ни один архитектор – разве что с преступным прошлым – не одобрил бы такой проект. Видимо, где-то имеется укромная каморка, которую Кэт самой ни за что не отыскать.

– Они пришли через черный ход, – добавил Тэ.

– Здесь есть черный ход?

– Черный ход есть везде.

– Док?

– Прибыл с полчаса назад.

Действительно, появившись самый известный из ныне живущих творцов «ТерРеФорма» через главный вход самого посещаемого бара на Капитолийском холме, это бы вызвало много шума и помешало делу. Дока узнают в два счета. Его сразу обступят те, кто хочет продемонстрировать свою значимость, познакомиться или напомнить о себе. Все это быстро его вымотает. Пойдут разговоры, и, возможно, миссия Семерки закончится, так и не начавшись. Так что, конечно же, Док воспользовался черным ходом.

– Еще кто?

– Сиделка. И крупный тип.

Значит, лейтенант Томов тоже здесь. По крайней мере, так думала Кэт, пока не открылась дверь и на пороге не возник Белед. По тому, как он озирается по сторонам, было ясно, что он здесь впервые.

Феклит тут же заметил Кэт-два, но виду не подал, а просто пошел прямо к ней. Кэт заняла последний свободный барный стул, но Белед без труда раздвинул толпу – люди предпочли расступиться перед ним – и встал сзади. Кэт спиной чувствовала тепло его тела. Он заказал популярное недорогое пиво у другого бармена – девушки экзотической внешности, скорее всего, камилитки-джулианки. Тэ отошел в сторону и продолжил изучать ведомость. Бросив взгляд на часы, Кэт-два предположила, что он сдает смену, чтобы отвести их в тайную комнату, где состоится встреча. Барменша передала бокал пива в массивную пятерню Беледа. Кэт-два повернулась и чокнулась с ним.

– За Семерку.

Белед подчеркнуто официально поблагодарил девушку, затем кивнул Кэт и выпил с ней. Она быстро сообщила ему свои соображения о Тюратаме Лейке. Белед несколько минут изучал динайца, делая в голове какие-то свои выводы.

Наконец Тэ закончил с бумажками и, встретившись глазами с Кэт-два, выскользнул из-за стойки. Кэт поняла, что для него покинуть свой пост – дело необычное. Многие посетители знали его и желали поздороваться.

Однако он, похоже, научился напускать на себя занятой вид, мол, не отвлекайте.

Тэ вел их через бесконечные комнаты и коридоры. Кэт-два с трудом поспевала за ним и в итоге пропустила Беледа вперед, чтобы он торил дорогу. Поскольку Белед был гораздо выше и массивнее, из-за его спины не было видно, куда они идут. Постепенно Кэт поняла, что они в длинном коридоре с каменным полом, уходит он куда-то вниз, а стены обшиты деревом, чтобы не казалось слишком холодно. По сторонам было множество дверей, но Тэ привел их к той, что в конце коридора. Он открыл ее, и пространство залил теплый свет, отраженный от полированного каменного пола и деревянных панелей.

– Добро пожаловать в «Укромный уголок», – сказал Тэ.

Кэт-два врезалась в спину Беледу. Он резко замер и даже присел в боевой стойке, указывая точно вперед. Кэт протиснулась мимо феклита и заглянула в комнату.

«Укромный уголок» был уютной комнаткой с овальным столом, за которым как раз могли разместиться семеро. Док сидел ближе всех к двери, с одной стороны от него Меми, с другой – робот. Ариана Касабланкина – напротив. На другом конце стола, лицом к двери, сидел мужчина – тот самый «крупный тип». Из-за стола виднелись только голова, плечи и руки. Руки у «типа» были длинными и довольно массивными. Однако больше всего бросалась в глаза форма его головы. Представьте себе голову обычного человека, которая не прекратила свой рост в период взросления. Густые рыжевато-коричневые брови не могли скрыть выступающие надбровные дуги. Пивной бокал в его руке казался даже меньше, чем в ладони Беледа. А когда тип поставил его на стол и стало видно нижнюю часть гладко выбритого лица, то по строению челюстей и размеру зубов Кэт поняла, что перед ней последний участник Семерки: аидянин. Причем не просто аидянин, а самый настоящий неондертал.

Ева Аида была беременна тринадцать раз и дала начало семи разным линиям. Такой высокий процент неудач объяснялся тем, что она требовала от Евы Мойры очень серьезного вмешательства в свою ДНК. Возможные выкидыши казались Аиде разумной платой, поскольку у нее было вдоволь времени до менопаузы по сравнению с другими евами, за исключением Камилы. А Камилу она соперницей не считала, хотя бы потому, что та желала создать расу, которая бы ни с кем не соперничала.

Евы, вынужденно до конца жизни ютившиеся на Расщелине, испытывали множество лишений. Чего у них было вдоволь, однако, так это

информации. Они имели доступ ко всем документам, когда-либо оцифрованным, – по крайней мере, до тех пор, пока флешки с архивами не начали ломаться. Настоящий масштаб последствий этого проявился только спустя десятилетия.

Аида стала изучать генетику человека. А поскольку геном – шифр, в котором содержится все, чего достигли предки организма в борьбе за выживание своего вида, – складывался в результате долгого исторического процесса, его изучение неразрывно связано с изучением эволюции. Геном Аиды, как и геномы всех остальных облачников, был секвенирован и оцифрован еще до отлета с Земли. Ей выдали копию отчета, содержавшего полную информацию, из каких регионов мира родом ее предки. Какие-то подробности, учитывая, что она – итальянка, предсказуемы, но всплыло и нечто новое: например, генетическая связь с североафриканскими евреями, изолированным кавказским племенем и даже скандинавами. А по ряду генетических маркеров также выходило, что Аида, как и многие европейцы, на какую-то долю неандерталец.

Впоследствии историки по логам компьютера Аиды выяснили, что она примерно в равной степени тратила время на изучение своего генома и геномов четверки – своих главных конкуренток. Из них на Мойру у нее ушло столько же времени, сколько на Дину, Феклу и Айви, вместе взятых: все потому, что Мойра – африканка. Аиду восхищало то генетическое разнообразие, которое демонстрировали африканцы по сравнению с неафриканцами, ведь человечество возникло на этом континенте и затем распространилось по миру. Неафриканские расы зародились в изолированных кочевых сообществах. Поскольку они скрещивались внутри своей популяции, их генофонд, естественно, ограничивался тем, что они принесли с собой: он был подмножеством африканского генофонда. Этим, к примеру, объяснялось, почему на Черном континенте проживали самые высоко- и самые низкорослые народы, а также почему местные спортсмены – лучшие в мире. Не потому, что они от природы более спортивные, а потому, что «колокол» кривой генетического распределения шире. На каждого африканца – выдающегося спортсмена вполне мог приходиться совершенно неуклюжий индивид, но никому до него не было дела. Правдива ли эта гипотеза или нет, но Аида заглотила ее, как наживку – вместе с крючком, леской и поплавком, – и на ней построила свою стратегию в Большой Игре. И если четверка хотела «переиграть» соперницу, следовало принимать это во внимание. Так появились мойринцы. Вместо того чтобы основание за основанием повторять все генетические махинации Аиды, Ева Мойра вмешалась в ту часть генома,

которая отвечает за эпигенетику, и превратила своих детей в человеческий аналог швейцарских армейских ножей.

С точки зрения Аиды, самой легкой мишенью была Фекла, поскольку та четко обозначила, какими видит своих потомков. Нетрудно догадаться, что дети Феклы станут сильными, дисциплинированными, непобедимыми бойцами. Не нужно было быть гением военного дела, чтобы понять: в обозримом будущем, которое человечество проведет в космических колониях (при условии, что тяга к насилию никуда не денется), основной формой сражений будут драки, и верх в них будет одерживать тот, кто больше, сильнее и крепче. А тот, кто одерживает верх в бою, рано или поздно подомнет под себя всех остальных – так говорит история. И Аида не хотела, чтобы сыновья и дочери Феклы поработили ее детей.

Она могла бы пойти по стопам Феклы и создать более спортивную копию себя. Однако, захваченная той самой неожиданной деталью своего генома, она задалась целью «пробудить» неандертальские корни, которые, как ей мнилось, десятки тысяч лет дремали в ДНК ее предков. Мысль довольно безумная, поскольку неандертальских генов не хватало, чтобы воспроизвести этот вид целиком, но создать нечто отдаленно похожее у нее получилось. Довершили дело столетия карикатуризации, изоляции и совершенствования, в той или иной степени затронувшие каждую расу. В ход пошли последовательности генов, выделенные из кости настоящего неандертальца и секвенированные еще на Старой Земле. Из донулевых палеонтологических журналов выжали все доступные параметры, такие, как длина костей и строение мышц, а затем закодировали в геномоне неондерталов. Человек, сидевший на другом конце стола, был продуктом направленной эволюции и генной инженерии, однако если отправить его в доисторическую Европу, то он бы не отличался – по крайней мере, внешне – от реальных неандертальцев.

Создание новой расы – процесс небыстрый, на него уходят века. Когда стало ясно, что неондерталы – вполне самостоятельная ветвь человечества, задаваться примитивными этическими вопросами, а стоило ли вообще так делать, было уже поздно. К этому времени у них сложилась собственная история и культура, которой они гордились, как и любой другой этнос.

Неудивительно, что красной нитью через эту историю шли взаимоотношения с феклитами – в основном враждебные, как и ожидалось. В упрощенном до абсурда виде позиция феклитов звучала так: неондерталы – опасные обезьянолюди, порожденные безумной евой в качестве бича для других шести рас. Неондерталы же утверждали, что феклитов мог сотворить Гитлер, располагай он генетическими

лабораториями, и очень здорово, что дальновидная Ева Аида создала им в противовес простых и добродушных, но при этом могучих и смертоносных защитников.

После того как на поле боя стали главенствовать катапульты и патботы, исход сражения уже не определялся только физической силой, и прямая вражда отошла на второй план. Однако врожденная неприязнь никуда не делась. Этим объяснялось, что Белед, только оказавшись в одном помещении с неондерталом, тут же приготовился к рукопашной.

Док не стал придавать этому значения. «Если вообще заметил», – подумала Кэт-два, хотя, конечно же, Док замечал все.

– Белед, Кэт, полагаю, с Лангобардом вы еще не знакомы.

Вполне распространенное имя для аидянина.

– Можно просто Бард.

– Лангобард, это Белед Томов и Кэт Амальтеина-два.

Бард поднялся из-за стола в полный рост, не такой уж и внушительный, и выполнил приветствие в аидянской манере, обеими руками. Затем он протянул правую ладонь на, казалось бы, невероятное расстояние, предлагая рукопожатие. Белед все еще не желал двигаться, поэтому Кэт-два шагнула вперед и пожала протянутую руку. Она еще никогда не касалась неондертала. Даже в зоне красных они были редкостью, поскольку чуть ли не поголовно перебрались на Новую Землю в качестве селенцев. Среди синих они вообще почти не появлялись. Лангобард изысканно принял руку Кэт, которая потонула в мясистых пальцах, каждый размером с кулачок младенца, и едва заметно сжал ее. Он был гладко выбрит и прекрасно ухожен, а также одет в отличный костюм, сшитый точно по фигуре. Даже интересно, где ему удалось отыскать себе портного. Смотрел он немного с усмешкой, как будто прочитал ее мысли.

– Весьма польщен, – сказал Бард с легким кивком, который только подчеркнул размер и массу его головы.

Кэт-два кивнула в ответ, и он так же осторожно отпустил ее руку, а затем обратился к Беледу:

– Лейтенант Томов, рад знакомству. Какое приветствие предпочитаете? Удар в лицо, рукопожатие или теплые дружеские объятия?

Он распахнул руки в стороны. Их размах гораздо превышал его рост, так что Бард и вправду мог обнять феклита через стол. Этот жест помог разрядить обстановку, и Белед наконец успокоился, принял менее угрожающую позу, произвел приветствие и протянул руку. Их ладони сцепились прямо перед лицом Кэт-два. Она даже слышала, как хрустнули косточки пальцев: это они проверяли силу друг друга. Тэ наблюдал издали

с непонятным выражением, поскольку стоял к Кэт-два изуродованной стороной. Тем не менее ей показалось, что происходящее динайца забавляет, хотя, возможно, в некоторой степени тревожит.

Тэ поймал взгляд Кэт-два, покачал головой и хмыкнул.

– Надеюсь, я не слишком нарядно одет, – заметил Бард, когда они с Беледом наконец расцепились. – Знаете, когда бываешь в Колыбели, трудно не переборщить с костюмом.

– И часто тебе приходится здесь бывать? – спросил Тэ.

Ясное дело, замечание Барда было затравкой для разговора. Тэ, благодаря социальным инстинктам динайца и бармена, мгновенно включился в беседу.

– Удивительно, что мы ни разу до этого не пересекались, – ответил Бард, обращаясь к Тэ, но краем глаза наблюдая за Кэт.

Только после того, как она заняла одно из свободных кресел, он позволил себе опуститься в свое.

– Обратил внимание, что у тебя разливают кое-что с поверхности, – сказал он, поднимая пустой бокал. – Кстати, спасибо за пиво.

– Всегда пожалуйста, – ответил Тэ.

– Я почти всю жизнь прожил на поверхности, – пояснил Бард. – Мои сородичи выращивают виноградники. Мы делаем вино. Наши основные покупатели – рестораны в Колыбели, хотя ящик-другой попадает и в частные погреба на Большой Цепи.

– Что ж, вот одно объяснение, почему мы не встречались.

Кэт поняла это так: «Воронье гнездо» не может позволить себе такое дорогое вино. Однако Бард хитро прищурился и спросил:

– А что, Тэ, есть и другое?

– А где ваши виноградники? – вмешался Белед. Затем, запоздало поняв, что прозвучало резко, добавил: – Если не секрет.

– Нет, конечно, – ответил Бард. – На Антимере. Прямо у демаркационной линии.

Кэт лишь в самых общих чертах знала, что это за место: архипелаг в форме полумесяца в умеренных широтах между Алеутскими и Гавайскими островами, образованный кромкой ударного кратера. Некоторые островки были довольно крупными, самый большой располагался точно на антимеридиане: 180° к востоку или к западу от Гринвичского нулевого (отсюда и название). Остальная часть архипелага простиралась к востоку, вплоть до 166°30' западной долготы. На этой же долготе находился один из барьеров на кольце, построенных аидьянами, – западный конец маршрута, по которому перемещалось Око, и, соответственно, граница между

красными и синими. Поскольку это была точка посреди Тихого океана, который, несмотря на старания Каменного Ливня, так и остался бескрайним водным простором, сухопутную границу там провести было нельзя. Однако меридиан 166°30' проходил и через Берингию – регион, соединявший Аляску с восточной оконечностью Сибири. Таким образом, сухопутную границу провели там и по более благоприятному с климатической точки зрения Антимеру в нескольких тысячах километрах точно на юг. Это и была упомянутая Бардом «демаркационная линия». Все, кстати, обратили внимание, как тонко он умолчал о том, на чьей стороне находились их виноградники. Граница была размытой. Людей на Новой Земле настолько мало, что следить за ней незачем. А если взять более длинную сухопутную границу, проведенную через всю Азию по меридиану 90° восточной долготы, под Даккой, то ее и вовсе мотало туда-сюда – мимо кратеров, Гималаев и прочих препятствий.

Если вкратце, из слов Барда можно было заключить примерно следующее: его «сородичи»-неондерталы спустились на Землю, как только на ней стало возможно жить. Они могли быть и выскочками, как Тюратам Лейк, но, если брать в расчет расу, более вероятно, что их десантировали, чтобы застолбить Антимер – весьма привлекательный клочок суши. Большая часть Антимерского архипелага лежала на территории красных, и он был ценным приобретением. Впрочем, часть его все-таки была со стороны синих, и те при желании вполне могли обустроить там плацдарм, откуда совершали бы вылазки на запад, если бы договор так и не подписали. Следует помнить, что все это происходило в годы Войны-в-Лесах. В ходе мирных переговоров красные всячески пытались отхватить себе весь Антимер, что узаконило бы выход на восток за демаркационную линию, а заодно избавило бы от занозы в боку. Однако вопрос так и остался спорным. Будь там больше людей, эту территорию объявили бы демилитаризованной зоной, нейтральной полосой или еще чем-нибудь – в «холодную войну» сочинили массу подходящих терминов. Несмотря на зыбкость ситуации, существовало негласное соглашение не делать друг другу пакостей. При этом обе стороны активно строили военные поселения и экспедиционные базы – так, для наблюдения. Следовательно, неондерталы могли обосноваться там в таких количествах, только если их отправили туда в составе военных отрядов и разрешили взять семьи. Когда истек срок службы, они отказались вернуться в свои тесные орбиталища и расселились по местности, весьма, надо сказать, приятной для жизни. Чиновники красных закрывали глаза на это явное нарушение договоренностей, видимо, сочтя, что таким образом неондерталы только

укрепят позиции своей страны на архипелаге.

Само по себе неандертальское наследие было высосано из пальца, однако все, поддаваясь общему историческому заблуждению, так или иначе воспринимали его всерьез. Аида и ее более кровожадные потомки, наверное, рассчитывали, что такая легенда внушит страх или хотя бы уважение перед боевыми талантами этой малой расы. Некоторые неондерталы пользовались этим, однако большинство предпочитали восстановить «историческую справедливость» и представляли неандертальцев предками европейцев, более высокоразвитыми (их мозг был гораздо крупнее, чем у «современного» человека), артистически одаренными и миролюбивыми. Неондерталы, вхожие в научные круги, устраивали по этому поводу конференции. Более приземленные соплеменники старались воплощать эти установки в жизнь. И лучшего места, чем Антимер с его умеренным, почти европейским климатом, было не найти. Так что вполне правдоподобно, что неондерталы, попавшие на Землю в составе штурмового отряда, через пару поколений развели виноградники, а из винограда стали делать вино на продажу. А поскольку основные покупатели – это ценители роскоши, гурманы и дорогие рестораны Колыбели, клану для деловых переговоров был необходим человек ухоженный, воспитанный и умеющий носить костюмы.

Вот такая приблизительно картина сложилась в голове Кэт-два, а также, вероятно, у Тэ, Беледа и остальных. Колом, однако, по-прежнему торчали две реплики: замечание Тэ «Что ж, вот одно объяснение, почему мы не встречались» и реакция Барда «А что, есть и другое?». Бармен пытался поставить рассказ Барда под сомнение? Ариана смотрела на неондертала явно недружелюбно. Но чего взять с джулианки: она везде и во всем ищет подвоха.

Тэ, похоже, тоже это заметил. Он переводил взгляд с Арианы на Барда и обратно.

Бард посмотрел на селенца и улыбнулся, обнажив ряд пожелтелых эмалевых валунов, торчащих из верхней челюсти.

– Уверен, за то время, которое наша Семерка проведет вместе, мы с Тюратамом расскажем вам немало захватывающих историй о том, что пережили наши предки и родственники на поверхности за прошедшие десятилетия.

Вопрос, однако, остался без ответа. При этом Бард изящно перевел стрелки на Тюратама Лейка, намекая, что в его биографии, пожелай он ей поделиться, темных мест не меньше. Да и вообще, что это они так привязались к неондерталу, когда и у остальных членов Семерки в

прошлом не все чисто?

Ариана откинулась на спинку кресла и притворилась, будто разглядывает маникюр. Разговор не удовлетворил ее ни на йоту. Кэт-два попыталась поставить себя на место джулианки: каково это – увидеть, что создание, специально выведенное горсткой безумцев для того, чтобы убивать голыми руками, настолько искушено в светских беседах?

– Я – тот, кто я есть, – сказал Тэ.

– В смысле? – спросила Ариана.

– Бармен. Всегда рад новым знакомствам. – Он кивнул в сторону Барда. – А также предложить гостям выпить. Кого-нибудь мучает жажда?

Никого не мучила.

– Я имел в виду напитки, – уточнил Тэ. – Что касается жажды знаний, то, думаю, она обуревают всех.

Доку это понравилось.

– Ты говоришь о знаниях вообще?

– Если бы меня интересовало чистое знание, я бы, пожалуй, жил где-нибудь на Стромнесе, копался в записях, – ответил Тэ. – Нет, меня больше интересует практическая сторона.

– То есть ты хочешь знать, зачем мы здесь собрались, – подытожил Док.

Тэ счел такую постановку вопроса грубой и изогнул шрам, на месте которого когда-то росла медового цвета бровь.

– Если вы пожелаете поделиться с нами этими сведениями, я с удовольствием выслушаю. И даже если нет, я все равно не против принять участие в вашем предприятии. В разумных пределах, конечно.

Док посмотрел на Ариану. В голове Кэт-два завертелись шестеренки. Итак, Ху Ной уступает ведение совещания Ариане. Говорить, что она главная, пожалуй, чересчур, но вполне может напрямую подчиняться настоящему руководству.

– Большая часть операции будет проходить на поверхности, – сказала она. – Об этом все уже, наверное, догадались, поскольку мы, вопреки обычной процедуре, привлекли к работе селенцев, – она повела глазами в сторону Тэ и Барда, – и экспедиционников, – она кивнула на Кэт с Беледом.

Тэ снова хмыкнул, видимо, намекая, что едва ли человека вроде лейтенанта Томова можно всерьез принять за сотрудника отдела экспедиций. Ариана холодно посмотрела на него, мол, все замечания при себе, затем продолжила:

– И, конечно же, мне не нужно объяснять, как крепко связаны с Землей Док и Меми.

Все заметили, что Ариана не упомянула себя, но даже если она сделала это намеренно, то виду не подала. Каждый, таким образом, мог строить свои догадки о том, где она служила и какова ее связь с поверхностью.

– Секретность крайне важна. Именно поэтому мы покинем Колыбель и будем перемещаться в атмосфере или по земле.

То есть на самолетах, наземном транспорте, но не на ракетах, бола или гигантских кнутах Эйткена-Кухарски.

– Покидать Колыбель и возвращаться на нее мы будем, по возможности, через подземные переходы на платформах.

– И когда будет... – начала Кэт-два.

– Каямбе, – перебила ее Ариана. – Через два дня.

– Мы отправимся с Каямбе в Берингию по поверхности?

Тэ и Бард с интересом взглянули на Кэт.

– Я ничего не говорила про Берингию, – заметила Ариана.

– Но это же очевидно, – сказала Кэт. – Именно туда отправляли нас с Беледом и кучу других людей. Там я увидела то, что увидела и о чем рассказала Беледу. Мы ведь поэтому так торопимся, да?

– Данную операцию готовят уже несколько лет. Но ты не так уж далека от истины.

– Тэ родом из тех мест. Это понятно по его акценту. А Бард с юга, с Антимера, – продолжила свои умозаключения Кэт.

– Да, от платформы Каямбе мы направимся на север, – подтвердила Ариана.

– Путь неблизкий, мягко говоря, – уточнил Тэ.

– Нам не запрещено пользоваться воздушным транспортом, – напомнила джулианка.

– Если у нас будет большой планер, – вставила Кэт-два, – то достаточно поймать подветренную волну над Андами, Сьерра-Невада и Каскадными горами, и мы доберемся до места за один-два дня.

– Могу всех уверить: такой планер у нас будет, – сказала Ариана.

Дно Колыбели, если смотреть с экватора, было плоским и очертаниями напоминало яйцо, направленное острым концом по ходу движения: с востока на запад. В гладкой поверхности то тут, то там проглядывали небольшие люки, тщательно спроектированные выступы, отверстия и так далее. Все они были связаны с асимметричным устройством города наверху, что предполагало наличие четкого плана.

В некоторых точках на экваторе пространство расчистили и

выровняли, затем выложили плитами армированного бетона. По размеру, очертаниям, расположению люков и отверстий они целиком совпадали с дном Колыбели. Когда Око оказывалось точно над такой плитой, Колыбель аккуратно опускалась и проводила на платформе несколько часов или даже дней. В это время разгружали и загружали припасы, производили еще какие-то операции. Надолго, впрочем, она никогда не задерживалась, поскольку должна была следовать за Оком, у которого всегда были важные дела дальше по кольцу.

Если бы во время такой стыковки из леса вышел путник, ничего не знавший о кольце на орбите, тросах, и прочая, и прочая, он принял бы Колыбель за обычный – то есть неподвижный – город. Только ведерная ручка поверх подсказывала, что что-то здесь не так, а в остальном он выглядел как укрепленный замок на холме.

Вокруг некоторых, наиболее удачно расположенных платформ возникали так называемые «пригороды», которые оживали, когда внутри останавливалась Колыбель. Многие производили впечатление военных баз, научных комплексов, рабочих поселков – чем, по сути, и являлись. Изначально планировали, что со временем подобные поселения появятся по всему экватору, как отражение обитаемого кольца, а когда Новую Землю откроют для всеобщего заселения, они станут основой крупных городов. Однако сейчас, за многие столетия до ожидаемого «пика величия», эти места вызвали смешанные чувства: как будто гуляешь по стройплощадке, на которой только залили фундамент и наметили пару стен. Море возможностей для строителей и просто мечтателей, запустение для остальных.

Первыми платформами стали Каямбе и Кения, построенные, соответственно, в Южной Америке и Африке. В каждой из них проживало с десятков тысяч человек.

Каямбе получила свое название в честь вулкана в Андах на пересечении с экватором. Давным-давно здесь была территория Эквадора. Вулкан, конечно же, серьезно пострадал во время Каменного Ливня и даже начал извергаться, но последние веков семь дремал. Тем не менее платформу Каямбе построили на безопасном удалении от наиболее активных жерл. Зато вершиной вулкана, снова покрытой снегом, можно было любоваться из окон Колыбели, обращенных в нужную сторону.

Окна башни, где располагалось «Воронье гнездо», выходили почти во все стороны, поэтому Тюратам Лейк, протирая стаканы за стойкой бара, видел в просвете между двумя кранами, как на горизонте возникла вершина вулкана, а затем будто бы устремилась вверх – это они опускались

на платформу. По всей Колыбели и городу-кольцу, который виднелся за ветровыми щитами, завывали сирены. По привычке Тэ заткнул полотенце в карман брюк, а рукой ухватился за стойку бара. Дно Колыбели и поверхность платформы были спроектированы таким образом, чтобы воздух, который окажется между ними, на последнем метре посадки выполнял роль подушки, после чего выходил бы через вентиляционные отверстия по периметру Колыбели. Из-за этого финальная фаза стыковки сопровождалась ревом воздуха и клубами конденсата, уходящими в голубое небо над Андами. Колыбель слегка качнулась, стаканы и посуда во всех сервантах откликнулись тонким звоном.

Вой клаксонов и рев воздуха стихли одновременно. С мощеных улиц Капитолийского холма сквозь приоткрытое окно донеслись привычные аплодисменты. Тэ опустил взгляд на часы. Политики и генералы отвлеклись от завтрака, чтобы посмотреть на посадку и полюбоваться силуэтом вулкана Каямбе, но теперь снова склонились над тарелками и продолжили разговор. На ближайшие двадцать четыре часа Колыбель стала самым крупным населенным пунктом на поверхности Новой Земли. Ветровые щиты, закрывавшие город во время полета в атмосфере, стали похожи на крепостные стены, которые в древности служили для защиты, теперь же представляют собой туристическую достопримечательность и отделяют исторический центр от жилых районов.

Все восемь ворот, которые вели из Колыбели, охранялись сотрудниками Карантина, но их функции ограничивались лишь наблюдением. Прилеты Колыбели были такими редкими и краткими, что, если останавливать, досматривать и допрашивать каждого посетителя, времени на визит уже не оставалось бы.

Благодаря таким послаблениям от ближайших ворот до «Вороньего гнезда» можно было дойти в среднем за девять минут. Первый запыхавшийся посетитель появился в баре через семь и заказал пиво. Его Тэ не признал, но следующие двое, вошедшие через полминуты, были знакомыми. Всего за пятнадцать минут бар заполнился, тут были как постоянные посетители (из Колыбели и с платформы Каямбе), так и случайные прохожие. Подчиненные Тэ, привычные к таким наплывам, начали открывать дополнительные залы. Через черный ход пришли еще повара, достали заготовки блюд со вчерашнего вечера.

Иными словами, все шло по накатанной, и Тэ это нравилось. В каком-то смысле, способность «Вороньего гнезда» справляться с наплывом посетителей во время стыковки без контроля со стороны начальства — личная заслуга Тэ. Он перепробовал все должности в заведении: от

уборщика и далее, – и со временем научился подбирать более способных, поручая работу им. Иными словами, он перешел на следующий уровень ответственности, но при этом регулярно мыл полы и протирал стаканы, чтобы не терять хватки и контакта с персоналом. Его же настоящей работой – тем, за что ему платили Хозяева, – было слушать и наблюдать, как ведут себя люди самого разного образа жизни и профессий, мелькающие здесь изо дня в день.

При необходимости он умел повлиять на их поведение. Кого-то он мог выставить за дверь, кого-то – приструнить, причем делал это с юморком и так деликатно, что никто не возмущался. Даже если вдруг посетитель не привык к заведениям такого рода, благодаря Тэ он чувствовал себя здесь как дома. Все перечисленное было так же необходимо для работы бара, как уборка, и подчиненные Тэ справлялись с этим не хуже. Иными словами, Тэ превратил «Воронье гнездо» в настолько отлаженный механизм, что мог пропасть на несколько недель, а порой даже месяцев, без негативных последствий. Бывало, «отпуск» приносил больше пользы, чем вреда: по возвращении он замечал, что в его отсутствие кто-то из сотрудников проявил лидерские качества и явно прибавил в эффективности. Тэ нисколько не сомневался: уйди он из бара навсегда, ничего страшного не случится. Поступать так он, впрочем, не собирался, поскольку это был в буквальном смысле его дом: он занимал квартиру окнами во внутренний двор. Да и Хозяева хотели, чтобы он остался. А Хозяева были чуть ли не единственными представителями человечества, чье мнение было Тюратаму Лейку небезразлично. Ему даже намекнули: можешь отойти от дел хоть на год – «Вороньему гнезду» это только на пользу, поскольку когда вернешься, то свежим взглядом тут же увидишь, что еще можно изменить в лучшую сторону.

Тэ подозревал, что истинная ценность заведения заключалась вовсе не в прибыли – обычно она была близка к нулю, если вообще не уходила в глубокий минус. Каждый месяц Тэ сводил бухгалтерские отчеты на одном листе бумаги, который затем в «Укромном уголке» передавал представителю Хозяев. Никаких комментариев. От силы раз в год ему задавали вопрос по какой-нибудь графе – и то для проформы, мол, мы все читаем. При этом Хозяева по-настоящему дорожили «Вороньим гнездом»: отчасти как культурным объектом, отчасти потому, что так они получали доступ к информации о жизни, мыслях и поступках важных людей, которую можно было вывести только в баре.

Он не тратил время на долгие прощания, особенно с коллегами, дабы не натолкнуть их на мысль, что происходит нечто из ряда вон выходящее и

Тэ сомневается в способности подчиненных в его отсутствие удержать заведение на плаву. Поэтому он бегло обменялся взглядами, а также перекинулся парой слов и анекдотов с несколькими выдающимися горожанами и гостями с Каямбе – так, для виду, – затем вытащил полотенце из кармана, вытер руки и кинул его в полотенцепровод. Задержался на мгновение, чтобы убедиться, что его не заело. Впрочем, такого никогда не случалось. Наконец Тэ протиснулся мимо стойки и подошел к столу, где Ариана, Кэт-два и Белед доедали свой плотный завтрак. Тарелки их были пусты. Сам Тэ перекусил на скорую руку с час назад; он всегда так делал перед длительным перелетом.

– Не волнуйтесь, все уберут, – сказал он.

Мойринка и феклит ответили дежурным «спасибо», Ариана же пронзила его взглядом и молча кивнула. Тэ утомляла дотошность джулианки, но проникать в запутанный ход ее мыслей не хотелось. Эта Ариана наверняка подняла свои связи в разведке, навела справки о нем и о Хозяевах и теперь делала выводы – скорее всего, неверные, – о том, что побудило его бесплатно кормить и поить членов Семерки. Тэ ни на минуту не сомневался, что Ариана – разведчица. За войну он их повидал немало и знал, как они работают.

Семерка к этому времени уже неплохо ориентировалась в «Вороньем гнезде», однако все ждали, пока Тэ встанет и поведет их за собой. В конце концов, это его заведение. Но даже если бы они были где-то еще, ничего бы не изменилось. Все оттого, что динайцы – прирожденные лидеры. А вот расовой ролью Беледа было держаться позади, прикрывая тыл. С одной стороны, врожденная вежливость и дисциплина обязывали его говорить остальным «после тебя», с другой – так он имел возможность дать отпор противнику, если бы тот напал со спины.

Тэ шел решительно, чтобы никто из уже напившихся членов Палаты коммерсантов Каямбе не успел к нему примотаться. Они быстро проникли в еще не открывшуюся часть бара и оттуда по извилистым лестницам, по которым Беледу приходилось протискиваться чуть ли боком, направились вниз к треугольному дворику в центре блока. Тропические цветы яхонтами горели на фоне заснеженных Анд. Рядом с большими воротами на улицу их ждали четыре такси. Пока Колыбель была в воздухе, четырехколесный транспорт на ней практически не встречался, но во время стыковки с платформой узкие улочки мгновенно заполняли разнообразнейшие колесные средства, которые только могли на них втиснуться. На одних перевозили товары: доставку с Ока на поверхность либо продукты с Новой Земли в Колыбель. На других пассажиры разъезжались по делам в

пригороде и его окрестностях.

В одном такси уже сидели Док и Меми: на крыше были закреплены чемоданы с медицинским оборудованием, а рядом топтался хват, готовый бежать следом. Во второе такси забрался Бард и постарался сделаться незаметным. Неондертал мог быстро привлечь лишнее внимание, чего Ариана, очевидно, не хотела. Именно поэтому его держали взаперти в отдельной комнате. Ариана села с Бардом. Белед занял третье такси: все молчаливо согласилось, что так будет удобнее всем. Тэ и Кэт-два погрузились в последнее.

Док с Меми тронулись первыми. Через несколько минут сигнал отправляться подала Ариана. Тэ нетерпеливо ерзал на сиденье, задевая Кэт-два. Поскольку такси были рассчитаны на улочки Колыбели, внутри было тесновато.

– Зачем это все? – спросила Кэт-два – просто так, чтобы не молчать, потому что оба и так прекрасно знали ответ.

– Кorteж из четырех автомобилей, которые одновременно покидают «Воронье гнездо» и не возвращаются, – слишком заметно, на ее взгляд, – ответил Тэ.

– Хотя бы никто не отстанет, – отозвалась Кэт.

Наклонившись пониже, она посмотрела из окна на небо за городом. В кабину проник луч солнца и заиграл желтыми искорками на радужке ее глаз. Глаза у нее были зеленовато-коричневые, а не ярко-желтые, как у кошки, чем отличались некоторые мойринцы, в том числе ее предки. Она чувствовала на себе взгляд Тэ, но не подавала виду, и это ему нравилось. Ее вниманием, естественно, завладела петля Эйткена, к которой они, собственно, и направлялись. Если, конечно, она еще работает. Впрочем, будь это не так, Кэт-два бы отреагировала. Петля вздымалась из подземного бункера для цеплетов, который располагался на задворках города, среди ангаров и цехов обслуживания аппаратов, предназначенных для полетов над Андами.

– У тебя все есть? – спросил Тэ. – День будет долгим.

– Пролетит незаметно, – возразила Кэт-два. – Я же буду занята. А вот тебе, наверное, будет скучно сидеть без дела. Книгу захватил?

– Для меня люди – книги. Но я захватил парочку обычных, на случай если все заснут.

При слове «заснут» Кэт-два нахмурилась, видимо, вообразив, что это расистский выпад в адрес мойринцев. Тэ и не думал, что невинную шутку можно так истолковать, поэтому поспешил добавить:

– Досадная привычка, многие ей страдают.

Ариана, видимо, сочла, что кортеж из двух не так подозрителен, поэтому Белед и Тэ с Кэт-два отправились одновременно, лавируя по запруженным прохожими улицам. Эту часть пути быстрее было бы преодолеть пешком, но, как только они выехали через транспортные ворота на улицы Каямбе, стало значительно просторнее, а дороги там были проложены специально для колесного транспорта. Тэ не помнил, чтобы здесь было так пыльно, а может, просто сейчас он смотрел на все глазами туриста. Зажиточные жители Колыбели сочли бы здешних разномастных роботов чрезмерно большими и неуклюжими, а местных жителей – дикарями, которые вдруг выбились в люди. Точно так же они смотрели на Тэ и его соплеменников. У людей, которые остались на обитаемом кольце, терпеливо ожидая, пока Док или кто-то из его последователей не перережет ленточку и не откроет Новую Землю для заселения, выскочки и селенцы вызывали неоднозначную реакцию. С одной стороны, их считали пронырами и авантюристами. С другой – неотесанными провинциалами. Тэ сызмальства научился вести себя и так, и эдак. Кто-нибудь с кольца, принимающий тебя за наивного простака, много чего выболтает, прежде чем поймет, с кем имеет дело, а тот, кто ждет, что ты будешь крутить, быстро потеряет бдительность, стоит только начать вести себя открыто и честно.

Если взять побольше автономных крылатых цеплетов, соединить их и запустить в воздух, получится замкнутая петля из самолетиков, которая будет вращаться в вертикальной плоскости благодаря подъемной силе, генерируемой каждым звеном цепи. Иными словами, «эй-став». Слово настолько вошло в обиход, что над его происхождением уже никто не задумывался. Возможно, изначально это был «эйр-став» (от английского *air* – «воздух»), но звук «р» впоследствии выпал, а может, какое-то сокращение от «Эйткенов состав». Эй-ставы обычно фиксировались на земле и постоянно проходили через определенную точку, но, в принципе, могли свободно перемещаться по воздуху – такую технологию способен родить только безумный гений-джинн (есть такая подраса аидян), и потому пользовались ей исключительно красные.

По дороге к эй-ставу они почему-то сделали большой крюк, объезжая ангар с буквой Q на крыше. Видимо, очередная задумка Арианы. Такси встретились у строения без вывесок на краю военной зоны. «Еще не армейское, но уже не экспедиционное», как охарактеризовал его Тэ. Людей не было, только два специальных хвата поддерживали крылья крупного планера, рассчитанного на десять человек. В самый раз для семерых, думал

Тэ, пока не увидел, что тот наполовину загружен какими-то загадочными ящиками.

Кэт-два медленно обошла планер, затем поднялась на борт, задвинула за собой дверь и проползла в головную часть, где ей предстоит провести весь полет лежа на животе. Все вежливо отвернулись, пока она подключала мочесборник. Перед ней было панорамное стекло больше метра в диаметре, служившее также носовой оконечностью планера. Белед с Бардом сели на заднем ряду у противоположных окон. Док занял место впереди, у прохода, откуда открывался хороший вид на Кэт-два и горизонт. Ариана захватила сиденье по другую сторону от прохода, а Меми села на том же ряду у окна. Тэ остались места в середине. Он уже заметил, что Ариана всегда стремилась оказаться рядом с Доком. Если бы он был склонен к зависти или долгим беседам с выдающимися учеными, его бы это раздражало. Но поведение Арианы было скорее забавным. Интересно, когда же Док отгонит ее, чтобы в конце концов нормально пообщаться с остальными?

Планер разворачивался: вероятно, Кэт-два приказала хватам куда-то его отвезти. Спустившись по пандусу, они оказались в подвале, кишевшем цеплетами. Вокруг шумно сустились тысячи одинаковых роботов, но этот хаос подчинялся определенной логике: как будто смотришь внутрь пчелиного улья. В петле наземного базирования, вроде этой, цеплеты должны были уметь летать, поэтому их обшивали тонкими пластиковыми обтекателями. Получались тупоносые цилиндры, вроде больших патронов, слегка суженные посередине: там располагался шарнир, так что цеплет мог сгибаться в любую сторону. Каждый робот был два метра в длину и с полметра в диаметре, а весил вдвое больше крупного человека. Лежа на полу, они беспомощны, поэтому их разворачивают и передвигают хваты. Они катают их, как бочки, из-за чего напоминают стадо жуков-навозников. Цель – скатить цеплеты в канавки, где они выравниваются в одну линию и смогут соединиться в небольшие цепочки. Внутри канавок установлены ролики, чтобы цепочки могли перемещаться взад-вперед, как поезда на стрелочном узле, добавляясь к эй-ставу или покидая его в процессе работы. Система была устроена так: сначала цеплеты на большой скорости запускались вверх, а на пути вниз засасывались обратно.

Дальше было, что называется, «просто для машины – непостижимо для человека». Нос планера зацепился за хвост цепочки роботов, которая готовилась взметнуться в воздух. Цеплеты быстро разогнались, аппарат задрался вертикально вверх и вышел на свет. Хвост планера был свободен: петля Эйткена специально разомкнулась. Теперь она представляла собой

кникштель, который разгонялся все сильнее и сильнее, готовясь бросить планер высоко в небо. Тэ лежал на спине и смотрел вперед. Цеплеты выбрасывали аэродинамические стабилизаторы, чтобы кнут не изгибался. Через несколько секунд планер достиг пика и тут же отсоединился от цепи. Он летел со скоростью несколько сотен километров в час на высоте две тысячи метров. В это же мгновение цепь начала распадаться на отдельные звенья. Цеплеты, чувствуя, что они в воздухе поодиночке, открыли хвостовые стабилизаторы и превратились из патронов в бадминтонные воланы. Быстро сбросив скорость, они повернулись носом вниз и начали падать на землю. Стабилизаторы отклонились, и цеплеты закружились, как семена клена, что замедляло их падение. Вскоре все лежали на пустом участке рядом с ангаром.

Все это Тэ представлял в голове, потому что они уже улетели далеко вперед. Впрочем, эту операцию он наблюдал в своей жизни неоднократно: эй-ставы выполняли ее по несколько раз на дню. Эти же самые цеплеты – в иной конфигурации – с той же легкостью могли разогнать аппарат для встречи с бола на орбите либо поймать планер на лету и безопасно спустить его в ангар.

Первые полчаса полета желудок Тэ негодовал. Кэт-два закладывала внезапные виражи, по-видимому, ища среди воздушных потоков наиболее подходящий. Те, кто в основном летал на аппаратах с двигателем, с трудом привыкали к непредсказуемому поведению планера. Для Тэ это, впрочем, было не в новинку, к тому же он понимал, что Кэт-два просто выискивает, как бы получше войти в подветренную волну, невидимо витающую в верхних слоях атмосферы над гребнем Анд. Наконец она ее нашла: болтанка прекратилась, и Тэ с силой вжалось в спинку кресла. В ровном горизонтальном полете они двигались на север со скоростью около трехсот километров в час. Далее задача Кэт-два – с помощью сенсорного интерфейса со встроенными лидарами прогнозировать дальнейший полет и при необходимости корректировать курс, избегая завихрений и воздушных ям.

Ничего интересного не происходило, и пассажиры либо задремали, либо уткнулись в книги. За Тэ, развалившись на два кресла, сидел Белед Томов. Он отдыхал, прикрыв глаза, но взгляд его все равно был направлен в окно. Наверное, старался следить за горизонтом, чтобы не укачивало. Во всяком случае, к общению он был не расположен.

В ходе посиделок после знакомства с коллегами по Семерке Тэ удалось составить приблизительную картину задания, которое Кэт-два с Беледом выполняли в Берингии. Белед, конечно, изо всех сил пытался

поддерживать легенду о том, что он – сотрудник отдела экспедиций, но верилось в нее с трудом. Всем стало только легче, когда Док открыто обратился к феклиту по званию: лейтенант Томов.

Военные делились на три основные подгруппы, которые в обиходе называли: кнопкодавы, землеходы и змеееды. Кнопкодавом Белед явно не был. Это единственное подразделение вооруженных сил, где можно встретить айвинца или хотя бы камилита. Значит, либо землеход, либо змееед. Землеходы – что-то вроде регулярной армии – крупными соединениями дислоцируются у границ, но для них Белед был уж слишком хорошо подготовлен. Впрочем, чего только не бывает: может, он по жизни такой большой и накачанный. Но скорее всего, он все-таки змееед, то есть отличившийся землеход, которого перевели в одно из спецподразделений: козаки («контроль за соблюдением карантина»), резаки («разведка и рекогносцировка») или берсы (сокращенно от «берсерки»).

Козаки стоят в самом низу иерархии, и к ним относятся с некоторым презрением. Да, их вызывают для разгона демонстраций и подавления беспорядков, но в основном они стоят у переходов и советуют прохожим не ввязываться в неприятности. Про их умственные и моральные качества ходит немало анекдотов. Тэ даже представить не мог, за что такой может попасть в Семерку, поэтому отмел этот вариант сразу. «Разведка и рекогносцировка» подходила больше, и наверняка так оно и было, раз Белед недавно был на поверхности и выполнял вполне типичное для резака задание. В разговоре он как-то обронил, что проходил мимо РКС и наблюдал за ее обитателями: как раз этим резаки и занимались. И только телосложение Беледа мешало Тэ однозначно записать его в разведчики. Значит, оставался шанс, пусть и маловероятный, что Белед Томов – берс. Впрочем, вопреки тому, что показывают в кино, не все берсы – гора мышц. Многие из них вполне обыкновенные люди, возможно, слегка перекачанные. Берсерки не представляют собой какого-то единого корпуса, а работают в небольших ячейках, каждая из которых специализируется на конкретных задачах вроде ведения боевых действий в условиях невесомости или под водой, десантирования в капсулах или секретных операций в жилых районах. До сих пор Белед Томов не продемонстрировал каких-то особенных качеств, и, учитывая, как он борется с укачиванием, едва ли его готовили к воздушным операциям. В общем, по прикидке Тэ, Белед, скорее всего, начал землеходом, много времени служил на границе, отличился, после чего получил офицерское звание и был переведен в небольшой отряд берсов, который отвечает за разведоперации на Земле.

Из всех пассажиров не был погружен в себя только Лангобард.

Неудивительно, раз он несколько дней вынужденно провел взаперти. Тэ подсел к нему и начал расспрашивать о виноградниках его клана на Антимере. Вполне естественная тема для разговора с барменом из Колыбели, но оба прекрасно понимали, что это лишь повод. Бард, впрочем, с радостью подыгрывал и подробно рассказывал о вулканической почве, о том, как благодаря «ТерРеФорму» за последние несколько веков она превратилась из безжизненной груды булыжников в экосистему, и как его предки контрабандой провезли саженцы виноградной лозы из ботанических садов синих и красных, а потом немало помучились, как их удобрять, чтобы прижились. Между строк в этой истории читалось, что им в этом кто-то помогал – не неондерталы. Представителям этой расы провозить контрабандой растения на поверхность было бы чрезвычайно трудно даже целиком на территории красных. У синих же неондерталы вызывали подозрение одним своим видом; Карантин задерживал и обыскивал их, даже если те не были причастны ни к каким противозаконным действиям. Когда Тэ на это указал, Бард ответил «да», но при этом наклонил голову, мол, оно и понятно. Затем он объяснил, что его сородичи больше десятилетия провели на границе в полном мире и спокойствии и с течением времени выстроили добрососедские отношения с сочувствующими на синей стороне. Сначала они обменивались припасами, чтобы разнообразить рацион друг друга, затем начали устраивать пикники на природе, спортивные соревнования и прочие развлечения. Да, феклиты (здесь Бард кивнул в сторону дремлющего Беледа) держались обособленно, но вот с динайцами отношения всегда были хорошими.

Тэ не видел причин сомневаться в правдивости этого замечания, но также понимал, что Бард сказал это не просто так: он как бы намекал, что готов дружить с Тэ. На самом деле, у динайца с неондерталом было много общего. Оба – селенцы, которые нашли себе место в обществе Колыбели и при этом не потеряли связи с поверхностью: с точки зрения жителей кольца, такие связи были немыслимы, для этих двоих – вторая натура.

– Что ж, это хорошо, – сказал Тэ. – Меня воспитывали в страхе перед такими, как ты.

– Еще бы. Как далеко от границы ты рос?

Под «границей» Бард имел в виду место, где меридиан 166°30' разрезал Берингию, так же, как и Антимер на юге. Территория Сибири, к западу, принадлежала красным, в зону синих на востоке входила Аляска. Ирония заключалась в том, что Каменный Ливень воссоединил два разделенных континента, а люди снова провели по нему воображаемую границу.

– Мы кочевали, – ответил Тэ. – В отличие от вас, у нас не было законного права находиться на Земле.

Уклончивый ответ разочаровал неондертала, что сразу проявилось на его выразительном лице.

– Стоит подойти слишком близко, и нас либо арестует гарнизон синих, либо, – добавил Тэ с улыбкой, – поймают неондерталы, зажарят и съедят.

После такой безвкусной и оскорбительной шутки Бард мог сделаться врагом на всю жизнь, а мог, наоборот, понять, что Тэ знаком со всем этим не понаслышке. Использовать такой прием в беседе всегда рискованно. Однако нельзя забывать, что Тэ оказался на планере в компании шести совершенно незнакомых людей. Цель путешествия никто толком не объяснил. Планер загружен ящиками без маркировки; в некоторых из них почти наверняка оружие. Как минимум трое из Семерки (Белед, Лангобард и Тюратам) умеют им пользоваться, да и Кэт-два проходила курсы самообороны в отделе экспедиций, так что при случае выстрелить из катапульта сумеет. В общем, не время и не место для расшаркиваний и светских приличий – это вам не уважаемый частный клуб в Колыбели. Отношения необходимо прояснять сразу.

Бард, запрокинув голову, рассмеялся.

– А чего бы не уйти дальше на восток и вообще никого не бояться?

– Первые поселения выскочек не могли себя прокормить. Приходилось торговать с синими, чтобы обеспечить рацион витаминами.

– Из-под полы, я полагаю?

– Безусловно.

– И что вы давали взамен? Женщин?

Это был ответный выпад на шутку про «зажарят и съедят». Бард тоже проверял собеседника.

– Нет, наши женщины слишком страшные, – невозмутимо ответил Тэ.

– Кстати, счастливого Динина дня.

– Правда? А я и забыл.

Впрочем, неважно. Отпустив нелестное замечание о динайках, Бард должен был отдать дань уважения их еве.

– Так что, как и твои предки, мои торговали продуктами.

– Надо признать: стремление к разнообразию в еде даже сильнее, чем к сексу, – подытожил Бард.

– Именно. Поначалу мы могли предложить только свежие овощи.

– На севере?!

– Летом дни длинные, и даже в грубом пластиковом парнике можно вырастить немало. Затем, когда экосистема развилась, мы начали добывать

мясо мелких зверей, ягоды, пушнину и прочее.

– И как далеко ваши люди уходят в поисках всего этого? – вдруг спросил Бард.

Тэ понял, что он имеет в виду рассказ Кэт-два о замаскированном селенце, который прятался среди деревьев. Теперь все о нем знали.

– Настолько далеко – никогда.

В предприятии под названием «ТерРеФорм», настолько же масштабном, сколько и древнем, был маленький отдел экспедиций, который иногда считали загончиком для неортодоксальных и проблемных сотрудников. Базы экспедиционников тоже были маленькие и, поскольку зоны деятельности быстро менялись, больше напоминали временки. Базы «ТерРеФорма», напротив, как правило, крупнее и фундаментальнее. В основном их строили на островах у побережья материков. Это вполне логично с научной точки зрения, однако даже Док признавал, что настоящая причина лежала в эстетике и символизме. Генетические лаборатории располагались на обитаемом кольце, где мало места, но большая концентрация умов. Базы «ТерРеФорма» на поверхности имели более практический характер и занимали чрезмерную, на взгляд жителя орбиталища, площадь. Они сочетали в себе ботанический сад, экспериментальную ферму, дендрарий, зоопарк и микробиологическую лабораторию. Сюда для разведения и наблюдения сбрасывали небольшие образцы, черенки, популяции жуков, растений и животных, которые вывели и вырастили на кольце. После их массово отправляли в дикую природу, в соответствующие биомы. База на острове – простейший способ не дать растениям и животным вырваться из своих ареалов. Стопроцентной гарантии он, конечно, не давал, но был простым, незатратным и вполне действенным: в общем, идеально подходил для «пробужденцев».

База «Магдалина» располагалась на центральноамериканском перешейке. Она занимала крупный остров, находящийся примерно в том же месте, что и Лас-Трес-Мариас (до Ноля это – группа островов у западного побережья Мексики, немного к югу от Калифорнийского залива). Каменный Ливень соединил их и окружил скалами и рифами, так что получилось удачное место для разведения флоры и фауны, обитающей на мелководье и в приливных зонах. Отсутствие Луны означало, что приливы на Новой Земле полностью зависели от притяжения Солнца, то есть были слабее и более точно синхронизированы со сменой дня и ночи. Поскольку влияние приливных зон на экосистемы суши и моря чрезвычайно велико, на них сосредоточились лучшие умы «ТерРеФорма», и поэтому на низких

галечных берегах вокруг «Магдалины» активно множились не только рыбы, птицы и ракообразные, но и остепененные ученые. Сам Док провел здесь десять лет своей жизни, шлепая по приливным бассейнам с ведром и лопаткой в руках.

Непостижимым для Тэ образом Кэт-два удалось добраться до базы еще до заката, всего за один день. Около полудня она передала из кабины что-то о «примечательном возмущении в восходящем потоке» и о том, что есть возможность (судя по голосу, весьма для нее привлекательная) «оседлать стратосферную волну». Для Тэ все это было абракадаброй вроде «лягушиное бедро, и совиное перо, ящериц помет и слизь в колдовской котел вались»^[11]. Следующие слова Кэт, впрочем, были предельно ясны: «Держитесь крепче!» Планер рвануло так, что опрокинулись стаканы; пассажиры похватили бумажные пакетики, с потолка свалились кислородные маски. Планер тем временем взмыл в тропопаузу накапливать энергию из какой-то изумительной аномалии в верхних слоях атмосферы. Фюзеляж трещал и стонал. Через несколько часов из кабины снова слышалось невнятное предупреждение, а в следующий миг планер практически перевернулся вверх тормашками и спикировал к подернутым легкой рябью водам Тихого океана. Так они покрыли разом несколько сотен километров – гораздо больше, чем рассчитывали изначально. Теперь главной трудностью было сбросить скорость и приземлиться в «Магдалине», не оставив после себя кратер.

На базе был ангар с цеплетами, но петля в данный момент не работала, да и зачем ловить где-то летающую цепь, когда неподалеку есть вполне обычная взлетно-посадочная полоса. Раздался мощный гул: это включилась пара турбин в днище планера. Они засасывали воздух, генерируя электричество, которое затем накапливалось в аккумуляторах. Во время следующего полета турбины можно запустить в обратном режиме и получить реактивную тягу для разгона. Такой маневр, в общем-то, необязательный, позволял замедлиться и был знаком уважения к следующему пилоту. Стояла низкая облачность, и, как завершился полет, никто из пассажиров не видел. Когда планер наконец вырвался из циклона, под ним уже была «Магдалина», подсвеченная заходящим солнцем. Море приобрело лиловый оттенок; над подводными рифами возникали тонкие дуги пены.

Док пересел поближе к окну и смотрел на места, по которым ходил в молодости. В кабине вдруг стало тихо: все слушали, как он комментирует различные постройки на берегу. Для Тэ все они были на одно лицо: что-то там из пластика и рыболовных сетей, окруженное штакетником. Впрочем,

авторитет ученых это не роняло: как он сам говорил Лангобарду, его предки-выскочки выживали с гораздо менее развитыми технологиями. При этом вольеры, дендрарии и сады, разбросанные по западному склону «Магдалины», уже больше соответствовали тому образу «ТерРеФорма», который складывался в голове стороннего человека, а здания за аэродромом были частью вполне сносного города – не хуже других, что можно встретить на поверхности. Пологие спуски, лестницы и длинная извилистая дорога вели к гавани, где были пришвартованы штук восемь крупных судов, большой парящий ковчег и несколько лодок поменьше. На последнем заходе пассажиры немного насладились панорамой прибрежной части, затем все это скрылось за холмами.

Само приземление было совсем скучным: Тэ даже показалось, что Кэт-два включила автопилот. Планер коснулся земли единственным колесом в днище фюзеляжа. Когда скорость упала настолько, что он начал крениться набок, по сторонам возникла пара специальных скоростных хватов. Они бежали своим слегка жутковатым подпрыгивающим шагом и, поравнявшись с планером, подхватили его за кончики крыльев, потащили к причальным мачтам в стороне от взлетно-посадочной полосы. Кэт-два бросила управление, перевернулась на спину, потянулась и потерла глаза. Тэ не терпелось покинуть планер, но первым должен был выйти Док: снаружи уже собирался внушительный комитет по встрече.

Тэ не понимал, почему Ариана так беспокоилась за секретность в Колыбели и Каямбе, а теперь привела их в то самое место на Земле, где Дока знали все. Тэ подозревал, что это часть плана, что все продумано до мелочей – просто людям его ранга знать о них не положено. Впрочем, куда бы они там ни направлялись, нужно было где-то остановиться, и, вероятно, «Магдалина» могла считаться довольно закрытым сообществом. Да, прибытие Дока неизбежно поднимет шум, но новость далеко за пределы базы не распространится.

Около двадцати лет назад – примерно на свое столетие – доктор Ху Ной (как и у всех айвинцев, сначала шла фамилия, а потом имя: почему-то это казалось более правильным) бросил попытки объяснить более молодым коллегам, что возраст на нем практически не сказывается. Он понял: пускай себе думают что хотят, о его физическом и умственном состоянии. Главное, они в это верят и им гораздо лучше жить с этим убеждением, чем слушать объяснения, как все обстоит на самом деле. Поэтому Док решил оставить их со своими мыслями и стал искать, как извлечь из этого пользу. Иногда он устраивался где-нибудь в углу и сидел так тихо, что все забывали о его

присутствии, начинали говорить о нем в третьем лице или обращались к Мементо, как к переводчику. А когда он вдруг вступал в разговор, становилось ясно, что он не упустил ничего. Или поднимался (очевидцы потом утверждали: «вскакивал», – естественно, все было совсем не так) и уходил сам, без опоры: многие, кто не так хорошо его знал, считали это чудом. Поскольку рядом всегда была Мементо, а под рукой – хват-трость, казалось, что он с трудом стоит на ногах. Но все это просто для подстраховки. Если из-за падения можно стать инвалидом или вовсе погибнуть, то почему не опираться на хвата? А Мементо, хотя многие считали ее всего лишь сиделкой, на самом деле была скорее универсальным помощником, адъютантом – таким, грубо говоря, скотоотбойником, устранявшим с дороги Дока человеческие преграды.

За свою долгую жизнь Док много с кем общался. Какие-то беседы были столь интересными, что он помнил их до сих пор, даже спустя сто лет, другие – нет. В молодости он терпел их, считая неотъемлемым элементом своей работы, – такой вмененный налог за то, чтобы оставаться частью цивилизованного общества. Разменяв сотню, он от этого налога отказался. Теперь Док принимал участие, за исключением редких разговоров с близкими друзьями и родственниками, только в действительно важных беседах, и это значило, что у разговора должна быть цель. Мементо держала в голове список всех людей, с которыми Доку действительно было интересно, а остальных умело отшивала, как правило, ссылаясь на возраст. Список этот постепенно менялся, и нередко люди, даже очень важные и высокопоставленные, вдруг осознавали, что больше в него не входят. Написан он был только раз: двадцать лет назад, когда Док и Меми обсуждали условия сотрудничества. Она заучила все фамилии, а перечень уничтожила. Существовал он теперь только в ее голове – даже не у Дока. Из исходного набора в нем осталось, пожалуй, не более десяти процентов. Многие попросту умерли. Других Меми вычеркнула, причем почти всегда без явного приказа со стороны Дока. Она присутствовала при каждом разговоре под предлогом, что может потребоваться медицинское вмешательство. На самом деле она следила за ходом беседы и состоянием Дока: только не за тахикардией или временем действия препаратов, а за скукой. Первые лет десять он встречался с ней глазами, пока собеседник отвлекся, и этого хватало, чтобы человек покинул список. Теперь даже в этом не было необходимости. Во многих случаях Меми исключала людей самостоятельно, и Док сперва считал, что она превышает свои полномочия, но, подумав, понимал, что она среагировала быстрее, и соглашался с ее решением.

Работа в Семерке требовала определенных послаблений в системе. Кроме Кэт-два, в списке Мементо никто не значился. Док вообще интересовался людьми вроде Кэт, потому что им было что рассказать. Остальные – чужие. Претензии Арианы Касабланкиной на роль привратника вызывали снисходительную улыбку. Она принимала личину Меми за чистую монету. Не будь та камилиткой, наверное, ревновала бы к узурпаторше. Но характер у нее был неконфликтный, к тому же с Доком ее связывал договор пожизненного найма, все равно что платонический брак, так что Ариана казалась ей не более чем назойливым насекомым.

Но в обычных ситуациях система работала великолепно. Сейчас, к примеру, у планера столпились высокопоставленные представители «ТерРеФорма», приготовившиеся утомлять Дока церемонией приветствия. Не то чтобы они были неискренни, просто их порыв оказать гостеприимство самому Ху Ною сопровождался корыстными целями и чаяниями. Да, кто-то, возможно, просто хотел фото на память, но требовал этого слишком грубо. Другие хотели получить от Дока оценку своих трудов, незаслуженно раскритикованных коллегами. Были среди них и те, кто замешан в подковерных интригах внутри «ТерРеФорма» – эти надеялись получить вес, продемонстрировав, что они с Доком на короткой ноге. Все эти стремления вполне закономерны и оправданы, вот только, с точки зрения Дока, были пустой тратой времени – еще одно проявление налога, от которого он отказался.

Напоминать об этом Мементо не было нужды. Она вышла из планера, а Док смотрел, как приветствующие столпились вокруг нее, склонившись пониже, чтобы расслышать ее тихий голос, морщили лбы и с преувеличенной серьезностью кивали, узнав, что Ху Ной очень устал с дороги. В какой-то момент она указала в сторону планера, и все как один повернулись к иллюминатору, за которым виднелось лицо Дока. Он вяло махнул рукой, все заулыбались и изобразили расовые приветствия: большей частью айвинские и мойринские. Как только с формальностями было покончено, Док «вскочил», опершись на ручку своего хвата, и прошел к двери. Постоял в проеме, подождал, пока все сделают снимки, и с показным усилием спустился по трапу. Затем он пошел по аэродрому, и вся делегация последовала за ним, окружив его широким облаком, но светской болтовней не утруждала. Ариана держалась прямо за плечом Дока, остальные же тащились чуть поодаль. Никто не обращал на них внимания. Хотя бы в этом джулианка не ошиблась: для сотрудников «Магдалины» прибытие Ху Ноя стало такой сенсацией, что затмило собой даже появление неондертала.

Меми отклонила все приглашения и прочие проявления гостеприимства, и Док отужинал у себя в комнате в обществе одной Арианы. Она просто купалась во внимании. Завтра все изменится, и ей придется отвыкать. И в самый критический момент – а для джулианки это действительно будет кризис – она вспомнит этот ужин и поймет, что на самом деле он был прощальным подарком. И что бы ей ни нашептывали многочисленные внутренние голоса, от правды не уйдешь.

Док спросил о ее молодости в Астрахани – небольшом орбиталище, почти целиком джулианском, на 48°6′ восточной долготы, прямо посреди динайской части кольца. Необычность расположения объяснялась тем, что Астрахань возникла в результате видения (или видения – и так, и так верно) джулианина по имени Томак. Он построил эту квазирелигиозную обитель целиком на пожертвования. Тогда, на заре истории кольца, орбиталище в 3°6′ от Багдада – крупной столицы – действительно казалось логовом отшельников. С тех пор, конечно же, динайский сегмент разросся, и Астрахань окружили более крупные и совершенные орбиталища. Но и обитель не стояла на месте, в ней проживало несколько десятков тысяч человек, и это давало джулианам повод подчеркивать, что их раса, пусть и малочисленная, имеет такое же стойкое представительство среди синих, как и потомки четверки. Туда часто наведывались ученые, занимающиеся америкой. Причиной тому своеобразные и показательные взгляды Томака на технологии, а изолированность Астрахани делала ее идеальным полигоном для исследований. В беседе Ариана, конечно, отмахивалась от всего, что связано с Духом, но Док полагал, это по привычке.

Потом, когда Мементо укладывала Ху Ноя в постель и готовила ко сну, он сказал ей, что с завтрашнего дня начнет ближе знакомиться с остальными членами Семерки и при этом вежливо откажется от содействия Арианы. Та бы с превеликой радостью предоставила Доку исчерпывающие досье на Беледа, Кэт-два, Тюратама и Лангобарда, снабдив их часами сплетен и слухов. Однако Ху Ной был против такой подноготной, поскольку возникал вполне очевидный вопрос: а что же тогда Ариана могла рассказать другим любопытным о самом Доке?

Следующим утром Док в центре отдыха неторопливо прохаживался по беговой дорожке, когда на ежедневную зарядку явился Белед Томов. Он застыл на пороге как вкопанный, и его удивление было до того нелепо, что даже Док, который возвел свое показное непонимание происходящего в ранг искусства, с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться над беднягой. Да и Меми, которая сидела рядом, была вынуждена закрыть лицо книгой, чтобы не видеть ошеломленную физиономию Беледа.

– А вот и лейтенант Томов, – сказал Док. – Я уж думал, ты так и не выкарабкаешься из постели.

Белед опомнился и поприветствовал Ху Ноя.

– Надеюсь, ты не обидишься, что не отвечаю на приветствие. – Док кивнул на поручень беговой дорожки. – Не могу отцепить рук.

Белед огляделся, явно в поисках Арианы. Док решил никак это не комментировать.

– Ты сначала разминаешься?

– Необязательно, – ответил Белед.

– Ах, жаль, я думал, мы прогуляемся вместе. – Док кивнул в сторону пустой дорожки рядом.

– Почему нет? Только я хожу чуть быстрее.

– Как тебе будет угодно. Именно поэтому, заметь, я не предлагаю пройтись на свежем воздухе.

Феклит разделся до трусов и вскоре бежал во весь опор по соседней дорожке: ладони напряжены, локти двигаются ритмично и быстро, босые ступни буквально парят над шершавым полотном. Хоть феклитов вывели в качестве противовеса неондерталам, генетически они уступали, поскольку создавались по лекалам современных людей, без добавления ДНК неандертальцев. Бард мог сколько угодно спать, есть и пить в любых количествах и при этом сохранял форму, а силой не уступал более крупным феклитам. Все это, конечно, в теории: никто всерьез не думал, что Белед с Бардом вступят в стычку, – но подсознательно феклиты всегда сравнивали себя с неондерталами, и это заставляло их трудиться над собой даже более усердно, чем заложено природой.

Спокойно и ровно, как будто они сидели на диване, попивая чай, Белед сказал:

– Я так и не поблагодарил вас, что отправили меня на то задание. Подозреваю, без вас не обошлось. Тогда не было возможности с вами связаться, поэтому благодарю теперь.

На пояснице у Беледа в несколько рядов шли шрамы, вгрызавшиеся в столпы мышц, обрамляющих позвоночник. Ровно посередине, аккуратно над поясничными позвонками, шел длинный вертикальный разрез – след хирургического вмешательства. Судя по всему, восстанавливали поврежденный позвоночник и, как полагал Док, укрепляли кости некими металлическими имплантатами.

– Это меньшее, что я мог сделать, – ответил Док. – А учитывая происшедшее в Тибете, я счел, что ты более всех приспособлен к... скажем так, вероятным осложнениям.

– Все-таки мы направляемся к границе.

Было ясно, что он давно об этом догадывается и лишь ждал подтверждения.

– Мы направляемся туда, куда поведет след.

Белед от удивления немного сбился с темпа и некоторое время восстанавливал скорость.

– А раз те, за кем мы охотимся, – продолжил Док, – не особо уважают границы и Договор в целом, то я счел, что в Семерку следует отбирать людей с похожим складом мышления.

– Так куда мы: в Берингию или на Антимер?

– Скорее всего, и туда, и туда. Антимер, безусловно, ближе: небольшой перелет от Гавайев, куда мы, кстати, направляемся сегодня. Но поскольку след свежее в Берингии, то, думаю, начнем с нее.

До Гавайев добрались к сумеркам на огромном транспорте, который принадлежал «ТерРеФорму»: не то корабль, не то уже самолет, он шел метрах в четырех над водой. Экранопланы такого класса назывались «ковчегами». Их разработали для доставки огромных объемов растительной и животной биомассы, выращенной на крупных базах посреди океана (таких, как «Магдалина», например), в прибрежные районы, где ее расселяют в новом ареале либо перевозят в глубь материка. Всего таких ковчегов построили десять; до сегодняшнего дня в строю осталось шесть. Их судно называлось «Мадиба», в честь мойринца-биолога из четвертого тысячелетия, которого, в свою очередь, назвали в память о Нельсоне Манделе – герое Старой Земли.

Ковчеги идеально подходили для скрытных путешествий. «Мадиба» состоял из множества разнообразно пахнущих отсеков, забитых аквариумами, коробочками с насекомыми и стеллажами, на которых стояли лотки с грунтом и навозной смесью для рассады экзотических растений. На корабле тот же путь – пять тысяч километров точно на запад – занял бы несколько дней. Пришлось бы грузить питание для зверей, чистить клетки и поливать растения. Этот же воющий и грохочущий монстр преодолевал такое расстояние за двенадцать часов. Живому грузу на это время было достаточно немного воды и легкого перекуса. Семерка буквально растворилась внутри этого левиафана.

Десятки турбовентиляторов ковчега с ревом ожили, и он пополз по гавани «Магдалины». Шум стоял такой, что все сразу заткнули уши выданными берушами и разбрелись по углам трюма, где не так воняло. Дока с Меми разместили у кабины, в небольшой кают-компании, где во

время многодневных полетов отдыхали члены экипажа. Остальные устроились кто как, лишь бы переждать, когда все это закончится.

До Гавайев руки у «ТерРеФорма» дошли поздно. Это было маленькое, своеобразное, удаленное и труднодоступное место, поэтому его оставили «на десерт», после того как запустили экосистемы основных материков. Каменный Ливень пробил брешь над этой геологически активной точкой. Спящие вулканы пробудились, и подводная гора к юго-востоку от острова, который до Ноля назывался Большим, поднявшись, превратила его в остров Покрупнее. Тысячу лет назад они соединились и вместе образовали остров Еще Крупнее. На большей его части все еще шли вулканические процессы, которые грели и отравляли почву и воздух, поэтому там «ТерРеФорму» делать было нечего. Однако на северном побережье была бухта под названием Мокупуку (в честь островка, который когда-то тут располагался), пригодная для заселения. Именно там незадолго до заката ковчег «Мадиба» совершил что-то вроде управляемой жесткой посадки, резко остановившись у небольшой базы «ТерРеФорма», такой же, как и те, что были разбросаны по всей Новой Земле.

Базы становились эпицентрами экологических землетрясений, которые новое человечество устраивало на поверхности последние три столетия. Куда-то все необходимое доставляли напрямую из космоса, куда-то – на ковчегах, которые базировались на более крупных станциях. Самые первые станции строили еще до того, как атмосфера Новой Земли стала пригодна для дыхания, и поэтому они представляли собой скопления герметичных полусфер. Более поздние сооружения, вроде этого, были гостеприимнее. Но суть работы – разведение животных, насекомых и растений – не менялась, поэтому все базы «ТерРеФорма» представляли собой нечто среднее между фермой и зоопарком, с оттенком научной лаборатории как внешне, так и в плане запахов. Люди Старой Земли, которые до научно-технической революции тысячелетиями жили бок о бок со скотом, к таким запахам привыкли. А вот пассажирам экраноплана очень повезло, что корпус не был загерметизирован и проветривался океанским воздухом.

Персонал станции составляли мойринцы, несколько камилитов и один заезжий ученый – по виду, динаец-айвинец. Несомненно, сородичи Кэт-два, прибыв сюда, впали в долгую и тяжелую спячку. Оторванные от родной среды обитания, они вплотную соприкоснулись с чужими для себя феромонами, запахами, криками и повадками растений и животных. В итоге произошел мощный эпигенетический сдвиг, благодаря которому они стали частью системы и могли работать здесь бесконечно долго. Вот что такое настоящая глухомань: это были места даже более удаленные и

недоступные, чем вошедшие в поговорки орбиталища, которые построили посреди кладбищ. Местные отличались отрешенным взглядом, что только подчеркивалось тем, что почти все были зеленоглазыми. Двигались они медленно, казалось, так же медленно соображали, но при этом реагировали на сигналы – звуки? запахи? миражи? – которые Кэт-два были вовсе недоступны.

Существование семи человеческих рас (не считая подрас аидян) создало богатую почву для всевозможных неловких ситуаций. Те несколько часов, что они провели на Мокупуку, наблюдая, как местные разгружают ковчег и смывают из шланга экскременты, показали Кэт-два вечностью. Она постоянно ощущала на себе взгляды партнеров по Семерке, в которых читался немой вопрос: как скоро с Кэт произойдут такие же перемены, если она здесь задержится? На станции сложилась своеобразная культура, которой гордились и дорожили. Она была неразрывно связана с окружением – какая там научная отстраненность! В самом деле, кому пришло в голову поселить мойринцев бок о бок с животными-эпигенетиками? Оставались ли те по-прежнему лабораторными образцами или, может, стали скотом, домашними питомцами? Кэт-два с неприязнью смотрела на такие тесные взаимоотношения между людьми и животными, а мойринцы тем временем смотрели на нее. В дредах у них торчали яркие перья птиц, которых на Старой Земле называли экзотическими. Сейчас это понятие потеряло свой смысл, потому что нынешних птиц создали люди. Основой послужили попугаи, туканы и какаду, которые обитали в местных давно сгинувших джунглях. Предполагалось, что если тогда природа наградила их ярким оперением, то оно будет полезно и сейчас. Как его теперь называть: инотическое? антропоотическое?

В общем, эти люди были безвозвратно потеряны для общества – в смысле, ни за что бы заново не прижились на кольце. Если только не решат снова впасть в спячку и откатить изменения, вызванные земным окружением. Однако все не так просто. Теоретически, мойринец может меняться сколько угодно, но стоит ему осесть на одном месте – как говорят, «остепениться» – и обратные изменения даются с трудом. Все, кто окружал сейчас Кэт-два, определенно остепенились. Они активно вступали в браки с коллегами-камититами, которым благодаря врожденной неприхотливости также не составляло труда привыкнуть к любой обстановке. Теперь они искали способы сделать это место комфортным для остальных.

Ничего плохого в этом нет. По крайней мере, так говорят жители кольца. Из вежливости. Да, ничего плохого в смешении рас нет, но полукровки остаются полукровками, и появляются они преимущественно в

неблагополучных районах. В местах, где нравы посвободнее (таких, как Чайнхэттен), примесь чужой крови даже считается привлекательной, но такие массовые проявления вызывают у обитателей кольца однозначный негатив, хоть высказывать свое отношение вслух и неприлично. Ритуалы, которыми здешние мойринцы окружили повседневные события вроде восхода солнца, приемов пищи и толкования снов, Ариане наверняка казались весьма примечательными, но Кэт-два они пугали. Впервые в жизни у нее шевельнулось чувство, которое называли «древним расизмом»: отголоски или новый виток расовой вражды. Ее считали пережитком донулевых времен, полностью искорененным и сохранившимся разве что в документальных источниках. Однако для больного сознания идеи расового превосходства по-прежнему были притягательны, и поэтому на несколько миллионов нормальных обитателей кольца все же приходился человек, который слишком долго копался в электронных архивах пятитысячелетней давности и увлекся тем, как относились к чернокожим до Ноля. По его мнению, те же доводы могли распространяться и на мойринцев, и на другие расы, кроме своей. Впрочем, особого влияния такие взгляды на жизнь людей не оказывали. Для Кэт-два это был не более чем занимательный факт из истории, как, например, бешенство или Уотергейтский скандал. И вдруг она с удивлением обнаружила, что пребывание здесь всколыхнуло в ней схожие чувства. Впрочем, это быстро прошло.

Вскоре экспедиционер внутри нее взял верх и попробовал найти логическое объяснение. Это небольшая станция «ТерРеФорма», каких тысячи. Многие из них всего лишь палаточные городки, основа для более фундаментальных сооружений. Некоторые, вроде этой, простояли десятки лет, а то и сотни. Какие-то, отслужив свое, были заброшены, другие переродились в РКС, кампусы крутых учебных заведений, исправительные лагеря или научно-исследовательские центры. На этой станции сформировалась своеобразная культура, на кольце совершенно невообразимая. Вполне возможно, что и в других местах происходило то же самое. Как часто базы «ТерРеФорма» давали начало таким культурным феноменам? Может, Новая Земля уже кишит ими? Вдруг на кромке ударного кратера размером с Ирландию на территории бывшего Узбекистана есть крошечная колония айвинцев-артистов, которые создали собственную кухню на основе лишайников? Или на останках Пиренейского полуострова обосновались гиганты-феклиты, совокупляющиеся с джулианками-мистиками? Есть ли хоть какой-то предел?..

Они приятно провели ночь в палатках на берегу, а на следующее утро

снова погрузились на почти пустой ковчег «Мадибба» и двинулись на север. Кэт испытала облегчение.

Расстояние до южного побережья Антимера было вдвое меньше того, что они преодолели накануне. Так что около полудня ковчег вошел в гавань и с мощным вздохом опустился на сверкающие воды прибой. Солнце отвесно светило на карнизы и закрытые ставнями окна военного комплекса на берегу. Сбоку пристроилась небольшая станция «ТерРеФорма» с одиноким пирсом, у которого мог пришвартоваться ковчег. Загудели, зажужжали маневровые двигатели, ковчег подплыл ближе, а дальше в дело вступили роботы-буксиры с канатами, привязанными к массивным кнехтам. Члены Семерки, ехавшие в трюме, вышли, чтобы не мешать местным сотрудникам «ТерРеФорма» и паре грузовых хватов вытаскивать оставшиеся вольеры с хищниками: разнообразными канидами, фелидами и несколькими крупными змеями. Их держали в отдалении друг от друга, чтобы они не тратили сил в дороге на демонстрацию превосходства. Те, кто имел дело с экспедициями или хоть что-то смыслил в работе «ТерРеФорма», уже поняли, почему этих зверей доставили сюда: экосистема Антимера в разы более развитая, чем на Гавайях. Здесь обитают мелкие животные и травоядные, и, чтобы не давать им бесконтрольно размножаться, требовались крупные хищники.

Гавань была образована ударным кратером почти идеально круглой формы с узким выходом в море. Со всех сторон ее окружала военная база. Откуда-то возник катер и, разрезав голубой диск воды, поравнялся с кабиной ковчега. Семерка по раскладному трапу перешла на него и без каких-либо формальностей, даже не общаясь с сотрудниками «ТерРеФорма», покинула его юрисдикцию. Полчаса спустя спутники перекусили в офицерской столовой по соседству с большим обеденным залом, а еще через час уже были в самолете – обыкновенном военном аппарате на турбореактивной тяге. Он покинул аэродром – расчищенную взрывами площадку на каменистом острове в нескольких милях от базы – и помчался на север, оставив под собой заснеженные вершины центрального хребта Антимера. С высоты было видно, что эти пики и долины не имеют ничего общего с естественными хребтами Старой Земли. Перед теми, кто сидел слева, открывался широкий вид на тысячи километров на запад. Кривизна архипелага безошибочно указывала, что это край огромного кратера, оставленного осколком Луны, который прошел по касательной в северном направлении, из-за чего кусок океанского дна, смешанный с импактитами, поднялся над водой. К югу располагался архипелаг поменьше, изогнутый в обратную сторону: это была другая оконечность

кратера, более низкая. Впрочем, этого из окон видно уже не было. Вместо этого все смотрели на запад, где за горами простирались долины. Где-то там проходила незримая граница $166^{\circ}30'$. Бард прижался лбом к стеклу и долго задумчиво смотрел на свою родину. Казалось, он различал знакомые холмы, заливы и думал о виноградниках. Затем Антимер пропал из виду, и несколько часов они летели над ровной и непримечательной гладью Тихого океана.

Дно в этой части было слишком глубоко, так что последствия Каменного Ливня в глаза не бросались. Только добравшись до материкового шельфа, километров на сто южнее прежнего побережья Аляски, они увидели, какой след оставила катастрофа. Это было отчетливо видно на полоске моря и суши сто – двести километров шириной, на мелководье перед предгорьями берегового хребта. Сама береговая линия практически не изменилась. На самом деле, прямые попадания болидов – это полбеды, гораздо разрушительнее сказались исчезновение ледников и нескончаемые цунами, которые в течение тысячелетий поднимались внутри залива. Волна, поднятая мегаударом, породившим Антимер, захлестнула даже некогда заснеженные пики и обрушилась далеко в глубь материка, а затем выкипела на раскаленных камнях. Эти вершины снова увидели снег только тысячу сто лет назад, когда началось Остывание – в частности, когда человечество с помощью кометных ядер восстановило океаны. Однако ледник формируется медленно, и пройдут тысячелетия, прежде чем он сползет в горные долины и далее в океан.

Когда это произойдет, поселению Каяк придется уйти с дороги. Оно стояло прямо на холодной реке, которая спускалась с гор и впадала в Тихий океан, на каменных обломках к западу от устья. Между морем и снегами негде было разместить порядочный аэродром, поэтому взлетно-посадочную полосу сделали в море, на понтонной плите из смеси древесных волокон и льда – иначе говоря, пайкерита. По трубам подавался охлаждающий агент, чтобы плита не таяла – несложная задача, если учесть, что температура воды и воздуха чуть выше нуля. Больше здесь ничего интересного не наблюдалось. Даже присутствие «ТерРеФорма» было минимальным, поскольку им удобнее работать с воды.

Каяку пришлось обзавестись аэродромом подскока из-за Пепельной преграды – гряды вулканов на месте бывших полуостровов Кенай и Аляска, а также Алеутских островов, которые почти постоянно извергались. Любому, кто собирался лететь на север или на юг через шестидесятую параллель на участке, ограниченном с запада меридианом $166^{\circ}30'$, а с востока – Скалистыми горами, следовало учитывать в полетном плане

вероятность того, что на пути с подветренной стороны вдруг возникнет клуб вулканического пепла, выброшенный в стратосферу одним из сотни активных вулканов. Самолеты были дóроги – дороже, чем на Старой Земле. На кольце такие большие аппараты производить было негде, поэтому их, как и ковчеги с кораблями, собирали на поверхности. Как правило, фабрики располагались на окраинах стояночных платформ Колыбели. В общем, самолеты холили и лелеяли, особенно если учесть, что турбореактивные двигатели чрезвычайно трудоемки и сложны в изготовлении. Так что в плане полета следовало предусмотреть возможность аварийной посадки на искусственную льдину у Каяка, а ту, соответственно, надо было приспособить под большие самолеты. И если изначально аэродром задумывался для экстренных случаев, то теперь превратился в узловую станцию, где приземлялись все, потому что это удобно. В любом случае, военный рейс, на котором подвозили Семерку, именно сюда и направлялся, так что пришлось сходить.

Было холодно и негостеприимно: чего еще ожидать от аэродрома, построенного на льдине? Из-за низкой облачности эти места были погружены в вечные сумерки, окрашивавшие все в оттенки серого. В нескольких сотнях метров раскинулся городок, похожий на дохлую морскую звезду. За ним возвышалась черная стена: по всей видимости, нижние склоны прибрежного хребта. На них должны были расти молодые деревья, но дымка и сумрак скрывали детали. Чуть выше, прямо под облачным пологом, склоны припорошил свежеснеженный снег, или это просто изморозь. Не будь этого полога (за весь год он в общей сложности расползлся лишь на неделю-другую), можно было бы увидеть вздымающиеся ввысь заснеженные вершины Пепельной преграды и небо, почерневшее от дыма. Крупный вулкан на Кенае обильно извергался вот уже вторую неделю.

Соблазн закрыться в капсуле микроотеля, закутаться в плед, съесть горячей лапши из плошки и посмотреть видео был велик. Что угодно – лишь бы избежать ощущения, что бежать некуда: под тобой только лед и вода, сверху – туман и пепел, с юга – Тихий океан, с севера – стена гор. Вместо этого Тюратам Лейк объявил, что отправляется в город проинспектировать местные питейные заведения. Услышав такое незамысловатое предложение, все почувствовали себя глупо: надо же, никто об этом даже не подумал. Кэт-два, Белед и Лангобард присоединились сразу. Док отказался из-за того, что хотел вздремнуть, Меми, естественно, осталась с ним. Ариана в отчаянии не знала, как поступить. Расовые роли начали проявляться еще с Колыбели, и Тэ

требовал лишь того, что ему полагалось по праву.

По всем соображениям, лидером отряда должен был стать он. Причины уходили в глубь тысячелетий и были понятны всем, кроме аидян (да и некоторым аидянам тоже). Не потому, что он родился и вырос в Берингии, а значит, знал местность, но потому, что он – динаец, а лидерство у динайцев в крови. Ариана организовала поездку: именно она каким-то образом выстроила цепочку перелетов, которые позволили им без задержек добраться из Колыбели в Каяк, – и поначалу даже Док к ней прислушивался. К нему невозможно было подступить, не миновав джулианки. Однако потом Док ясно дал понять, что будет общаться с остальными наедине, и Ариана, проведя чуть более суток в смятении и озлобленности, смирилась. По дороге они, естественно, держались вместе, а теперь Тэ организовывал самовольную вылазку на материк. Ариана разрывалась между желанием съесть плоскую лапшу наедине с собой и боязнью упустить что-то важное.

В итоге она пошла со всеми. Они вскрыли ящик со снаряжением – из тех, что погрузили в Каямбе, – и нашли там теплую одежду, затем спустились на причал для морских такси. Оттуда до берега было несколько сотен метров. От кромки воды вверх вела неровная лестница, выдолбленная в камне роботами-шахтерами. Наконец склон стал пологим, и они оказались на главной улице, которая уходила на сотню метров от берега и упиралась в отвесную скалу: гигантский обломок, торчащий из горы. Не надо было подходить ближе, чтобы понять, что это осколок Луны. Местные жители постарались украсить городок и развесили на фасадах зданий разнообразные светодиодные гирлянды, которые подсвечивали туманный воздух насыщенными, сочными цветами. По вывескам можно было заключить, что основными посетителями были одинокие военные.

– Мне вот интересно, – сказал Бард, поморщившись от вкуса сидра местного розлива. – Евы – женщины, понимали ли они связь между сексуальным влечением мужчины и органами зрения?

При этом он косился на обнаженную танцовщицу в противоположном конце зала.

Кэт-два мало интересовали стриптизерши, но минуту назад она оглянулась посмотреть, что вызвало такой ажиотаж. Теперь она обратилась к Барду:

– Еще бы. Они же, в конце концов, женщины. На них всю жизнь так смотрели. Выбор одежды, манера держаться – все от...

– Да, – встряла Ариана. – Если не ошибаюсь, сохранилась запись

«живого» разговора, датированная двести восемьдесят седьмым днем Эпоса, где Айви коснулась внешности Дины и ее популярности в соцсетях.

– Как ты все это помнишь? – спросил Тэ.

Кэт-два посмотрела на него с упреком.

– А почему этого не помнишь ты? Через несколько минут после того разговора твоя ева встретила любовь своей жизни!

Тэ задумался.

– Первый бола?

Он перевел взгляд с обнаженной танцовщицы на экран над барной стойкой, где без звука показывали эпизод из Эпоса: Дина в скафандре выходит на обшивку «Эндьюранса», чтобы разобраться с вышедшим из-под управления роботом. Никто не смотрел.

– Да, первый бола, – ответила Кэт-два, смягчившись.

Бард все это время старательно разглядывал пузырьки в сидре, царапины на столе, провода, идущие по потолку. Ему здесь были не рады. Тэ и Белед могли смотреть куда пожелают: в конце концов, в этом и заключался смысл заведения. А вот неондерталу глазеть на танцовщицу (динайку или динайку-феклитку) было небезопасно. И дело не во владельцах. Заведением управляли и, вероятнее всего, владели женщины. А вот другие посетители приметили Барда, как только он вошел, и косились на него не меньше, чем на стриптиз. Не будь он в компании широкоплечего феклита и динайца, вид которого подсознательно внушал «не связывайся», Бард мог бы нарваться на неприятности. Несколько завсегдатаев запросто навалились бы толпой, чтобы проверить, правду рассказывают о неондерталах или это все выдумки. Но в сложившейся ситуации Барду грозили только неодобрительные взгляды. Ну и, может, несварение из-за диких дрожжей, которые попали в сидр.

Прообраз таких сообществ зародился примерно через пять сотен лет после Ноля, когда в Колыбели уже становилось тесно, и люди вынуждены были селиться за ее пределами. Первые внешние орбиталища строились на Расщелине, всего в нескольких километрах от Колыбели. Только к началу второго тысячелетия промышленная база позволила колонизировать другие обломки. Представления о тех колониях были массово растиражированы в художественных развлекательных программах. Порой доходило до гротеска, но это не важно. Жители обитаемого кольца воспринимали этот образ, как американцы – идеализированный массовой культурой Дикий Запад. В редких случаях, когда где-то строились настоящие поселения такого типа, как здесь, их старались подогнать под представления людей, которые выросли на приключенческих сериалах о колонизаторах из второго

тысячелетия.

Однако были и неожиданности. То, что здесь заправляют женщины, удивления не вызывало. В индустрии развлечений для взрослых это не редкость, к тому же спутники пошли сюда специально: Кэт-два и Ариане здесь показалось наименее мерзко. Удивляло то, что чуть ли не половина местных посетителей – селенцы. Те, кто прибыл со льдины, выделялись стрижкой, поведением и манерой одеваться. Однако на каждого из них приходился более потрепанный и примечательный персонаж, о чьем роде занятий и причинах пребывания в Каяке оставалось только догадываться. Можно было с уверенностью предположить, что они пришли из РКС километрах в двадцати отсюда – поторговать или поразвлечься. Но и сам Каяк оказался неожиданно крупным и густонаселенным городом и явно выходил за рамки, очерченные Договором. Под прикрытием гор и густого полога облаков здесь разрослось незаконное поселение, и едва ли это был единичный случай на территории синих. Значит, красным о нем должно быть известно: за одними облаками такую жизнедеятельность не скрыть. Почему же они не подали ноту протеста? Ответ: потому что сами поступают так же, а то и в более крупных масштабах. Никто не хотел создавать прецедент.

Так сколько человек проживает на поверхности? По официальным данным синих, около миллиона – в основном вокруг стояночных платформ. На самом деле число, вероятно, гораздо больше.

Наконец подошел один из местных – молодой длинноволосый айвинец с жиденькой бородкой. Очутись он в этой точке Земного шара пять или даже десять тысяч лет назад, он бы с легкостью сошел за потомка тех, кто пришел из Азии через доисторическую Берингию и расселился по Северной и Южной Америке. Он сообразил, что гости смотрят на него с опаской, но все равно продолжал идти. Руки свободно опущены ладонями наружу, как будто он хотел вскинуть их и спросить: «Какого хрена вы тут забыли?» – но передумал. Айвинец смотрел внимательно и слегка с ухмылкой. Он оказался выше, чем на первый взгляд: его сутулость и тщедушность сбивали с толку.

Семерка могла задать юноше-айвинцу тот же вопрос: «А ты-то сам какого хрена тут забыл?» Судя по его одежде, которая была в моде в Чайнхэттене лет пять назад, и украшениям из кусков шерсти, шкур и костей, он из селенцев, торгующих с Каяком. Возможно, самый умный парень в своей РКС, ребенок эксцентричных мечтателей-айвинцев, ищущий, куда бы приложить мозги. Он зависал у бара с несколькими друзьями-динайцами, однако вид обнаженных танцовщиц не столько

возбуждал их, сколько смущал.

– Вы, это, к горам направляетесь? – спросил он. Сразу видно: заметил их одежду – новую, качественную, очень теплую.

Безобидный повод для беседы, подумали все, кроме Тэ.

– Проводник нам не нужен, – поспешил ответить он.

Парень слегка отпрянул.

– Проводник?! – повторил он, как будто Тэ озвучил странную, но в чем-то даже интересную мысль. – Нет, вы не похожи на тех, кому нужен проводник.

Подтекст: на любителей экстремального отдыха – тоже, кстати, запрещенного Договором, – с кольца.

Оставался вопрос, на кого тогда они были похожи, по его мнению. Повисло неловкое молчание. Наконец парень продолжил:

– Если вы отправляетесь через хребет, могу кое-что показать.

– Что-то особенное? Уникальное? Наверняка всем уже показывал? – спросил Тэ.

Парень замялся.

– Ну, я бывал там два раза. Интересно.

– Бывал, говоришь? И сколько брал? Потому что мы...

Ариана схватила его за руку.

– Говорит же: интересно, – сказала она. – Значит, не в деньгах дело.

– Тогда ладно, – сдался Тэ.

– Как тебя зовут? – спросила Ариана.

Парень поднял очки на лоб.

– Эйнштейн.

Тишина. Никто не засмеялся, поэтому он выпрямился и подобрался поближе.

– Значит, что-то интересное?

– Вот-те факт.

– Не поняла, – сказала Кэт-два. – Какой факт? То, что это интересно, или...

Тут до нее дошло: парень не всегда четко выговаривает звуки. Он имел в виду «артефакт» – что-то, что осталось от прежнего мира.

– Вот на это я бы взглянул, – согласился Тэ.

На следующий день они стали понимать Эйнштейна немного лучше. Пролетая на планере над горами, все увидели, с каким трудом, должно быть, пешие путники вроде него добирались до артефакта. Возникал закономерный вопрос: как он вообще умудрился его найти? Ответ

«случайно, мы просто заплутали в буране» казался наиболее очевидным, но нельзя исключать, что местные селенцы систематически прочесывали эти склоны.

Они летели на таком же планере, что и от платформы Каямбе до «Магдалины». За отсутствием двигателей Пепельная преграда была ему ни почем, а поскольку скорость у него меньше, чем у реактивного аппарата, можно было не бояться, что стекло кабины Кэт-два покроется трещинами от микроскопической каменной пыли. Некоторые опасения внушало то, что маршрут пролегает через плотную облачность, и летят они вслепую. Впрочем, Кэт знала высоты соседних пиков и старалась держаться выше. А когда облака расступились, клубы пепла даже стали своеобразной подсказкой: они вели себя, как капли чернил в воде, показывая расположение воздушных потоков и вихрей.

Эйнштейн казался Семерке необычным, поскольку родился на Земле и ни разу ее не покидал. По воздуху он летал впервые, впрочем, освоился быстро. Кроме того, он знал координаты артефакта. Как только перевалили через хребет и вышли на открытое пространство, он направил Кэт-два в высокогорную долину, зажатую между двумя грядками. Вершины гор были пустынные, но ниже по склонам начала разрастаться тундра. Деревья и приземистые кусты росли упорядоченно – значит, их посеяли из космоса. Автоматические капсулы с семенами падали с неба геометрически правильными шестиугольниками, врезались в почву и раскрывались. Какой-то остряк из недр «ТерРеФорма» обозвал эти капсулы онанами, то есть «орбитальными новоагрономическими носителями». Со временем естественный хаос экосистемы поглощал гексагональный рисунок, созданный онанами, но в подобных местах, где все росло медленно, первоначальная схема будет просматриваться еще многие столетия.

Кэт-два покружила над долиной, пока в конце концов не разглядела ровный отрезок речного русла, на дне которого лежала утрамбованная замерзшая пепельная масса. Сейчас оно было сухим, но по весне должно было наполниться водой. На вид пригодное место для взлета и посадки. Аккумуляторы планера зарядили накануне, и заряд был по-прежнему полным. Кэт заложила еще один широкий вираж, чтобы сбросить скорость, а затем приземлилась по направлению вверх по склону. Она сначала мягко коснулась земли, чтобы убедиться, что дно реки действительно замерзшее, а потом уже посадила планер. Кончики крыльев опали и заскользили над поверхностью. Кэт-два боялась, что они зацепятся за выступающий камень, но все обошлось, и аппарат остановился в целости и сохранности. Первыми наружу вышли Белед с Бардом и подбежали к крыльям.

Подхватив их с земли, они развернули планер по часовой стрелке. Кэт-два сказала им, когда остановиться.

Вышел Тэ и выпустил из багажного отделения двух ужигов, которые, виляя, поползли по земле, а также пару бук, которые тут же покатались в поисках возвышенности, на которой можно установить пункт наблюдения и связи. Главной задачей теперь было закрепить планер, чтобы его не унесло случайным порывом ветра. Изначально ужики разрабатывались для геологоразведки, а потому хорошо копали. Всего за несколько минут, подправляемые Доком, она установили крепления в надежных на вид валунах на берегах замерзшей реки. Тэ с Бардом размотали канаты и привязали их за крылья планера. Действовали слаженно и быстро, а Белед в это время неустанно обходил периметр. Кэт-два с Арианой разложили хвата, с помощью которого Док мог передвигаться по труднопроходимой местности. По сути это было то же кресло-каталка, только вместо колес ноги. Благодаря им хват мог преодолевать препятствия, с которыми с трудом справлялись даже крепкие и тренированные люди. Меми тем временем укутала Дока, подготавливая его к походу. Эйнштейн наблюдал за всем этим и успел задать всего пару сотен вопросов, на которые Док с удовольствием отвечал лично. В принципе, почти все оборудование Эйнштейн должен был видеть на видеозаписях и в фильмах, которые крутили в его РКС, но вживую он сталкивался с ним впервые.

Чем он не интересовался (и правильно делал), так это оружием, хотя мог бы: у четверых членов Семерки, Кэт-два, Тэ, Беледа и Барда, были катапульты различных модификаций. Нельзя сказать, что они вооружились до зубов – скорее в духе экспедиционников, которые брали с собой оружие для самозащиты, на случай если встретятся с крупными хищниками или нехорошими селенцами. У Кэт-два был тот же катапульт, который сопровождал ее в последней экспедиции. Он стрелял определенным типом патботов: они наводились на крупное тепловое пятно по инфракрасному радару. Достигнув цели, патбот совершал посадку, как космический зонд на астероид, и искал способы причинить как можно больше неприятностей. Две-три таких штуки в теле крупного животного, и у него пропадет всякая охота полакомиться Кэт-два. У Тюратама Лейка была похожая модель, только древнее, тяжелее и побывавшая в передрягах. Еще у него было два магазина с ботронами: один такого же типа, как у Кэт, другой, вероятно, с патботами, рассчитанными на стрельбу по людям. Белед перекинул через плечо ремень с большим двуручным катапульт, из которого тянулась длинная лента ботронов, опоясывавшая феклита на манер бандольера. Для такой вылазки перебор, но Беледу лишний груз был нипочем. Лангобард

же, по традиции красных неондерталов, держал при себе стаю самых разных патботов – примерно с десятков типов, – которые ползали по его телу, а катапульти был закреплен под предплечьем на манер хирургической шины. Если надо было выстрелить, он сжимал ладонь, патботы получали соответствующий сигнал и пытались добраться до локтевого сгиба, где находилось зарядное устройство. Такая система казалась медлительной, но имела свое преимущество: в свободное время патботы патрулировали тело Барда в поисках вражеских роботов, при необходимости вступая с ними в схватку.

Все это, безусловно, поражало Эйнштейна, да и поразило бы любого, для кого такие технологии в новинку, однако для Семерки было делом обыденным. Поведение патботов, окружавших Барда, поначалу немного отвлекало, поскольку мало кто был знаком с боевыми приемами красных. Вскоре стало ясно, что программа этих патботов сводилась к нескольким зацикленным алгоритмам: они либо сидели на плечах неондертала, либо кругами ползали по его торсу. Иногда они пытались зацепиться друг за друга «паровозиком», но для полноценной цепи их не хватало.

По дороге от Колыбели Белед, Бард и Тэ запирались в отдельном помещении, открывали ящики со снаряжением и пытались приучить своих патботов друг к другу, чтобы ботроны производства синих, которых большинство, не распознавали боеприпасы Барда с ходу в качестве противника, и наоборот. До сих пор работало. Однако когда им пришлось идти тесным строем через сужение между валунами, патботы Барда учуяли тех, что покоились в бандольере Беледа, и, направив сенсоры в их сторону, перебрались Барду на бок. Впрочем, затевать войнушку они вроде бы не собирались. Исходя из того, что противник теоретически мог взломать или заглушить любой канал связи, более развитые патботы умели общаться между собой самыми разными способами, включая звук. Предпочтение отдавалось ультразвуку, но поскольку частот на всех не хватало, время от времени слышалось, как ботроны Барда посылают идентификационные сигналы или, может, пытаются дезориентировать окружающие их ботроны синих. То они издавали какое-то шипение, то компьютерную мелодию, слишком быструю, чтобы человеческое ухо могло ее распознать. Боеприпасы Беледа, Тэ и Кэт-два молчали – по крайней мере, не отвечали в слышимом диапазоне. Возможно, причиной было то, что изготовители ботронов у синих руководствовались принципом «тупые, зато много», тогда как красные придерживались противоположной точки зрения.

На пересеченной местности Док со своим хватом преодолевал препятствия значительно быстрее всех – за исключением, может быть,

Эйнштейна, который оказался прирожденным альпинистом. Они вдвоем часто вырывались вперед, и тогда Белед неуклюжим рывком нагонял их, видимо, подчиняясь инстинкту быть в авангарде. Лангобард же тяготел к тылам, и поэтому его спутницей в основном была медлительная Ариана. Порой он просто подхватывал ее и переносил через труднопроходимые участки. Наверху долина была довольно ровной, но чтобы пройти туда, где произрастала растительность, посеянная онанами, пришлось преодолеть довольно крутой склон. Дальше идти было легче, однако появилась новая задача: искать дорогу среди низкорослого, но густого кустарника, прижившегося на усыпанной пеплом земле. На ощупь и по запаху становилось ясно, что первоначально эту местность заселили некими микроорганизмами, функцией которых, по-видимому, было перерабатывать вулканический пепел, содержащий ядовитые вещества вроде серы, в более здоровую почву. Весь полет Эйнштейн держал рот на замке. Теперь, когда они высадились, он излагал Доку и всем в пределах слышимости свою версию относительно объекта, к которому вел Семерку.

– В общем, сами увидите, когда дойдем, – повторял он, не до конца уверенный в собственной гипотезе (он знал и такое слово, только произносил его с ударением на предпоследний слог, как «антитэза»).

Очень часто в его речи проскальзывало «я изучил». Эйнштейн понятия не имел, кто перед ним, и воспринимал Дока как просто древнего старика, который охотно отвечал на вопросы. И не только отвечал, а и задавал сам – настойчиво, но не грубо.

– У них были такие машины на колесах...

– Автомобили?

– Нет, такие крупные, прямоугольные.

– Значит, грузовики, – подсказал Док.

– Моя гипотеза в том, что вот-те-факт – один из таких.

– Однако минуто назад, – возразил Док с едва заметной ноткой раздражения, – ты говорил, что его зашвырнуло в горы волной цунами.

– Ну да.

– Из этого тогда следует, что он находился где-то в океане.

– Да, это моя гипотеза.

– Почему же он не затонул? Кузов грузовика не герметичен. Рано или поздно он бы заполнился водой.

– Внутри этот кузов целиком покрыт черным осадком, – сказал Эйнштейн, тоже путая ударения.

– И какой вывод ты из этого делаешь?

– Я изучил: на этих – как их? – грузовиках перевозили все подряд. Не

только тяжелые грузы, но и мешки с чипсами, кроссовки, игрушки. Моя гипотеза в том, что в этом было что-то подобное. Он находился на берегу, и одно из первых цунами, не очень сильное, смыло его в океан. А не затонул он, потому что...

– Потому что был набит мешками с чипсами или чем-то вроде этого, – закончил Док.

– Верно. А не сгорел он – по крайней мере, сразу, – потому что был в воде. Однако потом его подхватило реально огромное цунами, вроде того, которое поднялось в результате образования Антимера, перебросило через горы и зашвырнуло... вот прямо сюда. Еще чуть-чуть, и мы его увидим.

– После чего содержимое кузова сгорело, оставив черный осадок, – завершил рассказ Док, как бы невзначай поправляя парня.

– Да, краска сгорела, шины и все, что было не из металла.

– А как же ржавчина – за пять тысяч лет-то?

– Я изучил, – ответил Эйнштейн. – В этих местах практически нет осадков. А еще грузовик, скорее всего, был под землей. Да, немного он проржавел, но до Облачного столетия сохранился.

Эйнштейн изучил и этот вопрос. «Облачным столетием» называли период примерно с 4300-го по 4400-й годы, когда на Земле снова появились океаны, но было еще очень жарко.

– А потом реки подмыли почву, и грузовик оказался на поверхности. Неприкрытые части сильно проржавели, но не полностью. Там есть что-то из другого металла.

– Из алюминия, – подсказал Док.

Однако Эйнштейн уже отвлёкся от разговора и погрузился в свой прибор, который должен был подсказывать им нужные координаты. Парень выглядел крайне растерянно. Заблудились?

Наконец он решительно повернулся и, продираясь через высокий кустарник, пошел в низину метрах в пятидесяти. Семерка последовала за ним. Видимость была никакая, поэтому сначала они не увидели «вот-те-факт», а услышали возглас Эйнштейна:

– Какого?!

– Что случилось? – спросил Тэ.

– Его выкопали!

Они стояли на краю ямы метров пять в диаметре и столько же в глубину. Судя по отметинам в земле, орудовали лопатами, а смазанные следы вокруг показывали, что копали не роботы, а люди. На дне ямы виднелись красные хлопья ржавчины и больше ничего. Что бы там ни ржавело, исчезло целиком. Только несколько кусков черного пластика и

почти насквозь проржавевшей стали свидетельствовали, что Эйнштейн все это не выдумал.

Тэ осторожно спустился в яму, пощупал ногой сырое ржавое месиво, покопался там и что-то извлек. Стряхнув ошметки грязи, он протянул предмет Беледу, и тот поднял его над головой, чтобы было видно всем. Это была погнутая черная трубка.

– Не все потеряно! – донесся голос Тэ. – Один стоящий артефакт нам все-таки достался. Это, друзья мои, радиаторный шланг возрастом пять тысяч лет!

Члены Семерки испытывали целую гамму эмоций: полное непонимание того, кому и, главное, зачем понадобилось выкапывать артефакт. Сочувствие по отношению к Эйнштейну, который обещал показать им настоящий грузовик и теперь был готов провалиться от стыда. Разочарование от того, что им достались лишь ржавчина да радиаторный шланг. Легкая тревога при мысли, что где-то рядом ошиваются непонятные люди с лопатами. Но самым всепоглощающим, как волна цунами, было осознание, что Семерка попала туда, где еще недавно находился настоящий артефакт из донулевой эпохи. Как они узнали по дороге, Док за свою долгую жизнь видел такие лишь трижды, не считая музейных экспонатов. Остальные не встречались с подобным никогда.

Несколько минут они молча передавали друг другу шланг и представляли себе фабрику, на которой его произвели, инженеров, которые его придумали, рабочих, собиравших автомобиль, водителя, который на нем ездил, и день, когда начался Каменный Ливень. Как оказалось, размышления о трагической гибели семи миллиардов людей навевают куда меньше грусти, чем о судьбе одного.

Белед с минуту отрешенно рассматривал артефакт, потом передал его Кэт-два. Затем отошел от края ямы и беспокойно заходил вокруг. Еще через минуту он подозвал остальных. Тревоги у него в голосе вроде бы не было.

Примерно в десяти метрах, у расселины, с которой открывался вид на долину, стояло что-то наподобие тотема: алюминиевая трубка, окислившаяся до белизны, высотой где-то по пояс. Наверху медной проволокой был прикручен некий стальной обруч с кусками чего-то черного. Поперек него шла перекладина, из отверстий которой торчали провода.

– Рулевое колесо, – догадался Тэ. – Пластиковая оплетка сгорела, но стальной обод выдержал.

– Кто его поставил? – спросила Ариана.

Она подошла последней, и ей пришлось протискиваться между более

высокими партнерами по Семерке. Из-за этого она чуть не споткнулась о низкий и продолговатый холмик земли. В нем как раз и торчал тотемный столб с навершием в виде руля.

– Тот же, кто похоронил водителя, – ответил Тэ.

Док взглянул на Эйнштейна.

– Ты знал, что в грузовике кто-то был?

Эйнштейн развел руками.

– Вы поймите, он ведь упал носом вниз, как дротик.

– Естественно, – кивнул Док. – В кузове, как мы установили, перевозили что-то легкое, значит, весь вес приходился на двигатель.

– Из земли торчал только кусок кузова и задний бампер – вот столько, – Эйнштейн развел ладони где-то на метр. – А то место, где был человек...

– Кабина, – подсказал Тэ.

– ...было глубоко под землей. Вы поймите, то, что его выкопали...

– Удивляет тебя так же, как и нас. Да, это мы поняли, – сказал Док.

– Когда ты был тут в последний раз? – спросил Лангобард.

– Два года назад, – ответил Эйнштейн. – Но вы поймите: если бы кто-то из моей РКС пошел сюда с лопатами и вырыл грузовик, я бы знал.

– А где выгода? – спросила Ариана.

Все посмотрели на нее.

– Грузовик бесценен, пока он тут. Туристы платили бы огромные деньги, чтобы взглянуть на него, – вопросы законности пока опустим. Выкопать грузовик и выставить на всеобщее обозрение довольно разумно. Но вот...

– Но вот кто-то не только выкопал его, но и разобрал, причем все ценное унес, – сказал Док.

– Ценное? – удивилась Ариана. – Что же в нем ценного?

– Диггерам был нужен двигатель, – ответил Док, как будто это что-то проясняло.

– А! – До Арианы вроде бы дошло. – Грешите на мародеров?

– То есть вы думаете, – поддержал ее Бард, – что сейчас двигатель у богатого коллекционера в частной коллекции на Колыбели?

– И такое возможно, – признал Док, однако по голосу было ясно, что такое ему в голову не приходило. – Однако мне кажется весьма маловероятным, чтобы мародеры утруждали себя церемонией похорон.

– Если это не на продажу или, там, в коллекцию, тогда какую ценность может представлять двигатель? – спросила Кэт-два.

– Двигатель – это кусок металла весом целых семьсот килограммов,

который можно переплавить и отлить из него что-то еще.

– Да что во вселенной может быть менее ценным, чем металл? – усмехнулся Бард. – Он окружает нас вот уже пять тысяч лет. Да мы в нем живем!

– Мы – да, – кивнул Док и, мановением руки развернув хвата, двинулся от могилы обратно к яме.

Меми загадочно оглянулась и последовала за ним.

Они вернулись и окинули яму свежим взглядом. Тэ указал на место, где пепел усеивали крошечные красновато-рыжие точки, и предположил, что это проржавевшие железные опилки. Здесь работали ножовкой. Протерев пепел между пальцами, он добыл несколько блестящих искорок чистого металла. Бард нашел клин из твердой древесины, надколотый и сплюснутый от многих ударов молотком, и предположил, что с его помощью раскурочивали двигатель, чтобы легче было нести. Обойдя периметр в очередной раз, Белед принес деревянную ручку метр длиной, аккуратно закругленную с одной стороны и остро срезанную с другой.

– Одна из лопат у них сломалась. – Он перевернул черенок другим концом и прочел: – Сраптсманэр.

– Дай-ка я взгляну, – попросил Док.

Белед отдал ему черенок. Док долго молча разглядывал его. Чем дольше он изучал этот, казалось бы, ничем не примечательный кусок хлама, тем больше интереса вызывал у остальных. Глаза Дока были опущены, и из-за тяжелых век было не видно, то ли он сосредоточенно размышляет, то ли просто заснул.

Наконец он развернул черенок острым концом вниз и начертил на земле букву:

С

– Ты, Белед, читаешь ее как «с». Но в школе тебе наверняка рассказывали, что в языках прошлого эта буква могла обозначать несколько звуков, в том числе тот, который мы обозначаем буквой «К».

Он написал К под С.

– Следующие буквы понятны: в англише они пишутся и читаются так же.

CRA

KRA

– Четвертая буква тебе показалась ошибочно написанной «Р». Это понятно, ведь мы больше не пользуемся «F», которая читается как «эф». Вместо нее у нас «фи», которая пришла в кириллицу из греческого.

CRAF

KPAФ

– Следующие две буквы – «Т» и «С», хотя в англише это сочетание звуков мы для удобства записываем одной буквой.

CRAFTS

KPAФЦ

– Следующие три в англише и старом английском снова совпадают.

CRAFTSMAN

KPAФЦMAN

– «Крафтсман», – прочитал Белед нижнюю строчку. – А что это за «эр» на конце?

CRAFTSMAN®

– Когда «эр» обведена в кружок, это уже не буква, а символ, обозначающий зарегистрированный товарный знак. Был такой пять тысяч лет назад.

Примерно на середине этой лекции по сравнительной орфографии глаза Арианы загорелись, а ближе к концу она даже зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

– Я видела такие в Эпосе! – не выдержала она наконец. – Посадка «Нового Кэйрда» на «Имир». Вячеслав пошел сбивать лед со стыковочного узла. У него была точно такая же лопата.

– То есть вы хотите сказать... – начала Кэт-два, обращаясь к Доку.

– Я хочу сказать, что этот черенок – сам по себе артефакт пятидесятилетней давности, который можно продать на Колыбели за баснословную сумму. – Док поднял палку, стряхнул грязь с острого конца; Ариана сделала снимок и нажала «отправить» на планшете. – Его выкинули, потому что для владельцев он бесполезен. Таких черенков в Берингии можно настрогать сколько угодно: достаточно срубить дерево.

– Что это за люди, для которых железо на вес золота, а пятидесятилетние артефакты – мусор? – спросила Кэт-два.

Продолжить мысль ей помешал резкий писк, который раздался у всех сразу.

У каждого была гарнитура на случай, если придется разделиться. Почти все убрали ее в карман либо оставили болтаться на шее – все, кроме Беледа. Он прижал ладонь к уху, а вторую поставил перед собой, как будто сверялся с часами. На самом деле он смотрел на небольшой плоский экран, закрепленный на запястье. Затем он повернул голову в сторону, откуда они пришли, но там ничего не было видно из-за зарослей и складок местности.

– Буки обнаружили крупных животных рядом с планером, – сказал он. – Один из них вышел из строя.

– Вчера, – подал голос Док, – юный Эйнштейн предложил нам совершить поездку в горы, чтобы взглянуть на артефакт. Поначалу я противился этой идее. Мне казалось, что это просто туристическая достопримечательность, а значит, трата времени. Я дал добро только потому, что увидел возможность отработать процедуры, которые мы будем использовать в дальнейшем. Теперь я понимаю, что мы прибыли точно по адресу.

Рядом с планером загадочные диггеры установили еще один тотем: круглый обруч из согнутых веток, водруженный на пятиметровый шест из молодого деревца, очищенного от коры. Члены Семерки узнали в нем символ руля, установленный на могиле водителя, только из подручных материалов. Что он значил для этих людей? В голову настойчиво лезли ассоциации с Агентом, который пронзил и расколол Луну. Также он напоминал греческую «фи», которая вошла в алфавит англиша вместо буквы F и сочетания PH. Так что его можно было прочесть и как инициал – чего угодно, от факела или фанатизма до философии.

Прежде чем уйти от ямы, Бард, Белед и Тэ рассыпались в разные стороны, чтобы произвести разведку. Поблизости никого не было, но следы и другие признаки указывали, что кто-то прошел здесь совсем недавно. Вполне возможно, за путешественниками наблюдали, пока они пытались понять, куда делся грузовик.

Вернувшись в долину, они заметили часовых, расставленных на видных местах: на валунах и грудях щебня вдоль русла. Те опирались на длинные копья, наконечники которых отливали сталью в тусклом свете, пробивавшемся сквозь облака. У нескольких были странного вида агрегаты из тросиков, блоков и гнутого металла, в которых Белед узнал составные луки. Издалека сложно было сделать какие-то выводы об их внешности. Немало среди них было рыжих; мужчины в основном бородатые. Некоторые были одеты в настоящий камуфляж, но и другим одежда позволяла сливаться с местностью.

Когда они прошли первую пару часовых, Белед, шедший впереди, поднял руку. Его беспокоило, что, если идти дальше, слишком много чужаков останется в тылу, а значит, можно попасть в окружение. Часовые, видимо, тоже поняли это и пошли вместе с Семеркой вверх по склону, как бы не препятствуя им уйти.

Но уйти можно было только пешком. Вокруг планера уже столпилось десятка два диггеров. Они вытащили из трюма все ящики со снаряжением, расставили их аккуратными рядами и начали перебирать содержимое.

Некоторые составляли списки найденного – того, что они, очевидно, теперь считали своей собственностью.

– Эйнштейн, полагаю, этих людей ты видишь впервые? – спросил Док.

– Ходили отдельные слухи. Но все думали, что это просто люди, отбившиеся от своих РКС.

– Что ж, как видишь, это не так, – сказал Док и обратился к остальным, немного громче: – Теперь, когда первое удивление прошло, думаю, вы поняли, кто перед нами. Эти люди не потомки Семи ев. Они – коренные жители Земли. Их предки пережили Каменный Ливень под землей и до недавнего времени скрывались там. В какой-то степени это твои отдаленные родичи, Тюратам Лейк.

Тэ не сразу понял, что Док ссылается на события пятитысячелетней давности.

– Вы хотите сказать, они потомки Руфуса Макуори?

Док молча кивнул.

– Отец Дины, как хорошо известно из Эпоса, вместе с несколькими единомышленниками укрылся под землей. В последние столетия предпринималось немало попыток разыскать их убежище и выяснить, что с ними произошло. Безуспешно.

– Возможно, они не хотели, чтобы их нашли, – сказал Тэ.

– И как давно вам об этом известно? – спросила Ариана.

– А тебе? – парировал Док. – Неужели необычные приказы, которые тебе отдали, не вызвали у тебя хотя бы тени любопытства?

– Еще как вызвали! Но я бы ни за что...

– Многие строили догадки, пытались найти ответ. Первые известные мне твердые доказательства появились год назад. До этого ходили отдельные слухи, как говорит Эйнштейн, но их гораздо легче списать на недокументированных выскочек, которые скрывались в здешних краях и неплохо тут устроились. Или на разведчиков красных, заброшенных на нашу территорию. Экспедиционникам «ТерРеФорма» попадались и те, и другие. – Док встретился взглядом с Беледом. – Красные, например, на удивление глубоко проникли в Центральную Азию, лейтенант Томов подтвердит. Если удастся его разговорить на эту тему. Как человеку военному, ему утомительно общаться с гражданскими.

– То есть вы ведете полномасштабное расследование уже как минимум год? – Это единственное, за что Ариана решила зацепиться.

– Как и ты, Ариана. Просто до сегодняшнего дня ты об этом не знала. И я не был до конца уверен, пока...

Док посмотрел на Меми, которой в итоге достался черенок от лопаты.

Она приспособила его под дорожный посох. Док проказливо усмехнулся.

– Пока в мои руки не попал «Сраптсманэр».

– И что нам о них известно? – спросил Лангобард.

– На данный момент мы с вами знаем об этих людях на порядок больше, чем все остальные орбитеры, вместе взятые.

– Орбитеры?

И снова усмешка.

– В своих рассуждениях – исключительно теоретических, прошу заметить – мы пришли к выводу, что и потомков Семи ев, обитателей кольца, следует как-то называть, чтобы отличать от иных народов. Остановились на орбитерах.

– И это еще раз подтверждает, что вы все спланировали заранее, – сказала Ариана.

Ее укоризненный тон действовал на нервы всем. К общему удивлению, голос подала Мемето. Возможно, смелости камилитке придала палка, которой можно было накомылять настырной джулианке, но скорее всего, ее оскорбило, что Ариана будто уличает Дока во лжи и нечестности. Опершись на «Сраптсманэр», Меми повернулась лицом к Ариане и сказала:

– Прошу заметить, что мы присутствуем при первом контакте с расой сородичей, которых не видели целых пять тысячелетий. Веди себя подобающе.

Ариана не сразу пришла в себя от подобного выпада со стороны камилитки.

– Поверь, Меми, я осознаю всю значимость этого события! Но если мы не хотим все испортить, необходимо понимать широкий контекст.

– Любой осведомленный орбитер владеет контекстом, – мгновенно ответила Меми, махнув свободной рукой в небо. – Лишь отдельные умы презирают то, что известно всем, и хранят тайны подобно алмазам.

Ариана поняла, что продолжать разговор в таком ключе не в ее интересах. Подобных перепалок между джулианами и камилитами за долгую историю, полную взаимного недоверия и личных обид, набралось бы с десятков миллионов, и она решила, что лучше умолкнуть и держать эмоции при себе.

До сих пор никто не задал вопроса, что делать, если все пойдет не очень гладко. Жесты и взгляды, которыми обменивались Тэ и Бард с Беледом, указывали, что они об этом задумываются. Наконец Эйнштейн озвучил их мысли, выпалив:

– Что думаете, товарищи? Справимся?

– Да, – ответили все трое в унисон.
– Но меня беспокоят лучники, – добавил Тэ.
– Необходимо учитывать, насколько они осведомлены о нас и нашем вооружении. Сколько лет они за нами следили?

Белед адресовал вопрос Доку, как будто тот мог на него ответить. Ариана вскинула подбородок, мол: «Вот! Я же говорила!», но Ху Ной лишь улыбнулся.

– Даже если и следили, – сказал он, – то мало и изредка, так что они навряд ли представляют, как работает наше оружие.

– Вообще-то они вывели из строя наших бук, – заметил Белед, еще раз бросив взгляд на запястье.

– По всей видимости, они сохранили определенные знания о высоких технологиях, – предположил Док. – Даже если они сами не в состоянии их произвести, то способны догадаться, что это и для чего служит. Поэтому, естественно, смогли вывести их из строя.

– Это акт агрессии, – проворчал Белед.

– Если мы позволим лучникам подойти на расстояние выстрела, – произнес Тэ, – то мы пропали. Нам бы вот этот акт агрессии предусмотреть.

– Тогда идти дальше нельзя, – сказал Бард.

– О чем я и говорю.

Они остановились метрах в ста от планера, а диггеры внимательно следили за пришельцами. Четверо забрались на возвышенности, где до этого стояли буки, еще двое устроились на крыльях. Остальные приостановили организованное мародерство и скучковались посмотреть, что произойдет. По меньшей мере трое – дети, остальные – примерно поровну мужчины и женщины.

– Весьма противоречивая вводная, – сообщил Бард и жестом приказал спутникам оставаться на месте.

– Давайте попробую я, – сказал Тэ. – Если мы и вправду родственники.

Он вышел из-за спины Беледа, остановился, изобразил натягивание лука и выстрел в воздух. Затем указал на лучников.

Тут же один из диггеров повернулся к остальным, сделал несколько шагов назад и оглядел построение сородичей: как оно выглядит с точки зрения орбитеров. Он что-то прокричал, но с такого расстояния из-за ветра, завывающего в скалах, расслышать было нельзя. Лучники и часовые ответили, но тоже неразборчиво. Они спустились с возвышенностей и по очередному приказу предводителя отошли в сторону, сложив луки на землю.

Предводитель затем повернулся к Тэ и поднял руки ладонями наружу.

Тэ положил свой катапульта на ближайший камень.

От группы диггеров отделился еще один мужчина, лысый и седобородый. Он опирался на костыли, но шел довольно уверенно. Когда он поравнялся с предводителем, который выглядел несколько моложе, они вместе пошли вперед.

Док привел в движение свое кресло-хвата. Меми по привычке последовала за ним, но не успела сделать несколько шагов, как он жестом остановил ее.

– Только дай мне вот это. – Он взял черенок лопаты из рук Меми и зажал под мышкой.

Тэ подождал, пока Ху Ной подойдет ближе, и пошел вперед рядом с ним.

Некоторые диггеры, видимо, очень хотели присутствовать при дальнейших событиях и, споря друг с другом о чем-то, начали продвигаться вперед. Это вынудило Беледа с Бардом последовать за своими. После переговоров жестами обе стороны пришли к соглашению, что на встречу с восемью орбитерами выйдут столько же диггеров: двое спереди, еще шесть в шеренге позади. Среди диггеров было несколько воинов, которые пристально следили за Бардом и Беледом, а также ребенок и несколько женщин. Орбитеры выстроились так: Тэ с Доком впереди, Меми чуть-чуть за ними. В нескольких шагах шли Эйнштейн, Ариана и Кэт-два. Бард и Белед, не расставшиеся с оружием, держались в тылу, на флангах. Следуя негласному уговору, они, как и лучники диггеров, не стали подходить на дальность выстрела.

Так две группировки подошли на расстояние, с которого можно было говорить, и долго рассматривали друг друга.

Орбитерам диггеры были знакомы по древним видео: все-таки они остались землянами, такими же, как и герои Эпоса. Генетически они были однородны: все белые, со светлыми или рыжими волосами. Глаза у них выцвели из-за времени, проведенного в темных пещерах. От контакта с солнцем лица все покрыты веснушками. Они были ниже ростом, чем прачеловечество, но не настолько, чтобы где-нибудь в БЦ их сочли карликами. Потомки ев, за исключением феклитов и неондерталов, тоже потеряли в росте, особенно в первом тысячелетии. Эта характеристика восстанавливалась медленно, даже в пятом тысячелетии, когда свободного пространства, где можно встать в полный рост, появилось гораздо больше. И все равно диггеры – по крайней мере, та горстка, которую мог рассмотреть Тэ, – казались непривычно коренастыми.

Для диггеров зрелище было куда удивительнее. Судя по их реакции, они редко встречались с орбитерами, если вообще видели их. Тэ, на их взгляд, был зауряден. Док привлекал внимание главным образом из-за возраста и способа передвижения. Кэт-два, Меми и Эйнштейн выглядели необычно не столько из-за генетических изменений, сколько из-за цвета кожи и волос. Что-то определенно странное виделось им в строении лица Арианы. А вот Белед и в особенности Бард казались монстрами.

Поизучав орбитеров с минуту, старший диггер сделал пару шагов вперед и на донулевом английском, хорошо знакомом по Эпосу, обратился к ним:

– Труссы и беглецы, вы вторгаетесь в мир, который более не вправе считать своим домом. Изыдите.

– Хорошее начало, – заметил Тэ.

– Он демонстрирует свою силу перед остальными, – ответил Док. – Не будем мешать. Позволь, я?

Он приказал хвату опуститься на землю, затем протянул руку Тэ. Опершись на него, он покинул робота и ступил на землю. Второй рукой он оперся на палку. Отпустив Тэ, он сделал шаг вперед. Диггеры зашептались. Возможно, сначала они приняли Дока за киборга, но теперь поняли, что он обыкновенный старик. Ху Ной вышел на ровное место и оперся на черенок.

– Возможно, я выгляжу пятидесятилетним стариком, – начал он, – но на самом деле я лишь потомок тех, кого вы называете трусами и беглецами. Смею сказать, вы были бы куда снисходительнее к нам, если бы знали, что нашим предкам пришлось пережить за свое долгое изгнание. Скажите, имею ли я честь говорить с представителем рода Руфуса Макуори?

– Он наш общий предок, – пробасил старик.

– Тогда, думаю, у меня есть кое-что ваше, – сказал Док.

Он медленно поднял палку, стараясь держать равновесие, перехватил ее горизонтально и протянул диггерам.

– Примите мои извинения, что взял эту вещь без вашего разрешения.

Если бы у орбитеров была возможность увидеть реакцию всех диггеров, это был бы кладезь информации об устройстве их сознания и общества. Такого рода анализ находился в компетенции джулиан, так что наверняка мозг и органы чувств Арианы жадно впитывали все происходящее.

Мужчины помоложе разделились на тех, кто был настроен воинственно и хотел изъять «Сраптсманэр» немедленно, и тех, кому было не чуждо благородство.

В группе в целом факт кражи возмущал меньшинство, и, что более

важно, большинство составляли те, кому сама мысль отобрать трость у старика казалась постыдной.

Но обе группировки объединяло то, что они приняли слова Дока за чистую монету. Лишь трое – старик с костылями, предводитель диггеров и женщина средних лет, которая подошла с ними посоветоваться, – сообразили, что Док играет на публику и вовсе не собирается затевать спор на тему, кому должна принадлежать деревяшка.

Другими словами, в целом диггеры повели себя, как и обыкновенные люди. Что само по себе интересно и познавательно, поскольку за пять тысяч лет многое могло измениться.

Некоторое время тройка диггеров что-то активно обсуждала. Наконец все активно закивали: видимо, о чем-то договорились. Старик уперся костылями в землю, лицо его выражало осуждение. Женщина и мужчина помоложе подошли соответственно к Тэ с Доком. Предводитель остановился в двух шагах от Тэ; далее должно было последовать рукопожатие либо драка. Женщина подошла вплотную к Доку и забрала протянутую палку. Диггеры, наблюдавшие с расстояния, восхищенно заголосили.

– Твои слова требуют должного ответа, но ты – старик, а старших мы не обижаем, – тихо, но четко сказала женщина.

Она шагнула мимо Дока, перехватила «Сраптсманэр» за тупой конец, раскрутила и решительным выпадом ударила Меми в висок.

Брызнула кровь. Камилитка упала на колени, затем на четвереньки, волосы обнажили шею. И именно туда диггерша вогнала острый конец черенка, на целую ладонь, прямо в грудную клетку. Палка пробила легкое или сердце, или и то, и другое сразу. Меми не свалилась, а, будто бы сдувшись, плавно приняла позу эмбриона.

Мужчина помоложе тем временем бросился на Тэ. Не ясно, намеревался ли он побороть его или просто удержать на месте, пока происходило ритуальное убийство. Начав движение, он толкнул ногой камень, и этот звук привлек внимание Тэ. Тот успел увернуться, и нападавший пролетел рядом. Положение сверху в данном случае не было преимуществом, от инерции мужчина потерял равновесие. Тэ сделал подсечку, и тот грохнулся лицом о камни, подошвы мокасин взлетели ввысь. Динаец захватил диггера ногой за коленный сгиб и навалился ему на ступню. Если бы не нога Тэ, то пятка дошла бы до задницы, а коленный сустав просто разорвало. Мужчина заскреб руками по земле, поэтому Тэ нажал посильнее. Вонь от старого мокасины ударила в нос, внутри коленной чашечки что-то щелкнуло. Мужчина завопил и сопротивляться

перестал.

Тэ не знал, что с Меми, пока не усмирил мужчину. Он только-только сфокусировал на ней взгляд и осознал, насколько все плохо, когда краем глаза заметил, как Док медленно оседает на землю.

– Эвакуация! Эвакуация! – кричала Ариана, но Тэ не понимал, к кому она обращается.

В воздухе послышался свист. Тэ поднял голову и увидел, как над головой летят стрелы. Они прошли по дуге высоко над Арианой, Кэт-два и Эйнштейном и уткнулись в землю или ударились о камни у ног Беледа и Барда, которые выдвинулись было на подмогу своим.

Женщина с палкой пребывала в каком-то забытии, но тут повернулась к Тэ и увидела, что он сделал с предводителем. Ее лицо загорелось от гнева, и она, выставив черенок окровавленным концом, помчалась прямо на динайца.

Тэ, навалившись всем весом, сломал мужчине ногу. Тот исступленно замолотил руками и завопил. Тюратам откатился в сторону, подхватил камень и метнул женщине в лицо. Прицелиться как следует не вышло, но все равно она, уворачиваясь, сбилась с шага. Пользуясь этим, он продвинулся вперед и подобрал еще два камня. Один угодил ей в плечо, второй пролетел мимо. Еще два шага навстречу. Женщина замахнулась импровизированным копьем, отступив на опорную ногу, чем выдала свой маневр. Тэ легко отклонил древко предплечьем левой руки и тут же перехватил черенок, плотно зажимая его под мышкой. Большим пальцем правой руки он ткнул женщине в глаз, ухватил ее за ухо и оторвал от палки, как сдирают обертку.

Старик, вращая костылями, надвигался на Тэ, но того беспокоило другое – сзади набегали еще несколько юных воинов с копьями наперевес. Динаец бесстрашно пошел навстречу, выверенными движениями черенком отбил костыли в стороны, развернул диггера спиной к себе, прижал черенок ему к горлу, захватил палку локтем, а ладонью надавил на лысый затылок старика, после чего, прижимая заложника к себе, попятился вниз по склону к оставшимся членам Семерки. Живой щит прикрывал Тэ спереди, но парни с копьями уже рассыпались в стороны и готовились взять его в кольцо. Оставалось надеяться, что спутники прикроют спину.

Один из ящиков рядом с планером как будто разорвало изнутри, но ни звука, ни пламени не было. Контейнер словно растворился в плотном облаке насекомых, которые затем начали расползаться в стороны. Через секунду взорвался второй ящик. Опустошенные, оба повалились набок.

Диггеры вблизи планера кричали от удивления или страха. Ни они, ни

даже Тэ не понимали, что произошло. Копьеносцы вдруг остановились, испугавшись, что на них напали со спины.

Навстречу им над землей неслась металлическая поземка. Она напоминала волну, которая разбилась о берег и, обтекая камни и другие препятствия, впитывалась в песок. Было в ней что-то и от лавины, которая постепенно набирает силу, спускаясь по склону. Когда поземка докатилась до ног Тэ и его заложника, он разглядел рой патботов двух разных типов – из двух ящиков – вперемешку. Ботроны пронесли мимо Эйнштейна, Арианы и Кэт-два, затем рассыпались по холму. Белед и Бард тем временем разбежались в разные стороны, держась вне досягаемости лучников. Рой тоже разделился: патботы одного типа двинулись к Беледу, другого – к Барду.

Ботроны синих – первая группа – были мелкие, многоногие и потому быстро перемещались по пересеченной местности. Они собрались в щелкающую, шипящую и переливающуюся струю, которая окатила Беледа, как из пожарного шланга. Но это было не нападение. Через несколько мгновений феклит вынырнул, с головы до ног закованный в броню из перекрывающих друг друга чешуек, сделанных из муравьеподобных роботов. Несколько отставших вьев ползали по спинам сородичей в поисках прорех и заделывали их.

Рой Лангобарда добирался до хозяина немного дольше. На последних десятках метров он разбился на несколько нитей, как бы поменяв агрегатное состояние. Где возможно, патботы совокуплялись, втыкая соединительные элементы на своих пятках в гнезда на хвостах тех, кто двигался впереди. Так сначала возникали пары, затем тройки и четверки, которые в свою очередь соединялись друг с другом. К тому времени, когда рой дошел до Барда, получилось пять-шесть длинных цепочек и столько же отрезков покороче. По сути, эти патботы были те же цеплеты: им гораздо привычнее было летать, чем ползать. Однако в одиночку летать неудобно – лучше в виде воздушного состава. Катясь вниз по склону, они накопили немало энергии за счет потери высоты, так что на последних метрах, как кобры, смогли оторваться от земли и взлететь. Набросившись на Лангобарда, они закрутились в поисках собственного хвоста и с финальным щелчком образовали полноценные эй-ставы: замкнутые петли, непрерывно обращающиеся вокруг неондертала. Держаться в воздухе им позволяла та небольшая подъемная сила, которую производили куцые крылышки. Бард также подгонял их, время от времени ударяя по ним руками; а еще они черпали энергию из поля, которое генерировала энергетическая установка у него на спине. Примерно треть цеплетов не

смогла соединиться в длинные составы, так что они подползли как можно ближе и обвили ноги неондертала, как питон ветку дерева. Также остались патботы-одиночки, не сумевшие соединиться вообще ни с кем, поэтому они поползли по телу Барда на самый верх и, шумно споря друг с другом, устроились на плечах. Дождавшись последнего, Бард пошел вперед, напоминая нечто среднее между «витрувианским человеком» да Винчи и планетарной моделью атома. Каждый эй-став издавал звук разной тональности – тем выше, чем быстрее разгонялись цеплеты. Когда защита полностью включилась, Бард с Беледом двинулись друг к другу и одновременно навстречу диггерам.

Ближайший лучник запустил в Лангобарда пробную стрелу. Один из эй-ставов слегка изменил траекторию и играючи отбил ее.

Тэ наблюдал такое не впервые, но все равно отвлекся. Буквально силой он заставил себя переключиться на то, что требовало более активного участия. Один из воинов подошел к Доку. Тот беспомощно лежал на боку, вяло закрываясь. Диггер занес над ним копье, готовясь прикончить одним ударом. Но замер. Может, он просто хотел попугать старика, а может, впал в ступор при виде того, что творят патботы.

Тэ, держа старого диггера перед собой, отступал к Ариане, Кэт-два и Эйнштейну. Они предусмотрительно залегли за выступом, что хоть как-то защищало от стрел, летящих по прямой, но не от тех, что летели по дуге. Бард и Белед уже скрылись из виду, их местонахождение можно было угадать только по отбившимся патботам, которые пытались догнать своих. Тэ отчасти досадовал, что они не перебили диггеров сразу, но благородный внутренний голос говорил, что это нечестно и не подобает их уровню развития. Так что надо отступить, спрятаться, понаблюдать и переосмыслить все на холодную голову.

Ариана метнулась вниз, к подножию холма, подхватила катапульт, который Тэ оставил на камне. Хорошо.

Часовые на возвышенностях выкриками сообщали своим о перемещениях Барда и Беледа. Фразы их по строению были настолько архаичными, что напоминали цитаты из Библии. Судя по тому, что удалось разобрать, феклит с неондерталом быстро поднимались по склону.

Один из часовых громко заорал и тут же смолк. Это ненадолго отвлекло остальных диггеров.

Ариана обошла Тэ и, припав на колено, приставила дуло катапульты к затылку женщины, убившей Меми. Та сидела на земле и прижимала ладонь к выколотому глазу.

Поступок Арианы был неожиданным – такое можно было увидеть в

развлекательном кино донулевой эпохи. Так поступали персонажи, вооруженные огнестрельным оружием. Катапульта для подобного не годилась, однако смысл жеста был понятен всем, включая диггеров.

– Триста метров от планера вниз по склону, – говорила Ариана все тому же воображаемому другу, затем крикнула женщине: – Поднимайся! В любом случае мозг тебе сейчас разорвет.

У Тэ вырвался непрощенный смешок. Вероятно, часть его мозга, отвечавшая за юмор, работала в фоновом режиме, даже если ничего смешного вокруг не происходило. Поведение Арианы и ее угроза настолько не вязались с образом джулианки, что сознание Тэ не могло это объяснить и воспринимало как юмористическую сценку. Смех – лишь защитная реакция.

Женщина опустилась еще ниже. Ариана схватила ее за капюшон парка, рывком подняла на ноги и повела перед собой вниз по склону, прижав дуло катка к виску. Тэ смотрел, как она проходит мимо.

– Ариана, ты что делаешь?

– Ты, кажется, не понял. Ситуация изменилась.

Она убрала катапульту от головы женщины и навела на Тэ. С характерным «бдзынь» оружие выпустило патбота, и дуло снова оказалось у виска диггерши.

От мощного толчка в грудь Тэ отшатнулся. Не успел он прийти в себя, как патбот закопался в одежду, воткнул в бок пару иголок и устроил короткое замыкание его нервной системе. Тэ не раз случалось словить подобную штуковину, поэтому он знал, что сейчас упадет. Максимум, что можно было сделать – упасть не на лицо. Он отпустил древко, которым удерживал старика-диггера, и повалился на землю.

Если бы он мог говорить, то велел бы Кэт-два бросить его и заняться Арианой. Но зубы отбивали чечетку и не слушались, так что Тэ сосредоточился на том, чтобы не свело дыхательные мышцы.

Старик, шатаясь, отошел в сторону, упал на колени, нашарил на земле черенок лопаты и упер его в землю. Схватился одной рукой, затем другой и так снова поднялся. С древком наперевес он пошел на Тэ, который в это время корчился в судорогах. Тут над головой динайца мелькнула тень – это Кэт-два шагнула навстречу старику и инстинктивно вскинула руку. Удар черенка пришелся по предплечью, и Кэт-два, вскрикнув от боли, отпрянула в сторону. Старик занес заостренный конец черенка над Тэ.

– Мутантское отродье!

Он крикнул еще что-то, но его перебил «бдзынь» катапульты. Кэт-два выстрелила старику в живот почти в упор. Тот выронил палку из рук, и она

упала Тэ прямо на грудь, усугубив набор болевых ощущений. Сам старик рухнул рядом и расшиб голову о выступающий камень.

Неожиданно Тэ отпустило. По крайней мере, его больше не сводили судороги. Эйнштейн, склонившись над ним с ножом на костяной рукояти, выковырнул из динайца патбот и раскрошил на кусочки.

Кэт-два опустилась на колено, замедленным движением подняла ушибленную руку. Рот ее был раскрыт, но крик так наружу и не вырвался.

Тэ поднял глаза к облакам. С неба спускался сияющий стержень, точно черенок от лопаты, только несколько километров в длину. Он светился от накала, как будто кочерга, которую только что вытащили из углей.

Все встало на свои места. Тэ повернул голову в направлении склона. На открытом участке метрах в трехстах от планера земля осветилась рубиново-красными точками. Лазеры наметили тремя точками равносторонний треугольник, а внутри – подсвеченную окружность. Ариана толкнула заложницу в круг, сама встала рядом. Отсветы лазерных лучей легли им на головы и плечи.

Прямо на них тупым концом опустился светящийся столп, а затем взлетел обратно в небо, не оставив ничего, кроме цепочки следов, которая обрывалась точно в центре идеально круглой ямки. Вокруг темнела спаленная нестерпимым жаром растительность. На мгновение показалась капсула, захватившая Ариану с заложницей, и тут же убралась в раскаленную докрасна трубку, готовая покинуть планету. Затем снаряд снова скрылся за облаками.

Аппарат, призванный Арианой, называется «Тор» и напоминает исполинский молот. Он состоит из огромного камня-навершия и очень длинной и легкой рукояти, способной достать до поверхности, тогда как навершие лишь слегка задевает верхние слои атмосферы. Он и вращается, как брошенный молот, то есть рукоять совершает широкий оборот вокруг навершия.

На конце рукояти находится пассажирская кабина, в которой, потеснившись, могут уместиться трое. Во время спуска и подъема она заключена внутри внешнего корпуса, который защищает ее от жара и давления при переходе через атмосферу. «Тор» спускается из космоса по тому же принципу, что и бола с приколами, которыми не так давно воспользовались Кэт-два и Белед, с той лишь разницей, что рукоять молота не ждет пассажиров в верхних слоях атмосферы, а опускается до самой земли и захватывает все, что окажется в пределах досягаемости. Зону захвата отмечают лазерами, чтобы пассажиры знали, где стоять. Навершие

молота затем попадает в атмосферу, замедляется от трения воздуха, вскидывает рукоять вверх, и кабину с пассажирами выбрасывает на гораздо более высокую орбиту. В конце концов наверху отделяется и падает на планету, как обычный метеорит. Поэтому «Тор» – аппарат одноразового использования, и его применяют лишь в экстренных ситуациях, да и то лишь когда необходимость в извлечении столь высока, что не страшно сбросить на Землю болид, который может попасть куда угодно.

Так что в Северной Америке к востоку отсюда уже есть новый кратер, а Ариана с пленницей направляется к безопасному убежищу на территории красных. Что их там ждет, можно было только гадать, но Ариане, скорее всего, приготовлена высокая награда: медаль и очередное звание в иерархии разведслужб.

Док так больше не произнес ни одного связного слова. От увиденного его хватил удар, после которого немедленно наступила афазия. Еще через час он скончался от отека головного мозга. Диггеры похоронили его и Меми на том месте, где они умерли.

Через несколько часов старик-диггер пришел в себя, осталась только легкая контузия. Мужчине помоложе на ногу наложили шину. Оба рвали и металы, призывая убить пленников. Однако большинство диггеров все же были под впечатлением от происшедшего и выступали за более взвешенный подход к отношениям между их племенем и цивилизацией, которая породила «Тор» и боевых роботов.

Чтобы продемонстрировать собственный технологический уровень, да и просто выпустить пар, диггеры подорвали заряд кустарной взрывчатки на пустом пространстве между планером и свежими могилами. Очевидно, это было предостережение для Барда и Беледа, которые, как подозревали, прятались где-то неподалеку.

Тэ, Эйнштейна и Кэт-два заковали в ошейники из гнутой стали. Сзади были приварены петли так, что через них можно пропустить цепь, чтобы пленники не разбежались. С одного конца на цепи висел древний навесной замок, слишком большой, чтобы пролезть через петлю на ошейнике Кэт-два. Другой конец был прикручен к деревянному колу, который особо мускулистый диггер вбил в землю, орудия молотом с каменным наконечником, точно «Тор» в миниатюре.

Чуть выше по склону, вне досягаемости пленников, диггеры соорудили небольшой тур, на который водрузили еще один заряд взрывчатки. От него к лагерю, расположившемуся под крыльями планера, тянулись провода.

– Что это было? – взвился Эйнштейн, когда диггеры оставили их в покое. – То есть «Тор» я узнал. Слышал про такие. Но я не понимаю... – не

найдя слов, он только всплеснул руками.

– Ариана – заланец, – ответил Тэ, затем поправился: – То есть это для нас она – заланец. А для красных, подозреваю, теперь национальный герой.

– То есть это красные отправили «Тор», чтобы, как ты выражаешься, извлечь ее.

– Именно. Ее и, что более важно, живого и дышащего землянина.

Кэт-два, на конце цепи, забралась в спальный мешок и заснула. Тэ подозревал, спать она будет долго. Они с Эйнштейном отползли как можно дальше по цепи, чтобы не мешать ей, и уселись на корточки. Диггеры оставили им дров и розжига. Без лишних слов орбитеры начали раскладывать костер. Сразу выяснилось, что у Эйнштейна есть опыт, так что Тэ решил не вмешиваться. У юного айвинца были весьма своеобразные представления о кострах.

– Где ты научился так драться? – спросил Эйнштейн. – У тебя в предках были феклиты?

– В драке главное не умение, а настрой.

– Ну вот, а я застыл на месте, как истукан.

– Понимаешь, случается, что последствия решений, которые наши евы приняли пять тысяч лет назад, проявляются в самый неподходящий момент. В тебе генетически заложено держаться в стороне, наблюдать и анализировать.

– А ты был создан героем.

– Будь я героем, спас бы Меми.

– Этого вообще никто не ожидал! Та женщина будто с цепи сорвалась...

– Размышлять об этом мы будем еще долго.

Тэ вздохнул и посмотрел в сторону лагеря, где диггеры занимались своими делами как ни в чем не бывало. Кто-то жарил на огне шашлыки из туши крупного травоядного, которого поймали в лесу. Тэ увидел среди них много детей младше десяти лет, но очень мало подростков. А еще чуть ли не каждая вторая женщина была беременна.

– Ну давай, Эйнштейн, прояви себя. Теперь, когда Дока нет, ты – единственный айвинец в нашем отряде. Что ты видишь?

Эйнштейн не был настроен на разговоры, поэтому Тэ решил подтолкнуть его:

– Я вижу резкий всплеск рождаемости.

Эйнштейн будто очнулся от транса и кивнул.

– Ты ни разу не встречал этих людей, – продолжал Тэ, – хотя твоя РКС

всего лишь на противоположном склоне этих гор и твои соплеменники постоянно прочесывают эту местность.

– Шахта Руфуса Макуори дальше на север, – уточнил Эйнштейн. – И такое ощущение, что они вышли на поверхность совсем недавно.

– Если хочешь прикинуть, когда примерно, просто посмотри, сколько лет самому старшему ребенку.

– Но здешняя атмосфера была пригодна для дыхания последние лет триста! Чего они ждали?

Тэ мотнул головой в сторону лагеря диггеров, которые жарили мясо над грудой углей.

– Пропитания? – спросил Эйнштейн.

– Пропитания и топлива, – подтвердил Тэ. – С самого Каменного Ливня они жили в своей норе, питаюсь... пещерным тофу, не знаю. Время от времени, должно быть, забирали пробу воздуха снаружи. Когда атмосфера стала пригодной для дыхания, они вышли и осмотрелись. Но вокруг все еще была пустыня, жить на ней было нельзя. Лишь недавно «ТерРеФорм» заселил эту часть Берингии животными, на которых не жалко потратить силы и энергию. Это стало для диггеров стартовым свистком – сигналом, что пора выйти наружу.

– И, очевидно, как можно быстрее начать плодиться.

– Очевидно. Итак, Эйнштейн, какой вывод ты можешь сделать о гендерной структуре их общества?

– Ну, для начала, у них не Ева, а, так сказать, Адам – Руфус. Так что их общество скорее пат... парт... парти...

– Патриархальное.

– Точно, спасибо. И так как женщины должны постоянно рожать...

– Можно сделать определенные выводы, – подытожил Тэ. – Но остается главный вопрос. Представь, что ты диггер. Так? Ты не debil. Достаточно в ясную ночь высунуться из пещеры, посмотреть на юг – и увидишь обитаемое кольцо. Если понаблюдать подольше, то увидишь, как по нему курсирует Око, как по мере строительства зажигаются новые орбиталища. Естественно, нельзя не заметить, что среди облаков мелькают бола, над головой у тебя летают аппараты «ТерРеФорма», а поверхность постоянно бомбардируют онаны. Ты не примитивный дикарь. Твой народ сохранил инженерные знания на вполне приемлемом уровне: возьми хоть составные луки, хоть взрывчатку. Так что на богов и ангелов все это списывать никто не станет.

– Они знали, – сказал Эйнштейн. – С самого начала.

– Вот уже несколько веков, – кивнул Тэ. – Как только впервые вышли

на поверхность.

– То есть все это время они знали, что в космосе живут миллиарды людей, и не пытались с нами связаться.

– Более того, они прятались! Ты, наверное, знаешь, что несколько десятилетий назад на поиски шахты Макуори отправили экспедицию. Ничего не нашли. Значит, диггеры сознательно решили не попадаться нам на глаза.

– Но почему?

– Вот и я спрашиваю. Страх? Гнев?

– Тот старик нас и правда ненавидит. «Труссы и беглецы» – вот кто мы для него.

– Нет, он нас так назвал, причем нарочито громко. Сдается мне, обращался он вовсе не к нам.

Эйнштейн кивнул.

– Я понял, к чему ты клонишь. Он говорил это для остальных?

– Если я вынужден ютиться в шахте, изо дня в день питаюсь пещерным тофу, хотя знаю при этом, что на геосинхронке живет множество людей в гораздо лучших условиях, то мне нужен очень мощный стимул, чтобы спрятаться и не высовываться.

– Ты имеешь в виду, что-то вроде Духа или, как ее, идио...

– Идеологии, да – кивнул Тэ. – Чтоб тебя, почему я сразу об этом не догадался?

– О чем?

– Только навязчивая идея, массовая галлюцинация может объяснить их внезапный выход на поверхность.

– Док этого тоже не понял, – заметил Эйнштейн в попытке приободрить Тэ, но тут же укорил себя за то, что сказал плохо о погибшем родиче.

– Не понял... Итак, подытожим. Что же мы узнали об образе мышления этих людей?

– У них, как это говорится, потаенная обида...

Тэ кивнул.

– ...и их вожакам очень важно сохранить доминирующее положение в стае. Что они и делали. Но тут появляется Док с этим «Сраптсманэром». С одной стороны, он хотел помириться, с другой – устыдить их за такое свинское поведение. Ход, наверное, приемлемый, но только если общаешься с людьми, которые воспитаны ладить и уживаться друг с другом.

– Вроде нас то есть. С теми, кто с древнейших времен был вынужден

тесниться в космических орбиталищах.

– Однако они усмотрели в этом покушение на их власть в стае, поэтому повели себя так круто. Их цель – расчеловечить нас.

– Мы – инопланетяне, – подтвердил Тэ.

– Да, кровожадные монстры с выпученными глазами.

– И чем дольше Бард с Беледом скрываются под покровом ночи...

– Тем легче им поддерживать этот образ, – закончил Тэ. – Именно поэтому нас изолировали. Вожаки не хотят, чтобы мы общались с их паствой, иначе те увидят, что мы такие же люди, как они.

– Но погоди-ка, – сказал вдруг Эйнштейн. – Значит, вожаки-то знают, что мы никакие не космические монстры.

Тэ не придумал, что ответить. Все, что с ними произошло, никак не складывалось в единую картину. Он смотрел на пляшущие огоньки костра и размышлял.

С начала Каменного Ливня ни одного костра, по крайней мере, среди орбитеров, не складывали 1735 лет. Именно столько времени прошло, прежде чем построили достаточно крупное орбиталище, где можно было выращивать деревья, чтобы обеспечить кислород для горения пламени и поглощать выделяющийся угарный газ. За помощью обратились к оцифрованным бойскаутским учебникам древности. Получилось с первого раза. Четверо новооткрывателей костра – кстати, все динайцы – стояли вокруг и смотрели в огонь, как и Тэ сейчас, вероятно, пытаясь представить все, что произошло с тех пор, как люди в последний раз вдыхали запах горящего дерева.

И это они с Эйнштейном еще не успели обсудить предательство Арианы.

Она объединила в себе все самые жуткие представления о джулианах: на лицо честный и добропорядочный гражданин страны синих, а внутри – крот. Сколько она просачивалась в разведку, зарабатывая доверие и звания? Или, может, она только-только решила переметнуться? Как бы то ни было, она похитила диггершу и отправилась с ней к красным. Как к этому должны отнестись диггеры? Они вообще в курсе, что среди орбитеров есть два лагеря?

И что разведка красных собирается вывести у той женщины? Если бы она не убила беззащитную Меми на глазах у Тэ, он бы ее даже пожалел.

Из лагеря диггеров вышли трое: вооруженный копьем воин, хмурый седобродый мужчина и еще один, которого Тэ сначала принял за мальчишку. Когда они подошли ближе, оказалось, что это девочка-

подросток, коротко остриженная и низкорослая даже по меркам их народа. Голова у нее была странно наклонена набок и повернута, будто она смотрит на все уголком глаза. Хотя, возможно, это из-за того, что она держалась за спиной у седого мужчины и вынуждена была разглядывать дорогу у него из-под плеча. Он без труда перешагивал препятствия, а девочка была вынуждена скакать по ним, делая два шага там, где мужчине хватало одного: точь-в-точь белка, которая пытается поспеть за собакой.

Седобородый движением головы приказал воину остановиться, а сам подошел ближе. Девочка замешкалась. Мужчина заметил это и жестом подозвал ее к себе. Она спряталась у него за спиной и украдкой выглядывала из-под руки.

– Меня зовут Незнам, – объявил седобородый. – Со мною вы можете общаться, но более ни с кем, кроме Эм-цэ.

По крайней мере, так Тэ расслышал ее имя.

– Я Тюратам Лейк, – ответил Тэ. – А это Эйнштейн. Женщину с нами зовут Кэт-два, но она едва ли присоединится к нашему разговору.

– Тюратам, – с придыханием произнесла Эм-цэ. – Город в Центральной Азии, Казахстан, неподалеку от советского космодрома Байконур. Эйнштейн. Физик-теоретик, жил в начале двадцатого века до Ноля.

Незнам выслушал Эм-цэ, но никак не отреагировал, даже не посмотрел в ее сторону. Он не сводил глаз с Тэ, а слова девочки были для него всего лишь назойливым жуужанием.

– Когда ваша Кэт-два проснется, передайте ей наше правило, – сказал он. – И проследите, чтобы она его выполняла.

– Правило я передам, – ответил Тэ, – но выполнять его или нет – решать ей. Я не имею над ней никакой власти. Наше общество устроено иначе.

На лице Незнама читалось, что он не поверил ни единому слову.

– Ты ведь динаец.

Итак, они знают про семь ев. Откуда? Похищали и допрашивали одиноких странников? Или тайно поддерживали контакт с кем-то из орбитеров?

– Да, это так.

– Значит, ты возглавляешь этот отряд.

Тэ промолчал. Все было гораздо сложнее, но объяснять диггеру бессмысленно.

– Что вы сделали с Марж? – спросил Незнам.

– С кем?

– С нашей женщиной, которую забрала та штуковина из космоса.

Тэ подмывало съязвить, мол уважаемый Незнам сам только что ответил на свой вопрос. Но он сдержался и просто смотрел на седобородого, пытаюсь подобрать слова.

– Та другая мутантка – из джулиан?

– Да.

– Она выстрелила в тебя из твоего же оружия. Ты не ожидал.

– Именно так, Незнам.

– Она предательница?

– Да.

– Из тех, что с запада?

Скорее всего, Незнам имел в виду орбитеров, живших в Берингии к западу от 166°30'.

– Мы называем их красными.

Незнам с пониманием кивнул.

– Вы, стало быть, синие.

– Да, синие. И мы «Торами» не пользуемся.

– Тор. Божество из германской мифологии, обладает огромной силой, ассоциируется с молнией, вооружен молотом, – сказала Эм-цэ.

– Твое полное имя случайно не Энциклопедия? – спросил вдруг Эйнштейн.

Незнам испепеляюще посмотрел на Эйнштейна, но тот даже не заметил: он завороченно смотрел на девушку.

– Да, – ответила она, прежде чем Незнам поднял руку в знак запрета. Девочка пригнулась, будто ожидая удара, потом улыбнулась Эйнштейну в ответ.

Тэ вдруг будто выпал из реальности: перед глазами четко и ясно встал эпизод из Эпоса. В той серии Руфус незадолго до Белых Небес отправил Дине по электронной почте фотографию библиотеки, которую он и его единомышленники собрали в подземной крепости. На центральных полках гордо расположилась шеренга книг в одинаковых переплетах: «Британская энциклопедия».

И эта девочка – Энци, а вовсе не Эм-цэ, как ему слышалось сначала – читала ее. Она трогала руками эти старые книги или, может быть, их переписанные от руки копии.

– Айвинец. – Незнам указал на Эйнштейна. Это был не вопрос, а утверждение. Когда первая вспышка гнева утихла, он посмотрел на паренька-селенца повнимательнее.

– У него узкие глаза из-за эпикантуса, характерного для монголоидной

расы, – сказала Энци, чересчур пристально вглядывалась в лицо айвинца.

– Умолкни, – перебил ее Незнам, затем снова обратился к Тэ: – Красная джулианка...

– Ариана, – подсказал Тэ.

– Засланный шпион в ваших рядах?

– Надо полагать.

– Занятно. В библиотеке Руфуса были романы о шпионских страстях, разгоравшихся за несколько десятилетий до Ноля, но я никогда не думал, что своими глазами увижу настоящего крота.

Это неожиданно пространное заявление Незнама проливало свет на многое. Тэ снова захотелось сострить, мол, кроты тоже живут под землей, но он вовремя решил, что уводить разговор в это русло не стоит.

– Я тоже не думал, что мне доведется лицезреть кого-то из вас, – попытался выкрутиться он.

– Все эти тысячи лет вы думали, что мы погибли! – сказал Незнам. – Что ж, вы ошибались.

– Перед тем как все покатилося в тартарары, ваш старик...

– Папаша Лойд.

– Папаша Лойд заявил, что нам здесь не рады.

– Истинно так, – ответил Незнам.

– Не хочу показаться невеждой, но я должен уточнить одну вещь. Думаю, вы согласитесь, что это важно. Как вы и ваши люди именуете себя?

– Человечество, – ответил Незнам.

– Отлично. Стало быть, человечество заявляет о своих правах на эту территорию и не желает, чтобы люди вроде нас, то есть потомки семи ев, появлялись здесь.

– Без нашего на то согласия. Верно.

– И на какую конкретно территорию вы претендуете?

– Не понимаю вопроса.

– Эта долина? Горы? Вся Берингия?

– Вся суша планеты Земля. – Незнам произнес эти слова медленно и отчетливо. – Ваш народ оставил ее, теперь она наша.

Тэ понял, что на этом разговор окончен. Однако Эйнштейн, несдержанный, как и всякий молодой айвинец, выпалил:

– А океаны?

– А этот вопрос надо обсуждать с пингерами, – ответил Незнам.

– С кем с кем?

Мужчина посмотрел на Эйнштейна как на дебила.

– Морской народ, – ответила Энци. – Они обитают...

Незнам снова вскинул руку, и она замолчала.

Замолчали все. Так Незнаму, очевидно, нравилось больше. Теперь он мог спокойно оглядеть пленников. Он остановил взгляд на Кэт-два.

– Она больна?

– Нет, – ответил Тэ. – Иногда такие, как она, впадают в длительную спячку.

– Судя по цвету кожи, мойринка?

Тэ не терпелось узнать, откуда все-таки диггеры получили все эти сведения об орбитерах, пусть и в общих чертах. Но не в его положении было задавать вопросы.

– Да, – ответил он.

По ходу беседы Незнам складывал на пальцах. Дошел до пяти.

– Еще с вами было два воина.

– Да, – кивнул Тэ. – Самый крупный – феклит.

– А тот, похожий на обезьяну?

– Неондертал, из подрасы аидян.

Незнам понимающе кивнул.

– Нам встречались такие к западу отсюда. – Он распрямил еще два пальца. – Выходит, в вашем отряде было по представителю от каждой расы. А этот? – Он указал на Эйнштейна. – Запасной айвинец на случай, если старик умрет?

– Проводник из местных, – поправил его Тэ. – И да, наш отряд называется Семеркой. Своего рода официальная делегация для особых случаев.

Дальше он говорил исходя из собственных догадок, но возможные противоречия в данный момент беспокоили его меньше всего.

– Погибший айвинец – мы звали его Доком – подозревал, что вы скрываетесь где-то здесь. Он собрал нас, чтобы встретиться с вами. Для нас это было бы историческое событие.

К такому повороту Незнам был не готов. Он явно не из тех людей, которых волнует, что думают остальные. И тут ему дают понять, что недавние события имеют совершенно иную подоплеку, и диггеры повели себя далеко не лучшим образом. Впрочем, извиняться он все равно не собирался.

– Вы нас принимаете за кучку дикарей. Вторгаетесь на наши земли и даже не думаете просить разрешения. Приводите с собой воинов, оружие, планер, «Тор».

– Незнам, а сколько, по-вашему, орбитеров сейчас находится на поверхности Земли?

– Не считайте нас отсталыми. Мы знаем, что вы расселились по всей Берингии, как вы ее называете.

– Мы расселились по всей планете.

– Пускай так. Нашу позицию это не меняет.

– Свою позицию вы обозначили предельно ясно. – Тэ так и не придумал, что еще сказать. – Могу ли я тогда поинтересоваться, зачем вы пришли поговорить с нами?

– Ваши воины убивают наших, – пожаловался Незнам.

– Как человек, который явно разбирается в поведении воинов, вы должны понимать, как с их точки зрения выглядит это. – Динаец демонстративно дернул цепь.

И снова дипломатический просчет. Малейший намек на наличие более чем одной точки зрения выводит этот народ из себя. Когда же до Тэ наконец дойдет?

– С моей точки зрения, мы сейчас находимся в состоянии войны, – сказал Незнам. – И у обеих сторон конфликта есть пленники.

– И как бы вы хотели разрешить этот конфликт?

– По возможности без насилия, – ответил диггер. – Однако не ручаюсь, что остальные настроены так же. – Он мотнул головой в сторону лагеря.

– Жду вашего предложения.

– А мы ждем вашего, – рявкнул Незнам в ответ и так неожиданно развернулся, что чуть не сбил с ног Энци.

Здоровяк с копьем тоже развернулся, однако Энци уходить не торопилась. Она осталась на месте, не сводя глаз с эпикантуса на глазах Эйнштейна.

– Как тебя зовут? – спросил он ее.

– Сонар-Таможня! Пошли! – окликнул ее Незнам.

– Вот и узнал, – сказала она.

Она нехотя засеменила к планеру. Но даже когда она уселась с сородичами вокруг костра, лицо ее, бледное и подсвеченное пламенем, как Луна, все равно было обращено в их сторону.

– Итак, с чего начать? – спросил Тэ.

На самом деле он говорил сам с собой, но это, похоже, вырвало Эйнштейна из мира грез. Он вздохнул, однако все-таки привел себя в чувство.

– Незнам сказал: «Нам встречались такие к западу отсюда». Это про Барда.

– Да, сказал.

– Предполагаю, диггеры отправляли разведчиков за сто шестьдесят

шесть градусов тридцать минут. Они, конечно же, не знали, что пересекают какую-то границу. Это же, понимаешь, в конце концов, воображаемая черта.

Тэ не сдержал смеха.

– Эйнштейн, если мы все-таки выберемся из этой заварушки живыми, я отправлю тебя в школу манер.

– Чего?

– Курсы этикета для айвинцев. Там тебя научат общаться с представителями иных рас.

– А что не так?

– Забудь. Извини, перебил. Продолжай.

– Их разведчики, наверное, сталкивались с пограничниками красных – то есть с неондерталами.

– И что бы ты на их месте подумал, впервые увидев неондертала?

– Монстр – возможно. Инопланетянин – нет.

Тэ кивнул.

– Да уж, при всем уважении к Барду и его сородичам, лучше бы диггерам раньше повстречались динайцы.

– А что неондерталы? – спросил Эйнштейн.

Тэ не сразу понял вопрос.

– Хм... Если они тоже видели диггеров, то должны были о них доложить.

– Значит, красные знают о существовании диггеров. Возможно, уже давно.

– Знают или, по крайней мере, подозревают, – согласился Тэ. Завеса тайны понемногу спадала, и от этого становилось легче. – К их поиску подключили весь аппарат разведки. Ариана начала высматривать и вынюхивать. Воспользовалась всеми связями с отделом экспедиций, какие у нее были. Подергала нужные ниточки, чтобы стать членом Семерки. И привезла домой сувенир.

– Тоже мне сувенир, – ответил Эйнштейн.

Тэ посмотрел на лицо парня в отблесках костра, но так и не понял: это он съюморил с каменным лицом или снова продемонстрировал полное отсутствие социальных инстинктов. Впрочем, неважно.

– Пингеры! – воскликнул Эйнштейн, как будто пора было переходить к следующей теме.

– Прежде чем Незнам заткнул ее, Сонар-Таможня успела сказать, что это морской народ.

– Он бьет ее, как думаешь? – спросил Эйнштейн.

Развивать эту мысль, подумалось Тэ, – все равно что залезать в яму со змеями. Поэтому с ответом он не торопился. Один раз в жизни, еще до войны, он точно так же без оглядки влюбился в девушку, как и Эйнштейн в Сонар-Таможню. Даже такого краткого опыта хватило, чтобы понять, что эта сила реальна и что с ней надо считаться.

– Мне кажется, – сказал он, – что в их обществе телесные наказания в порядке вещей, и страх наказания держит таких, как она, в повиновении. Но на деле к рукоприкладству прибегают редко. Боюсь, ничего с этим не поделаешь, ведь достаточно лишь косо взглянуть на Незнама, и он тебя попросту убьет. Тебе, вероятно, простят небольшие проявления заботы об Энци, если вы с ней еще хоть раз встретитесь. Но если будешь проявлять слишком много внимания, ее накажут. А тронешь ее – нам всем конец.

– Почему?

– Потому что в подобных культурах за женской невинностью следят с фанатичным трепетом. Ладно, давай к пингерам. Есть мысли?

– Нет. У тебя? – отозвался Эйнштейн.

Он отвечал односложно: видимо, речь Тэ произвела сильное впечатление.

– Что-то смутно припоминается, но нужно изучить и проверить, чтобы говорить наверняка.

– «Морской народ» – значит, должны быть корабли, – заметил Эйнштейн. – Но...

– Но мы их не видели.

– Может, это всего лишь группка диггеров, которые скрываются в густых лесах на побережье? – предположил Эйнштейн.

– Нет, Незнам четко обозначил, что суша принадлежит им, а океан назвал вотчиной пингеров.

– И какая у тебя гипотеза?

– Никакой, – слукавил Тэ.

На этом их вечерняя беседа закончилась. Они раскатали спальные мешки и улеглись. Тэ спал на удивление хорошо, только один раз его разбудил вой диких канидов. Извержения вулканов, которые делали Пепельную преграду такой густой, стихли, дым развеивался, и сквозь него стали просвечивать звезды и восходящее на юге обитаемое кольцо. Око сияло где-то над Галапагосами. Видимо, каниды тоже его увидели и приняли за Луну.

Он выполз из мешка, чтобы отлить, потом проверил, как там Кэт-два. Она дрожала, лоб был горячим, но не настолько, чтобы начать беспокоиться.

Часы отобрали, но по ощущениям сейчас было около трех утра. С появления «Тора» прошло почти двенадцать часов. Ариана с Марж уже должны приближаться к орбиталищам красных. Согласно неумолимым законам орбитальной механики, дорога до геосинхронной орбиты всегда занимала примерно двенадцать часов. Интересно, куда они направлялись: прямоком в столицу красных – Киото, в какое-нибудь военное орбиталище или же в Кулак, который завис над Макасарским проливом. В капсуле «Тора» и одному-то тесно. Трудно представить, что чувствовала Марж. Драку за «Сраптсманэр» многие бы сочли беспричинной и жестокой, из тех, что рождают посттравматические кошмары. Диггерша едва ли предполагала, что «инопланетянка» возьмет ее на мушку и похитит. Но даже все это было бы вполне обыденным по сравнению с тем, что произошло дальше. Навряд ли Марж видела приближающийся «Тор». Для нее все произошло невероятно быстро: только что она стояла на земле, а вот уже заключена в небольшой кабинке с вооруженным мутантом и впервые в жизни испытывает суровые перегрузки. Через несколько минут она впервые ощутит невесомость. Вероятно, она иначе представляла себе тот день, когда проснулась вчера утром. Интересно, Ариана сразу перешла к допросу? Или начала по-хорошему? А может, просто всадила ей дозу транквилизатора, чтобы не путалась под ногами эти двенадцать часов?

С точки зрения Марж, «Тор» – нечто невообразимо странное. С точки зрения Тэ и любого другого орбитера, его запуск был самым дерзким нарушением Договора за последние двадцать лет и равнозначен объявлению войны. С другой стороны, если вдуматься, до Тэ уже доходили загадочные обрывки разговоров, которые вели между собой влиятельные люди в «Вороньем гнезде», о странных делах, творящихся в южных морях. Возможно, поэтому они – кто бы это ни был – решили, что феклитов в Семерке будет представлять Белед. Его спина испещрена шрамами от механических хлыстов, которые можно получить только в жаркой схватке с неондерталами. Стало быть, и Бард не так прост, как может показаться на первый взгляд.

А что же Тэ? Он тоже был участником боевых действий на Земле и тоже мог продемонстрировать шрамы. Но вместо него можно было подобрать кого-нибудь еще, кто лучше способен возглавить поход и установить первый контакт с расой людей, настолько чуждых орбитерам, будто они с разных планет. Выбрали Тэ. Главным доводом в его пользу стало то, где он работал и кому принадлежало заведение. За «Вороньим гнездом» стояли старые капиталы – настолько огромные, что Хозяев несколько не волновали ежемесячные убытки – главное, чтобы бар работал.

Это была, так сказать, благотворительная организация, созданная для служения не культуре или Духу, а такой вещи, как Цель. И проработай Лейк там еще несколько десятков лет, возможно, однажды кто-нибудь из Хозяев усадит его в «Укромном уголке» и снизойдет до рассказа о том, в чем именно эта Цель состоит.

Размышляя обо всем, он незаметно заснул, а когда открыл глаза, солнце было уже высоко. Подошел копейщик и швырнул им три пакета с сухпайком с планера. Эйнштейн проглотил свой, как обычный голодный подросток. Тэ ел более размеренно, все время поглядывая на Кэт-два. Она проснулась, но надолго ее не хватило: она только сняла крышку и попробовала самые простые продукты, как ее тут же стошнило. Скоро рвать стало нечем и она, подергиваясь от спазмов, снова провалилась в сон.

Весь день они праздно глазели на диггеров, те – на них. Людей в лагере становилось все меньше, и с каждым часом они вели себя все более озлобленно.

– У тебя уже появилась гипотеза? – спросил Эйнштейн за обеденным перекусом.

– О чем?

– О пингерах.

Больше заняться было нечем, поэтому Тэ решил потолковать.

– Ну, если взять, к примеру, имя девочки – Сонар, – то оно наталкивает меня на интересную мысль.

– На какую? – Эйнштейн был сразу весь внимание, если дело касалось Сонар-Таможни.

– Сонар, он же гидролокатор, – это разновидность радара, работающая на звуковых волнах. Донулевая технология. С его помощью искали объекты под водой.

– Ты думаешь, пингеры и правда живут под водой?

– Все указывает на это. Вот только...

– Только что?

– Откуда они взялись?

– Может, тоже выжившие, вроде диггеров?

– Не представляю, как такое возможно.

Ни один из разведчиков, отправленных на поиски Барда и Беледа, не вернулся. Спрашивается еще, кто кого держит в заложниках на самом деле. У пропавших остались друзья, родители и дети, и очень скоро они захотят узнать, что случилось. Начнутся неудобные вопросы. Ближе к вечеру к диггерам пришла подмога: отряд из еще двадцати воинов. На длинных палках они несли подстреленных зверей. Пока шла готовка, диггеры

держали общий совет у костра. После ужина Незнам подошел к пленникам, опираясь на короткое копье, как на трость, похожий на волшебника с посохом. Солнце уже зашло, и поэтому Тэ заметил его, только когда тот заговорил.

– Произведем обмен, – объявил Незнам. – И никто больше не пострадает.

«А как насчет тех, кого вы хладнокровно убили?» – хотел спросить Тэ, но вместо этого сказал:

– Ладно, как вы предлагаете это осуществить?

Незнам начал выходить из себя:

– Для начала необходимо наладить общение! Но все, кого мы отправляем, просто исчезают!

– Хотите, чтобы с ними поговорил я?

– Ты просто сбежишь.

– Не обязательно отправлять меня к ним.

– У вас есть рации? – с подозрением спросил Незнам.

«Рация» – еще одно странное древнее слово. Перед этим диггеры тщательно обыскивали пленников и изъяли всю технику, чтобы удостовериться, что средств связи у них нет.

– Нет, – ответил Тэ.

Он оперся на столб, достал из открытого пайка кусок хлеба и раскрошил. В ночи загорелись глаза седоперых ворон. Штук десять таких сопровождали их во время полета в специальных дорожных клетках. Диггеры случайно выпустили их на свободу, теперь вороны крутились вокруг лагеря. Выдрессированные птицы немедля полетели к Тэ, отталкивая друг друга крыльями и пронзительно вереща. Динаец вытянул ладонь с крошками, одна ворона тут же выклевала их чуть ли не сквозь сжатые пальцы и теперь ждала указаний.

– Белед. Бард, – произнес Тэ.

Обычно требовалось показать фотографию получателя, но у этих птиц хватало памяти и интеллекта, чтобы запомнить имя и связать его с лицом. Кроме того, в свободное время члены Семерки специально их натаскивали.

– Наши гостеприимные хозяева желают обсудить обмен пленными.

Тэ закрыл ладонь и махнул рукой, прогоняя птицу. Она, хлопая крыльями, взмыла в темноту, выкрикивая сообщение. Тэ с нескрываемым удовольствием следил за реакцией диггера.

– Скоро получим ответ, – сказал динаец.

Незнам молча развернулся и ушел в свой лагерь.

Прошло полчаса. Стемнело. Завыли каниды. Тэ поднял голову, ожидая

восхода обитаемого кольца, диггеры тоже. Однако сегодня в небе светилось не только кольцо. Падal метеоритный дождь, но какой-то чересчур упорядоченный. Более того, он летел прямо на них.

Прибежал Незнам в сопровождении группы копейщиков. Все были явно озлоблены.

– Это штурмовой отряд? – в ярости прокричал он. – Вы вызвали подмогу?

– То есть вы знаете, что это такое?

– Это капсулы, на которых вы десантируете людей с орбиты. А теперь отвечай на мой вопрос!

– Эта территория принадлежит синим. – Готовый к незамедлительному протесту со стороны Незнама, Тэ вскинул руку. – Так записано в нашем договоре с красными. Чтобы нас выручить, синим достаточно перелететь через горы с базы Каяк, а не сбрасывать людей с сорока тысяч километров.

Тэ изо всех сил поддерживал зрительный контакт с Незнамом, сохраняя спокойствие и невозмутимость. Копейщики окружили пленников, направив копья внутрь. Эйнштейну это очень не понравилось, и он, звякая цепью, начал подбираться ближе к Тэ.

– Кто же это тогда?

– Методом исключения определяем, что красные.

– Но ты же только что говорил, что это территория синих!

– Говорил. И вам будет небезынтересно узнать, что эта высадка – акт войны, прямое нарушение Договора.

Незнам ловил ртом воздух, не находя слов. Тэ подмывало добавить: «Добро пожаловать в мир современной политики!» – но вместо этого он сказал:

– Учтите это, если вдруг решите о чем-то с ними договариваться.

Рядом приземлилась седоперая ворона и обратилась к Тэ:

– Мы идем.

Так быстро могли спускаться только военные десантные капсулы. Наверху у каждой был набор лопастей. Они раскрылись за пару тысяч метров до поверхности, замедляя падение. Когда до земли оставалось несколько десятков метров, вступили в действие тормозные ракетные двигатели – не один, а целый набор небольших, с палец величиной, твердотопливных. Под каждой капсулой образовалось кольцо огня, в котором она плавно приземлилась на три членистые ноги, как у насекомого. Они раскрылись в последнюю минуту и поглотили удар от столкновения с землей.

Первые тринадцать капсул приземлились почти идеальным кругом в долине, примерно в километре от планера. Люки, как один, открылись. Обращены они были вовнутрь, то есть капсулы представляли собой бронированный панцирь, защищавший от тех, кто мог напасть извне. Противнику, оказавшемуся в кольце, пришлось бы несладко.

Через несколько секунд в центре приземлился еще один аппарат. Из него вышел человек. По его сигналу тринадцать военных кувыркком покинули свои капсулы, перекатились на живот и взяли под прицел пространство за пределами круга, ярко подсвеченное слепящим светом прожекторов. Будь здесь настоящее сражение, следующим шагом красные бы начали уничтожать все живое в поле зрения. Но командир отдал другой приказ: все встали, убрали катапульты в кобуры и отряхнулись. Десятеро бойцов были неондерталами, оставшиеся трое больше походили на обычных людей. Они и командир, скорее всего, принадлежали к типу «Б», или «бетам» – самой многочисленной аидянской подрасе.

«Острие» – так аидяне называли подразделение из тринадцати бойцов – построилось, приняло стойку «вольно», по-парадному, взгляд направлен наружу, хотя всем хотелось посмотреть, как в окруженное пространство приземляются еще четыре аппарата. Пассажиры этих капсул выбирались куда медленнее: сразу видно, гражданские, которым никогда до этого не приходилось так быстро десантироваться. Тем временем приземлилась последняя капсула, на сей раз вне круга. Судя по форме, грузовая. Острие окружило ее по периметру. Гражданские открыли капсулу и что-то извлекли: какие-то трубы, из которых быстро соорудили столб. Наверху закрепили обруч; получилось похоже на стилизованный и более высокотехнологичный тотем диггеров. Под обручем повесили красный, раздвоенный вымпел, который синие прозвали «змеиным языком». Им пользовались боевые части красных, но не реже он встречался на спортивных состязаниях. Под вымпелом маячил большой белый флаг.

Зрелище было настолько забавным, что Тэ, который должен был заботиться о другом, даже немного удивился, увидев, что воины-диггеры, окружавшие пленников, задрожали и бросились ничком – так стремительно, что некоторые копья еще не успели упасть. Обострившимся зрением, как это часто бывает, когда вокруг что-то происходит очень быстро, Тэ заметил, что наконечники копий отлиты и выкованы вручную. Он мимоходом задумался, откуда диггеры взяли металл: не из того ли выкопанного грузовика?

Он плавно перевел взгляд на тур, где была заложена взрывчатка. Провода были перерезаны. Из темноты возникла ладонь размером с

суповую тарелку, подхватила заряд и зашвырнула куда подальше.

Рядом с деревянным столбом материализовался Белед. Изучив его с некоторым удивлением, он подергал цепь, затем присел на колено, схватился обеими руками и потянул столб вверх. Лангобард, избавившись от взрывчатки, прыжком присоединился к феклиту. Он разгреб землю руками, чтобы было за что ухватиться, и тоже потянул. Столб на полметра вышел из земли, и оба повалились. Полулежа Бард хлопнул рукой по дереву, как будто комара прибил, и оно переломилось. Теперь, кроме цепи, Тэ, Эйнштейна и Кэт-два ничто не держало. Можно идти.

Для скрытности Бард разобрал жужжащие эй-ставы и соединил цеплеты в длинный трос, который затем сложным узором обмотал вокруг тела. Тэ уже видел такое. Предположительно, неондерталы тысячами разрабатывали такой способ ношения цеплетов.

Тэ, быстро перебирая цепь через петлю в ошейнике, подтянул к себе кусок столба и схватил его, как дубинку. Свободным концом раскидал костер. Кэт выползла из спального мешка и стояла на четвереньках. Ее снова рвало. Белед, не сбиваясь с шага, подхватил ее за талию и закинул на плечо. Тэ с Эйнштейном пришлось тут же вскочить, чтобы их не поволокло по земле. Замыкал шествие Лангобард с трофейным копьем в руках. Зачем оно ему? На память?

Конечно, не самое изящное извлечение в военной истории, но и неуклюжим его тоже не назовешь. Не будь главный лагерь диггеров целиком поглощен появлением делегации красных, пришлось бы прорываться с боем. Тэ уже приготовился выдохнуть и поверить, что им удалось скрыться, как вдруг из темноты в нескольких шагах раздался голос:

– Вы, кажется, потеряли.

Лазерные целеуказатели катапультиров Беледа и Барда тут же выхватили силуэт. Лица было не разглядеть, но Тэ узнал голос.

– Не стреляйте, – сказал он.

Энци подошла поближе. Бард рискнул зажечь фонарик и осветил на нее. В руке девушка держала взрывчатку, которая, очевидно, скатилась по склону к лагерю диггеров.

– Сонар-Таможня! – воскликнул Тэ.

– Вы запомнили! – воскликнула она и зачем-то добавила: – Том пятнадцатый.

– Ладно, Сонар, мы тебя не держим, можешь вернуться к своим. А можешь пойти с нами. Как ни жалко лишать твоих сородичей бесценных знаний о том, что скрывается между буквами С и Т, все же советую выбрать второй вариант.

Он лихорадочно соображал, как бы объяснить все Сонар, чтобы не просидеть тут всю ночь, но она неожиданно согласилась. И, как белка, побежала за ними.

– Брось это, – сказал Тэ, указывая на взрывчатку.

– Смесь гексогена с воском и растительным маслом, – подсказала Сонар. – Она не взорвется, если...

– Знаю, – перебил ее Тэ. – Но нам она не нужна.

Чувствуя на себе чей-то взгляд, он оглянулся на массивный силуэт Барда. Лица неондертала видно не было, но Тэ ощущал исходящее от него недоверие.

– Потом объясню.

Они резво взобрались на холм, откуда открывался хороший вид на долину. Там, внизу, делегация красных торжественным маршем шла к лагерю у планера, примерно тем же маршрутом, что и Семерка накануне. Они, ясное дело, хотели, чтобы их видели, шли в свете ярких ламп, которые несли солдаты острия, шедшие по флангам. Того же эффекта можно было добиться, дождавшись утра и не подкрадываясь к дигтерам под покровом ночи. Но так размышляли прагматичные синие. Красные же мыслили категориями показного драматизма, и это у них получалось куда лучше.

Тэ чуть было не рассмеялся, когда наконец разглядел этот спектакль. Невольно напрашивалось сравнение с той жалкой пародией, которую вчера разыграла Семерка. Конечно же, они были в невыгодном положении, были не готовы. Но дигтерам это не важно. То, что они видели сейчас, больше соответствовало тому, как их народ, проторчавший под землей пять тысяч лет, представлял эту встречу.

Во главе колонны шел высокий аидянин с гривой волос цвета воронова крыла. Его церемониальный балахон развевался на прохладном ветру и тепло светился в лучах прожекторов. Аидянин, чеканя шаг, нес штандарт с колесом в исключительно пафосной позе: верхняя рука вывернута, ладонь направлена вперед, большой палец опущен. Никакого смысла в этом не было, но со стороны смотрелось впечатляюще. В нескольких шагах за ним шел пожилой седовласый мужчина с высоким открытым лбом и аккуратно подстриженной бородой. Его балахон был не так богато украшен, но все равно выглядел величественно. На груди у него висел медальон на массивной золотой цепи. Вытянув правую руку, он вел не кого иного, как диггершу Марж, точно невесту к алтарю. Она была одета, как и до похищения, но сверх того ей на плечи надели какую-то теплую накидку. Накидка постоянно спадала, потому что свободной рукой Марж махала над головой, показывая остальным дигтерам, что с ней все в порядке. Когда те

узнали ее, раздались приветственные возгласы. Она замахала еще активнее, и накидка все-таки свалилась. Кто-то из бет-военных немедленно набросил ее обратно.

Даже с такого расстояния было видно, что знаменосец и человек, сопровождавший Марж, аретаики – «превосходные», то есть аидяне старшей линии, зачатые в качестве ответа на детей Евы Дины. Все, как на подбор, высокие, статные, с густыми длинными волосами и королевским профилем.

В нескольких шагах за Марж и пожилым ареатиком шаг в шаг шли камилит и бета. На вытянутых руках они несли двухметровый шест, в центре которого был закреплен сверкающий кусок металла размером с голову. Любой орбитер сразу бы распознал в нем небольшой железоникелевый астероид: таких в космосе, как палой листвы в осеннем лесу. Однако на Земле, даже после Каменного Ливня, таких не было. По всей видимости, Ариана рассказала вышестоящим чинам о грузовике, о том, что диггеры готовы на все ради металла – даже выкопать и раскурочить целый двигатель, и о том, как они были бы рады такому подношению. А может, Ариана транслировала в Киото весь ход миссии по какому-нибудь секретному зашифрованному каналу. Так или иначе, этот дар был гораздо более подобающим, чем черенок от лопаты.

Еще в составе острия было двое музыкантов. В какой-то момент один застучал в барабан, который нес на поясе, а второй заиграл на горне. Тэ был уверен, что слышал мелодию в Эпосе, но подсказал ему именно Бард:

– «Хлеб небесный». Этот гимн пел Руфус и его сподвижники, когда заваривали вход в свою крепость.

– Также известен под названием «Боже, я к Тебе душой взываю», или «*Cwm Rhondda*». Был сочинен на валлийском, – дополнила Сонар-Таможня.

– Во дают! – не сдержал восхищения Тэ.

– Как долго, думаешь, они готовили этот спектакль? – спросил Бард.

– Они опережали нас на месяцы, может, и годы, – ответил Тэ. – С другой стороны, практически все это можно сварганить на скорую руку и за несколько часов.

– Согласен, – отозвался Белед.

Он аккуратно положил Кэт на землю и наблюдал за процессией в бинокль. Мойринка свернулась калачиком у его ног.

– Колесо над вымпелом? Да это обруч, обмотанный серебристой лентой. Белый флаг? Простыня.

– Зачем нам вообще на это смотреть? – спросил Бард.

И глянул на Тэ в ожидании ответа. Вопрос был не риторический. Бард

ожидал приказа. Так же смотрел и Белед Томов.

– Как она? – спросил Тэ. – Пульс в норме? Дыхание?

– Думаю, ничего серьезного. Обычный сдвиг, – ответил Белед.

Имелся ввиду гормональный сдвиг в организме Кэт, вызвавший у нее что-то вроде токсикоза у беременных. Ее микробиом – экосистема бактерий, живших у нее на коже и в кишечнике – совершенно нарушился. В него проникли древние земные бактерии, а также бактерии диггеров, с которыми организм мойринки прежде не сталкивался.

– Можешь посадить ее на спину или еще как?

Белед кивнул и припал на колено. На спине у него был рюкзак, он снял его, высыпал содержимое и срезал нижние углы, чтобы туда можно было продеть ноги Кэт-два. Получилось что-то вроде кенгурятника для младенца.

– Может быть, наши тоже пришлют сюда отряд, – сказал Тэ, имея в виду военных синих.

Он посмотрел на юг, на горы, но ничего не увидел. Впрочем, неудивительно: если бы сюда направили кого-нибудь с Каяка, они летели бы максимально незаметно и без опознавательных знаков.

– Вы с ними связались?

– Да, – ответил Бард.

За эту маленькую паузу неондертал достал с пояса мультитул, подошел к Тэ. Тот протянул обломок столба, и Бард начал плоскогубцами выкручивать болт.

Тэ устало кивнул. Да, вопрос был глупый. Но нападение диггеров – да что там, само их существование! – выбило всех из колеи, а последние сутки динайца больше заботил плен, причем в таких примитивных условиях, что впору смеяться. И все-таки о широком контексте забывать нельзя.

Синие могут выжечь эту долину дотла и вернуть в Каменный век. Хотя нет. Здесь и так Каменный век, куда уж дальше.

Как выяснилось, Бард и Белед связались с Денали – ближайшим военным орбиталищем феклитов к 166°30'. К этому моменту руководство синих должно уже знать, что диггеры существуют, что первый контакт провалился, что есть пленные. Запуск «Тора» показал, что красные опережают их на шаг. А если кому-то этого недостаточно, то высадка десанта – железное доказательство. Яркое пятно света, в котором делегация красных шла к диггерам, было рассчитано не только на землян, но и на телевики орбитальных видеокамер.

Уже не оставалось сомнений, что красные установят официальный контакт с диггерами уже через полминуты и что эта встреча пройдет

гораздо успешнее. Ариана, естественно, предупредила своих, о чем надо говорить:

«Да, конечно, мы согласны с вашими претензиями на поверхность Земли. Они справедливы и неоспоримы. У нас на орбите достаточно места, и вновь заселять планету нет необходимости».

«Конечно, как вы уже убедились, синим доверять нельзя. Но если хотите, мы можем установить здесь скрытую военную охрану, чтобы они не смели больше совать нос на вашу территорию».

«Пока мы здесь, предлагаем культурный обмен. Со своей стороны можем предложить последние достижения в медицине, стоматологии. Технические советы по восстановлению цивилизации. Чем можем служить?»

– Нет, сегодня наших не будет, – сказал Тэ. – Это только сыграет красным на руку. А вот они вполне могут отправить нескольких бойцов из острия за нами. Представьте, какими героями они станут в глазах диггеров, когда приведут нас назад в кандалах.

– Или принесут наши головы на наконечниках копий, – как бы невзначай заметил Бард.

– Тс-с! – шикнул на него Тэ и скосил глаза в сторону нового члена команды, но девочка этого как будто не слышала.

– Сонар, – обратился он к ней, – нам пора идти. Пока темно, нужно оторваться от патрулей, которые могут расставить те люди. Быстро идти можешь? Тебе не тяжело будет в темноте на пересеченной местности?

– Нет, конечно, – ответила Сонар, на взгляд Тэ, чересчур легко и беспечно. Он хотел задать вопрос более прямо, но она перебила его: – Значит, на север?

– Почему на север?

– Потому что наша главная группа с восходом выдвигается на юг.

– И куда именно на юг?

До южного побережья Берингии было километров сто.

– К морю, – ответила Сонар, мол, куда же еще.

– И что там будет?

Вопрос был вполне прямолинейным, но Сонар почему-то захихикала. Успокоившись, она ответила:

– Они попытаются понять, что стало со мной, вот что!

– Наверное, они уже заволновались, – заметил Эйнштейн.

– Пока нет. А вот тогда я им буду нужна!

– Зачем? – спросил Эйнштейн.

– Загадка!

Болт, который удерживал цепь в древке, вышел. Тэ высвободился из ошейника и швырнул его на землю. Энци смотрела на этот жест с широко раскрытыми глазами: такое обращение с ценнейшим металлом казалось ей святотатством. Тэ перехватил древко поудобнее и боролся с естественным желанием проломить девочке череп. Нашла время играть в загадки!

Эйнштейн вытащил цепь из своего ошейника и пошел помогать Кэт-два.

– То есть, пока мы не встретились у вас на пути, вы шли к морю, чтобы связаться с пингерами? – предположил Тэ.

– С кем? – переспросил Бард.

Тэ не стал отвечать, не сводя глаз с Энци.

– И поскольку именно ты в совершенстве знаешь содержание пятнадцатого тома «Британской энциклопедии», то среди своих можешь считаться специалистом по их призыву.

– Не только! – возразила Сонар. – Я специалист по множеству тем! Например, софизмы, Спарта, сюрреализм...

Тэ удержался и не съязвил по этому поводу.

– Что вы хотите им передать?

– Они первые с нами связались! – сказала Сонар. – Они оставили нам сигнал: тур на берегу. Мы идем отвечать.

Молчали долго. Успели услышать, как умирает эхо последних аккордов «Хлеба небесного». Успели послушать приветствие лидера аидян, написанное и прочитанное на безупречном донулевом английском, закончившееся лстивыми дифирамбами в адрес принимающей стороны. Бард с Эйнштейном успели высвободить Кэт и засунуть Беледу в рюкзак.

– Идем на юг, – объявил Тэ. – Бард, идешь вместе с Энци. Если устанет, хватай и неси. А еще мне нужна твоя рация.

– Моя что? – не понял Бард.

– Электромагнитный прибор для связи... – затараторила Энци, но Тэ ее перебил:

– Та штуковина, по которой ты связывался с Денали. Я должен сообщить им, что у нас появился второй шанс.

– Второй шанс?

– Завести друзей среди коренных жителей этой планеты.

На следующий день они прошли через перевал в прибрежном хребте и начали спускаться к морю. Когда идти стало проще и можно было говорить, не задыхаясь, Тэ спросил:

– А сколько всего вас таких «энци»?

Сонар резко, по-птичьи дернула головкой и украдкой посмотрела на Тэ. Взглядом она ни с кем не встречалась, смотрела всегда как-то боком.

– Я догадываюсь, что столько же, сколько томов в «Британской энциклопедии», – продолжал он, – но не знаю, сколько их. У нас не сохранилось ни одного экземпляра.

– Нас три группы: десять, девятнадцать и одна, – ответила Сонар. – Десять микропедий. Много статей, но вкратце. Девятнадцать макропедий. Статей меньше, но зато подробно. И одна пропедия, она же Оглавление.

– И к какой группе относишься ты?

Эйнштейн, спускавшийся впереди, развернулся.

– Она же говорила, что она том пятнадцатый!

Парень вообще был вежливый, и даже учтивый, но в последнее время вдруг ни с того ни с сего раздражался. Отвернувшись, он уставился под ноги, шея побагровела.

– Прошу прощения, – сказал Тэ, затем снова обратился к энци: – Вас распределяют по жребию или?..

– Нет!

Тэ не удивился.

– Более взрослые энци сначала натаскивали меня на маленьких книгах, чтобы оценить мою память.

– Когда? В каком возрасте?

– Когда решили, что в детородительницы я не гожусь.

Эйнштейн развернулся так резко, что не удержался на ногах и приземлился прямо на задницу. Реакция была настолько утрированная, что Тэ отвернулся, лишь бы не расхохотаться. Но так он оказался лицом к лицу с Лангобардом, который пребывал в таком же затруднении. Оба остановились и посмотрели в разные стороны.

– Предвосхищая вопрос, который сейчас более всего занимает юного Эйнштейна, – сказал Бард, – не будет ли с моей стороны бестактным поинтересоваться, а чем именно ты не годишься в «детородительницы»?

Энци посмотрела с высоты на Тихий океан и пожала плечами, как будто особо на эту тему не задумывалась.

– Не знаю. Может, слишком тощая? Не на что взглянуть? Неконтактная?..

– Давай проясним общую картину, – сказал Тэ. – Скольких девушек из десяти отбирают в детородительницы?

– Не знаю. Четырех?

– Стало быть, нерожающих в вашем обществе больше, чем рожающих, – озвучил Тэ, чтобы успокоить Эйнштейна.

– Так было десять лет назад. Сейчас, конечно, когда мы вылезли из Норы и места стало больше, рожать стали активнее, – объяснила Сонар.

Чуть раньше она сообщила остальным, что ей шестнадцать.

– Ясно. То есть они считали, что в шесть лет знают о тебе достаточно для такого решения. Ладно. Итак, начинают с простых книг. А потом?

– Если ты вообще умеешь читать, тебе дают всю энциклопедию.

– А, теперь понятно, откуда ты знаешь про рации, эпикантус и другие темы за пределами пятнадцатого тома.

– Да. Нужно прочитать все целиком. Когда тебе исполняется десять, решают, кем ты станешь: макропедией или микропедией.

– Наверное, одни престижнее других?

– Ну конечно! – воскликнула Сонар, только не уточнила, какие.

– Звучит, как будто микропедии заучивают всякие малоизвестные мелочи и факты, – предположил Эйнштейн. Рискованная догадка, особенно если неверная. Но любовь ослепляла, и он не обращал на это внимание.

– Да, если хочешь стать одной из девятнадцати, нужно уметь запоминать гораздо больше, – ответила Сонар, одарив парня теплым взглядом.

– А чтобы занять место предыдущей Сонар-Таможни, тебе нужно было одолеть ее в поединке или как? – спросил Тэ и тут же отругал себя за это, забыв, что у диггеров с чувством юмора плоховато.

Эйнштейн бросил на него испепеляющий взгляд.

– Нет, в моем случае такого не было, – вежливо ответила энци, оставив всех гадать, только в ее случае или вообще. – Меня обучала Чехов-Шпицберген.

– Какое благородное и прекрасное имя! – воскликнул Лангобард. – Том девятнадцатый?

– Восемнадцатый, – ответила Сонар с легким укором, не веря, что кто-то может в этом не разбираться.

– И у вас прямо сохранились настоящие бумажные копии? – спросил Тэ.

– Да, конечно, но мы достаем их только в особых церемониальных случаях. Обычно мы работаем с рукописными списками.

– Такое ощущение, что Руфус припас в убежище целую тонну бумаги.

– Несколько тонн, – поправила энци. – Натуральный хлопок, пэ-аш нейтральная!

Во время ночного бегства по горам вести подобные разговоры не было возможности, поэтому представление о культуре диггеров оставалось довольно обрывочным. О чем-то можно было догадаться, если вспомнить

историю Каменного Ливня. Фаза под названием Остывание началась только в конце четвертого тысячелетия после Ноля, когда новому человечеству удалось собрать все лунные осколки, и число болидов, падающих на поверхность, резко сократилось. До тех пор диггеры обеспечивали выживание своей небольшой популяции в крепости, которую оборудовал Руфус. Расширять Нору было весьма затруднительно, потому что она была герметичной системой, а также потому, что ненужную породу попросту некуда складывать. Как знают все, кто хоть раз копал яму, объем вынутого грунта всегда больше объема самой ямы. Какое-то время диггеры сбрасывали породу в глубокую заброшенную шахту, но как только она наполнилась, настал тупик. А из-за Каменного Ливня о прямом контакте с поверхностью нечего было и мечтать.

Так что почти четыре тысячелетия они все силы употребляли на то, чтобы количество людей в норе не превышало нескольких сотен. Отсюда и строгий контроль рождаемости. Благодаря энци, они знали все о контрацепции, но не могли производить ни презервативы, ни противозачаточные таблетки, так что знания эти оставались балластом. Пришлось прибегнуть к строгой морали, запрету общения между полами, хирургической стерилизации. Эту операцию, как и все остальные, проводили без анестезии (запасов медикаментов хватило ненадолго – всего на несколько лет после Ноля). Очевидно, они в совершенстве овладели акупунктурой и умением крепко стискивать зубы.

С одной стороны, они должны были сразу заметить, что Каменный Ливень идет на спад, поскольку грохот ударов наверняка доходил до самых стен Норы. С другой стороны, это было несложно проворонить, так как даже самые масштабные перемены занимали несколько поколений. Однако диггеры тщательно регистрировали частоту и силу ударов, что позволило им вычислить спад в конце четвертого тысячелетия. Наконец решили, что ничего страшного не случится, если пробить горизонтальный тоннель – штольню. Предполагалось, что на таком крутом склоне обломки, выброшенные из ударных кратеров, не удержатся, и он будет свободен. Расчет был в целом верен, но таких обломков у подножия горы навалило выше, чем ожидалось, и штольня чуть было в них не уперлась.

Впрочем, этого было достаточно: через штольню можно было выталкивать вынутую породу и за счет этого расширять Нору. Атмосфера все еще была не пригодна для дыхания, поэтому, когда не нужно было выбрасывать мусор, штольню герметизировали, чтобы ядовитые испарения не проникали в вентиляционную систему, за которой так тщательно следили почти четыре тысячи лет. В принципе, система была практически

та же, что на орбиталищах. Двуокись углерода удаляли посредством зеленых растений и химических поглотителей. И то, и другое нуждалось в питании: для реакции в поглотителе требовался нагрев, а для растений – свет. Поскольку доступа к солнцу не было, энергию получали из геотермальных источников. Необходимые механизмы, которые уходили глубоко в гору, построили еще Руфус и его соратники. Поддержание этой системы в рабочем состоянии было постоянной обязанностью каждого обитателя Норы все время, что они там провели.

Когда подошел к концу запас светодиодов, возродили древнее искусство изготовления ламп накаливания, а энци объяснили тонкости. Диггеры научились вручную выдувать стеклянные колбы и закручивать нити накаливания. Так же подходили и к другим вещам, в которых остро нуждались.

Тэ не особо разбирался в технике, поэтому в подробности не вникал. Кто-нибудь с инженерным складом ума наверняка бы неделями пытал Сонар-Таможню, как же диггерам удавалось выжить, пользуясь только тем, что было доступно под землей. В настоящей ситуации гораздо важнее было получить общее представление о культуре диггеров и причинах их поступков.

Потребность в жестком авторитарном строе была очевидна. Любая власть, чья основная цель – не давать людям трахаться по желанию, должна быть жесткой. Живи эти люди в каком-нибудь плодородном раю вроде дельты Нила, они бы могли подвести под это запутанную религиозную догму. Однако они оказались заложниками гигантской машины, которая убила бы их, случись хоть малейший сбой, поэтому вынуждены были создать общество, где роль Духа играла инженерия. Вольфрам, собранный запасливым Руфусом, был не бесконечен, и его нужно было расходовать бережно и экономно, чтобы потомки в течение тысяч лет могли производить лампы для выращивания растений, которые давали пищу и воздух. И так далее и тому подобное, какую сферу жизни ни возьми. В каждый момент времени у них было тридцать энци: десять, девятнадцать и одна. Еще тридцать обучались у них в подмастерьях. Роли остальных тоже были раз и навсегда распределены: мать-детородительница, стеклодув, иглотерапевт, крутильщик нитей, выращиватель картофеля, ремонтник насосов и так далее. В структурном и культурном отношении общество диггеров представляло собой теократию Бронзового века, только без веры в Бога или сверхъестественные силы.

До сих пор особых отличий от орбитеров, живших в первые два тысячелетия после Ноля, не наблюдалось, и это ненадолго вселило в Тэ

надежду, что он быстро разберется в хитросплетениях культуры диггеров. Это заблуждение вскоре развеялось. Да, первые орбитеры вынуждены были выживать в тесноте и так же сильно зависели от технологий, как и диггеры в своей Норе, но на этом сходство заканчивалось. Орбитеры всегда видели, что происходит на планете, и уже через пару тысяч лет смогли как-то влиять на ситуацию. Даже в самые отчаянные времена их не покидала надежда, что когда-нибудь они снова вернутся на Землю. Диггерам же оставалось прислушиваться к громким ударам и вести их учет на бумаге (натуральный хлопок, рН-нейтральная!), а также каждые несколько лет сравнивать данные с тем, что зафиксировали предки парой веков ранее. Первые четыре тысячи лет надежды на светлое будущее воспринимались как идеалистический бред, и того хуже – как открытое предательство веры диггеров, поскольку оптимисты страдали тягой к неоправданным рискам и излишней трате ресурсов.

Становилось ясно, что эти тысячелетия протекали ужасно блекло. Но изменения неизбежны, и такому обществу будет нелегко с ними справиться. Тэ особенно интересовало, как себя повели люди, после того как пробрили штольню на поверхность и начали расширять свои подземные владения. На повседневную жизнь это едва ли повлияло, зато появилась хотя бы умозрительная возможность размножаться и создавать цивилизацию.

Так и случилось чуть более тысячелетия назад. Нора разрослась, и в ней могли проживать две тысячи человек. Позднее, около 4700 года, когда воздух на поверхности стал пригоден для дыхания, население выросло до десяти тысяч. Жили диггеры по-прежнему под землей, поскольку на поверхности делать было пока нечего.

В какой-то момент Комитет – так называется правящий совет – узнал, что в космосе обитает большое количество людей и активно осуществляет проект «ТерРеФорма». Диггерам ничего не стоило просто выбраться на поверхность и любым способом дать о себе знать. Однако вместо этого они единогласно решили спрятаться, скрыть места выработок и пресечь любые контакты с орбитерами. Оставался вопрос: почему? Сонар-Таможня, увы, ответить на него не могла. На все расспросы Тэ и других она бормотала что-то невнятное, мол, у них обсуждать это не принято.

Очевидно, Комитету требовалось обосновать свое решение так, чтобы ни у кого не возникало сомнений. И орбитеров изобразили инопланетянами-мутантами; диггерам внушали глубокую расовую ненависть к «трусам и беглецам». Чтобы понять, во что это в итоге вылилось, достаточно вспомнить, чем закончилась беседа между Доком и

предводителями диггеров.

Прокладкой маршрута себя особо не утруждали: Эйнштейн неплохо здесь ориентировался, голова энци была набита географическими сведениями, а у Беледа с собой была цифровая карта. Путь осложнялся только препятствиями и складками местности, а также хищниками. К последним теоретически можно было отнести патрули красных, но едва ли они решили пустить погоню. Зачем? Конечно, приведи они беглецов в цепях, это завоевало бы им уважение новых друзей-диггеров, однако само бегство способствовало этому не хуже. А возможно, даже и лучше, потому что как нельзя лучше подкрепляло насаждаемый предводителями мем, что орбитеры – трусы.

Тэ подумывал объяснить энци, что, если бы диггеры вышли на поверхность не здесь, а к западу от 166°30' и заикнулись о своих территориальных претензиях, с ними бы никто церемониться не стал. Какая там музыка и космические самородки – красные бы просто испепелили их. Но нагружать этим бедную девушку было ни к чему.

Они укрылись под утесом размером с футбольное поле, который клинком застрял в южном склоне прибрежного хребта. Целый день восстанавливали силы и переживали выюгу, устраивая короткие сеансы связи с орбиталищем Денали. Под покровом выюги синие сбросили военную капсулу. Кэт ненадолго очнулась и объявила, что она приземлилась ниже по склону. Бард потопал туда. Его массивные ступни были похожи на снегоступы, поэтому в сугробах он не утопал. Примерно через час он притащил эту капсулу. Потом молча постоял, глядя на Кэт. Приступы унялись, и теперь она практически все время спала и просыпалась только поесть, сходить в туалет или озвучить что-нибудь пророческое.

В капсуле была еда, горючее, патроны, роботы и горная экипировка, которая очень пригодилась на следующий день во время спуска к побережью. Всю дорогу они преодолели под густым пологом облаков, который почти всегда укрывал эту часть света. Если бы за ними следили, делать это надо было напрямую: либо преследуя, либо запуская самоуправляемые летательные аппараты. Теперь у беглецов были свои беспилотники, и они могли заранее сообщить о погоне. Но роботы молчали, так что можно было с уверенностью предположить, что никто их не преследовал, если не считать крупных канидов. Те, впрочем, постоянно выдавали себя воем. Из-за них следующая ночевка прошла беспокойно. Решили стартовать пораньше, чтобы сделать финальный рывок. Последний

день похода завершился поспешным спуском с высокогорья к Тихому океану.

Во время обеденного перерыва они разглядели тройку надувных одноместных планеров вроде того, на котором Кэт-два завершала экспедицию. Они летели со стороны, где, по идее, находился Каяк, на крыльях – опознавательные знаки синих, плюс передавали военные позывные. Белед без раздумий сообщил им свое местоположение. Через несколько минут планеры приземлились на вересковой равнине метрах в двухстах ниже по склону. Пилоты выбрались, освободили грузовые отсеки и начали сдвигать планеры, чтобы затем скатать. Большую часть работы в итоге выполнял феклит – более коренастый и подтянутый, чем Белед. Пока он был занят, остальные двое подошли к путникам. Первый был камилит. Походка и манера держаться больше соответствовали мужчине, чем женщине, поэтому Тэ решил обращаться к нему в мужском роде, если только тот не попросит иначе. На нем был типичный для экспедиционника комбинезон с множеством отделений, на груди и плече – красные нашивки в форме креста. Стало быть, медик. Вторым оказался пожилым айвинцем в гражданской одежде, несколько более щеголеватой, чем можно ожидать посреди безлюдной Берингии, но тем не менее по погоде.

Наблюдая за ними из укрытия, Тэ испытывал двойственное чувство. Конечно, любая помощь была в радость. Он и не ожидал, что им на подмогу спустят целое военное подразделение. Политическое руководство синих вчистую уступило первый раунд своим визави. Пока обсуждается сложившаяся обстановка и варианты дальнейших действий, руки у них связаны. Общественности, вероятно, скормили историю о том, что Семерка – всего лишь экспедиционная группа, попавшая в коварную западню, так что легенду надо поддерживать. На подмогу таким армию не отправляют.

На форме камилита было написано «Сперо». Вероятно, как и у многих камилитов, фамилии у него не было. Склонившись под весом медицинского рюкзака, он пошел напрямиком к Кэт. Белед с Бардом спустились в долину, чтобы помочь феклиту упаковать планеры.

Айвинец сразу вычислил Тэ. Судя по нашивке на комбинезоне, его фамилия Ека, а представился он Арджуном. Фамилия его происходит от аббревиатуры «Европейского космического агентства», которая часто встречается на кадрах из Эпоса и с тех пор стала именем нарицательным. Тэ хотелось в лоб спросить Арджуна, кто он и чем занимается, раз оказался здесь, но знал, что это бессмысленно. Наверняка у него уже заготовлен ни к чему не обязывающий ответ. Скорее всего, какой-нибудь высокопоставленный аналитик из разведки с пятью учеными степенями.

– Как там на кольце? – спросил Тэ. – Или лучше не спрашивать?

Арджун красноречиво отвел глаза к морю.

– Настолько плохо? – поднажал Тэ.

– Ты ведь знаешь аретаиков, – сказал Арджун.

– Они из всего этого сделали большую оперу, да?

– Можно и так сказать. Я все еще пытаюсь осознать случившееся.

Редко когда красные что-нибудь транслируют на все кольцо.

– Если не считать пропаганды.

– Да, но когда ее смотришь, невольно смеешься над пафосностью и заоблачными расходами на съемки. Хотя глубоко внутри с содроганием осознаешь, что кто-то из синих вполне...

– Вполне может повестись на эту чепуху?

– Именно.

– Значит, красные транслируют все.

Арджун кивнул.

– В прямом эфире и на все кольцо.

– Эх, жалко, пропустил. Мы сбежали прямо перед контактом.

Показалось, что удобнее случая не представится.

– Хорошая тактика, – оценил Арджун. – К тому же она избавила вас от множества неприятных эмоций.

– В смысле?

Арджун посмотрел ему в глаза.

– Диггеры приветствовали красных с тем же рвением, с каким напали на вас.

У Тэ заволновалось в груди. Ощущение, что он не справился со своей миссией и все это знают, было непривычным и крайне неприятным.

– Значит, купились?

– Больше того, сразу же заключили союз с красными. Те признали законность их претензий на всю сушу планеты Земля и призывают синих сделать то же самое.

– Какое благородство, – скривился Тэ.

– Ну да, ну да. На следующий день начали бряцать оружием...

Ека Арджун вдруг увидел Сонар-Таможню, которая стояла рядом с Эйнштейном и слушала его рассказ об устройстве планеров. Тэ уже привык. Если молодежь не спала, то постоянно объясняла друг другу все подряд. Для Арджуна это было в новинку.

– Так это она... – он не закончил.

Тэ прекрасно понимал, каково это – впервые в жизни увидеть коренную землянку, не принадлежащую ни к одной из известных рас,

пытаюсь представить, через что прошли ее предки.

– Да, – подтвердил динаец.

Арджун вырвался из оцепенения и снова обратился к Тэ:

– Появились сообщения о том, что вы увели ее силой.

– А как же иначе-то?

Эйнштейн сказал что-то смешное. Энци рассмеялась и крепко прижалась к нему. Он обхватил рукой ее за талию, а ладонью начал поглаживать по бедру.

– Те двое, что?.. – начал Арджун.

– Трахаются? Нет, еще нет. Но исключительно потому, что все это время мы были вынуждены бежать.

– Диггеры, если судить по тем крупцам информации, что нам удалось собрать, крайне жестко разграничивают гендерные роли и...

– Против секса. Знаю. Я поговорю с Эйнштейном, запрещу ему ее трахать.

– Но вы ведь...

– Ты про похищение? Нет, конечно. Она сама увязалась за нами. – Почувствовав со стороны айвинца сомнение или, по крайней мере, недоверие, Тэ добавил: – И многие, представься им такая возможность, последовали бы ее примеру. Выход на поверхность порвал их культурные шаблоны в ключья. Именно поэтому лидеры так туго закручивают гайки.

Арджун кивнул.

– А что ваша мойринка?

Тэ вздохнул.

– У нее на глазах убили Дока и Меми, затем атаковали ее, вынудили пустить в ход каток. В общем, на мой взгляд, типичное *потрэсение*.

(Так на жаргоне военных называют посттравматический эпигенетический сдвиг.)

– Подтверждается, – сказал Сперо. Он, похоже, закончил анализ основных жизненных показателей Кэт. – Ускоренный обмен веществ и обострение органов чувств налицо. Микрофлора нарушена. Будем восстанавливать пробиотиками, которые лучше подходят ее изменившемуся фенотипу. Тошнота указывает на серьезный гормональный сдвиг. Возможно, это свидетельствует о будущем...

– Тестостероновом отравлении? – предположил Тэ.

Сперо кивнул.

Тэ снова обратился к Арджуну:

– Итак, три миллиарда жителей кольца только что узнали о диггерах. Как они к этому отнеслись?

– Естественно, это вызвало сенсацию, – сказал айвинец. – Всем очень любопытно. – Он снова оглянулся на Сонар-Таможню. – И мне, признаюсь, тоже.

– Общественность в курсе, насколько провальным оказался первый контакт?

– Ни имен, ни лиц членов Семерки не обнародовали. Так что никто, ясное дело, и не представляет, что с этим как-то связан сам Ху Ной.

– Значит, красные об этом тоже не раструбили?

– Насколько я понимаю, им это не выгодно, – ответил Арджун. – Раз они с диггерами теперь друзья-товарищи, им нужно выставить их в наиболее благоприятном свете, вызвать сочувствие. Довольно трудно поддерживать этот образ, если вскроется, что те хладнокровно убили Ху Ноя и его сиделку.

– Итак, стало быть, из нас сделали банду безликих, безымянных разбойников. Диггеры при поддержке красных прогнали нас со своей территории, а мы при отступлении захватили заложника.

Арджун посмотрел Тэ в глаза.

– Естественно, ни один здравомыслящий синий в это не поверит.

– Но при этом синие до сих пор не представили свою версию событий.

– В этом наша слабая сторона, – вздохнул Арджун. – Как, впрочем, и всегда. В конце концов, мы технократы. Мы принимаем решения, как инженеры. Наши взгляды не всегда совпадают с желаниями людей.

– Ты о синих вообще или о вас в Рио в частности? – спросил Тэ, имея в виду айвинцев.

– И в общем, и в частности. Да, мы принимаем решения, но общество синих доверило нам эту роль. Недаром те немногие аидяне, которые добились высокого положения у нас, в прошлом художники, музыканты, актеры.

– Они дают что-то, чего не хватает нашей культуре, – сказал Тэ.

– Да, чего не додали вы, – ответил Арджун, имея в виду, судя по всему, динайцев. – Вспомни эпоху героев, ведь все это уже было.

Тэ невольно улыбнулся, только усмешка вышла совсем невеселой.

– Ты о настоящих подвигах, а не о том, что творится на экране?

– Знаешь что? Всем все равно, настоящий подвиг или выдуманный. Людям просто надо что-то смотреть по телеэкрану или на одре. И красные это понимают.

– Предлагаю продолжить эту увлекательную дискуссию у меня в баре. Если выберемся отсюда живыми, конечно. Я так понимаю, в том, что касается общественного мнения, красные одолевают нас по всем фронтам.

– У нас были другие заботы, – вяло попытался оправдаться Арджун.

– Смотрели представление? – сказал Тэ, имея в виду высадку остря, триумфальное возвращение Мардж и великую дружбу навек между диггерами и красными.

Арджун не стал спорить, но лицо его приняло несколько нетерпеливое выражение, как у учителя, который смотрит на ученика, а тот никак не начнет соображать.

– Вообще-то нас интересовали действия красных за более длительный промежуток времени.

– Видишь ли, я всего лишь бармен, так что знаю только то, что крутят в новостях. Может, скажешь прямо?

– Что ты знаешь про Кулак?

– То же, что и любой гражданский без допуска, – осторожно ответил Тэ. – Говорят, там в фалангах «пальцев» живут люди.

«Кулак» – еще одно русское слово, проникшее в англиш. В контексте разговора оно означало бесформенный железоникелевый астероид километров тридцати в диаметре. Сто пятьдесят лет назад красные вывели его с кладбища Камчатка на орбиту над Макасарским проливом, где он с тех пор и обращался. Со стороны он напоминал неплотно сжатую руку, и внутри у него была пустота – тоннель, в котором предположительно находились крутящиеся жилые модули. Своего рода ответ БЦ.

– Недавно вокруг него появились всякие стрингеры и прочая оснастка, – добавил Тэ.

Издалека казалось, что Кулак опутан сетью тросиков, словно зернышко в паутине. Сверху и снизу – в направлении зенита и надира – тросики сходились, и из узлов выходили уже по-настоящему длинные тросы. Один достигал поверхности Земли, на другом закрепили противовес – Антимакасар.

В нескольких шагах от них Сонар-Таможня, не стеснясь, демонстрировала свои чувства к Эйнштейну, но вдруг вскинула головку и нацелилась в их сторону.

Тэ уже привык к этому жесту. Сейчас девочку привлекло слово «стрингер», которое стояло в пятнадцатом томе «Британской энциклопедии» между «сонаром» и «таможней», а следовательно, входило в ее область знаний. Во время горного перехода она показала, что неплохо разбирается – по крайней мере, по меркам троглодитов – в спутниках и стационарных орбитах, так что быстро вникла в историю космических сородичей за последние пять тысячелетий. Энци начала пододвигаться к Тэ; Эйнштейн шел за ней, как будто прикованный глазами к ее бедрам.

Не видя всего, потому что стоял спиной, Арджун холодно смотрел на Тэ, ожидая продолжения. Тэ продолжил:

– Та часть, что на поверхности, – это их ответ Колыбели. Но о ней мы мало что знаем. Красные строили ее под водой.

– Она называется «Гномон», – сообщил Арджун. Затем произнес слово по буквам.

– Что это такое?

– Раньше так называли деталь солнечных часов, отбрасывающую тень, по которой измеряли время. Ее ориентировали по земной оси.

Тэ немного подумал.

– Интересный выбор слова.

– И он большой, Тэ. Гораздо больше Колыбели. Они не просто так соорудили его в океане. С одной стороны, да, чтобы скрыть от нас, с другой – потому что для постройки на суше он слишком велик.

– Насколько именно велик?

– Извини, не могу сказать всего.

Арджун извлек планшет и вывел на экран карту мира. Подвигав пальцами, приблизил фрагмент с кучным архипелагом между Юго-Восточной Азией и Австралией.

– Вот, взгляни и скажи, что ты видишь.

Он передал планшет Тэ.

– О, Юго-Восточная Азия! – воскликнула энци, заглядывая в планшет через плечо Арджуна. – Вас что-то интересует? Может, Сулавеси? Или острова Спратли?

Айвинец глянул на нее с нескрываемым любопытством.

– А что тут смотреть? – сказал Тэ. – Я и так знаю. Здесь экватор почти ни в одной точке не пересекает сушу, поэтому красные так и ноют об этом.

– Неправда! – возразила энци. – Суматра...

– Да, это большой остров, но не материк ведь. Сонар, помнишь, что я тебе рассказывал об устройстве Ока и как работает Колыбель?

– Да, она стыкуется с экватором, – ответила девушка.

– И только с экватором. И это здорово, если твои владения распространяются в основном на Африку и Южную Америку. Я говорю про синих. А вот большая часть территории красных лежит на севере и на юге.

Однако Сонар не собиралась уступить.

– А Таиланд? Он рядом и соединен с Азией.

– Да, южная часть Таиланда, пока она еще существовала, была близко, но не самом экваторе, а градусов на семь севернее. Там Колыбель

стыковаться не может.

– Именно это больше всего разозлило аидян в конструкции Ока и Колыбели, – вставил Арджун.

Зная, что Эйнштейн маячит за спиной, энци откинулась на него, а потом начала строчить фактами, как из пулемета, – обычная для нее форма социального взаимодействия.

– Аидяне. Иерархия алфавитная – аретаики, беты, камилиты.

– Камилиты – отдельная раса, – напомнил ей Эйнштейн.

– Ах, да. Взаимоотношения между аретаиками, бетами и камилитами больше напоминают симбиоз.

Тэ с Эйнштейном весело переглянулись. Сонар-Таможня смотрела на Лангобарда.

– Далее – неондерталы. И еще две подрасы – те, что поумнее и совсем тронутые.

– Джинны и экстаты, – сказал Эйнштейн. – Они редко появляются на людях.

Первоначальный интерес к землянке у Арджуна прошел, сменившись нетерпением. Он снова обратился к Тэ.

– История давняя, конечно, – продолжил он, – но забыли ее не все. Когда Око только задумывалось – примерно тысячу лет назад – предлагались альтернативные проекты. В итоге выбрали самый простой, особенно в тогдашних условиях, а именно: Око, Большой Камень и Колыбель, которая будет стыковаться с платформами на экваторе. Идеально, если нужно попасть в Южную Америку и Африку, но при этом практически бесполезно на участке под орбиталищами аидян, половины камилитов и большей части джулиан.

– То есть тех, кто впоследствии стал красными, – пояснил Эйнштейн для Сонар.

– Да, именно обида на такую несправедливость стала одной из причин, почему красные впоследствии сплотились против синих. «Куда спешить? – говорили они. – Ведь можно сделать что-то куда эффективнее Колыбели». – Арджун приблизил Индонезию и выделил область, захватывающую экватор и прилегающие широты красных. – Мол, если вместо Колыбели соорудить дугу, вытянутую с севера на юг, то она будет иметь доступ к Азии в том месте, где раньше был Сингапур, и к северному мысу Новой Гвинеи. Оттуда, в свою очередь, можно было протянуть мост к Австралии, накидав в пролив побольше камней.

– Вытянутая дуга, ориентирована по земной оси и отбрасывает тень на поверхность, – задумчиво повторил Тэ. – Вот вам и гномон.

– Так он же должен быть огромным! – воскликнул Эйнштейн.

Арджун кивнул.

– Подготовили чертежи. Провели расчеты, где лучше строить: в космосе либо на планете. Но проект показался чересчур грандиозным, и в итоге рассудительность взяла верх, – сказал он. – По крайней мере, так думали тогда. «Пусть пока будет это, – говорили они. – Построить что-то крупнее всегда успеется». Не сложилось. Синие со временем про это забыли, красные – нет. Их джинны вложили в этот проект не меньше сил, чем мы, айвинцы, в эпигенетику. И как только границы перекрыли, закипела работа. Как вы думаете, чем они все это время занимались?

– Забрасывали Торресов пролив нескончаемым потоком болидов. – Сонар-Таможня указала на узкое место, где северная оконечность Австралии почти врезалась в Новую Гвинею. – Запрудили его, нарушили течения. Отгородили тех, кто под водой.

Арджун кивнул.

Потом вдруг резко повернулся к энци.

Пристально смотрел на нее с минуту, затем обратился к Тэ:

– Ты что... – начал он.

– Ни слова, – сказал Тэ.

– Эйнштейн, ты рассказывал ей о незаконных операциях по терраформингу, которые предпринимали красные в этом регионе? – Арджун ткнул в карту.

– Сам впервые слышу, – ответил Эйнштейн.

– Сонар, так откуда ты об этом узнала?

– Пингеры рассказали.

– А это еще кто?

– Люди, с которыми мы собираемся поговорить, – сказала Сонар.

Белед и Бард помогали феклиту упаковывать планеры. Закончив, все трое подошли к остальным. Рюкзаки разложили на земле и замаскировали всем, что можно было найти в округе: в основном ветками кустарника, посаженного на изгибе склона, чтобы защитить его от эрозии и предоставить укрытие для мелких животных. Судя по обмундированию и манере двигаться, феклит принадлежал к змееедам. Когда стало ясно, что Белед с Бардом крупнее его и лучше справляются с кустами, он оставил их и подошел к Тэ с Арджуном. Под мышкой он держал коробку, по форме и размеру похожую на те, в которых на Цепьхэттене развозили пиццу. В левой руке – кубической формы ящик. Правой рукой он обменялся приветствием с Тэ и представился: Роскос Юров. Поставив посылки перед Тэ, он отошел.

– Спасибо, – сказал Тэ.

– Не за что, сэр.

– И зачем тебе это понадобилось? – спросил Арджун. – Ты хоть представляешь, чего стоило доставить их сюда?

– Энчи объяснит по дороге, – ответил Тэ.

Арджун посмотрел на него, потом вяло кивнул и отвернулся. А вот Роскос Юров прямо-таки сверлил динайца взглядом. Поняв, что это быстро не кончится, Тэ обратился к нему. Рассмотрев знаки отличия повнимательнее, он понял, что Юров прикреплен к подразделению, которое квартировало в Нуниваке – одном из форпостов синих на самой границе. Иными словами, в полной глухомани. По сравнению с ним Каяк – натуральный мегаполис. Служили там чуть ли не одни змеееды, которых отправляли на всякие трудновыполнимые задания.

– Он имел в виду не это, сэр, – сказал Роскос. – Он имел в виду: ты еще кто такой?

– Сержант-майор Юров... – возразил было Арджун, но военный его не слушал.

– Вот только не говори, сэр, что ты простой бармен.

– Погибший доктор Ху лично отобрал товарища Лейка в Семерку, – отметил айвинец.

– Ага, а теперь он возглавляет эту... – Юров окинул взглядом отряд и презрительно усмехнулся. – Даже не знаю, как назвать. «Шайка оборванцев» звучит чересчур лестно.

– Он смог вывести их из затруднительного положения.

– Да, в которое сам же их и завел. В какой-то степени, сэр, – тут же парировал Юров.

– И на данный момент он знает о диггерах и ситуации в целом больше, чем кто-либо еще. Я полагаю, эти предметы были заказаны с определенной целью, и по дороге нас в нее посвятят.

Тэ жестом прервал его.

– Недоверие сержант-майора Юрова объясняется тем, что он не понимает, кому я подчиняюсь. Вполне справедливо.

Роскос перестал хмуриться и сверлить Тэ взглядом. Воспользовавшись этим, динаец посмотрел на Ека Арджуна.

Айвинец едва заметно мотнул головой, но в жесте четко читалось: «не стоит». Убедившись, что Тэ его понял, он обратился к Роскосу Юрову.

– Сержант-майор, – сказал он тихо, – есть многое на свете, что и не снилось вашим мудрецам.

Юров фыркнул.

– Это ты, типа, сумничал на тему, что за ответы на эти вопросы мне не платят, сэр?

– Именно.

– Я лишь хочу знать, не замешана ли здесь какая-нибудь хрень вроде Духа, сэр.

– И это все? – переспросил Тэ. – Почему сразу не сказал?

– Нет, Духом здесь и не пахнет, – ответил Арджун с видимым облегчением.

– Потому что бар, на который он работает...

– Не имеет отношения ни к одному из куполов.

– Чтоб тебя! Тогда к кому он имеет отношение, сэр? – взорвался Юров. – Я поспрашивал через знакомых в разведке. Как коммерческое предприятие он не выдерживает никакой критики. Структура управления весьма... необычна. И я слышал, там есть какие-то связи с красными.

– Да, один из Хозяев действительно в родстве с аидьянами, – признал Тэ. – Однако на твоём месте я бы поостерегся делать огульные выводы касательно его политической принадлежности.

– Это как-то связано с Целью? – спросил Роскос.

Никто ему не ответил. Правильно истолковав молчание, Юров тяжело выдохнул, затем продолжил более спокойным тоном:

– Ладно, все ясно. В общем, какое-то дело, связанное с Целью. Я к нему допуска не имею. Могли бы и сразу сказать. – Он вытянулся по стойке «смирно» и отсалютовал. – Какие будут приказания, сэр?

– Энци ведет нас к морю, – сказал Тэ. – Идти надо очень быстро, но дело осложняется тем, что нашу мойринку придется нести.

Подошел Лангобард. Он слышал последнюю фразу.

– Вообще-то, – сказал он, – если мы сейчас же не поторопимся, то рискуем ее не догнать.

Вытянув длинную руку, он показал в сторону долины.

Сначала они увидели крупную фигуру Беледа, который мчался вниз по склону. Все знали, что он может поддерживать такой темп часами. А далеко впереди виднелась фигурка Кэт Амальтеиной-три, которая бежала еще быстрее.

Лекарства и пробиотики Сперо выровняли перепады настроения Кэт-три и снизили тошноту до почти терпимого уровня. Все проходило и само по себе, но лекарства тоже были нелишними: организм поглощал еду тоннами, и ее нужно было удерживать внутри. Однако самое важное лекарство – настолько важное, что Сперо вставил Кэт в руку нанос-

капельницу – воздействовало на миндалевидное тело и должно было затормозить неврологическую катастрофу после пережитой четыре дня назад психологической травмы. Таким образом, мозг осознавал шок с опозданием на несколько дней, но это, пожалуй, тот редкий случай, когда «лучше поздно, чем никогда». Так прерывался порочный круг, в котором этот ужасник переигрывался бы снова и снова, пока не свел бы Кэт-три с ума. Длительная спячка тоже воздействовала благоприятно. Вполне осязаемую и биологически измеримую пользу принесло и то, что большую часть времени мойринка была физически прикована к Беледу, постоянно вдыхая его запах. Феклит внешне никак не реагировал на то, что днем таскал на спине беспомощную, пропахшую рвотой женщину, которая по ночам сворачивалась клубком рядом с ним. Секса у них до сих пор не случилось, но Кэт боялась, что когда ей станет лучше и она приведет себя в порядок, то набросится на него, как изголодавшийся суккуб. Это был широко известный симптом *потрэсения*, и в сообществах мойринцев, которые пережили коллективную психологическую травму, он зачастую приводил к ярким и надолго запоминающимся последствиям.

Но поскольку предаваться безудержному сексу со всем, что движется, в настоящее время был не вариант, она искала другие способы высвободить накопившуюся энергию. Спуск к морю оказался длиннее, и Кэт-три сильно оторвалась от остальных, вынуждая Беледа бежать на пределе сил, только чтобы не потерять ее из виду. Он был сзади, но Кэт ощущала вибрацию, когда он отталкивался от земли, слышала его дыхание и тихий треск патботов, а если ветер налетал со спины, то и запах гигиенических салфеток, стирального порошка, смазки катапульта, последнего завтрака. Не только избыток энергии, который буквально сводил с ума, заставлял ее держаться так далеко от окружающих. Ей нужно было уединение, чтобы не утонуть в водовороте сенсорных данных обо всех членах отряда. Одного Беледа достаточно.

Она продралась через заросли плетевидных растений, семена которых попали в дюну, и выбежала на мокрый, проваливающийся под ногами песок. Волны разбивались метрах в пятистах от берега и, шипя, подкатывали к ее ногам. Ноздри улавливали запах неисчислимых морских обитателей – примерно тот же, что она чуяла, стоя на вершине моста в Колыбели, только еще отчетливее. И это несмотря на химическое подавление миндалевидного тела. Без лекарств Сперо ее быстро бы охватила паническая атака, но Кэт все равно ощущала, как тело раскаляется, а кожа на голых руках будто бы вот-вот лопнет, как на жареной сосиске. Она перешла с бега на шаг и направилась прямо к воде,

на ходу беспорядочно скидывая одежду. Скоро прибой уже лизал ей лодыжки, затем икры, но еще чуть-чуть – и было бы поздно. Кэт упала на колени и медленно опустила лицо в воду. Обнаженная, она плавала в ледяной воде, которая только усиливала ощущение, будто лопатки и ягодицы жарят на гриле.

Если бы ее попросили дать разумное объяснение, почему она лежит лицом вниз в Тихом океане и разглядывает морских звезд, Кэт не знала бы, что ответить. Но ей становилось лучше. Сердце, которое до этого будто готовилось пробить грудную клетку насквозь, замедлилось и пульсировало почти в спокойном темпе. Прошло на удивление много времени, прежде чем ей понадобилось упереться ладонями и коленями в песок, чтобы привстать на четвереньки и глотнуть воздуха.

Кэт подобрала ноги под себя, перевернувшись. Теперь под водой, остывая от палящего солнца, были ноги и ягодицы.

Белед Томов стоял в нескольких шагах, по щиколотку в воде, и силился отдышаться. Ему бы явно не повредило окунуться в ледяную воду Тихого океана, но он здесь не за этим. Он был готов в любую минуту выдернуть Кэт-три, если бы та забыла всплыть.

Они посмотрели друг на друга. Глаза мойринки говорили: «Я бы взяла тебя прямо здесь и сейчас». – «Я знаю». – «Я знаю, что ты знаешь».

– Слышала что-нибудь? – спросил Белед.

Неожиданно.

– Сейчас, когда погрузила голову, – объяснил он.

– В смысле, в воде?

– Да.

– Например?

– Ты что, не слушала?

– Шутишь? Как не слушала, если там столько шумов, что можно с ума сойти?

– Я имею в виду, наши разговоры.

– Нет. Вы все слишком громкие.

– Возможно.

Белед протянул руку в сторону каменного мыса, который вдавался в океан в нескольких сотнях метров от них.

– Туда.

Температура тела наконец пришла в норму, Кэт оделась и пошла за Беледом. Мыс казался почти рукотворным и представлял собой груды каменных обломков, скрепленных корнями деревьев и кустарника. Он врезался в пляж, как штык лопаты.

Кэт-три даже не знала, зачем они идут к морю. Их что, должны тут подобрать? Какой вообще план и есть ли он? Или они просто бежали куда глаза глядят и уперлись?

– Диггеры полагают, – сказал Белед, – что под водой живут люди. Они называют их пингерами. Предположительно, им удавалось вступать в контакт в определенных местах на побережье Берингии.

– В контакт? Прямо вживую?

Белед пожал массивными плечами – такое движение мог бы уловить сейсмограф.

– Я подумал, вдруг ты что-то услышала, когда погрузила голову в воду. Диггеры пользуются технологией под названием «сонар».

Соображала Кэт пока медленно. Она немного знала о сонарах. В экспедициях с их помощью составляли карты озер и вели учет рыбы.

– Стало быть, не случайно среди наших попутчиков девушка с таким именем?

Белед кивнул.

– Она рассказала нам про пингеров, но верится с трудом.

– И где же они обитают? В подводных лодках?

Белед снова пожал плечами:

– Никто не знает. Но наверняка они отлично умеют задерживать дыхание.

Обойти мыс без лодки было невозможно. Пришлось отдалиться от воды, подняться метров на двести, затем продрасть через густую растительность.

Когда они оказались в точке, откуда было видно море, стало понятно, что вся эта часть побережья, включая мыс, – кромка ударного кратера диаметром около километра. Изгибаясь двумя идентичными дугами, он вдавался в Тихий океан, и внутри получилась небольшая бухта. Болид, который оставил эту астроблему, ударил очень близко к берегу. Центральный ударный пик образовал скалистый островок, торчавший из воды точно между мысами. Мозг автоматически достраивал невидимую глазу часть обода, проходившую под водой. Если приглядеться, было видно, как о нее разбиваются волны. На суше кратер плавно переходил в гору. Удар оставил котлован с настолько крутыми стенками, что Беледу с Кэт-три пришлось чуть ли не скатываться к бухте. Пляж здесь был скорее каменистым, чем песчаным, и многие камни были полупрозрачными, округлыми, как окатанное морем стекло.

Сверху донеслись голоса: оставшаяся часть группы нагоняла их.

Где разбить лагерь, как не посередине пляжа, напротив каменистого

мыса? К тому же здесь лежала горка стекляшек, довольно высокая и ровная. В ней сразу угадывалось искусственное происхождение.

– Их сигнал, – пояснил Белед. – Надо развести костер.

Он пошел по пляжу, собирая плавник. Кэт-три почему-то привлек тур, и она присела рядом с ним в ожидании остальных. Было слышно, как Сонар-Таможня что-то щебечет, бегая кругами вокруг спутников. Вскоре к ее голосу присоединилось их дыхание и шаги.

– Их история делится на три периода – три Потопа. Первый Потоп – это камень и пламя, он загнал их в самые глубокие впадины, вода в которых не испарилась, даже когда весь океан высох. Там они создали расу, способную выживать в замкнутом пространстве. Второй Потоп – это лед и вода.

– Облачное столетие! – воскликнул Эйнштейн.

– Да, это когда вы несколько веков обрушивали на Землю кометы. Пингеры заметили, что уровень воды в океанах все поднимается, а значит, у них появляется простор. Тогда они переродились в расу, которая может плавать под водой.

– Вот ты говоришь «переродились». Благодаря генной инженерии или?.. – спросил Арджун.

– Нет, выборочной селекции, – уточнила Сонар. – Если за несколько тысяч лет из волков удалось вывести пуделей, только представьте, во что при необходимости может превратиться человек! Пингеры начали изучать океанское дно. Там они обнаружили много металлического и иного мусора, который попал в океан во время Каменного Ливня да так там и остался. Они заново овладели всеми секретами металлургии.

– Вот почему вы с ними торгуете, – предположил Тэ. – Потому что у вас не хватает металла, а у них много?

– Да, и потому что у них нет того, что есть у нас, – подтвердила Сонар.

– Ты говорила про три Потопа, – напомнил Эйнштейн. – А какой третий?

– Тот, который происходит сейчас, – ответила энци. – Этот Потоп – жизнь, начиная с микроорганизмов и заканчивая вами.

– То есть нами – орбитерами, – уточнил Тэ.

– Да. И единственные орбитеры, которых они знают, – это те, кто заваливает камнями Торресов пролив и что-то строит в Макасаре.

– И каким образом это стало известно тебе? – спросил Арджун.

– То есть?

– Я имею в виду, Сонар, ты лично общалась лицом к лицу с пингерами?

– Я?! – переспросила она одновременно с удивлением и ужасом. – Нет-нет, я просто смотрела на них издали.

– То есть ты скрываешься здесь, пока старшие члены твоего клана на пляже ведут переговоры.

– Разговаривать с ними трудно. Общались в основном через письмо. Пока мы не поделились с ними бумагой, пользовались плитками и мелом.

Кэт-три скользнула взглядом на слишком аккуратную стопку плоских черных камней, наполовину утонувшую в песке, которую она заприметила минутой раньше. Пока партнеры спускались к кромке воды, Кэт-три вытащила плавающую в воде палку, разгребла песок и гальку и достала одну из плиток. Края были неотесанные, но ее точно сделали люди: взяли плиту из черного камня, откололи кусок толщиной с палец и длиной с предплечье, чтобы можно было держать на согнутой руке, и отполировали, чтобы можно было писать. Среди песка и водорослей виднелись куски карбоната кальция, или, говоря проще, мела. На плитках по-прежнему оставались разводы. Не слова, но обрывки чертежей, может, карт и какие-то цифры.

К островку пристал кусок плавника: пень от дерева, которое бурей вырвало из какого-нибудь утеса дальше по побережью и забросило сюда. Тэ скинул рюкзак, освободил карманы и подобрал квадратный ящик, который доставил Роскос Юров. Держа его над головой, он пошел вброд до островка, проклиная ледяную воду. В самом глубоком месте ему было по грудь, а иногда волны накатывали до подбородка. Он закинул ящик на окончность островка, затем вскарабкался туда сам.

С любопытством взглянув на пень, он присел, схватился за выступающие корни и вывернул его. Затем отошел в сторону, чтобы все увидели, что скрывал плавник: вертикальную секцию стальной трубы диаметром с ладонь, высотой по колено, накрытую плоским металлическим диском размером с тарелку. Труба торчала не из камня, а уходила под воду. Видимую часть примотали к вбитым в островок штырям – грубым, но надежным, как и все диггерское.

Тэ нащупал что-то ногой. Он нагнулся и поднял предмет над головой, чтобы его видели на берегу. Это была самодельная кувалда из отрезка трубы с приплавленным куском металла. Тэ посмотрел на энци. Та развела руками, мол: «Видите? Я же говорила!»

Тэ окинул взглядом морской простор, потом повернулся и крикнул:

– На сколько она тянется?

– Труба? Метров на сто, – ответила Сонар. – Кратер выполняет роль

рупора, который направляет сигнал на глубину.

Едва она договорила, Тэ подхватил кувалду и со всей силы долбанул по диску. Раздался оглушающий металлический «пинг», по громкости перекрывший вопль Кэт-три. Мойринка, обхватив голову, упала на песок.

– Уведите ее отсюда! – крикнул Тэ. Кэт слышала его даже сквозь прижатые руки.

Сзади подошел Белед, подхватил ее под грудь и рывком поднял на ноги. С одной стороны, это было приятно. Но в то же время ей так надоело, что ее везде таскают! Поэтому она вывернулась из его рук, отвернулась спиной к морю и пошла к кустам на границе пляжа. Тэ позволил ей отойти на почтительное расстояние, затем прокричал:

– Заткни уши!

Она заткнула, а через секунду мозг пронзил еще один «пинг». Через секунду еще, а затем еще, без какого-либо ритма, а, казалось, вразнобой. Поднявшись до отметки, откуда можно было смотреть на происходящее и не испытывать при этом адской боли, Кэт наконец поняла замысел Тэ.

Потомки каждой евы сохранили набор ритуалов, восходящих к их прамати. Они передавались от поколения к поколению путем каждодневных повторений, через школьную программу и молодежные группы. Юные феклиты занимались спортом с боевым уклоном в невесомости и соревновались на полосах препятствий, которые воспроизводили подвиги Феклы из Эпоса. Джулиане создавали дискуссионные клубы и уходили в долгие скитания, символизировавшие изгнание их евы и ее страдания во времена Роя. И так далее.

А вот динайцы сызмальства учили азбуку Морзе, правда пользовались ей очень редко. Мойринцы, конечно, вообще ее не изучали, поэтому Кэт-три даже не могла предположить, какое сообщение пытается отправить на глубину Тюратам Лейк.

Все без исключения смотрели серию Эпоса, когда с началом Каменного Ливня Ева Дина отправила последнюю передачу своему отцу. Заканчивалась она многочисленным повторением кода QRT, с каждым разом все медленнее (Дину сотрясали рыдания, и руки не слушались), пока в нем не начал звучать торжественный ритм вроде похоронного марша. Пам, пам, па-пам... Буква Q. Кэт-три узнала эту последовательность, и всплывала она очень часто, учитывая, что в англише эта буква почти не используется. Стало быть, Тэ для краткости отбивал древние Q-коды. И все равно она терялась в догадках. Чередование длинных и коротких ударов повторялось синкопой, и, казалось, даже сердце начало биться в такт. Тюратам остановился, только когда Сонар-Таможня дошла до островка и

убедила его, что если пингеры где-то неподалеку, то уже точно получили сообщение.

– И сколько теперь ждать? – прокричал динаец, не из-за шума прибоя, а потому что явно оглох.

– Зависит от того, где они сейчас, – ответила Сонар. – Может, день, а может, три.

– Отлично, – ответил Тэ и встретился взглядом с Роскосом Юровым. Тот, повинуясь неистребимому военному рефлексу, посмотрел на часы.

Тэ открыл щеколду на ящике, вывалил оттуда какие-то детали и углубился в инструкции. Кэт-три стояла слишком далеко, к тому же темнело. Солнце зашло, а Тэ все возился, что-то собирал, время от времени посвечивая себе фонариком. Рядом сидела энци, которую Эйнштейн укутал в спальные мешки. На ней были массивные наушники, и она то и дело по-птичьи поворачивала голову к Тэ. Ека Арджун медленно бродил туда-сюда по пляжу подальше от воды, а Эйнштейн стоял как вкопанный и беспокойно глядел на возлюбленную. Сперо заполз в палатку, которую поставили чуть выше по склону, где посуше. Полог изнутри светился синим: видимо, камилит работал на планшете – может, даже искал информацию по лечению *потрэсений*.

Это был нижний лагерь, в котором обосновались Сперо, Тэ, Эйнштейн, Сонар-Таможня и Арджун. Белед поднялся за Кэт-три, вскоре к ним присоединились Лангобард и Роскос Юров. Разделившись, они прочесали кусты и обнаружили в склоне дугообразный гребень: демаркационную линию между кратером и береговой линией, в которую угодил метеорит. Дальше склон был более пологим, а еще за гребнем образовалась небольшая низина. Ее наполняло болото протяженностью с полкилометра, упирающееся в сосняк. Отступив на несколько шагов от гребня, военные начали строить верхний лагерь. Говорили мало, но было ясно, что это для защиты тех, кто внизу, когда придут красные. Если враг будет спускаться прямо с гор, то попадет в трясину. Если придет по пляжу, то упрется в каменный мыс. В любом случае отсюда красные будут как на ладони.

Несколько десятков лет назад где-то неподалеку упал онан. Из него выползли ужики с семенами и начали составлять карту рельефа и проводить анализ почвы, обмениваясь данными по сети. В итоге их коллективный разум заметил излом в прибрежном склоне. Следуя алгоритму, который в него заложил некий программист с кольца, этот разум решил, что здесь следует посадить крепкий раскидистый кустарник, чтобы укрепить береговую линию. И было так. Ужики, которые переползли через

гребень, нашли котлован и засадили его растениями, приспособленными к влажному климату. Получилась своего рода естественная плотина на пути воды, спускающейся с гор. Со временем здесь могло возникнуть озеро, но пока что под травой и тростником скрывалась вязкая топь по колено глубиной.

Кэт-два бойцом не была. Да, она прошла базовую военную подготовку, но этого хватало только на то, чтобы выстрелить из катапульты в направлении голодного канида. Кэт-три пока не знала, повлиял ли сдвиг на эти навыки, но какая разница: ей ни за что не сравниться ни с Беледом, ни с Бардом, ни с Роскосом Юровым. И все равно они казались ей медлительными тугодумами. Они столько всего не замечали из того, что она читала, как открытую книгу. А еще они очень устали, и их клонило в сон. Когда совсем стемнело, Кэт-три один за другим проглотила три полных рациона из тех, что привез Роскос, выскользнула из лагеря, вскарабкалась на самую кромку кратера, и оттуда, наострив глаза и уши, стала смотреть на горы.

Вернувшись, она напугала Роскоса Юрова. Он засыпал или уже спал, его ровное сопение было слышать за тысячу шагов.

– Кэт-два, предупреждай, когда подкрадываешься! – прошипел он.

– Кэт-два больше нет.

– Ладно, Кэт-три.

– Все тихо. Ближайшие несколько часов нас никто не побеспокоит.

– Если только они не решат десантироваться, – проворчал Роскос.

Подошел Лангобард, как всегда настроенный поболтать.

– С воздуха их можно не ждать, – сказал он. – Они сделают все, чтобы убрать нас по-тихому, так, чтобы никто не узнал. А полномасштабное нападение едва ли вяжется с историей, которую они скармливают жителям кольца.

– Когда, блин, мы расскажем свою версию этой истории? – не сдержался Роскос, и на этом разговор закончился.

Но через час пришел ответ; сначала Кэт, а за ней и остальные услышали со стороны океана гудение и рычание. Небо на юге разрезали лучи прожекторов, затем вдруг потухли. Пилот решил идти по темноте. Аппарат – не то самолет, не то корабль – держался близко к воде и издавал шум, характерный для ковчега. Он со вздохом опустился на воду в километре от берега и зачухал маневровыми двигателями. Якорь бросили подальше от берега из уважения к претензиям диггеров, которые взводятся из-за всякой мелочи, но не слишком далеко, чтобы можно было переправлять лодочки с людьми и грузом. Опустили задний грузовой трап,

и залившаяся туда вода вынесла баржу и несколько шлюпок. С одной из них на берег сошла небольшая партия. Кэт-три слышала, как они беседуют – в основном с Тэ и Арджуном, хотя Эйнштейн, как обычно, нашел способ вклиниться.

Баржу отбуксировали на открытое пространство на полпути к берегу и заякорили. Заскрежетали механические внутренности, через несколько минут раздались грохот и гудение, открылся люк, и из него перевернутой подковой взметнулся сверкающий фонтан цеплетов. Роботы взлетали к небу, набирая скорость, гудение постепенно становилось все громче и пронзительнее. Через несколько минут эй-став поднялся метров на сто и залил бухту и пляж мягким светом, в котором можно было спокойно ходить и читать. Теперь Кэт-три увидела название ковчега: «Дарвин». Его наверняка отправили с крупной базы «ТерРеФорма» – скорее всего, из Хайды, – в ведении которой находилось северное побережье Тихого океана.

Баржами с эй-ставами часто пользовались военные, так что роботы, вероятно, излучали и в других диапазонах, помимо видимого света. Они образовывали единый коммуникационный центр, который соединял все устройства в поле зрения, а также обеспечивал канал связи с Денали и другими базами на кольце.

Теперь Кэт-три было не до сна, и она спустилась на пляж. Пройдя через кусты, она увидела Эйнштейна с энци, которые стояли перед камерой, подсвеченные прожекторами. Чуть поодаль перебирала записи высокая мойринка с осанкой, манерами и внешностью модели. Одета она была по погоде, пальто подчеркивало ее стройную, но при этом крепкую фигуру. Вероятно, его сшил на заказ какой-нибудь модный цепьхэттенский кутюрье.

Ближе можно было не подходить – и так понятно, что мойринка занимается как раз тем, чего так ждал Роскос Юров. Она обратилась к камере, затем начала задавать вопросы Эйнштейну и энци. И все это транслировалось в прямом эфире на кольцо.

Кэт-три уселась на пляже, обхватив колени, и смотрела, как женщина делает свою работу. Что такого произошло в ее жизни, что она эволюционировала в сногшибательную красотку? Она вела себя не так, как если бы была красавицей от рождения, что наводило на мысль о какой-то глубокой личной травме. Завершив интервью, женщина отключила свет и камеры и отошла побеседовать с Ека Арджуном. Оба надели одры; вероятно, предмет разговора транслировался на устройства.

Кэт-три была уверена, что Кэт-два видел репортажи, которые эта женщина вела из горячих точек по всему кольцу. Она освещала забастовки

и гражданские беспорядки, которые подавляли силами полиции и козачков.

Кэт уже долго сидела на одном месте, раз успела увидеть все это и сделать выводы, а значит, силы у нее были на исходе. Что неудивительно, учитывая, как прошел день. Перевалило за полночь, до рассвета было еще далеко, и Кэт чувствовала, что погружается в сон с той же непреодолимой силой, с какой «Эндьюранс» спикировал на Расщелину.

Но вместо этого она вдруг обнаружила, что смотрит на высокую мойринку, а та – на нее. Когда она успела так близко подойти? Кэт-три вскочила на ноги, песок начал предательски проваливаться.

– Кэт Амальтеина-три? – спросила женщина. – Приятно познакомиться. Кантабриджия Бартина-пять.

Пять? Ничего себе.

– Ты наверняка повидала немало всякого, – сказала Кэт-три. – Искренне надеюсь, что ты остепенилась в текущей форме.

Кантабриджия-пять слегка прикрыла золотистые глаза, как бы благодаря за эти слова, но отвечать не стала.

– Я здесь выполняю роль начальника штаба, – сообщила она.

Не самое безумное, что Кэт-три доводилось в последнее время слышать, но и не самое банальное. Внешне Кантабриджия-пять больше напоминала тележурналиста. Однако в мире, где действия полиции или военных могут считаться успешными, только если таковыми их воспринимает обыкновенный зритель по телеэкрану, она равнялась генералу.

Арджун подошел сзади и встал у мойринки за плечом. Коротко кивнул Кэт-три.

– Я только что связалась с сержант-майором Юровым, лейтенантом Томовым и Лангобардом, – сказала Кантабриджия-пять, – и провела инструктаж. Теперь к тебе. Приближается небольшой отряд красных. Сюда доберутся через несколько часов. Разведка сообщает, что их ведут двое диггеров, которые знают дорогу. Может завязаться бой. Напрямую вступать в него нельзя, только обороняться. Держись подальше от наших бук. Наблюдай за диггерами. Если получится, постарайся сделать так, чтобы они никому не нанесли вреда. Но помни: мертвых диггеров в кадре быть не должно.

Кэт-три кивнула.

– Ясно.

Арджун, видимо, подумал, что надо пояснить:

– Мы не знаем, появятся ли пингеры, и если да, то когда. Нужно выиграть время.

– Хорошо, – ответила Кэт-три. – И как мы намереваемся это сделать?

Арджун взглядом дал понять, что она забывается, а Кантабриджия-пять просто сняла с головы свой одр и протянула Кэт. Он был ей немного велик, поэтому пришлось поддерживать его одной рукой.

– Не забудь про музыку, – сказала Кантабриджия-пять. – Иначе впечатление будет неполным.

– Музыку? – переспросила Кэт.

Кантабриджия-пять улыбнулась уголками глаз, мол, сама сейчас поймешь, просто сделай, как говорят. Кэт нащупала наушники-капельки.

На экране одра возникли виртуальные иконки, большей частью обесцвеченные или размытые: одр распознал, что Кэт-три не его владелица, и потому закрыл доступ к некоторым данным. Однако рядом с Арджуном парил мягко светящийся красным шарик размером с теннисный мяч. В нем была небольшая впадинка. Айвинец щелкнул по ней пальцем, и шарик поплыл навстречу Кэт-три.

– Прошу.

Кэт поймала шарик, засунула большой палец во впадинку и растянула. Перед ней возник плоский экран. Затем она потянула шарик на себя, и экран приобрел объем.

Насчет музыки Кантабриджия-пять не шутила. Играл полный оркестр, в который входили как инструменты, знакомые еще Моцарту, так и те, что были изобретены через тысячи лет после Ноля. Музыканты аккомпанировали хору, и сознание Кэт захлестнуло цунами стереозвука. Исполняли государственный гимн красных. Не легонькую сокращенную версию, которую пускали на спортивных состязаниях, а вариацию в симфонической обработке, которая была рассчитана на то, чтобы слушатель замер в немом трепете.

Над пляжем висел виртуальный железоникелевый кулак. Точнее, Кулак. Тут и там он был утыкан мощными стрингерами, к которым крепились тончайшие нити и тянулись в разных направлениях, исчезая где-то в дали. Кэт-три осторожно, чтобы не подвернуть ногу на случайном булыжнике, обошла его и заглянула в отверстие по центру. Там под бугристой многокилометровой корой астероида несинхронно вращались светящиеся кольца, каждое наподобие БЦ. Как только Кэт встала под этим углом, запустилась программа, и камера начала двигаться сама собой. От неожиданности мойринка чуть не упала – пришлось ухватиться за руку Кантабриджии. Точка виртуального обзора медленно поплыла внутрь Кулака, который все увеличивался и будто поглотил Кэт. Замедлить или ускорить камеру было нельзя, но можно было смотреть по сторонам,

заглядывая сквозь стеклянные крыши города-кольца. Там виднелись зеленые поля, где молодежь пинала мяч, голубые озера, вокруг которых под ручку прогуливались влюбленные, оживленные районы с высотками, спальные утопии, новенькие школы и военные базы, на которых беты с неондерталами отрабатывали приемы и тренировались в стрельбе под развевающимися красными флагами.

– Это все по-настоящему?

– Не совсем, – ответил Арджун. – Что-то есть на самом деле, а что-то дорисовали.

– А откуда запись? Из открытых источников или?..

– Дали в эфир шесть часов назад. Целая сенсация.

До этого красные никогда не показывали, что находится внутри Кулака – ни на самом деле, ни виртуально.

Камера пролетела тоннель насквозь и вышла в открытый космос. Показалось обитаемое кольцо, а в центре него – голубая планета. Из паутины нитей, опутавших астероид, прямо к экватору тянулся трос. Медленно, но постепенно набирая скорость, камера понеслась вдоль него. За несколько секунд она проделала путь, который на настоящем лифте занял бы несколько дней. Даже сквозь пелену облаков Кэт-три разглядела сложные очертания Юго-Восточной Азии на севере, а к югу – огромную серовато-коричневую глыбу Австралии, выпроставшую серо-зеленое щупальце в сторону Новой Гвинеи. Камера приблизила этот участок, так что стала видна дорога и сухопутный мост. Накренившись, она помчалась на северо-запад вдоль дымящихся хребтов Новой Гвинеи к мысу, который почти соприкасался с экватором. Там всюду шла стройка: расчищенный участок, строения, раскопки, смутная сеть инфраструктуры, – но камера задерживаться на ней не стала. Она парила над лазоревым морем, утыканным островками, которые Кэт-три встречала на картах.

Глаз вдруг зацепился за что-то неестественно прямое, будто начерченное по линейке: трос с Кулака, который отвесно уходил в океан между двумя большими островами. В них Кэт узнала Борнео и Сулавеси, а между ними, стало быть, – Макасарский пролив. Камера замедлилась и остановилась. Хор и оркестр подходили к крещендо. Режим демонстрации едва заметно изменился: камера перестала двигаться, и одр снова подчинялся командам Кэт-три. Подобно Гулливеру, она возвышалась над проливом и могла ходить вокруг, заглядывая под разными углами. Некоторое время ничего не происходило. Затем в месте, где трос входил в воду, море забурлило, вздыбливаясь. Крошечные морщинки обычных поверхностных волн стерлись, сменяясь зелеными воронками, от которых в

стороны расходились спиральные рукава из пены. Над ними беспокойно кружились чайки. Значит, все по-настоящему, а не отрисовано на компьютере. Бурление распространялось от троса, который был точно на экваторе, и шло на север и юг, но не на запад и восток. Трос раздвоился, затем снова и снова, и превратился в веер нитей, которые поддерживали нечто длинное.

Воды пролива разверзлись – сначала в районе экватора, затем разрыв с огромной скоростью пополз по меридиану. Из него вышло что-то, но вода не позволяла разглядеть, что. Она стекала множеством Ниагарских водопадов обратно в океан, поднимая тучи брызг, которые скрывали конструкцию. Через минуту глазам Кэт предстал Гномон. Ей пришлось отойти, иначе целиком его обозреть было нельзя. Левой рукой она будто повернула дверную ручку, уменьшая громкость духовой секции Киотского филармонического оркестра, а то от басовых тромбонов и литавр чуть не лопались перепонки.

Если конструкторы задумывали Гномон как ответ Колыбели, то они, безусловно, своего добились. Он был длинный и изогнутый, как катана, чтобы соответствовать кривизне земной поверхности, и его окружал прозрачный и хрупкий на вид экзоскелет, как у насекомого. А еще он будто бы раскладывался, как фигурка из оригами или богомол. Бесчисленные складки и дугообразные секции говорили о том, что над ним столетиями трудились миллионы джиннов, которые задалась целью сотворить предельно прочную, но при этом максимально легкую конструкцию.

– Из чего он?

– В основном углерод и магний, – ответил Арджун. – Два очень легких, но надежных материала, которые можно добыть из донных отложений.

– То есть из океана?

– Да, – подтвердила Кантабриджия-пять.

– Очень энергоемко, – отметил Арджун. – Сборка велась на дне, и питание туда подавали по кабелям в тросе.

– Они отправили строителей на дно?

– Нет, роботов.

– И тут у нас появляется шанс, – сказала Кантабриджия-пять.

Режиссер этого зрелища снова захватил контроль над камерой и потащил Кэт-три вдоль Гномона, замедляясь на наиболее впечатляющих участках и пропуская то, что повторялось. Суть, в общем, была ясна: гигантский вагон двигался внутри с севера и на юг по монорельсу, чтобы охватить как можно больше широт. Еще там были поезда внутреннего

сообщения, которые соединяли друг с другом жилые модули, военные базы, роскошные курорты для семейного отдыха и прочая, и прочая. Эту часть явно отрисовали на компьютере – едва ли все это успели построить. Вскоре от скоростного пролета начало укачивать. Кэт вытащила наушники, закрыла глаза и осторожно сняла одр. Открыв глаза, она снова оказалась в реальном мире: пляж, островок, двое собеседников. Она вернула одр Кантабриджии.

– И в чем этот шанс заключается?

– Устанавливая первый контакт с чужаками, – сказала Кантабриджия-пять, – едва ли разумно сбрасывать на них гигантских роботов и разрабатывать принадлежащие им недра.

Кэт-три задумалась.

– Ага, – выдала она наконец.

– Именно.

– Вот почему они так стремились понравиться диггерам.

– Да, потому что полностью облажались с пингерами. Все верно. – Кантабриджия какое-то время молча смотрела на нее. Это молчание и ее взгляд давили, но не то чтобы сильно. – То, что сегодня произойдет, – продолжила она наконец, – надолго определит будущее Новой Земли. Будь у нас больше ресурсов, мы бы разработали более глубокую стратегию и результат был бы более предсказуемым. С другой стороны, это могло бы обернуться и против нас.

– Как же ваши до всего этого додумались? – спросил Тэ.

Он сидел на корточках рядом с энци. Она по-прежнему была укутана в спальные мешки – торчали только руки и голова. В свете цеплетов Сонар изучала руководство по эксплуатации. Эй-став все еще освещал бухту, но экипаж «Дарвина» приглушил его, чтобы не мешать людям спать. Девушка щурилась и силилась вникнуть в непонятные слова. При чтении она шевелила губами, пытаясь разобрать незнакомые символы из кириллицы, которые попадались через слово. На голове у нее были массивные наушники. Она не слышала Тэ и не знала, что он на нее смотрит. Так что он мог спокойно изучить ее. Девушка была не в его вкусе, к тому же слишком юная, но он начинал понимать, что нашел в ней Эйнштейн. Тот наверняка уже понял, что в своей РКС не встретит ни одной селенки, с которой будет о чем поговорить. А случись ему попасть на кольцо, для тамошних умниц он навсегда останется деревенщиной.

В ящике скрывался портативный сонар. Он работал и на передачу, но сейчас с его помощью слушали. Сонар-Таможня чуть ли не силой вырвала

его из рук Тэ и принялась осваивать. Прибытие ковчега «Дарвин», лодки и баржи отвлекали девушку, но Тэ все-таки убедил ее отнестись к этому, как к интересному эксперименту, цель которого – понять, как все это может быть воспринято пингерами и другими млекопитающими, населяющими глубины.

Осторожно ступая по стеклянистому берегу островка, он зашел сбоку и легонько тронул энци за плечо. Не хотелось мешать, однако вопросы требовали ответов. Сонар на мгновение впала в ступор, как будто только что была где-то очень далеко, но быстро пришла в себя и сняла один наушник.

– Вы что-то сказали?

– Вот это все. – Тэ опустил руку на обшарпанную пластину над трубой и кивнул в сторону импровизированной кувалды. – Как ваши до этого додумались? Откуда пингеры узнали, что, если захотят пообщаться, нужно прийти на пляж в такое-то место и поставить тур?

– Когда атмосфера стала пригодной для дыхания, мы начали рассылать разведчиков, – ответила Сонар.

– Это было триста лет назад.

– Двести восемьдесят два года.

– Неважно. Главное, что это было давно.

– Не так уж и давно.

Тэ тяжело вздохнул.

– Живых-то не осталось.

– Но это не просто рассказы, которые передаются из уст в уста, если вы об этом, – сказала Сонар. – У нас есть записи.

– На бумаге из натурального хлопка. Помню. Продолжай.

– Пропитание, конечно, найти было негде, поэтому дальность похода ограничивалась тем, сколько припасов можно было унести в рюкзаке. Впоследствии, однако, на побережье обнаружили съедобные водоросли и моллюсков.

Тэ кивнул.

– Как только сине-зеленые водоросли, которые создал «ТерРеФорм», восстановили состав атмосферы, нужно было как-то ограничить их размножение. Так побережья засеяли фильтраторами, а океаны – крилем.

– Моллюски стали первым мясным деликатесом, который люди попробовали за сорок семь веков, – сказала энци. – Разведчики, которых отправляли к океану, могли оставаться там сколь угодно долго. Порой их походы длились месяцы, а то и годы. И при этом они питались лучше, чем жители Норы.

- Популярная, должно быть, профессия.
- Чересчур. Некоторые решали уйти насовсем, тогда их отлавливали и снова наставляли на путь истинный.
- Звучит... неприятно.
- Трудные были времена. Много из того, что вам кажется ужасным в нашей культуре, пошло именно оттуда.
- Ладно. Значит, разведчики вылезали из Норы и напрямик шли к побережью, так?
- Верно. Их маршрут стал для нас чем-то вроде тропы – мы изучили ее вдоль и поперек. После того как Комитет навел порядок, группа разведчиков обследовала побережье в нескольких километрах отсюда, ночуя на деревьях. Один из них посмотрел вниз и увидел, как кто-то выходит из воды, совершенно голый. В руках он – или она – нес большую лопату вроде тех, которыми копают мидий, и ведро. Выкопав несколько раковин, он ушел в океан и исчез.
- Ни акваланга, ни гидрокостюма?
- Именно. Только пояс с ножом. В общем, об этом узнали в Норе, и Комитет обратился к моей предшественнице.
- Бывшей Сонар-Таможне то есть?
- Да. На следующий год в это же место отправили другую группу разведчиков. Они соорудили что-то наподобие вот этого агрегата, только не такое качественное, и начали отправлять сигналы на глубину. Безрезультатно. Шли годы, десятилетия. Опирались только на слова очевидца. Затем кто-то из стариков, опытный разведчик, придумал улучшить агрегат и перенести его сюда. Он считал, что кратер послужит рупором и позволит передавать сигналы на большее расстояние. Короче говоря, сработало. Мы наладили контакт.
- И когда это произошло?
- Лет пятьдесят назад, – ответила Сонар. – Потом, примерно в то время, когда у вас случилась война, общение прервалось. Но пять лет назад туры начали появляться снова.

Кэт-три проснулась от того же, что и Кэт-два в последний день экспедиции: смутного ощущения, что снаружи кто-то есть. На сей раз прибавился звук: она услышала его еще во сне и чем сильнее пыталась вспомнить, тем быстрее он от нее ускользал. Кэт перекатилась на живот, приподнялась на локтях и посмотрела вверх по склону. Закрывает глаза, приоткрыла рот и замерла. Первые несколько минут она не прислушивалась ни к чему, лишь впитывала окружающие шумы и звуки,

чтобы определить среди них инородные. Цеплеты над баржей по-прежнему монотонно гудели – это отфильтровать было легко. Вдруг затих Бард: тоже что-то услышал или просто последовал ее примеру? Неясно. Кэт-два держалась отстраненно и незаметно, а вот в присутствии Кэт-три мужчины постоянно были начеку.

И вот, снова. Тот же звук, который, по всей видимости, и разбудил ее. На этот раз она поняла, что это стальные наконечники стрел тихонько позвякивают в колчане, как монеты в кошельке. Диггеры-охотники старались набивать колчаны плотнее, чтобы те не гремели на всю округу, но при этом чтобы стрелу можно было вытащить максимально быстро. Размеренным шагом да по равнине они могли двигаться почти бесшумно, но только не по ухабистому склону, в предрассветной темноте, таясь от каждого шороха. В голове у Кэт-три нарисовалась картинка, и она начала различать отдельные шаги и то, как кто-то продирается сквозь кусты. По ее подсчетам, в отряде были не только лучники.

Включилось еще одно воспоминание Кэт-два. Когда она готовилась к экспедиции в места, где много селенцев, она читала историю освоения запада Америки. Тогда европейцы нанимали аборигенов в качестве проводников и разведчиков.

Лангобард теперь тоже все это услышал и под низким частоколом, который они установили вдоль кромки кратера, пополз будить Роскоса Юрова и Беледа Томова. Кэт-три поползла следом, говоря каждому по очереди:

– Кажется, двое диггеров с луками, за ними – небольшой отряд неондерталов.

– Насколько небольшой? – спросил Белед.

– Не больше острия. Мне кажется, половина того отряда, который мы видели в лагере диггеров.

– Иди и сообщи Тэ, – сказал Белед. – Пусть включают свет.

Поскольку было темно, хоть глаз коли, он положил руку ей на плечо, приятно сжал его, затем распрямил ладонь и твердо подтолкнул Кэт по направлению к пляжу.

Минуту спустя она была внизу. Сонар-Таможня все еще сидела на пляже в наушниках. Эйнштейн храпел рядом в спальном мешке. Тэ спал в палатке из числа привезенных на ковчеге «Дарвин». Он по-прежнему стоял на якоре у берега, видимый только по брызгам волн, бивших о его борта. Кэт-три чуть было не врезалась в Ека Арджуна – тот просто стоял на пляже, закутавшись в спальный мешок. С равной вероятностью он либо молча медитировал, либо встал отлить. Айвинцы порой вели себя странно,

когда были поглощены работой мозга. Впрочем, чем бы он ни был занят – думал или отливал, – пользы от него пока не было, поэтому Кэт-три сразу направилась к палатке будить Тюратама Лейка. Он никак не просыпался, что сильно раздражало, поскольку наверху уже что-то происходило: до нее донеслось нарастающее жужжание цеплетов, служивших неондерталам броней и оружием. Неясно только, это Лангобард готовился к обороне или же лазутчики подошли к частоколу. Они уже не таились, решив променять скрытность на скорость, и их было хорошо слышно.

– Идут, – сказала Кэт. – Двое диггеров и неондерталы.

Тэ потянулся за катапультой, но снова вспомнил, что его забрала Ариана.

– Белед говорит включать свет.

Кэт ожидала, что он достанет какое-нибудь электронное устройство вроде того, что диггеры собирательно называли «рацией», но вместо этого Лейк выскочил из палатки и пошел к воде, подпрыгивая и выругиваясь всякий раз, когда наступал босой ногой на камни.

– Включить свет! – заорал он, сложив руки рупором. – Эй там, включить свет!

В тихой бухте его крик был подобен раскату грома. Кэт-три услышала ответные выкрики с баржи и «Тс-с!» со стороны валуна. Она сперва подумала, что это волны, но тут цеплеты вспыхнули и осветили лицо Сонар-Таможни.

– Тс-с! Тихо! – настойчиво повторяла она, прижимая палец к губам.

– Давайте, на полную! – кричал Тэ.

– Они идут! – сказала энци.

Однако ее никто не слушал. Она встретила глазами с Арджуном. Тот сбросил свой импровизированный халат на пляж и шел к ней прямо по воде.

– Вы же их оглушите!

Сверху донеслись крики: бойцы (судя по голосам, неондерталы) отбросили скрытность и вступили в драку. Кэт-три вдруг ощутила отчаянное желание присоединиться и побежала к склону. Она чуть не сбила с ног Кантабриджию-пять.

– Наверх?

– Да, я чувствую, что мое место там, – ответила Кэт-три.

– Удачи. Не забудь: ни одного раненного диггера.

Кантабриджия-пять грациозно отошла с дороги, длинный подол теплого пальто красивым шлейфом последовал за ней. Кэт-три последний раз взглянула на ее королевский профиль и осанку, подчеркнутую короткой

стрижкой.

Карабкаясь наверх, она прокрутила в голове подробные наставления, которые Кантабриджия давала ей несколько часов назад: «Держись подальше от наших бук». Скорее всего, имелись в виду буки с камерами, которые вели съемку с позиций наверху.

Кэт упала на четвереньки, не доходя шагов пятидесяти до Лангобарда. Она его не видела, но слышала круживших вокруг него цеплетов и то, как они разрубают мелкие ветки.

Чуть выше и справа в склоне торчал валун, такой твердый и крутой, что на нем не росло ничего, кроме мха. Бледный камень был отчетливо виден в свете огромного эй-става. На самой верхушке пристроилось небольшое деревце: его корни впились в камень и нашли какие-то щелочки, а две-три корявые веточки росли куда-то вбок из-за дувшего с моря ветра. Рядом двигалось еще что-то – это бука занимал положение для съемки. Если Кэт видела его, значит, он тоже ее видел. Мойринка распласталась по земле, укрывшись за особо плотными зарослями кустарника и травы. Теперь оставалось полагаться только на слух.

Звяк. Звяк. Вот, снова. Стрелы диггеров, бряцающие в колчане. И тут их заглушил нарастающий вой цеплетов, перестраивающихся вокруг хозяина.

Кэт рискнула поднять голову: из зарослей навстречу буке вышел неондертал. Не Бард. Солдат красных в боевом облачении. Правой рукой он перехватил один из эй-ставов, вьющийся вокруг него. Цепь тут же распалась и превратилась в кнут. Красный махнул им в сторону буки. Кнут быстро разогнался, с громким хлопком преодолел звуковой барьер и сделался невидимым. Видны были только последствия удара: бука, разлетающийся вдребезги, и деревце, разрезанное точно пополам. Кнут замедлился, снова обвился вокруг владельца, словно змея в невесомости, и образовал новый эй-став, который крутился в противоположном направлении. Уничтожив таким образом робота-наблюдателя по левому флангу, неондертал вернулся в гущу схватки и исчез из поля зрения Кэт-три.

Кэт-три направилась к валуну. Раз видео-буки не стало, значит, позиция свободна. Она переползла к основанию камня, размышляя, как на него залезть, и тут сверху что-то шевельнулось. Она остановилась и задрала голову: освободившуюся высоту только что занял диггер. Не рассчитав прыжок, он чуть было не проскочил мимо. К счастью, он вовремя поставил ногу и, размахивая руками, восстанавливал равновесие. Стрелы в колчане бряцали друг о друга. Кэт-три замерла. Всего один взгляд

вниз, и диггер увидит ее. Но его занимало только то, что происходило справа: судя по звукам, там разворачивалась беспорядочная свалка. Диггер потянулся за спину, вытащил стрелу, наложил на стальной лук и принялся выбирать цель. Патбот Кэт-три угодил ему в плечо, и он в конвульсиях упал на землю.

Выстрелить в человека оказалось просто. Не в физическом смысле: это было бы легко в любом случае, поскольку диггер стоял всего в паре шагов, да и патбот обладал функцией самонаведения. Психологически просто. Несколько дней назад, когда было совсем плохо, Кэт-три услышала, как Тэ говорит Эйнштейну: «В драке главное не умение, а настрой». Даже сквозь бред она поняла, что Тэ говорит не о каком-то расположении духа. Речь шла о преодолении внутреннего барьера, который не давал людям поубивать друг дружку – в цивилизованном обществе, по крайней мере. Она поняла это, потому что недавно ей пришлось переступить через этот барьер. В стычке Семерки с диггерами она закрыла собой Тэ, когда того подстрелила Ариана, и больно получила по руке «Сраптсманэром». Этот физический контакт что-то в ней сломал – не кость, – и ей уже не составляло труда выстрелить из катапульта в человека. Партнеры по Семерке подходили к ней, чтобы выразить сочувствие. Они говорили о Доке и Меми, о том, насколько ужасно, наверное, было для Кэт вот так внезапно их потерять. При этом как бы подразумевалось, что именно их гибель спровоцировала эпигенетический сдвиг. На первый взгляд, вполне логичное предположение. Но неверное. Произошло это, скорее, в тот миг, когда старик-диггер ударил ее, а она ответила. Док был еще жив, а Меми, хоть и смертельно раненная, еще дышала. Выходило, что первой все-таки погибла Кэт-два.

Как бы то ни было, теперь она могла без зазрения совести выстрелить в человека. Полезно знать.

Сейчас Кэт была на правом фланге у синих и, соответственно, на левом – у красных. Как аборигены-разведчики, сопровождающие боевой отряд, диггеры должны были держаться либо спереди, либо по бокам. Таким образом, можно предположить, что второй диггер – а она была почти убеждена, что их именно двое, – скорее всего, находится на противоположном фланге.

Сам валун был почти отвесным, но по обеим сторонам образовались пепельные склоны, по которым можно вскарабкаться. Кэт-три подтянулась повыше, откуда открывался вид на поле боя. Оно оказалось внутри широкого, но неглубокого котлована, заполненного водой, стекавшей со склонов прибрежного хребта и запруженной у кратера. Котлован густо

зарос, и поэтому понять, что ты попал в болото, можно было только наступив туда. Бард, Белед и Роскос решительно вышли вперед, демонстрируя силу, затем отступили и потянули красных за собой. Те в буквальном смысле увязли. На руку синим также играло то, что высокотехнологичным и хорошо организованным солдатам красных было трудно взаимодействовать с аборигенами, которые знали о беспроводной связи ровно столько, сколько им могла рассказать энци по имени Пресмыкающиеся-Резина, зазубрившая наизусть статью о рациях.

Как бы то ни было, Кэт-три далеко оторвалась от соотечественников и была, получается, по правую сторону от болота. Чтобы попасть на противоположный фланг, можно было пройти напрямик, но так она бы непременно столкнулась с красными и тоже увязла в топи. Можно было вернуться к морю и пересечь лагерь, где они провели ночь, но там располагались буки. Наконец, можно было подняться на холм и пробежать через сосновый лес, который нависал над болотом. Так Кэт тоже оказывалась на пути красных – задумка, на первый взгляд, неудачная. Однако синие имели дело лишь с небольшим ударным отрядом, а не авангардом большой армии. Связи с тылом у красных не было. Оставив какой-либо участок, они полностью теряли контроль над ним. Учитывая, что на пересеченной местности она обгоняла даже Беледа и вдобавок слышала неондерталов за километр, шансы вырисовывались неплохие. Так что Кэт-три решила идти вверх, а не вниз, по возможности забирая вбок. Вскрабкавшись повыше, она снова оглянулась.

Громко шумели красные неондерталы. Все, кроме одного, были внизу, и, пока Кэт выжидала, он тяжело протопал где-то неподалеку. Подчинялись они одной бете, как положено в иерархии их расы. К чести беты стоит признать, что она не командовала из-за спин, а держалась в гуще событий. Из-за этого она одной из первых оказалась внизу склона, где твердая почва уступала место трясине, и уже начинала подумывать, а стоит ли туда идти. К этому моменту красные, наверное, заметили, что провожатый из местных куда-то запропастился. Еще один повод повернуть вправо. Так или иначе, они на какое-то время замешкались. Кэт-три была выше, и в ее сторону никто не смотрел.

На противоположной стороне склона не было видно ничего, кроме высоких раскидистых сосен, которые своей кроной не давали расти подлеску. Идти будет нетрудно. Если пробежать напрямую, Кэт быстро окажется на другом фланге, где сможет выследить и вырубить из катапульта второго диггера, пока того не потянуло на глупость или геройство.

Внизу хлопнул цепной кнут, затем раздался чей-то крик и какофония звуков, с которыми патботы угодили в цель.

Кэт-три вдруг почувствовала, что надо спешить. Она рванула сквозь заросли, не сильно беспокоясь о скрытности. Когда начались просветы, она бросила взгляд вниз на болото. Вид с этой точки открывался отменный.

Именно поэтому у нее на пути весьма некстати возник мужчина. Он как раз занял одну из прогалин, потому что с нее было видно и болото, и бухту. Его единственным спутником был робот: ужик с видеокамерой вместо головы, умеющий вытягивать шею, как кобра или чертик из табакерки, и направлять объектив в нужном направлении. Мужчина стоял спиной к схватке, лицом к ужику, который снимал то, что творилось ниже по склону. Кэт-три вышла прямо на ужика и поэтому сразу поняла, какую картинку через несколько минут увидит миллиард зрителей в стране красных. На переднем плане – мужчина в обрамлении шероховатых камней и деревьев, настолько живописном, что жителям орбиталищ неизбежно захочется спуститься и колонизировать эту планету. На ближнем фоне разворачивается сражение на болоте. Дальше – бухта в щипцах испещренных волнами скал, баржа с эй-ставом, который заливают все дневным светом, на горизонте мерно покачивается ковчег «Дарвин», а небо за ним подернуто занимающейся зарей.

Мужчина ее не ожидал. Кэт отчего-то подумалось, что он повторяет реплики, репетируя, что будет говорить. Это дало ей несколько секунд форы.

За все свои три перерождения Кэт Амальтеина видела аретаиков всего несколько раз, и то издали. Она не вполне понимала, что такого впечатляющего или красивого находили в этой расе, но данный представитель был действительно выдающимся. Ростом он был, наверное, метра два с лишним; у него были длинные волосы цвета воронова крыла, зачесанные назад, чтобы открыть высокий благородный лоб, мощный выдающийся нос, большие, иссиня-черные, глубоко посаженные глаза. Морщины только придавали ему вид человека зрелого и умудренного опытом.

Пять тысяч лет назад вместе со всем прочим умерла и аристократия, но представление об аристократии, по крайней мере, в ее идеализированной форме, нашло отражение во всех чертах этого человека, его одеянии, осанке и во взгляде, которым он удостоил Кэт-три, когда оправился от удивления. На его лице нарисовался вежливый интерес – так люди возвышенного склада ума относятся к неожиданным встречам, в которых видят иронию судьбы. Когда-нибудь они, отбросив политические

противоречия, со смехом будут вспоминать эту встречу за бокалом красного антимерского. Так он, наверное, размышлял, пока Кэт-три не засадила ему патботом точно посередь лба.

Ужик, в мозгу которого была записана простейшая функция – реагировать на все интересное, повернулся на звук выстрела. Кэт придавила его ногой. Робот постарался сопротивляться, но в итоге упал. Он мог бы погнаться за мойринкой, но такой программы в него не вшили. По сути, это была всего лишь платформа с камерой, обладающая только зачатками сознания. Ужик остался на месте, тупо пытаясь отыскать лицо аретаика, чтобы оно попало в центр кадра. А поскольку аретаик катался по земле, будто охваченный огнем, это требовало немалой гибкости.

Кэт-три тем временем сломя голову бежала через лес. Прикинув, что болото она почти обогнула, повернула в сторону моря. Замедлила шаг. Если расчет был верен, она приближалась ко второму диггеру, и, в отличие от Барда, Беледа и Роскоса, у нее не было никакой защиты от стальных стрел.

За спиной и выше по склону хрустнула ветка. Диггер, рыжеволосый и голубоглазый, стоял всего в пяти шагах. Тетива лука полностью натянута, стрела нацелена прямо в лицо мойринке. Свежеотточенный наконечник ярко бликовал в свете из бухты. Свой катапульт Кэт-три убрала по дороге, чтобы не мешал бежать. Защищаться нечем.

Кантабриджия-пять не приказывала ей вывести из строя обоих диггеров. Главное – не дать им никому навредить и не допустить, чтобы их трупы попали в прямой эфир.

– Ты совершаешь ужасную ошибку, – сказала она.

Диггер не шевельнулся, но медленно кивнул. Она приняла это как знак согласия на разговор.

– Те люди – красные – лишь притворяются, что на вашей стороне, а на самом деле только и ждут, чтобы извлечь выгоду из вашего союза. Они сами хотят занять Землю.

– А вы – нет?

– Синие тоже немногим лучше.

– Тогда зачем нам слушаться вас?

– Вы никого не должны слушаться вслепую. Ни меня, ни его, – она указала в сторону аретаика.

Молчание. Диггер обдумывал ее слова.

– Ты знаком с Чехов-Шпицберген? – спросила Кэт.

– Конечно.

– Она рассказывала тебе про шахматы?

– Я и без энци знаю, что такое шахматы, – сказал диггер. – Мы играем

в них испокон веков.

– Тогда тебе известно, что пешка – самая слабая фигура, но может стать сильной в зависимости от ситуации на доске. В начале игры ими жертвуют легко. В конце игры они могут поставить мат королю.

Ее перебил еще один хлопок кнута, донесшийся снизу, затем разом еще два. Кэт боролась с желанием обернуться и посмотреть. Диггер посмотрел на поле боя, оценил обстановку и снова повернулся к мойринке. Наконечник стрелы не поколебался ни на мгновение.

– Пешки в этой ситуации – вы. Вы даже не представляете, насколько малы и незначительны по сравнению с силами наверху. Если вы позволите красным играть вами, то стоит им добиться своей цели, вас тут же пустят в расход. Если вы будете вести собственную игру, то станете сильнее и будете на равных с остальным человечеством.

Диггер резко вскинул лук – Кэт-три дернулась и зажмурилась, – затем ослабил тетиву и убрал стрелу в колчан.

– В каждой шутке, как говорится, есть доля истины, – сказал он.

– Да.

– И все-таки твои слова подтверждают подозрения, которые зрели у меня с той самой минуты, когда пришли эти ваши красные. Я намерен вернуться назад и обсудить все с остальными.

Ничего больше не сказав, он повернулся спиной к Кэт-три и ушел обратно в горы Берингии.

– Мне многое про тебя известно, Тюратам Лейк, – сказала Кантабриджия-пять. – По крайней мере то, что попало в официальный рапорт.

– Значит, от силы половина.

– Пусть так. Но я знаю, как ты внутри разрываешься. – Она лишь слегка наклонила голову в сторону склона, глаза за стильными линзами одра блеснули золотом. – Ты хочешь вступить в бой и помочь товарищам. Весьма похвально, но мне – и Цели – ты нужен здесь.

– Хорошо. Весь внимание.

Хоть в этом не было никакой практической пользы, его не покидал вопрос, сколько же лет этой женщине. Эпигенетические сдвиги могут скрадывать видимые проявления старения. Есть подтвержденный факт, что как минимум одна мойринка – Ямайка Набалдашник-двенадцать дожила до двухсот лет. При каждой беседе Тэ мысленно прибавлял Кантабриджии-пять лет по десять. Сейчас ему казалось, что ей за восемьдесят.

– Что ты знаешь про пингеров? – спросила она.

- Если честно, то мне они больше кажутся выдумкой, чем фактом.
- В нынешнее время выдумки бывают правдивее фактов.
- А что знаешь о них ты? – спросил, в свою очередь, Тэ.

Впервые Кантабриджия-пять будто не знала, что ответить. Она пристально взглянула на динайца, подняла одр на лоб.

– Я должен знать, – сказал Тэ, – не вышли ли они из какой-нибудь пробирки в лаборатории красных.

- Красные даже не знают об их существовании.
- Значит, из наших?
- Синих? Нет, твоя первоначальная гипотеза верна, Тэ.
- А откуда ты знаешь мою гипотезу?

Она опустила глаза на коробку из-под пиццы, которая лежала в песке у валуна.

- Я знаю, что внутри.
- Благодарю, – сказал Тэ.

Он отвернулся и широким шагом направился к юному айвинцу. Тот стоял на берегу и нервно поглядывал в сторону битвы, гремевшей неподалеку.

– Эйнштейн! Слушай сюда. Настала пора тебе войти в историю.

В бою с участием патботов использование кнута, пусть и сделанного из мини-цеплетов, не создает бойцу ни особых преимуществ, ни помех. Обширные исследования, проведенные в военных лабораториях синих, показали, что в среднем кнут менее эффективен, чем катапульт, который достаточно навести на противника, а дальше патбот сделает свое дело. Противники утверждали, что методика исследований в корне ошибочна, поскольку не учитывает два фактора, которые играют ключевую роль в реальном сражении. Во-первых, психологическое воздействие на обороняющегося: кнут извивается и может ударить с любого направления, в том числе из-за угла или препятствия. Во-вторых, тренировка и мастерство, что вообще с трудом поддается измерению. Подопытные, которым давали кнуты в лаборатории, едва ли могли сравниться с неондерталами: те приучались к ним с раннего детства и обладали древним массивом знаний – по сути, боевым искусством, – которым ни с кем не делились. Кроме того, если кнут рассыпался посреди удара, то составлявшие его патботы на сверхзвуковой скорости летели в цель, что по эффективности не уступало залпу катапульты. При попадании жертва не только получала прямой физический урон от кнута – патботы также впивались в нее и выполняли обычную программу. А при промахе цепь

заново рекомбинировалась без каких-либо потерь, и все патботы вновь собирались для очередного замаха. Снаряды катапультиров, попавшие в молоко, на такое способны не были.

В планах Кэт-три, на случай если они переживут эту заварушку, было посидеть с Лангобардом за бокалом пино нуар и поинтересоваться, где он всему этому научился. До последнего времени он успешно поддерживал вполне достоверный образ мирного винодела. Впрочем, ему ничего не стоило ответить, что антимерские неондерталы, как и другие народы в истории человечества, посвящают детей в секреты боевых искусств по традиции.

Скептики могли бы заметить, что кнуты из маленьких роботов, возможно, хороши в свободных, хорошо организованных орбиталищах либо внутри пустотелого астероида, в вакууме либо на просторном участке Земли, скажем, в песчаной или ледяной пустыне. Но только не в болоте, где кругом густая растительность в человеческий рост. Уши Кэт-три улавливали столько звуков, что мозг попросту не успевал их обрабатывать. Кто-нибудь вроде Лангобарда, выросший с кнутом в руках, наверняка умел различать тончайшие вариации в ритмичных щелчках. Так, патботы, достигшие цели, будут звучать иначе, нежели те, которые разъединились при замахе, и, соответственно, иначе, нежели застрявшие в кустах. Кэт-три могла лишь сказать, что внизу идет бой.

Она обежала болото кругом и вернулась к исходной линии обороны над бухтой. Битва к тому времени длилась уже довольно долго. Хорошо, значит, держатся. Она пыталась думать, как Кантабриджия-пять, которую, вероятно, не беспокоили мелочи вроде жертв или тактического превосходства. Гораздо важнее было правильно подать сражение. Пока что вырисовывалось так: небольшой отряд синих, проводивший экспедицию (не противоречащую Договору) на своей территории (определенной Договором), попал под удар кровожадных неондерталов красных и оказался прижат к океану, где героически и на удивление долго отбивался, прикрывая нескольких гражданских. Кэт-три не хотела бы стать такой же циничной. Кантабриджия-пять, безусловно, фантастически обаятельна и привлекательна, но для нее один-два погибших синих на болоте и, может, интервью на камеру с израненными и горюющими выжившими стали бы идеальным ответом тому политическому удару под дых, который несколько дней назад нанесли аретаики.

Подобные мысли были непозволительной роскошью, пока Кэт не заняла позицию над бухтой, подальше от сражения и, что немаловажно, за спинами видео-бук, которые снимали героических бойцов арьергарда.

Она посмотрела на нижний лагерь. Восхода в подобную погоду можно было и не разглядеть, но небо и впрямь постепенно светлело, перебивая по яркости петлю Эйткена на барже. Возможно, в ответ на шум битвы из ковчега «Дарвин» вынырнули пять-шесть надувных лодок, в каждой по несколько человек, судя по виду, в шлемах. Отлично. Что им мешает подойти ближе? Сонар-Таможня стояла на камне и отгоняла их. Вместе с ней то же самое делал Эйнштейн. А еще на этом выступе вскоре могло стать очень тесно, потому что по воде к ним шагал Тюратам Лейк, держа под мышкой коробку из-под пиццы. Он успел облачиться в сухой гидрокостюм, так что чувствовал себя гораздо комфортнее остальных.

Кантабриджия-пять с Арджуном стояли на берегу лицом к морю, как будто забыв, что неподалеку идет ожесточенная схватка.

Двое бук снялись со своих позиций и покатались вниз по склону, как проволочные шары. Сначала их падение выглядело неуправляемым, как лавина, затем они начали вытягиваться и деформироваться, подстраиваясь под неровную поверхность, и, наконец, замедлились, преодолевая последние метры осторожными шажками. Один пристроился на точке, откуда открывался вид на всю бухту, а другой пробрался на самый песок и выдвинул камеру повыше – судя по всему, для крупного плана. Кантабриджия-пять подошла к нему. Глядя прямо в объектив, она начала репортаж, но слов с такого расстояния даже Кэт-три расслышать не могла.

Кэт наблюдала, опершись спиной на внутренний склон кратера. Прямо над ней по бровке росли кусты – там земля была ровной, а солнечного света в достатке, насколько на него вообще можно рассчитывать в этих краях. Растительность стеной тянулась вправо и влево на десятки метров, отгораживая бухту от болота и предгорья.

Слева раздались громкое пыхтение, хруст веток – и тут же из кустов вывалились двое крупных мужчин, сцепившихся в рукопашной. Поскольку склон был крутой, они покатались к пляжу, пока более крупный боец – Белед – не затормозил падение, уперев ногу в землю. Одновременно он обеими руками приподнял противника над землей, намереваясь бросить его через себя и дальше вниз. Однако неондертал, похоже, разгадал этот прием и длинными руками обвил торс феклита, пытаясь уцепиться за ребра.

От панциря Беледа осталось от силы половина, остальное все было в проплешинах. Тем не менее правой рукой неондертал угодил прямо в гущу патботов под мышкой Беледа, и те наградили обидчика мощным электрическим разрядом – аж воздух затрещал. Захват не удался, как и прием Беледа. Под весом противника феклит тоже начал заваливаться. Поняв это, он подогнул колени и, вместо того чтобы рухнуть навзничь,

кувыркнулся назад, мягко приземлившись на живот неондертала. Кэт-три услышала хруст, но не сразу сообразила, что это сломалось ребро. Красный лежал на спине, непроизвольно пытаясь свернуться в позу эмбриона, а Белед опускал тяжелый кулак ему на голову. Рука современного человека была слишком нежна по сравнению с массивным черепным сводом неондертала – соотношение явно не в пользу Беледа. Хрустнуло снова. Однако от удара неондертала откинуло, благодаря чему феклит успел выхватить нож и приставил к горлу противника. Продолжая надавливать, он прижал красного к земле.

Сражение – по крайней мере, эта его часть – завершилось, и Кэт-три смогла наконец рассмотреть Беледа: весь в крови, костюм разорван в клочья, зубы поредели, дыхание даже более тяжелое, чем после пробежки на тренажере. Но главное, что он жив и для него бой окончен. Можно, конечно, перерезать противнику горло, но видео-бука смотрел точно на них, поэтому поступать так не стоило. Это в древних шахтерских байках драки между феклитами и неондерталами заканчивались поножовщиной, но не сейчас.

Еще многое произошло на болоте вне поля зрения Кэт. Появился Лангобард, вынося на спине Роскоса Юрова, как из пожара, и, не оглядываясь, заспешил вниз по склону. Белед крикнул: «Берегись!» В то же мгновение в бреши, которую оставили дерущиеся, возник чей-то силуэт – не неондертальский – и помчался за Бардом. Это была приземистая женщина в военном обмундировании и с короткой стрижкой – типичная бета. Кэт-три прицелилась из катапульта и выстрелила, затем еще дважды; все три патбота почему-то промазали. Броня беты, очевидно, была запрограммирована сбивать с толку эту модель ботронов, так что стрелять можно было хоть весь день – толку ноль. Однако «бдзынь» катапульта и свист патботов заставили аидянку на мгновение замереть. Она повернулась в сторону Кэт-три. Судя по выражению ее лица, мойринку она увидеть не ожидала. Пока она осознавала это неожиданное зрелище, в висок ей угодил камень размером с кулак и, по всей видимости, убил.

Кэт оглянулась: Белед как раз опускал руку после броска. Нож он держал в сломанной ладони, теперь переложил в целую. Рядом стоял Бард: он остановился на полдороге к пляжу, чтобы посмотреть, от кого отбивается феклит. Казалось, что он истекает кровью.

На самом деле кровью истекал сержант-майор Юров.

Неондертал вырвался из хватки Беледа и вскочил, но тут же снова упал. Кэт-три услышала звук сработавшего катапульта. Лангобард развернулся, и она увидела, что стрелял Роскос Юров, изрядно

потрепанный, но все еще в сознании.

Если из отряда красных еще кто-то оставался, то они либо убиты, либо без сознания, либо отступают к горам.

Впервые за долгое время (хотя прошло, наверное, всего несколько секунд) Кэт-три посмотрела вниз, на океан.

Резиновые лодки с ковчега не поплыли на середину бухты, а разошлись в стороны, к краям кратера. Оттуда можно было при необходимости добраться до пляжа посуху.

А из воды кто-то выходил.

Тэ передал Эйнштейну коробку из-под пиццы, велел ему достать содержимое и держать в руках подальше от воды. Сухой гидрокостюм не давал ногам мерзнуть, так что динаец решил остаться по пояс в воде рядом с островком. Военный опыт привил ему недоверие на грани отвращения к людям вроде Кантабриджии-пять, которые всегда думали только о том, как правильно подать факты. Однако такой взгляд на вещи был заразным. Тэ поймал себя на том, что наблюдает за сценой не глазами Тюратама Лейка, а как бы через объектив видеокамеры, которая транслирует происходящее на кольцо. Невольно подумалось, что все выглядит просто идеально: конический стеклянный выступ, присыпанный намытым волнами песком, на нем двое: Эйнштейн с коробкой из-под пиццы, а рядом с ним, уцепившись пальцем за ремень, — энци в одном наушнике. Тэ так внимательно рассматривал эту картинку, что чуть не проглядел самого главного. По выражению лиц остальных он понял, что надо бы развернуться и посмотреть на море.

Над волнами торчала только голова и плечи. Пингер шагал по наклонной поверхности кратера, как будто после обычной подводной прогулки. Он или она громко и глубоко вздохнул, видимо, восстанавливая кислородный баланс, затем перешел на нормальное дыхание. Где они обитают? Откуда он пришел? Если они перемещаются под водой, у них должно быть что-то наподобие водолазных колоколов.

Кожа пингера была безволосая, гладкая и блестящая. Первичных половых признаков не видно. Может, женщина? Но и грудей тоже нет. А ведь едва ли пингеры за пять тысяч лет перестали быть млекопитающими.

За спиной у первого пингера вынырнул шарообразный объект, который, как оказалось, держался на шее, переходившей в пару покаты плеч. У этой пингерши были груди. За ней шла еще одна похожая.

Когда предводитель вышел на мелководье, форма его тела стала понятнее: округлая и вытянутая, как артиллерийский снаряд. Тэ он почему-

то казался похожим на толстяка. В каком-то смысле он действительно был толстый, как выдра или морской котик: под туго натянутой кожей скрывался слой подкожного жира. При этом, однако, ничего не свисало и не тряслось. По манере двигаться было видно, что под гладкой «курткой» из жира скрывается мощная мускулатура. По сути, пингер был голый, но закутанный в что-то среднее между сетью и упряжью. Она застегивалась у него на торсе, и с нее свисали прибабасы явно высокотехнологичного происхождения. Поначалу пингеры казались черными, но, когда они вышли из воды, стало ясно, что кожа у них темно-серая, по бокам идут светлые серовато-зеленые пятна, а живот светлее, чем спина.

Тэ не любил паяльничать, но удержаться не мог. Между ног у пингеров ничего не было, только концентрические складки кожи, под которыми наверняка скрывался вполне обыкновенный набор гениталий. Обнажали их, видимо, только в подходящей ситуации.

Пингеры все приближались, и уже можно было разглядеть их лица. Черепа под кожей, скорее всего, выглядели так же, как и у землян. Глаза, уши и ноздри защищали мышечные складки, находившиеся в постоянном движении. Аналогия Сонар-Таможни про волков и пуделей, пусть и грубая, в целом соответствовала действительности. Пингеры соотносились с людьми, как бульдог с борзой. Вроде бы все то же, но сразу не разберешь.

Тэ обернулся к Эйнштейну и Сонару. Они, понятное дело, во все глаза таращились на пингеров.

– Эйнштейн, – позвал он, затем громче: – Эйнштейн!

Парень вздрогнул и чуть не упал в воду, затем заметил Тэ.

– Отдать? – прошептал он одними губами, указывая подбородком на прямоугольник, который сжимал в руках.

– Нет, держи сам. Ты – потомок Айви.

– Пора?

– Пора.

Эйнштейн схватил прямоугольник за нижние углы и поднял высоко над головой, чтобы приближающиеся гости лучше его видели.

Это была фотография, напечатанная на листе формата А2. Любой орбитер с ходу бы узнал ее. Это было историческое изображение из Эпоса: последний снимок, который Кэл Бланкеншип, жених Евы Айви, отправил ей из рубки своей подлодки за мгновение до того, как закрыть люк и погрузиться, спасаясь от первого залпа Каменного Ливня. Основную часть снимка занимали две окружности: открытый люк, в котором виднелось небо, уже разрезанное надвое огненным следом болида, а вокруг него, ближе к камере, – кольцо с пальца Кэла.

Вопрос в том, смогут ли потомки Кэла узнать это изображение. Складки на лице главного пингера раскрылись, его серые глаза стали как будто больше, а из щелей по бокам вылезли почти человеческие уши, только поменьше и не такие оттопыренные. Он остановился по колено в воде. Остальные двое встали по бокам. Все трое смотрели на фото, которое паренек-айвинец дрожащими руками держал высоко над головой. В ушах у Тэ зазвенело от пронзительных звуков, в которых почти угадывались английские слова. Пингеры разговаривали, поворачиваясь лицом друг к другу и сопровождая речь акцентированными жестами. Конечно же, люди, которые провели столько поколений под водой, должны хорошо уметь общаться руками.

Женщина-пингер что-то заверещала, привлекая внимание спутников. Тэ не разбирал слов, но по тону голоса и жестам было понятно: «Замолчите. Слушайте. Я знаю, что это».

Она подняла продолговатую левую ладонь перед собой. Пальцы у нее были толстые и соединены тонкими перепонками. Правой рукой она захватила безымянный палец левой и изобразила, как будто снимает воображаемое кольцо. Затем подняла его над головой, подняла левую руку к лицу и сделала движение указательным пальцем, как если бы нажимала на кнопку фотоаппарата.

Кэт-три ущипнула себя, чтобы убедиться: ей не чудится. Она катилась со склона прямо на заднице, беспокоясь, как бы не спугнуть пингеров резким движением. Бард добрался до нижнего лагеря быстрее и положил сержант-майора Юрова на спальный мешок. Сперо тут же поставил капельницу. Белед связывал запястья и лодыжки беспомощного красного неондертала пластиковыми хомутами.

Кэт дошла до пляжа, стараясь не попасть в кадр Кантабриджии-пять, которая вела репортаж, и не мешать Арджуну, который смотрел перед собой и что-то наговаривал в свой одр.

Еще несколько пингеров вышли на мелководье. Один из них – мужчина, экипированный серьезней остальных, – подошел к Тэ и, видимо, попытался с ним заговорить. Тот улыбался, но то и дело качал головой, прижимая ладонь к уху. Пингер осторожно взял Тэ за запястье и его пальцами ущипнул черный материал его сухого гидрокостюма. Тэ в ответ ущипнул пингера за блестящую руку. Оба рассмеялись. Зубы у пингера были белые и острые, как у акулы.

Первые три пингера поднялись на островок и изучали снимок, который Эйнштейн держал перед собой, как щит и как знак доброй воли.

Сонар-Таможня, у которой руки были свободны, растерянно смотрела на женщину-пингера. Та вдруг шагнула вперед и обняла ее.

Кантабриджия-пять довольно переглянулась с Ека Арджуном и подняла голову к небу.

Эпилог

– Перед Каменным Ливнем Кэл отправил Еве Айви не один этот снимок, – говорил Ека Арджун, – а целых семнадцать.

Он кивнул на фото, многократно переходившее из рук в руки и от этого немного потрепанное. Оно стояло у внутренней переборки ковчега «Дарвин» на краю стола, за которым они с Тэ обедали.

Точнее, он, Тэ и Глуб. Глуб – это пингер, который подружился с Тэ после шутки по поводу гидрокостюма. Он сидел через два стула. Участвовал ли он в беседе, неясно.

– Интересно, он понимает, что я говорю? – поинтересовался Арджун.

– Он привыкает. Наши голоса для него все равно что гудение трубы.

– А его что, правда так зовут?

– Это самое похожее, что мне удалось произнести. Во всяком случае, он откликается.

Глуб вгрызался в сырое рыбное филе, поданное с гарниром из водорослей. Поняв, что говорят о нем, он подобрался, как самый обычный человек. Не имея возможности сказать, он поднял кружку с сидром и повернулся к остальным. Выпили.

– Я думаю, он у них вроде ученого или технаря, – сказал Тэ. – Посмотри на его обвес.

– Да. – Арджун с любопытством разглядывал пингера. – Оптика. Электроника. Их технологический уровень гораздо выше, чем у диггеров.

– У них было больше пространства. Кроме того, они вылавливали все, что падало на дно, – подчеркнул Тэ. – Ладно, ты говорил про фотографии. Семнадцать штук?

– Да. Большая часть из них – так называемые «селфи». Технически это было грубейшим нарушением военной секретности, вплоть до трибунала. Очень странно, учитывая, что во всех остальных случаях Кэл относился к своему долгу очень ответственно.

– Это точно, – сказал Тэ, прокручивая в голове эпизоды из Эпоса. – Ева Айви места себе не находила, когда Ева Джулия приказала Кэлу сбросить ядерную бомбу на венесуэльцев.

– Вот, отличный пример. И такая вольность, если можно так выразиться, привлекла внимание ученых. Все семнадцать снимков с телефона Айви скачали, и вокруг них сформировалась целое поднаправление исторической науки.

– Ну да, из тех, что интересны только айвинцам.
– И только тем, кто живет отшельником в какой-нибудь библиотеке Стромнесса. Именно.

Ковчег «Дарвин» дрейфовал у бухты, все еще притоленный. Идеальное место для дипломатической конференции между пингерами и делегацией высокопоставленных чиновников синих, которых спустили на капсуле прямо из Гринвича через несколько часов после битвы на пляже.

Эйнштейн, Сонар-Таможня и другие синие покинули бухту и погрузились на ковчег. Белед уходил последним. Перед тем как сесть в лодку, он освободил захваченного неондертала и оставил ему достаточно припасов, чтобы тот мог продержаться до прихода соотечественников. Уже через несколько часов соотечественники привели целую армию. Однако по соглашению, которое сами же заключили с диггерами, они могли претендовать только на сушу. А ковчег «Дарвин» находился в море. Так что красные развернули на берегу укрепленный лагерь и бессильно смотрели на дрейфующих в соленой воде синих.

На полузатопленной нижней палубе было прохладно, поэтому дипломатам синих пришлось одеться потеплее. Тэ, Глуб и Арджун сидели в сухом месте уровнем выше и ближе к носу. Это был полуоткрытый мезонин, преобразованный в столовую. Чтобы разместить пополнение синих и пингеров, если те захотят подняться по трапу, расставили складные столы и стулья. Ели горячий суп и бокалами глушили терпкий, но вполне пристойный сидр с северных склонов Антимера.

– Итак, – сказал Арджун, довольный возможностью похвастаться знаниями, как свойственно только айвинцу, – тебя наверняка гложет вопрос, как же им...

– Как же им удалось выжить? На одной только подлодке.

Арджун кивнул.

– Оказывается, те ученые, про которых я упоминал, – последний, кстати, умер лет двести назад, – сумели найти ответ.

– Но погоди, – возразил Тэ, – если снимки были сделаны до Каменного Ливня, как они могут рассказать, что произошло дальше?

– Видишь ли, Кэл постарался оставить зацепки на фоне снимков. Увидеть их должна была только Айви. И все они указывают на то, что шансов на выживание у него было гораздо больше, чем можно представить.

– Не томи, – Тэ с бокалом сидра в руках откинулся на спинку стула.

– Мы знаем все о программе Облачного Ковчега, потому что сами вышли из него. Это наша история. В архивах есть все записи. А Кэл своими фотографиями показывал, что была еще одна программа, возможно, не

менее масштабная, но мы о ней ничего не знаем.

– Программа по спасению людей под водой?

– Именно. Если присмотреться, то на стенах можно разглядеть подробные батиметрические карты ряда глубочайших океанских впадин, а на полках – папки, названия на корешках которых указывают на проведение подобных приготовлений. Есть и другие доказательства – все в открытом доступе. Могу прислать.

– Давай, – сказал Тэ из вежливости, хотя читать эти научные талмуды, естественно, не собирался. – В общем, народ Глуба выжил вовсе не благодаря невероятному везению Кэла.

– У них есть свой Эпос, который, в принципе, можно сопоставить с нашим.

Эйнштейн и Сонар набрали подносы еды и подошли к их столу, углядев за ним два свободных места. Арджун, воспользовавшись их появлением, удалился. Глуб вежливо качнул головой в знак прощания. Через несколько мгновений Тэ и его приятель-пингер остались в компании молодых айвинца и энци. Минуту-две вновь прибывшие только сосредоточенно жевали, и разговор сводился к тому, что Сонар спрашивала названия и происхождение блюд, которые были для нее в новинку. Тэ отвечал, так что у Эйнштейна была возможность напихать в себя побольше. Даже Сонар-Таможня отвлеклась на это зрелище и, смеясь про себя, смотрела, как мальчик ест. Когда поднос опустел до критической отметки, она подложила Эйнштейну со своего.

– Как-нибудь расскажешь мне, каково это, – сказал Тэ.

– Каково... – начал Эйнштейн, но чуть не подавился.

– Каково что? – спросила за него Сонар.

– Каково это – найти свою идеальную вторую половину. Как вам двоим удалось.

– А тебе разве это незнакомо? – спросил Эйнштейн. Не из-за отсутствия такта; ему просто не приходило в голову, что он испытал нечто, недоступное Тюратаму Лейку.

– Нет, со мной такого никогда не было.

Эйнштейн приближался к точке насыщения. Он откинулся на спинку стула и созерцал остатки трапезы, высматривая недоеденные кусочки.

– У меня к тебе вопрос, – сказал он.

– Да неужели? – усмехнулся Тэ.

– Что это за Цель, о которой все без конца говорят?

– Если бы я знал.

– Не прикидывайся, ты знаешь, о чем я. Роскос Юров говорил о ней.

Кантабриджия-пять говорила. И не просто цель, а Цель с большой буквы.

– Ответ тот же. Мне никто никогда не говорил. Могу только догадываться, исходя из поступков людей, которые как будто знают, в чем она заключается.

– Вроде хозяев твоего бара?

– К примеру.

– И какие твои догадки?

Тэ почувствовал на себе еще чей-то взгляд и оглянулся на Глуба. Тот отчаянно работал челюстями, пытаясь разжевать шматок водорослей, но при этом внимательно следил за беседой.

Тэ пожал плечами:

– Люди всегда...

Он хотел сказать «воображали», но не хотел производить плохое впечатление на Глуба.

– ...предпочитали верить, что во Вселенной есть цель. Строились теории, но после Ноля все это казалось довольно бесполезной затеей. Так – сказки на ночь. Несколько тысяч лет никто не задумывался о высоком. Все просто пытались выжить. Как муравьи, чей муравейник разорили. В тех редких случаях, когда мы поднимались над сиюминутным, все равно все сводилось к мелочам, взять хоть противостояние красных и синих. Удивительно, но почти никто не задавался вопросом о природе Агента. Откуда он? Естественная ли это сила? Искусственная? А то, может, и божественная?

Эйнштейн, энци и Глуб смотрели на него во все глаза, мол «продолжай, продолжай».

Но добавить ему было нечего.

– Некоторые – неважно, красные, синие или непонятные люди вроде хозяев моего бара, может, даже кто-то из них, – он указал на Глуба, – считают, что им что-то известно.

– А на самом деле? – спросила Сонар-Таможня.

– Понятия не имею, – сказал Тэ. – Но дураков среди них я не видел. Даже если они...

Он помолчал, подбирая слова.

– Даже если они, – повторил Эйнштейн, – что?

– Цель – это нечто более важное, чем та херня, на которую мы потратили последнюю неделю жизни.

– Красные против синих – херня?

– Да. И даже пускай никто – пока что – со мной ею не делится, мне нравится ощущать, что она есть. Люди, которые утверждают, что ими

движет Цель, ведут себя иначе – и в целом лучше – чем те, кто служит другим хозяевам.

– Это что-то вроде веры в Бога?

– В каком-то смысле – да. Только без теологии, Священного Писания, ослиной упертости и догматизма.

Эйнштейн с энци задумчиво покивали, но, как показалось Тэ, все-таки немного расстроились.

– Прошу прощения, что не дал ответа на твой вопрос, – сказал Тэ. – У меня его нет.

– И что же вы собираетесь делать дальше? Когда Семерка распадется? – спросила Сонар.

– Вернусь к себе в бар.

– На Колыбель?

– На Колыбель. Да, когда-то она была вершиной технологической мысли. Теперь ей уготована участь забытого предшественника куда более совершенного Гномона.

– Я бы хотела на нее взглянуть, – сказала Сонар.

– Мы сдаем комнаты – апартаменты во внутреннем дворе, – где можно остановиться.

– Наверное, дорого.

– Бесплатно, – ответил Тэ.

– И как попасть в эти бесплатные комнаты? – спросил Эйнштейн.

– Понятия не имею. Хозяева сами раздают их людям, которые служат Цели.

– Супер-пупер важным, наверное.

Тэ пожал плечами:

– Ну, за спрос вас не убьют. И насчет Семерки ты права. Ее больше нет. Наш айвинец умер, и теперь Эйнштейн занял его место.

Эйнштейн нервно закашлялся.

– Я?! Куда мне заменить Дока?

– А его не нужно заменять. Ну, не в буквальном смысле. Просто посмотри, чего ты добился. Ты устроил первый контакт с ними, – он указал на Глуба. – И вступил в первый контакт иного уровня с диггерами.

Эйнштейн и Сонар-Таможня залились пунцовой краской.

– Твоя энци, можно сказать, заменила собой Меми. Так что это уже совсем не та Семерка. А если нам удастся отцепить Кэт-три от Беледа и где-нибудь откопать джулианина и камилита, которые не хотят друг друга убить, то получится не Семерка, а Девятка. Первая в истории.

Тэ чувствовал, что в нем говорит сидр. Однако Сонар восприняла его

слова на полном серьезе.

– Но в ней будет представитель только одной из аидянских подрас, – заметила она.

– Барда хватит вполне.

– Нет, если включать, то всех, – сказал Эйнштейн.

– Тогда нас будет тринадцать. Несчастливое число. И, надо признать довольно большая толпа. Да и слово для названия не подберем.

Но молодые люди, сидевшие напротив Тэ, смотрели с такой искренней охотой, что ему пришлось отвести глаза.

– Но, может быть, мне удастся уговорить Хозяев еще на несколько бесплатных комнат, если мы соберем такую представительную делегацию.

– Вы правда их попросите? – воскликнула Сонар.

– Ага, разбежались. Есть такая старая поговорка: легче просить прощения, чем разрешения. Буду рад видеть всех в «Вороньем гнезде». – Тэ посмотрел на Глуба. – Только холодными ваннами увлекаться не советую. Водопровод там видал и лучшие времена, а, кроме меня, никто не знает, как его починить.

От автора

Замысел этой книги возник у меня году в 2006-м. Тогда я работал в «Блю ориджин», где впервые заинтересовался проблемой космического мусора в околоземном пространстве. Ученые высказывали опасения, что столкновения между обломками могут породить цепную реакцию, из-за чего на орбите образуется столько убийственных осколков, что полеты в космос станут практически неосуществимыми. Мои исследования в этой области компании не пригодились, но писательское чутье подсказало: подобная идея может стать основой для книги. Тогда же я узнал, что околоземные астероиды – неисчерпаемый источник полезного сырья. И вот осенью-зимой 2006 года у меня в голове родилась исходная посылка для «Семиевия». Так что первую благодарность я адресую «Блю ориджин» (изначально «Блю оперейшнз»), основанной осенью 2000 года Джеффом Безосом, за богатые дискуссии на эту тему, в которых принимал участие сам Джефф, а также другие сотрудники, в частности, Джейми Таафе, Мария Калдис, Денни Хиллиз, Джордж Дайсон и Кит Розема. Именно Кит рассказал мне о многослойных спасательных капсулах, которые в романе называются «луковицами». Почти все, что касается космодрома Байконур, – моя вольная интерпретация воспоминаний и фотографий, которыми поделились Джордж и Эстер Дайсоны, а также Чарльз Симони.

По вопросам горной добычи (условия работы, культура и образ жизни шахтеров) меня консультировали Хью и Хизер Мэтисоны. Их вклад очень помог мне в создании образа Дины. И если я погрешил против истины, описывая шахту семейства Макуори на Аляске и их любительские радиопереговоры, то это целиком моя вина. Справедливости ради замечу, что Хью советовал мне поместить предприятие Руфуса в рудник Хоумстейк рядом с городом Лид, штат Южная Дакота, либо в горнопромышленный округ Кёр-д'Ален, штат Айдахо. Но я все равно выбрал Аляску, поскольку она дальше от экватора.

В ноябре 2013 года я посетил офис компании «Планетари ризорсес». Я благодарен Крису Левицки и руководству за ценные сведения, а техническим специалистам – за щедро уделенное мне время. Позднее Крис упомянул: он с коллегами был приятно удивлен, узнав, что в кои-то веки кто-то пишет фантастический роман, где компания, занимающаяся промышленным освоением астероидов, не играет роль злодея.

Марко Калтофен помогал мне в проработке технической стороны

«стимпанкового» двигателя для «Имира», а затем внимательно вчитывался в соответствующие главы черновика. Полезными советами поделился и Шеймус Блэкли. И раз я упомянул имена этих уважаемых людей, то снова замечу: все вольности в отношении научных фактов, случайные или намеренные, – целиком моя вина. Они тут ни при чем.

Орбитальная техника, описанная в романе, создавалась при содействии Толы Мартс и Тима Ллойда, которые продолжают заниматься данной тематикой. Спешу заверить читателя, что Тола проследила за тем, чтобы Око и системы тросовых креплений были спроектированы в полном соответствии с правилами инженерной безопасности.

Все эти несколько лет я следил за работами Криса Пистера в области групповой робототехники и роевого интеллекта. Вы появились во многом благодаря им.

Карен Лаур и Аарон Лейби вложили немало сил и времени в разработку игры, посвященной «ТерРеФорму». Хотя она так и не вышла (причина, как обычно, в отсутствии средств), обсуждения помогли мне более четко осмыслить отдельные грани сюжета. Тиму Миллеру из «Блер Студио» при содействии Яши Литтл, Зоуи Стивенсон, Рассела Хаува и Джо Балма принадлежит еще одна игровая задумка, но на другую тему – связанную с роботами (над концепт-артом работали Чак Войткевич, Шон Макнэлли, Том Чжао и Джошуа Шоу из той же «Блер Студио»). Эд Оллард посвятил много часов созданию прототипа. Сама игра пока что не вышла, но тоже косвенно помогла сделать повествование более глубоким. Здесь же поблагодарю Джеймса Гверцмана: за то, что познакомил меня с Эдом, и за полезные советы и рекомендации.

Бен Хокер из «Вета уоркшоп», прочитав черновик, указал мне на упущение: Колыбель должна быть покрыта ржавчиной. Пришлось спешно вносить соответствующие правки.

Стюарт Бренд и Райан Филен благодаря участию в Программе возрождения и восполнения (Revive & Restore Initiative) фонда «Long Now» оказались бесценным источником информации по проблемам, с которыми сталкиваются генетики, восстанавливая исчезающие виды из небольших популяций.

В первых двух частях романа довольно незамысловато рассказывается о конце света и о том, как человечеству приходится наспех приспособливать имеющиеся технологии. Третью часть, однако, я замыслил, чтобы развить передовые идеи, выдвинутые за последние сто лет людьми, которые заинтересованы в освоении космоса. Большая часть гигантских аппаратов, упомянутых там, уже встречалась в произведениях

авторов последних десятилетий, и давние поклонники «твердой» НФ наверняка их узнают.

Отдельного упоминания и благодарности заслуживает Роб Хойт из «Тедерз анлимитед». Продолжая работу своего старшего коллеги Роберта Л. Форуорда, Роб разработал немало концепций «огромных космических машин». Одна из них – «Хойтедер» («трос Хойта») – стала прототипом троса, соединяющего Око с Колыбелью (последний, конечно же, во много раз крупнее). Другая – «Ремора ремувер» – по сути, та же «минога» из второй части. Роб также выступил соавтором исследования, посвященного вращающимся космическим тросам-бола (2000 год). Работа основана на ранних трудах Форуорда и др. и описывает тот самый аппарат, с помощью которого планер Кэт-два попадает на орбиту в начале третьей части. Я благодарен Робу не только за эти идеи, но и за то, с какой тщательностью он вычитывал мой черновик.

Полет Кэт-два я описывал, вдохновляясь беседами с Крисом Янгом и Кевином Финке о современных тенденциях в планеризме и планеростроении. Именно благодаря этим разговорам, советам и совместным полетам я понял, что всю необходимую для полета энергию можно получить из атмосферы. Для создания планеров, подобных тому, на котором летает Кэт, нам не хватает только более совершенных датчиков, программного обеспечения и, пожалуй, методов лечения от укачивания.

Артур Чемпернаун, прочтя один из первых набросков, высказал замечания относительно динамической стабильности троса между Оком и Колыбелью, но я все-таки решил оставить их без внимания. Более технически продвинутым читателям сообщаю, что его на самом деле должно качать туда-сюда, однако способы преодоления этих колебаний я рассмотрю в другой раз. Еще в том наброске эмка с Кэт-два на борту достигала геосинхронной орбиты по старинке, с помощью ракетных маневровых двигателей. Артура это тоже смутило, но уже не из технических, а из эстетических соображений. Именно он в итоге подтолкнул меня к тому, чтобы воплотить давнюю идею и забросить эмку на орбиту с помощью кнута. Научные работы в этой области немногочисленны и появлялись главным образом в викторианскую эпоху. Самое раннее сочинение по физике движущихся цепочек, которое мне удалось найти, было написано Джоном Эйткеном в 1870-е годы, хотя он ссылается на своих коллег – братьев Уильяма (более известен как лорд Кельвин) и Джеймса Томсонов. Долгое время труд Эйткена не привлекал внимания научного сообщества, но в 1920-х годах М. З. Карьер на его основе опубликовал работу по физике кнутов, которую впоследствии

дополнили В. Кухарски (1940), а также Р. Граммель и К. Цоллер (1949). На мой взгляд, это захватывающий, но малоизученный раздел классической физики. В июне 2014 года я выступал с лекцией в Оксфордском обществе, но на ней мало кто присутствовал. Есть планы опубликовать ряд статей, посвященных данной теме, но на момент написания этих строк (декабрь 2014 г.) дальше задумки дело не пошло.

Наконец, хотел бы поблагодарить моих агентов: Лиз Дарэнсофф из «Дарэнсофф энд Веррил» и Ричарда Грина из «Ай-си-эм партнерз», – а также редактора Джен Брейл за терпение и понимание, проявленные ими на протяжении семи лет, в течение которых я вынашивал этот роман.

---

notes

Бен Гримм (Существо) – персонаж вселенной Марвел; в результате облучения космическими лучами неведомой природы его кожа стала подобной каменной броне.

Мистер Фриз и Пингвин – суперзлодеи из вселенной DC Comics, враги Бэтмена; у мистера Фриза температура тела отрицательная, и он владеет оружием с морозильными лучами.

«Разносчик льда грядет» (*The Iceman Cometh*, 1939) – пьеса американского драматурга Юджина О’Нила.

Массовое заражение картофеля фитофторой в Ирландии в 1845–1849 гг., вызвавшее голод, от которого умерло по разным оценкам от полумиллиона до полутора миллионов человек (Великий ирландский картофельный голод).

«ИП, инопланетянин» (*E.T. The Extra-Terrestrial*, 1982) – фантастический фильм Стивена Спилберга.

Популярная фраза из жаргона вертолетчиков – исходно цитата из «Поминок по Финнегану» Джойса.

Сэр Эрнест Генри Шеклтон (1874–1922) – британский исследователь Антарктики. В сентябре 1915 г. его корабль «Эндьюранс» раздавило льдами; команда высадилась сперва на льдину, затем на остров, и Шеклтон с несколькими товарищами отправился на шлюпке за подмогой.

Базз Олдрин (р. 1930) – американский астронавт, пилот лунного модуля корабля миссии «Аполлон-11», второй человек, ступивший на Луну.

Средневековое латинизированное наименование Кембриджского университета.

Также «цилиндр О'Нила (О'Нейла)» – наиболее продвинутая версия проекта космического поселения из лунных материалов. Разработан и описан американским физиком Джерардом О'Нилом.

У. Шекспир, «Макбет», акт IV, сцена 1 (пер. Б. Пастернака).